

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МАГНИТОГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. Г. И. НОСОВА

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

1 (87)

Январь – Февраль – Март

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА-МАГНИТОГОРСК-НОВОСИБИРСК
2025

Научная подготовка журнала осуществляется Институтом археологии РАН и
Магнитогорским государственным техническим университетом им. Г.И. Носова
в сотрудничестве с Институтом археологии и этнографии СО РАН

Международный редакционный совет

Председатель акад. РАН *Х.А. Амирханов* (Москва),

акад. *М.Д. Бухарин* (Москва),
член-корр. РАН *П.Г. Гайдуков* (Москва),
проф. *Ф. де Каллатай* (Брюссель), проф. *П. Каллиери* (Болонья),
акад. РАН *С.П. Карпов* (Москва), проф. *Д. Лернер* (Уинстон-Сейлем),
проф. *К. Липполис* (Турин), акад. РАН *Н.А. Макаров* (Москва),
д.и.н. *А.А. Масленников* (Москва), д.и.н. *Ю.М. Могаричев* (Симферополь),
проф. *М. Ольбрихт* (Жешув), акад. АН РУз *Э.В. Ртвеладзе* (Ташкент),
проф. *С.Ю. Сапрыкин* (Москва), д.и.н. *М.Ю. Трейстер* (Бонн),
д-р. *У. Шлоцауэр* (Берлин)

Редакционная коллегия

Главный редактор д.и.н. *М.Г. Абрамзон* (Магнитогорск),

д.и.н. *Н.Б. Виноградов* (Челябинск),
к.и.н. *В.А. Гаибов* (ответственный секретарь, Москва),
д.и.н. *А.А. Завойкин* (Москва), к.и.н. *Д.В. Журавлев* (Москва),
д.и.н. *В.Д. Кузнецов* (зам. главного редактора, Москва),
к.и.н. *С.В. Мокроусов* (зам. главного редактора, Москва),
к.и.н. *В.И. Мордвинцева* (Москва),
д.и.н. *И.В. Октябрьская* (зам. главного редактора, Новосибирск),
д.и.н. *И.Е. Суриков* (Москва), д.филол.н. *С.Г. Шулежкова* (Магнитогорск)

Заведующая редакцией *Ю.А. Федина*

E-mail: history@magtu.ru

-
- © Российская академия наук,
Институт археологии РАН, 2025
  - © Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова, 2025
  - © Редакция журнала
«Проблемы истории, филологии, культуры»
(составитель), 2025

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HISTORY AND PHILOLOGY
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF
THE RUSSIAN FEDERATION
NOSOV MAGNITOGORSK STATE TECHNICAL UNIVERSITY

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL AND CULTURAL STUDIES

1 (87)

January – February – March

PUBLISHED QUARTERLY

FOUNDED in 1994 г.

MOSCOW – MAGNITOGORSK – NOVOSIBIRSK

2025

The contents is prepared in the Institute of Archaeology (Russian Academy of Sciences) and the Nosov Magnitogorsk State Technical University in cooperation with the Institute of Archaeology and Ethnography (Siberian Branch of Russian Academy of Sciences)

International Advisory Board

Prof. *Hizry Amirkhanov* (Chairman, Moscow),

Prof. *Mikhail Bukharin* (Moscow), Prof. *François de Callatay* (Brussels),
Prof. *Pierfrancesco Callieri* (Bologna), Prof. *Petr Gaydukov* (Moscow),
Prof. *Sergey Karpov* (Moscow), Prof. *Jeffrey Lerner* (Winston-Salem),
Prof. *Carlo Lippolis* (Torino), Prof. *Nikolay Makarov* (Moscow),
Prof. *Alexander Maslennikov* (Moscow), Prof. *Yuriy Mogarichev* (Simferopol),
Prof. *Marek Jan Olbrycht* (Rzeszów), Prof. *Eduard Rtveladze* (Tashkent),
Prof. *Udo Peter Schlotzhauer* (Berlin), Prof. *Sergey Saprykin* (Moscow),
Prof. *Mikhail Treister* (Bonn)

Editorial Board

Prof. *Mikhail Abramzon* (Editor-in-Chief, Magnitogorsk),

Dr. *Vasif Gaibov* (Moscow), Prof. *Vladimir Kuznetsov* (Moscow),
Dr. *Sergey Mokrousov* (Moscow), Dr. *Valentina Mordvintseva* (Moscow),
Prof. *Irina Oktyabrskaya* (Novosibirsk), Prof. *Svetlana Shulezhkova* (Magnitogorsk),
Prof. *Igor Surikov* (Moscow), Prof. *Nikolay Vinogradov* (Chelyabinsk),
Prof. *Aleksey Zavoykin* (Moscow), Dr. *Denis Zhuravlev* (Moscow)

Head of the Editorial Office *Yulia Fedina*

E-mail: history@magtu.ru

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2025), 5–38
© The Author(s) 2025

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2025), 5–38
©Автор(ы) 2025

DOI: 10.18503/1992-0431-2025-1-87-5–38

СЕРЕБРЯНЫЕ И БРОНЗОВЫЕ УКРАШЕНИЯ ИЗ МОГИЛЬНИКА «БАТЫРСКИЙ 1» IV–III вв. до н.э. В ОКРЕСТНОСТЯХ НОВОРОССИЙСКА

М.Ю. Трейстер¹, И.В. Рукавишникова², Д.В. Бейлин³

¹ *Независимый исследователь, Бонн, Германия,*

² *Институт археологии Российской академии наук, Россия, Москва*

³ *Институт археологии Крыма Российской академии наук, Россия, Симферополь*

¹ *E-mail:* mikhailtreister@yahoo.de   ² *E-mail:* rukavishnikovairina@yandex.ru

³ *E-mail:* denis_beylin1979@mail.ru

¹ *ORCID:* 0000-0001-7451-3325   ² *ORCID:* 0000-0002-2034-8659

³ *ORCID:* 0000-0002-5701-9402

В статье публикуются украшения из серебра и бронзы (спиралевидные подвески, подвески в форме лунниц и гривна) из грунтового могильника «Батырский 1», который находится южнее поселка Верхнебаканский в 10 км к северо-западу от Новороссийска и датируется второй половиной IV – третьей четвертью III в. до н.э. Рассматривается хронология, генезис и ареал указанных типов украшений, особенно в Северном Причерноморье. Они представлены типами, либо получившими широкое распространение в Северном Причерноморье (спиралевидные подвески), либо отражающими скорее локальную моду, распространенную среди местного населения, жившего в конце VI – III вв. до н.э. в районе современных Анапы и Новороссийска (лунницы, гривна). В целом, наиболее близки публикуемым украшения из могильников у х. Рассвет и Лобановой щели в указанном микрорегионе.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Боспор, могильник «Батырский 1», датировка погребальных комплексов, украшения из серебра и бронзы, спиралевидные подвески, подвески в форме лунниц и гривна

Данные об авторах. Михаил Юрьевич Трейстер – доктор исторических наук, независимый исследователь, Бонн; Ирина Викторовна Рукавишникова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела скифо-сарматской археологии ИА РАН; Денис Владиславович Бейлин – научный сотрудник отдела античной археологии ИАК РАН.

ВВЕДЕНИЕ

Грунтовый могильник «Батырский 1» находится южнее поселка Верхнебаканский в 10 км к СЗ от Новороссийска (рис. 1, 1). Он исследовался в 2023 г. отрядом ИА РАН под руководством И.В. Рукавишниковой. На раскопанном участке могильника были открыты 22 погребальных комплекса (рис. 2). Погребения совершены в каменных ящиках по обряду ингумации. Рядом с могилами располагались поминальные комплексы – тризны. Судя по форме и конструкции погребальных сооружений и обряду, могильник принадлежал местному «синдскому» населению, проживавшему в глубине материка примерно в 20 км от прибрежных греческих поселений и предположительно находившемуся на службе у царей Боспора и контролировавшему перевалы. Амфоры Гераклеи Понтийской, Синопы, Книда и Фасоса и чернолаковая керамика, обнаруженные как в тризнах, так и в погребальных сооружениях, позволяют датировать могильник в рамках второй половины IV – третьей четверти III в. до н.э.

Практически все погребения были ограблены в древности, а погребальные сооружения пострадали в результате планирования склонов в 1960-х гг. Несмотря на это, часть скелетов и инвентаря были зафиксированы *in situ*. Часть могил содержала коллективные погребения. Вероятно, в каменных ящиках и над каменным закладом могил, захоранивалась лошадь, или ее часть (шкура с головой?). Отличительной чертой могильника, нехарактерной для других некрополей местного населения Боспора, отмеченной во всех комплексах с оружием, являются многочисленные бронзовые перстни, как правило, с гравированными и точечными изображениями на щитках, которым посвящена специальная работа¹. Помимо перстней, в некоторых погребениях были найдены и другие украшения из серебра и бронзы (спиралевидные подвески, подвески в форме лунниц и гривна), которым посвящена данная работа (рис. 1, 2). Результаты анализов металла 11 украшений, проведенных в отделе естественно-научных методов в НИЦ истории и археологии Крыма КФУ им. В.И. Вернадского, опубликованы в отдельной статье. Все украшения, находившиеся на реставрации и исследовании в ИА РАН, переданы в Новороссийский исторический музей-заповедник.

1. КОНТЕКСТ НАХОДОК

В выборке всех украшений могильника «Батырский 1» есть несколько предметов, зафиксированных *in situ*. К сожалению, все погребения в каменных ящиках были частично ограблены в древности или потревожены при подзахоронениях (как в погребении № 10).

В каменном ящике № 10, сложенном из нескольких ярусов подогнанных каменных плит (рис. 2), было открыто коллективное погребение, совершенное в несколько этапов с подзахоронением пяти человек. Среди них – взрослый мужчина старше 35 лет² (скелет № 2), подросток, женщины 16–25 лет (скелет № 4), взрослый человек (скелет № 1) и пожилая женщина (скелет № 3) (антропологиче-

¹ Трейстер и др. 2024.

² Здесь и далее антропологические определения Н.Г. Свириной, которой авторы приносят искреннюю благодарность.

ское определение). Погребенные были уложены на спине, головой на юго-восток. Среди погребального инвентаря – железные ножи, наконечники копий, стригиль, шилья, иглы, красноглиняная солонка. Кроме того, в погребении были найдены бронзовые перстни в районе кистей рук и серебряные украшения: спиралевидные подвески слева и справа от черепов, возможно, принадлежащих нижним костякам, предположительно взрослому мужчине и пожилой женщине. Серебряная гривна была расположена на шее скелета № 2. При разборе нижнего яруса костей на дне погребения, в районе грудного отдела этого скелета найдена серебряная лунница (рис. 2, 3).

От коллективного погребения № 13 в каменном ящике сохранились нижние части двух индивидов (мужчин 25–39 лет), уложенных на спине, ориентированных головами на северо-запад. Среди сохранившегося погребального инвентаря найдены бронзовые и железный перстни, железные нож и шило. Серебряные украшения – спиралевидная подвеска и лунница – найдены у западной стенки ящика между плитами дна и стены (рис. 3).

В погребении № 15, где открыто полностью сохранившееся погребение молодой женщины (20–29 лет) в каменном ящике, уложенной в вытянутом положении на спине головой на СЗ, была найдена бронзовая спиралевидная подвеска с правой стороны от черепа (рис. 4). Также в погребении зафиксированы *in situ* гераклейская амфора, чернолаковая миска со штампом по внутренней части на кольцевом поддоне, бронзовые перстни с гравированными изображениями на щитках и железные перстни со щитками, бронзовый браслет, с левой стороны от черепа – украшение из полых пронизок и керамическое пряслице. В заполнении были обнаружены зубы лошади.

Погребение № 17 устроено в глубоком плитовом ящике, в который помещены два индивида: мужчина 30–39 лет и женщина 25–29 лет. Мужчина уложен на спину головой на СЗ по центральной линии погребения, останки женского скелета зафиксированы у северной стенки. В погребении найдены наконечники копий, красноглиняная миска в развале, бронзовые наконечники стрел, нож, игла, железный перстень. Кроме того, под плитой дна вместе с наконечником стрелы обнаружена серебряная спиралевидная подвеска (рис. 5).

Погребение № 18 устроено в каменном ящике. Среди погребенных один скелет женского пола, другой – мужчина старше 35 лет. Из погребения происходят останки как минимум одного ребенка в возрасте около 3 лет. Погребение сильно разрушено и раздавлено техникой, которая террасировала склон. Тем не менее удалось зафиксировать, что погребенные были ориентированы головами на СЗ. В изголовье обнаружены развалы сероглиняной миски и гераклейской амфоры с клеймом, бронзовая ворворка, бронзовые и железный перстни, стеклянные бусины, раковина каури, керамическое пряслице, кости лошади и барана (в миске). Кроме того, в северном секторе погребения, рядом с развалом миски, то есть в головах, найдены две серебряные спиралевидные подвески. Еще одна подобная подвеска найдена у костей кисти руки скелета (не ясно какого), сдвинутой при разрушении к южной стенке ящика (рис. 6).

2. ХРОНОЛОГИЯ МОГИЛЬНИКА

Амфоры Гераклеи Понтийской (рис. 7, 2; 8), Синопы, Книда и Фасоса, обнаруженные как в тризнах, так и в погребальных сооружениях, позволяют датировать могильник в рамках второй половины IV – третьей четверти III в. до н.э. Особое внимание привлекают следующие находки.

Чернолаковая миска из погребения № 15³ (рис. 7, 1) типологически близка мискам из Афин последней четверти IV в. до н.э.⁴, из раскопок поселения Чайка в Северо-Западном Крыму⁵, ритуального комплекса № 5 некрополя Месембрии, который М. Дамянов датирует 330–310 гг. до н.э.⁶ Подобные миски из некрополя Аполлонии исследователь датирует последней четвертью IV в. до н.э.⁷

В погребении № 18 был зафиксирован развал гераклеийской амфоры во фрагментах. На части горла сохранился фрагмент клейма с буквой «N», возможно, N[Π] (рис. 8). Согласно классификации Н.Ф. Федосеева, амфора относится к поздней фабрикантской группе и датируется концом IV – первой четвертью III вв. до н.э.⁸

3. АНАЛИЗ УКРАШЕНИЙ

Спиралевидные подвески

Подвески из погребений № 10, 13, 17 и 18 представляют вариации одного типа. Они скручены из довольно массивного прута и имеют окончания в виде вытянутых четырехгранных пирамидок со скругленным основанием. Перед пирамидками прут оформлен поперечными канавками (от 5 до 7), образующими соответственно ряд бусин разных пропорций. На конце пирамидок могут быть уменьшающиеся к концу подобным же образом оформленные бусины (рис. 9; 10, 2–3) или конец может быть оформлен в виде биконической бусины, двух узких канавок и валиков с небольшим завершением конической формы на самом конце, как у подвесок из погребения № 13 (рис. 10, 4).

Единственная бронзовая спиралевидная подвеска, из погребения № 15, не имеет выделенных манжетов. Гладкие четырехгранные окончания завершаются шариком (на другом конце завершение обломано) (рис. 10, 1).

Спиралевидные подвески появляются не позднее VII в. до н.э. в Ионии и на островах Эгейского моря, получают широкое распространение в архаический и классический период вплоть до IV в. до н.э.⁹ В Причерноморье в V – первой половине IV в. до н.э. в Ольвии, но преимущественно на Боспоре, широкое распространение получают богато украшенные золотые или бронзовые с золотыми обкладками подвески с окончаниями в форме пирамидок и зерни, с манжетами, украшенными валиками или чаще филигранным декором со спиральями¹⁰.

³ Определение Т.В. Егоровой, которой авторы приносят искреннюю благодарность.

⁴ Rotroff 1997, 338, fig. 62, pl. 75, 966–968.

⁵ Егорова 2009, 115, 116, рис. 20, 278.

⁶ Дамьянов 2017, 97, fig. 6.

⁷ Дамянов 2023, 53, обр. 32, 393, 320.

⁸ Федосеев 2016, 246.

⁹ Laffineur 1978, 139–146; Higgins 1980, 126–127; Deppert-Lippitz 1985, 124, 129–130; Despini 1996, 31–32; Castor 2008, 10–11; Koukoulidou et al. 2017, 225–226, 253, notes 214–216.

¹⁰ Greifenhagen 1970, 43, Nr. 6–7, Taf. 20; Силантьева 1976, 123–137; Higgins 1980, 126, pl. 24c; Williams, Ogden 1994, 152, no. 93; Despini 1996, 87, no. 55, 221; Cat. Amsterdam 2004, 37, fig. 13; Кашанин 2014, 82–83.

За пределами Северного Причерноморья находки таких подвесок известны во Фракии (Арабаджийска могила)¹¹, в некрополях Севтополиса, Аполлонии и Месембрии (серебряная и бронзовые цельнолитые)¹² и в Македонии, где пара датируемых IV в. до н.э. подобных золотых подвесок с манжетами, украшенными поперечными (не накладными) валиками, происходит из Месембрии-Зони, Эврос в Македонии¹³. Каталог находок таких подвесок (преимущественно бронзовых) как в святилищах, так и в некрополях в Греции был опубликован А. Кастор¹⁴.

Находки таких серебряных подвесок зафиксированы в погребениях некрополя Ольвии¹⁵, Европейского (Пантикапея¹⁶, Нимфея, надежно датируемых V в. до н.э.¹⁷) и Азиатского (некрополь у м. Панагия¹⁸; Тирамба, могилы 4/1959, 7/1959, 9/1961¹⁹; могилы 136/1968, 144 и 145/1969²⁰: некрополь у м. Тузла: могилы 73 (28), 109 (64), 123(78)/1911²¹; западный некрополь Гермонассы²²) Боспора²³.

Многочисленные бронзовые спиралевидные подвески широко представлены находками из варварских могильников конца VI – первой половины III в. до н.э. Западного²⁴ и Восточного²⁵ Крыма. Подвески были найдены в значительном количестве и в могильниках Азиатского Боспора (некрополь Артющенко-II²⁶), синдских могильниках Азиатского Боспора района Анапы – Новороссийска²⁷: у

¹¹ Филов 1932–1933, 259, fig. 45, 1–2; 262, no. 6; Filow 1934, 131, fig. 155, 1–2; 133, no. 6; Depert-Lippitz 1985, 124, 129, Abb. 80; Cat. Montreal 1987, 153, no. 214; Cat. Venice 1989, 211, no. 178/3; Тонкова 2002, 495, fig. 1, 6; 498; Cat. Bonn 2004, 158, 161, no. 213e; Cat. Basel 2007, 188, no. 127e.

¹² Севтополис: Огненова-Маринова 1984, 177–178, № 108–109, рис. 3. – Аполлония: Hernaly et al. 2010, 255, nos. M5; pl. 126, b (ок. 380 г. до н.э.); Chacheva 2015, 4, fig. 1, E5; 12, no. E5; 2016, 146, fig. 7, 5. – Месембрия: Кат. София 2021, 130, no. 100, 213 (color pl.) (из погребения № 1001 второй половины IV в. до н.э.).

¹³ Cat. Thessaloniki 1997, 108, no. 96.

¹⁴ Castor 2008, 10–12. См. также новую находку бронзовой (Koukoulidou et alii 2017, 209–211, fig. 60) и многочисленных серебряных (Koukoulidou et alii 2017, 225–226, figs. 93–98) подвесок в святилище на Китносе.

¹⁵ Cat. Amsterdam 2004, 69, fig. 42.

¹⁶ Могила 26/1903: Шкорпил 1905, 8–9; могила 42/1907: Шкорпил 1910, 22–23. См. также Силантьева 1976, 133, рис. 9 вверху; 134, 137, прим. 63.

¹⁷ Грач 1999, 59, погребение А83, № 5; 96, погребение В11, № 1, рис. 39.

¹⁸ Коровина 1962, 305.

¹⁹ Коровина 1968, 73, 81, рис. 33, слева и справа внизу.

²⁰ Коровина 1987, 12, 17, 19, рис. 14, справа внизу.

²¹ Сорокина 1957, 24, 59, прим. 53.

²² 2008 г. Погребение № 3: Ковальчук и др. 2010, 100, рис. 4, 3. – 2012 г. раскоп V, кв. 2, погребение № 62 с краснофигурным squat лекифом. К.О. 13.

²³ Венцова 2013, 117; Трейстер, Сударев 2025 (в печати).

²⁴ Романченко 1907, 176, рис. 5; Дашевская 1978, 207, прим. 17.

²⁵ См в целом: тип Ш, по классификации Н.В. Тарасовой: Тарасова 2005, 517–520. Могильник «Стоячий камень» у с. Золотое, гробница № 4/13: Масленников 1978, 85; 1995, 8, 81, рис. 5, 7; Тарасова 2005, 518, рис. 2, 1; 519; гробницы № 9/18, 29/38, 32/41: Масленников 1995, 10, 16, 17, 84, 99, 103, рис. 9, 11–12; 23, 8; 27, 3; Тарасова 2005, 518, рис. 2, 6–7. 9; 519. – Астанино, курганы № 11 и 17: Яковенко 1970, 125, рис. 12, 2; Яковенко и др. 1970, 166, рис. 20, 9; 173, рис. 24, 2; Петренко 1978, 35, табл. 22, 12–14; Тарасова 2005, 124, рис. 1, 8; 518, рис. 2, 8; 519. – Ильичево: Тарасова 2005, 124, рис. 1, 7. – Фронтное, погребение № 41: Корпусова 1972, 43, рис. 2, 3; Петренко 1978, 35, табл. 22, 15–16; Тарасова 2005, 518, рис. 2, 4; 519. – Акташский могильник: Бессонова и др. 1988, 54.

²⁶ Кашаев 2020, 117, 118, рис. 5, 5 (погребение № 45 – бронзовые, в другом месте – как серебряные (2009, 219); 9, 8 (погребение № 52 – бронзовые); 11, 7 (погребение № 83 – бронзовая).

²⁷ Новичихин 2006, 65, рис. 96, 5–8.

хут. Рассвет²⁸, Воскресенского²⁹, в могильниках Владимировском³⁰, Лобановой Щели³¹ и в культурном слое пос. Андреевская Щель I³². Встречаются в большом количестве подобные украшения и в погребениях IV в. до н.э. меотов Прикубанья³³ (отмечаются находки в Прикубанье 103 (!) таких подвесок из бронзовой, серебряной, реже золотой проволоки³⁴) и Закубанья³⁵.

Находки из комплексов с чернолаковой керамикой могильника у хут. Рассвет позволяют утверждать, что такие подвески появляются не позднее первой половины V в. до н.э.³⁶

Оформление окончаний и манжетов подвесок из погребений № 10, 17 и 18 (рис. 9; 10, 2–3) находит параллели среди бронзовых подвесок некрополя Нимфея³⁷, из каменных ящиков могильников Восточного Крыма³⁸, могильника у хут. Рассвет³⁹, и окрестностей Новороссийска⁴⁰, серебряных – из некрополя Тирамбы⁴¹.

Оформление окончаний подвесок из погребения № 13 в виде биконической бусины, двух узких канавок и валиков с небольшим завершением конической формы на самом конце (рис. 11, 4) находит параллель на одной из серебряных подвесок из раскопок святилища на о. Китнос (Киклады)⁴² и на бронзовых спиралевидных подвесках из погребения № 1001 второй половины IV в. до н.э. некрополя Месембрии⁴³.

Спиралевидная подвеска из погребения № 15 (рис. 10, 1) без выделенных манжетов находит параллель в украшении из гробницы № 4/13 могильника «Стоячий камень» у с. Золотое⁴⁴.

²⁸ Новичихин 2010, 229–230, рис. 227; Трейстер 2010, 235–236, рис. 230.

²⁹ Алексеева 1991, 58, табл. 41, 7, 10; Тарасова 2005, 518, рис. 2, 10; 519.

³⁰ Шишлов и др. 2007, 16, рис. 5, 19.

³¹ Дмитриев, Малышев 1999, 28, рис. 9, 6; 34, рис. 14, 9; 40–41, рис. 21, 4; Тарасова 2005, 519; Колпакова 2006, 202; Колпакова и др. 2011, 9, № 13, рис. 6, 12–13; 13, № 4, рис. 11, 8; 19, № 11, рис. 18, 8; Новичихин 2017, 31 (илл.).

³² Новичихин 1994, 172, рис. 1, 5; Тарасова 2005, 518, рис. 2, 2; 519.

³³ Лебеди III: Каменецкий 1989, 233–238, табл. 93, 41; Тарасова 2005, 518, рис. 2, 2; 519. – Елизаветовское городище: Петренко 1978, 35, табл. 22, 17; Тарасова 2005, 518, рис. 2, 5; 519. – Погребение № 93в могильника Старокорсуновского городища № 2 третьей четверти IV в. до н.э.: Лимберис, Марченко 2005, 252, рис. 14, 8. – Погребение № 405 Прикубанского могильника: Лимберис, Марченко 2024, рис. 5, 2–3.

³⁴ Кононов 2023, 35, рис. 1, 5–8.

³⁵ Лесков и др. 2005, 18, № 19, рис. 34, 19; 23, № 1, рис. 54, 1; 25–26, № 2, рис. 60, 2. Кононов 2023, 35, рис. 1, 5–8.

³⁶ Крушкол, Новичихин 2010, 104–105, № 4; 109–110, № 5–6; 115–116, № 5; 122, № 2.

³⁷ В погребении А107 некрополя Нимфея две бронзовые подвески рассматриваемого типа (Грач 1999, 63–64, № 1, табл. 63, 4) были найдены вместе с медной монетой Пантикапея 330–315 гг. до н.э. (Грач 1999, 64, № 5, табл. 63, 3) (отнесение самого погребения ко II в. до н.э., безусловно, ошибочное).

³⁸ Могильник «Стоячий камень» у с. Золотое, гробницы № 9/18, 29/38, 32/41: Масленников 1995, 10, 16, 17, 84, 99, 103, рис. 9, 11–12; 23, 8; 27, 3; Тарасова 2005, 518, рис. 2, 6–7. 9; 519. – Астанино, курган № 17: Яковенко и др. 1970, 173, рис. 24, 2; Петренко 1978, 35, табл. 22, 12–14; Тарасова 2005, 124, рис. 1, 8; 518, рис. 2, 8; 519.

³⁹ Погребения № 75, 79, 82, 88: Крушкол, Новичихин 2010, 104–105, № 4; 109–110, № 5–6; 115–116, № 5; 122, № 2; Новичихин 2010, 229–230, рис. 227; Трейстер 2010, 235–236, рис. 230.

⁴⁰ Шишлов и др. 2007, 16, рис. 5, 19.

⁴¹ Коровина 1968, 73, 81, рис. 33, слева и справа внизу; 1987, 12, 17, 19, рис. 14, справа внизу.

⁴² Koukoulidou *et alii* 2017, 225–226, fig. 96.

⁴³ Кат. София 2021, 130, no. 100, 213 (ив. фото).

⁴⁴ Масленников 1978, 85; 1995, 8, 81, рис. 5, 7; Тарасова 2005, 518, рис. 2, 1; 519.

Гипотеза об изготовлении спиралевидных подвесок в боспорских мастерских находит подтверждение находкой литейной формы в Нимфее⁴⁵. Также очевидно, что их отливали, помимо Боспора, в разных центрах, о чем свидетельствует и форма для отливки таких подвесок, найденная в Истрии⁴⁶. Есть все основания предполагать, что бронзовые и серебряные подвески рассматриваемого типа даже на Боспоре могли изготавливаться в течение относительно продолжительного времени на протяжении V – начала III вв. до н.э.

Если сопоставить оформление манжетов подвески, отлитой в форме из Нимфея, с реальными находками подвесок, то очевидно, что в форме из Нимфея отливались подвески, манжеты которых были выполнены очень аккуратно и представляли собой ряд из трех округлых бусин, разделенных узкими дисками (так наз. *bead and reel pattern*), а сами пирамидальные окончания завершались правильными шариками. В реальности манжеты большинства бронзовых и серебряных подвесок выполнены значительно проще – они оформлены поперечными насечками или канавками. Более-менее близкое нимфейской форме оформление манжетов и окончаний представлено на бронзовой подвеске из погребения № 3/2016 раскопа 4 поселения Виноградный⁷⁴⁷ и на паре подвесок, найденных на том же раскопе⁴⁸ (с той разницей, что бусины разделены не одним, а двумя дисками), а также на бронзовой подвеске из погребения № 151 некрополя у х. Рассвет, которое датируют в рамках второй половины VI – V вв. до н.э.⁴⁹ (вряд ли датировка может быть убедительной, так как, кроме подвески, из этого разрушенного погребения происходит только красноглиняный кувшин, который, как отмечает автор, «близок сосудам конца V – IV вв. до н.э. могильника в Лобановой Щели»⁵⁰. Соответственно, скорее можно говорить о том, что эта подвеска датируется IV в. до н.э.).

Предполагают, что спиралевидные подвески использовались в качестве височных подвесок (П.Ф. Силантьева, С.В. Кашаев⁵¹), или серег (Д. Вильямс), или подвесок серег (В. Рудольф). Последняя точка зрения опирается на изображение таких украшений на монетах ликийского династа середины V в. до н.э.⁵² С.В. Кашаев предлагает еще один возможный вариант интерпретации. Учитывая то, что подвески находят по одной или парами, скорее в районе плеч, они могли скреплять или собирать в складки ткань в зависимости от фасона одежды⁵³.

Лунницы

В погребениях № 10 и 13 были найдены серебряные лунницы из дрота ромбовидного сечения. Первая из них фрагментирована – утрачена петля и окончания (рис. 11, 1). Лунница из погребения № 13 имеет пластинчатую петлю и шарики на концах дрота (рис. 11, 2).

Лунницы из дрота ромбовидного сечения с шариками на концах, пирамидками из шариков, в некоторых случаях с дополнительно напаянными розетками,

⁴⁵ Силантьева 1976, 133, рис. 8; 134; Трейстер 1992, 75, рис. 5, 4; 79–80; Кат. Ст. Петербург 1995, 261, рис. 2; Cat. Amsterdam 2004, 35, fig. 10; Cat. Malibu 2007, 58, 59, fig. 73a.

⁴⁶ Soja 1962, 139, fig. 12, 3; Kołkówna 1980, 144–145, pl. XIX, 3.

⁴⁷ Сударев 2017, рис. 1915–1916.

⁴⁸ Сударев 2017, рис. 3148, 3161.

⁴⁹ Крушкол, Новичихин 2010, 181–182, рис. 204, № 2; Новичихин 2010, 229, рис. 227.

⁵⁰ Крушкол, Новичихин 2010, 181–182, рис. 204, № 1; Новичихин 2010, 217, рис. 222.

⁵¹ Кашаев 2009, 219.

⁵² Кат. Ст. Петербург 1995, 34, fig. 30; Williams 1996, 118; Pülz 2009, 87.

⁵³ Кашаев 2009, 219.

появляются среди античных ювелирных украшений не позднее V в. до н.э. Они встречаются редко в отличие от подобных украшений II–I вв. до н.э. и первых веков н.э.⁵⁴ и представлены, в частности, датирующимися этим временем находками из некрополя Аканфа⁵⁵.

Аналогичные серебряные подвески в форме лунниц из дрота ромбовидного сечения с шариками на концах или без них представлены находками из датирующихся в рамках V – начала III вв. до н.э. погребений в каменных ящиках могильников Владимирский⁵⁶ и Лобанова щель⁵⁷. В могильнике у х. Рассвет на концах аналогичных лунниц – пирамидки из шариков зерни с манжетами с поперечными валиками⁵⁸. Подобная серебряная подвеска с шариками на концах происходит из гробницы № 28/37 могильника «Стоячий камень» у с. Золотое в Восточном Крыму – погребение датируется второй половиной IV – первой половиной III в. до н.э.⁵⁹ По мнению А.М. Новичихина, лунницы из могильника у хут. Рассвет могли быть греческими импортами⁶⁰. В качестве обоснования им приводятся литейные формы из Ольвии. Следует, однако, отметить, что литейные формы из Ольвии служили для отливки пластинчатых лунниц⁶¹, а не лунниц из дрота ромбовидного сечения, не говоря уже о том, что нет никаких оснований для отнесения этих форм к рассматриваемому времени, они вполне могут датироваться и III–II вв. до н.э.⁶² Есть все основания, таким образом, рассматривать этот тип украшения как локальный феномен.

Гривна

Происходящая из погребения № 10 серебряная гривна из крученого дрота с концами, образующими петли (рис. 11, 3), относится к типу, представленному в Скифии и имеющему предположительно центральноевропейские прототипы⁶³. Подобные гривны, отличающиеся сечением дрота и оформлением концов, представлены среди находок из могильника Лобанова Щель⁶⁴. Расплющенные концы с отверстиями отмечаются, в частности, для гривен из погребений № 20 и 25⁶⁵.

⁵⁴ См. подробно Трейстер, Винокуров 2023, 114–117.

⁵⁵ Cat. Thessaloniki 2007, 194, nos. 6, 8.

⁵⁶ Шишлов и др. 2007, 16, рис. 5, 13.

⁵⁷ Погребение № 10: Дмитриев, Малышев 1999, 37, рис. 17, 1. Погребение № 14: Дмитриев, Малышев 1999, 41, рис. 21, 1. Погребение № 15: Дмитриев, Малышев 1999, 42, рис. 22, 6. Погребения датируются от первой половины V до IV – начала III вв. до н.э. (Дмитриев, Малышев 1999, 46). Погребение № 20: Колпакова и др. 2011, 12, № 3; 20, рис. 11, 4–6 (погребение датируют V–IV вв. до н.э.); Шишлов и др. 2013, 309, рис. 12, 4–6; 310, № 3.

⁵⁸ Крушкол, Новичихин 2010, 23, № 4; 104, 105, № 3; 139–140, № 6; 177, № 1; Новичихин 2010, 229, рис. 227; 231.

⁵⁹ Масленников 1995, 15, 42, рис. 22, 7.

⁶⁰ Новичихин 2010, 231.

⁶¹ Фурманська 1958, 47, табл. III, 3; 52, № 9, табл. VI, 4; 55, № 2–5; Kołkówna 1980, pl. XV, 4; XVI, 1.

⁶² Фурманська 1958, 55.

⁶³ Петренко 1978, 42, Отдел II, тип 1, табл. 29, 5.

⁶⁴ Дмитриев, Малышев 1999, 36, 41, 44, рис. 10, 11; 16, 9; 21, 10; Колпакова и др. 2011, 12, № 2, рис. 11, 9; 18, № 6, рис. 18, 9; 21; Шишлов и др. 2013, 309, 310, № 2, рис. 12, 9; 321, рис. 19, 9; 322, № 6; 325–326.

⁶⁵ Колпакова и др. 2011, 12, № 2, рис. 11, 9; 18, № 6, рис. 18, 9; 21; Шишлов и др. 2013, 309, 310, № 2, рис. 12, 9; 321, рис. 19, 9; 322, № 6; 325–326.

ВЫВОДЫ

Серебряные и бронзовые украшения из могильника «Батырский 1» представлены типами, либо получившими широкое распространение в Северном Причерноморье (спиралевидные подвески), либо отражающими скорее локальную моду, распространенную среди местного населения, жившего в конце VI – III вв. до н.э. в районе современных Анапы и Новороссийска. В целом, наиболее близки публикуемым украшения из могильников у х. Рассвет и Лобановой щели в указанном микрорегионе.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

КАТАЛОГ

Погребение № 10

1. Спиралевидная подвеска в полтора оборота из прута округлого сечения с профилированным поперечными валиками прутком перед окончаниями и пирамидками на концах.

Серебро; литье.

Размеры макс.: 3,4×3,2×1,4 см. – Диаметр прута – 0,2 см. – Пирамидки: 0,5×0,3×0,3 см. – Длина профилированного прута перед пирамидками – 0,6 см.

Оп. № 9.

Сохранность: без видимых повреждений.

Рис. 10, 2.

2. Гривна круглая в плане, витая, округлая в сечении; прут сужается к развальцованным концам с петлевидными окончаниями для застежек. Фрагментированная.

Серебро; литье, навивка,ковка, пробивка отверстий (?).

Размеры макс.: 11×12,4 см. – Диаметр прута – от 0,15 до 0,3 см. – Петельки фрагментированные для застежек: толщина 0,05 см, ширина 0,4 см.

Оп. № 11.

Сохранность: застежки на обоих концах утрачены.

Рис. 11, 3.

3. Спиралевидная подвеска в полтора оборота из прута округлого сечения с профилированным поперечными валиками прутком перед окончаниями и пирамидками на концах.

Серебро; литье.

Размеры макс.: 2,6×2,6×1,3 см. – Диаметр прута – 0,2 см. – Пирамидки: 0,9×0,3×0,3 см. – Длина профилированного прута перед пирамидками – 0,8 см.

Оп. № 14.

Сохранность: без видимых повреждений.

Рис. 10, 3.

4. Лунница из прута ромбовидного сечения, выгнутого в форме подковы, фрагментированная.

Серебро; литье, пайка.

Размеры макс.: 2,2×1,8 см. – Сечение прута 0,2×0,1 см.

Оп. № 24.

Сохранность: фрагментирована; утрачена петля и окончания.

Рис. 11, 1.

Погребение № 13

5. Лунница из прута ромбовидного сечения, выгнутого в форме подковы, с шариками на концах. В центре припаяна пластинчатая петля с припаянным в основании на лицевой стороне шариком.

Серебро; литье, ковка, пайка.

Размеры макс.: 2,8×2,7 см. – Сечение прута – 0,2×0,2 см. – Общие размеры петли 0,5 х 0,5 см, толщина 0,1 см; диаметр отверстия – 0,3 см; шарики – дм. 0,2 см.

Оп. № 5.

Сохранность: без видимых повреждений.

Рис. 11, 2.

6. Спиралевидная подвеска в полтора оборота из прута округлого сечения с профилированным поперечными валиками прутком перед окончаниями и биконическими бусинами на концах. Бусины завершаются двумя поперечными валиками с шишечкой.

Серебро; литье.

Размеры макс.: 2,7×1,8×1,5 см. – Диаметр прута – 0,25 см. – Пирамидки: 0,7×0,4×0,4 см. – Длина профилированного прута перед пирамидками – 0,6 см.

Оп. № 6.

Сохранность: без видимых повреждений.

Рис. 10, 4.

Погребение № 15

7. Спиралевидная подвеска в полтора оборота из прута округлого сечения с профилированным поперечными валиками прутком перед окончаниями и пирамидками на концах.

Бронза; литье.

Размеры макс.: 3×1,8 см. – Диаметр прута – 0,15 см. – Пирамидки: 0,3×0,7 см.

Оп. № 9.

Сохранность: слом на пруте; окислы на поверхности.

Рис. 10, 1.

Погребение № 17

8. Спиралевидная подвеска в полтора оборота из прута округлого сечения с профилированным поперечными валиками прутком перед окончаниями и пирамидками с профилированными валиками и канавками окончаниями.

Серебро; литье.

Размеры макс.: $3 \times 1,7 \times 1,3$ см. – Диаметр прута – 0,2 см. – Пирамидки: $0,9 \times 0,3 \times 0,3$ см. – Длина профилированного прута перед пирамидками – 0,6 см.

Оп. № 10.

Сохранность: без видимых повреждений.

Рис. 9, 1.

Погребение № 18

9. Спиралевидная подвеска в полтора оборота из прута округлого сечения с профилированным поперечными валиками прутом перед окончаниями и пирамидками с профилированными валиками и канавками окончаниями

Серебро; литье.

Размеры макс.: $3,2 \times 1,6 \times 0,9$ см. – Диаметр прута – 0,2 см. – Пирамидки: $1,0 \times 0,3 \times 0,3$ см. – Длина профилированного прута перед пирамидками – 0,8 см.

Оп. № 8.

Сохранность: без видимых повреждений.

Рис. 9, 2.

10. Спиралевидная подвеска в полтора оборота из прута округлого сечения с профилированным поперечными валиками прутом перед окончаниями и пирамидками с профилированными валиками и канавками окончаниями

Серебро; литье.

Размеры макс.: $3,4 \times 1,4 \times 1,2$ см. – Диаметр прута – 0,2 см. – Пирамидки: $1,0 \times 0,3 \times 0,3$ см. – Длина профилированного прута перед пирамидками – 0,8 см.

Оп. № 9.

Сохранность: без видимых повреждений.

Рис. 9, 3.

11. Спиралевидная подвеска в полтора оборота из прута округлого сечения с профилированным поперечными валиками прутом перед окончаниями и пирамидками с профилированными валиками и канавками окончаниями

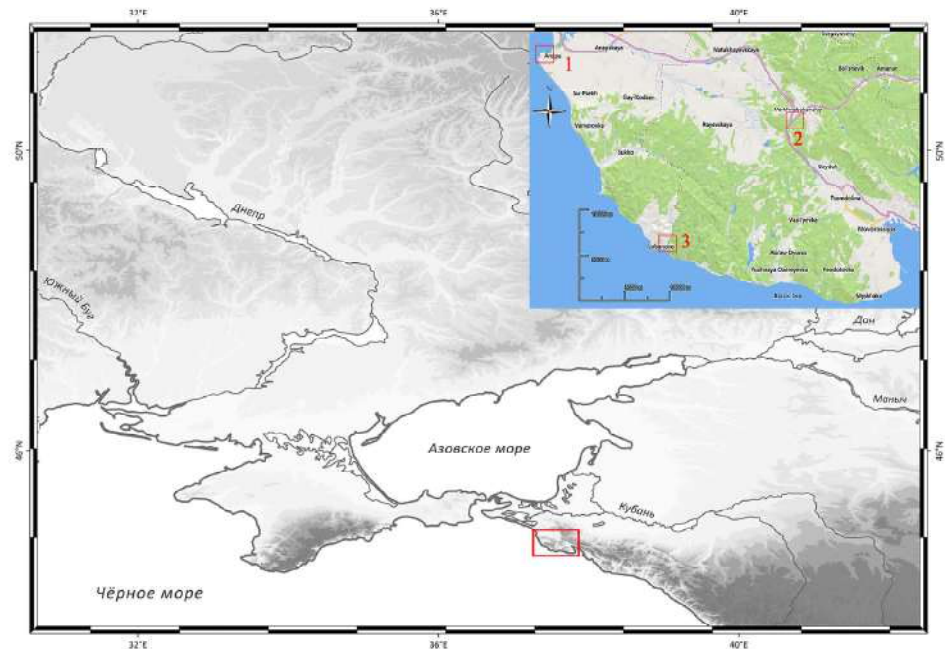
Серебро; литье.

Размеры макс.: $3,4 \times 1,4 \times 1,2$ см. – Диаметр прута – 0,2 см. – Пирамидки: $0,8 \times 0,3 \times 0,3$ см. – Длина профилированного прута перед пирамидками – 0,8 см.

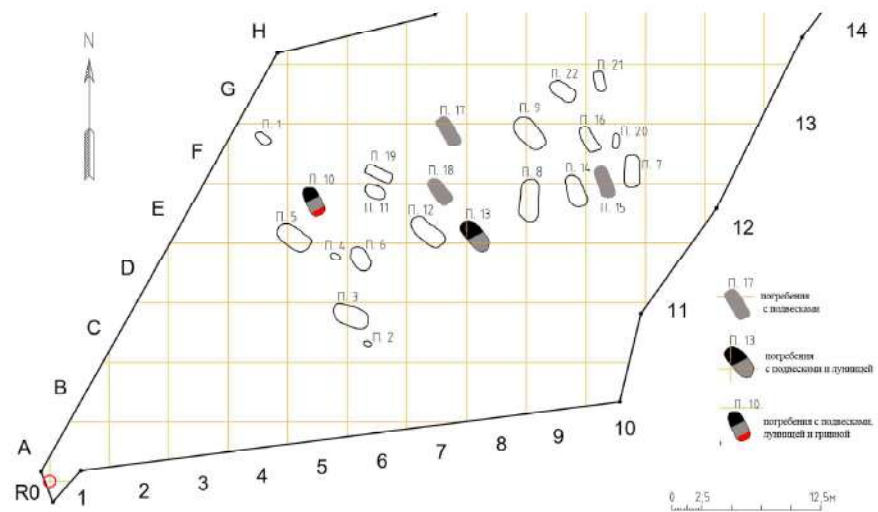
Оп. № 14.

Сохранность: без видимых повреждений.

Рис. 9, 4.

1

2

Рис. 1. – карта Северного Причерноморья. Врезка – район Анапы – Новороссийска. 1 – Горгиппия, 2 – могильник Лобанова щель, 3 – могильник «Батырский 1». Подоснова Г.П. Гарбузова, карта – Д.В. Бейлин; 2 – план погребений с указанием комплексов с височными подвесками, лунницами и гривной. Рисунок И.В. Рукавишниковой

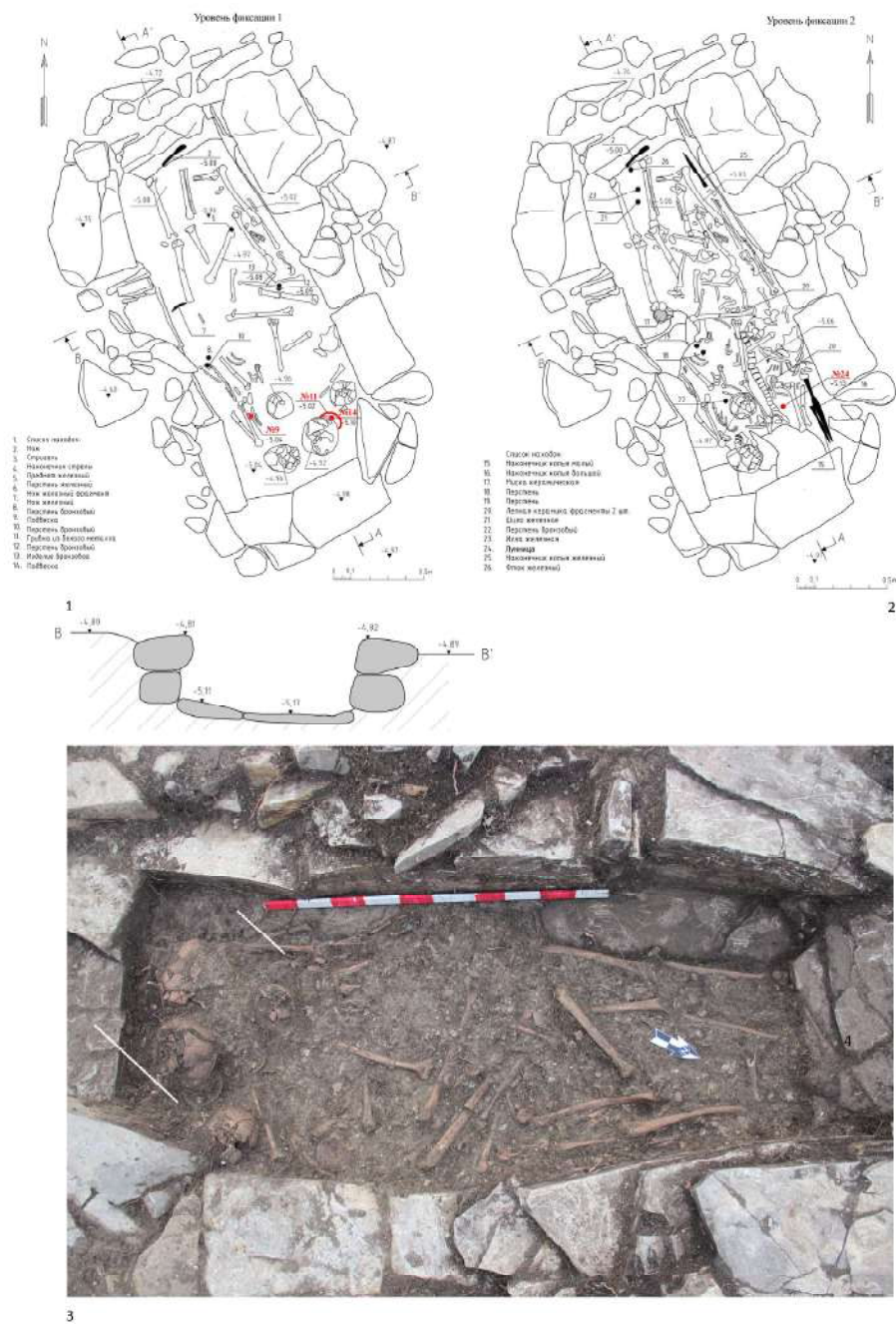

Рис. 2. Могильник «Батырский 1». Погребение № 10. 1 – план уровня 1 с указанием мест находок подвесок № 9 и 14 (кат. № 1 и 3) и гривны № 11 (кат. № 2); 2 – план уровня 2 с указанием места находки лунницы № 24 (кат. № 4); 3 – вид погребения с СЗ. Рисунки И.В. Рукавишниковой, фото – фотоархив экспедиции, декабрь 2023 г.

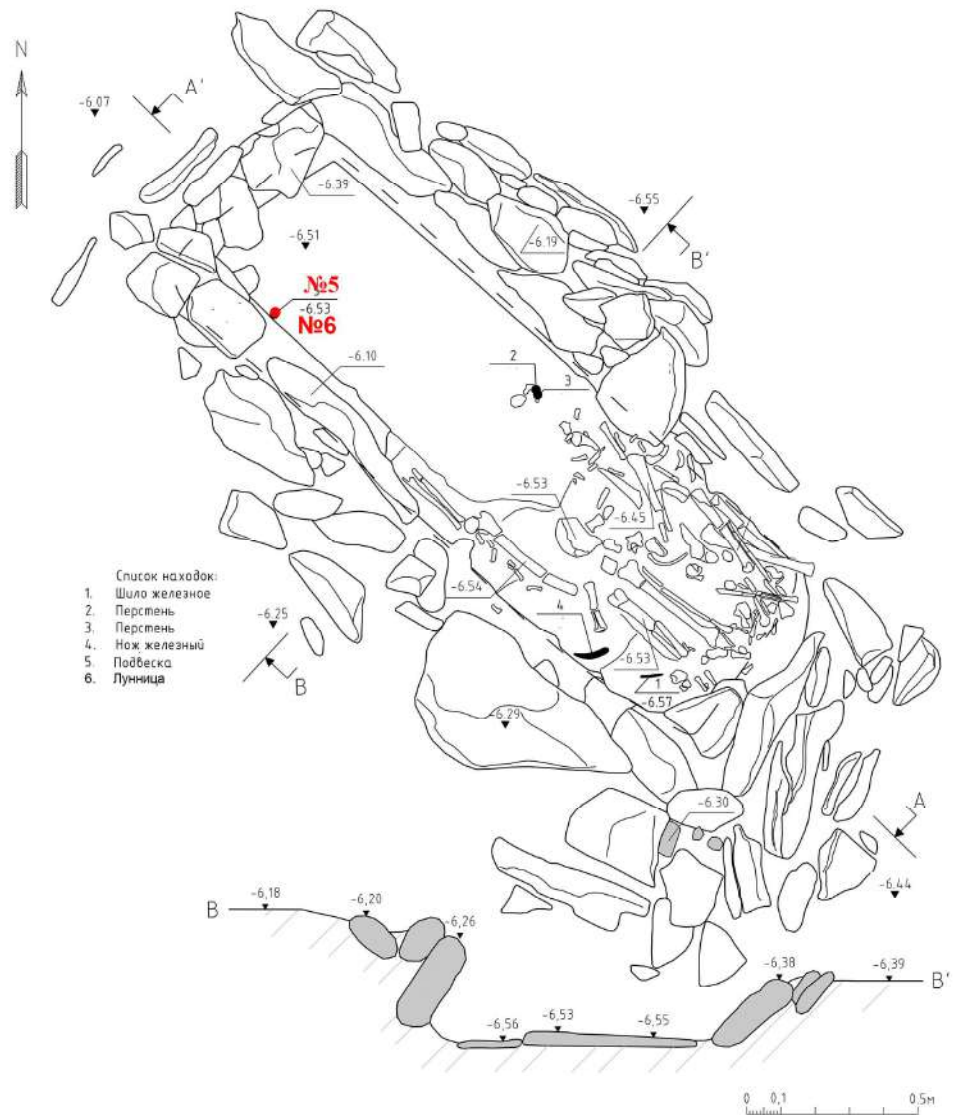

Рис. 3. Могильник «Батырский 1». Погребение № 13 с указанием мест находок подвески № 5 (кат. № 5) и лунницы № 6 (кат. № 6). Рисунок И.В. Рукавишниковой

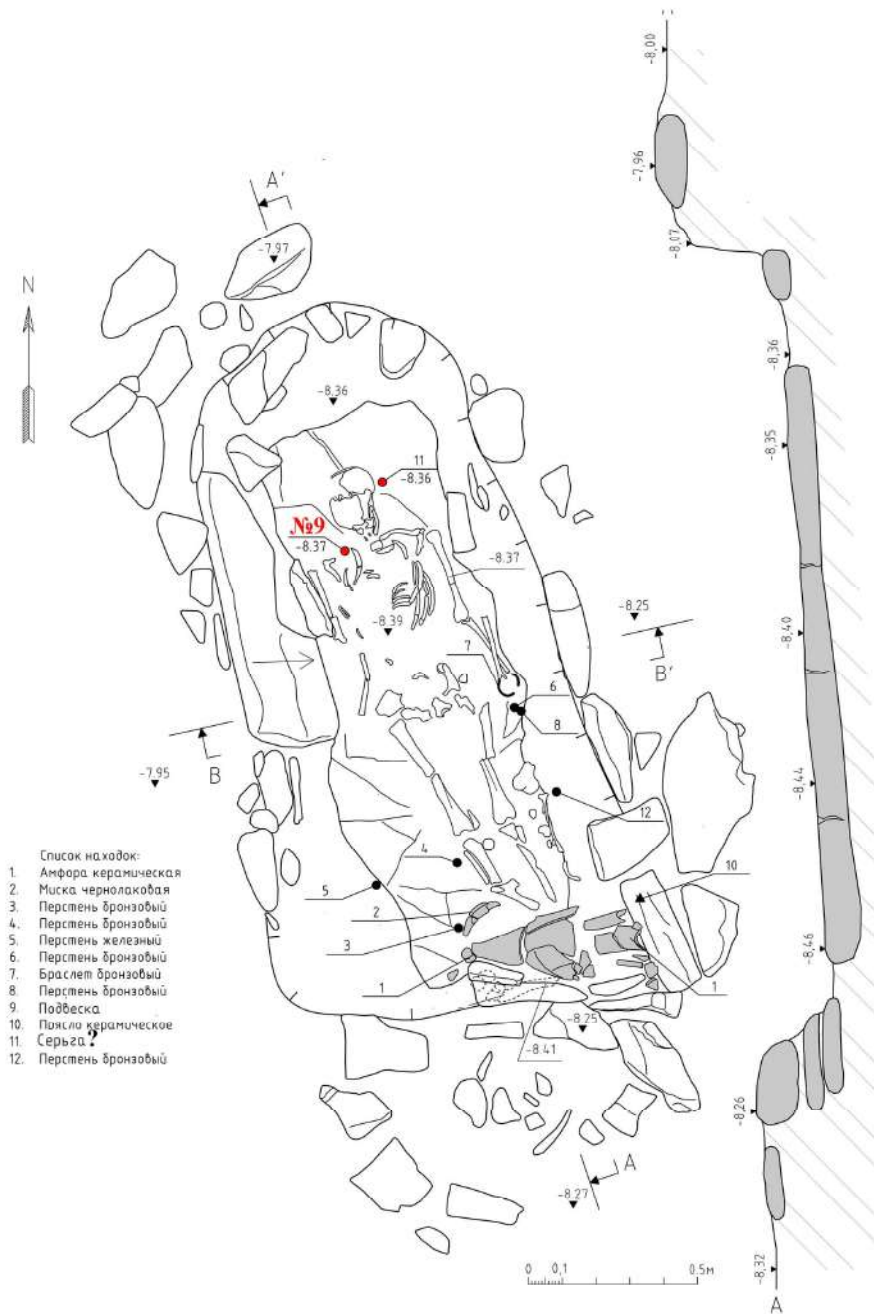

Рис. 4. Могильник «Батырский 1». Погребение № 15 с указанием мест находок подвески № 9 (кат. № 7). Рисунок И.В. Рукавишниковой

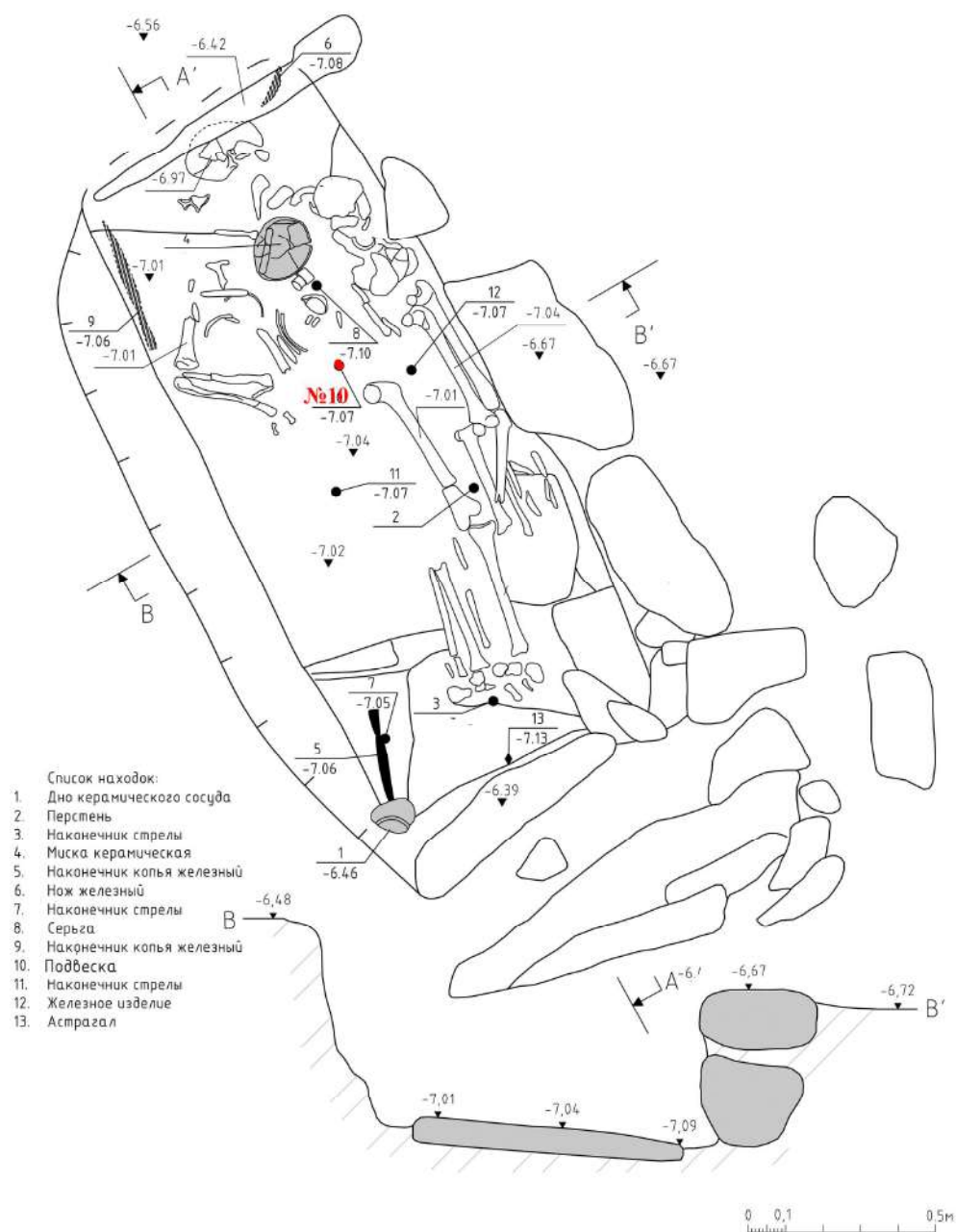

Рис. 5. Могильник «Батырский 1». Погребение № 17 с указанием мест находок подвески № 10 (кат. № 8). Рисунок И.В. Рукавишниковой

Рис. 6. Могильник «Батырский 1». Погребение № 18 с указанием мест находок подвесок № 8–9, 14 (кат. № 9–11). Рисунок И.В. Рукавишниковой

Рис. 7. Могильник «Батырский 1». Погребение № 15. 1 – миска чернолаковая, 2 – амфора Гераклеи Понтийской. Фото и рисунки Д.В. Бейлина

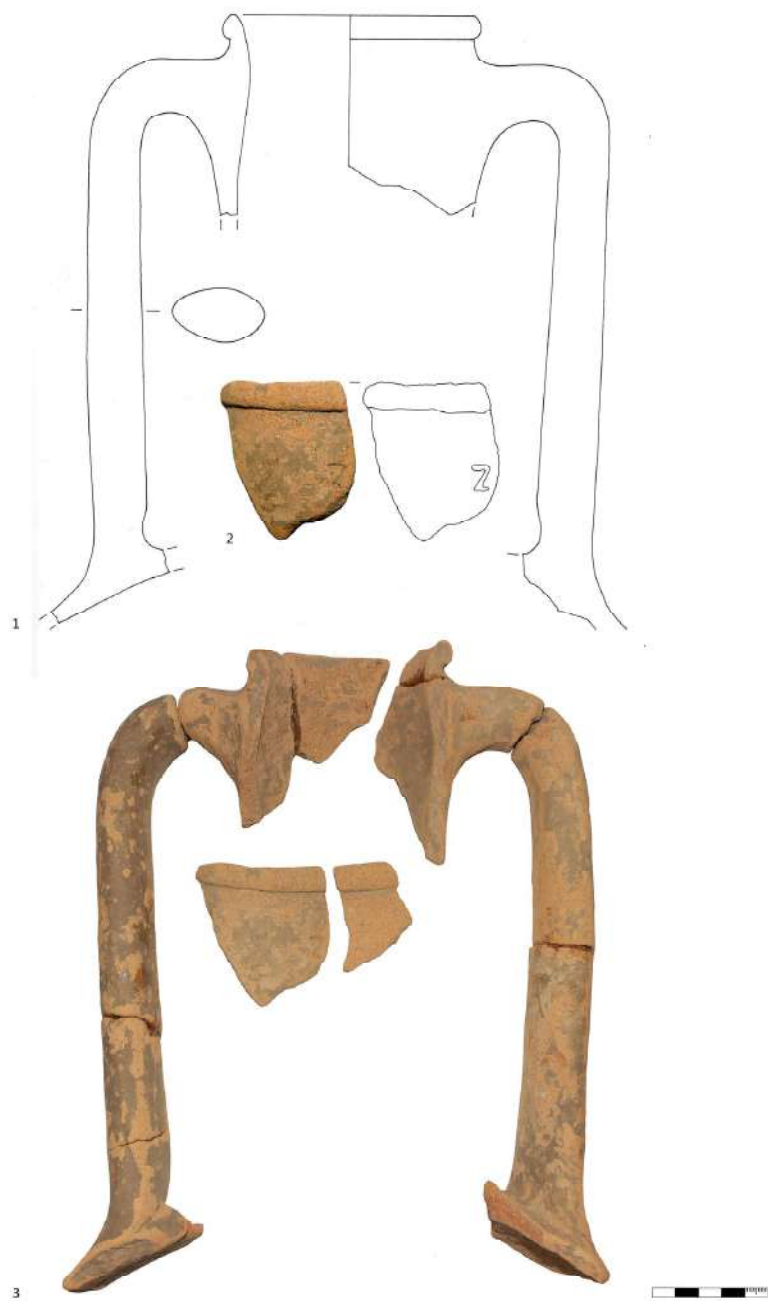

Рис. 8. Могильник «Батырский 1». Погребение № 18. Амфора Гераклеи Понтийской. Фото и рисунки Д.В. Бейлина

Рис. 9. Могильник «Батырский 1». Погребения № 17 и 18. Спиралевидные подвески из серебра. 1 – погребение № 17, оп. № 8; 2–4 – погребение № 18; 2 – оп. № 8, 3 – оп. № 9, 4 – оп. № 14. Фото Д.В. Бейлина

Рис. 10. Могильник «Батырский 1». Погребения № 10, 13 и 15. Спиралевидные подвески из серебра и бронзы. 1 – погребение № 15, оп. № 11 (бронза); 2–3 – погребение № 10; 2 – оп. № 9, 3 – оп. № 14; 4 – погребение № 13, оп. № 6. Фото Д.В. Бейлина

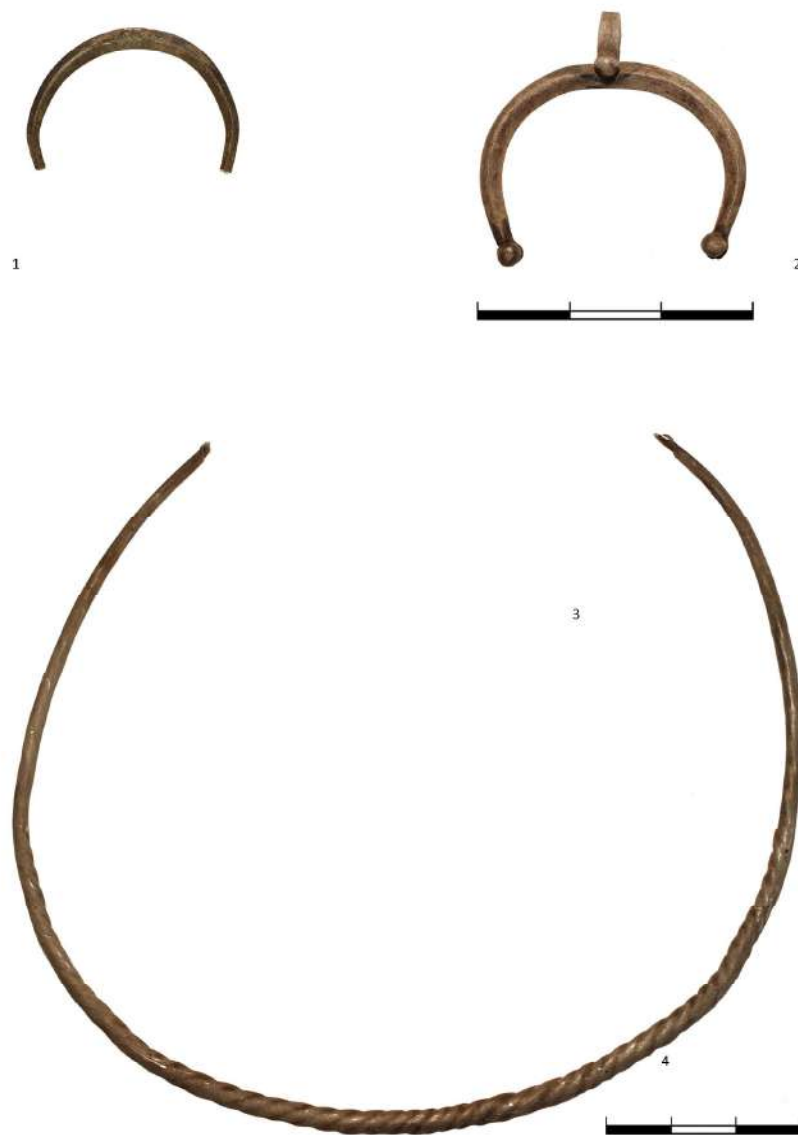

Рис. 11. Могильник «Батырский 1». Погребения № 10 и 13. Лунницы и гривна из серебра. 1 – погребение № 10, оп. № 24; 2 – погребение № 13, оп. № 5, 3 – погребение № 10, оп. № 11. Фото Д.В. Бейлина

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева, Е.М. 1991: *Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа*. М.
- Бессонова, С.С., Бунатян, Е.П., Гаврилюк, Н.А. 1988: *Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму*. Киев.
- Венцова, М.И. 2013: Украшения в грунтовых некрополях Боспора VI–II вв. до н.э. *Донецкий археологичний збірник* 17, 115–131.
- Герц, К.К. 1876: *Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 г.* М.
- Грач, Н.Л. 1999: *Некрополь Нимфея*. СПб.
- Дамьянов, М. 2023: *Чернофирнисова керамика от некрополя на Аполония Понтика: типологическо и хронологическо изследване (по материали от обредните огнища, около 400–250 г. пр. Хр.)*. София.
- Дашевская, О.Д. 1978: Первые исследования Кульчукского некрополя. *СА* 3, 199–215.
- Дмитриев, А.В., Мальшев, А.А. 1999: Могильник VI–II вв. до н.э. в устье Лобановой щели. *Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея)* 5. Армавир–М., 17–51.
- Егорова, Т.В. 2009: *Чернолаковая керамика IV–II вв. до н.э. с памятников Северо-Западного Крыма*. М.
- Застрожнова, Е.Г. 2014: Археологические раскопки Фанагории в 1852–1855 гг. (по материалам полевого журнала К.Р. Бегичева). *БИ* XXX, 469–481.
- Застрожнова, Е.Г. 2019: *Фанагория. История археологического изучения (конец XVIII – середина XX в.)*. М.–СПб.
- Калашник, Ю.П. 2014: *Греческое золото в собрании Эрмитажа. Памятники античного ювелирного искусства из Северного Причерноморья*. СПб.
- Каменецкий, И.С. 1989: Меоты и другие племена Северо-Западного Кавказа в VII–III вв. до н.э. В сб.: А.И. Мелюкова (ред.), *Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время* (Археология СССР). М., 224–251.
- Кат. София 2021: Пенкова, П., Караманова-Златкова, Р. (ред.), *Време, материя и дух. Реставрацията в Националния Археологически институт с музей при Българската академия на науките / Time, Matter and Spirit. The Conservation in the National Archaeological Institute with Museum at the Bulgarian Academy of Sciences* (Национален археологически музей Каталоги / National Archaeological Museum Catalogues, Suppl. 2). София, 2021.
- Кашаев, С.В. 2009: Некрополь Артющенко-2. *БИ* 22, 188–267.
- Кашаев, С.В. 2020: Некрополь Артющенко-2. Результаты работ 2003–2019 гг. *БИ* 41, 112–132.
- Ковальчук, А.В., Крайнева, А.А., Сударев, Н.И., Чевелев, О.Д. 2010: Раскопки западного некрополя Гермонассы в 2008 году. В сб.: А.А. Масленников, Н.А. Гаврилюк, А.А. Завойкин (ред.), *ΣΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия*. Вып. 1. М.–Киев, 97–100.
- Козуб, Ю.И. 1974: *Некрополь Ольвії V–IV ст. до н.е.* Киев.
- Колпакова, А.В. 2006: Новые раскопки грунтового могильника раннего железного века «Лобанова щель» у г. Новороссийска. В сб.: *Первая Абхазская международная археологическая конференция*. Сухум, 201–202.
- Колпакова, А.В., Шишлов, А.В., Федоренко, Н.В. 2011: Новые раскопки грунтового могильника раннего железного века «Лобанова Щель» у Новороссийска. В сб.: *Исторические записки (исследования и материалы)* 7. Новороссийск, 6–41.
- Кононов, В.Ю. 2023: Серьги и височные кольца из меотских и сарматских памятников Кубани. *Вестник Калмыцкого университета* 3 (59), 32–43.
- Коровина, А.К. 1962: Некрополь около мыса Панагии. В сб.: В.Ф. Гайдукевич (ред.), *Археология и история Боспора*. Т. II. Симферополь, 301–313.

- Коровина, А.К. 1968: Тирамба (городище и некрополь). Итог археологических работ экспедиции ГМИИ им. А.С.Пушкина за 1959, 1961–1963 и 1965 годы. *Сообщения ГМИИ* 4, 54–84.
- Коровина, А.К. 1987: Раскопки некрополя Тирамбы (1966–1970). *Сообщения ГМИИ* 8, 3–70.
- Корпусова, В.М. 1972: Про населення хори античної Феодосії. *Археологія* 6, 41–55.
- Крушкол, Ю.С., Новичихин, А.М. 2010: Описание погребальных комплексов. Каталог. В сб.: А.А. Малышев (ред.), *Население архаической Синдики: по материалам некрополя у хутора Рассвет* (Некрополи Причерноморья III). М., 21–191.
- Кутайсов, В.А. 2011: *Курганный некрополь Калос Лимена*. Киев.
- Кутайсов, В.А., Ланцов, С.Б. 1989а: *Некрополь античной Керкинитиды. История и итоги изучения*. Киев.
- Кутайсов, В.А., Ланцов, С.Б. 1989б: *Некрополь античной Керкинитиды. Каталог погребений*. Киев.
- Лесков, А.М., Беглова, Е.А., Ксенофонтова, И.В., Эрлих, В.Р. 2005: *Меоты Закубанья в середине VI – начале III в. до н.э. Некрополи у аула Уляп. Погребальные комплексы*. М.
- Лимберис, Н.Ю., Марченко, И.И. 2005: Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников Правобережья Кубани. *МИАК* 5, 219–324.
- Лимберис, Н.Ю., Марченко, И.И. 2024: Вооружение меотских всадников IV в. до н.э. (по материалам Прикубанского могильника). *Нижеволжский археологический вестник* 23.3, 21–37.
- Масленников, А.А. 1978: Раскопки некрополя эллинистического времени у с. Золотое. *КСИА* 156, 84–89.
- Масленников, А.А. 1995: *Каменные ящики Восточного Крыма (к истории сельского населения Европейского Боспора в VI–I вв. до н.э. (БС 8)*. М.
- Мордвинцева, В.И., Хачатурова, Е.А., Юрченко, Т.В. 2010: *Сокровища древней Кубани* (Древняя торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе 4). Симферополь, Краснодар.
- Новичихин, А.М. 1994: Раскопки античного поселения в Андреевской Щели близ Анапы. *БС* 4, 172–174.
- Новичихин, А.М. 2006: *Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н. э. (по материалам погребальных памятников)*. Анапа.
- Новичихин, А.М. 2010: Погребальный инвентарь некрополя у хутора Рассвет. В сб.: А.А. Малышев (ред.), *Население архаической Синдики: по материалам некрополя у хутора Рассвет* (Некрополи Причерноморья III). М., 204–234.
- Новичихин, А.М. 2017: *Утриш сквозь века*. Краснодар.
- Новичихин, А.М., Галут, О.В. 2006: *Золото Горгиптии*. Краснодар–Анапа. ОАК за 1913–1915 гг. Петроград.
- Огненова-Маринова, Л. 1984: Дребни находки, теракоти, скульптура. В сб.: Димитров, Д.П., Чичикова, М., Балканска, А., Огненова-Маринова, Л. *Севтополис. Т. I. Быт и культура*. София, 159–227.
- Петренко, В.Г. 1978: *Украшения Скифии VII–III вв. до н.э. (САИ Д4–5)*. М.
- Романченко, Н.Ф. 1907: Раскопки в окрестностях Евпатории. *ИАК* 25, 172–187.
- Рукавишникова, И.В., Антипенко, А.В., Фридрихсон, С.К. 2024: Результаты рентгено-флуоресцентного анализа состава сплава металлических украшений из могильника Батырский I. Краткое сообщение. *МАИЭТ* (в печати).
- Силантьева, П.Ф. 1976: Спиралевидные подвески Боспора. *ТГЭ* 17, 123–137.
- Сорокина, Н.П. 1957: *Тузлинский некрополь* (Труды ГИМ. Памятники культуры 26). М.
- Сударев, Н.И. 2017: *Отчёт об археологических раскопках в 2016 году «На территории выявленного объекта археологического наследия поселения Виноградный-7 (IV–I вв. до н.э.) в зоне строительства подъезда от автомобильной дороги М-25 Новоросийск – Керченский пролив к г. Керчь и сухогрузному району морского порта Тамань*

на участке км 0 – км 42 в рамках реконструкции участков автомобильной дороги Новороссийск – Керченский пролив (на Симферополь) в Темрюкском районе Краснодарского края». Архив ИА РАН.

- Тарасова, Н.В. 2005: Об одной группе височных подвесок раннего железного века из Северного Причерноморья. В сб.: В.И. Гуляев (ред.), *Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского. Сборник статей*. М., 515–520.
- Трейстер, М.Ю. 1988: Бронзолитейное ремесло Боспора VI–V вв. до н.э. *Eirene* XXV, 45–67.
- Трейстер, М.Ю. 1992: Бронзолитейное ремесло Боспора. *Сообщения ГМИИ* 10, 66–110.
- Трейстер, М.Ю. 2010: Исследование бронзовых украшений из могильника у хут. Рассвет. В сб.: А.А. Малышев (ред.), *Население архаической Синдики: по материалам некрополя у хутора Рассвет* (Некрополи Причерноморья III). М., 235–238.
- Трейстер, М.Ю. 2015. История находок золотых украшений в Фанагории во второй половине 19 – первой трети 20 в. В сб.: М.Ю. Трейстер (ред.), *Золото Фанагории* (Фанагория 2), М., 16–22.
- Трейстер, М.Ю., Винокуров, Н.И. 2023: Золотые и серебряные подвески-лунницы из слоя пожара 46/47 г. н.э. ранней цитадели городища Артезиан в Восточном Крыму. *ПИФК* 3, 112–128.
- Трейстер, М.Ю., Рукавишникова, И.В., Бейлин, Д.В. 2024: Бронзовые перстни с изображениями на щитках из могильника «Батырский 1» в районе Новороссийска. *МАИАСП* 16, 234–288.
- Трейстер, М.Ю., Сударев, Н.И. 2025: Серебряные спиралевидные украшения Азиатского Боспора. *ДБ* 30 (в печати).
- Уильямс, Д., Огден, Д. 1995: *Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи. V–IV века до н.э.* СПб.
- Федосеев, Н.Ф. 2016: *Керамические клейма. Т. 2. Гераклея Понтийская (Из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Коллекция керамических клейм)*. Керчь.
- Фурманська, А.І. 1958: Ливарні форми з розкопок Ольвії. *Археологічні пам'ятки УРСР* VIII, 40–60.
- Цокур, И.В., Сударев, Н.И., Шаров, О.В. 2022: *Волна 1. Некрополь архаического — эллинистического периодов на Таманском полуострове*. В двух частях (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 30/1–2). М.
- Шишлов, А.В., Колпакова, А.В., Федоренко, Н.В. 2013: Раскопки грунтового могильника раннего железного века «Лобанова Щель» в 2005–2006 гг. В сб.: А.Г. Крохмаль (ред.), *Биоразнообразие государственного природного заповедника «Утриш». Научные труды. Т. 1. 2012*. Анапа, 294–330.
- Шишлов, А.В., Колпакова, А.В., Федоренко, Н.В. 2018: Каменный склеп раннего железного века из грунтового могильника Заря-2 у ст. Натухаевской г. Новороссийска. В сб.: Р.Б. Схатум, В.В. Улитин (ред.), *VIII «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Война и торговля как факторы исторического развития народов Западного Кавказа в древности и средневековье: Материалы международной археологической конференции (г. Анапа, 30 мая – 1 июня 2018 г.)*. Краснодар, 339–347.
- Шишлов, А.В., Колпакова, А.В., Федоренко, Н.В. 2021: Исследования могильника раннего железного века «Лобанова Щель» в (по итогам раскопок 2007 и 2009 гг.). В сб.: О.Н. Быхалова (ред.), *Наземные и морские экосистемы полуострова Абрау: история, состояние, охрана* (Научные труды государственного природного заповедника «Утриш. Т. 5). Анапа, 285–295.
- Шишлов, А.В., Федоренко, Н.В., Колпакова, А.В., Кононенко, А.П. 2007: Материальная культура Владимировского могильника. В сб.: *Исторические записки. Исследования и материалы*. Вып. 5. Новороссийск, 4–19.

- Шкорпил, В.В. 1905: Отчет о раскопках в Керчи и окрестностях в 1903 г. *ИАК* 17, 1–76.
- Шкорпил, В.В. 1910: Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1907 г. *ИАК* 35, 12–47.
- Яковенко, Э.В. 1970: Рядовые скифские погребения в курганах Восточного Крыма. В кн.: *Древности Восточного Крыма (Предскифский период и скифы)*. Киев, 103–135.
- Яковенко, Э.В., Черненко, Е.В., Корпусова, В.Н. 1970: Описание скифских погребений в курганах Восточного Крыма. В сб.: *Древности Восточного Крыма (Предскифский период и скифы)*. Киев, 136–179.
- Berthold, A.S. 2008: *Entwurf und Ausführung in den artes minores. Münz- und Gemmenkünstler des 6. – 4. Jhs. v. Chr.* Dissertation der Philosophischen Fakultät der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg. Halle-Wittenberg.
- Castor, A. 2008: Archaic Greek Earrings: An Interim Survey. *AA* 1, 1–34.
- Cat. Amsterdam 2004: Yu. Kalashnik, *Greek Gold. From the Treasure Rooms of the Hermitage*. Zwolle.
- Cat. Malibu 2007: A.A. Trofimova (ed.), *Greeks on the Black Sea. Ancient Art from the Hermitage*. Los Angeles.
- Cat. Thessaloniki 1997: *Greek Jewellery. 6000 Years of Tradition*. Athens.
- Cat. Thessaloniki 2007: D. Grammenos (ed.), *Ο χρυσός των Μακεδόνων. Από την έκθεση του Αρχαιολογικού Μουσείου Θεσσαλονίκης*. Thessaloniki.
- Chacheva, M. 2015: Trinkets for the Afterlife: Personal Ornaments from Graves of Children in the Necropolis of Apollonia Pontica. *Archaeologia Bulgarica* XIX.1, 1–21.
- Chacheva, M. 2016: Adornments or amulets? Personal ornaments of Apollonian children in Pontic context. In: M. Manoledakis (ed.), *The Black Sea in the Light of New Archaeological Data and Theoretical Approaches. Proceedings of the 2nd International Workshop on the Black Sea in Antiquity Held in Thessaloniki, 18–20 September 2015*. Oxford, 139–152.
- Coja, M. 1962: *L'artisanat à Histria du VIe au Ier siècle avant notre ère*. *Dacia N.S.* 6, 115–138.
- Damyantov, M. 2017: Pottery Assemblage of the Ritual Fireplaces in the Necropolis of Apollonia Pontica (Excavations in 2005). In: P. Kiyashkina, M. Damyantov, A. Bozhkova, P. Delev (eds.), *Proceedings of International Conference 'Ancient Greek Necropolises Along the Black Sea Coast', Nessabar, October 4–7, 2012 (Nessebar IV)*. Veliko Tarnovo, 86–100.
- Deppert-Lippitz, B. 1985: *Griechischer Goldschmuck*. Mainz.
- Despini, Ai. 1996: *Greek Art. Ancient Gold Jewellery*. Athens.
- Goldman, H., Jones, F. 1942: Terracottas from the Necropolis of Halae. *Hesperia* 11.4, 365–421.
- Greifenhagen, A. 1970–1975. *Schmuckarbeiten in Edelmetall*. I–II. Berlin.
- Hadaczek, K. 1903: *Der Ohrschmuck der Griechen und der Etrusker* (Abhandlungen des archäologisch-epigraphischen Seminars der Universität Wien 14.1). Wien.
- Hermay A., Panayotova K., Baralis A., Damyantov M., Riapov A. 2010: *Apollonia du Pont (Sozopol). La nécropole de Kalfata (Ve–IIIe s. av. J.–C.). Fouilles franco-bulgares (2002–2004)*. (Bibliothèque d'Archéologie Méditerranéenne et Africaine 5). Paris.
- Higgins, R.A. 1980: *Greek and Roman Jewellery*. 2nd ed. London.
- Πιορουλου, S. 2015: *Αρχαία Ζώνη IIIα. Το Νεκροταφείο. Ταφικά έθιμα και πρακτικές*. Komotini.
- Kakhidze, A. 2007: *The Classical World in the Eastern Black Sea Area. The Fifth Century BC Greek Necropolis at Pichvnari (Pichvnari II)*. Batumi–Oxford.
- Kakhidze, A., Shalikhadze, T. 2023: *Hellenism and Colchis. Catalogue*. Batumi.
- Kakhidze, A., Vickers, M. 2014: *Colchis and Greeks on the Eastern Coast of the Black Sea: Results of Excavations Conducted by the Joint Georgian-British Pichvnari Expedition (2003–2007) (Pichvnari VI)*. Batumi–Oxford.
- Kořkówna, S. 1980: Remarques sur les sources archéologiques antiques relatives a la production d'orfèvrerie sur les rivages septentrionaux et occident de la Mer Noire. In : T. Hackens (ed.), *Études sur l'orfèvrerie antique. Studies in Ancient Jewellery* (Publication d'histoire

- de l'art et d'archéologie de l'Université Catholique de Louvain, XIV.1). Louvain-la-Neuve, 106–154.
- Koukoulidou, Ch., Mazarakis-Ainian, A., Theodoropoulou, T., Touloumtzidou, A., Varvarinou-Vai, D., Zimi, E., Papadopoulou, Z. 2017: Small Finds from the Sanctuary of Kythnos. In: A. Mazarakis-Ainian (ed.), *Les sanctuaires archaïques des Cyclades*. Rennes, 193–256.
- Laffineur, R. 1978: *L'orfèvrerie rhodienne orientalisante*. Paris.
- Müseler, W. 2018: Beyond the Xanthos Valley: Rulers and Mints in Eastern and Central Lycia at the Time of the “Dynasty of Xanthos”. *Gephyra* 15, 11–28.
- Philipp, H. 1981. *Bronzeschmuck aus Olympia* (Olympische Forschungen XIII). Berlin.
- Pologiorgi, M. 1981: Υστεροκλασικός τάφος στην Κίσαμο. *AAA* 14, 162–178.
- Pülz, A.M. 2009: *Die Goldfunde aus dem Artemision von Ephesos* (Forschungen in Ephesos 12,5). Wien.
- Ritter, S. 2002: *Bildkontakte: Götter und Heroen in der Bildsprache griechischer Münzen des 4. Jhs. v. Chr.* Berlin.
- Robinson, D.M. 1941: *Metal and Minor Miscellaneous Finds* (Olynthus X). Baltimore–London.
- Rotroff, S.I. 1997: *Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material* (The Athenian Agora. XXIX). Princeton.
- Stolba, V., Rogov, E. 2012: *Panskoye I. The Necropolis* (Panskoye. Vol. 2). Aarhus.
- Walker, A.L., Goldman, H. 1915: Report on Excavations at Halae of Locris. *AJA* 19. 4, 418–437.
- Williams, D. 1996: The Kyme Treasure. In: A. Calinescu (ed.), *Ancient Jewellery and Archaeology*. Bloomington–Indianapolis, 117–129.
- Williams, D., Ogden, J. 1994: *Greek Gold. Jewellery of the Classical Period*. London.
- Zahlhaas, G. 1991: Ein makedonischer Grabfund und verwandte Bronzen aus Makedonien. In: *Spurensuche. Festschrift für Hans-Jörg Kellner zum 70. Geburtstag* (Kataloge Prähistorischen Staatssammlung München 3). Kallmünz, 31–54.

REFERENCES

- Alekseeva, E.M. 1991: *Grecheskaya kolonizatsiya Severo-Zapadnogo Kavkaza* [Greek Colonization of the North-Western Caucasus]. Moscow.
- Berthold, A.S. 2008: *Entwurf und Ausführung in den artes minores. Münz- und Gemmenkünstler des 6. – 4. Jhs. v. Chr.* Dissertation der Philosophischen Fakultät der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg. Halle-Wittenberg.
- Bessonova, S.S., Bunatyan, E.P., Gavrilyuk, N.A. 1988: *Aktashkiy mogil'nik skifskogo vremeni v Vostochnom Krymu* [The Aktash Necropolis of the Scythian Period in the Eastern Crimea]. Kiev.
- Castor, A. 2008: Archaic Greek Earrings: An Interim Survey. *AA* 1, 1–34.
- Cat. Amsterdam 2004: Yu. Kalashnik, *Greek Gold. From the Treasure Rooms of the Hermitage*. Zwolle.
- Cat. Malibu 2007: A.A. Trofimova (ed.), *Greeks on the Black Sea. Ancient Art from the Hermitage*. Los Angeles.
- Cat. Sofia 2021: Penkova, P., Karamanova-Zlatkova, R. (eds.), *Vreme, materiya i dukh. Restavratsiyata v Natsionalniya Arkheologicheski institut s muzey pri Balgarskata akademiya na naukite / Time, Matter and Spirit. The Conservation in the National Archaeological Institute with Museum at the Bulgarian Academy of Sciences* (Nationalen arkheologicheski muzey Katalozi / National Archaeological Museum Catalogues, Supplementum 2). Sofia, 2021.
- Cat. Thessaloniki 1997: *Greek Jewellery. 6000 Years of Tradition*. Athens.
- Cat. Thessaloniki 2007: D. Grammenos (ed.), *Ο χρυσός των Μακεδόνων. Από την έκθεση του Αρχαιολογικού Μουσείου Θεσσαλονίκης*. Thessaloniki.
- Chacheva, M. 2015: Trinkets for the Afterlife: Personal Ornaments from Graves of Children in the Necropolis of Apollonia Pontica. *Archaeologia Bulgarica* XIX.1, 1–21.

- Chacheva, M. 2016: Adornments or amulets? Personal ornaments of Apollonian children in Pontic context. In: M. Manoledakis (ed.), *The Black Sea in the Light of New Archaeological Data and Theoretical Approaches. Proceedings of the 2nd International Workshop on the Black Sea in Antiquity Held in Thessaloniki, 18–20 September 2015*. Oxford, 139–152.
- Coja, M. 1962: *L'artisanat à Histria du VIe au Ier siècle avant notre ère*. *Dacia N.S.* 6, 115–138.
- CR St. Petersburg for 1913–1915, 1918. *Otchet Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii za 1913–1915 gody* [Report of the Imperial Archaeological Commission for 1913–1915]. Petrograd.
- Grach, N.L. 1999: *Nekropol' Nimfeya* [Necropolis of Nymphaion]. Saint Petersburg.
- Damyanov, M. 2017: Pottery assemblage of the ritual fireplaces in the necropolis of Apollonia Pontica (Excavations in 2005). In: P. Kiyashkina, M. Damyanov, A. Bozhkova, P. Delev (eds.), *Proceedings of international conference 'Ancient Greek Necropolises Along the Black Sea Coast', Nessabar, October 4–7, 2012* (Nessebar IV). Veliko Tarnovo, 86–100.
- Damyanov, M. 2023: *Chernofirmisova keramika ot nekropola na Apoloniya Pontika: tipologicheskio i hronologicheskio izsledvane (po materiali ot obrednite ognisha, okolo 400 – 250 g. pr.Hr.)*. [Black-Glazed Pottery from the Necropolis of Apollonia Pontica: Typological and Chronological study (based on materials from ritual fireplaces, ca. 400 – 250 BC)] (Razkopki i prouchvaniya /Archaeological Excavations and Research XLIX). Sofia.
- Dashevskaya, O.D. 1978: *Pervye issledovaniya Kul'chuk'skogo nekropolya* [First Investigations of the Kul'chuk necropolis]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 3, 199–215.
- Deppert-Lippitz, B. 1985: *Griechischer Goldschmuck*. Mainz.
- Despini, Ai. 1996: *Greek Art. Ancient Gold Jewellery*. Athens.
- Dmitriev, A.V., Malyshev, A.A. 1999: *Mogil'nik VI–II vv. do n.e. v ust'e Lobanovoy shcheli* [A 6th–2nd Centuries BC Burial Ground at the Mouth of the Lobanov Gap]. In: *Istoriko-arkheologicheskiy al'manakh (Armavir'skogo kraevedcheskogo muzeya)* [Historico-Archaeological Almanakh (of the Armavir Local Lore Museum)] 5. Armavir–Moscow, 17–51.
- Egorova, T.V. 2009: *Chernolakovaya keramika IV–II vv. do n.e. s pamyatnikov Severo-Zapadnogo Kryma* [Black-Glazed Pottery of the 4th–2nd Centuries BC from the Sites of the North-Western Crimea]. Moscow.
- Fedoseev, N.F. 2016: *Keramicheskie kleyma. T. 2. Gerakleya Pontiyskaya* [Ceramic Stamps. Vol. 2. Heraclea Pontica] (Iz sobraniya Vostochno-Krymskogo istoriko-kul'turnogo muzeya-zapovednika. Kolleksiya keramicheskikh kleym [Collection of Ceramic Stamps in the East Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve]. Kerch.
- Furmanska, A.I. 1958: *Lyvarni formy z rozkopok Ol'vii* [Casting Moulds from the Excavations at Olbia]. *Arkheolohichni pam'yatky URSS* [Archaeological Monuments of the Ukrainian SSR] VIII, 40–60.
- Gerts, K.K. 1876: *Istoricheskiy obzor arkheologicheskikh issledovaniy i otkrytiy na Tamanskom poluostrove s kontsa XVIII stoletiya do 1859 g.* [Historical Review of Archaeological Research and Discoveries in the Taman Peninsula from the late 18th century to 1859], Moscow.
- Goldman, H., Jones, F. 1942: Terracottas from the Necropolis of Halae. *Hesperia* 11.4, 365–421.
- Greifenhagen, A. 1970–1975. *Schmuckarbeiten in Edelmetall*. I–II. Berlin.
- Hadaczek, K. 1903: *Der Ohrschmuck der Griechen und der Etrusker* (Abhandlungen des archäologisch-epigraphischen Seminars der Universität Wien 14,1). Wien.
- Hermay A., Panayotova K., Baralis A., Damyanov M., Riapov A. 2010: *Apollonia du Pont (Sozopol). La nécropole de Kalfata (Ve–IIIe s. av. J.–C.)*. *Fouilles franco-bulgares (2002–2004)*. (Bibliothèque d'Archéologie Méditerranéenne et Africaine 5). Paris.
- Higgins, R.A. 1980: *Greek and Roman Jewellery*. 2nd ed. London.
- Πιοπούλου, S. 2015: *Αρχαία Ζώνη IIIα. Το Νεκροταφείο. Ταφικά έθιμα και πρακτικές*. Komotini.
- Kakhidze, A. 2007: *The Classical World in the Eastern Black Sea Area. The Fifth Century BC Greek Necropolis at Pichvnari* (Pichvnari II). Batumi–Oxford.
- Kakhidze, A., Shalikadze, T. 2023: *Hellenism and Colchis. Catalogue*. Batumi.

- Kakhidze, A., Vickers, M. 2014: *Colchis and Greeks on the Eastern Coast of the Black Sea: Results of Excavations Conducted by the Joint Georgian-British Pichvnari Expedition (2003–2007)* (Pichvnari VI). Batumi–Oxford.
- Kalashnik, Yu.P. 2014: *Grecheskoe zoloto v sobranii Ermitazha. Pamytniki antichnogo yuvelirnogo iskusstva iz Severnogo Prichernomor'ya* [Greek Gold in the Collection of the Hermitage. Objects of Ancient Jewellery Art from the North Pontic Region]. Saint Petersburg.
- Kamenetskiy, I.S. 1989: Meoty i drugie plemena Severo-Zapadnogo Kavkaza v VII–III vv. do n.e. [Maeotians and Other Tribes of the North-Western Caucasus in the 7th–3rd Centuries BC]. In: A.I. Melyukova (ed.), *Stepi evropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* [The Steppes of the European Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Period] (Arkheologiya SSSR [Archaeology of the USSR]). Moscow, 224–251.
- Kashaev, S.V. 2009: Nekropol' Artyushchenko-2 [Artyushchenko-2 Necropolis]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporan Studies] 22, 188–267.
- Kashaev, S.V. 2020: Nekropol' Artyushchenko-2. Rezul'taty rabot 2003–2019 gg. [Artyushchenko-2 Necropolis. Results of Works in 2003–2019]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporan Studies] 41, 112–132.
- Koval'chuk, A.V., Krayneva, A.A., Sudarev, N.I., Chevelev, O.D. 2010: Raskopki zapadnogo nekropolya Germonassy v 2008 godu [Excavations of the Western Necropolis of Hermonassa in 2008]. In: A.A. Maslennikov, N.A. Gavriyuk, A.A. Zavoykin (eds.), *ΣΥΜΒΟΛΑ. Antichnyy mir Severnogo Prichernomor'ya. Noveyshie nakhodki i otkrytiya* [Antique World of the North Pontic Region. The Newest Finds and Discoveries] 1. Moscow, Kiev, 97–100.
- Kolkówna, S. 1980: Remarques sur les sources archéologiques antiques relatives a la production d'orfèvrerie sur les rivages septentrionaux et occident de la Mer Noire. In: T. Hackens (ed.), *Études sur l'orfèvrerie antique. Studies in Ancient Jewellery* (Publication d'histoire de l'art et d'archéologie de l'Université Catholique de Louvain, XIV. Aurifex 1). Louvain-la-Neuve, 106–154.
- Kolpakova, A.V. 2006: Novye raskopki gruntovogo mogil'nika rannego zheleznogo veka „Lobanova shchel“ u g. Novorossiyska [New Excavations of the Early Iron Age Burial Ground „Lobanova shchel [Gap]“ near the City of Novorossiysk]. In: *Pervaya Abkhazskaya mezhdunarodnaya arkheologicheskaya konferentsiya* [First Abkhasian International Scientific Conference]. Sukhum, 201–202.
- Kolpakova, A.V., Shishlov, A.V., Fedorenko, N.V. 2011: Novye raskopki gruntovogo mogil'nika rannego zheleznogo veka „Lobanova shchel“ u g. Novorossiyska [New Excavations of the Early Iron Age Burial Ground „Lobanova shchel [Gap]“ near the City of Novorossiysk]. In: *Istoricheskie zapiski (issledovaniya i materialy)* (Historical Notes (Studies and Materials)) 7. Novorossiysk, 6–41.
- Kononov, V.Yu. 2023: Ser'gi i visochnye kol'tsa iz meotskikh i sarmatskikh pamyatnikov Kubani [Ear- and Templerings from Maeotian and Sarmatian Sites of the Kuban Region]. *Vestnik Kalmytskogo universiteta* [Bulletin of the Kalmyk University] 3 (59), 32–43.
- Korovina, A.K. 1962: Nekropol' okolo mysa Panagii [The Necropolis near Panagia Cape]. In: V.F. Gaydukevich (ed.), *Arkheologiya i istoriya Bospora* [Archaeology and History of the Bosphorus]. Vol. II. Simferopol', 301–313.
- Korovina, A.K. 1968: Tiramba (gorodishche i nekropol'). Itog arkheologicheskikh rabot ekspeditsii GMII im. A.S. Pushkina za 1959, 1961–1963 i 1965 gody [Tyramba (The Fortified Site and Necropolis). The Results of the archaeological Work of the Expedition of the Pushkin State Museum of Fine Arts for 1959, 1961–1963 and 1965]. *Soobshcheniya Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv im. A.S. Pushkina* [Reports of the State Museum of Fine Arts named after A.S. Pushkin] 4, 54–84.
- Korovina, A.K. 1987: Raskopki nekropolya Tiramby (1966–1970) [Excavations of the Tyramba Necropolis (1966–1970)]. *Soobshcheniya Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh is-*

- kusstv im. A.S. Pushkina* [Reports of the State Museum of Fine Arts named after A.S. Pushkin] 8, 3–70.
- Korpusova, V.M. 1972: Pro naselelnyya khori antichnoy Feodosii [On the Population of the Chora of antique Theodosia]. *Arkheologiya* [Archaeology] 6, 41–55.
- Koukoulidou, Ch., Mazarakis-Ainian, A., Theodoropoulou, T., Touloumtzidou, A., Varvarinou-Vaï, D., Zimi, E., Papadopoulou, Z. 2017: Small finds from the sanctuary of Kythnos. In: A. Mazarakis-Ainian (ed.), *Les sanctuaires archaïques des Cyclades*. Rennes, 193–256.
- Kozub, Yu.I. 1974: *Nekropol' Ol'vii V–IV st. do n.e.* [Necropolis of Olbia of the 5th–4th Centuries BC]. Kiev.
- Krushkol, Yu.S., Novichikhin, A.M. 2010: Opisanie pogrebal'nykh kompleksov. Katalog [The Description of the Burial Complexes. A Catalogue]. In: A.A. Malyshev (ed.), *Naselenie arhaicheskoy Sindiki po materialam nekropol'ya u khutora Rassvet* (Nekropoli Chernomor'ya III) [Population of Archaic Sindica Based on the Material from the Necropolis near the Rassvet Farmstead (Black Sea Necropoleis III)]. Moscow, 21–191.
- Kutaysov, V.A. 2011: *Kurgany nekropol' Kalos Limena* [Kurgan Necropolis of Kalos Limen]. Kiev.
- Kutaysov, V.A., Lantsov, S.B. 1989a: *Nekropol' antichnoy Kerkinitidy. Istoriya i itogi izucheniya* [The Necropolis of the Ancient Cercinitis. History and Results of Studies]. Kiev.
- Kutaysov, V.A., Lantsov, S.B. 1989b: *Nekropol' antichnoy Kerkinitidy. Katalog pogrebeniy* [The Necropolis of the Ancient Cercinitis. The Catalogue of Burials]. Kiev.
- Laffneur, R. 1978: *L'orfèvrerie rhodienne orientalisante*. Paris.
- Leskov, A.M., Beglova, E.A., Ksenofontova, I.V., Erlikh, V.R. 2005: *Meoty Zakuban'ya v sere-dine VI–nachale III v. do n.e. Nekropoli u aula Ulyap. Pogrebal'nye komplekсы* [Maeotians of the Trans-Kuban Region in the Middle of the 6th – Early 3rd Century BC. Necropoleis near the Aul of Ulyap. Burial Complexes]. Moscow.
- Limberis, N.Yu., Marchenko, I.I. 2005: Khronologiya keramicheskikh kompleksov s antichnymi importami iz raskopok meotskikh mogil'nikov Pravoberezh'ya Kubani [Chronology of Ceramic Complexes with Antique Imports from the Excavations of the Maeotian Burial Grounds on the Right Bank of Kuban]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani* [Materials and Research on the Archaeology of Kuban] 5, 219–324.
- Limberis, N.Yu., Marchenko, I.I. 2024: Vooruzhenie meotskikh vsadnikov IV v. do n.e. (po materialam Prikubanskogo mogil'nika) [Arms of the 4th Century BC Maeotian Horseman (after the Materials of the Prikubankiy Cemetery)]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskij vestnik* [Lower Volga Archaeological Bulletin] 23.3, 21–37.
- Maslennikov, A.A. 1978: Raskopki nekropol'ya ellinisticheskogo vremeni u s. Zolotoe [Excavations of a Necropolis of the Hellenistic Period near the village of Zolotoe]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Reports of Institute of Archaeology] 156, 84–89.
- Maslennikov, A.A. 1995: *Kamennyye yashchiki Vostochnogo Kryma (k istorii sel'skogo nasele-niya Evropeyskogo Bospora v VI–I vv. do n.e.)* [Stone Cists of the Eastern Crimea (on the History of the Rural Population of the European Bosporus in the 6th–1st Centuries BC)] (Bosporskiy sbornik [Bosporan Collection] 8)]. Moscow.
- Mordvintseva, V.I., Khachaturova, E.A., Yurchenko, T.V. 2010: *Sokrovishcha drevney Kubani* [Treasures of Ancient Kuban] (Drevnyaya torevtika i yuvelirnoye delo v Vostochnoy Evrope [Ancient Toreutics and Jewellery in Eastern Europe] 4). Simferopol–Krasnodar.
- Müseler, W. 2018: Beyond the Xanthos Valley: Rulers and Mints in Eastern and Central Lycia at the Time of the “Dynasty of Xanthos”. *Gephyra* 15, 11–28.
- Novichikhin, A.M. 1994: Raskopki antichnogo poseleniya v Andreevskoy Shcheli bliz Anapy [Excavations at an Ancient Settlement in Andreevskaya Shchel near Anapa]. *Bosporskiy sbornik* [Bosporan Collection] 4, 172–174.
- Novichikhin, A.M. 2006: *Naseleniye Zapadnogo Zakuban'ya v pervoy polovine I tysyachele-tiya do n. e. (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov)* [The Population of the Western

Trans-Kuban Region in the First Half of the 1st Millennium BC (Based on the Materials from Burial Sites). Anapa.

- Novichikhin, A.M. 2010: Pogrebal'nyy inventar' nekropolya u khutora Rassvet [The Burial Inventory of the Necropolis near Rassvet Farmstead]. In: A.A. Malyshev (ed.), *Naselenie arhaicheskoy Sindiki po materialam nekropolya u khutora Rassvet* (Nekropoli Chernomor'ya III) [*Population of Archaic Sindica Based on Materials from the Necropolis near the Rassvet Farmstead* (Black Sea Necropoleis III)]. Moscow, 204–234.
- Novichikhin, A.M. 2017: *Utrish skvoz' veka* [Utrish through Centuries]. Krasnodar.
- Novichikhin, A.M., Galut, O.V. 2006: *Zoloto Gorgippii* [Gold of Gorgippia]. Krasnodar–Anapa.
- Oggenova-Marinova, L. 1984: Drebnii nakhdki, terakoti, skulptura [Small Finds, Terracottas, Sculptures]. In: Dimitrov, D.P., Chichikova, M., Balkanska, A., Oggenova-Marinova, L. *Sevtopolis* [Seutopolis]. Vol. I. *Byt i kul'tura* [Life and Culture]. Sofia, 159–227.
- Petrenko, V.G. 1978: *Ukrasheniya Skifii VII–III vv. do n.e.* [Finery of Scythia of the 7th – 3rd Centuries BC] (Svod arkhеologicheskikh istochnikov [Corpus of Archaeological Sources] D4–5). Moscow.
- Philipp, H. 1981. *Bronzeschmuck aus Olympia* (Olympische Forschungen XIII). Berlin.
- Pologiorgi, M. 1981: Υστεροκλασικός τάφος στην Κίσαμο. *AAA* 14, 162–178.
- Pülz, A.M. 2009: *Die Goldfunde aus dem Artemision von Ephesos* (Forschungen in Ephesos 12.5). Wien.
- Ritter, S. 2002: *Bildkontakte: Götter und Heroen in der Bildsprache griechischer Münzen des 4. Jhs. v. Chr.* Berlin.
- Robinson, D.M. 1941: *Metal and Minor Miscellaneous Finds* (Olynthus X). Baltimore–London.
- Romanchenko, N.F. 1907: Raskopki v okrestnostyakh Eypatorii [Excavations in the Vicinities of Eupatoria]. *Izvestiya imperatorskoy arkhеologicheskoy kommissii* [Proceedings of the Imperial Archaeological Commission] 25, 172–187.
- Rotroff, S.I. 1997: *Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material* (The Athenian Agora. XXIX). Princeton.
- Rukavishnikova, I.V., Antipenko, A.V., Fridrikhsen, S.K. 2024: Rezul'taty rentgeno-fluorescentnogo analiza sostava splava metallicheskih ukrasheniy iz mogil'nika Bатырский 1. Kratkoye soobshcheniye [Results of X-ray Fluorescence Analysis of the Alloy Composition of Metal Ornaments from the Bатырский 1 Burial Ground. Brief Communication]. *Materialy po arkhеologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria] (forthcoming).
- Shishlov, A.V., Kolpakova, A.V., Fedorenko, N.V. 2013: Raskopki gruntovogo mogil'nika rannego zheleznogo veka “Lobanova shchel” v 2005–2006 gg. [Excavations at the Early Iron Age Burial Ground “Lobanova shchel” [Gap] in 2005–2006]. In: A.G. Krokmal' (ed.), *Bio-raznoobrazie gosudarstvennogo prirodnogo zapovednika “Utrish”*. *Nauchnye trudy* [Biodiversity of the Utrish State Nature Reserve. Scientific Papers]. Vol. 1. 2012. Anapa, 294–330.
- Shishlov, A.V., Kolpakova, A.V., Fedorenko, N.V. 2018: Kamennyy sklep rannego zheleznogo veka iz gruntovogo mogil'nika Zarya-2 u st. Natukhaevskoy g. Novorossiyska [A Stone Tomb from the Early Iron Age Burial Ground Zarya-2 near the Stanitsa of Natukhaevskaya of Novorossiysk]. In: R.B. Skhatum, V.V. Ulitin (eds.), *VIII “Anfimovskie chteniya” po arkhеologii Zapadnogo Kavkaza v drevnosti i srednevekov'e: Materialy mezhdunarodnoy arkhеologicheskoy konferentsii* (g. Anapa, 30 maya – 1 iyunya 2018 g.). [VIII “Anfimov Readings” on the Archaeology of the Western Caucasus. War and Trade as Factors in the Historical Development of the Peoples of the Western Caucasus in Antiquity and the Middle Ages: Proceedings of the International Archaeological Conference (Anapa, May 30 – June 1, 2018)]. Krasnodar, 339–347.
- Shishlov, A.V., Kolpakova, A.V., Fedorenko, N.V. 2021: Issledovaniya mogil'nika rannego zheleznogo veka “Lobanova shchel” (po itogam raskopok 2007 i 2009 gg.) [Research of the

- Early Iron Age Burial Ground “Lobanova shchel” (after the Results of 2007 and 2009 Excavations)]. In: O.N. Bykhalova (ed.), “*Nazemnye i morskije ekosistemy poluostrova Abrau: istoriya, sostoyanie, okhrana*”. *Nauchnye trudy [Terrestrial and marine Ecosystems of the Abrau Peninsula: History, Status, Protection]*. Scientific papers]. Vol. 5. Anapa, 285–295.
- Shishlov, A.V., Fedorenko, N.V., Kolpakova, A.V., Kononenko, A.P. 2007: Material'naya kul'tura Vladimirovskogo mogil'nika [The Material Culture of the Vladimirovka Burial Ground]. *Istoricheskie zapiski (issledovaniya i materialy) [Historical Notes (Studies and Materials)]* 5. Novorossiisk, 4–19.
- Shkorpil, V.V. 1905: Otchet o raskopkakh v Kerchi i okrestnostyakh v 1903 g. [Report on the Excavations in Kerch and its Environment in 1903]. *Izvestiya imperatorskoy arkheologicheskoy kommissii [The News of the Imperial Archaeological Commission]* 17, 1–76.
- Shkorpil, V.V. 1910: Otchet o raskopkakh v g. Kerchi i na Tamanskom poluostrove v 1907 g. [Report on the Excavations in the City of Kerch and on the Taman Peninsula in 1907]. *Izvestiya imperatorskoy arkheologicheskoy kommissii [The News of the Imperial Archaeological Commission]* 35, 12–47.
- Silant'eva, P.F. 1976: Spravedivnye podveski Bospora [Spiral-Shaped Pendants of the Bosphorus]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha [Proceedings of the State Hermitage]* 17, 123–137.
- Sorokina, N.P. 1957: *Tuzlinskiy nekropol'* [The Tuzla Necropolis] (Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya, Pamyatniki kultury [Proceedings of the State Historical Museum. Monuments of Culture 26]. Moscow.
- Stolba, V., Rogov, E. 2012: *Panskoye I. The Necropolis* (Panskoye Vol. 2). Aarhus.
- Sudarev, N.I. 2017: *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh v 2016 godu “Na territorii vyyavlennogo ob'ekta arkheologicheskogo naslediya poseleniya Vinogradnyy-7 (IV–I vv. do n.e.) v zone stroitel'stva pod'ezda ot avtomobil'noy dorogi M-25 Novorossiysk – Kerchenskiy proliv k g. Kerch' i sukhogruznomu rayonu morskogo porta Taman' na uchastke km 0 – km 42 v ramkakh rekonstruktsii uchastkov avtomobil'noy dorogi Novorossiysk – Kerchenskiy proliv (na Simferopol') v Temryuiskom rayone Krasnodarskogo kraya”* [Report on archaeological excavations in 2016 “On the Territory of the Identified Archaeological Heritage Site of the Settlement of Vinogradnyy-7 (4th–1st Centuries BC) in the Construction Zone of the Access Road from the M-25 Novorossiysk – Kerch Strait Highway to the City of Kerch and the Dry Cargo Area of the Seaport of Taman on the Section km 0 – km 42 as Part of the Reconstruction of Sections of the Novorossiysk – Kerch Strait Highway (to Simferopol) in the Temryuk District of Krasnodar Region”]. Archive of the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences.
- Tarasova, N.V. 2005: Ob odnoy gruppe visochnykh podvesok rannego zheleznogo veka iz Severnogo Prichernomor'ya [On one Group of Temple Pendants of the Early Iron Age from the North Pontic Region]. In: V.I. Gulyaev (ed.), *Drevnosti Evrazii: ot ranney bronzy do rannego srednevekov'ya. Pamyati Valeriya Sergeevicha Ol'khovskogo. Sbornik statey [Antiquities of Eurasia: from the Early Bronze Age to the Early Middle Ages. In Memory of Valeriy Sergeevich Olkhovskiy. Collection]*. Moscow, 515–520.
- Treister, M.Yu. 1988: Bronzolitaynoye remeslo Bospora VI–V vv. do n.e. [Bronzeworking of the Bosphorus in the 6th–5th Centuries BC]. *Eirene* XXV, 45–67.
- Treister, M.Yu. 1992: Bronzolitaynoye remeslo Bospora [Bronzeworking of the Bosphorus]. *Soobshcheniya Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv im. A.S. Pushkina [Communications of the Puushkin State Museum of Fine Arts]* 10, 66–110.
- Treister, M.Yu. 2010: Issledovaniye bronzovykh ukrasheniy iz mogil'nika u khut. Rassvet [The Study of Bronze Ornaments from the Burial Ground near the Rassvet Farmstead]. In: A.A. Malyshev (ed.), *Naselenie arhaicheskoy Sindiki po materialam nekropolya u khutora Rassvet (Nekropoli Chernomor'ya III) [Population of Archaic Sindica Based on the Material from the Necropolis near the Rassvet Farmstead (Black Sea Necropoleis III)]*. Moscow, 235–238.

- Treister, M.Yu. 2015. Istoriya nakhodok zolotykh ukrasheniy v Fanagorii vo vtoroy polovine 19 – pervoy treti 20 v. [History of Gold Jewellery Finds in Phanagoria in the Second Half of the 19th – First Third of the 20th Centuries]. In: M.Yu. Treister (ed.), *Zoloto Fanagorii* [*Gold of Phanagoria*] (Fanagoriya [Phanagoria] 2), Moscow, 16–22.
- Treister, M.Yu., Vinokurov, N.I. 2023: Zolotyie i serebryanye podveski-lunnitsy iz sloya poz-hara 46/47 g. n.e. ranney tsitadeli gorodishcha Artezian v Vostochnom Krymu [Gold and Silver Lunula Pendants from the AD 46/47 Fire Layer of the Early Citadel of the Artesian fortified Settlement in the Eastern Crimea]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [*Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*] 3, 112–128.
- Treister, M.Yu., Rukavishnikova, I.V., Beylin, D.V. 2024: Bronzovyye perstni s izobrazheniyami na shchitkakh iz mogil'nika «Batyрский 1» v rayone Novorossiyska [Bronze Finger Rings with Images on Bezels from the Burial Ground “Batyрский 1” in the Novorossiysk Region]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya* [*Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region*] 16, 234–288.
- Treister, M.Yu., Sudarev, N.I. 2025: Serebryanye spiralevidnye ukrasheniya Aziatskogo Bospora [Silver Spiral-Shaped Ornaments of the Asian Bosphorus]. *Drevnosti Bospora* [*Bosporan Antiquities*] 30 (forthcoming).
- Tsokur, I.V., Sudarev, N.I., Sharov, O.V. 2022: *Volna I. Nekropol' arkhaiskogo – ellinisticheskogo periodov na Tamanskom poluostrove* [*Volna I. Necropolis of the Archaic to Hellenistic Periods on the Taman Peninsula*]. (Materialy spasatelnykh arkheologicheskikh issledovaniy [Materials of Rescue Archaeological Research]. Vol. 30. Pts 1–2). Moscow.
- Ventsova, M.I. 2013: Ukrasheniya v gruntovykh nekropolyakh Bospora [Ornaments in the Burial Grounds of the Bosphorus of the 6th–2nd Centuries BC]. *Donets'kijy arkheologichniy zbirnik* [*Donetsk Collection of Articles on Archaeology*] 17, 115–131.
- Walker, A.L., Goldman, H. 1915: Report on Excavations at Halae of Locris. *AJA* 19. 4, 418–437.
- Williams, D. 1996: The Kyme Treasure. In: A. Calinescu (ed.), *Ancient Jewellery and Archaeology*. Bloomington–Indianapolis, 117–129.
- Williams, D., Ogdén, J. 1994: *Greek Gold. Jewellery of the Classical Period*. London.
- Williams, D., Ogdén, J. 1995: *Grecheskoe zoloto. Yuvelirnoe iskusstvo klassicheskoy epokhi. V–IV veka do n.e.* [*Greek Gold. The Jewellery Art of the Classical Period. 5th–4th Centuries BC*]. Saint Petersburg.
- Yakovenko, E.V. 1970: Ryadovye skifskie pogrebeniya v kurganakh Vostochnogo Kryma [Ordinary Scythian Burials in the Burial Mounds of the Eastern Crimea]. In: A.M. Leskov (ed.), *Drevnosti Vostochnogo Kryma* [*The Antiquities of Eastern Crimea*]. Kiev, 103–135.
- Yakovenko, E.V., Chernenko, E.V., Korpusova, V.N. 1970: Opisanie skifskikh pogrebeniy v kurganakh Vostochnogo Kryma [Description of Scythian Burials in the Burial Mounds of the Eastern Crimea]. In: A.M. Leskov (ed.), *Drevnosti Vostochnogo Kryma* [*The Antiquities of Eastern Crimea*]. Kiev, 136–179.
- Zahlhaas, G. 1991: Ein makedonischer Grabfund und verwandte Bronzen aus Makedonien. In: *Spurensuche. Festschrift für Hans-Jörg Kellner zum 70. Geburtstag* (Kataloge Prähistorischen Staatssammlung München 3). Kallmünz, 31–54.
- Zastrozhnova, E.G. 2014: Arkheologicheskie raskopki Fanagorii v 1852–1855 gg. (po materialam polevogo zhurnala K.R. Begicheva) [Archaeological Excavations at Phanagoria in 1852–1855 (After the Materials of the Field Journal of K.R. Begichev)]. *Bosporskie issledovaniya* [*Bosporos Studies*] XXX, 469–481.
- Zastrozhnova, E.G. 2019: *Fanagoriya. Istoriya arkheologicheskogo izucheniya (konets XVIII – seredina XX v.)* [*Phanagoria. History of Archaeological Research (late 18th – mid-20th centuries)*]. Moscow, Saint Petersburg.

SILVER AND BRONZE JEWELLERY FROM THE 4th–3rd CENTURIES BC
“BATYRSKIY 1” BURIAL GROUND, IN THE VICINITY OF
NOVOROSSIYSK

Mikhail Yu. Treister¹, Irina V. Rukavishnikova², Denis V. Beylin³

¹*Independent Researcher, Bonn, Germany*

²*Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

³*Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia*

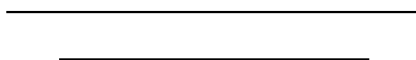
¹ *E-mail:* mikhailtreister@yahoo.de

² *E-mail:* rukavishnikovairina@yandex.ru

³ *E-mail:* denis_beylin1979@mail.ru

The paper is a publication of silver and bronze jewellery (spiral pendants, lunulae and a torc) from the Batyrskiy 1 burial ground, which is located south of the Verkhnebakanskiy settlement, 10 km northwest of Novorossiysk and is dated by amphoras material and ceramics within the second half of the 4th – third quarter of the 3rd centuries BC. The chronology, genesis and distribution of the specified types of jewellery, especially in the North Pontic region, are considered in detail. They are represented by types that were either widespread in the North Pontic (spiral pendants) or reflect rather a local fashion common among the local population living in the late 6th – 3rd cc. BC in the area of modern Anapa and Novorossiysk (lunulae, a torc). In general, the closest objects to the jewellery under discussion are those from the burial grounds near the Rassvet Farmstead and Lobanova Shchel in the specified microregion.

Keywords: North Pontic region, Bosporus, “Batyrsky 1” burial ground in the vicinity of Novorossiysk, dating of burial complexes, silver and bronze jewellery, spiral pendants, lunulae, torcs

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2025), 39–58
© The Author(s) 2025

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2025), 39–58
©Автор(ы) 2025

DOI: 10.18503/1992-0431-2025-1-87-39–58

«СЛЕДЫ ДИОНИСА» В СВАТИЛИЩЕ ДЕМЕТРЫ И КОРЫ НА ФОНТАЛОВСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

А.А. Завойкин

Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия

E-mail: bospor@inbox.ru

ORCID: 0000-0002-1576-5802

В статье рассматриваются находки из святилища Деметры и Кору-Персефоны, расположенного на изолированном мысу в центральной части поселения Береговой 4 (Фонталовский полуостров), которые связаны с почитанием Диониса. Их немного, но они сравнительно разнообразны. Это изображения самого бога (его маски), фрагменты терракотовой статуэтки и фигурного сосуда, представляющие Диониса или его спутника Силена, керамические вотивы в виде атрибута бога – виноградной грозди, наконец, три статуэтки, одна из которых представляет полубоженного мальчика в «дионисовом венке», играющего с собачкой, и две однотипные статуэтки сидящих девушек, которые в одной руке держат гроздь винограда, а другой рукой удерживают гуся (утку), тянущегося к плодам. В статье акцент сделан на анализе культового аспекта этих приношений в святилище двух богинь, а также на хронологии рассматриваемых предметов. Автор отмечает взаимосвязь сюжетов и атрибутов, обнаруженных в святилище, с некоторыми погребальными традициями на Боспоре в период эллинизма. Примечательно, что вотивные приношения, очевидно связанные с культом Диониса в этом святилище, датируются на ранее IV в. до н.э., но в основном относятся ко II – первой половине I в. до н.э. На этом основании сделан вывод о том, что в предшествующий период (конец VI – V в. до н.э.) почитание многоликого бога осуществлялось в святилище в иных, не столь очевидных формах.

Ключевые слова: Боспор, святилище, Береговой 4, Деметра, Кора, Дионис, терракота, вотивы, статуэтки

Данные об авторе. Алексей Андреевич Завойкин – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела классической археологии ИА РАН.

Изначально статья была подготовлена для публикации в сборнике ГИМ, посвященном памяти Н.А. Фроловой. По неизвестным мне причинам это издание не увидело свет. Поэтому считаю уместным вернуть свой долг памяти замечательной исследовательнице нумизматики Боспора, хотя бы спустя годы.

В настоящей редакции работа публикуется в рамках НИР ИА РАН «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (№ НИОКТР 122011200269-4).

*Светлой памяти
Нины Андреевны Фроловой
посвящается*

Присутствие в святилище Деметры и Кору-Персефоны изображений Диониса, его символов и спутников, конечно же, не должно вызвать удивление, поскольку этот бог в разных своих ипостасях и под разными именами (Загрей, Иакх, Эвбулей) – неизменный персонаж элевсинского предания и культа. Он, – пользуясь словами А.Ф. Лосева, – «если еще <...> и не Аид и не сын Аида, то он во всяком случае сын Персефоны (№ 20a-g) или даже самой Деметры (№ 20n)»¹. И далее: «Античность знала много разных Дионисов, и Загрей есть только один из множества его образов. Три Диониса находим у Филодема (№ 21j), до четырех Дионисов различают Цицерон (№ 20j) и Лид (№ 20j), пять Дионисов перечисляет Диодор (№ 20n). У Нонна встречаем такое разделение: 1) Дионис, сын Персефоны, которого Нонн называет большей частью первым Дионисом или Загреем (см. № 25bc–d), но также и Иакхом (XXXI. 66); 2) Дионис, сын Семелы, связанный с фиванскими мифами, или «позднейший Дионис (№ 25c–d); 3) Дионис-Иакх, сын фиванского Диониса и Ауры (XLVIII. 469). Если второй из этих Дионисов есть чисто греческий бог, а третий, кроме того, основное божество элевсинских мистерий, то первый <...> далеко выходит за пределы Греции, имея свой ближайший прототип в Загрее Критском»².

Вотивные приношения, найденные в святилище Береговой³, лишь фиксируют присутствие здесь этого многоликого бога, но, разумеется, ни в какой степени не могут внести дополнительную ясность в проблемы, которые вызывали затруднения и неоднозначность суждений уже у древних авторов, а вслед за ними – у глубоких исследователей греческой мифологии⁴. Перед нами стоит существенно более простая задача – охарактеризовать в хронологическом аспекте локальные особенности презентации Диониса в святилище Деметры и Кору-Персефоны на берегу Киммерийского Боспора.

Находки вотивных приношений, прямо указывающих адресата, сравнительно немногочисленны. Прежде всего это небольшие терракотовые маски⁵ бородатого

¹ Лосев 1957, 145. Ссылаясь, в частности, на Диодора (V. 75, 4) и Еврипида (fr. 472), выдающийся русский исследователь мифологии пишет: «Точнее, Загрей настолько же сын Аида, насколько он сам Аид» (Лосев 1957, 144, 165).

² Лосев 1957, 145–146. О связи Диониса с Элевсином также см.: Кереньи 2007, 66–71, 84; 2000, 57–63, рис. 5 (именно Дионис, которого Гераклит отождествляет с Аидом [fr. 15 Diels], является похитителем Кору на Нисийской равнине); 148–149; 155 («Невзирая на то, какое множество деталей может еще недоставать нашему воссозданию элевсинской священной легенды об оболщении Персефоны, из тумана неопределенности вырисовывается одно: божественная троица... Это непрерывно связанные друг с другом Деметра, Кора и Дионис»); 183–186, рис. 55, 56 (согласно орфической традиции, хтонический Дионис – Эвбулей; он же владыка подземного царства «в юношеском образе»; «в том, что касалось мира живых людей, божественную триаду составляли Деметра, Кора и Дионис. В мистической триаде подземных божеств третьей фигурой, после Персефоны и ее мужа, был Эвбулей»).

³ О нем см.: Завойкин 2006а; Завойкин, Сударев 2009.

⁴ Ср. Цымбурский 2002, 141 сл.

⁵ В. Буркерт называет маску «внешним атрибутом и инструментом совершаемого богом преображения». «В греческой религии нет второго подобного примера, чтобы при подобном преображении почитатель и бог сливались в одно; и тот и другой назывались *bacchos*» (Буркерт 2004, 268).

Диониса в высокой «жреческой» повязке в виде тюрбана, с венком из листьев и плодов плюща с двумя так называемыми «коримбами»⁶ в центре и выступами-рожками по бокам от них⁷: одна совершенно целая, другая фрагментированная (с так называемой «ассирийской» бородой⁸) и два обломка от других двух масок (фрагменты верхней части с повязкой и плющевым венком и с нижней частью бороды⁹) (рис. 1, 1–4).

Рис. 1. Маски Диониса и их фрагменты (1–4), грозди винограда (5, 6), верхняя часть фигурного сосуда (7), фрагмент полый статуэтки – голова сидящего силена (8)

⁶ Κόρυμβος ὁ (pl. τὰ κόρυμβα): 1) оконечность корабля, край кормы; 2) вершина; 3) *бот.* пучок, гроздь, кисть; 4) высокая прическа.

⁷ Ср.: «Жреческая повязка в виде выпуклого валика, перевитого лентой с бантами по бокам. Два *коримба*, венки из листьев и цветов плюща, иногда узкая повязка на лбу дополняют головной убор бога... Среди листьев венка видны два небольших продолговатых отростка, в которых большинство исследователей склонны видеть рожки. В подобном оформлении маска представляет собой образ Диониса-Быка, буколический культ которого являлся одним из древнейших в земледельческой религии, связанной с представлениями о жизни и смерти» (Финогенова 1990, 190).

⁸ Аналогична: Финогенова 1990, 191, рис. 1, 4–6.

⁹ Трактовка бороды на этой маске отличается от прочих. Ср. Frontisi-Ducroux 1991, 209, 210, 260, fig. 118: конец V в. до н.э.

Все они найдены в верхнем горизонте культурного слоя и по многочисленным аналогиям, вероятно, должны быть датированы II – первой половиной I в. до н.э. Наиболее ранние маски из Северного Причерноморья С.И. Финогенова относит еще к IV–III вв. до н.э.¹⁰ «Связь Диониса с погребальным культом в Херсонесе зафиксирована находками терракотовых масок бога и его спутников в одной из могил еще III в. до н.э. [Белов, 1970: 74]»¹¹. Н.В. Молева сообщает о находке вотивной маски Диониса в китейском зольнике в слое IV в. до н.э.¹²

А.С. Русяева, отмечая относительно небольшое (в сравнении с другими причерноморскими полисами) количество источников по культуре Диониса на Боспоре, в то же время указывает на то, что довольно многочисленные находки в Пантикапее терракотовых масок Диониса «бесспорно отражают популярность его культа в III в. до н.э.», а также на то, что в количественном отношении маски Диониса и сатиров на Боспоре существенно превышают их находки в других понтийских центрах¹³. Иначе говоря, эти культовые предметы отражают определенную специфику почитания Диониса на Боспоре¹⁴.

С поклонением Дионису связаны и керамические вотивные поделки в виде виноградных гроздей (рис. 1, 5, 6)¹⁵. Подобные находки также хорошо известны в культовых контекстах времени правления на Боспоре Митридата VI Евпатора Диониса (и, быть может, несколько позднее) одновременно с масками этого бога¹⁶, в том числе представленного в виде «Диониса-винограда»¹⁷, например, в святилище Диониса и Афродиты (?) на акрополе Пантикапея¹⁸. Впрочем, вопрос о хронологии таких предметов, на мой взгляд, отнюдь не может считаться окончательно решенным только на основании боспорских материалов.

Хотя мне остались неизвестными более ранние боспорские комплексы с виноградной гроздью (в отличие от косточек миндаля¹⁹, аналогичных той, что была

¹⁰ Финогенова 1990, 190.

¹¹ Русяева 2005, 404; Белов 1970, 74, № 16–19, табл. 12, 1–6. Из гробницы 611/1896 г. Высокое качество исполнения лика Диониса (см. Белов 1970, табл. 12, 4) позволяет поставить ее в начало хронологического ряда аналогичных масок.

¹² Молева 2002в, 152, 153. Любопытно, что, по информации исследовательницы, для слоя III–I вв. до н.э. «лики самого Диониса» не характерны, в них терракота представляет исключительно его свиту (сатиры, силены, менады).

¹³ Русяева 2005, 405, 408.

¹⁴ Которую только оттеняет отсутствие здесь таких, например, предметов культа бога (в ипостаси Загрея), характерных для Ольвии и Аполлонии Понтийской, как свинцовые *букрании* и *лабрисы* в могилах и могильных насыпях (см. Русяева 2005, 392).

¹⁵ Найдены на поверхности с тремя очагами горения (*эсхарами*): один представлял собой кольцевидный керамический предмет (заполненный продуктами горения), служивший переносным очагом (объект 4.4а), два других – пятна обожженного грунта (объект 4.4б), размеры которых говорят о том, что они, образовались вследствие перемещения керамического очага. Рядом обнаружены и другие керамические вотивы: фигурка какого-то животного («лошадка»), косточка миндаля, фрагментированный предмет в виде «расчесанной пряди» волокон или волос (Завойкин 2003, 99, рис. 1, 8, 9).

¹⁶ Денисова 1981, 65–66.

¹⁷ Пругло 1970, 99, № 23, табл. 44, 5; Финогенова 1990, 193, 194, рис. 2, 1.

¹⁸ Толстиков, Виноградов 1999, рис. 7, 1б; Ильина, Муратова 2002, 115–121.

¹⁹ В 1906 г. В.В. Шкорпил (1909, 74–75, № 70) в земляной гробнице, впущенной в полу кургана, в которой был похоронен ребенок, открыл любопытнейший комплекс из 12 терракотовых статуэток. «Возле левой руки лежал гротеск, представляющий старика <...> возле правой – маска юноши в колпаке. Между этими двумя фигурками лежали 2 совершенно одинаковые фигурки сидящих женщин, 3 стоящие женщины разных типов, 2 разных бюста Коры и медальон с изображением пляшущего Эрота, уронившего флейту. Две фигурки распались на мелкие кусочки. Вправо от пяток

найдена в том же контексте, что и гроздь винограда), можно с полной уверенностью утверждать, что такой керамический вотив получил широкое распространение в погребениях различных центров Средиземноморья уже в относительно ранний период, по крайней мере с IV в. до н.э. Во многих музеях, в которых представлены находки из некрополей греческих центров Южной Италии и Сицилии, имеются образцы богатых наборов керамических вотивных приношений²⁰. Среди них и виноградная гроздь, и миндаль, и многие другие «загробные дары» в виде плодов²¹, «печений» (ἐπιπέματα²²), медовых сотов²³, сыра, неких предметов в виде «расчесанного волокна/локона» S-видной формы²⁴ и др.

Для нас важно, что эти вотивы в особенности характерны для погребений (в том числе на Боспоре – косточка миндаля²⁵, см. сноску 21), а также то, что по

костяка стояли 2 простых глин. блюдечка с *терракотовыми миндалями* и такая же поделка, представляющая, кажется, *пирожное*. Монета во рту погребенного (Бурачков 1884, табл. XX, 89) определяет *terminus post quem* погребения – 330–315 гг. до н.э. А.А. Масленников (1999, 130) упоминает вотивную косточку миндаля в комплексе терракоты из помещения на пос. Полянка второй половины I в. до н.э. (Сапрыкин, Масленников 1998, 136–137).

²⁰ Превосходные наборы вотивной пластики известны мне в экспозициях. В Музее археологии и антропологии Пенсильванского университета, Филадельфия: наряду с другими фруктами – виноградная гроздь, сыр, печенье в виде лепешки с радиальными надрезами по краю (ср. Brumfield 1997, 151, nos. 10, 68, 73, etc., pls. 46–50: тип 2 – *πλακοῦς*), «прядь волокон» S-видной формы, предмет в виде спирали в два витка, «букраний» (или печенье в виде головы козла? ср. *ἀχαιῦρας* – печенье в форме козла, приносимое Деметре и Коре во время праздника «Больших хлебов» в Беотии (Athen. 109ε; Plut. De Is. et Osir. 378ε)), предмет продолговатой («фаллической») формы, предмет (или фигурка?) сложной формы, идентифицировать который я не смог. В Национальном археологическом музее Пестума, три комплекса: 1) печенье в виде плоских лепешек с выступом по середине (ср. Brumfield 1997, 150, nos. 9, 10, 20, 36, 49, 55, 64, pls. 46, 51: тип 4 – *πόλωνον μονόφαλον*) и сыр; 2) яйцо (?), фрукты, в том числе – гроздь винограда, две косточки миндаля; 3) фрукты, в том числе – пластина в виде грозди винограда, мед в сотах, печенье, украшенное рельефными S-видными завитками, «прядь волокон» S-видной формы, неопределенный предмет S-видной формы с вогнутой плоскостью с одной стороны и выпуклой с другой (см. рис. 2, 2). В музее г. Кассель (Museum Palace Wilhelmshöhe/Staatliche Museen Kassel, Antikensammlung, Ton. T 951a-n, из Пестума (?), ок. 360–340 гг. до н.э.; см. рис. 2, 1): наряду с другими фруктами – виноград, яйцо, фигурное печенье, украшенное S-видными завитками, мед, сыр и «прядь волокон» S-видной формы. Нет полной уверенности в том, что во всех случаях это исходные комплексы находок, а не экспозиционная инсталляция, в которой комбинируются вещи из разных комплексов. Сходную композицию плодов на тарелке можно видеть на рельефе мраморного саркофага из Триполи (первая половина II в. н.э.): ее подносит к *κλιне*, на которой возлежит дама, служанка (Археологический музей, Стамбул, inv. 345 T).

²¹ Среди них выделяются: плод граната, яблоко или айва, инжир (дар Диониса – *σῦκον*, отсюда его эпитет в Лаконии: *συκάτης* (Hesych. s.v. *συκίτης*; см. Нильссон 1998, 50, примеч. 1), финики, наряду с иными плодами, вид которых определить затруднительно.

²² См. Sokolowski 1955, no. 38, lines 10–12.

²³ Или же это печенье в виде сотов (?) – *μόλλος*, которое изготавливалось из кунжута и меда и преподносилось Деметре и Коре во время Фесмофорий в Сиракузах (Athen. 647a). На Наксосе Дионис имел эпитет *μελίχιος*, т.е. медовый, милосердный, ласковый (Athen. III, p. 78c; Нильссон 1998, 50, прим. 1).

²⁴ Атрибутировать этот предмет не удастся. Исходя из контекста, можно лишь предполагать, что это съедобный плод или, скорее, изготовленный продукт (печенье или сыр), которому придали специфическую форму (S- или S-видную), имитирующую нечто, возможно и животного происхождения. Важный признак – «волокистость» поверхности предмета. Впрочем, Афиней, цитируя Полемона, автора III в. до н.э., упоминает, наряду со съедобными продуктами, которые клались в *кернос* во время ритуалов в честь Деметры, «немытую <овечью> шерсть» (Athen. XI. 478d).

²⁵ А также «пирожное», т.е. печенье или сыр.

крайней мере²⁶ три вида вотивов (виноградная гроздь, косточка миндаля и фрагмент предмета в виде «расчесанного волокна/локона») представлены и в нашем святилище. Пожалуй, здесь не место рассуждать о том, каким божествам были адресованы те или иные загробные дары²⁷ и подношения в святилище, но нет сомнений в том, что в их числе был Дионис в хтонической своей ипостаси.

Еще одна интересная находка в святилище – обломок пустотелой, оттиснутой в формах статуэтки: голова «бородатого Силена» в характерном венке в виде толстого валика²⁸, выполненная с большим мастерством. Старческое лицо с выпуклыми надбровными дугами, широкий нос, тяжелые полуприкрытые веки – склоняют к традиционному мнению²⁹, что эта терракота представляет учителя и спутника Диониса, Силена³⁰ (рис. 1, 8а, б). Типологически эта статуэтка ближе всего изображению Силена в образе Плутона с рогом изобилия³¹. Однако изображение «тучного» Диониса с лозами и канфаром³² в руках на аттической чернофигурной амфоре из Royal Ontario Museum в Торонто³³ заставляет быть более осторожным в определениях³⁴.

Учитывая то, что на верхней поверхности головы нашей статуэтки имеется довольно обширное круглое отверстие (возможно, технологического характера), и незначительную толщину её стенок, кажется небесполезным сопоставить нашу терракоту с фигурными вазами из Олинфа в виде сидящих силенов, во всяком случае в иконографическом плане³⁵.

К дионисийской тематике, несомненно, имеет отношение и фрагмент фигурного сосуда закрытого типа³⁶, от которого сохранились фрагменты венца, горла и самой верхней части тулова, выполненного в форме головы (сохранился лишь край прически). Поверхность горла, непосредственно под нижним выступом венца, украшена рельефом вьющейся лозы, с которой свешиваются виноградные гроздья (рис. 1, 7). Это позволяет уверенно говорить о том, что сосуд представляет собой изображение головы персонажа, связанного с богом виноделия. Аналогии этому сосуду отыскать не удалось. Хотя в Северном Причерноморье известны фигурные сосуды главным образом первых вв. н.э. (но не только)³⁷, не подлежит

²⁶ Возможно, к их числу следует добавить керамические вотивы, изображающие то ли гранат, то ли головку мака (см. Завойкин 2003, 99, рис. 3).

²⁷ Не требуют, пожалуй, комментариев лишь плод граната и яйцо.

²⁸ На нем невысоким рельефом намечены округлые выпуклости, идущие в ряд.

²⁹ Кобылина 1961, 87, табл. XII, 3. По слою датирует голову статуэтки из Фанагории III в. до н.э.

³⁰ Согласно Диодору (Diod. IV. 4, 3), он – воспитатель и кормилец Диониса, сопровождал его в походах. По Павсанию (I. 23, 5), так называют сатиров, достигших преклонных лет.

³¹ Ср. Schauenburg 1954, 53, 54, Abb. 11, 12. Обе статуэтки из Тарента, во втором случае божество представлено как «тучный демон», в гротескной манере.

³² Об этом атрибуте бога см.: Hedreen 1992, 88–90; Лиссарраг 2008, 26, прим. 42; Carpenter 1986, 1, note 1; Gras 1984, 325–339.

³³ ABV 282, 2; Hedreen 1992, pl. 12.

³⁴ Необходимо принимать в расчет трансформацию иконографии бога: «В идеализирующих изображениях VII и VI вв. Дионис предстает в виде старого, бородатого бога, закутанного в длинное покрывало, держащего в руке специфический сосуд для вина – канфар, kantharos. В середине V в. <...> происходит омолаживание Диониса; теперь, в согласии с гомеровским гимном, его изображают юным и в большинстве случаев обнаженным» (Буркерт 2004, 274).

³⁵ Robinson 1952, pl. 119, nos. 395 и особенно 396. Первая половина IV в. до н.э.

³⁶ Невозможно сказать, был ли это кувшин или двуручный кубок.

³⁷ Включая изображения божеств, например: лепной сосуд в виде головы Диониса, округи Кеп, II–III вв. н.э. (Сорокина 1997, 55, рис. 40); кувшин с изображением одной из харит (?); лекиф с изображением лика Афины, Пантикапей, IV в. до н.э.; гуттус и кувшинчик в виде бюста богини (напо-

сомнению тот факт, что подобного рода предметы были в ходу у греков и в предшествующие столетия³⁸. Нет сомнений и в том, что это изделие не было бытовым сосудом³⁹. Об этом, в частности, свидетельствует и характер выделки венца, сравнительно небрежный, едва профилированный. По слою эту находку, скорее всего, следует отнести ко II – первой половине I в. до н.э.

С почитанием великого и многоликого бога, на мой взгляд, безусловно связаны и три терракотовые статуэтки двух типов⁴⁰, тоже найденные в верхнем горизонте культурного слоя святилища: фигурка стоящего полуобнаженного мальчика, играющего с собачкой, и две сидящие на высоком постаменте женские фигурки, держащие в левой руке гроздь винограда, а правой – «придерживающие» гуся (утку). Традиционно их относят к числу «жанровых»⁴¹, что справедливо лишь отчасти⁴².

Эти сюжеты в различных вариациях хорошо известны в коропластике Боспора позднеэллинистического времени. В большинстве случаев терракоты с данными сюжетами встречены в погребениях, в том числе в комплексах с другими типами мелкой пластики, иногда многочисленными⁴³, а также в культовых комплексах на поселениях⁴⁴. Это позволило справедливо поставить вопросы как о том, что подбор сюжетов терракот в погребальных (и иных культовых) комплексах не был случаен⁴⁵, так и о том, что эти сюжеты связаны с погребальной практикой вообще и с культами хтонических божеств в частности⁴⁶.

Первый тип статуэток представляет фигурку мальчика с поднятой на уровень минает тип раннеэллинистических протом), I–II вв. н.э. (там же, табл. IV, 1, 3, 4, 6). Любопытны канфары конца IV – III в. до н.э. с двусторонними ликами дионисийского круга, найденные на Боспоре, из собрания ГИМ (там же, табл. V, 1, 2).

³⁸ Например, см. Robinson 1952, 290, no. 400, pl. 121 – голова Диониса, V или начало IV в. до н.э. и др. (Ibidem, pls. 122–132).

³⁹ По мнению М.И. Максимовой, в архаический период «Фигурные вазы играли известную роль в культе мертвых и связаны были с народными представлениями о загробной жизни <...> но <...> более точное определение той роли, которую играли отдельные типы фигурных ваз в культе мертвых, связано с исследованием назначения фигурных изображений в данном культе вообще», однако с эллинистического времени они перестали играть культовую роль и стали предметами быта (Максимова 1916, 3, 4). Д.С. Герцигер (1976, 85) возражает этому тезису, ссылаясь на тот факт, что большая часть фигурной керамики и в первые века н.э. происходит из могил.

⁴⁰ Все они изготовлены из красной боспорской глины. О них подробно: Завойкин, 2006б.

⁴¹ Исследователи коропластики уже отмечали, что «жанровые» типы терракоты (за некоторыми исключениями) не имели на Боспоре предшествующей традиции. В.И. Денисова (1981, 77) датирует их *не ранее* второй половины I в. до н.э., что опровергается нашими находками. Т.В. Мирошина и А.В. Сазанов (1990, 78) называют такие терракоты локальным вариантом танагрской школы, утвердившейся на Боспоре в середине III – II в. до н.э., когда в метрополии эти сюжеты уже потеряли популярность («пост-Танагра»).

⁴² Сложно отрицать, что такие и подобные им сценки вполне реальны в обычной жизни людей. Однако во всех случаях необходимо принимать в расчет конкретный контекст. Так, на краснофигурном хусе, найденном в числе сопроводительного инвентаря в могиле конца третьей четверти V в. до н.э. на афинском Керамик (хранится в музее Керамика) изображена игра двух мальчиков с двумя собачками. Приманку дети держат на палочках, к которым она привязана. Это вполне реалистичная сценка из жизни. Но сосуд найден в погребении, и, на мой взгляд, более чем просто вероятно, что сюжет росписи на нем связан с посмертной темой (об этом см. ниже).

⁴³ Усачева 1983, 80–81, рис. 2, 11, 12 (конец II в. до н.э.); Мирошина, Сазанов 1990, 73–74, рис. 2, 4 (середина III – середина II в. до н.э.); Кобылина 1961, 112–113; и др.

⁴⁴ Сокольский 1976, 93 сл., рис. 58, 4, 13; Сапрыкин, Масленников 1998, 436, рис. 1, 2; 2, 5.

⁴⁵ Шелов 1987, 44; Мирошина, Сазанов 1990, 78; ср. Усачева 1983, 81.

⁴⁶ Усачева 1983, 80; Масленников 1997, 136–137; Сапрыкин, Масленников 1998, 480.

головы правой рукой, левая рука согнута в локте на уровне талии, прижимая к телу тарелку, в которой лежат плоды⁴⁷; через левое плечо и руку переброшен плащ, закрывающий спину, остальные части тела обнажены; нижняя часть тела тяжеловесна: акцентирована детская припухлость живота и бедер; стеклом выделены паховые складки, половой орган едва намечен (почти отсутствует). Голова увенчана венком из листьев плюща и винограда с двумя выступами («коримбами») надо лбом. У левой ноги мальчика, припав на передние лапы и приоткрыв пасть, располагается собачка, изготовившаяся к прыжку за приманкой, которую держит в правой руке ребенок (рис. 3, 1)⁴⁸.

Убор головы выдает божественное происхождение ребенка или же его посвященность Дионису⁴⁹, а нижняя часть обнаженного тела трактована мастером подобно тому⁵⁰, как принято было изображать Аттиса⁵¹. Поэтому позволительно видеть в данном персонаже образ юного «синкретического» божества Диониса-Аттиса, победителя смерти и покровителя душ умерших⁵². Однако все же следует подчеркнуть, что ни головной убор, ни одежда ребенка, ни его аксессуары не находят соответствий в иконографических образах юного фригийского божества⁵³.

Рис. 2. Керамические votивные приношения из погребений некрополя Посейдонии в экспозициях музеев Касселя (1) и Пестума (2). Фото автора

⁴⁷ «Яблоки» и какие-то еще мелкие предметы или плоды, намеченные стеклом.

⁴⁸ Аналоги: ДБК, табл. LXIV, б; Финогонова 1992, 242, 246, рис. 12 (I в. до н.э.). По мнению С.И. Финогоновой, сюжет и композиция заимствованы в малоазийской терракоте, в частности в Тарсе найдены аналогичные статуэтки конца II – I в. до н.э. (ср. Besques 1972, pl. 383 e/d 2554).

⁴⁹ Аналогичен венку на «голове Диониса» из некрополя Варны, IV в. до н.э. (Археологический музей, Варна, инв. № П, 2026 – см. Дремсизова-Нелчинова, Тончева 1971, 39, илл. 36).

⁵⁰ Эти черты фигуры, вполне вероятно, являются лишь следствием преднамеренного подчеркивания отличительных возрастных признаков.

⁵¹ «Некоторые не без оснований склонны отождествлять Диониса с Аттисом, так как последний тоже был отъединен от своего детородного органа» (Clem. Alex. Protrepticus Strom. II, 15, 4). «Состояние оскопленного было для Диониса так же характерно, как и для Аттиса» (Кереньи 2007, 176).

⁵² Ср.: Финогонова 1990, 192, 193; 1992, 242; Сапрыкин, Масленников 1998, 415.

⁵³ См. Vermaseren 1977, 93–95.

Рис. 3. Терракотовые статуэтки: «мальчик, играющий с собакой» (1), «сидящая девушка с гроздьё винограда и гусем» (3, 4); фрагмент ручки чернолаковой чаши в виде мальчика в венке, с поднятым подолом одежды (2)

В этой связи стоит упомянуть еще одну находку из святилища. Это фрагмент атташа ручки буролакового сосуда (канфара или скифоса)⁵⁴ малоазийского производства конца II – первой половины I в. до н.э.⁵⁵, на котором представлено изображение фигуры стоящего мальчика (рис. 3, 2). Голову его украшает веночек, верхняя часть тела прикрыта одеждой (хитон?), нижняя обнажена (выделены по-детски полные ноги и выпуклый живот, половой орган не показан); правая рука полусогнута (кисть, приходящаяся на уровень пупка, сколота), левая – согнута в локте, кисть на уровне нижней части груди (создается впечатление, будто она удерживает приподнятый передний край одежды); между подбородком и кистью левой руки – некий прямоугольный (в ракурсе) предмет (который, возможно, поддержи-

⁵⁴ Сколы обломка затерты. Совершенно очевидно, что фрагмент представляет собой votivное приношение, преднамеренно «изготовленное» из обломка чаши.

⁵⁵ Экспертное определение Д.В. Журавлева, которому выражаю искреннюю признательность.

вается левой рукой?)⁵⁶. Перед нами знакомый уже образ, как бы объединяющий в себе черты юного Диониса и Аттиса.

Необходимо сделать небольшое замечание относительно «богомладенческой» темы вообще и места, которое занимает в ней Дионис⁵⁷. К. Кереньи полагает, что фигура божественного ребенка, типичная для греческой мифологии, играет самостоятельную и специфическую роль⁵⁸. В дихотомии «жизнь – смерть» детская тема стоит особняком. Не случайно детские погребения на некрополях греческих городов дают наибольший спектр вариативности погребального обряда, по большей части обусловленной возрастными характеристиками умершего ребенка⁵⁹. В ряде случаев детские погребения выделяются богатством сопроводительного инвентаря и его специфическим составом⁶⁰. Это позволило рассуждать об особенном статусе умершего ребенка в системе космогонических представлений древних греков⁶¹.

Сказанное дает возможность интерпретировать детский образ статуэтки как Диониса, так сказать, в «переходном» (от смерти к жизни) состоянии. Изображение юного бога с собакой не просто копирует «сценку из уличной жизни детей»⁶², а исполнена (в данном конкретном контексте) некоего культового значения, на который, очевидно, указывает животное, с которым затеял игру ребенок. Собаки в эллинской мифологии – спутники и атрибуты целого ряда богов, в том числе и владыки подземного царства⁶³. Нередко собаки выступают спутниками Гермеса Психопомпа и как воплощение душ умерших людей⁶⁴. Примеры изображений собак на погребальных стелах, по крайней мере с эпохи ранней архаики, столь многочисленны и известны, что, видимо, даже не требуют документального подтверждения⁶⁵.

⁵⁶ В иконографическом плане изображение из святилища очень напоминает терракоту, представляющую мальчика, у которого в поднятом выше пупка подоле хитона лежат «яблоки» (Копенгаген, Глиптотека). Публикация этой статуэтки мне, к сожалению, не известна. Вариант той же изобразительной схемы представлен и в мраморе (в том же музее): стоящий рядом с деревом мальчик в правой руке держит «яблоко» (в экспликации – «гранат»), а правой поддерживает подол одежды, в образовавшейся складке которой лежит еще пять плодов. Эта тема получила дальнейшее развитие в скульптуре римского времени. На левой руке богини в высоком *калафе* из листьев аканфа, опираясь спиной на рог изобилия (в котором поверх виноградных листьев лежат плоды и шишка пинии) сидит мальчик-Плутос, «в подоле» (в свернутом плаще, который он удерживает левой рукой) у него виноградная гроздь, яблоко, гранат, финики и др. (Стамбул, Археологический музей).

⁵⁷ «Почитание Диониса-ребенка берет свое начало с архаического времени, а впоследствии занимает центральное место в орфических религиозных учениях [Nilsson, 1976: 580, 581]» (Русяева 2005, 403).

⁵⁸ «Дионис охранял жизнь преимущественно в тех фазах, где она была мало чем *кране ζωή*» (Кереньи 2007, 187). Среди специфических его черт ученый указывает на связь со стихиями воды и земли (Кереньи 1996, 60 сл.). А.А. Рыбакова обращает внимание на связь со стихией огня и через нее – в качестве «маяка», указывающего божественному ребенку выход на свет, в мир живых, – соотнесенность бога-младенца с идеями жизни, смерти и возрождения (Рыбакова 2002, 121).

⁵⁹ Сударев 2010, 425–427.

⁶⁰ В частности, именно в них преобладают находки терракотовых статуэток, а определенные типы последних встречаются почти исключительно в них (например, см.: Скуднова 1988, 29).

⁶¹ Тульпе, Хршановский 2002, 163.

⁶² Кобылина 1961, 113.

⁶³ См.: Сорокина 1997, 26, 28; Усачева 1983, 80.

⁶⁴ Лосев 1957, 42.

⁶⁵ Приведу, пожалуй, единственный очень выразительный пример. На надгробной стеле II в. до н.э. с Родоса (Глиптотека, inv. 2085) в глубоком рельефе изображен мальчик-подросток в хитоне и длинном плаще, переброшенном через согнутую в локте левую руку, в которой он держит за перед-

Исследователи культов Боспора, в частности роли собаки в религиозном сознании греков, согласны в том, что это животное тесно связано с идеей смерти. Оно сопутствует божеству, когда особо акцентируется его хтонический аспект. Занимая ярко выраженное пограничное положение между жизнью и смертью, собака нередко выступает предвестником смерти, но, в то же время, и «как существо, сопутствующее возрождению»⁶⁶.

На тесную связь собаки с хтоническим Дионисом указывает локальный миф, распространенный в Фокиде Локрийской (Paus. X. 38, 1; Athen. II. 38b)⁶⁷. Не исключено, в контексте представлений, связанных с элевсинским культом, игра вечного возрождающегося божества с посланцем Аида (самой смертью?) и составляет существо представленного в терракоте сюжета, его смысл. Именно поэтому такие и подобные им статуэтки как залог возрождения или загробного блаженства столь уместны в погребениях.

Та же тема отражена в многочисленных вариациях статуэток, изображающих мальчиков с собаками⁶⁸. Менее разнообразны в погребениях статуэтки, изображающие стоящих женщин, опирающихся на колонку, с собачками⁶⁹. Особенностью этих статуэток является головной убор в виде «плоской шапочки» с толстым валиком (венки, обтянутый лентой?). Женщины держат в руках виноградную гроздь – символ Диониса, к которой тянется пес.

Второй тип статуэток представляет «сидящую на постаменте девушку с гусем (уткой) и виноградом» в двух иконографических вариантах.

а) Девушка сидит, подогнув под себя правую ногу и выставив немного вперед и влево левую (стопа и край одежды свешиваются с карниза), корпус ее наклонен вправо. Правой рукой девушка придерживает гуся (утку). Птица тянется к грозди винограда, которую девушка держит в левой руке (рис. 3, 3). Аналогии данному варианту, отличные в деталях, хорошо известны и датируются в пределах II в. до н.э. – начала I в. н.э.⁷⁰

б) Девушка сидит, свесив часть стопы правой ноги с карниза постаменты, левая нога согнута в колене и немного отставлена, корпус поставлен прямо. Правая рука придерживает утку (гуся), тянущуюся в сторону корзинки (тарелки?) с виноградом, которую девушка охватывает левой рукой, прижимая к внешней стороне левого бедра (рис. 3, 4а, б)⁷¹.

Прежде, чем рассмотреть вариации на тему «гусь/утка – девушка – виноград/

ние лапы зайца (это символ жизни, плодovitости и эротической связи – см.: Молева 2006; Лиссарраг 2008, 134–135, прим. 28, рис. 102; Hiller 1975, 117, Fußnote 52, Taf. 25), а в поднятой над головой правой руке – мячик; слева от него, приподнявшись на задних лапах, стоит собачка, которая тянется к зайцу (Pful, Möbius 1977, Taf. 109, 326; cf. Taf. 10, 37).

⁶⁶ Молева 2002а, 111; 2002б, 113–117; Хршановский 1996, 36–37; Молева, Хршановский 1999, 79–80; Тульпе, Хршановский 2002, 163.

⁶⁷ См.: Иванов 1994, 85; Винокуров 2002, 29; Лиссарраг 2008, 14–15.

⁶⁸ Кобылина 1961, 113 (II–I вв. до н.э.); Силантьева 1974, 32, № 171, табл. 38, 4; 32, № 174, табл. 38, 7 (II в. до н.э.); 32, № 175 (II–I вв. до н.э.); Финогенова 1992, 244, 248, рис. 15.

⁶⁹ Силантьева 1974, 32, № 176, табл. 39, 1 (начало I в. н.э.); реплики: Коровина 1974, 12, табл. 6, 2, 6, 8 (I в. н.э.); аналогия: Кобылина 1961, табл. XVII, 2.

⁷⁰ Силантьева 1974, 33, № 179, табл. 39, 4; вариант: ОАК за 1896 г., 68; Кобылина 1961, 115–116 = Шкорпил, 1904, 138–139, рис. 41; Сапрыкин, Масленников 1998, 436, 433, рис. 1, 2; Денисова 1981, 122, табл. XVIIIж.

⁷¹ Сколько-нибудь близкой аналогии нашей статуэтке среди опубликованных образцов отыскать не удалось.

плоды», проанализируем семантику атрибутов. В отношении грозди винограда комментарии излишни (это атрибут Диониса, символ возрождения). Ему противостоит новый для нас символ – гусь/утка. Высказывалось мнение, что водоплавающие птицы связаны «со стихией нижнего мира, с темными водами Хаоса и, таким образом, со смертью, с одной стороны, и с идеей плодородия, с другой (Ael. Var. Hist. I. 14)»⁷². Так или иначе, изображения уток отнюдь не редки на погребальных стелах⁷³. Если исходить из этого посыла, данная композиция по смыслу близка композиции «юный Дионис, играющий с собакой», рассмотренной ранее.

Для нас особенно интересна связь водоплавающей птицы с Корой-Персефоновой, на которую имеется явный намек у Павсания (IX. 39. 2–3). Излагая культовую легенду, связанную со святилищем Деметры Европы⁷⁴ в роще Трофония, близ Лебады (Беотия), он сообщает: «Говорят, Геркина (нимфа, дочь Трофония. – А.З.) играла здесь вместе с Корой, дочерью Деметры; она держала в руках гуся и случайно его выпустила. Он влетел в глубокую пещеру и скрылся под камнем. Тогда Кора, войдя туда, поймала птицу, скрывавшуюся под камнем, и, говорят, из-под того камня, который сдвинула Кора, потекла вода, и потому эту реку назвали Геркиной. На берегу реки есть храм Геркины, а в нем статуя девушки, *державшей в руках гуся*. В пещере же находятся истоки реки и статуи в виде стоящих прямо фигур с жезлами в руках, а вокруг жезлов обвилась змея. Всякий легко догадается, что это статуи Асклепия и Гигиеи; но они могут быть также статуями Трофония и Геркины, так как змеи считаются посвященными столько же Асклепию, сколько и Трофонии» (пер. С.П. Кондратьева)⁷⁵.

Стоит особо обратить внимание читателя на то, что в культурных отложениях, а также в ряде культовых объектов святилища довольно часто встречаются остатки костей водоплавающих птиц⁷⁶.

Рассматриваемая тема в боспорской коропластике получила трактовки и в иных иконографических вариантах и типах: *тип 1* – сидящая девушка: с виноградной гроздью и яблоками⁷⁷ или с корзиной с «яблоками»⁷⁸; *тип 2* – стоящая девушка/девочка: опирается локтем левой руки на колонку, виноградная гроздь, к которой тянется гусь/утка, – в правой⁷⁹ или стоит (без колонки), держа виноградную гроздь в правой руке, и, развернув корпус влево, отодвигает ягоды от тянущегося к ним гуся у правой ноги⁸⁰. Помимо женских фигурок с гусем (уткой) встречаются и статуэтки, изображающие мальчиков (юношей) с этой птицей⁸¹.

⁷² Селиванова 1998, 379.

⁷³ Например, на стеле середины IV в. до н.э. из Афин погребенная женщина в левой руке держит утку (Афины, Национальный археологический музей, inv. 892).

⁷⁴ Учрежденным Геркиной (Tzetz. Schol. Lycophr. 153).

⁷⁵ Не сложно заметить, что сюжет этой легенды перекликается с преданием о том, как свиньи Эвбулея, сына Дисавла, упали в расщелину в земле, ведущую в Аид. То же символизирует и пещера (ср. грот – святилище Аида в Элевсине).

⁷⁶ Завойкин, Добровольская 2007, 117–125.

⁷⁷ Кобылина 1974, 27, № 66, табл. 28, 1.

⁷⁸ Денисова 1981, 74, 122, табл. XVIIIз.

⁷⁹ Кобылина 1961, 116, табл. XX, 4; 1974, 27, № 67, табл. 28, 2; Коровина 1974, 12, № 3, табл. 6, 1; Денисова 1981, 76, 122, табл. XVIIIе.

⁸⁰ Сапрыкин, Масленников 1998, рис. 2, 5; Силантьева 1974, 32, № 178, табл. 39, 3.

⁸¹ ДБК, табл. LXXIII, 1, 4; Кобылина 1961, 113–114; Силантьева 1974, 31, № 168, табл. 38, 1; Усачева 1983, 80, рис. 2, 11.

Приведенные материалы⁸² демонстрируют популярность на Боспоре, значительную близость и даже схожесть обоих сюжетов, различие между которыми в отдельных случаях ограничивается только альтернативой: изображена собака или гусь/утка. Часто наблюдается один и тот же набор атрибутов: виноградная гроздь и яблоки (гранаты?), веночек или «плоская шапочка» с валиком. Очень интересна фигурка мальчика, вокруг которого группируются одновременно и собачка, и гусь⁸³. Эта композиция свидетельствует, по-видимому, о равнозначности семантики обоих животных. С этим сюжетом сопоставима фигурка Аттиса-мальчика, в левой руке держащего утку, а в правой – собачку⁸⁴.

Близкие иконографические схемы с некоторыми переделками и добавлениями эксплуатировались в других культурах, изображая Аттиса или Эрота, имевших отношение к культам Кибелы и Афродиты. Они, как и рассмотренные выше терракоты, часто связаны с погребальной практикой, следовательно, как и те, обусловлены «хтонической» сутью представленных сюжетов.

Рассмотренные терракоты (и вариации аналогичных типов) характерны для памятников Боспора II–I вв. до н.э. (не позднее I в. н.э.) и практически не встречаются в Северном Причерноморье за его пределами. Имеются некоторые основания считать, что эти иконографические типы пришли на Боспор из Малой Азии и прочно вошли в культовый обиход боспоритов, во всяком случае, в эпоху Митридата VI.

Учитывая тематическую близость обоих сюжетов, представленных в нашем святилище, трудно определить, что повлияло на отбор терракотовых изображений для погребального инвентаря: мальчика, играющего с собачкой (или гусем), или же девушки с теми же животными и гроздью винограда – символами, связанными с загробным миром и Дионисом. Не исключено, что определенную роль здесь играли половозрастные характеристики самого погребенного⁸⁵, но вряд ли только это. Принимая в расчет находки в святилище, можно, пожалуй, утверждать лишь то, что на погребальную практику боспоритов позднеэллинистического времени⁸⁶ определенное влияние оказывал культ элевсинских божеств и Диониса.

Итак, в святилище «Берегового 4» следы почитания Диониса (изображения его самого или связанных с ним персонажей и символов) нашли свое отражение в коропластике главным образом во II – первой половине I в. до н.э. Исключение составляют, возможно, только его атрибуты в виде виноградной грозди, которые в принципе могут быть датированы и предшествующим столетием, если не раньше⁸⁷. Отсутствие подобных находок в слое предыдущего периода (конец VI – V в. до н.э.) ставит перед нами закономерные вопросы: 1) можно ли что-то сказать о почитании Диониса в раннее время? и 2) вправе ли мы на основании отмеченных фактов предполагать, что в эллинистический период происходит определенная

⁸² Их хронология в целом укладывается в интервале II–I вв. до н.э. – I в. н.э.

⁸³ Силантьева 1974, табл. 38, 6.

⁸⁴ Кобылина 1974, 28, № 86 и 85, табл. 31, 6. Найдена в 1939 г. в кургане Г в пос. Сенной, в могиле 2, вместе со статуэткой Эрота с петухом.

⁸⁵ Ср.: Шелов 1987, 43–44; Масленников 1997, 136–137.

⁸⁶ И, видимо, позднее, вплоть до III–IV вв. н.э. (Масленников 1997, 134–138).

⁸⁷ Н.В. Молева (2002в, 152) сообщает о находках, связанных с почитанием Диониса, в зольнике Китея исключительно в слоях IV–I вв. до н.э. и отмечает «тесную связь жертвоприношений в честь Диониса с культом Деметры» в IV в. до н.э.

трансформация культа на «Береговом 4»?

Оставим эти вопросы без ответов, для дальнейшего исследования, поскольку поиски иных символов Диониса – дело весьма непростое. Но, пожалуй, в заключение уместно будет напомнить мнение М. Нильссона, который полагал, что «определенное взаимовлияние между Элевсинскими мистериями и культом Диониса началось с конца пятого – начала четвертого века до Р.Х.»⁸⁸. «В тоже самое время (т.е. в IV в. до н.э. – А.З.) на Элевсин проникли и Дионисийские элементы. Одна из связующих нитей – это, безусловно, Иакх, сходство которого с Дионисом-Вакхом мы уже отметили <...> На некоторых поздних Элевсинских вазах Дионис изображен среди Элевсинских богов. Это предвестие срастания разных мистических культов, которое стало обычным явлением в более позднюю эпоху»⁸⁹.

Иными словами, почитание Диониса в святилище Деметры и Коры-Персефоны могло получить дополнительный импульс уже в IV в. до н.э. или позднее.

ЛИТЕРАТУРА

- Белов, Г.Д. 1970: Терракоты из Херсонеса. *САИГ* 1–11/II, 70–77.
- Бурачков, П.О. 1884: *Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, в пределах нынешней Южной России*. Ч. I. Одесса.
- Буркерт, В. 2004: *Греческая религия. Архаика и классика*. СПб.
- Винокуров, Н.И. 2002: Античный социум: культ вина и винограда. *БИ* II. Симферополь–Керчь, 27–86.
- Герцигер, Д.С. 1976: Четыре фигурных сосуда из Ольвии. В сб.: *Художественная культура и археология античного мира. Сборник памяти Б.В. Фармаковского*. М., 85–93.
- Денисова, В.И. 1981: *Корoplastика Боспора (по материалам Тиритаки, Мирмекия, Илурата и сельской усадьбы)*. Л.
- Дремсизова-Нелчинова, Ц., Тончева, Г. 1971: *Антични терракоти от България*. София.
- Завойкин, А.А. 2003: Керамические вотивы на святилище «Береговой 4». В сб.: *IV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья*. Керчь, 93–99.
- Завойкин, А.А. 2006а: Святилище Деметры и Коры на Фонталовском полуострове: природная среда и сакральная топография. *ВДИ* 3, 61–76.
- Завойкин, А.А. 2006б: Два сюжета в комплексе терракоты на святилище элевсинских богинь (Береговой 4). В сб.: Д.В. Журавлев (ред.), *Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. Памяти Н.П. Сорокиной* (Труды ГИМ 159). М., 158–168.
- Завойкин, А.А., Добровольская, Е.В. 2007: Боги, люди, животные и птицы в святилище Деметры и Коры на Фонталовском полуострове. В сб.: *VIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья*. Керчь, 117–125.
- Завойкин, А.А., Сударев, Н.И. 2009: Поселение и святилище «Береговой 4». Итоги исследований в 1999–2004 г. В кн.: Н.А. Макаров (ред.), *Археологические открытия 1991–2004 гг. Европейская Россия*. М., 174–189.
- Иванов, В.В. 1994: *Дионис и прадионисийство*. СПб.
- Ильина, Т.А., Муратова, М.Б. 2002: Вотивные терракоты из храма на акрополе Пантикапея. В сб.: *III Боспорские чтения. Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья*. Керчь, 115–121.

⁸⁸ Нильссон 1998, 66.

⁸⁹ Нильссон 1998, 86.

- Кереньи, К. 1996: Первичный младенец в предвечные времена. В кн.: К.Г. Юнг. *Душа и миф: шесть архетипов*. Киев, 38–85.
- Кереньи, К. 2000: *Элевсин: архетипический образ матери и дочери*. М.
- Кереньи, К. 2007: *Дионис. Пробраза неиссякаемой жизни*. М.
- Кобылина, М.М. 1961: *Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории*. М.
- Коровина, А.К. 1974: Терракоты Тирамбы. *САИГ1–11/IV*, 11–13.
- Лиссарраг, Ф. 2008: *Вино в потоке образов. Эстетика древнегреческого пира*. М.
- Лосев, А.Ф. 1957: *Античная мифология в ее историческом развитии*. М.
- Максимова, М.И. 1916: *Античные фигурные вазы. Т. I. Троя, Кипр, Киклады, Крит. Геометрический и архаический периоды Греции*. М.
- Масленников, А.А. 1997: Две терракоты из крымского Приазовья. В сб.: В.Ф. Мещеряков (ред.), *Античный мир. Византия. К 70-летию проф. В.И. Кадеева*. Харьков, 130–140.
- Масленников, А.А. 1999: Сельские святилища античного Боспора. В сб.: *Боспорский феномен: Греческая культура на периферии античного мира*. СПб., 125–132.
- Мирошина, Т.В., Сазанов, А.В. 1990: Терракоты из некрополя у пос. Кучугуры. *КСИА* 197, 73–78.
- Молева, Н.В. 2002а: Собака в сакральном мировоззрении древних греков (по памятникам вазописи). В сб.: Е.А. Молев (ред.), *Очерки сакральной жизни Боспора*. Нижний Новгород, 107–113.
- Молева, Н.В. 2002б: Собака в религиозных представлениях боспорян. В сб.: Е.А. Молев (ред.), *Очерки сакральной жизни Боспора*. Нижний Новгород, 113–117.
- Молева, Н.В. 2002в: Дионисийские мотивы в сакральных комплексах Китея. В сб.: *Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища*. Ч. I. СПб., 151–154.
- Молева, Н.В. 2006: Тандем «заяц – собака» в религиозном мировоззрении древних греков. В сб.: А.В. Махлаюк (ред.), *Проблемы антиковедения и медиевистики 2*. Нижний Новгород, 62–73.
- Молева, Н.В., Хршановский, В.А. 1999: Собака в сакральной жизни античного Боспора. В сб.: *VI Чтения памяти проф. В.Д. Блаватского. Тез. докладов*. М., 79–80.
- Нильссон, М. 1998: *Греческая народная религия*. СПб.
- Пругло, В.И. 1970: Статуэтки из Мирмекия. *САИГ1–11/II*, 94–100.
- Рыбакова, А.А. 2002: Тема огня в древнегреческих мифах о богомладенцах. В сб.: А.В. Махлаюк (ред.), *Акра. Сборник научных трудов*. Нижний Новгород, 118–125.
- Русяева, А.С. 2005: *Религия понтийских эллинов в античную эпоху. Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев*. Киев.
- Сапрыкин, С.Ю., Масленников, А.А. 1998: Люди и их боги: религиозное мировоззрение в Понтийском царстве. В сб.: Л.П. Маринович (ред.), *Человек и общество в античном мире*. М., 398–440.
- Селиванова, Л.Л. 1998: Аполлоновы лебеди. (К семантике образа в религиозных представлениях античности). В сб.: Л.П. Маринович (ред.), *Человек и общество в античном мире*. М., 363–397.
- Силантьева, П.Ф. 1974: Терракоты Пантикапея. *САИГ1–11/III*, 5–37.
- Скуднова, В.М. 1988: *Архаический некрополь Ольвии*. Л.
- Сокольский, Н.И. 1976: *Таманский толос и резиденция Хрисалиска*. М.
- Сорокина, Н.П. 1997: *Религия и коропластика в античности (фигурные сосуды из собрания ГИМ)* (Труды ГИМ 91). М.
- Сударев, Н.И. 2010: Некрополи и погребальные обряды. В кн.: Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани II*. М., 418–472.
- Толстиков, В.П., Виноградов, Ю.Г. 1999: Декрет Спартокидов из дворцового храма на акрополе Пантикапея. В сб.: А.И. Мелюкова (ред.), *Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову*. М., 282–304.
- Тульпе, И.А., Хршановский, В.А. 2002: Сакральное поле некрополя. В сб.: *Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища*. Ч. I. СПб., 161–167.

- Усачева, О.Н. 1983: Терракотовые статуэтки из кургана вблизи Кеп. *КСИА* 174, 77–82.
- Финогенова, С.И. 1990: Античные терракотовые маски Северного Причерноморья. *СА* 2, 189–203.
- Финогенова, С.И. 1992: Терракоты Пантикапея из раскопок последних лет. *СГМИИ* 10, 237–256.
- Хршановский, В.А. 1996: Собака в погребальном обряде античного Боспора. В сб.: Т.Н. Дмитриева, В.А. Хршановский (ред.), *Животные и растения в мифоритуальных системах: материалы научной конференции. Октябрь 1996 г.* СПб., 36–37.
- Цымбурский, В.Л. 2002: Имя Диониса. В сб.: *Colloquia classica et indogermanica III. Классическая филология и индоевропейское языкознание.* СПб., 141–166.
- Шелов, Д.Б. 1987: Терракоты и античная культура. В кн.: *Тайны терракоты. Античные терракотовые статуэтки из музеев Краснодарского края.* Краснодар, 37–52.
- Шкорпил, В.В. 1904: Отчет об археологических раскопках в г. Керчи его окрестностях в 1902 году. *ИАК* 9, 73–177.
- Шкорпил, В.В. 1909: Отчет о раскопках в г. Керчи в 1906 году. *ИАК* 30, 51–98.
- Besques, S. 1972: *Catalogue raisonné des figurines et reliefs en terre-cuite grecs, étrusques et romains.* Vol. III: *Époques hellénistique et romaine, Grèce et Asie Mineure.* Paris.
- Brumfield, A. 1997: Cakes in the Liknon. Votives from the Sanctuary of Demeter and Kore on Acrocorinth. *Hesperia* 66.1, 147–172.
- Carpenter, T.H. 1986: *Dionysian Imagery in Archaic Greek Art. Its Development in Black-figure Vase Painting.* Oxford.
- Frontisi-Ducroux, Fr. 1991: *Le dieu-masque. Une figure du Dionysos d'Athènes.* Paris–Rome.
- Gras, M. 1984: Kanthare: société étrusque et monde grec. *Opus* 3, 325–339.
- Hedreen, G.M. 1992: *Silens in the Attic Black-figure Vase-painting. Myth and Performance.* Ann Arbor.
- Hiller, H. 1975: *Ionische Grabreliefs der ersten Hälfte des 5. Jahrhunderts v. Chr.* (IstMitt. Beiheft 12). Tübingen.
- Pful, E., Möbius, H. 1977: *Die ostgriechischen Grabreliefs.* Bd. I–II. Mainz am Rhein.
- Robinson, D.M. 1952: *Excavations at Olynthus. Pt. XIV. Terracottas, Lamps and Coins, Found in 1934 and 1938.* Baltimore–London–Oxford.
- Schauburg, K. 1954: Pluton und Dionysos. *JDAI* (1953). Bd. 68, 38–72.
- Sokolowski, F. 1955: *Lois sacrées de l'Asie Mineure.* Paris.
- Vermaseren, M.J. 1977: *Cybele and Attis. The Myth and the Cult.* London.

REFERENCES

- Belov, G.D. 1970: Terrakoty iz Khersonesa [Terracottas from Chersonesos]. *Svod arkheologicheskikh istochnikov* [Corpus of Archaeological Sources] G1–11/II. Moscow, 70–77.
- Besques, S. 1972: *Catalogue raisonné des figurines et reliefs en terre-cuite grecs, étrusques et romains.* Vol. III: *Époques hellénistique et romaine, Grèce et Asie Mineure.* Paris.
- Brumfield, A. 1997: Cakes in the Liknon. Votives from the Sanctuary of Demeter and Kore on Acrocorinth. *Hesperia* 66.1, 147–172.
- Burachkov, P.O. 1884: *Obshchiy katalog monet, prinadlezhashchikh ellinskim koloniyam, sushe-stvovavshim v drevnosti na severnom beregu Chernogo morya, v predelakh nyneshney Yuzhnoy Rossii* [General Catalogue of Coins Belonging to the Hellenic Colonies that Existed in Ancient Times on the Northern Shore of the Black Sea, within the Boundaries of Present-Day Southern Russia]. Pt. I. Odessa.
- Burkert, V. 2004: *Grecheskaya religiya. Arkhaika i klassika* [Greek religion. Archaic and Classical]. Saint Petersburg.
- Carpenter, T.H. 1986: *Dionysian Imagery in Archaic Greek Art. Its Development in Black-figure Vase Painting.* Oxford.

- Denisova, V.I. 1981: *Koroplastika Bospora (po materialam Tiritaki, Mirmekiya, Ilurata i sel'skoy usad'by)* [*Coroplastics of the Bosporus (Based on Materials from Tyritace, Myrmecium, Iluraton and a Rural Estate)*]. Leningrad.
- Dremsizova-Nelchinova, T.S., Toncheva, G. 1971: *Antichni terrakoti ot B'lgariya* [*Antique Terracotta from Bulgaria*]. Sofia.
- Finogenova, S.I. 1990: Antichnyye terrakotovyye maski Severnogo Prichernomor'ya [Ancient Terracotta Masks of the Northern Black Sea Region]. *Sovetskaya arkheologiya* [*Soviet Archaeology*] 2, 189–203.
- Finogenova, S.I. 1992: Terrakoty Pantikapeya iz raskopok poslednikh let [Terracottas of Panticapaeum from Recent Excavations]. *Soobshcheniya gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv* [*Communications of the Pushkin State Museum of Fine Arts*] 10, 237–256.
- Frontisi-Ducroux, Fr. 1991: *Le dieu-masque. Une figure du Dionysos d'Athènes*. Paris–Rome.
- Gertsiger, D.S. 1976: Chetyre figurnykh sosuda iz Ol'vii [Four figural vessels from Olbia]. In: *Khudozhestvennaya kul'tura i arkheologiya antichnogo mira. Sbornik pamyati B.V. Farmakovskogo* [*Artistic Culture and Archaeology of the Ancient World. Collection in Memory of B.V. Farmakovsky*]. Moscow, 85–93.
- Gras, M. 1984: Kanthare: société étrusque et monde grec. *Opus* 3, 325–339.
- Hedreen, G.M. 1992: *Silens in the Attic Black-figure Vase-painting. Myth and Performance*. Ann Arbor.
- Hiller, H. 1975: *Ionische Grabreliefs der ersten Hälfte des 5. Jahrhunderts v. Chr.* (IstMitt. Beiheft 12). Tübingen.
- Ilyina, T.A., Muratova, M.B. 2002: Votivnyye terrakoty iz khrama na akropole Pantikapeya [Votive Terracottas from the Temple on the Acropolis of Panticapaeum]. In: *III Bosporskiye chteniya. Bospor Kimmeriyskiy, Pont i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya* [*III Bosporan Readings. Cimmerian Bosporus, Pontus and the Barbarian World in Antiquity and the Middle Ages*]. Kerch, 115–121.
- Ivanov, V.V. 1994: *Dionis i pradionisizstvo* [*Dionysus and Pre-Dionysianism*]. Saint Petersburg.
- Kerenyi, K. 1996: Pervichnyy mladenets v predvechnyye vremena [The Primordial Infant in the Eternal Times]. In: K.G. Yung. *Dusha i mif: shest' arkhетипов* [*Soul and Myth: Six Archetypes*]. Kyiv, 38–85.
- Keren'i, K. 2000: *Elevsin: arkhетипический образ матери и дочери* [*Eleusis: Archetypal Image of Mother and Daughter*]. Moscow.
- Kerenyi, K. 2007: *Dionis. Proobraz neissyakayemoy zhizni* [*Dionysus. Prototype of Inexhaustible Life*]. Moscow.
- Khrshanovskiy, V.A. 1996: Sobaka v pogrebal'nom obryade antichnogo Bospora [Dog in the Burial Rite of the Ancient Bosporus]. In: T.N. Dmitrieva, V.A. Khrshanovskiy (eds.), *Zhivotnyye i rasteniya v miforitual'nykh sistemakh* [*Animals and Plants in Mythic and-Ritual Systems*]. Saint Petersburg, 36–37.
- Kobyлина, M.M. 1961: *Terrakotovyye statuetki Pantikapeya i Fanagorii* [*Terracotta Figurines of Panticapaeum and Phanagoria*]. Moscow.
- Korovina, A.K. 1974: Terrakoty Tiramby [Terracottas of Tyramba]. *Svod arkheologicheskikh istochnikov* [*Corpus of Archaeological Sources*] G1–11/IV. Moscow, 11–13.
- Lissarrag, F. 2008: *Vino v potoke obrazov. Estetika drevnegrecheskogo pira* [*Wine in the Stream of Image. Aesthetics of the Ancient Greek Feast*]. Moscow.
- Losev, A.F. 1957: *Antichnaya mifologiya v yeye istoricheskom razvitii* [*Ancient Mythology in its Historical Development*]. Moscow.
- Maksimova, M.I. 1916: *Antichnyye figurnyye vazy. I. Troya, Kipr, Kiklady, Krit. Geo-metricheskiy i arkhaiskiy periody Gretsii* [*Ancient Figured Vases. I. Troy, Cyprus, Cyclades, Crete. The geometric and archaic periods of Greece*]. Moscow.
- Maslennikov, A.A. 1997: Dve terrakoty iz krymskogo Priazov'ya [Two terracottas from the Crimean Azov Region]. In: V.F. Meshcheryakov (ed.), *Antichnyy mir. Vizantiya. K 70-letii*

- yu prof. V.I. Kadeyeva [*The Ancient World. Byzantium. On the 70th Anniversary of Prof. V.I. Kadeev*]. Kharkiv, 130–140.
- Maslennikov, A.A. 1999: Sel'skiye svyatilishcha antichnogo Bospora [Rural Sanctuaries of the Ancient Bosporus]. In: *Bosporskiy fenomen: Grecheskaya kul'tura na periferii antichnogo mira* [*The Bosporan Phenomenon: Greek Culture on the Periphery of the Ancient World*]. Saint Petersburg, 125–132.
- Miroshina, T.V., Sazanov, A.V. 1990: Terrakoty iz nekropolya u pos. Kuchugury [Terracottas from the necropolis near the settlement of Kuchugury]. *Kratkiye soobshcheniya instituta arkhologii* [Brief Communications of Institute of Archaeology] 197, 73–78.
- Moleva, N.V. 2002a: Sobaka v sakral'nom mirovozzrenii drevnikh grekov (po pamyatnikam vazopisi) [The Dog in the Sacred Worldview of the Ancient Greeks (Based on Vase Painting)]. In: Ye.A. Molev (ed.), *Ocherki sakral'noy zhizni Bospora* [Essays on the Sacred Life of the Bosporus]. Nizhniy Novgorod, 107–113.
- Moleva, N.V. 2002b: Sobaka v religioznykh predstavleniyakh bosporyan [The Dog in the Religious Beliefs of the Bosporans]. In: Ye.A. Molev (ed.), *Ocherki sakral'noy zhizni Bospora* [Essays on the Sacred Life of the Bosporus]. Nizhniy Novgorod, 113–117.
- Moleva, N.V. 2002c: Dionisiyskiye motivy v sakral'nykh kompleksakh Kiteya [Dionysian Motifs in the Sacred Complexes of Cytaeum]. In: *Bosporskiy fenomen: Pogrebal'nyye pamyatniki i svyatilishcha* [*The Bosporan Phenomenon: Funeral Monuments and Sanctuaries*]. Pt. I. Saint Petersburg, 151–154.
- Moleva, N.V. 2006: Tandem «zayats – sobaka» v religioznom mirovozzrenii drevnikh grekov [The “Hare – Dog” Tandem in the Religious Worldview of the Ancient Greeks]. In: A.V. Makhlayuk (ed.), *Problemy antikovedeniya i mediyevistiki* [Problems of Classical and Medieval Studies] 2. Nizhniy Novgorod, 62–73.
- Moleva, N.V., Khrshanovskiy, V.A. 1999: Sobaka v sakral'noy zhizni antichnogo Bospora [Dog in the Sacred Life of the Ancient Bosporus]. In: *VI Chteniya pamyati prof. V.D. Blavatskogo. Tezisy dokladov* [VIth Readings in Memory of Prof. V.D. Blavatsky. Abstracts of Papers]. Moscow, 79–80.
- Nil'sson, M. 1998: *Grecheskaya narodnaya religiya* [Greek Folk Religion]. Saint Petersburg.
- Pful, E., Möbius, H. 1977: *Die ostgriechischen Grabreliefs*. Bd. I–II. Mainz am Rhein.
- Pruglo, V.I. 1970: Statuetki iz Mirmekiya [Figurines from Myrmekion]. *Svod arkhologicheskikh istochnikov* [Corpus of Archaeological Sources] G1–11/II. Moscow, 94–100.
- Robinson, D.M. 1952: *Excavations at Olynthus. Pt. XIV. Terracottas, Lamps and Coins, Found in 1934 and 1938*. Baltimore–London–Oxford.
- Rusyayeva, A.S. 2005: *Religiya pontiyskikh ellinov v antichnuyu epokhu. Mify. Svyatilishcha. Kul'ty olimpiyskikh bogov i geroyev* [Religion of the Pontic Hellenes in the Ancient Era. Myths. Sanctuaries. Cults of the Olympic Gods and Heroes]. Kyiv.
- Rybakova, A.A. 2002: Tema ognya v drevnegrecheskikh mifakh o bogomladentsakh [The Theme of Fire in Ancient Greek Myths about the God-Children]. In: A.V. Makhlayuk (ed.), *Akra. Sbornik nauchnykh trudov* [Acra. Collection of Scientific Papers]. Nizhniy Novgorod, 118–125.
- Saprykin, S.Yu., Maslennikov, A.A. 1998: Lyudi i ikh bogi: religioznoye mirovozzreniye v Pontiytskom tsarstve [People and Their Gods: Religious Worldview in the Pontic Kingdom]. In: L.P. Marinovich (ed.), *Chelovek i obshchestvo v antichnom mire* [Man and Society in the Ancient World]. Moscow, 398–440.
- Schauenburg, K. 1954: Pluton und Dionysos. *JDAI* (1953). Bd. 68, 38–72.
- Selivanova, L.L. 1998: Apollonovy lebedi. (K semantike obraza v religioznykh predstavleniyakh antichnosti) [Apollo's swans. (Towards the semantics of the image in religious representations of antiquity)]. In: L.P. Marinovich (ed.), *Chelovek i obshchestvo v antichnom mire* [Man and Society in the Ancient World]. Moscow, 363–397.
- Shelov, D.B. 1987: Terrakoty i antichnaya kul'tura [Terracottas and Ancient Culture]. In: *Tayny terrakoty. Antichnyye ter-rakotovyye statuetki iz muzeyev Krasnodarskogo kraya* [Secrets of Terracotta. Ancient Terracotta Figurines from Museums of the Krasnodar Region]. Krasnodar, 37–52.

- Shkorpil, V.V. 1904: Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh v g. Kerchi yego okrestnostyakh v 1902 godu [Report on Archaeological Excavations at Kerch and Environs in 1902]. *Izvestiya arkheologicheskoy komissii* [Proceedings of the Archaeological Commission] 9, 73–177.
- Shkorpil, V.V. 1909: Otchet o raskopkakh v g. Kerchi v1906 godu [Report on Excavations at Kerch in 1906]. *Izvestiya arkheologicheskoy komissii* [Proceedings of the Archaeological Commission] 30, 51–98.
- Silant'yeva, P.F. 1974: Terrakoty Pantikapeya [Terracotta of Panticapaeum]. *Svod arkheologicheskikh istochnikov* [Corpus of Archaeological Sources] G1–11/III. Moscow, 5–37.
- Skudnova, V.M. 1988: *Arkhaicheskii nekropol' Ol'vii* [Archaic Necropolis of Olbia]. Leningrad.
- Sokolowski, F. 1955: *Lois sacrées de l'Asie Mineure*. Paris.
- Sokolskiy, N.I. 1976: *Tamanskiy tolos i rezidentsiya Khrisaliska* [Taman Tholos and the Residence of Chrysalisk]. Moscow.
- Sorokina, N.P. 1997: *Religiya i koroplastika v antichnosti. (figurnyye sosudy iz sobraniya GIM)* [Religion and Coroplasty in Antiquity. (Figured Vessels in the State Historical Museum) (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 91). Moscow.
- Sudarev, N.I. 2010: Nekropoli i pogrebal'nyye obryady [Necropolises and Funeral Rites]. In: G.M. Bongard-Levin, V.D. Kuznetsov (eds.), *Antichnoye naslediyе Kubani* [Ancient Heritage of Kuban] II. Moscow, 418–472.
- Tolstikov, V.P., Vinogradov, Yu.G. 1999: Dekret Spartokidov iz dvortsovogo khrama na akropole Pantikapeya [The Decree of the Spartocids from the Palace Temple on the Acropolis of Panticapaeum]. In: A.I. Melyukova (ed.), *Yevraziyskiye drevnosti. 100 let B.N. Grakovu* [Eurasian Antiquities. 100 Years of B.N. Grakov]. Moscow, 282–304.
- Tsyburskiy, V.L. 2002: Imya Dionisa [The Name of Dionysus]. In: *Colloquia classica et indogermanica III. Klassicheskaya filologiya i indoyevropeyskoye yazykoznaniye* [Colloquia Classica et Indogermanica III. Classical Philology and Indo-European Linguistics]. Saint Petersburg, 141–166.
- Tulpe, I.A. Khrshanovskiy, V.A. 2002: Sakral'noye pole nekropolya [The Sacred Field of the Necropolis]. In: *Bosporskiy fenomen: Pogrebal'nyye pamyatniki i svyatilishcha* [The Bosporean Phenomenon: Funeral Monuments and Sanctuaries]. Pt. I. Saint Petersburg, 161–167.
- Usacheva, O.N. 1983: Terrakotovyye statuetki iz kurgana vblizi Kep [Terracotta Figurines from a Barrow near Kepoi]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of Institute of Archaeology] 174, 77–82.
- Vermaseren, M.J. 1977: *Cybele and Attis. The Myth and the Cult*. London.
- Vinokurov, N.I. 2002: Antichnyy sotsium: kul't vina i vinograda [Ancient Society: the Cult of Wine and Grapes]. *Bosporskiye issledovaniya* [Bosporos Studies] II. Simferopol–Kerch, 27–86.
- Zavoykin, A.A. 2003: Keramicheskkiye votivy na svyatilishche «Beregovoy 4» [Ceramic Votives from the Sanctuary of Beregovoy 4]. In: *IV Bosporskiye chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ye* [IV Bosporos Readings. Cimmerian Bosporos and the Barbarian World in Antiquity and the Middle Ages]. Kerch, 93–99.
- Zavoykin, A.A. 2006a: Svyatilishche Demetry i Kory na Fontalovskom poluostrove: prirodnyaya sreda i sakral'naya topografiya [The Sanctuary of Demeter and Kore on the Fontalovsky Peninsula: Natural Environment and Sacred Topography]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 61–76.
- Zavoykin, A.A. 2006b: Dva syuzheta v komplekse terrakoty na svyatilishche elevsinskiy bogin' (Beregovoy 4) [Two Plots in the Terracotta Complex at the Sanctuary of the Eleusinian Goddesses (Beregovoy 4)]. In: D.V. Zhuravlev (ed.), *Severnoye Prichernomor'ye v epokhu antichnosti i srednevekov'ya. Pamyati N.P. Sorokinoy* [The Northern Black Sea Region in Antiquity and the Middle Ages. In Memory of N.P. Sorokina] (Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 159). Moscow, 158–168.
- Zavoykin, A.A., Dobrovol'skaya, Ye.V. 2007: Bogi, lyudi, zhitovnyye i ptitsy v svyatilishche Demetry i Kory na Fontalovskom poluostrove [Gods, People, Animals, and Birds in the

- Sanctuary of Demeter and Kore on the Fontalovsky Peninsula]. In: *VIII Bosporskiye chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya* [VIII Bosporan Readings. Cimmerian Bosporus and the Barbarian World in the Period of Antiquity and the Middle Ages]. Kerch, 117–125.
- Zavoykin, A.A., Sudarev, N.I. 2009: Poseleniye i svyatilishche «Beregovoy 4». Itogi issle-dovaniy v 1999–2004 g. [Settlement and Sanctuary of “Beregovoy 4”. Results of Research in 1999–2004]. In: N.A. Makarov (ed.), *Arkheologicheskiye otkrytiya 1991–2004 gg. Yevropeyskaya Rossiya* [Archaeological Discoveries of 1991–2004. European Russia]. Moscow, 174–189.

“TRACES OF DIONYSUS” IN THE SANCTUARY OF DEMETER AND KORA
ON THE FONTALOVSKY PENINSULA

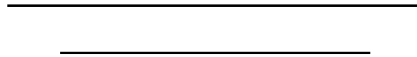
Aleksey A. Zavoykin

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: bospor@inbox.ru

The paper examines finds from the sanctuary of Demeter and Kore-Persephone, located on the cape in the central part of the Beregovoy 4 settlement (the Fontalovsky Peninsula), which are associated with the worship of Dionysus. There are few of them, but they are relatively diverse. These are images of the god himself (his masks), fragments of a terracotta statuette and a figurative vessel representing Dionysus or his companion Silenus, ceramic votives in the form of an attribute of the god: a bunch of grapes, and finally, three statuettes, one of which represents a half-naked boy in a “Dionysian wreath” playing with a dog, and two identical statuettes of seated girls who hold a bunch of grapes in one hand and hold a goose (duck) reaching for the fruit with the other hand. The article focuses on the analysis of the cult aspect of these offerings in the sanctuary of the Two Goddesses, as well as on the chronology of the objects under consideration. The author notes the relationship between the subjects and attributes found in the sanctuary and some burial traditions in the Bosporus during the Hellenistic period. It is noteworthy that the votive offerings, obviously associated with the cult of Dionysus in this sanctuary, are dated earlier than the 4th century BC, but mainly refer to the 2nd – first half of the 1st century BC. On this basis, it is concluded that in the previous period (late 6th – 5th centuries BC), the veneration of the many-faced god was carried out in the sanctuary in other, less obvious forms.

Keywords: Cimmerian Bosporus, sanctuary, Beregovoy 4 settlement, Demeter, Kore, Dionysus, terracotta, votives, figurines

DOI: 10.18503/1992-0431-2025-1-87-59–76

МОНЕТЫ ИЗ РАСКОПОК АНТИЧНОЙ УСАДЬБЫ ВЕРХНЕЕ ДЖЕМЕТЕ 1 НА ХОРЕ ГОРГИППИИ

М.Г. Абрамзон¹, Н.И. Сударев², А.В. Сурков³

^{1,2}*Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия;*
¹*Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,*
Магнитогорск, Россия

³*ООО «Археологическое общество Кубани», Ростов-на-Дону, Россия*

¹ *E-mail:* abramzon-m@mail.ru ² *E-mail:* sudarev@list.ru ³ *E-mail:* surkovarh@mail.ru

¹ *ORCID:* 0000-0001-6111-048X ² *ORCID:* 0000-0001-8827-9656 ³
ORCID: 0000-0003-0538-5248

Публикуются 137 монет из раскопок античного памятника «Усадьба Верхнее Джемте 1», расположенного на территории г. Анапа, в 350 м к югу от южной окраины пос. Верхнее Джемте, на северном берегу оз. Чембурское. Монетный комплекс не только характеризует нумизматический профиль региона, но и отражает разные периоды интенсивности жизнедеятельности поселения. Нумизматический материал датируется последней третью IV – первой четвертью I в. до н.э. Наивысшая активность жизни на поселении, судя по монетным находкам, приходится на конец IV и первую половину III в. до н.э. К этому времени относятся 82 монеты. Со второй половины III в. и во II–I вв. до н.э. наблюдается спад: всего две монеты датируются концом III в. до н.э., а ко II в. до н.э. принадлежат 49 монет. Шесть монет дошло от правления Митридата VI (Пантикапей – 5, Синопа – 1). Таким образом, нумизматические материалы уточняют фазы функционирования усадьбы Верхнее Джемте 1, жизнь на котором прекратилась, по-видимому, в 80–70-е гг. до н.э.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, хора Горгииппии, античное поселение «Усадьба Верхнее Джемте 1», монеты из раскопок, денежное обращение

Объект археологического наследия «Усадьба Верхнее Джемте 1» расположен на территории города-курорта Анапа (рис. 1, А) в 350 м к югу от южной окраины

Данные об авторах. Михаил Григорьевич Абрамзон – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела классической археологии ИА РАН, директор НИИ исторической антропологии и филологии МГТУ им. Г.И. Носова; Николай Игоревич Сударев – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела классической археологии ИА РАН Алексей Владимирович Сурков – кандидат исторических наук, археолог-специалист ООО «Археологическое общество Кубани».

Исследование выполнено в рамках темы «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (номер ЕГИСУ НИОКТР 122011200269-4).

пос. Верхнее Джемете, рядом с территорией железнодорожного вокзала, на северном берегу оз. Чембурское. Усадьба эллинистического времени (IV – начало I в. до н.э.) занимает край надпойменной террасы правого берега р. Анапки, часть поверхности памятника задернована, другая распахивается¹.

Памятник был открыт в 2018 г. сотрудником ООО «Южархеология» А.А. Посегуном в ходе археологического обследования этой местности в рамках проекта «Газопровод высокого давления от ГРС Верхнее Джемете до г. Анапа Краснодарского края». Было проведено визуальное обследование, шурфование, сбор подъемного материала, фотофиксация, сняты координаты памятника и выполнена топосъемка.

В 2023–2024 гг. на памятнике, попавшем в зону строительства газопровода, экспедицией ООО «Археологическое общество Кубани» под руководством А.В. Суркова осуществлялись охранно-спасательные раскопки, позволившие скорректировать его границы и датировку.

Данная усадьба эллинистического времени расположена на ближней хоре Горгииппии у древней мощенной камнем дороги, ведущей от полиса по Джеметинской косе мимо Чембурского озера в сторону группы античных усадеб у совр. пос. Воскресенский и далее. К настоящему моменту, на этой территории открыто и исследовано более десятка усадеб (в том числе данная и ближайшая к ней «Усадьба Верхнее Джемете II»²), некрополь эллинистического времени, гестиаторий, возведенный на перекрестке путей, и другие памятники. Сама дорога появилась не позже V в. до н.э., активно действовала и ремонтировалась до II в. до н.э., однако функционировала и позже³. Вымощенная камнем дорога вне городской застройки указывает на высокий статус данной группы усадеб на ближней хоре Горгииппии, имеющих почти синхронную хронологию. Строительство усадеб здесь и расцвет жизни на них приходится на IV в. до н.э. На рубеже IV–III вв. до н.э. все они перестраиваются и существуют до начала I в. до н.э., после чего жизнь прекращается на части их, другая доживает вплоть до середины I в. н.э.⁴

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Усадьба «Верхнее Джемете 1» имеет форму неправильного овала размерами 280 x 180 м, ее площадь составляет 37 300 м². Раскопками было исследовано 3600 м². В ходе археологических работ выявлены остатки фундаментов эллинистической усадьбы (строения 1 и 2), а также связанные с ней хозяйственные ямы и колодец. Строение 1 (северное) состояло из одного помещения, а более масштабное строение 2 (южное) – из трех. В слоях усадьбы найдены многочисленные фрагменты керамики, в том числе черно- и краснолаковой и сероглиняной, медные монеты, керамические грузила, изделия из металла⁵.

Амфоры представлены, в основном, продукцией Хиоса, Фасоса, Синопы, Гераклеи Понтийской, Книда, Родоса, Коса, Колхиды, Менды. Наибольшее количество массового амфорного материала датируется серединой IV – первой

¹ Лавров, Сурков 2024.

² Сурков 2024; Абрамзон и др. 2024.

³ Паль и др. 2020, 308–312; Соколов 2024.

⁴ Иванов 2020; Паль и др. 2020, 315–318.

⁵ Лавров, Сурков 2024, 60–73.

половиной III в. до н.э., однако, судя по значительному количеству находок второй половины III – начала I в. до н.э., жизнь на территории усадьбы продолжалась вплоть до ее полного разрушения в первой четверти I в. до н.э.

Данную датировку подтверждает и анализ амфорных клейм. Всего найдено 13 клейм на амфорах средиземноморских и причерноморских центров производства – Родоса, Коса, Менды и Синопы. Продукция Родоса представлена тремя клеймами, из которых два – фабрикантские, с именами Тимар(--)⁶, ок. 304–271 гг. до н.э. (к.о. 73), и Марона⁷, ок. 145–108 гг. до н.э. (к.о. 166). В круглом эпонимном клейме с надписью вокруг эмблемы «цветок» полностью сохранилось название месяца Агрианий и только часть имени эпонима; отсюда имя эпонима Аристомбротиды⁸, ок. 117 г. до н.э., восстанавливается лишь предположительно (к.о. 143). Косское клеймо с именем Адея принадлежит к числу самых распространенных в Северном Причерноморье и датируется началом I в. до н.э. (к.о. 121). Ретроградное мендейское клеймо Ар(--)⁹ датируется серединой – третьей четвертью IV в. до н.э. (к.о. 75). Продукция Синопы представлена 6 клеймами, среди которых одно – с именем астинома Каллисфена и эмблемой «Ника в биге», другое (к.о. 122) – с монограммой ΘΕΥ – фабрикантской эмблемой на клеймах астиномов II хронологической группы, по Н. Коновичи (конец 330-х – середина 290-х гг. до н.э.)⁹, третье – с именами Антипатра, Никона и Клеайнета, кон. 240-х гг.¹⁰ В целом, синопские клейма охватывают период от последней трети IV до конца III в. до н.э. Анэпиграфное клеймо средиземноморской амфоры с изображением розетки (к.о. 128) относится к IV в. до н.э. Клеймо на стенке боспорского мерного кухонного сосуда второй половины IV – начала III в. до н.э. котором содержит имена трех агораномов – Деметрия, Архедема и Дионисия. За исключением двух родосских клейм (к.о. 143, 166) и косского клейма (к.о. 121), датируемых, соответственно, второй половиной II и началом I в. до н.э., остальные клейма относятся к последней трети IV – III в. до н.э.

Вторая по численности группа керамического материала – столовая посуда: кувшины, миски, тарелки, рыбные блюда. Лепная керамика (горшки, крышки) датируется IV в. до н.э. Основная ее масса – горшки без выделенного горла, получившие широкое распространение от Танаиса до Кубани, в Крыму и Северо-Западном Причерноморье.

Лаковая керамика представлена фрагментами чернолаковой посуды IV–II вв. до н.э. и краснолаковых сосудов III в. до н.э. – I в. н.э. Также найдены фрагменты «мегарских» чаш малоазийского производства. Аналогичные чаши из Порфмия и Кеп датируются II в. до н.э.¹¹, однако наиболее близкая по орнаменту чаша из Афин происходит из цистерны М 23:1, которая датируется первой четвертью I в. до н.э.¹² Остальная керамика представлена фрагментами пифосов, синопских mortаров и т.д.

Среди изделий из бронзы – многочисленные кованые медные гвозди, втульчатые наконечники стрел, фибула конца II – начала I в. до н.э.¹³, фрагментиро-

⁶ Finkielsztein 2001, 196, Gr. Ia.

⁷ Finkielsztein 2001, 196, Gr. V.

⁸ Finkielsztein 2001, 195, Gr. Vc.

⁹ Conovici 1998, 32, 51, Gr. II; 158 № 611.

¹⁰ Conovici 1998, 48, 51, Gr. Vb; Garlan 2004, 97, Gr. VI B.

¹¹ Гжегжулка 2010, 171–172, Усачева 1978, 105, рис. 2, 16.

¹² Rotroff 1982, 42, 87, 104, No. 366. По мнению С. Ротрофф, чаша неафинского производства.

¹³ Амброз 1966, 19–20, табл. 1, 15.

ванные ювелирные украшения (перстни, кольца, браслет); свинца – грузики, пломбы и петли; железные изделия представлены фрагментированным топором и гвоздями.

Из культовых предметов в слоях усадьбы найдены два фрагмента терракотовых статуэток и два целых фимиатерия горгиппийского производства II в. до н.э.¹⁴ Наибольший интерес вызывает фрагмент антефикса с изображением лица Афины Парфенос в шлеме с поднятыми нащечниками¹⁵. Этот образ встречается на Боспоре¹⁶, однако в большей степени подобные изображения распространены в эллинистическом Египте¹⁷ и Малой Азии. Наиболее близкая аналогия данному экземпляру происходит из Трояды¹⁸ и датируется поздним эллинизмом.

Следует отметить так же значительное количество фрагментов соленов и калиптеров местного производства, представлявших черепичную крышу усадьбы.

Таким образом, археологический материал позволяет датировать время жизнедеятельности усадьбы и связанных с ней хозяйственных объектов в целом серединой IV – I в. до н.э. Расцвет поселения, судя по количеству датированных объектов и находок, приходится на конец IV – начало III в. до н.э. Разрушение усадьбы вероятно связано с сильным землетрясением, в котором погибла находящаяся поблизости усадьба Джемете II¹⁹, однако возможно она существовала еще в первой четверти I в. до н.э. Датировку конкретизирует нумизматический материал, рассмотренный ниже.

НУМИЗМАТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ

При раскопках усадьбы собрано 137 бронзовых монет трех центров: Пантикапея – 115, Фанагория – 21, Синопы – 1. Публикуемый монетный комплекс характеризует нумизматический профиль Боспора конца IV – первой четверти I в. до н.э. и отражает разные периоды интенсивности жизнедеятельности усадьбы. Хронологическое распределение монет показывает, что наивысшая активность жизни приходится на последнюю треть IV – первую половину III вв. до н.э. Этому отрезку времени принадлежат 82 монеты (60% от всей массы). Затем, как на многих поселениях хоры Боспора, с середины III в. и во II–I вв. до н.э. здесь так же наблюдается спад: монет второй половины (конца) III в. найдено только 2 (1,5%), ко II в. относятся 49 монет (36%), к первой четверти I в. до н.э. – всего 6 (Пантикапей – 5, Синопа – 1). Ту же картину демонстрируют и монетные комплексы ряда других сельских поселений (например, соседняя усадьба «Верхнее Джемете II», «Береговой 4, Вышестеблиевская 3, Чекупс-2, Старотитаровская 6»²⁰).

Абсолютное большинство монет принадлежит Пантикапею – 115 экз. (84% от всей массы). Как и на перечисленных синхронных сельских поселениях, самые ранние пантикапейские монеты принадлежат серии ок. 330–315 гг. до н.э. – тетрагалки и дихалки²¹ (№ 1–4). Монеты серии ок. 315–300 гг. до н.э. не найдены.

¹⁴ Зайцева 1997, 42, табл. 4, № 64–71.

¹⁵ LIMC II, 1009–1010, 1041.

¹⁶ Завойкин 2016, 170.

¹⁷ Cladakis-Manolis 1994, 30–33, LIMC II, 1044–1048.

¹⁸ Miller 1994, 271–272, pl. 84f.

¹⁹ Сударев и др. 2024, 333–343.

²⁰ Абрамзон и др. 2016; 2021; 2023; 2024; Абрамзон, Колесников 2024.

²¹ Анохин 1986, № 111, 112.

К началу III в. до н.э. относятся пантикапейские дихалки с головой быка в $\frac{3}{4}$ на реверсе²² (№ 5–6) и единственный тетрахалк нового типа «сатир/лук и стрела», перечеканенный из клейменной монеты со львом и осетром²³ (№ 7).

Крупнейшая группа монет (73 экз.) относится к периоду денежного кризиса III в. до н.э. (№ 8–80); абсолютное большинство в ней (72 экз.) составляет пантикапейская деградированная медь типа «сатир/лук и стрела»²⁴ (№ 8–79), в том числе и с клеймом «треножник» (№ 68–79). К середине III в. относится новый пантикапейский тип «голова бородатого сатира/лук и стрела» (№ 80). К самому концу III в. до н.э. принадлежит тип «крыло/треножник» (№ 81–82).

Чеканка II в. до н.э. представлена мелкой медью Пантикапея (29 экз.; № 83–111) и Фанагории (21 экз.; № 116–136). Все это обычные типы, не требующие комментариев. Отметим традиционную скудность набора пантикапейских типов, среди которых доминирует самый массовый – «голова Аполлона/горит»²⁵ (17 экз.; № 88–104); остальные традиционно представлены одним-двумя экземплярами. К первой половине столетия относятся типы: «голова Аполлона/дельфин»²⁶ (№ 85), «голова Аполлона/лук и стрела»²⁷ (№ 86–87), «голова быка/плуг и колос»²⁸ (№ 105); серии ок. 120–110 гг. – «голова бородатого сатира/рог изобилия между шапками Диоскуров»²⁹ (№ 106) и «голова безбородого сатира/шапки Диоскуров»³⁰ (№ 107); финальной серии Спартокидов (ок. 110 г. до н.э.) – «голова Афины/прора»³¹ (№ 108–109) и «голова Афины/трезубец»³² (№ 110). Чекан Фанагории представлен массовым типом «голова сатира/лук и стрела»³³ № 116–136).

Затем следуют монеты Пантикапея и Синопы митридатовской эпохи. Пантикапейские халки с треножником и звездой датируются временем после 95 г. до н.э. (№ 112–114), а тетрахалк типа «голова Диониса/треножник» (позднейшая монета в комплексе) – первой четвертью I в. до н.э.³⁴, 90–80 гг.³⁵ или 85–70 гг.³⁶ Наконец, синопский обол типа «голова Зевса/орел на молниях» датируется 100–85 гг.³⁷ или 95–90 гг.³⁸

Таким образом, монетный комплекс усадьбы «Верхнее Джемете 1» позволяет датировать ее гибель 80-ми или даже 70-ми гг. до н.э., т.е. несколько позднее, чем соседней усадьбы «Верхнее Джемете II», погибшей в середине – второй половине 90-х гг. до н.э.

²² Анохин 1986, № 132.

²³ Шелов 1956, № 67; SNG BM I 898.

²⁴ Шелов 1956, № 66; SNG BM I 901–905.

²⁵ Анохин 1986, № 169.

²⁶ Анохин 1986, № 140.

²⁷ Анохин 1986, № 146.

²⁸ Анохин 1986, № 165.

²⁹ Анохин 1986, № 175.

³⁰ Анохин 1986, № 176.

³¹ Анохин 1986, № 183.

³² Анохин 1986, № 187.

³³ Анохин 1986, № 147.

³⁴ Frolova, Ireland 2002, pl. I, 1–26.

³⁵ Анохин 1986, № 203.

³⁶ Callataÿ 2007, 286, Tabl. 12.

³⁷ SNG BM I 1527.

³⁸ Callataÿ 2007, 282, Tabl. 9.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В конце II – первой четверти I в. до н.э. на боспорской хоре происходит угасание интенсивности жизнедеятельности и даже гибель целого ряда поселений. На Тамани – важнейшем районе зернового производства – это, например, поселения Береговой 4, Старотитаровская 6, Вышестеблиевская 3 и многие другие³⁹. Тот же процесс происходит и на хоре Горгииппии, которая представляла другой важный район, обеспечивающий хлебом армию и малоазийские владения Митридата VI до и во время войн с Римом. Входя в круг синхронных памятников горгииппийской хоры, усадьба «Верхнее Джемете 1» прекращает свое существование во второй половине первой трети I в. до н.э., о чем свидетельствует публикуемый нумизматический материал.

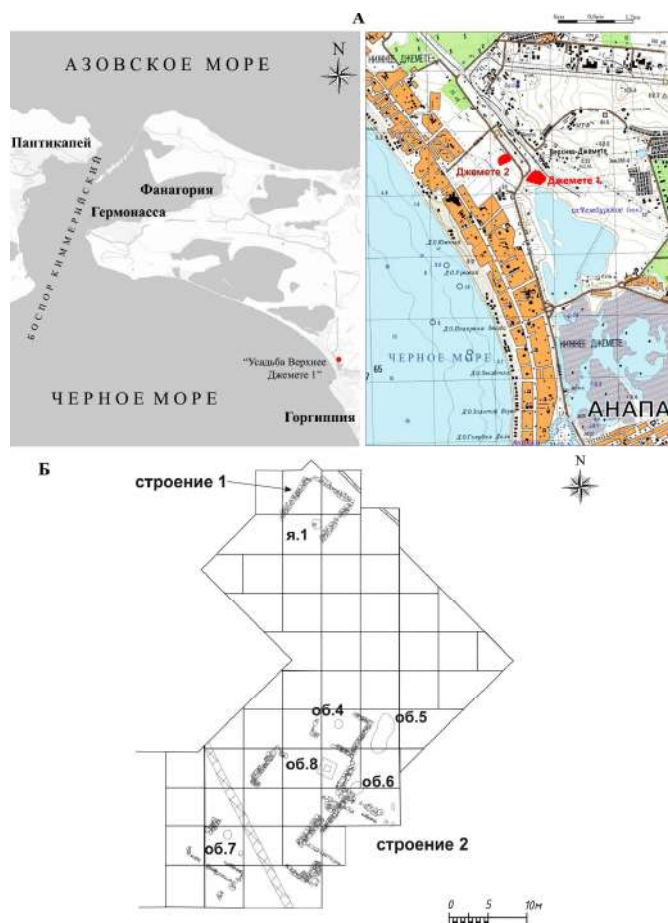

Рис. 1. Локализация памятника «Усадьба Верхнее Джемете 1»

³⁹ Гарбузов, Завойкин, 2009, 166; Абрамзон и др. 2016, 18–20.

Рис. 2. Монеты IV–III вв. до н.э. из раскопок усадьбы Верхнее Джемете 1

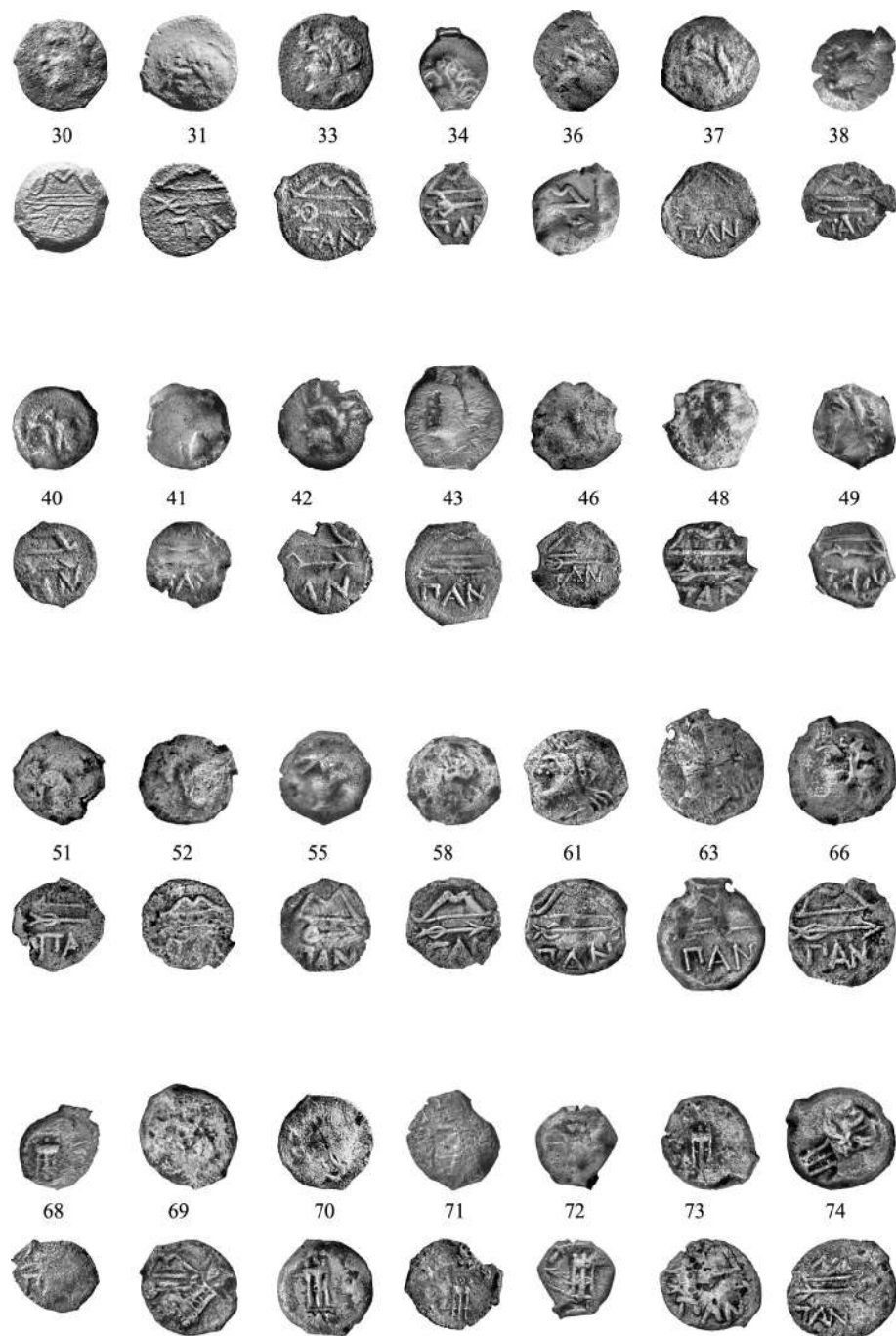

Рис. 3. Монеты III в. до н.э. из раскопок усадьбы Верхнее Джемте 1

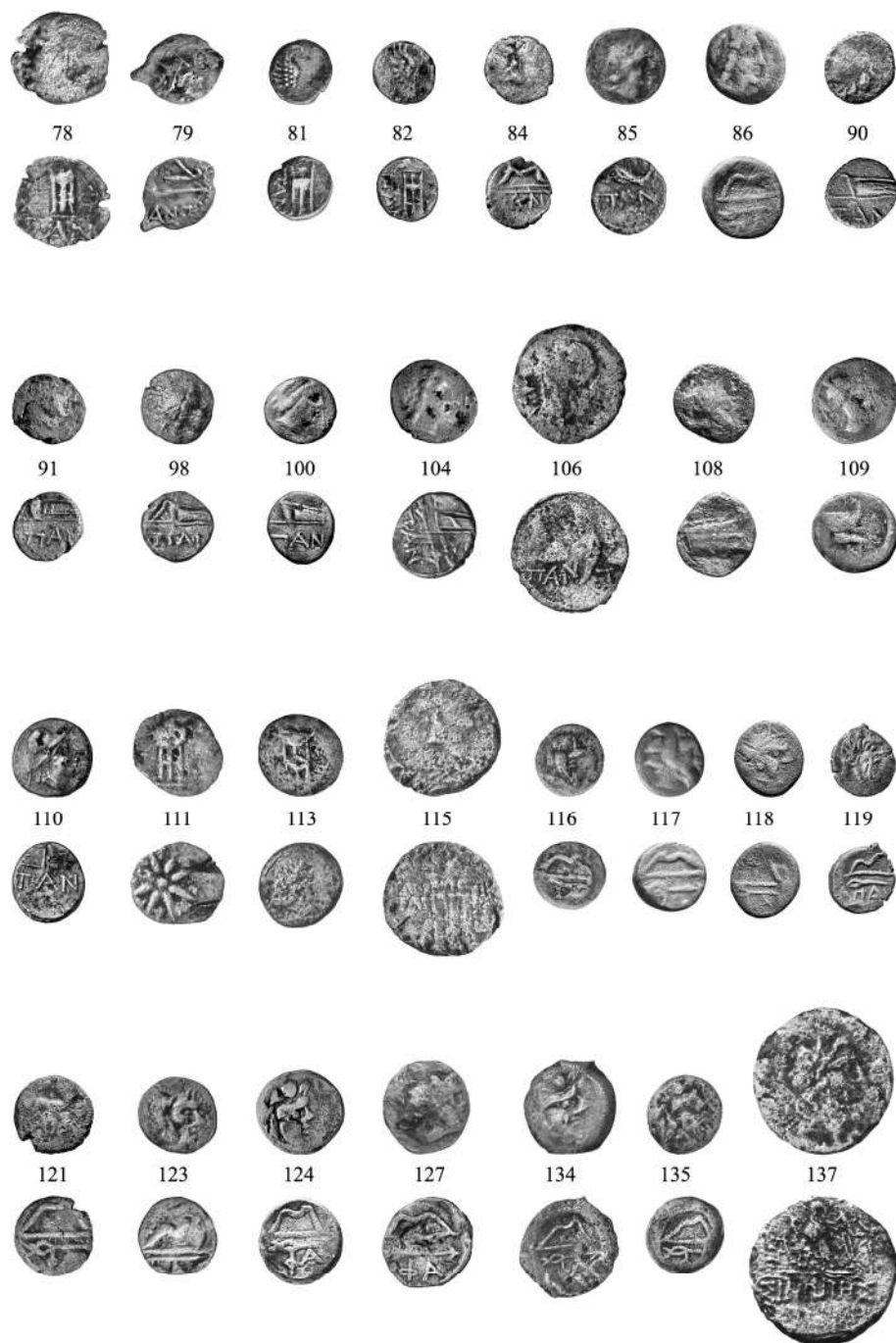

Рис. 4. Монеты III–I вв. до н.э. из раскопок усадьбы Верхнее Джемете 1»

СПИСОК МОНЕТ ИЗ РАСКОПОК АНТИЧНОЙ УСАДЬБЫ ВЕРХНЕЕ ДЖЕМЕТЕ ¹

№ п/п	№ к.о.	Монетный двор	Тип	Датировка	Диаметр, мм	Вес, г	Литература	Место находки
1.	50	Пантикапей	сатир/протома грифона	Ок. 330–315 гг.	19,5	6,04	Анохин 1986, № 111	Кв. 54, шт. 3
2.	51	Пантикапей	сатир/протома грифона	Ок. 330–315 гг.	19,5	5,00	Анохин 1986, № 111	Кв. 86, пл. 4
3.	70	Пантикапей	сатир/протома Пегаса	Ок. 330–315 гг.	15	2,11	Анохин 1986, № 112	Кв. 118, шт. 3
4.	175	Пантикапей	сатир/протома Пегаса	Ок. 330–315 гг.	13,5	2,54	Анохин 1986, № 112	Кв. 123, шт. 3
5.	17	Пантикапей	сатир/голова быка в $\frac{3}{4}$	Ок. 300–290 гг.	15	2,70	Анохин 1986, № 132	Кв. 91, шт. 1
6.	91	Пантикапей	сатир/голова быка в $\frac{3}{4}$	Ок. 300–290 гг.	15	3,31	Анохин 1986, № 132	Кв. 58, шт. 3
7.	179	Пантикапей	сатир/лук и стрела, перечканка из <i>Анохин</i> 130	Ок. 300–275 гг.	20,5	5,77	SNG BM I 898	Кв. 131, шт. 2
8.	11	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гг.	16,5	4,42	SNG BM I 901–905	Кв. 81, шт. 3
9.	3	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гг.	12	1,77	SNG BM I 901–905	Кв. 92, шт. 4
10.	4	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гг.	11	1,28	SNG BM I 901–905	Кв. 92, шт. 4
11.	6	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гг.	13	1,38	SNG BM I 901–905	Кв. 111, шт. 4
12.	12	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гг.	12,5	2,76	SNG BM I 901–905	Кв. 81, шт. 3
13.	14	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гг.	13	1,74	SNG BM I 901–905	Кв. 90, шт. 2
14.	15	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гг.	12	1,35	SNG BM I 901–905	Кв. 90, шт. 2
15.	18	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гг.	14	1,80	SNG BM I 901–905	Кв. 92, шт. 2
16.	19	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гг.	12	1,71	SNG BM I 901–905	Кв. 90, шт. 1
17.	20	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гг.	14	1,49	SNG BM I 901–905	Кв. 94, шт. 1
18.	21	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гг.	13	1,62	SNG BM I 901–905	Кв. 94, шт. 1
19.	22	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гг.	13	1,47	SNG BM I 901–905	Кв. 94, шт. 1
20.	31	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гг.	15	2,92	SNG BM I 901–905	Кв. 94, шт. 1
21.	32	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гг.	15	2,89	SNG BM I 901–905	Кв. 93, шт. 2
22.	33	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гг.	15,5	3,25	SNG BM I 901–905	Кв. 93, шт. 2
23.	34	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гг.	13	2,18	SNG BM I 901–905	Кв. 93, шт. 2
24.	35	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гг.	14	2,31	SNG BM I 901–905	Кв. 93, шт. 2
25.	36	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гг.	13	1,68	SNG BM I 901–905	Кв. 93, шт. 2
26.	38	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гг.	15	1,50	SNG BM I 901–905	Кв. 93, шт. 3
27.	39	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гг.	13,5	1,81	SNG BM I 901–905	Кв. 93, шт. 3
28.	40	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гг.	14,5	2,21	SNG BM I 901–905	Кв. 93, шт. 3
29.	41	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гг.	11	1,93	SNG BM I 901–905	Кв. 93, шт. 3
30.	42	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гг.	13	2,04	SNG BM I 901–905	Кв. 93, шт. 3

¹ Порядковым номерам каталога соответствуют номера монет в таблицах.

31.	43	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гт.	13,5	1.19	SNG BM I 901–905	Кв. 93, шт. 3
32.	44	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гт.	13,5	1.05	SNG BM I 901–905	Кв. 93, шт. 3
33.	49	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гт.	15	1.32	SNG BM I 901–905	Кв. 93, шт. 4
34.	52	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гт.	11,5	1.77	SNG BM I 901–905	Кв. 55, шт. 4
35.	53	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гт.	14	1.41	SNG BM I 901–905	Кв. 94, шт. 2
36.	56	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гт.	14	2.21	SNG BM I 901–905	Кв. 93, шт. 5
37.	57	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гт.	13,5	2.24	SNG BM I 901–905	Кв. 93, шт. 5
38.	58	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гт.	13	1.80	SNG BM I 901–905	Кв. 93, шт. 5
39.	59	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гт.	13	1.55	SNG BM I 901–905	Кв. 93, шт. 5
40.	60	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гт.	12	1.85	SNG BM I 901–905	Кв. 93, шт. 5
41.	62	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гт.	12	1.53	SNG BM I 901–905	Кв. 56, шт. 3
42.	64	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гт.	12	1.16	SNG BM I 901–905	Кв. 60, шт. 3
43.	69	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гт.	14,5	2.48	SNG BM I 901–905	Кв. 59, шт. 2
44.	71	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гт.	11,5	1.50	SNG BM I 901–905	Кв. 94, шт. 4
45.	84	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гт.	10	0.87	SNG BM I 901–905	Кв. 63, шт. 2
46.	86	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гт.	12,5	1.83	SNG BM I 901–905	Кв. 93, шт. 4
47.	87	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гт.	11	2.00	SNG BM I 901–905	Кв. 93, шт. 4
48.	89	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гт.	13	1.50	SNG BM I 901–905	Кв. 95, шт. 1
49.	92	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гт.	12	2.00	SNG BM I 901–905	Кв. 58, шт. 3
50.	112	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гт.	12,5	1.32	SNG BM I 901–905	Кв. 94, шт. 5
51.	124	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гт.	13	1.61	SNG BM I 901–905	Кв. 67, шт. 3
52.	133	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гт.	14	1.66	SNG BM I 901–905	Кв. 93, шт. 2
53.	134	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гт.	14	1.91	SNG BM I 901–905	Кв. 93, шт. 2
54.	135	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гт.	13	1.67	SNG BM I 901–905	Кв. 93, шт. 2
55.	136	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гт.	14	1.76	SNG BM I 901–905	Кв. 93, шт. 2
56.	137	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гт.	13	1.58	SNG BM I 901–905	Кв. 93, шт. 4
57.	139	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гт.	12,5	2.13	SNG BM I 901–905	Кв. 93, шт. 4
58.	140	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гт.	13	2.07	SNG BM I 901–905	Кв. 93, шт. 4
59.	145	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гт.	13	1.19	SNG BM I 901–905	Кв. 121, шт. 2
60.	146	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гт.	15	2.04	SNG BM I 901–905	Кв. 44, шт. 3
61.	159	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гт.	14,5	2.31	SNG BM I 901–905	Кв. 112, шт. 5
62.	170	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гт.	11	0.83	SNG BM I 901–905	Кв. 113, шт. 4
63.	180	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гт.	15,5	3.51	SNG BM I 901–905	Кв. 124, шт. 4

64.	184	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гг.	13	1.65	SNG BM I 901–905	Кв. 22, шт. 3
65.	202	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гг.	12	1.89	SNG BM I 901–905	Кв. 126, шт. 4
66.	221	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гг.	15	2.21	SNG BM I 901–905	Кв. 114, шт. 6
67.	230	Пантикапей	сатир/лук и стрела, деград.	Ок. 275–250 гг.	12	1.58	SNG BM I 901–905	Кв. 95, шт. 3
68.	66	Пантикапей	сатир/лук и стрела, надчеканка – треножник	Ок. 250 г.	12.5	1.74	Анохин 1986, № 139	Кв. 50, шт. 4
69.	83	Пантикапей	сатир/лук и стрела, надчеканка – треножник	Ок. 250 г.	14.5	2.09	Анохин 1986, № 139	Кв. 121, шт. 2
70.	85	Пантикапей	сатир/лук и стрела, надчеканка – треножник	Ок. 250 г.	13	1.43	Анохин 1986, № 139	Кв. 64, шт. 4
71.	88	Пантикапей	сатир/лук и стрела, надчеканка – треножник	Ок. 250 г.	13.5	1.61	Анохин 1986, № 139	Кв. 95, шт. 1
72.	114	Пантикапей	сатир/лук и стрела, надчеканка – треножник	Ок. 250 г.	11	1.83	Анохин 1986, № 139	Кв. 40, шт. 4
73.	156	Пантикапей	сатир/лук и стрела, надчеканка – треножник	Ок. 250 г.	14	2.14	Анохин 1986, № 139	Кв. 46, шт. 2
74.	158	Пантикапей	сатир/лук и стрела, надчеканка – треножник	Ок. 250 г.	15	2.36	Анохин 1986, № 139	Кв. 112, шт. 5
75.	169	Пантикапей	сатир/лук и стрела, надчеканка – треножник	Ок. 250 г.	15	2.36	Анохин 1986, № 139	Кв. 113, шт. 3
76.	189	Пантикапей	сатир/лук и стрела, надчеканка – треножник	Ок. 250 г.	13	1.03	Анохин 1986, № 139	Кв. 114, шт. 2
77.	195	Пантикапей	сатир/лук и стрела, надчеканка – треножник	Ок. 250 г.	15	1.39	Анохин 1986, № 139	Кв. 113, шт. 2
78.	232	Пантикапей	сатир/лук и стрела, надчеканка – треножник	Ок. 250 г.	13.5	1.18	Анохин 1986, № 139	Кв. 22, стр. 2, пом. 2
79.	192	Пантикапей	сатир/лук и стрела, перечеканка на <i>Шелюв</i> 66	Ок. 250 г.	13	1.12	Анохин 1986, № 145	Кв. 23, шт. 3
80.	205	Пантикапей	сатир/лук и стрела	Ок. 250 г.	15	3.78	Анохин 1986, № 145	Кв. 119, шт. 5
81.	72	Пантикапей	крыло/треножник	Конец III в.	9	1.36	Анохин 1986, № 142	Кв. 95, шт. 2
82.	151	Пантикапей	крыло/треножник	Конец III в.	9	1.26	Анохин 1986, № 142	Кв. 117, шт. 3
83.	168	Пантикапей	сатир/лук и стрела	Ок. 200–175 гг.	13	1.70	Анохин 1986, № 155	Кв. 113, шт. 3
84.	218	Пантикапей	сатир/лук и стрела	Ок. 200–175 гг.	10	0.81	Анохин 1986, № 155	Кв. 114, шт. 5
85.	68	Пантикапей	Аполлон/дельфин	Ок. 200–150 гг.	11	1.19	Анохин 1986, № 140	Кв. 60, шт. 2
86.	13	Пантикапей	Аполлон/лук и стрела	Ок. 200–150 гг.	11	2.39	Анохин 1986, № 146	Кв. 85, шт. 2

87.	197	Пантикапей	Аполлон/лук и стрела	Ок. 200–150 гт.	10	1.00	Анохин 1986, № 146	Кв. 132, шт. 2
88.	2	Пантикапей	Аполлон/горит	Ок. 175–120 гт.	11	1.95	Анохин 1986, № 169	Кв. 80, шт. 4
89.	10	Пантикапей	Аполлон/горит	Ок. 175–120 гт.	11	2.06	Анохин 1986, № 169	Кв. 82, шт. 2
90.	16	Пантикапей	Аполлон/горит	Ок. 175–120 гт.	10	1.20	Анохин 1986, № 169	Кв. 88, шт. 5
91.	61	Пантикапей	Аполлон/горит	Ок. 175–120 гт.	10	1.45	Анохин 1986, № 169	Кв. 93, шт. 5
92.	65	Пантикапей	Аполлон/горит	Ок. 175–120 гт.	10	1.52	Анохин 1986, № 169	Кв. 57, шт. 3
93.	90	Пантикапей	Аполлон/горит	Ок. 175–120 гт.	11	2.31	Анохин 1986, № 169	Кв. 58, шт. 3
94.	113	Пантикапей	Аполлон/горит	Ок. 175–120 гт.	10	1.63	Анохин 1986, № 169	Кв. 69, шт. 2
95.	115	Пантикапей	Аполлон/горит	Ок. 175–120 гт.	10	1.23	Анохин 1986, № 169	Кв. 40, шт. 4
96.	141	Пантикапей	Аполлон/горит	Ок. 175–120 гт.	11	2.38	Анохин 1986, № 169	Кв. 111, шт. 2
97.	150	Пантикапей	Аполлон/горит	Ок. 175–120 гт.	10	1.88	Анохин 1986, № 169	Кв. 117, шт. 3
98.	176	Пантикапей	Аполлон/горит	Ок. 175–120 гт.	10	1.49	Анохин 1986, № 169	Кв. 46, шт. 4
99.	190	Пантикапей	Аполлон/горит	Ок. 175–120 гт.	10	1.49	Анохин 1986, № 169	Кв. 23, шт. 2
100.	191	Пантикапей	Аполлон/горит	Ок. 175–120 гт.	10	1.74	Анохин 1986, № 169	Кв. 23, шт. 2
101.	196	Пантикапей	Аполлон/горит	Ок. 175–120 гт.	11	2.37	Анохин 1986, № 169	Кв. 132, шт. 2
102.	199	Пантикапей	Аполлон/горит	Ок. 175–120 гт.	10	1.18	Анохин 1986, № 169	Кв. 119, шт. 3
103.	223	Пантикапей	Аполлон/горит	Ок. 175–120 гт.	10	2.07	Анохин 1986, № 169	Кв. 114, шт. 7
104.	188	Пантикапей	Аполлон/горит, перечеканка на <i>Анохин</i> 146	Ок. 200–150 гт.	11	1.84	Анохин 1986, № 169	Кв. 114, шт. 2
105.	101	Пантикапей	Аполлон/горит, перечеканка на <i>Анохин</i> 165	Ок. 175–150 гт.	12	1.79	Анохин 1986, № 169	Кв. 95, шт. 2
106.	171	Пантикапей	сатир/рог – изобилия шапками Диоскуров	Ок. 120–110 гт.	16	3.20	Анохин 1986, № 175	Кв. 131, шт. 4
107.	211	Пантикапей	сатир/ шапки Диоскуров	Ок. 120–110 гт.	10	1.34	Анохин 1986, № 176	Кв. 132, шт. 5
108.	37	Пантикапей	Афина/прора	Ок. 110 г.	11	1.39	Анохин 1986, № 183	Кв. 93, шт. 2
109.	63	Пантикапей	Афина/прора	Ок. 110 г.	12	1.13	Анохин 1986, № 183	Кв. 56, шт. 3
110.	177	Пантикапей	Афина/грзубец	Ок. 110 г.	11	1.52	Анохин 1986, № 187	Кв. 56, шт. 3
111.	193	Пантикапей	треножник/звезда, перечеканка на <i>Анохин</i> 183	После 95 г.	13	0.97	Анохин 1986, № 203	Кв. 23, шт. 3
112.	210	Пантикапей	треножник/звезда	После 95 г.	12	1.44	Анохин 1986, № 203	Кв. 132, шт. 5
113.	222	Пантикапей	треножник/звезда, перечеканка	После 95 г.	12	1.96	Анохин 1986, № 203	Кв. 23, шт. 3
114.	225	Пантикапей	треножник/звезда, перечеканка	После 95 г.	10	1.42	Анохин 1986, № 203	Кв. 126, шт. 3

115.	82	Пантикапей	Дионис/треножник	Ок. 85–65 гг.	16,5	6,00	Анохин 1986, № 202	Кв. 114, шт. 6
116.	1	Фанагория	сапир/лук и стрела	Ок. 200–110 гг.	10	1.83	Анохин 1986, № 147	Кв. 80, шт. 4
117.	7	Фанагория	сапир/лук и стрела	Ок. 200–110 гг.	10	1.83	Анохин 1986, № 147	Кв. 85, шт. 2
118.	8	Фанагория	сапир/лук и стрела	Ок. 200–110 гг.	10	1.84	Анохин 1986, № 147, перечеканка на Анохин 169	Кв. 88, шт. 2
119.	9	Фанагория	сапир/лук и стрела	Ок. 200–110 гг.	10	1.22	Анохин 1986, № 147	Кв. 88, шт. 2
120.	67	Фанагория	сапир/лук и стрела	Ок. 200–110 гг.	10	2.20	Анохин 1986, № 147	Кв. 50, шт. 4
121.	81	Фанагория	сапир/лук и стрела	Ок. 200–110 гг.	11	1.72	Анохин 1986, № 147	Кв. 59, шт. 3
122.	104	Фанагория	сапир/лук и стрела	Ок. 200–110 гг.	11	1.67	Анохин 1986, № 147	Кв. 42, шт. 1
123.	111	Фанагория	сапир/лук и стрела	Ок. 200–110 гг.	11	1.38	Анохин 1986, № 147	Кв. 45, шт. 4
124.	116	Фанагория	сапир/лук и стрела	Ок. 200–110 гг.	12	2.82	Анохин 1986, № 147	Кв. 42, шт. 5
125.	117	Фанагория	сапир/лук и стрела	Ок. 200–110 гг.	12	2.33	Анохин 1986, № 147	Кв. 42, шт. 5
126.	132	Фанагория	сапир/лук и стрела	Ок. 200–110 гг.	10	1.51	Анохин 1986, № 147	Кв. 110, шт. 4
127.	144	Фанагория	сапир/лук и стрела	Ок. 200–110 гг.	13	1.28	Анохин 1986, № 147	Кв. 121, шт. 2
128.	172	Фанагория	сапир/лук и стрела	Ок. 200–110 гг.	12	1.03	Анохин 1986, № 147	Кв. 131, шт. 4
129.	178	Фанагория	сапир/лук и стрела	Ок. 200–110 гг.	11.5	1.40	Анохин 1986, № 147	Кв. 118, шт. 3
130.	203	Фанагория	сапир/лук и стрела	Ок. 200–110 гг.	11.5	1.97	Анохин 1986, № 147	Кв. 126, шт. 5
131.	204	Фанагория	сапир/лук и стрела	Ок. 200–110 гг.	10	2.31	Анохин 1986, № 147	Кв. 126, шт. 6
132.	206	Фанагория	сапир/лук и стрела	Ок. 200–110 гг.	12	1.49	Анохин 1986, № 147	Кв. 119, шт. 5
133.	207	Фанагория	сапир/лук и стрела	Ок. 200–110 гг.	10	1.73	Анохин 1986, № 147	Кв. 119, шт. 5
134.	213	Фанагория	сапир/лук и стрела	Ок. 200–110 гг.	14	1.94	Анохин 1986, № 147	Кв. 23А, шт. 6
135.	220	Фанагория	сапир/лук и стрела	Ок. 200–110 гг.	11	2.70	Анохин 1986, № 147	Кв. 70, шт. 4
136.	224	Фанагория	сапир/лук и стрела	Ок. 200–110 гг.	11	1.81	Анохин 1986, № 147	Кв. 114, шт. 7
137.	219	Синопа	Зевс/орел, обол	100–85 гг.	20	5.44	SNG BM I 1527	Кв. 69, шт. 4

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон, М.Г., Баринов, Д.Г., Колесников, А.Б. 2023: Монеты и раскопок античного поселения Чекупс-2. *ПИФК* 3, 197–217.
- Абрамзон, М.Г., Завойкин, А.А., Сударев, Н.И. 2016: Монеты из раскопок античного поселения «Береговой 4» (1987, 1988, 1999–2002 гг.). *ДБ* 20, 11–34.
- Абрамзон, М.Г., Карпов, Д.А., Колесников, А.Б. 2021: Монеты из раскопок античного поселения Вышестеблиевская 3 в 2017–2018 гг. В сб.: В.Н. Зинько (ред.), *XXII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Новые открытия, новые проекты. Материалы международной конференции*. Симферополь–Керчь, 10–17.
- Абрамзон, М.Г., Колесников, А.Б. 2024: Монеты из раскопок античного поселения у ст. Старотитаровская. *ПИФК* 2, 145–158.
- Абрамзон, М.Г., Сударев, Н.И., Сурков, А.В. 2024: Монеты из раскопок античного поселения «Усадьба Верхнее Джемете II». *КСИА* 277, 107–129.
- Амброз, А.К. 1966: *Фибулы юга европейской части СССР* (САИ Д1–30). М.
- Анохин, В.А. 1986: *Монетное дело Боспора*. Киев.
- Гарбузов, Г.П., Завойкин, А.А. 2009: Античная сельская территория: формальное описание и возможности исторической интерпретации. *ДБ* 13, 141–175.
- Гжегжулка, С. 2010: «Мегарские» чаши из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Ч. 1 (Bulletin of the National Museum in Warsaw. Supplement 2. Vol. 1). Варшава.
- Завойкин, А.А. 2016: Афина и горгона Медуза в святилище «Береговой 4». *КСИА* 245/1, 168–184.
- Зайцева, К.И. 1997: Культовые чаши V–I веков до н.э. из Северного Причерноморья. В сб.: *Культура и искусство античного мира. 7 (Тр. Гос. Эрмитажа 28)*. СПб., 38–53.
- Иванов, А.А. 2020: Раскопки усадеб эллинистического времени на поселении «Усадьба (х. Воскресенский, ЮЗ окраина)» в 2019 г. (Предварительное сообщение). *ДБ* 25, 176–185.
- Лавров, А.Н., Сурков, А.В. 2024: *Технический отчет о проведении спасательных археологических полевых работ (раскопок) на территории объекта археологического наследия «Усадьба «Верхнее Джемете I», попадающего в зону строительства объекта: «Газопровод высокого давления от ГРС Верхнее Джемете до г. Анапа Краснодарского края»*. Ростов-на-Дону.
- Паль, Е.П., Соколов, П.М., Петров, П.А., Безматерных, А.Е. 2020: Раскопки античного поселения Усадьба (х. Воскресенский, ЮЗ окраина) в Анапе (предварительное сообщение). *ДБ* 25, 307–319.
- Соколов, П.М. 2024: Исследование каменной дороги эпохи эллинизма на хоре Горгиппии в 2019–2020 гг. *ДБ* 29, 391–411.
- Сударев, Н.И., Сурков, А.В., Корженков, А.М., Овсяченко, А.Н., Ларьков, А.С. 2024: О сильном землетрясении в Горгиппии в II–I вв. до н.э. (на примере изучения усадьбы «Верхнее Джемете II»). В сб.: *XXV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы исследования древностей юга России*. Симферополь–Керчь, 333–343.
- Сурков, А.В. 2024: *Аннотационный отчет о проведении археологических раскопок на территории выявленного объекта культурного наследия «Усадьба «Верхнее Джемете II», попадающего в зону строительства по титулу: «Комплексная застройка комплексами курортных гостиниц и объектов многофункционального назначения» в городе-курорте Анапа*. Ростов-на-Дону.
- Усачева, О.Н. 1978: Рельефная керамика из Кеп. *КСИА* 156, 100–107.
- Шелов, Д.Б. 1956: *Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э.* М.

- Callataÿ, F. de 2007: La révision de la chronologie des bronzes de Mithridate Eupator et ses conséquences sur la datation des monnayages et des sites du Bosphore Cimmérien. In: A. Bresson, A. Ivantchik, J.-L. Ferrary (eds.), *Une koinè pontique. Cités grecques, sociétés indigènes et empires mondiaux sur le littoral nord de la Mer Noire (VIIe s.a.C. – IIIe s.p.C.)* (Mémoires, 18). Bordeaux, 271–308.
- Cladakis-Manolis, H. 1994: *The Iconography of Terracotta Figurines of Graeco-Egyptian Deities Presented in Graeco-Roman Guise and Its Implication for Our Understanding of Popular Religion*. Liverpool.
- Conovici, N. 1998: *Histria: Les résultats des fouilles. VIII. Les timbres amphoriques. 2. Sinope (tuiles timbrées comprises)*. București–Paris.
- Finkielsztejn, G. 2001: *Chronologie détaillée et révisée des éponymes amphoriques rhodiens, de 270 à 108 av. J.-C. environ. Premier bilan* (BAR Intern. Ser. 990). Oxford.
- Frolova, N., Ireland, S. 2002: *The Coinage of the Bosporan Kingdom: From the First Century BC to the Middle of the First Century AD* (BAR Intern. Ser. 1102). Oxford.
- Garlan, Y. 2004: *Les timbres ceramiques sinopeens sur amphores et sur tuiles trouves a Sinope. Presentation et catalogue* (Varia Anatolica XVI = Corpus international des timbres amphoriques 10). Paris.
- Miller, S.G. 1994: Architectural terracottas from Ilion. In: *Proceedings of the International Conference on Greek Architectural Terracottas of the Classical and Hellenistic Periods, December 12–15, 1991* (Hesperia: Supplement XXVII). Oxford, 269–426.
- Rotroff, S.I. 1982: Hellenistic Pottery: Athenian and Imported Moldmade Bowls. *The Athenian Agora* 22, Princeton, New Jersey.

REFERENCES

- Abramzon, M.G., Barinov, D.G., Kolesnikov, A.B. 2023: Monety iz raskopok antichnogo poseleniya Chekups-2 (2018–2019 gg.) [Coins from 2018–2019 Excavations at the Settlement of Chekups 2 (The Krasnodar Region)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 3, 197–217.
- Abramzon, M.G., Karpov, D.A., Kolesnikov, A.B. 2021: Monety iz raskopok antichnogo poseleniya Vyshesteblyevskaya 3 v 2017–2018 gg. [Excavation Coins from the Ancient Settlement of Vyshesteblyevskaya 3 in 2017–2018]. In: *XXII Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Novye otkrytiya, novye proekty. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii* [Bosporan Readings. The Cimmerian Bosporus and Barbarian World in the Period of Antiquity and the Middle Ages. Recent Discoveries, New Projects. Materials of the International Conference]). Simferopol–Kerch, 10–17.
- Abramzon, M.G., Kolesnikov, A.B. 2024: Excavation Coins from the Ancient Settlement near the Stanitsa of Starotitarovskaya. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 2, 145–158.
- Abramzon, M.G., Sudarev, N.I., Surkov, A.V. 2024: Monety iz raskopok antichnogo poseleniya «Usad'ba Verkhnee Dzhemete II» [Excavation Coins from the Verkhnee Dzhemete II Estate on the Chora of Gorgippia]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology RAS] 277, 107–129.
- Abramzon, M.G., Zavoykin, A.A., Sudarev, N.I. 2016: Monety iz raskopok antichnogo poseleniya «Beregovoy 4» (1987, 1988, 1999–2002 gg.) [Coins from Excavations of the Ancient Settlement of Beregovoy 4 in 1987–1988 and 1999–2002]. *DB* 20, 11–34.
- Ambroz, A.K. 1966: *Fibuly yuga evropeyskoy chasti SSSR* [Fibulae of the South of the European Part of the USSR] (Svod arkheologicheskikh istochnikov [Corpus of Archaeological Sources] D1–30). Moscow.
- Anokhin, V.A., 1986. *Monetnoe delo Bospora* [Coinage of the Bosporus]. Kiev.
- Callataÿ, F. de 2007: La révision de la chronologie des bronzes de Mithridate Eupator et ses conséquences sur la datation des monnayages et des sites du Bosphore Cimmérien. In: A. Bresson,

- A. Ivantchik, J.-L. Ferrary (eds.), *Une koinè pontique. Cités grecques, sociétés indigènes et empires mondiaux sur le littoral nord de la Mer Noire (VIIe s.a.C. – IIIe s.p.C.)* (Mémoires, 18). Bordeaux, 271–308.
- Cladakis-Manolis, H. 1994: *The Iconography of Terracotta Figurines of Graeco-Egyptian Deities Presented in Graeco-Roman Guise and Its Implication for Our Understanding of Popular Religion*. Liverpool.
- Conovici, N. 1998: *Histria: Les résultats des fouilles. VIII. Les timbres amphoriques. 2. Sinope (tuiles timbrées comprises)*. București–Paris.
- Finkielsztejn, G. 2001: *Chronologie détaillée et révisée des éponymes amphoriques rhodiens, de 270 à 108 av. J.-C. environ. Premier bilan* (BAR Intern. Ser. 990). Oxford.
- Frolova, N., Ireland S. 2002: *The Coinage of the Bosporan Kingdom: From the First Century BC to the Middle of the First Century AD* (BAR Intern. Ser. 1102). Oxford.
- Frolova, N., Ireland, S. 2002: *The Coinage of the Bosporan Kingdom: From the First Century BC to the Middle of the First Century AD* (BAR Intern. Ser. 1102). Oxford.
- Garbuzov, G.P., Zavoykin, A.A. 2009: Antichnaya sel'skaya territoriya: formal'noe opisanie i vozmozhnosti istoricheskoy interpretatsii [Ancient Rural Area: the Formal Description and Potentialities of Historical Interpretation]. *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]* 13, 141–175.
- Garlan, Y. 2004: *Les timbres ceramiques sinopeens sur amphores et sur tuiles trouves a Sinope. Presentation et catalogue* (Varia Anatolica XVI = Corpus international des timbres amphoriques 10). Paris.
- Grzegorzółka, S. 2010: "Megarian" Bowls (From the Collection of the Kerch History and Culture Reserve. Collection of Megarian Bowls". Pt. 1. Vol. 1 = Suppl. 2 Bulletin of The National Museum in Warsaw, Muzeum Narodowe w Warszawie, Wydawnictwo DiG). Warsaw.
- Ivanov, A.A. 2020: Raskopki usadeb ellinisticheskogo vremeni na poselenii «Usad'ba (kh. Voskresenskiy, YuZ ukraina)» v 2019 g. (Predvaritel'noe soobshchenie) [Excavations of the Hellenistic Estates at the "Estate (Voskresensky Khutor, SW outskirts)" Settlement in 2019 (Preliminary report)]. *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]* 25, 176–185.
- Lavrov, A.N., Surkov, A.V. 2023: *Tekhnicheskij otchet o provedenii spasatel'nykh arheologicheskikh polevykh rabot (raskopok) na territorii ob'ekta arheologicheskogo naslediya «Usad'ba «Verkhnee Dzhemete II» (na ploshchadi 21 722 kv. m.), raspolozhennogo v zone stroitel'stva kurortnykh gostinits i ob'ektov mnogofunktsional'nogo naznacheniya» v granitsakh kadaastrovogo kvartala 27:37:0107001 v gorode-kurorte Anapa [Technical Report on the Conduct of Rescue Archaeological Field Work (Excavations) at the Territory of the Archaeological Heritage Site "Estate "Verkhnee Dzhemete II" (on an Area of 21,722 Sq. M.), Located in the Construction Zone of Resort Hotels and Mixed-Use Facilities" Within the Boundaries of Cadastral Quarter 27 :37:0107001 in the Resort City of Anapa]*. Rostov-on-Don.
- Lavrov, A.N., Surkov, A.V. 2024: *Tekhnicheskij otchet o provedenii spasatel'nykh arheologicheskikh polevykh rabot (raskopok) na territorii ob'ekta arheologicheskogo naslediya «Usad'ba «Verkhnee Dzhemete I», popadayushchego v zonu stroitel'stva ob'ekta: «Gazoprovod vysokogo davleniya ot GRS Verkhnee Dzhemete do g. Anapa Krasnodarskogo kraja» [Technical Report on the Rescue Archaeological Field Work (Excavations) on the Territory of the Archaeological Heritage Site "Verkhnee Dzhemete I Estate" Situated in the Construction Zone of the Object "High-Pressure Gas Pipeline from the Verkhnee Dzhemete Gas Distribution Station to Anapa, Krasnodar Territory"]*. Rostov-on-Don.
- Miller, S.G. 1994: Architectural terracottas from Ilion. In: *Proceedings of the International Conference on Greek Architectural Terracottas of the Classical and Hellenistic Periods, December 12–15, 1991* (Hesperia: Supplement XXVII). Oxford, 269–426.
- Pal, E.P., Sokolov, P.M., Petrov, P.A., Bezmaternykh, A.E. 2020: Raskopki antichnogo poseleniya Usad'ba (kh. Voskresenskiy, YuZ ukraina) v Anape (predvaritel'noe soobshchenie) [Excavations at the Ancient Settlement of Usad'ba (Voskresensky Khutor, SW Outskirts) in Anapa (Preliminary Report)]. *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]* 25, 307–319.

- Rotroff, S.I. 1982: Hellenistic Pottery: Athenian and Imported Moldmade Bowls. *The Athenian Agora* 22, Princeton, New Jersey.
- Shelov, D.B. 1956: *Monetnoye delo Bospora VI–II vv. do n.e.* [*Bosporan Coinage, 6th–2nd cc. BC*]. Moscow.
- Sokolov, P.M. 2024: Issledovanie kamennoy dorogi epokhi ellinizma na khore Gorgippii v 2019–2020 gg. [Exploration of the Hellenistic Stone Road at the Gorgippia Chora in 2019–2020]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosporus*] 29, 391–411.
- Sudarev, N.I., Surkov, A.V., Korzhenkov, A.M., Ovsyuchenko, A.N., Larkov, A.S. 2024: O sil'nom zemletryaseni v Gorgippii v II–I vv. do n.e. (na primere izucheniya usad'by «Verkhnee Dzhemete II») [On the strong earthquake in Gorgippia in the 2nd–1st centuries BC (based on the study of the estate “Upper Dzhemete II”)]. In: XXV *Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Problemy issledovaniya drevnostey yuga Rossii* [XXV *Bosporan Readings. Bosporus Cimmerian and Barbarian World in Antiquity and the Middle Ages. Problems of Researching Antiquities of Southern Russia*]. Simferopol–Kerch, 333–343.
- Surkov, A.V. 2024: Annotatsionnyy otchet o provedenii arkheologicheskikh raskopok na territorii vyyavlenogo ob'ekta kul'turnogo naslediya «Usad'ba «Verkhnee Dzhemete II», popadayushchego v zonu stroitel'stva po titulu: «Kompleksnaya zastroyka kompleksami kurortnykh gostinits i ob'ektov mnogofunktional'nogo naznacheniya» v gorode-kurorte Anapa [Abstract Report on the Archaeological Excavations at the Territory of the Identified Cultural Heritage Site “Verkhnee Dzhemete II Estate” Situated in the Construction Zone under the Title: “Integrated Development of Complexes of Resort Hotels and Multifunctional Facilities” in the Resort City of Anapa]. Rostov-on-Don.

THE COINS FROM THE “VERKHNEE DZHEMETE 1 ESTATE”,
CHORA OF GORGIPPIA

M.G. Abramzon¹, N.I. Sudarev², A.V. Surkov²

^{1, 2} *Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;*

¹ *Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia*

³ *LLC “Archaeological Society of Kuban”, Rostov-on-Don, Russia*

¹ *E-mail: abramzon-m@mail.ru* ² *E-mail: sudarev@list.ru* ³ *E-mail: surkovarh@mail.ru*

The paper discusses 137 coins retrieved during 2023–2024 excavations at the ancient “Verkhneye Dzhemete 1 Estate” located on the territory of Anapa, 350 m south of the southern outskirts of the village of Verkhneye Dzhemete, on the northern shore of Lake Chemburskoye. The coins constitute a reliable numismatic profile of the region, and also reflect the various periods of tension in the life of the settlement. Generally, the numismatic material covers the timespan from the 4th century BC to the first quarter of the 1st century BC. The greatest intensity of life, judging by the numismatic material, falls on the end of the 4th to the mid-3rd century BC. 82 coins have come down from this time. Then the decline lasted in the second half of the 3rd to the 2nd and 1st centuries BC: two coins came from the end of the 3rd century BC, while 50 coins are dated to the 2nd century BC. Six coins date from the reign of Mithridates VI (Panticapaeum – 5, Sinope – 1). Thus, numismatic materials clarify the phases of the functioning of the “Verkhneye Dzhemete 1 Estate”, life on which apparently ceased at the 80–70s BC.

Keywords: Cimmerian Bosporus, chora of Gorgippia, ancient settlement of “Verkhneye Dzhemete 1 Estate”, excavation coins, currency

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2025), 77–91
© The Author(s) 2025

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2025), 77–91
© Автор(ы) 2025

DOI: 10.18503/1992-0431-2025-1-87-77–91

МОНЕТЫ ХЕРСОНЕСА/ХЕРСОНА ИЗ РАСКОПОК ФАНАГОРИИ

М.Г. Абрамзон

*Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия;
Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск, Россия*

E-mail: abramzon-m@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6111-048X

Рассматриваются 9 херсонесских монет из раскопок Фанагории, проливающие свет на ее взаимоотношения и связи с Херсонесом в античный и раннесредневековый периоды, а также денежное обращение. Часть монет происходит из раскопов в порту, что свидетельствует о том, что они заносились морским путем: Херсонес был одним из важнейших транзитных пунктов на торговом морском маршруте из Боспора. Большой интерес вызывают находки монет Льва I и Юстина I, предназначенных для обращения исключительно в Херсоне и его округе, а также засвидетельствованные впервые в Фанагории херсонесские монеты X в., обращавшиеся на денежном рынке города.

Ключевые слова: Фанагория, Херсонес, чеканка византийского Херсона, обращение херсонесских монет на Боспоре

АНТИЧНЫЙ ПЕРИОД

Херсонесские монеты в нумизматических материалах Фанагории – большая редкость: на данный момент их найдено всего 4 экз. (и еще 2 на ближайшей хоре – поселениях Приморский 17 и Приморский 23), что неудивительно. В свое время Д.Б. Шелов отмечал почти полное отсутствие монет Херсонеса на Боспоре и считал, что они сюда практически не попадали; при этом, боспорские монеты, особенно конца IV – начала III в. до н.э. и I в. до н.э. часто встречаются в Херсонесе¹. А.М. Гилевич тоже констатировала, что на территории Боспора

Данные об авторе. Михаил Григорьевич Абрамзон – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела классической археологии ИА РАН, директор НИИ исторической антропологии и филологии МГТУ им. Г.И. Носова.

Исследование выполнено в рамках темы «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (номер ЕГИСУ НИОКТР 122011200269-4).

¹ Шелов 1965, 50.

находки херсонесских монет почти неизвестны²; с другой стороны, боспорские монеты поступают в Херсонес почти бесперебойно (особенно интенсивно в IV–III и I вв. до н.э., а также III–IV вв. н.э.) и составляют самую многочисленную группу в херсонесских материалах³. Присутствует среди них и заметное число фанагорийских монет: самый массовый тип II в. до н.э. – с головой сатира на л.с. и луком и стрелой на обороте, выпуски времени правлений Митридата VI, Асандра, Полемона I (от имени Агриппии)⁴. А.М. Гилевич отмечала, что монеты Фанагории, очевидно, обращались на херсонесском денежном рынке, но обратного процесса – проникновения херсонесских монет в Фанагорию – не наблюдается: находки херсонесских монет там не известны⁵.

Однако к настоящему моменту список находок херсонесских монет на Боспоре существенно расширился, обнаружены они и в Фанагории (!), говоря о регулярном характере херсонесско-боспорских контактов⁶ (см. табл. 1).

Эпиграфические свидетельства середины IV – первой трети III в. до н.э. отражают торговые связи Боспора с ближайшими причерноморскими полисами, в том числе Херсонесом⁷. На это время приходится первый пик поступления пантикапейской монеты в Херсонес⁸ и наоборот – херсонесской монеты на Боспор (см. табл. 1, № 1–7). Однако причина появления в Херсонесе большого числа пантикапейских монет конца IV – начала III в. до н.э. объясняется не результатом непосредственных торговых связей между двумя регионами, а географическим положением города, который был важнейшим транзитным пунктом на торговом морском пути из Боспора. Корабли с боспорским хлебом обязательно останавливались в Херсонесе, откуда начинались оба прямых пути через Черное море – в южный и западный Понт⁹.

Нумизматические материалы из Фанагории отражают данную ситуацию в IV в. до н.э. В 2008 г. были найдены две монеты Херсонеса серии ок. 350–330 гг. до н.э.: типы «квадрига/гоплит»¹⁰ – в затопленной части города (кат., № 1; рис. 2, 1) и «янусовидная голова/лев, терзающий быка»¹¹ – на городище (кат., 1; рис. 2, 2). Эти ряд дополняет монета типа «голова льва/звезда» ок. 350 г. до н.э. с поселения Старотитаровская 15¹², которое относится к сельской округе Фанагории (табл. 1, № 5).

В III в. до н.э., по данным эпиграфики, на Боспоре действуют выходцы из Херсонеса¹³. В III–II вв. заметно увеличивается ввоз херсонесского вина на Боспор, активизируются херсонесско-боспорские политические и экономические связи. Сокращение числа пантикапейских монет в Херсонесе в середине III в. до н.э. и полное отсутствие монет второй половины столетия совпадает по

² Гилевич 1968, 13.

³ Гилевич 1968, 11–17, 58, прил. IV, № 4.

⁴ Гилевич 1968, 46–47.

⁵ Гилевич 1968, 18.

⁶ Нам известно уже 32 херсонесские монеты, найденные на Боспоре, что все-таки мало в сравнении с числом боспорских монет из Херсонеса, которых только А.М. Гилевич почти 60 лет назад учла 647 экз. (Гилевич 1968, 58).

⁷ Яйленко 2010, 99.

⁸ Гилевич 1968, 11.

⁹ Гилевич 1968, 15.

¹⁰ ГМЗ «Фанагория». № п/о Ф-08-190. Тип: *SNG BM I 734–744*.

¹¹ ГМЗ «Фанагория». № п/о Ф-08-42. Тип: *SNG BM I 745–748*.

¹² Розов 2014, 285, рис. 2, 17; 295, № 17. Тип: *SNG Moskau 3104*.

¹³ Яйленко 2010, 100.

времени с сокращением боспорского хлебного экспорта в греческие города¹⁴. В III в. до н.э. херсонесские монеты уже не заносятся на Боспор (по крайней мере, мне не известны такие находки), хотя данный торговый маршрут, естественно, продолжал функционировать. В Фанагорию изредка попадают монеты III в. до н.э. из других транзитных пунктов этого маршрута – Феодосии и Ольвии. Также, монета Феодосии того же времени зарегистрирована в Тиритаке¹⁵.

Не встречались пока в Фанагории и херсонесские выпуски II в. до н.э., зато они найдены на сельских поселениях Таманского п-ова: Тамань 16, Таманский 3, Приморский 17 – все второй четверти – середины II в. до н.э. (табл. 1, № 9–11).

Последующие поступления боспорской монеты в Херсонес (и херсонесской на Боспор – М.А.), вплоть до середины III в. н.э., отражают не столько торговые контакты обоих государств, сколько политическую и экономическую зависимость Херсонеса от Боспора, в которую он попал со времени Митридата. Новый приток боспорской монеты в Херсонес и херсонесской на Боспор совпадает по времени с подчинением Херсонеса Митридату¹⁶. В боспорских находках херсонесские выпуски митридатского времени составляют самую большую группу монет этого центра. В частности, на поселении Приморский 23, который является, по-видимому, одним из предместий Фанагории найден херсонесский тетрахалк 80–60 гг. до н.э. (см. табл. 1, № 24).

Свидетельством продолжающихся в римское время связей между Боспором и Херсонесом стали находки в Фанагории дупондия типа «бык/Дева, поражающая копьём лань»¹⁷ ок. 140-х гг. н.э. (раскоп «Нижний город», 2024 г. Табл. 1, № 28; рис. 2, 3) и тетрассария времени Юлии Домны¹⁸ (раскоп «Верхний город», 2012 г. Табл. 1, № 29; рис. 2, 4).

Таблица 1.

Монеты Херсонеса, найденные на Боспоре

№ п/п	Место находки	Даты	Литература	Ссылки
1.	Акра	375–350	Анохин 1977, № 12	Абрамзон, Иванина 2010, 84, № 117
2.	Крымское Приазовье	350–300	<i>SNG Moskau</i> 3095–3096	Абрамзон, Иванина 2010, № 118
3.	Нимфей	350–300	<i>SNG Moskau</i> 3095–3096	Голенко 1974, 88, № 367
4.	Горгиппия	Ок. 350	<i>SNG Moskau</i> 3098	Новичихин 2008, 39, прим. 9

¹⁴ Гилевич 1968, 15.

¹⁵ Зограф 1952, 367, № 136.

¹⁶ Гилевич 1968, 15.

¹⁷ ГМЗ «Фанагория», № п/о Ф-24-21. Тип: *SNG Moskau* 3888, 3903.

¹⁸ ГМЗ «Фанагория», № п/о Ф-12-51. Тип: Анохин 1977, № 288.

5.	Старотитаровская 15	Ок. 350	<i>SNG Moskau</i> 3104	Розов 2014, 285, рис. 2, 17; 295, № 17
6.	Фанагория	350–330	<i>SNG Moskau</i> 3220–3260	Абрамзон 2010, 504, № 100
7.	Фанагория	350–330	<i>SNG BMI</i> 745–748	Абрамзон 2010, 504, № 101
8.	Тиритака	Кон. III – нач. II	<i>SNG Moskau</i> 3471	Зограф 1952, № 57
9.	Тамань 16	175–150	Анохин 1977, № 166	Розов 2014, 285, рис. 2, 18; 295, № 18
10.	Таманский 3	175–150	Анохин 1977, № 166	Розов 2014, 285, рис. 2, 19; 295, № 19
11.	Приморский 17	Ок. 150	<i>SNG Moskau</i> 3524–3525	Розов 2014, 285, рис. 2, 20; 295, № 20
12.	Нимфей	90–80	<i>SNG Moskau</i> 3579	Голенко 1974, 88, № 223
13.	Марат II	90–80	<i>SNG Moskau</i> 3579	Абрамзон, Иванина 2010, № 119
14.	Марат II	90–80	<i>SNG Moskau</i> 3579	Абрамзон, Иванина 2010, № 120
15–19.	Окрестности Темрюка, в кладе	90–80	<i>SNG Moskau</i> 3579	<i>CH XI</i> , 138
20.	Суворово-Черкесский	90–80	<i>SNG Moskau</i> 3579	Новичихин 2008, 39, прим. 10
21.	Пантикапей	90–80	<i>SNG Moskau</i> 3581–3589	Абрамзон 2010, 504, № 108
22.	Китей	90–80	<i>SNG Moskau</i> 3585	Абрамзон 2010, 504, № 107
23.	Полянка, в кладе	80–60	<i>SNG Moskau</i> 3593–3601	<i>CH XI</i> , 155

24.	Приморский 23	80–60	<i>SNG Moskau 3593–3601</i>	Розов 2014, 285, рис. 2, 21; 295, № 21
25.	Андреевская щель-1	80–60	<i>SNG Moskau 3593–3601</i>	Новичихин 2008
26.	Фанагория	140-е	<i>SNG Moskau 3815</i>	
27.	Китей	150–200	<i>SNG Moskau 3856</i>	Абрамзон 2010, 504, № 111
28.	Китей	150–200		Абрамзон 2010, 504, № 112
29.	Фанагория	193–211	<i>SNG Moskau 4084</i>	Абрамзон 2013, 63, рис. 1, 16
30.	Пантикапей	209–212, с надчеканкой ок. 220	<i>SNG Moskau 4082</i>	Голенко 1956
31.	Горгиппия, в кладе	218–220	<i>SNG Moskau 4086</i>	<i>CH XI</i> , 209
32.	Ново-Отрадное	220		Арсеньева 1961, 69, прил., № 51

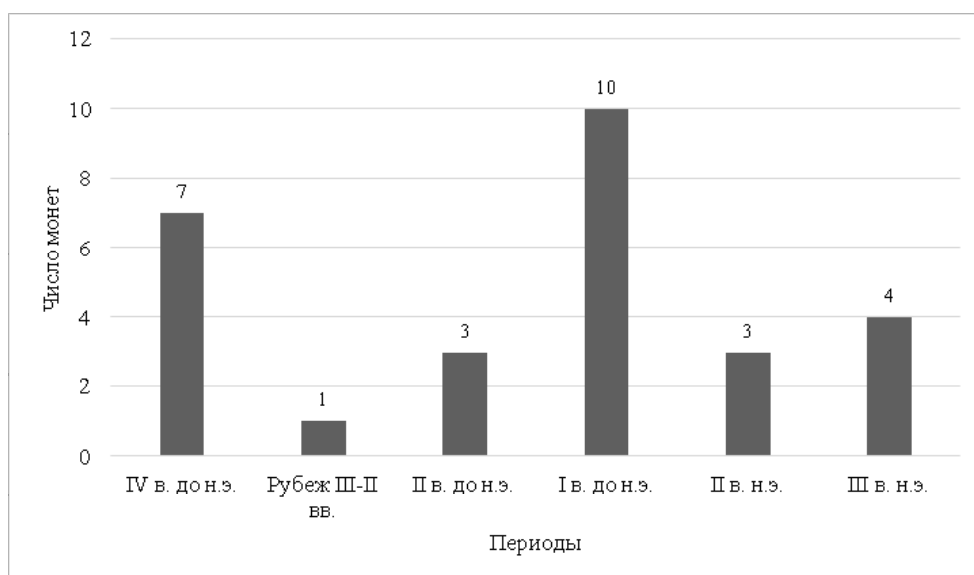

Рис. 1. Хронологическое распределение херсонесских монет, найденных на Боспоре

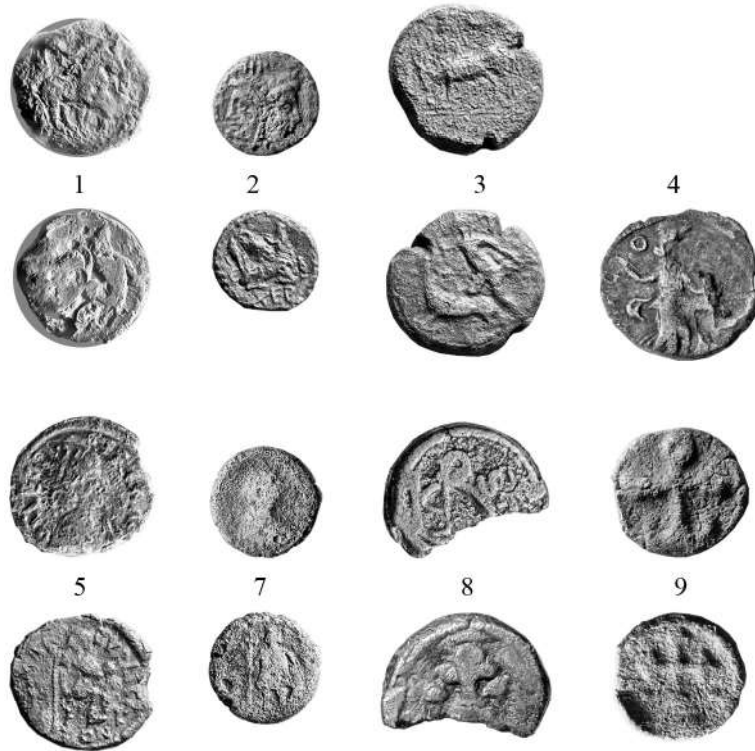

Рис. 2. Монеты Херсонеса/Херсона из Фанагории

ПОЗДНЕАНТИЧНОЕ И РАННЕВИЗАНТИЙСКОЕ ВРЕМЯ

В Фанагории найдены два из выпусков V – второго/третьего десятилетия VI в., обращавшихся исключительно в Херсоне, анклаве Восточной империи без территориальной смежности с ней, которые до сих пор являются предметом дискуссии среди нумизматов. Это выпуски Льва I и Юстина I. В рассматриваемый период монетному двору Херсона часть исследователей относит выпуски от имени Феодосия II, Валентиниана III, Льва I, Верины, Зенона, Юстина I и Юстиниана I, другая полагает, что монетный двор в Херсонесе возобновил свою работу при Зеноне, а монеты предшествующих императоров номинала АЕ 2 чеканились в Константинополе для Херсона¹⁹.

Лев I

В ходе подводных исследований в акватории Фанагории, около мола, построенного в середине – второй половине V в., найдена монета Льва I Макеллы (457–474) номинала АЕ 2 с легендой SALVS RPVRLICA²⁰ на реверсе – самая поздняя из собранных в районе мола монет (Кат., № 5; рис. 2, 5). Находка

¹⁹ Чеканке Херсонеса позднеантичного и ранневизантийского периодов посвящена обширная литература, которая не может быть вся рассмотрена здесь, как и обзор многочисленных точек зрения на атрибуцию и хронологию выпусков от Феодосия II и Валентиниана III до Юстиниана I. Наиболее детальный обзор см.: Trivero R. et al.

²⁰ Cf. *RIC* 10, 291, no. 660.

свидетельствует о функционировании причала во второй половине 5 в., что согласуется с датировками керамического материала и стеклянных изделий отсюда²¹. Это уже вторая монета Льва I данного типа из Фанагории: первая была найдена в 1962 г. в портовой части города – на раскопе «Береговой»²².

В. Хан полагал, что бронза АЕ 2 Льва I чеканилась в Константинополе для Херсонеса, о чем свидетельствуют частые находки этих монет при раскопках города²³, однако И.В. Соколова отмечала, что мнение В. Хана может быть принято лишь после того, как будет доказано, что Херсон – единственное место находок монет Льва I²⁴. Ф. Грирсон и М. Мэйс отметили, что номинал АЕ 2 Льва I отсутствует в кладах нуммиев во внутренней империи, зато часто встречается в Херсоне. Тем не менее, поскольку все экземпляры имеют сокращение названия монетного двора CON, исследователи не видят почвы для предположения, что эти монеты чеканились вне столицы²⁵. Вслед за ними, Дж. Кент также полагал, что локализация находок номинала АЕ 2 Льва I и Зенона указывает на то, что тот чеканился в Константинополе исключительно для обращения в Херсоне и его окрестностях²⁶. Я.В. Студитский и М.Н. Бутырский повторяют, что при Льве I номинал АЕ 2 завозится из Константинополя в Херсон, где монетный двор был открыт только при Зеноне²⁷. Однако В.А. Сидоренко аргументирует атрибуцию выпусков Льва I монетному двору Херсона, как и АЕ 2 Феодосия II и Валентиниана III²⁸. Наконец, Е.Я. Туровский, основываясь на том, что монеты Льва I с легендами VIRTVS EXERCITI или SALVS RPVBICA, а также его жены Верины встречаются только в Херсонесе и его округе, включил их в каталог монет Херсонеса/Херсона вслед за выпусками АЕ 2 Феодосия II и Валентиниана III, которые А.Н. Коршенко и В.А. Сидоренко считали херсонскими²⁹.

В любом случае, независимо от местоположения монетного двора, чеканившего выпуски АЕ 2 перечисленных императоров, они обращались исключительно в Херсонесе, откуда морским путем монеты Льва I были завезены в Фанагорию. Другие находки за пределами Херсонеса и Крыма нам неизвестны.

Юстин I

Найденный в 2024 г. на раскопе «Нижний город» херсонский пентануммий Юстина I (518–527) с легендой VICTOR на реверсе³⁰ (Кат., № 7; рис. 2, 7) присоединяется к небольшому ряду византийских монет, происходящих из слоя катастрофы середины VI в., которую пережил Фанагория, о чем свидетельствуют сообщение Прокопия Кесарийского (Procop. Caes. De bell. VIII. 5. 28) и археологические данные. С 2019 г. на раскопе «Нижний город» исследуется слой мощного пожара, уничтожившего город в VI в. Сейчас установлено, что данное событие

²¹ Абрамзон, Остапенко 2024, 37; 40, рис. 8, 132.

²² См. Фролова 1981, № 34. Табл. I, 18. Н.А. Фролова (1981, 103, прим. 9) указывает легенду как SALVS R. PVRLICA со ссылкой LRBC 2257, но на фото (Табл. I, 18.) хорошо видно SALVS R – PVRLICA. Тип: RIC 10, 291, no. 660 (определение наше).

²³ Hahn 1978, 414; 1989, Nr. 23a–b (VIRTVS EXERCITI); 24a–b (SALVS RPVBICA).

²⁴ Соколова 1983, 18.

²⁵ DOCLR, 164–165.

²⁶ RIC 10, 92, 105–107.

²⁷ Студитский, Бутырский 2000, 229.

²⁸ Сидоренко 2011.

²⁹ Korshenko et al. 1995, 273–274; Коршенко 2000, 231; Сидоренко 2011; Туровский, Горбатов 2013, 32.

³⁰ ГМЗ «Фанагория». № п/о Ф-24-22.

имело место между 545 и 554 гг.³¹ Расчищены остатки сгоревшей синагоги и принадлежавшего ей хозяйственного комплекса с винодельней, пифосами с соленой рыбой и зерном, а также кладок фундаментов построек прилегающего иудейского квартала. В помещении I винодельни обнаружены среди рассыпанных на полу позднебоспорских статуров фоллис Анастасия или Юстиниана I и два золотых солида Юстиниана I, один из которых относится к 538–545 гг.³², второй – 545–565 гг.³³ Пентануммий Юстина I был найден на вымостке, примыкающей к северной стене синагоги, ближе к лестнице.

Монеты с изображением императора и надписью VICTOR на о.с. впервые были отнесены к херсонской чеканке времени Юстиниана I Л.Н. Беловой³⁴. В. Хан предполагал константинопольское происхождение эмиссий Юстина I и Юстиниана I данного типа³⁵, однако монеты с легендой VICTOR встречаются исключительно в Херсонесе. Д. Сир разделил выпуски VICTOR между Юстином I и Юстинианом I и атрибутировал их к Херсону³⁶. В.А. Анохин отнес все разновидности пентануммиев с VICTOR к херсонскому чекану Юстиниана I³⁷. Эту точку зрения поддержал и В.А. Сидоренко³⁸. И.В. Соколова распределила эти монеты между выпусками Юстина I и Юстиниана I, выделив по три типа для каждого императора³⁹. Фанагорийский экземпляр относится к II типу пентануммиев Юстина I по классификации И.В. Соколовой⁴⁰, I типу – по классификации Я.В. Студитского и М.Н. Бутырского⁴¹, которые распределили стилистически изображения о.с. на две группы: 1) император с угловатым широким торсом, доспехи переданы рядами параллельных вертикальных черточек; 2) фигура императора более узкая и слегка развернута. Наш экземпляр принадлежит первой группе.

Фанагорийские находки монет Льва I и Юстина I, предназначенных для обращения исключительно в Херсоне и его округе, свидетельствуют о том, что после подчинения Херсонеса и Боспора Византийской империи, оба города, естественно, стали теснее связаны политически и экономически. Прокопий Кесарийский сообщает: «Расположенные между Херсоном и Боспором местности заняты гуннами. Жители Боспора издревле жили независимо, но недавно они отдали себя под власть базилевса Юстина» (Procop. De Bello Persico Vand. I. 12; пер. А.А. Чекаловой). Л.А. Голофаст полагает, что с включением Боспора в зону влияния Византийской империи Юстина I связано первое упоминание под 518 г. епископской кафедры в Фанагории, которая первоначально, скорее всего, входила в состав боспорской епархии. Интеграция Фанагории в империю, объясняет поступление на денежный рынок города херсонского выпуска Юстина I⁴². Это единственная известная нам находка его пентануммия с легендой VICTOR вне Крыма.

³¹ Голофаст 2021, 52–53; Абрамзон, Остапенко 2023, 252.

³² ГМЗ «Фанагория». Инв. ФМ-КП 104/2 Н3354. Тип: DOC 1, 70, no. 8b.

³³ ГМЗ «Фанагория». Инв. ФМ-КП 104/3 Н3355. Тип: DOC 1. P. 71. Nos. 9f.1–3.

³⁴ Белова 1941, 327–328, № 3.

³⁵ Hahn 1978.

³⁶ Sear 1988, no. 112B.

³⁷ Анохин 1977, № 310–313. Фанагорийский экземпляр относится к № 312.

³⁸ Сидоренко 2011, 28.

³⁹ Соколова 1983, 20–21, 138.

⁴⁰ Соколова 1983, 138. Табл. I, II.

⁴¹ Студитский, Бутырский 2000, 226–227. Рис. 1.

⁴² Голофаст 2021, 51.

Херсоно-византийская медь

В Фанагории херсоно-византийская медь прежде не встречалась, но она естественно циркулировала на Таманском п-ове, о чем свидетельствуют многочисленные находки ее на целом ряде поселений. В 2015 г. на раскопе «Нижний город» впервые был найден херсонский тип (Кат., № 8; рис. 2, 8), атрибутированный В.А. Анохиным и Е.Я. Туровским к правлению Василия II и Константина VIII (976–1025)⁴³. Однако, по классификации Ф. Грирсона, данный тип относится к 4 классу монет Василия I – периоду его совместного правления с Константином VII (876–879)⁴⁴.

 В 2024 г. на нижнем плато найдена литая свинцовая монета с монограммой на аверсе (Кат., № 9; рис. 2, 9). Ф. Грирсон⁴⁵ и Е.Я. Туровский⁴⁶ относят этот тип к правлению Романа II (959–963), В.А. Анохин⁴⁷ и Н.А. Алексеенко и др.⁴⁸ – Романа I (920–944). Исследование состава металла фанагорийского экземпляра по неразрушающему методу безэталонного РФА демонстрирует содержание в сплаве свинца в пределах 54–77%, меди – 8%⁴⁹. Эти показатели сопоставимы с результатами исследования Н.А. Алексеенко и др. пяти монет типа *Анохин* 419–421 из клада 2013 г. с высоким содержанием свинца: 34,24; 43,71; 76,05; 34,24; 44,96%⁵⁰.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, исследование фанагорийских находок херсонесских монет позволяет сделать некоторые выводы относительно взаимоотношений и связей Херсонеса с Фанагорией (и Боспором в целом) в различные периоды их истории, а также о денежном рынке города. Прежде всего, отметим значение находок херсонесских монет в Фанагории, куда, как считалось раньше, они не проникали. Обратный процесс – проникновение фанагорийских монет в Херсонес – был намного активнее. Треть фанагорийских находок херсонесских монет непосредственно связана с портом, что свидетельствует о том, что они заносились морским путем. Херсонес представлял один из важнейших транзитных пунктов на торговом морском пути из Фанагории (и Боспора) на запад вдоль крымского побережья и обратно. О посещении его фанагорийцами в IV в. до н.э. говорят находки херсонесских выпусков 350–330 гг. до н.э. После подчинения Херсонеса и Боспора Византийской империи, они стали прочно связаны политически и экономически, о чем свидетельствуют фанагорийские находки монет Льва I и Юстина I, предназначенных для обращения исключительно в Херсоне и его округе. Наконец, большую важность представляют найденные впервые в Фанагории херсонские выпуски X в., обращавшиеся на местном денежном рынке.

⁴³ Анохин 1977, № 447; Туровский, Горбатов 2013, № 412а.

⁴⁴ См. *DOC* 3/1, 505, No. 19.1–2.

⁴⁵ *DOC* 3/2, 577, no. 3а.

⁴⁶ Туровский, Горбатов 2013, № 403.

⁴⁷ Анохин 1977, № 420.

⁴⁸ Алексеенко и др. 2022, 59, № 6–10.

⁴⁹ Выражаю искреннюю признательность за проведенные исследования начальнику отдела реставрации ГМЗ «Фанагория» О.Л. Гунчиной.

⁵⁰ Алексеенко и др. 2022, 100, № 6–10.

ХЕРСОНЕС**Ок. 350–330 гг. до н.э. (после 339 г. до н.э.?)**

Дихалк

AE. Л.с. Квадрига вправо, в колеснице стоит Дева; в правой вытянутой руке держит факел, в левой – поводья. **О.с.** Обнаженный коленопреклоненный воин влево; на голове шлем; в правой руке держит копье наперевес, в левой большой овальный щит; внизу ХЕР.

1. Ф-08-190 18 4.1 ПР Cf. *SNG BM I*
734–744; *SNG Moskau*
3220–3268. Изд.:
Абрамзон 2013, 63,
рис. 1, 14.

Ок. 350–330 гг. до н.э.

AE. Л.с. Двуликая голова (слева женская с локонами, справа мужская с бородой, в лавровом венке). **О.с.** Лев, терзающий быка, вправо; внизу ХЕР.

2. Ф-08-42 14 2.23 ВГ, кв. 57, шт. 9 **О.с.** Вверху НР. Cf. Изд.:
SNG Moskau 3261–3165
Абрамзон 2013, 63,
рис. 1, 15.

Ок. 140-е гг. н.э.

Дупондий

AE. Л.с. Бодающий бык влево на черте влево; ΕΛΕΥ—ΘΕΡΑΣ. **О.с.** Дева, поражающая копьем лань влево; ΧΕΡСО—ΝΗСОΥ.

3. Ф-24-21 21 10.17 НГ, кв. Е8, шт. 24 Cf. *SNG Moskau* 3815.

Юлия Домна (193–217)**193–210 гг. н.э.**

Тетрассарий

AE. Л.с. Бюст Юлии Домны вправо; на голове лавровый венок; ΕΛΕΥΘΕΡΑΣ.

О.с. Дева идет вправо, на голове корона; в правой поднятой руке держит копье, в левой – лук со стрелой; справа лань; ΧΕΡСО—ΝΗСОΥ.

4. Ф-12-51 21 2.67 ВГ, кв. 83, шт. 9 Ср. Анохин 1977,
№ 288; *SNG Moskau*
4084. Изд.: Абрамзон
2013, 63, рис. 1, 16.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ ДЛЯ ХЕРСОНА ИЛИ ХЕРСОН

Лев I (457–474)

457–474 гг. н.э.

AE 2

—
CON

AE. *Л.с.* DN LEOP—PRPETAG. Бюст Льва в плаще и панцире вправо; на голове жемчужная диадема. *О.с.* SALVS R—PVRLICA. Император со штандартом и шаром в руках стоит влево, левой ногой попирая пленника.

5.	Ф-09-251	20	ПР	Cf. <i>RIC</i> 10, 291, Nr. 660; Hahn 1989, Nr. 24a–b; Туровский, Горбатов 2013, № 343. Изд.: Abramzon 2011, 253, Taf. 1, 3; Абрамзон 2013, 83, рис. 5, 154.
6.			Раскоп «Береговой»	Cf. <i>RIC</i> 10, 291, no. 661. Изд.: Фролова 1981, №34. Табл. I, 18.

ХЕРСОН

Юстин I (518–527)

518–527 гг.

Пентануммий

AE. *Л.с.* DN IVSTINVS PI. Бюст Юстина I в панцире и плаще вправо, на голове жемчужная диадема. *О.с.* VICTOR. Император стоит влево, голова смотрит влево; в правой руке держит длинный крест, левой опирается о щит.

7.	Ф-24-22	15	3.34	НГ, кв. Б8, шт. 23, к северу от северной стены синагоги, ближе к лестнице.	Cf. Hahn 1973, Nr. 77; Sear 1988, no. 112B; Туровский, Горбатов 2013, № 349з.

Василий I (867–886)

Класс 3. Василий I и Константин VII

Ок. 876–879 гг.

AE. *Л.с.* **Β**, слева К, справа **ω**. *О.с.* Крест на основании из двух ступеней, слева и справа по точке. Точечная рамка.

8. Ф-15-122 22 4.43 НГ, кв. ИЗ, шт. 6 Ср. *DOC* 3/1, 505, по. 19.1–2; Анохин 1977, № 447; Туровский, Горбатов 2013, № 412а. Обломана. Изд.: Абрамзон 2023, 15, рис. 1, 11.

Роман II (959–963)

959–963 гг.

- АЕ. Л.с. . О.с. Крест на основании из двух ступеней, слева и справа по точке.
9. Ф-24-10 19 2.40 НГ, случ. нах. Ср. *DOC* 3/2, 577, по. 3а.4; Анохин 1977, № 420 (эта пара матриц); Туровский, Горбатов 2013, № 403 (эта пара матриц); Алексеенко, Антипенко 2021, 455, рис. 1, 10.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Abramzon, M. 2011: The Roman and Early Byzantine Coins from the 1988, 2005–2010 excavations at Phanagoria. In: N. Povalachev, V. Kuznetsov (Hrsg.), *Phanagoreia, Kimmerischer Bosphoros, Pontos Euxeinos* (Altertümer Phanagoreias, Bd. 1). Göttingen, 251–274.
- Abramzon, M.G. 2013: Antichnye inozemnye monety iz raskopok Fanagorii [Foreign Ancient Coins from Excavation at Phanagoria]. In: *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii* [Materials on the Archaeology and History of Phanagoria] 1 (Fanagoriya [Phanagoria 5] 1). Moscow, 61–107.
- Абрамзон, М.Г. 2013: Античные иноземные монеты из раскопок Фанагории. В сб.: *Материалы по археологии и истории Фанагории*. I (Фанагория 1). М., 61–107.
- Abramzon, M.G. 2023: Vizantiyskie monety iz Fanagorii (Raskopki 2015–2022 gg.). In: V.N. Zinko, E.A. Zinko (eds.), *XXIV Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Arkheologicheskie i pis'mennye istochniki v istoricheskikh rekonstruktsiyakh* [XXIV Bosporan Readings. The Cimmerian Bosphorus and the Barbarian World in Antiquity and the Middle Ages. Archaeological and Written Sources in Historical Reconstructions]. Simferopol–Kerch, 9–15.
- Абрамзон, М.Г. 2023: Византийские монеты из Фанагории (Раскопки 2015–2022 гг.). В сб.: *XXIV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологические и письменные источники в исторических реконструкциях*. Симферополь–Керчь, 9–15.
- Abramzon, M.G., Ivanina, O.A. 2010: *Antichnye monety* [Ancient Coins]. Kiev. (Iz sobraniya Kerchenskogo istoriko-kul'turnogo zapovednika. Numizmaticheskaya kolleksiya II) [From the Collection of the Kerch History and Culture Reserve. The Numismatic Collection II].
- Абрамзон, М.Г., Иванина, О.А. 2010: *Античные монеты* (Из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Нумизматическая коллекция II). Киев.
- Abramzon, M.G., Ostapenko, S.N. 2024: Monety iz podvodnykh raskopok Fanagorii [Coins from the Underwater Excavations at Phanagoria]. In: *HYPANIS. Trudy Otdela klassicheskoy arkheologii IA RAN* [HYPANIS. Proceedings of the Department of Classical Archaeology of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences] 6. Moscow, 31–50.
- Абрамзон, М.Г., Остапенко, С.Н. 2024: Монеты из подводных раскопок Фанагории. В сб.: *HYPANIS. Труды Отдела классической археологии ИА РАН* 6. М., 31–50.
- Alexeenko, N.A., Antipenko, A.V. 2021: Vypusk litykh svintsovykh monet v vizantiyskom Khersone: mestnyy fenomen ili tekhnologicheskii «brak» [Issuing Cast Lead Coins

- in Byzantine Cherson: A Local Phenomenon or a Technological “Flaw”?]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in the Archaeology, History and Ethnography of Tauria] XXVI, 447–458.
- Алексеевко, Н.А., Антипенко, А.В. 2021: Выпуск литых свинцовых монет в византийском Херсоне: местный феномен или технологический «брак»? *МАИЭТ* XXVI, 447–458.
- Alekseenko, N.A., Smekalova, T.N., Antipenko, A.V. et al. 2022: *Tri klada khersono-vizantiyskikh monet X v. iz kvartala XCVII Khersonesa Tavricheskogo: Mezhdisciplinarnye issledovaniya* [Three Hoards of Cherson-Byzantine Coins of the 10th Century from Quarter XCVII of Tauric Chersonesos: Interdisciplinary Research]. Saint Petersburg. (Arkheometriya Prichernomor'ya [Archaeometry of the Black Sea Region] 8).
- Алексеевко, Н.А., Смекалова, Т.Н., Антипенко, А.В. и др. 2022: *Три клада херсонско-византийских монет X в. из квартала XCVII Херсонеса Таврического: Междисциплинарные исследования*. СПб. (Археометрия Причерноморья 8).
- Anokhin, V.A. 1977: *Monetnoe delo Khersonesa (IV v. do n.e. – XII v. n.e.)* [Coinage of Chersonesus (4th century BC – 12th century AD)]. Kiev.
- Анохин, В.А. 1977: *Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.)*. Киев.
- Arsenyeva, T.M. 1961: *Raskopki u derevni Novo-Otradnoe v 1959 godu* [Excavations near the Village on Novo-Otradnoe in 1959]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of Institute of Archaeology] 86, 66–69.
- Арсеньева, Т.М. 1961: Раскопки у деревни Ново-Отрадное в 1959 году. *КСИА* 86, 66–69.
- Belova, L.N. 1941: *Neizdannye monety Khersona* [Unpublished Coins from Cherson]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 7, 326–329.
- Белова, Л.Н. 1941: Неизданные монеты Херсона. *СА* 7, 326–329.
- DOC 1 – Bellinger, A.R. *Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection*. Vol. 1. *Anastasius I to Maurice*. 491–602. Washington, 1992.
- DOC 3/1 – Grierson, Ph. *Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection*. Vol. III. *Leo III to Nicephorus III*. 717–1081. Pt. 1. *Leo III to Michael III*. 717–867. Washington, 1993.
- DOC 3/2 – Grierson, Ph. *Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection*. Vol. III. *Leo III to Nicephorus III*. 867–1081. Pt. 1. *Basil I to Nicephorus III*. 717–867. Washington, 1993.
- DOCLR – Grierson, Ph., Mays, M. *Catalogue of Late Roman Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection. From Arcadius and Honorius to the Accession of Anastasius*. Washington, 1992.
- Frolova, N.A. 1981: *Monety iz raskopok Fanagorii s 1962 po 1975 gg.* [Coins from 1962–1975 Excavations at Phanagoria]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 100–113.
- Фролова, Н.А. 1981: Монеты из раскопок Фанагории с 1962 по 1975 гг. *ВДИ* 1, 100–113.
- Golenko, K.V. 1956: *Khersonesskaya moneta s bosporskoy nadchekankoy* [A Chersonese Coin with the Bosporan Countermark]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii materialnoy kul'tury* [Brief Communications of Institute for the History of Material Culture] 63, 156–157.
- Голенко, К.В. 1956: Херсонесская монета с боспорской надчеканкой. *КСИИМК* 63, 156–157.
- Golenko, K.V. 1974: *Coins from 1939–1970 Excavations at Nymphaeum*. *Numizmatika i epigrafika* [Numismatics and Epigraphy] XI, 61–93.
- Голенко К.В. 1974. Монеты из раскопок Нимфея 1939–1970 гг. *НЭ* XI, 61–93.
- Golofast, L.A. 2021: *Phanagoria in the 4th – 7th Centuries (Written Sources and Archaeological Data)* In: *HYPANIS. Trudy Otdela klassicheskoy arkheologii IA RAN* [HYPANIS. Proceedings of the Department of Classical Archaeology of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences] 6. Moscow, 42–57.
- Голофаст, Л.А. 2021: Фанагория 4–7 вв. по сведениями письменных источников и данным археологии. В сб.: *HYPANIS. Труды Отдела классической археологии ИА РАН* 3. М., 42–57.

- Hahn, W. 1973: *Moneta Imperii Byzantini*. Bd. 1. *Von Anastasius bis Justinianus I. (491–565). Einschließlich der ostgotischen und vandalischen Prägungen*. Wien. (Veröffentlichungen der Kommission für Numismatik I = Denkschriften der phil.-hist. Klasse d. Österr. Akad. d. Wissenschaften 109).
- Hahn, W. 1978: The Numismatic History of Cherson in Early Byzantine Times – A Survey. *Numismatic Circular* 86.9, 414–415.
- Hahn, W. 1989: *Die Ostprägung des römischen Reiches im 5 Jahrhundert (408–491)*. Wien. (Veröffentlichungen der numismatischen Kommission 20 = Denkschriften der phil.-hist. Klasse d. Österr. Akad. d. Wissenschaften 199).
- Korshenko, A.N. 2000: Khersonesskiy vypusk monet Feodosiya II i Valentiniana III [Cherson Issue of Coins of Theodosius II and Valentinian III]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in the Archaeology, History and Ethnography of Tauria] VII, 222–246.
Коршенко, А.Н. 2000: Херсонесский выпуск монет Феодосия II и Валентиниана III. *МАИЭТ* VII, 222–246.
- Korshenko, A., Gorshkov, I., Holmes, A.J. 1995: The Large Bronze of Valentinian III. *NC* 155, 271–275.
- LRBC – Carson, A.G., Hill, P.V., Kent, J.P.C. *Late Roman Bronze Coinage A.D. 324–498*. Pt. II. Carson, A.G., Kent, J.P.C. *Bronze Roman Imperial Coinage of the Later Empire AD 346–498*. London, 1965
- Novichihin, A.M. 2008: Khersonesskaya moneta s khory Gorgippii [A Chersonesus Coin from the Chora of Gorgippia]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 38–41.
Новичихин, А.М. 2008: Херсонесская монета с хоры Горгиппии. *ВДИ* 1, 38–41.
- RIC 10 – Kent, J.P.C. *The Roman Imperial Coinage*. Vol. 10. *The Divided Empire and the Fall of the Western Parts. AD 395–491*. London.
- Rozov, V.N. 2014: Novye nakhodki grecheskikh privoznykh monet s territorii Tamanskogo p-ova [New finds of Greek Foreign Coins in the Taman Peninsula]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 18, 272–307.
Розов, В.Н. 2014: Новые находки греческих привозных монет с территории Таманского п-ова. *ДБ* 18, 272–307.
- Sear, D. 1988: *Byzantine Coins and their Values*. London.
- Shelov, D.B. 1965: Materialy k istorii denezhnogo obrashcheniya v gorodakh Bospora v VI–I vv. do n.e. [Materials on the Currency Pattern in Bosporan Cities in the 6th–1st Centuries BC]. *Numizmatika i epigrafika* [Numismatics and Epigraphy] V, 31–50.
Шелов, Д.Б. 1965: Материалы к истории денежного обращения в городах Боспора в VI–I вв. до н.э. *НЭ* V, 31–50.
- Sidorenko, V.A. 2011: Monetnoe delo srednevekovogo Khersona V–VII vv. n.e. [Coinage of Medieval Kherson in the 5th–7th Centuries AD]. In: *III Mezhdunarodnyy Vizantiyskiy seminar ХЕРΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «imperiya» i «polis»*, Sevastopol, *Natsional'nyy zapovednik «Khersones Tavricheskiy» 31 maya – 5 iyunya 2011 g. Tezisy dokladov i soobshcheniy* [III International Byzantine Seminar ХЕРΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: “Empire” and “polis”, Sevastopol, National Preserve “Tauric Chersonesus”, May 31 – June 5, 2011 Abstracts of Papers]. Sevastopol, 25–30.
- Сидоренко, В.А. 2011: Монетное дело средневекового Херсона V–VII вв. н.э. В. сб.: *III Международный Византийский семинар ХЕРΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис»*, Севастополь, Национальный заповедник «Херсонес Таврический», 31 мая – 5 июня 2011 г. Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 25–30.
- Sokolova, I.V. 1983: *Monety i pechati vizantiyskogo Khersona* [Coins and Seals of Byzantine Cherson]. Leningrad.
Соколова, И.В. 1983: *Монеты и печати византийского Херсона*. Л.
- SNG BM I – Sylloge Nummorum Graecorum, Great Britain. Vol. IX. *British Museum*. Pt. I. Price M. *The Black Sea*. London, 1993.

- SNG Moskau – Sylloge Nummorum Graecorum, Russland. *Staatliches Historisches Museum Moskau*. Abramzon, M., Frolova, N., Peter, U. *Münzen Des Nördlichen Schwarzmeergebietes*. Berlin–Boston, 2019
- Studitskiy, YA.V., Butyrskiy, M.N. 2000: Monety Khersona s imenami Yustina I i Yustiniana I [Chersonesus Coinage in the Names of Justin I and Justinian I]. *Vizantiyskiy vremennik [Byzantine Chronicles]* 59, 226–229.
Студитский, Я.В., Бутырский, М.Н. 2000: Монеты Херсона с именами Юстина I и Юстиниана I. *ВВ* 59, 226–229.
- Trivero R., A., Gennari, A., Ortu, A., Cecchinato, M., Zarkho, V. The Chersonese Copper Coinage between Roman and Byzantine Empire. https://www.academia.edu/34901540/The_Chersonese_copper_Coinage_between_Roman_and_Byzantine_Empire_by_A_Trivero_R_A_Gennari_A_Ortu_M_Cecchinato_V_Zarkho.
- Turovskiy, E.Ya., Gorbatov, V.M. 2013: *Monety antichnogo i srednevekovogo Khersonesa: Katalog-opredelitel'* [*Coins of Ancient and Medieval Chersonesos: Catalogue*]. Simferopol.
Туровский, Е.Я., Горбатов, В.М. 2013: *Монеты античного и средневекового Херсонеса: Каталог-определитель*. Симферополь.
- Yaylenko, V.P. 2010: *Tysyacheletniy bosporskiy reykh. Istoriya i epigrafika Bospora VI v. do n.e. – V v. n.e.* [*Thousand Years Bosporan Reich. History and Epigraphy of Bosporus in the 6th Century BC – 5th Century AD*]. Moscow.
Яйленко, В.П. 2010: *Тысячелетний боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н.э. – V в. н.э.* М.
- Zograf, A.N. 1952: Opisaniye monet, naydennykh pri raskopkakh Tiritaki i Mirmekiya v 1935–1940 gg. In: *Bosporan cities. 1. Results of Archaeological Research of Tyritace and Myrmecium in 1935–1940* (Materials and Research on Archeology of the USSR 25). Moscow, 363–386.
Зограф, А.Н. 1952: Описание монет, найденных при раскопках Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг. В сб.: *Боспорские города*. Т. 1. *Итоги археологических исследований Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг.* (МИА 25), 363–386.

COINS OF CHERSONESUS/CHERSON FROM EXCAVATIONS AT PHANAGORIA

Mikhail G. Abramzon

*Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia*

E-mail: abramzon-m@mail.ru

The paper discusses 9 Chersonesus coins retrieved during excavations at Phanagoria, which shed light on its relations with Chersonesus in Antiquity and the early Middle Ages, as well as the currency pattern. Some of the coins were retrieved in the port sites, which indicates that they were shipped in Phanagoria: Chersonesus was one of the most important transit points on the trade sea route from the Bosphorus. Of great interest are the finds of coins of Leo I and Justin I, intended for circulation exclusively in Cherson and its region, as well as the Cherson issues of the 10th century, first attested in Phanagoria and circulated on the city money market.

Keywords: Phanagoria, Chersonesus, coinage of Byzantine Cherson, circulation pattern of Chersonesus coins in the Bosphorus

DOI: 10.18503/1992-0431-2025-1-87-92–126

СВИНЦОВЫЕ ТЕССЕРЫ И МОНЕТОВИДНЫЕ ЗНАКИ ИЗ РАСКОПОК ХЕРСОНЕСА В 2021–2023 гг.

А.Е. Терещенко

Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: andrtereshhen@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3293-613X

В статье публикуются свинцовые тессеры и другие монетовидные знаки из раскопок археологической экспедиции ИИМК РАН в Южном пригороде Херсонеса в 2021–2023 гг. Всего найдено 369 свинцов 24 типов, из них 8 типов ранее неизвестных. Подавляющее большинство (262 шт.) выявлены на территории, где находился священный участок с мавзолеем (герооном), храмом в антах, алтарем, помещениями для даров, паломников и жрецов, мощным камнем двором для процессий, священным источником (нимфеем). Этот факт позволил автору присоединиться к мнению, что данные знаки являются тессерами, изображения на которых имели культовое и вотивное значение. С их помощью регулировалась бесплатная раздача пищи во время религиозных празднеств и других церемоний.

Ключевые слова: Херсонес, тессеры, свинцовые монетовидные знаки

В 2021–2023 гг. комплексной археологической экспедицией ИИМК РАН совместно с другими участниками проводились раскопки Южного пригорода Херсонеса на площади 85 797 м². Нумизматического материала обнаружено почти 9 500 экз., в том числе – 369 свинцовых монетовидных знаков (которые удалось определить) 24 типов, из них 8 типов ранее были неизвестны¹.

На сегодняшний день существуют две основные точки зрения на предназначение данных артефактов². Сторонники первой полагают, что это были экстраординарные монетные выпуски³. Согласно второй, это тессеры, служившие театральными жетонами для входа на зрелища⁴; знаками для предъявления при раздачах продовольствия на различных празднествах⁵; наконец, «камешками» – бюллетенями для голосования⁶.

Данные об авторе. Андрей Евгеньевич Терещенко – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИИМК РАН.

Исследования проводятся в рамках выполнения ФНИ ГА «Южная Россия и сопредельные территории в древности: развитие культуры, общества и хозяйства по археологическим и естественнонаучным данным» (FMZF-2025-0010).

¹ Здесь указаны экземпляры, обнаруженные только экспедицией ИИМК РАН.

² Детальный обзор см.: Попова 2024.

³ Ростовцев 1903, 300; Грандмезон 1978, 42–43; Туровский, Горбатов 2012, 49; Демьянчук 2019, 48–49.

⁴ Анохин 2016, 101, 113.

⁵ Коваленко 2004, 147, 152–153; Фролова, Абрамзон 2014, 47.

⁶ Сидоренко 2019, 113–117. Более подробную историографию см., например, Цепков 2020, 229–231.

Прежде чем поддержать какую-либо из перечисленных версий, необходимо кратко охарактеризовать археологический контекст: «Уже в первой половине IV в. до н.э. местность перед городскими воротами наделяется особым статусом. Здесь обустроивается священный участок с мавзолеем (герооном), храмом в антах, алтарем, помещениями для даров, паломников и жрецов, мощенным камнем двором для процессий, священным источником (нимфеем). К числу исключительных объектов относится героон – уникальный памятник погребальной архитектуры первой половины IV в. до н.э. в Северном Причерноморье. Героон представлял собой монументальную ордерную постройку, нижняя закрытая часть которой содержала саркофаг с останками героя, возможно одного из архететов Херсонеса <...> Рядом с герооном открыта одна из самых ранних культовых построек Херсонеса – храм в антах первой половины IV в. до н.э., служивший святилищем и местом почитания героя, возможно одного из архететов Херсонеса <...> Рядом с храмом открыты остатки большого теменоса, включавшего большой мощный двор и многокомнатное здание для жрецов, даров, паломников и проведения сисситий»⁷. Именно на участках с вышеперечисленными комплексами найдено подавляющее большинство (262 шт.) свинцов.

Учитывая это обстоятельство, полагаю правильным присоединиться к мнению, что данные знаки являются тессерами, изображения на которых имели культовое и вотивное значение. С их помощью регулировалась бесплатная раздача пищи во время религиозных празднеств и церемоний⁸, что, впрочем, не исключает и других возможностей их использования.

Вместе с тем, должно опровергнуть тезис об уникальности данного явления в нумизматике Северного Причерноморья⁹, поскольку в последние годы появилась информация о нахождении такого рода артефактов на Таманском п-ове¹⁰. Согласно сведениям А.Н. Коршенко, предметно занимающегося этим вопросом, на сегодняшний день известно уже более 700 свинцовых тессер с разнообразными сюжетами, которые датируются, вероятно IV–III вв. до н.э.¹¹ С другой стороны, таманские тессеры имеют серьезные отличия, они меньше размерами и легче, практически все найдены на хоре и большинство из них «погашенные» (пробитые). Таким образом, кроме металла их мало что объединяет с херсонесскими.

Херсонесские же тессеры датируются серединой IV–I вв. до н.э.¹²; III–II вв. до н.э.¹³; концом III – началом II вв. до н.э.¹⁴ или II–I вв. до н.э.¹⁵

Отдельно следует упомянуть о датировке, предложенной В.А. Анохиным. Согласно его представлениям, выпуск свинцовых тессер в Херсонесе начинается с середины IV в. до н.э., пик производства приходится на конец IV – начало II вв. до н.э. В дальнейшем, по мнению исследователя, их чеканка проводилась лишь эпизодически: в конце II в. до н.э., а, в римское время – в середине I и конце

⁷ Соловьева и др. 2024, 20–21.

⁸ Kovalenko 2002, 51; Коваленко 2004, 152–153; Фролова, Абрамзон 2014, 47.

⁹ Грандмезон 1978, 42; Kovalenko 2002, 51; Коваленко 2004, 152.

¹⁰ Строкин 2009.

¹¹ Коршенко 2023, 19, 22.

¹² Ростовцев 1903, 299–302.

¹³ Туровский, Горбатов 2012, 50–53; Фролова, Абрамзон 2014, 47.

¹⁴ Коваленко 2004, 153.

¹⁵ Грандмезон 1978, 43.

II вв. н.э.¹⁶ Хронологическая схема В.А. Анохина, хотя и выглядит достаточно убедительной, но базируется целиком на глубочайшей уверенности автора в том, что херсонесские тессеры связаны исключительно с театральной деятельностью¹⁷. Однако, как было замечено, среди примерно трех тысяч монет, найденных при раскопках херсонесского театра, нет ни одной тессеры¹⁸, что «делает версию «тессера – театральный жетон» крайне маловероятной»¹⁹ и, соответственно, ставит под сомнение все хронологические построения Владлена Афанасьевича.

На мой взгляд, для датирования подавляющего большинства выпусков херсонесских свинцов наиболее приемлемыми представляются именно III–II вв. до н.э. Перейдем непосредственно к нашим находкам, они распределяются следующим образом:

- 1) голова Девы вправо/букраний с тэниями, между рогами – ΙΣ. 9 шт. (детали по см. табл. I). 240-е – 230-е гг. до н.э.²⁰; ок. 250 г. до н.э.²¹; конец III в. до н.э.²²
- 2) голова Девы вправо/букраний с тэниями, между рогами – ΔΙ. 16 шт. 240-е – 230-е гг. до н.э.²³; ок. 250 г. до н.э.²⁴; конец III в. до н.э.²⁵
- 3) голова Девы вправо, за спиной лук и колчан/букраний без тэний. 37 шт. 240-е – 230-е гг. до н.э.²⁶; ок. 250 г. до н.э.²⁷; конец III в. до н.э.²⁸
- 4) букраний с тэниями/дельфин вправо. 64 шт. 260-е – 200-е гг. до н.э.²⁹; ок. 250–200 гг. до н.э.³⁰; рубеж III–II вв. до н.э.³¹
- 5) букраний с тэниями/два дельфина вправо. 71 шт. 260-е – 200-е гг. до н.э.³²; II в. до н.э.³³
- 6) букраний с тэниями/краб, держащий в клешнях дельфина (рыбу?). 2 шт. 260-е – 200-е гг. III в. до н.э.³⁴; II в. до н.э.³⁵
- 7) голова Афины в коринфском шлеме вправо/сидящий вправо орел, голова повернута назад. 23 шт. Конец III – начало II вв. до н.э.³⁶; 225–180 гг. до н.э.³⁷
- 8) букраний с тэниями/голова Гермеса в петасе вправо (большой размер монетного кружка – 15–19 мм и малый размер: 8–14 мм). 99 шт. 190-е – 180-е гг. до

¹⁶ Анохин 2016, 114.

¹⁷ Анохин 2016, 101, 113.

¹⁸ Грандмезон 1978, 42.

¹⁹ Цепков 2020, 229.

²⁰ Туровский, Горбатов 2012. Табл. 35, 1.

²¹ Фролова, Абрамзон 2014, 107–108.

²² Коваленко 2004, 132–133.

²³ Туровский, Горбатов 2012. Табл. 35, 2.

²⁴ Фролова, Абрамзон 2014, 107–108.

²⁵ Коваленко 2004, 132–133.

²⁶ Туровский, Горбатов 2012. Табл. 35, 4.

²⁷ Фролова, Абрамзон 2014, 107–108.

²⁸ Коваленко 2004, 132–133.

²⁹ Туровский, Горбатов 2012. Табл. 35, 6.

³⁰ Фролова, Абрамзон 2014, 108.

³¹ Коваленко 2004, 133.

³² Туровский, Горбатов 2012. Табл. 35, 7.

³³ Фролова, Абрамзон 2014, 109.

³⁴ Туровский, Горбатов 2012. Табл. 35, 9.

³⁵ Фролова, Абрамзон 2014, 109.

³⁶ Туровский, Горбатов 2012. Табл. 35, 10.

³⁷ Фролова, Абрамзон 2014, 109; Коваленко 2004, 137.

н.э.³⁸; II в. до н.э.³⁹; первая половина II в. до н.э.⁴⁰

9) букраний с тэниями/роза. 1 шт. 190-е – 180-е гг. до н.э.⁴¹

10) букраний с тэниями/монограмма . 2 шт. Середина (?) II вв. до н.э.⁴²

11) букраний с тэниями/монограмма . 7 шт. Середина (?) II в. до н.э.⁴³; II в. до н.э.⁴⁴

12) фигура Ники влево/зог изобилия. 2 шт. II в. до н.э.⁴⁵

13) фигура крылатой Ники с ветвью в правой руке, влево. Под рукой монограмма /треножник, справа монограмма . 10 шт. Рубеж III–II вв. до н.э.⁴⁶; II в. до н.э.⁴⁷; 150–125 гг. до н.э.⁴⁸

14) крылатая Ника с венком вправо/лира. 1 шт. Середина (?) II в. до н.э.⁴⁹

15) амфора с двумя ручками/без изображения. 1 шт. II в. до н.э.⁵⁰

Неопределенные:

16) букраний/не ясно. 14 шт. III–II вв. до н.э.

Новые типы:

1) голова Девы вправо/рыба влево, под ней – букраний? 1 шт. (см. рис. 9, 360). Плохая сохранность; аверсный тип сомнений не вызывает, тип реверса сомнителен. Тем не менее, относительная хронология этой разновидности определяется надежно: изображение головы Девы в точности повторяет таковые на самых ранних типах. Наличие же на оборотной стороне силуэта рыбы (дельфина?) и букрания(?) позволяет разместить данный экземпляр между выпусками типов «голова Девы/букраний» (рис. 1, 1–36; 2, 37–60) и «букраний/дельфин вправо» (рис. 2, 61–76; 3, 77–124), т.е. отнести его чеканку ко второй половине III в. до н.э.;

2) голова Гермеса в петасосе вправо, ниже – кадуцей/рог изобилия. 3 шт. (см. рис. 9, 361–363). Здесь почти точно копируется монетный тип «голова Гермеса вправо, слева – кадуцей/рог изобилия, слева – ΠΥΘΙΩΝΟ (или ΠΡΟΜΑΘΙΩΝΟС), справа – ΧΕΡ» (см. рис. 10, 1, 2). Эти монеты датируются 140–130 гг. до н.э.⁵¹ или первой четвертью II в. до н.э.⁵² Склоняясь к датировке Е.Я. Туровского, как более верной, полагаю, что чеканка данного типа тессер также должна приходиться на первую четверть II вв. до н.э.

Необходимо отметить, что это не единичный случай повторения херсонесских монетных типов в свинце. Самый первый случай относится к IV в. до н.э.: это свинцовый монетовидный знак с изображениями квадриги вправо на л.с. и коленопреклоненного воина со щитом и копьем влево на о.с. – почти точная копия хорошо известных медных дихалков Херсонеса (см. рис. 10, 4), но, в отличие от

³⁸ Туровский, Горбатов 2012. Табл. 35, 11, 12.

³⁹ Фролова, Абрамзон 2014, 108.

⁴⁰ Коваленко 2004, 133–134.

⁴¹ Туровский, Горбатов 2012. Табл. 35, 13.

⁴² Туровский, Горбатов 2012. Табл. 35, 17.

⁴³ Туровский, Горбатов 2012. Табл. 35, 19.

⁴⁴ Фролова, Абрамзон 2014, 109.

⁴⁵ Туровский, Горбатов 2012. Табл. 35, 20.

⁴⁶ Коваленко 2004, 135.

⁴⁷ Туровский, Горбатов 2012. Табл. 35, 22.

⁴⁸ Фролова, Абрамзон 2014, 110.

⁴⁹ Туровский, Горбатов 2012. Табл. 35, 27.

⁵⁰ Туровский, Горбатов 2012. Табл. 35, 28.

⁵¹ Анохин 1977, № 173, 174.

⁵² Туровский 2018, 44, № 210–211. Табл. 18, 210–211.

регулярной чеканки, название города и сокращения имен отсутствуют⁵³. Однако состояние артефакта таково, что это утверждение невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть (см. рис. 10, 3). По мнению В.А. Анохина, эта тессера могла быть выпущена в связи с празднествами по случаю завоевания Северо-Западной Таврики с Керкинитидой около 350 г. до н.э.⁵⁴

Помимо указанных типов, имеется информация о существовании экземпляра, воспроизводящего реверсный сюжет медных монет типа: «мужская голова в диадеме вправо/палица, сверху – ΧΕΡ, внизу – ΒΟΛΛΙΩΝ» (см. рис. 10, 5). Эти монеты датируются серединой III в. до н.э. (260–240 гг. до н.э.⁵⁵) или началом II в. до н.э. (200–190 гг. до н.э.⁵⁶). Отметим, что если указанные здесь и у В.А. Анохина тессеры дублируют сюжеты регулярной херсонесской чеканки, но без надписей, то экземпляр, опубликованный Ю.А. Цепковым, полностью копирует тип монеты, но лишь одной стороны(!), поскольку обратная сторона тессеры – чистая⁵⁷.

Скорее всего, это делалось во избежание обвинений в фальшивомонетчестве, тем более что все эти знаки имеют и размеры, и вес, схожие с параметрами монет регулярной чеканки Херсонеса⁵⁸.

3) голова Гермеса в петасе вправо/чистая? 1 шт. Первая четверть II в. до н.э. (см. рис. 9, 364). Данный экземпляр интересен тем, что аверсное изображение дополнено надчеканкой – «кадуцей»⁵⁹. До сего дня была известна только одна тессера с надчеканкой (монограмма ΠΑΡ), чей выпуск был отнесен на период с конца III по I вв. до н.э.⁶⁰ Возможно, наш экземпляр является своего рода подчеканкой, изготовленной в дополнение предыдущего типа.

4) голова безбородого мужчины (юноши?) в повязке (головном уборе?) вправо/лира. 1 шт. (см. рис. 9, 365). Состояние тессеры хорошее, однако из-за смещения штампера л.с. определение изображенного персонажа затруднительно, поэтому для ее датировки приходится опираться на тип реверса. Так, среди херсонесских тессер известен тип: «фигура Ники с венком в руке, влево/лира»⁶¹. По Е.Я. Туровскому, хотя образ крылатой Ники активно использовался в херсонесской чеканке I в. до н.э. свинцовые выпуски с ее изображением относить к этому времени нельзя, поскольку, «весь круг их сюжетов (оборотной стороны – *A.T.*) целиком принадлежит II в. до н.э.»⁶². Полностью соглашаясь с мнением Е.Я. Туровского, предлагаю данный экземпляр датировать II в. до н.э.

⁵³ Анохин 2016, 104. Помимо описания, В.А. Анохин указал лишь, что данный экземпляр хранится в ГЭ, сейчас, пользуясь случаем, привожу его полные данные: инв. № ОН-А-ДГ-26049. Вес – 9,46 г, диаметр – 22,1 мм. Выражаю искреннюю благодарность научному сотруднику Отдела нумизматики ГЭ, хранителю коллекций монет Древней Греции и Северного Причерноморья, Елене Александровне Кувшиновой за предоставленную информацию.

⁵⁴ Анохин 2016, 104.

⁵⁵ Туровский 2018, 41, № 179.

⁵⁶ Анохин 2011, 118, № 778.

⁵⁷ Цепков 2016, 111, рис. 4.

⁵⁸ Кроме подражаний монетным типам херсонесской чеканки, имеются сведения и о свинцовой имитации инополисной монеты. Таковой является имитация синопской драхмы конца IV в. до н.э. (Фролова, Абрамзон 2014, 111, № 85).

⁵⁹ Среди разнообразных надчеканок на херсонесских монетах «кадуцей» еще не встречался.

⁶⁰ Цепков 2020, 232, рис. 1, 3.

⁶¹ Туровский, Горбатов 2012. Табл. 36, 27. В.А. Анохин относит ее выпуск к 324 г. до н.э. (Анохин 2016, 106).

⁶² Туровский, Горбатов 2012, 53.

(возможно, первой половиной столетия).

Что касается типа аверса, то наиболее вероятно, что это Гермес, тем более что среди херсонесских тессер именно типы с головой Гермеса принадлежат к одному из самых многочисленных выпусков. Вместе с тем, нельзя исключать и того, что здесь изображен Аполлон. В частности, отметим присутствие его имени в херсонесской чеканке монетного типа – «голова Аполлона в венке, вправо/треножник, сверху ХЕР, справа – АΠΟΛΛΩ» (см. рис. 10, б). Время выпуска этого типа приходится, предположительно на первую четверть II в. до н.э.⁶³ или на 130–120 гг. до н.э.⁶⁴ Таким образом, выпуски данного вида тессер и монет с Аполлоном и треножником хронологически коррелируют. Во всяком случае, и Гермес, и Аполлон непосредственно связаны с лирой, первый – как создатель этого музыкального инструмента, второй – как главный исполнитель на нем.

5) на черте фигура Эрота(?) анфас, стоит облокотившись левой рукой на перевернутый факел(?), который опирается на низкий алтарь. Левая нога персонажа согнута и перекрещена с правой под коленом. Над правым плечом фигуры виден какой-то наплыв (крыло?)/чистая. 1 шт. (см. рис. 9, 366).

Судя по иконографии, на тессере, вероятно, представлен Эрот⁶⁵. Однако сохранность не позволяет это утверждать уверенно. Теоретически здесь мог быть запечатлен образ чрезвычайно популярного в Херсонесе Геракла, который являлся вторым по значению божеством в этом полисе⁶⁶. Тем более, что уже известны тессеры с изображением как фигуры Геракла⁶⁷, так и его головы⁶⁸. С другой стороны, тесная связь обоих божеств с загробным миром выразилась в том, что на Боспоре Эрот мог выступать в обличье Геракла⁶⁹. Образ Эрота был широко распространен в эллинистически-римском искусстве. В Херсонесе, как и повсюду в Северном Причерноморье, Эрот запечатлен прежде всего в терракоте⁷⁰ и в скульптуре⁷¹. Среди терракот особенно интересны те, в которых воплощен характерный для этой группы херсонесских статуэток образ Эрота-Танатоса⁷². Скорее всего, именно это амбивалентное божество представлено на рассматриваемой тессере. Это тем более вероятно, что подобный сюжет, очень схожий с представленным на нашем артефакте, мы видим на реверсах монет римской провинциальной чеканки конца II – начала III вв. На них изображен крылатый Эрот-Танатос, стоящий в пол-оборота вправо, ноги скрещены. Он опирается на перевернутый факел, который стоит на небольшом алтаре (см. рис. 10, 7–14).

Когда мог появиться данный тип тессер? На первый взгляд, было бы логичным синхронизировать их с выпуском вышеуказанных монет римской провинциальной чеканки, однако имеются определенные обстоятельства, которые необходимо принять во внимание. Прежде всего отмечу, что нет ни малейших сомнений в

⁶³ Туровский 2018, 44, № 212–212б. Табл. 18, 212; 19, 212а, б.

⁶⁴ Анохин 2011, № 803.

⁶⁵ Данное предположение было высказано И.Ю. Шаубом, с которым нами подготовлена об этом тессере совместная публикация.

⁶⁶ Шауб 2007, 268–271.

⁶⁷ Фролова, Абрамзон 2014, 111, № 87.

⁶⁸ Цепков 2020, 231, № 1.

⁶⁹ Шауб 1981, 41–42.

⁷⁰ Шевченко 2016, 758–779.

⁷¹ Бибииков 1976, № 37–41.

⁷² Шауб 2023, 247–249.

том, что данный знак имел непосредственное отношение к траурным церемониям. Обратимся опять к результатам раскопок Южного пригорода. По наблюдениям исследователей, первые погребения в окрестностях теменоса появляются в эллинистический период (всего же было открыто 31 погребение этого времени). К первым векам нашей эры «Южный пригород Херсонеса – уже сформировавшийся некрополь со своей внутренней пространственной организацией, захоронения которого демонстрируют большое разнообразие погребальной обрядности жителей Херсонеса этого времени»⁷³. Таким образом, нет ничего удивительного в находке на этой территории тессеры данного вида.

Возвращаясь к вопросу датировки, отметим: представляется маловероятным, что данный сюжет был заимствован именно из монетной типологии, поскольку известны находки украшений с геммами, на которых изображен Эрот, опирающийся на факел, из некрополей Херсонеса и Пантикапея. Правда, датируются они все тем же II–III вв.⁷⁴ С другой стороны, имеется информация о геммах более раннего времени, которые, хотя и отличаются композиционно, имеют схожие сюжеты. Таковы, например, геммы из Берлинской коллекции, опубликованные А. Фуртвенглером и отнесенные им к III–II вв. до н.э.⁷⁵ (см. рис. 10, 15, 16). В самом же Херсонесе было найдено грузило, датируемое второй половиной III в. до н.э., с оттиском перстня с врезным изображением на шинке: «Эрот-Танатос, опирающийся на потушенный факел; в прижатой к груди правой руке держит небольшой округлый предмет»⁷⁶. Учитывая все вышесказанное, предлагаю отнести выпуск рассматриваемой тессеры к периоду от II в. до н.э. до II в. н.э.

б) голова вправо/три широкие линии, исходящие из одного центра, напоминающие стрелку. 1 шт. (см. рис. 9, 367). Неясность изображений, из-за сильной потертости, препятствует точной датировке, поэтому выпуск данного артефакта следует отнести, предположительно, к III–II вв. до н.э.

7) голова вправо/?вдавленные линии, напоминающие буквы Z и T друг на друге. 1 шт. (см. рис. 9, 368). Состояние плохое. Линии на реверсе, скорее всего, являются граффити. Датировка, как и у предыдущего экземпляра, III–II вв. до н.э.

8) четыре перекрещенных полосы/чистая. 1 шт. (см. рис. 9, 369). По поводу этого артефакта невозможно пока сказать что-либо определенное. Не исключено, что появление данного экземпляра является чей-то частной инициативой, т.е. кто-то изготовил его в домашних условиях для неизвестных целей.

В завершение обзора приведу описание трех монетовидных свинцовых изделий, чья идентификация под вопросом, но которые точно не могут быть отнесены к тессерам.

1. «голова Девы(?) вправо/лук(?) и колчан». Диаметр – 28 мм, вес – 20,65 г. (см. рис. 9, 370). Параметры изделия позволяют предположить, что изначально оно выполняло функции амулета. Однако присутствие на его лицевой стороне тщательно исполненного граффити, выглядящего как незаконченная свастика – ☸, дает возможность считать, что владелец этой поделки, процарапав данный знак, превратил свой амулет в вотивное подношение какому-то божееству или просто желал заручиться поддержкой небесных сил. Датировать этот предмет, учитывая характер сюжетов, имеющих общие черты с херсонесской монетной типологией⁷⁷, предлагаю III–II вв. до н.э.

⁷³ Соловьева и др. 2024, 21.

⁷⁴ См. Неверов 1976, 143, № 372–374. Рис. 372–374.

⁷⁵ Furtwängler 1896, № 1635, 1636. Taf. 17, 1635, 1636.

⁷⁶ Краснодубец 2020, 22 № 32.

2. «мужская(?) голова вправо/чистая(?). Диаметр – 26 мм, вес – 5,19 г. (см. рис. 9, 371). Большой размер артефакта дает основание считать и его амулетом. Датировка, возможно, II в. до н.э.

3. Простой свинцовый диск диаметром 10 мм и весом – 10,44 г. (см. рис. 9, 372). Обе его поверхности испещрены мелкими черточками (имитация рисунка?), а в центре прочерчены «широкие» кресты, в которые вписаны кресты из простых линий. Наличие же на одной из сторон отверстия, идущего наискось и выходящего на ребро диска, позволяет предположить, что перед нами самодельная вислая печать – моливдовул, и отнести ее к византийскому периоду существования Херсонеса.

Таким образом, нумизматические материалы из раскопок Южного пригорода Херсонеса являются важными свидетельствами религиозной и культурной жизни этого выдающегося полиса.

КАТАЛОГ⁷⁸

Л.с. Голова Девы вправо. О.с. Букраний с тэниями, между рогами ΙΣ.		240-е – 230-е гг. до н.э. (Туровский, Горбатов 2012. Табл. 35, 1); ок. 250 г. до н.э. (Фролова, Абрамзон 2014, 107, № 1)			
№	Номер описи	Фото	Вес, г	Размер	Примечания
1	ХТ-21-Р-4/367-2	Рис. 1, 1	2,96	13	Плох. сохр.
2	ХТ-21-Р4/1828-4	Рис. 1, 2	2,94	12	Плох. сохр.
3	ХТ-21-Р-4.1/384-3	Рис. 1, 3	2,40	13	Плох. сохр., коррозия
4	ХТ-21-Р-4.1/405-4	Рис. 1, 4	2,60	14	Плох. сохр., коррозия
5	ХТ-21-Р7-894/27	Рис. 1, 5	3,40	14	Плох. сохр.
6	ХТ-21-Р10.1-259/3	Рис. 1, 6	3,82	14	Плох. сохр.
7	ХТ-21-Р12-442/42	Рис. 1, 7	3,87	12	Плох. сохр.
8	ХТ-21-Р-21/242-115	Рис. 1, 8	1,90	13	Плох. сохр.
9	ХТ-21-Р-2-1/165-1	Рис. 1, 9	5,04	13	Плох. сохр., коррозия
Л.с. Голова Девы вправо. О.с. Букраний с тэниями, между рогами ΔΙ.		240-е – 230-е гг. до н.э. (Туровский, Горбатов 2012. Табл. 35, 2); Ок. 250 г. до н.э. (Фролова, Абрамзон 2014, 107, № 3)			
1	ХТ-21-Р4/2165-22	Рис. 1, 10	2,24	11	Плох. сохр., коррозия
2	ХТ-21-Р-4/305-32	Рис. 1, 11	4,44	17	Плох. сохр., коррозия
3	ХТ-21-Р-4/1401-1	Рис. 1, 12	2,31	10	Плох. сохр.
4	ХТ-21-Р-4/769-3	Рис. 1, 13	2,39	12	Сохр. удовл.
5	ХТ-21-Р-4/830-1	Рис. 9, 349	3,37	14	Указ. тип? Плох. сохр., коррозия
6	ХТ-21-Р-4.1/314-2	Рис. 1, 14	3,03	13	Плох. сохр.
7	ХТ-21-Р-4.1/389-6	Рис. 1, 15	3,84	14	Плох. сохр.
8	ХТ-21-Р-4.1/418-1	Рис. 1, 16	2,00	11	Плох. сохр.
9	ХТ-21-Р-4.1/414-4	Рис. 1, 17	3,20	12	Плох. сохр.

⁷⁷ Например, серебряные гемидрахмы типа «голова Девы в венке вправо, сзади лук и колчан/лук тетивой вверх, под ним колчан, сверху ΧΕΡ, снизу ΕΥΡΥΔΑΜ» и медных халков типа «голова Девы в венке вправо/лук и колчан, сверху ΧΕΡ, снизу ΣΙΜΑΙΟΥ». Время выпуска гемидрахм ок. 275–265 гг. до н.э. (Туровский 2018, 40, № 160. Табл. 14, 166) или 210–200 гг. до н.э. (Анохин 2011, № 766), халков – ок. третьей четверти III в. до н.э. (Туровский 2018, 42, № 193, 193а. Табл. 17, 193, 193а) или 160–150 гг. до н.э. (Анохин 2011, 120, № 795).

⁷⁸ Номера каталога соответствуют номерам монет в фототаблицах.

10	ХТ-21-Р-4.1/414-5	Рис. 1, 18	3,30	14	Плох. сохр.
11	ХТ-21-Р-7-728/4	Рис. 1, 19	2,34	11	Указ. тип? Плох. сохр., коррозия
12	ХТ-21-Р-10/156-1	Рис. 1, 20	2,34	11	Указ. тип? Плох. сохр.
13	ХТ-21-Р-10/1042-4	Рис. 1, 21	2,30	12	Плох. сохр.
14	ХТ-21-Р12-583/8	Рис. 1, 22	1,95	12	Скорее всего, указ. тип. Плох. сохр., коррозия
15	ХТ-21-Р12-587/8	Рис. 1, 23	2,60	12	Плох. сохр., коррозия
16	ХТ-21-Р-21/903-54	Рис. 1, 24	2,50	14	Плох. сохр.
Л.с. Голова Девы вправо, за спиной лук и колчан. О.с. Букраний без гэний.		240-е – 230-е гг. до н.э. (Туровский, Горбатов 2012. Табл. 35, 4); ок. 250 г. до н.э. (Фролова, Абрамзон 2014, 107-108)			
1	ХТ-21-Р1-1/9844	Рис. 1, 25	1,59	13	Указ. тип? Плох. сохр., коррозия
2	ХТ-21-Р1-317/18	Рис. 1, 26	2,46	18	Указ. тип? Плох. сохр., коррозия
3	ХТ-21-Р-2-1/94-6	Рис. 1, 27	3,64	13	Плох. сохр.
4	ХТ-21-Р-2-1/5-156	Рис. 1, 28	3,60	15	Плох. сохр., коррозия
5	ХТ-21-Р-2-1/163-113	Рис. 1, 29	3,59	14	Указ. тип? Плох. сохр., коррозия
6	ХТ-21-Р-3/139-16	Рис. 1, 30	3,58	14	Плох. сохр.
7	ХТ-21-Р-3/162-16	Рис. 1, 31	2,24	13.6	Указ. тип? Плох. сохр., коррозия Край обломан
8	ХТ-21-Р-3/286-4	Рис. 1, 32	2,75	11	Плох. сохр., коррозия
9	ХТ-21-Р-4/417-1	Рис. 1, 33	4,61	11	Плох. сохр.
10	ХТ-21-Р-4/653-10	Рис. 1, 34	2,77	15	Указ. тип? Плох. сохр.
11	ХТ-21-Р-4/612-2	Рис. 1, 35	3,27	13	Плох. сохр.
12	ХТ-21-Р-4/695-2	Рис. 1, 36	3,27	13	Указ. тип? Плох. сохр., коррозия
13	ХТ-21-Р-4/2643-21	Рис. 2, 37	2,00	13	Плох. сохр.
14	ХТ-21-Р-4/2656-10	Рис. 2, 38	2,03	14	Указ. тип? Плох. сохр., коррозия
15	ХТ-21-Р-4/1830-2	Рис. 2, 39	3,35	12	Плох. сохр.
16	ХТ-21-Р-4/769-17	Рис. 2, 40	2,37	14	Указ. тип? Плох. сохр., коррозия
17	ХТ-21-Р-4/2139-1	Рис. 2, 41	2,40	11	Указ. тип? Плох. сохр., коррозия
18	ХТ-21-Р4/2667-2	Рис. 8, 289	1,55	10	Указ. тип? Плох. сохр., коррозия

Свинцовые тессеры и монетовидные знаки из раскопок Херсонеса 101

19	ХТ-21-Р-4.1/365-7	Рис. 2, 42	4,09	10	Плох. сохр.
20	ХТ-21-Р-4.1/389-2	Рис. 2, 43	3,75	13	Плох. сохр., коррозия
21	ХТ-21-Р-4.1/170-1	Рис. 2, 44	1,42	12	Указ. тип? Плох. сохр.
22	ХТ-21-Р-4.1/175-4	Рис. 2, 45	4,03	14	Плох. сохр., коррозия
23	ХТ-21-Р-4.1/175-7	Рис. 2, 46	3,57	13	Плох. сохр., коррозия
24	ХТ-21-Р-4.1/274-6	Рис. 2, 47	3,57	13	Плох. сохр., коррозия
25	ХТ-21-Р-4.1/301-79	Рис. 2, 48	3,15	14	Указ. тип? Плох. сохр.
26	ХТ-21-Р-4.1/301-81	Рис. 2, 49	2,37	12	Указ. тип? Плох. сохр.
27	ХТ-21-Р-4.1/409-31	Рис. 2, 50	2,50	13	Указ. тип? Плох. сохр., коррозия
28	ХТ-21-Р7-1334/18	Рис. 2, 51	3,04	13	Плох. сохр.
29	ХТ-21-Р-10/30-10	Рис. 2, 52	2,34	11	Указ. тип? Плох. сохр., коррозия
30	ХТ-21-Р-10/220-1	Рис. 2, 53	2,70	12	Плох. сохр., имеет повреждение аверса
31	ХТ-21-Р10.1-263/9	Рис. 2, 54	3,64	13	Плох. сохр.
32	ХТ-21-Р12-536/30	Рис. 2, 55	3,62	11	Плох. сохр.
33	ХТ-21-Р12-1/1280	Рис. 2, 56	3,12	15	Указ. тип? Плох. сохр., коррозия
34	ХТ-21-Р16-715/1	Рис. 2, 57	3,30	16	Плох. сохр.
35	ХТ-21-Р-21/547-3	Рис. 2, 58	2,60	12	Плох. сохр.
36	ХТ-21-Р-21/791-60	Рис. 2, 59	1,49	15	Указ. тип? Плох. сохр., коррозия
37	ХТ-21-Р-21/1027-1	Рис. 2, 60	3,20	15	Плох. сохр., коррозия. Край обломан
Л.с. Букраний с тэниями. О.с. Дельфин вправо.		260-е – 220-е гг. до н.э. (Туровский, Горбатов 2012. Табл. 35, 6); ок. 250-200 гг. до н.э. (Фролова, Абрамзон 2014, 108)			
1	ХТ-21-Р1-1/9831	Рис. 2, 61	5,33	16	Плох. сохр.
2	ХТ-21-Р1-1/9832	Рис. 2, 62	2,78	15	Указ. тип? Плох. сохр., коррозия
3	ХТ-21-Р-2-1/229-11	Рис. 2, 63	3,47	14	Плох. сохр., дефект чеканки(?)
4	ХТ-21-Р-3/1-1153	Рис. 2, 64	4,14	14	Сохр. удовл.
5	ХТ-21-Р-3/149-614	Рис. 2, 65	1,95	12	Сохр. удовл.
6	ХТ-21-Р-3/187-73	Рис. 2, 66	1,72	11	Плох. сохр.
7	ХТ-21-Р-4/770-3	Рис. 2, 67	3,07	14	Плох. сохр.
8	ХТ-21-Р-4/883-2	Рис. 2, 68	1,84	15	Плох. сохр.
9	ХТ-21-Р4/1019-3	Рис. 2, 69	2,62	12	Плох. сохр.
10	ХТ-21-Р4/1561-1	Рис. 2, 70	2,24	12	Плох. сохр., коррозия

11	ХТ-21-Р4/65-507	Рис. 2, 71	2,40	12	Плох. сохр., коррозия
12	ХТ-21-Р4/232-3	Рис. 2, 72	1,30	10	Плох. сохр., коррозия
13	ХТ-21-Р4/2183-14	Рис. 2, 73	3,26	13	Плох. сохр.
14	ХТ-21-Р4/1017-1	Рис. 2, 74	1,90	14	Сохр. удовл.
15	ХТ-21-Р-4/1007-4	Рис. 2, 75	2,68	10	Имеется точечный ободок на реверсе. Плох. сохр., коррозия
16	ХТ-21-Р4/2524-2	Рис. 2, 76	2,33	13	Плох. сохр.
17	ХТ-21-Р4/2604-14	Рис. 3, 77	3,27	15	Плох. сохр.
18	ХТ-21-Р4/2645-37	Рис. 3, 78	3,00	14	Плох. сохр.
19	ХТ-21-Р-4/1112-6	Рис. 3, 79	3,15	13	Плох. сохр.
20	ХТ-21-Р-4/1450-32	Рис. 3, 80	3,32	14	Плох. сохр.
21	ХТ-21-Р-4/1551-1	Рис. 3, 81	2,95	14	Плох. сохр., погнута. Видимо, использована в качестве подвесной печати. На это указывает разорванное отверстие на самом краю и характерная линия разрыва металла, почти по центру одной из сторон
22	ХТ-21-Р-4/2183-15	Рис. 3, 82	2,36	13	Сохр. удовл.
23	ХТ-21-Р-4/2183-17	Рис. 3, 83	4,26	13	Сохр. удовл.
24	ХТ-21-Р-4/1021-3	Рис. 3, 84	2,69	14	Плох сохр.
25	ХТ-21-Р-4/2183-16	Рис. 3, 85	1,41	14	Сохр. удовл.
26	ХТ-21-Р-4/2197-4	Рис. 3, 86	3,48	15	Плох сохр. Перечекан?
27	ХТ-21-Р-4/758-14	Рис. 3, 87	1,95	13	Плох. сохр.
28	ХТ-21-Р-4/769-4	Рис. 3, 88	2,88	13	Плох. сохр.
29	ХТ-21-Р-4/770-2	Рис. 3, 89	2,39	12	Плох. сохр.
30	ХТ-21-Р-4/2548-1	Рис. 3, 90	1,80	12	Плох. сохр.
31	ХТ-21-Р-4.1/21-7	Рис. 3, 91	2,61	12	Плох. сохр., аверс испорчен кавернами
32	ХТ-21-Р-4.1/315-1	Рис. 3, 92	2,64	12	Плох. сохр.
33	ХТ-21-Р-4.1/377-2	Рис. 3, 93	2,39	10	Плох. сохр.
34	ХТ-21-Р-4.1/384-12	Рис. 3, 94	3,07	12	Плох. сохр.
35	ХТ-21-Р-4.1/384-14	Рис. 3, 95	2,00	11	Плох. сохр. На аверсе изображение не видно
36	ХТ-21-Р-4.1/387-2	Рис. 3, 96	3,44	13	Плох. сохр.
37	ХТ-21-Р-4.1/417-5	Рис. 3, 97	2,00	11	Плох. сохр.
38	ХТ-21-Р-4.1/205-8	Рис. 3, 98	2,73	14	Плох. сохр.

Свинцовые тессеры и монетовидные знаки из раскопок Херсонеса 103

39	ХТ-21-Р-4.1/207-12	Рис. 3, 99	3,26	14	Плох. сохр., коррозия
40	ХТ-21-Р-4.1/253-1	Рис. 3, 100	3,40	13	Плох. сохр., коррозия
41	ХТ-21-Р-4.1/382-15	Рис. 3, 101	2,27	12	Плох. сохр.
42	ХТ-21-Р-4.1/394-1	Рис. 3, 102	1,80	13	Плох. сохр.
43	ХТ-21-Р-4.1/405-3	Рис. 3, 103	2,90	15	Плох. сохр., коррозия
44	ХТ-21-Р-4.1/413-1	Рис. 3, 104	2,00	14	Плох. сохр.
45	ХТ-21-Р-4.1/413-4	Рис. 3, 105	2,80	15	Плох. сохр.
46	ХТ-21-Р-4.1/413-6	Рис. 3, 106	1,90	14	Скорее всего, указ. тип. Плох. сохр., коррозия
47	ХТ-21-Р-4.1/417-4	Рис. 3, 107	3,70	13	Плох. сохр.
48	ХТ-21-Р-4.1/425-3	Рис. 3, 108	3,40	13	Хор. сохр.
49	ХТ-21-Р7-752/24	Рис. 3, 109	2,44	14	Плох. сохр.
50	ХТ-21-Р7-907/25	Рис. 3, 110	3,66	9	Скорее всего, указ. тип. Плох. сохр., коррозия
51	ХТ-21-Р8-351/1	Рис. 3, 111	2,21	12	Плох. сохр.
52	ХТ-21-Р-10/1314-4	Рис. 3, 112	3,70	13	Плох. сохр.
53	ХТ-21-Р10.1-304/14	Рис. 3, 113	2,81	12	Плох. сохр.
54	ХТ-21-Р12-391/9	Рис. 3, 114	2,31	11	Указ. тип? Плох. сохр.
55	ХТ-21-Р12-392/7	Рис. 3, 115	2,61	13	Сохр. удовл.
56	ХТ-21-Р12-584/52	Рис. 3, 116	3,06	13	Сохр. удовл.
57	ХТ-21-Р12-601/17	Рис. 3, 117	2,66	12.5	Плох. сохр.
58	ХТ-21-Р12-647/81	Рис. 3, 118	1,79	10	Сохр. удовл.
59	ХТ-21-Р12-458/48	Рис. 3, 119	2,10	12	Плох. сохр., коррозия
60	ХТ-21-Р16-200/1	Рис. 3, 120	2,96	15	Плох. сохр.
61	ХТ-21-Р16-588/1	Рис. 3, 121	1,78	12	Плох. сохр.
62	ХТ-21-Р-17/3-3	Рис. 3, 122	3,61	13	Плох. сохр., коррозия
63	ХТ-21-Р-21/811-59	Рис. 3, 123	2,60	14	Сохр. удовл.
64	ХТ-21-Р-21/997-54	Рис. 3, 124	3,50	15	Плох. сохр.
Л.с. Букраний с тэниями. О.с. Два дельфина вправо.		260-е – 200-е гг. до н.э. (Туровский, Горбатов 2012. Табл. 35, 7); II в. (Фролова, Абрамзон 2014, 109)			
1	ХТ-21-Р1-1/3949	Рис. 3, 125	3,59	15	Плох. сохр.
2	ХТ-21-Р1-1/10864	Рис. 9, 126	3,25	14	Плох. сохр., коррозия
3	ХТ-21-Р1-1/9333	Рис. 4, 127	3,37	13	Указ. тип? Плох. сохр., коррозия. Край обломан
4	ХТ-21-Р-2-1/164-1	Рис. 4, 128	2,82	13	Плох. сохр.
5	ХТ-21-Р-2-1/221-1	Рис. 4, 129	2,57	14	Плох. сохр.
6	ХТ-21-Р-2-1/242-1	Рис. 4, 130	5,05	15	Плох. сохр.

7	ХТ-21-Р-3/1-606	Рис. 4, 131			Сохран. удовл.
8	ХТ-21-Р-3/252-16	Рис. 4, 132	3,56	13	Плох. сохран.
9	ХТ-21-Р-4/867-4	Рис. 4, 133	3,43	18	Сохран. удовл.
10	ХТ-21-Р-4/784-1	Рис. 4, 134	2,93	14	Плох. сохран.
11	ХТ-21-Р4/2031-4	Рис. 4, 135	4,14	16	Плох. сохран.
12	ХТ-21-Р-4/47-1749	Рис. 4, 136	3,10	15	Плох. сохран.
13	ХТ-21-Р4/47-1750	Рис. 4, 137	2,20	16	Плох. сохран., коррозия
14	ХТ-21-Р-4/758-11	Рис. 4, 138	2,60	13	Плох. сохран.
15	ХТ-21-Р4/2577-4	Рис. 4, 139	3,82	15	Плох. сохран. Перечекан?
16	ХТ-21-Р4/2609-6	Рис. 4, 140	2,56	16	Плох. сохран.
17	ХТ-21-Р-4/1037-2	Рис. 4, 141	1,70	17	Плох. сохран.
18	ХТ-21-Р-4/1349-1	Рис. 4, 142	3,48	16	Плох. сохран.
19	ХТ-21-Р-4/1632-3	Рис. 4, 143	2,88	17	Сохран. удовл.
20	ХТ-21-Р-4/1968-2	Рис. 4, 144	1,80	12	Плох. сохран.
21	ХТ-21-Р-4/1983-1	Рис. 4, 145	3,98	17	Плох. сохран.
22	ХТ-21-Р-4/2183-12	Рис. 4, 146	3,34	15.5	Плох. сохран.
23	ХТ-21-Р-4/1263-17	Рис. 4, 147	1,98	14	Указ. тип? Плох. сохран.
24	ХТ-21-Р-4/1624-1	Рис. 4, 148	3,84	15	Сохран. удовл.
25	ХТ-21-Р-4/1911-6	Рис. 4, 149	2,13	10	Сохран. удовл.
26	ХТ-21-Р-4/1983-2	Рис. 4, 150	3,74	17	Плох. сохран.
27	ХТ-21-Р-4/2693-2	Рис. 4, 151	3,32	15	Плох. сохран.
28	ХТ-21-Р-4/238-12	Рис. 4, 152	2,76	15	Плох. сохран., коррозия
29	ХТ-21-Р-4/486-1	Рис. 4, 153	2,39	15	Плох. сохран.
30	ХТ-21-Р-4/728-12	Рис. 4, 154	2,65	16	Плох. сохран.
31	ХТ-21-Р-4/758-12	Рис. 4, 155	2,50	15	Плох. сохран.
32	ХТ-21-Р-4/775-2	Рис. 4, 156	2,47	16	Плох. сохран.
33	ХТ-21-Р-4.1/357-8	Рис. 4, 157	1,51	15	Сохран. удовл.
34	ХТ-21-Р-4.1/384-2	Рис. 4, 158	3,71	15	Плох. сохран., коррозия
35	ХТ-21-Р-4.1/384-9	Рис. 4, 159	2,72	15	Плох. сохран., коррозия
36	ХТ-21-Р-4.1/418-3	Рис. 4, 160	2,80	13	Указ. тип? Плох. сохран., реверс плохо проработан
37	ХТ-21-Р-4.1/419-2	Рис. 4, 161	2,41	16	Плох. сохран. На реверсе несколько процарапанных черточек - граффити
38	ХТ-21-Р-4.1/165-1	Рис. 4, 162	3,30	15	Сохран. удовл.
39	ХТ-21-Р-4.1/175-2	Рис. 4, 163	3,54	15	Плох. сохран., коррозия

Свинцовые тессеры и монетовидные знаки из раскопок Херсонеса 105

40	ХТ-21-Р-4.1/269-2	Рис. 4, 164	4,20	18	Плох. сохр.
41	ХТ-21-Р-4.1/273-6	Рис. 4, 165	2,50	17	Плох. сохр., коррозия У края отверстие
42	ХТ-21-Р-4.1/274-5	Рис. 5, 166	2,00	11	Плох. сохр., коррозия
43	ХТ-21-Р-4.1/301-3	Рис. 5, 167	5,00	17	Плох. сохр., сильно по- терта
44	ХТ-21-Р-4.1/337-4	Рис. 5, 168	3,05	16	Плох. сохр., коррозия
45	ХТ-21-Р-4.1/396-1	Рис. 5, 169	1,50	12	Сохр. удовл.
46	ХТ-21-Р-4.1/404-1	Рис. 5, 170	3,50	16	Плох. сохр.
47	ХТ-21-Р-4.1/404-2	Рис. 5, 171	2,70	17	Плох. сохр. Имеется трещина
48	ХТ-21-Р-4.1/414-1	Рис. 5, 172	3,10	15	Плох. сохр.
49	ХТ-21-Р6/122-152	Рис. 5, 173	3,06	15	Плох. сохр.
50	ХТ-21-Р7-4/315	Рис. 5, 174	2,65	18	Плох. сохр.
51	ХТ-21-Р7-62/3	Рис. 5, 175	2,60	11	Плох. сохр., коррозия
52	ХТ-21-Р7-1077/7	Рис. 5, 176	3,38	16	Плох. сохр.
53	ХТ-21-Р7-251/19	Рис. 5, 177	2,82	15	Плох. сохр.
54	ХТ-21-Р7-461/6	Рис. 5, 178	3,47	14	Плох. сохр., коррозия
55	ХТ-21-Р7-901/24	Рис. 5, 179	2,39	14	Плох. сохр., коррозия
56	ХТ-21-Р7-915/11	Рис. 5, 180	3,77	14	Плох. сохр.
57	ХТ-21-Р-10/1388-42	Рис. 5, 181	3,70	13,5	Плох. сохр.
58	ХТ-21-Р-10/1409-1	Рис. 5, 182	2,29	13	Сохр. удовл.
59	ХТ-21-Р-10/1042-2	Рис. 5, 183	4,70	15	Плох. сохр.
60	ХТ-21-Р10.1-353/10	Рис. 5, 184	3,42	16	Плох. сохр.
61	ХТ-21-Р10.1-315/4	Рис. 5, 185	2,63	15	Плох. сохр., коррозия
62	ХТ-21-Р10.1-263/10	Рис. 5, 186	3,23	14	Плох. сохр., коррозия
63	ХТ-21-Р12-411/28	Рис. 5, 187	2,92	15	Указ. тип? Плох. сохр., коррозия
64	ХТ-21-Р16-326/2	Рис. 5, 188	2,32	14	Сохр. удовл.
65	ХТ-21-Р16-175/1	Рис. 5, 189	2,65	14	Плох. сохр.
66	ХТ-21-Р20-1/16	Рис. 5, 190	2,64	15	Плох. сохр.
67	ХТ-21-Р-21/951-56	Рис. 5, 191	4,70	16	Указ. тип? Плох. сохр., коррозия
68	ХТ-21-Р-21/951-55	Рис. 5, 192	3,50	15	Плох. сохр.
69	ХТ-21-Р-21/1011-52	Рис. 5, 193	2,13	15	Сохр. удовл.
70	ХТ-21-Р-21/1029-5	Рис. 5, 194	3,00	17	Плох. сохр.
71	ХТ-21-Р-21/898-54	Рис. 5, 195	2,60	13	Плох. сохр.

Л.с. Букраний с тэниями. О.с. Краб, держащий в клешнях дельфина (рыбу?).		260-е – 200-е гг. до н.э. (Туровский, Горбатов 2012. Табл. 35, 9); II в. (Фролова, Абрамзон 2014, 109)			
1	ХТ-21-Р-3/295-6	Рис. 5, 196	3,56	15,5	Сохр. удовл.
2	ХТ-21-Р4/191-16	Рис. 5, 197	3,93	13	Указ. тип? Плох. сохр., коррозия
Л.с. Голова Афины в коринфском шлеме вправо. О.с. Сидящий вправо орел, голова повернута назад.		Кон. III – нач. II вв. до н.э. (Туровский, Горбатов 2012. Табл. 35, 10); 225-180 гг. до н.э. (Фролова, Абрамзон 2014, 110)			
1	ХТ-21-Р1-1/9881	Рис. 5, 198	3,02	16	Указ. тип? Плох. сохр., коррозия
2	ХТ-21-Р1-371/2	Рис. 5, 199	5,00	15	Плох. сохр.
3	ХТ-21-Р-3/1-1154	Рис. 5, 200	3,30	16	Сохр. удовл.
4	ХТ-21-Р-3/88-3	Рис. 5, 201	1,15	14	Плох. сохр., край обломан?
5	ХТ-21-Р-4/758-5	Рис. 6, 202	4,25	17	Плох. сохр.
6	ХТ-21-Р-4/1090-10	Рис. 6, 203	3,80	11	Сохр. удовл.
7	ХТ-21-Р-4/916-3	Рис. 6, 204	4,50	14	Указ. тип? Плох. сохр., коррозия. На реверсе – вдавленность квадратной формы (след инструмента?)
8	ХТ-21-Р-4/1210-1	Рис. 6, 205	3,54	15	Плох. сохр.
9	ХТ-21-Р-4/152-32	Рис. 6, 206	3,50	17	Плох. сохр.
10	ХТ-21-Р-4/1039-5	Рис. 6, 207	3,08	15	Плох. сохр.
11	ХТ-21-Р-4/1065-1	Рис. 6, 208	4,77	18	Плох. сохр.
12	ХТ-21-Р-4/798-1	Рис. 6, 209	2,63	17	Плох. сохр.
13	ХТ-21-Р-4/984-18	Рис. 6, 210	3,30	15	Сохр. удовл.
14	ХТ-21-Р-4/1030-10	Рис. 6, 211	3,10	14	Плох. сохр.
15	ХТ-21-Р-4/1118-2	Рис. 6, 212	1,10	14	Указ. тип? Плох. сохр., коррозия Края обломаны
16	ХТ-21-Р-4.1/174-2	Рис. 6, 213	3,33	12	Плох. сохр.
17	ХТ-21-Р-4.1/427-3	Рис. 6, 214	3,07	13,5	Плох. сохр., сильно потерта
18	ХТ-21-Р-10/32-2	Рис. 6, 215	2,20	18	Плох. сохр., коррозия
19	ХТ-21-Р-10/1037-4	Рис. 6, 216	1,90	13	Плох. сохр.
20	ХТ-21-Р12-601/18	Рис. 6, 217	3,68	13	Плох. сохр., коррозия
21	ХТ-21-Р12-611/37	Рис. 6, 218	2,91	13	Указ. тип? Плох. сохр., коррозия

Свинцовые тессеры и монетовидные знаки из раскопок Херсонеса 107

22	ХТ-21-Р12-758/3	Рис. 6, 219	2,91	18	Плох. сохр., коррозия
23	ХТ-21-Р-21/973-56	Рис. 6, 220	2,40	15	Плох. сохр.
Л.с. Букраний с тэниями. О.с. Голова Гермеса в петасе вправо (большой размер монетного кружка).		190-е – 180-е гг. до н.э. (Туровский, Горбатов 2012. Табл. 35, 11); II в. до н.э. (Фролова, Абрамзон 2014, 108)			
1	ХТ-21-Р1-373/8	Рис. 6, 221	4,31	19	Плох. сохр., коррозия
2	ХТ-21-Р-2-1/229-9	Рис. 6, 222	2,69	15	Плох. сохр.
3	ХТ-21-Р-2-1/229-10	Рис. 6, 223	3,23	17	Плох. сохр.
4	ХТ-21-Р-4/608-7	Рис. 6, 224	2,73	16	Сохр. удовл.
5	ХТ-21-Р-4/728-10	Рис. 6, 225	3,62	16	Плох. сохр.
6	ХТ-21-Р-4/863-1	Рис. 6, 226	3,48	16	Сохр. удовл.
7	ХТ-21-Р-4/571-7	Рис. 6, 227	3,18	18	Плох. сохр., коррозия
8	ХТ-21-Р-4/785-1	Рис. 6, 228	3,96	16	Плох. сохр.
9	ХТ-21-Р-4/130-161	Рис. 6, 229	3,48	19	Плох. сохр., коррозия
10	ХТ-21-Р4/824-7	Рис. 6, 230	2,47	15	Плох. сохр., аверс испорчен коррозией
11	ХТ-21-Р4/1636-2	Рис. 6, 231	4,33	16	Указ. тип? Плох. сохр., погнута
12	ХТ-21-Р4/65-604	Рис. 6, 232	2,62	15	Плох. сохр., аверс испорчен коррозией
13	ХТ-21-Р4/229-3	Рис. 6, 233	2,70	15	Сохр. удовл., но, слегка погнута
14	ХТ-21-Р4/273-2	Рис. 6, 234	4,06	16	Сохр. удовл., слегка потерта
15	ХТ-21-Р4/197-1	Рис. 6, 235	2,42	15	Указ. тип? Плох. сохр., коррозия
16	ХТ-21-Р-4/2225-4	Рис. 6, 236	2,84	15	Указ. тип? Плох. сохр., коррозия
17	ХТ-21-Р-4/824-5	Рис. 6, 237	2,58	18	Плох. сохр., коррозия
18	ХТ-21-Р4/2661-7	Рис. 6, 238	2,83	15	Хор. сохр.
19	ХТ-21-Р4/2668-1	Рис. 6, 239	3,45	15	Плох. сохр.
20	ХТ-21-Р-4/47-1719	Рис. 7, 240	2,06	17	Плох. сохр.
21	ХТ-21-Р-4/2226-2	Рис. 7, 241	2,06	17	Плох. сохр.
22	ХТ-21-Р-4/769-6	Рис. 7, 242	3,20	15	Плох. сохр.
23	ХТ-21-Р-4/769-7	Рис. 7, 243	2,70	18	Плох. сохр.
24	ХТ-21-Р-4/769-11	Рис. 7, 244	2,19	15	Плох. сохр., коррозия
25	ХТ-21-Р-4/1107-4	Рис. 7, 245	3,50	15	Плох. сохр., коррозия
26	ХТ-21-Р-4.1/373-1	Рис. 7, 246	2,94	16	Плох. сохр.
27	ХТ-21-Р-4.1/373-2	Рис. 7, 247	3,53	16	Плох. сохр., коррозия

28	ХТ-21-Р-4.1/418-4	Рис. 7, 248	3,50	15	Плох. сохр.
29	ХТ-21-Р-4.1/420-1	Рис. 7, 249	3,50	15	Указ. тип? Плох. сохр., коррозия
30	ХТ-21-Р-4.1/174-3	Рис. 7, 250	3,58	15	Плох. сохр.
31	ХТ-21-Р-4.1/207-11	Рис. 7, 251	3,77	16	Плох. сохр., коррозия
32	ХТ-21-Р-4.1/335-3	Рис. 7, 252	3,20	16	Плох. сохр. Край обломан
33	ХТ-21-Р-4.1/413-2	Рис. 7, 253	3,00	16	Плох. сохр., коррозия
34	ХТ-21-Р-4.1/427-4	Рис. 7, 254	2,10	15	Хор. сохр., но, обломан край
35	ХТ-21-Р-4.1/427-5	Рис. 7, 255	3,67	15	Плох. сохр.
36	ХТ-21-Р7-1052/39	Рис. 7, 256	2,62	15	Плох. сохр., край обломан
37	ХТ-21-Р7-1116/15	Рис. 7, 257	2,73	15	Плох. сохр.
38	ХТ-21-Р7-916/34	Рис. 7, 258	4,20	17	Плох. сохр., коррозия
39	ХТ-21-Р10.1-273/45	Рис. 7, 259	3,55	15	Плох. сохр., коррозия
40	ХТ-21-Р12-105/75	Рис. 7, 260	3,10	17	Сохр. удовл.
41	ХТ-21-Р12-120/3	Рис. 7, 261	1,75	15	Плох. сохр., обломана
42	ХТ-21-Р12-582/9	Рис. 7, 262	3,06	15	Хор. сохр.
43	ХТ-21-Р12-391/13	Рис. 7, 263	3,30	16	Сохр. удовл.
44	ХТ-21-Р16-351/1	Рис. 7, 264	2,56	16	Плох. сохр.
45	ХТ-21-Р-21/669-1	Рис. 7, 265	4,50	18	Плох. сохр., коррозия
46	ХТ-21-Р-21/977-63	Рис. 7, 266	2,50	16	Плох. сохр., коррозия
47	ХТ-21-Р-21/997-53	Рис. 7, 267	3,00	16	Плох. сохр., коррозия
48	ХТ-21-Р-21/573-5	Рис. 7, 268	3,90	17	Указ. тип? Плох. сохр., коррозия
49	ХТ-21-Р-21/595-9	Рис. 7, 269	1,20	17	Плох. сохр., коррозия. Край обломан
50	ХТ-21-Р-21/943-54	Рис. 7, 270	3,00	15	Сохр. удовл.
Л.с. Букраний с тэниями. О.с. Голова Гермеса в петасе вправо (малый размер кружка).		190-е – 180-е гг. до н.э. (Туровский, Горбатов 2012. Табл. 35, 12)			
1	ХТ-21-Р6/36-22	Рис. 7, 271	2,52	14	Плох. сохр.
2	ХТ-21-Р1-219/3	Рис. 7, 272	2,70	14	Плох. сохр.
3	ХТ-21-Р1-455/41	Рис. 7, 273	1,10	13	Сохр. удовл., но обломан крупный фрагмент
4	ХТ-21-Р1-266/3	Рис. 7, 274	1,72	11	Плох. сохр., коррозия

Свинцовые тессеры и монетовидные знаки из раскопок Херсонеса 109

5	ХТ-21-Р1-1/7281	Рис. 7, 275	3,75	13	Указ. тип? Плох. сохр., коррозия
6	ХТ-21-Р-2-1/163-112	Рис. 7, 276	1,97	12	Сохр. удовл.
7	ХТ-21-Р-3/237-17	Рис. 7, 277	2,75	14	Хор. сохр.
8	ХТ-21-Р-3/79-2	Рис. 7, 345	2,71	14	Плох. сохр.
9	ХТ-21-Р4/1-2110	Рис. 7, 278	4,52	14	Плох. сохр.
10	ХТ-21-Р-4/1081-1	Рис. 7, 279	1,69	10	Плох. сохр., дефект чеканки
11	ХТ-21-Р-4/344-2	Рис. 7, 280	2,85	13	Плох. сохр.
12	ХТ-21-Р4/250-23	Рис. 7, 281	1,73	12	Плох. сохр., коррозия
13	ХТ-21-Р4/1598-5	Рис. 7, 282	2,54	14	Указ. тип? Плох. сохр. По-видимому, брак чеканки
14	ХТ-21-Р4/1678-2	Рис. 7, 283	2,17	14	Сохр. удовл.
15	ХТ-21-Р4/65-524	Рис. 7, 284	3,00	13	Указ. тип? Плох. сохр., коррозия
16	ХТ-21-Р4/2064-6	Рис. 7, 285	1,34	11	Сохр. удовл., но, обломан край
17	ХТ-21-Р-4/1019-5	Рис. 7, 286	3,04	12	Плох. сохр.
18	ХТ-21-Р4/2548-1	Рис. 7, 287	0,51	10	Плох. сохр., испорчена коррозией
19	ХТ-21-Р4/2627-5	Рис. 8, 288	2,44	13	Сохр. удовл.
20	ХТ-21-Р-4/47-1736	Рис. 8, 290	2,32	8	Указ. тип? Плох. сохр., коррозия
21	ХТ-21-Р-4/758-13	Рис. 8, 291	1,39	13	Указ. тип? Плох. сохр.
22	ХТ-21-Р-4/1503-13	Рис. 8, 292	1,29	9	Указ. тип? Плох. сохр., реверс – коррозия
23	ХТ-21-Р-4/2630-9	Рис. 8, 293	2,12	14	Плох. сохр.
24	ХТ-21-Р-4/758-20	Рис. 8, 294	3,74	14	Плох. сохр., коррозия
25	ХТ-21-Р-4/769-5	Рис. 8, 295	1,87	13	Плох. сохр., реверс испорчен коррозией
26	ХТ-21-Р-4/870-2	Рис. 8, 296	1,88	13	Медь. Указ. тип? Плох. сохр., коррозия
27	ХТ-21-Р-4/1148-3	Рис. 8, 297	2,30	13	Медь. Хор. сохр.
28	ХТ-21-Р-4/1280-3	Рис. 8, 298	2,47	14	Сохр. удовл.
29	ХТ-21-Р-4.1/210-2	Рис. 8, 299	1,99	12,5	Плох. сохр.
30	ХТ-21-Р-4.1/362-8	Рис. 8, 300	2,81	14	Плох. сохр.
31	ХТ-21-Р-4.1/175-3	Рис. 8, 301	1,97	12	Плох. сохр., коррозия
32	ХТ-21-Р-4.1/175-5	Рис. 8, 302	1,76	12	Плох. сохр.

33	ХТ-21-Р-4.1/175-6	Рис. 8, 303	2,50	13	Сохр. удовл.
34	ХТ-21-Р-4.1/378-4	Рис. 8, 304	2,55	14	Плох. сохр.
35	ХТ-21-Р-4.1/382-14	Рис. 8, 305	1,87	11	Плох. сохр., мелкие царапины
36	ХТ-21-Р-4.1/403-1	Рис. 8, 306	1,90	14	Хор. сохр.
37	ХТ-21-Р-4.1/416-1	Рис. 8, 307	2,50	14	Плох. сохр.
38	ХТ-21-Р-4.1/187-4	Рис. 8, 308	3,16	14	Плох. сохр., коррозия
39	ХТ-21-Р7-56/25	Рис. 8, 309	2,86	14	Плох. сохр., коррозия
40	ХТ-21-Р7-796/12	Рис. 8, 310	2,75	14	Сохр. удовл.
41	ХТ-21-Р8-186/6	Рис. 8, 311	1,60	12	Сохр. удовл.
42	ХТ-21-Р-10/1060-1	Рис. 8, 312	1,00	10	Плох. сохр., реверс забит(?)
43	ХТ-21-Р12-105/74	Рис. 8, 313	1,77	14	Сохр. удовл.
44	ХТ-21-Р12-391/12	Рис. 8, 314	3,64	13	Плох. сохр.
45	ХТ-21-Р12-125/9	Рис. 8, 315	3,34	13	Плох. сохр., коррозия
46	ХТ-21-Р12-439/37	Рис. 8, 316	2,43	13	Плох. сохр., коррозия
47	ХТ-21-Р12-615/22	Рис. 8, 317	2,53	13	Плох. сохр.
48	ХТ-21-Р12-415/17	Рис. 8, 318	4,10	13	Плох. сохр., коррозия
49	ХТ-21-Р12-570/3	Рис. 8, 319	1,14	12	Сохр. удовл.
Л.с. Букраний с тэниями. О.с. Роза.		190-е – 180-е гг. до н.э. (Туровский, Горбатов 2012. Табл. 35, 13)			
1	ХТ-21-Р-4/399-2	Рис. 8, 320	2,04	10	Указ. тип? Плох. сохр., коррозия
Л.с. Букраний с тэниями. О.с. 		Середина (?) II в. до н.э. (Туровский, Горбатов 2012. Табл. 36, 17)			
1	ХТ-21-Р-4/320-31	Рис. 8, 321	2,13	16	Плох. сохр., коррозия
2	ХТ-21-Р12-133/93	Рис. 8, 322	2,23	12	Плох. сохр., коррозия
Л.с. Букраний с тэниями. О.с. П.		Середина (?) II в. до н.э. (Туровский, Горбатов 2012. Табл. 36, 19); II в. (Фролова, Абрамзон 2014, 109)			
1	ХТ-21-Р1-373/3	Рис. 8, 323	3,00	14	Сохр. удовл.
2	ХТ-21-Р-4/769-19	Рис. 8, 324	2,50	13	Плох. сохр., коррозия
3	ХТ-21-Р-4/992-1	Рис. 8, 325	3,09	15	Плох. сохр.
4	ХТ-21-Р-4/1223-5	Рис. 8, 326	2,70	14	Плох. сохр.
5	ХТ-21-Р-4/2054-7	Рис. 8, 327	1,44	12	Указ. тип? Плох. сохр.
6	ХТ-21-Р-4/1069-1	Рис. 8, 328	3,70	16	Указ. тип? Плох. сохр.
7	ХТ-21-Р-21/640-9	Рис. 8, 229	2,70	14	Указ. тип? Плох. сохр., коррозия
Л.с. Фигура Ники влево. О.с. Рог изобилия.		II в. до н.э. (Туровский, Горбатов 2012. Табл. 36, 20)			

Свинцовые тессеры и монетовидные знаки из раскопок Херсонеса 111

1	ХТ-21-Р16-264/1	Рис. 8, 330	2,87	17	Плох. сохр.
2	ХТ-21-Р16-619/7	Рис. 8, 331	1,47	12	Указ. тип? Плох. сохр.
Л.с. Фигура крылатой Ники с ветвью в правой руке, влево. Под рукой ∇. О.с. Треножник, справа ∇.		II в. до н.э. (Туровский, Горбатов 2012. Табл. 36, 22); ок. 150–125 гг. до н.э. (Фролова, Абрамзон 2014, 110)			
1	ХТ-21-Р1-371/21	Рис. 8, 332	4,17	19	Плох. сохр., коррозия
2	ХТ-21-Р4/2183-11	Рис. 8, 333	4,41	14	Сохр. удовл.
3	ХТ-21-Р-4/1223-2	Рис. 8, 334	3,72	16	Плох. сохр.
4	ХТ-21-Р-4/1289-1	Рис. 8, 335	5,21	17	Сохр. удовл., слегка потерта
5	ХТ-21-Р-4/758-15	Рис. 8, 336	4,09	17	Плох. сохр.
6	ХТ-21-Р-21/347-52	Рис. 8, 337	4,70	16	Плох. сохр.
7	ХТ-21-Р-21/631-1	Рис. 8, 338	3,20	17	Плох. сохр. На аверсе процарапаны буквы «Λ»? и «Α»
8	ХТ-21-Р-21/669-3	Рис. 8, 339	4,33	17	Плох. сохр. Ближе к центру – отверстие
9	ХТ-21-Р-21/956-56	Рис. 8, 340	2,83	16	Плох. сохр.
10	ХТ-21-Р4/2031-2	Рис. 9, 359	2,78	13	Плох. сохр.
Л.с. Крылатая Ника с венком вправо. О.с. Лира		Середина II в. до н.э. (Туровский, Горбатов 2012. Табл. 36, 27)			
1	ХТ-21-Р16-475/1	Рис. 8, 341	2,87	17	Плох. сохр..
Л.с. Амфора с двумя ручками. О.с. Чистая.		II в. до н.э. (Туровский, Горбатов 2012. Табл. 36, 28)			
1	ХТ-21-Р-4/1110-1	Рис. 8, 342	4,03	14	Плох. сохр., перечеканка.
Л.с. Букраний. О.с. Неясно.		III–II вв. до н.э.			
1	ХТ-21-Р-2-1/53-19	Рис. 8, 343	1,38	10	Плох. сохр.
2	ХТ-21-Р-2-1/155-1	Рис. 8, 344	2,96	14	Плох. сохр.
3	ХТ-21-Р-3/173-40	Рис. 9, 346	1,56	12	Плох. сохр.
4	ХТ-21-Р-3/284-7	Рис. 9, 347	2,75	17	Плох. сохр.
5	ХТ-21-Р-4/644-29	Рис. 9, 348	2,06	12	Плох. сохр., побита
6	ХТ-21-Р-4/1887-8	Рис. 9, 350	5,40	23	Плох. сохр., коррозия
7	ХТ-21-Р-4/2018-3	Рис. 9, 351	1,82	13	Плох. сохр., коррозия
8	ХТ-21-Р-4/2691-1	Рис. 9, 352	2,83	15	Плох. сохр., коррозия
9	ХТ-21-Р-4.1/206-21	Рис. 9, 353	1,96	15	Плох. сохр.

10	ХТ-21-Р-4.1/373-5	Рис. 9, 354	3,43	15	Плох. сохр., реверс забит(?)
11	ХТ-21-Р7-41/66	Рис. 9, 355	3,91	19	Плох. сохр. В центре – отверстие
12	ХТ-21-Р7-916/33	Рис. 9, 356	2,90	14	Плох. сохр., реверс испорчен коррозией
13	ХТ-21-Р-10/5-68	Рис. 9, 357	1,90	12	Плох. сохр., коррозия
14	ХТ-21-Р12-120/2	Рис. 9, 358	4,28	13	Плох. сохр.
Л.с. Голова Девы вправо. О.с. Рыба влево, под ней – букраний?		(неизвестная разновидность) Втор. пол. III в. до н.э. (А.Т.)			
1	ХТ-21-Р-4.1/373-6	Рис. 9, 360	5,12	20	Плох. сохр., следы механических повреждений.
Л.с. Голова Гермеса в петасе вправо, ниже – кадуцей. О.с. Рог изобилия.		(неизвестная разновидность) Перв. четв. II в. до н.э. (?) (А.Т.)			
1	ХТ-21-Р-10/11-37	Рис. 9, 361	2,35	14	Плох. сохр.
2	ХТ-21-Р-4/1080-1	Рис. 9, 362	1,98	14	Указ. тип? Плох. сохр., коррозия
3	ХТ-21-Р-4/958-11	Рис. 9, 363	3,50	14	Плох. сохр.
Л.с. Голова Гермеса в петасе вправо. О.с. Чистая?		(неизвестная разновидность) Перв. пол. II в. до н.э. (А.Т.)			
1	ХТ-21-Р-4/761-1	Рис. 9, 364	1,51	13	Плох. сохр. На аверсе, позади головы Гермеса прямоугольная надчеканка – кадуцей (?).
Л.с. Голова безбородого мужчины (юноши?) в повязке (головном уборе?) вправо. О.с. Лира.		(неизвестная разновидность) Перв. пол. II в. до н.э. (А.Т.)			
1	ХТ-21-Р-4/47-1737	Рис. 9, 365	1,98	13	Хор. сохр.

Л.с. На черте крылатый Эрот анфас, левой рукой облокотился о факел, который опирается на небольшой алтарь. Левая нога согнута и перекрещена с правой под коленом. О.с. Чистая.		(неизвестная разновидность) Перв. пол. II в. до н.э. (А.Т.)			
1	ХТ-21-Р-4/1533-13	Рис. 9, 366	4,58	15	Плох. сохр.
Л.с. Голова вправо. О.с. Три широкие линии, исходящие из одного центра, напоминающие стрелку.		(неизвестная разновидность) III–II вв. до н.э. (А.Т.)			
1	ХТ-21-Р12-530/5	Рис. 9, 367	1,65	12	Плох. сохр., сильно потерта
Л.с. Голова вправо (?). О.с. Вдавленные линии, напоминающие буквы Z и T друг на друге.		(неизвестная разновидность) III–II вв. до н.э. (А.Т.)			
1	ХТ-21-Р12-410/24	Рис. 9, 368	2,61	15	Плох. сохр.
Л.с. Четыре перекрещенных полосы. О.с. Чистая.		(неизвестная разновидность) III–II вв. до н.э. (А.Т.)			
1	ХТ-21-Р-10/195-3	Рис. 9, 369	2,00	14	Плох. сохр., слабо прочеканена
Л.с. Голова Девы(?) вправо. О.с. Лук(?) и колчан.		III–II вв. до н.э. (А.Т.)			
1	ХТ-21-Р-4/1247	Рис. 9, 370	20,65	28	Плох. сохр. На аверсе граффити – «не законченная свастика»
Л.с. Мужская(?) голова вправо. О.с. Чистая(?)		II в. до н.э. (А.Т.)			
1	ХТ-21-Р1-1/6537	Рис. 9, 371	5,19	26	Плох. сохр., коррозия
Свинцовый монетовидный диск.		Самодельная печать – моливдовул? Византийский период (А.Т.)			

1	ХТ-21-Р-4/955-1	Рис. 9, 372	10,44	17	Поверхности испещрены мелкими черточками – имитация рисунка? На обеих сторонах прочерчены «широкие» кресты, в которые вписаны кресты из простых линий
---	-----------------	-------------	-------	----	---

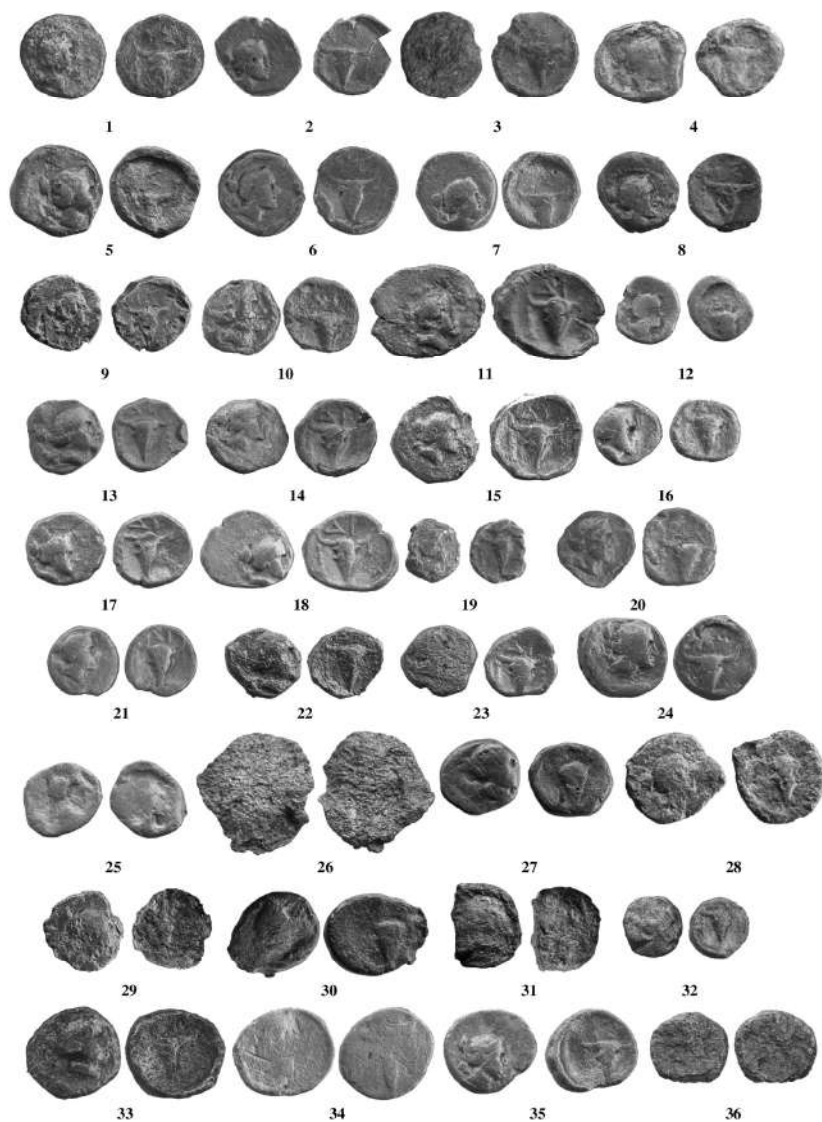

Рис. 1. Тессеры из раскопок Херсонеса 2021–2023

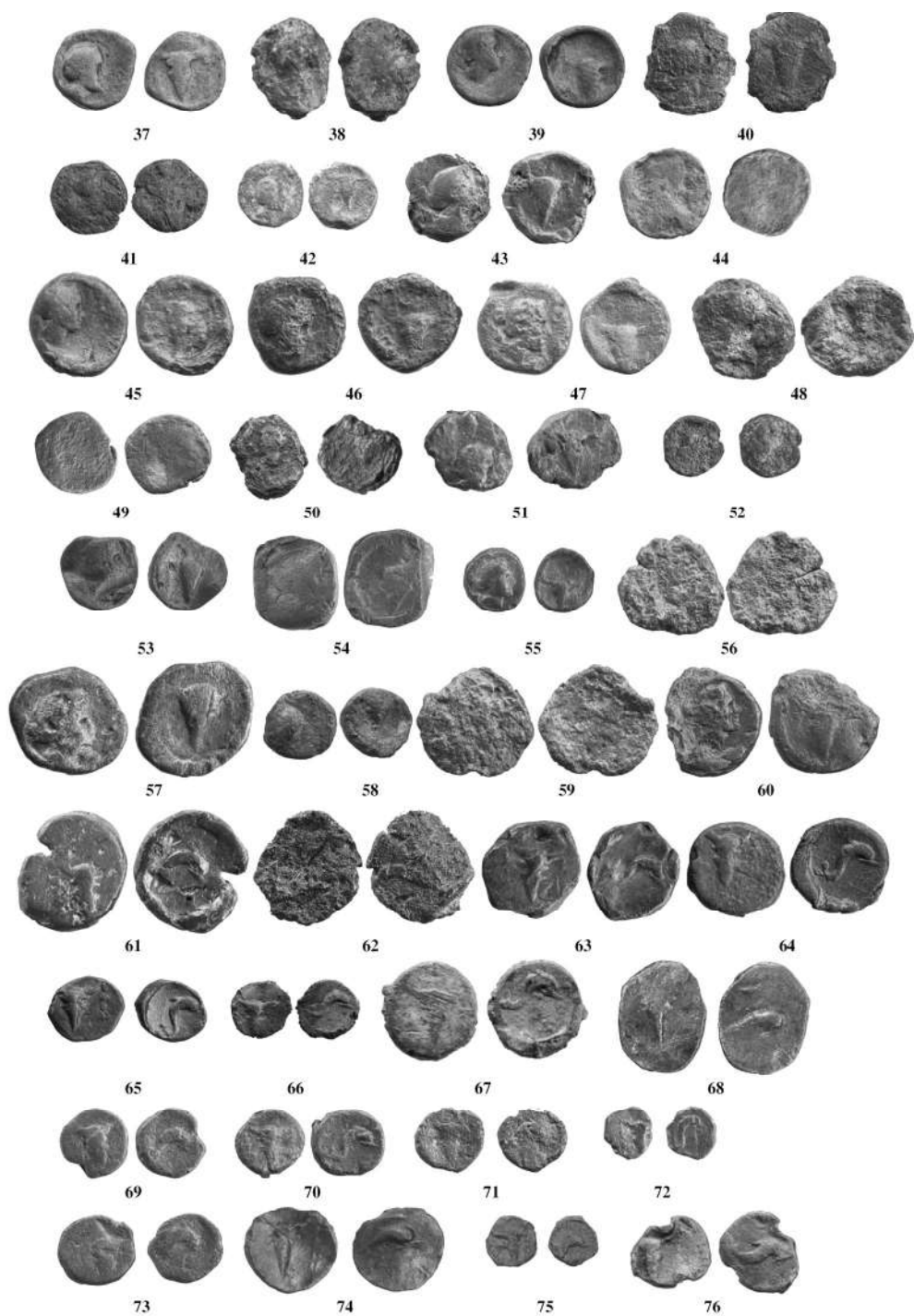

Рис. 2. Тессеры из раскопок Херсонеса 2021–2023

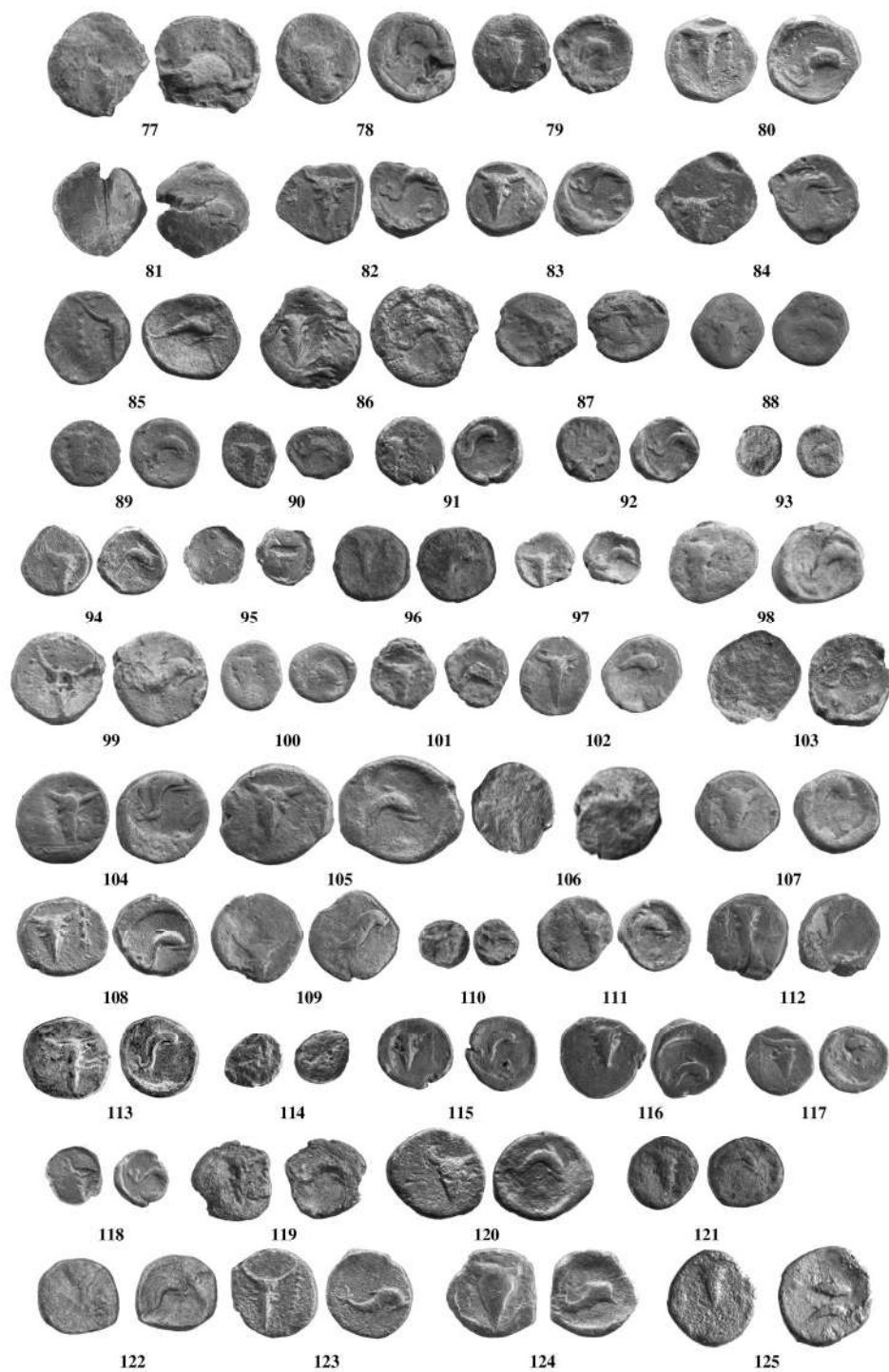

Рис. 3. Тессеры из раскопок Херсонеса 2021–2023

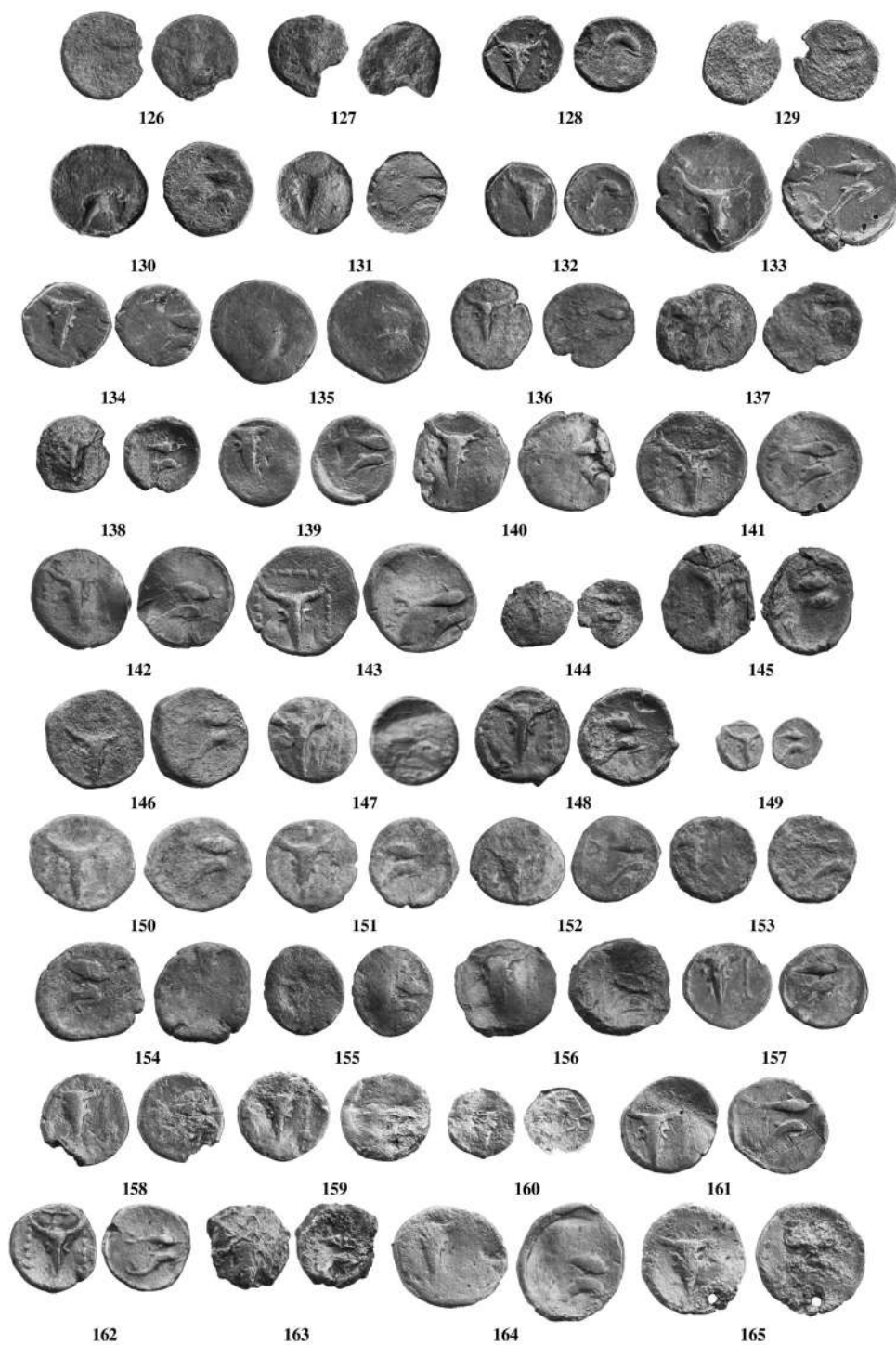

Рис. 4. Тессеры из раскопок Херсонеса 2021–2023

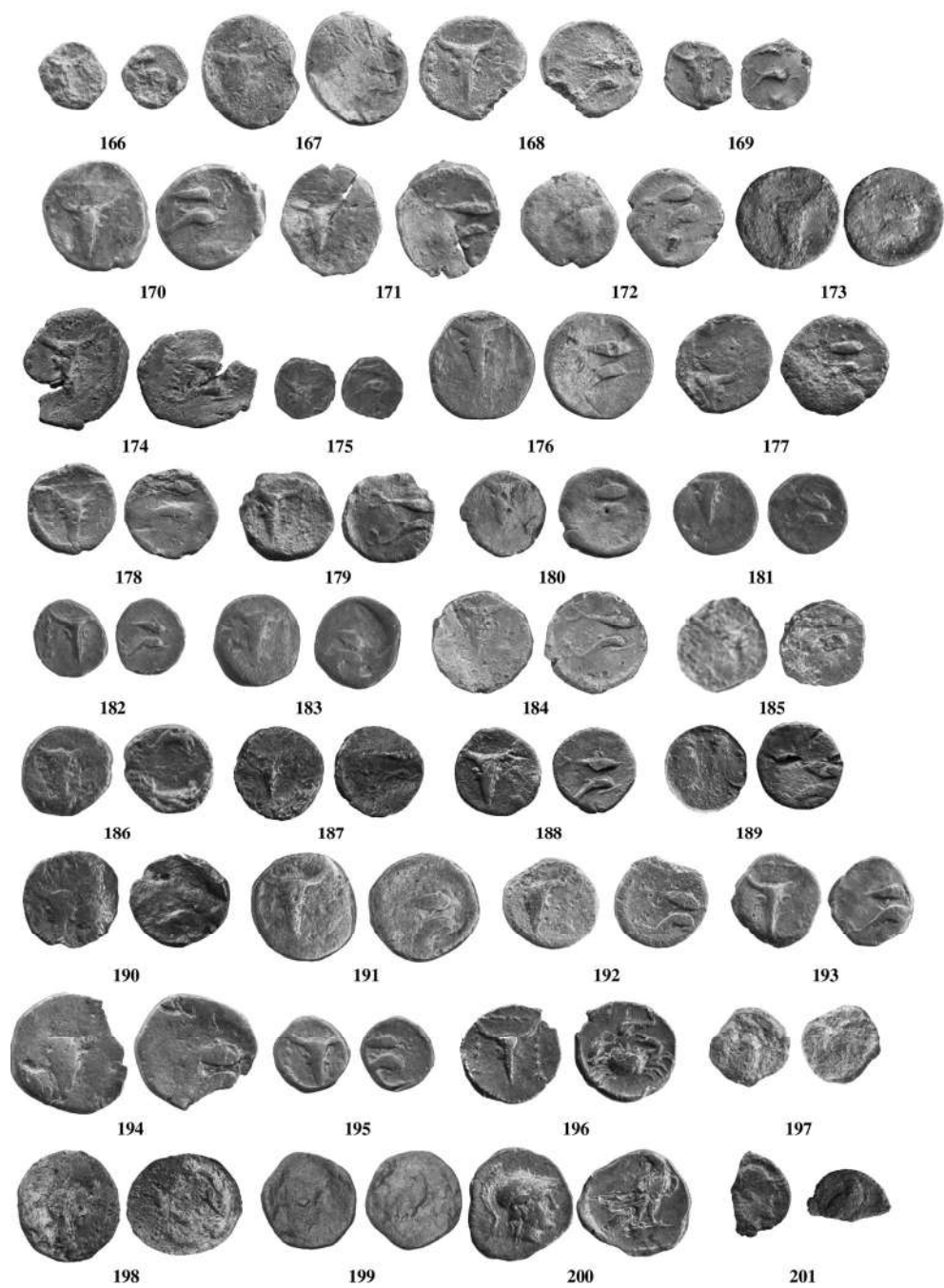

Рис. 5. Тессеры из раскопок Херсонеса 2021–2023

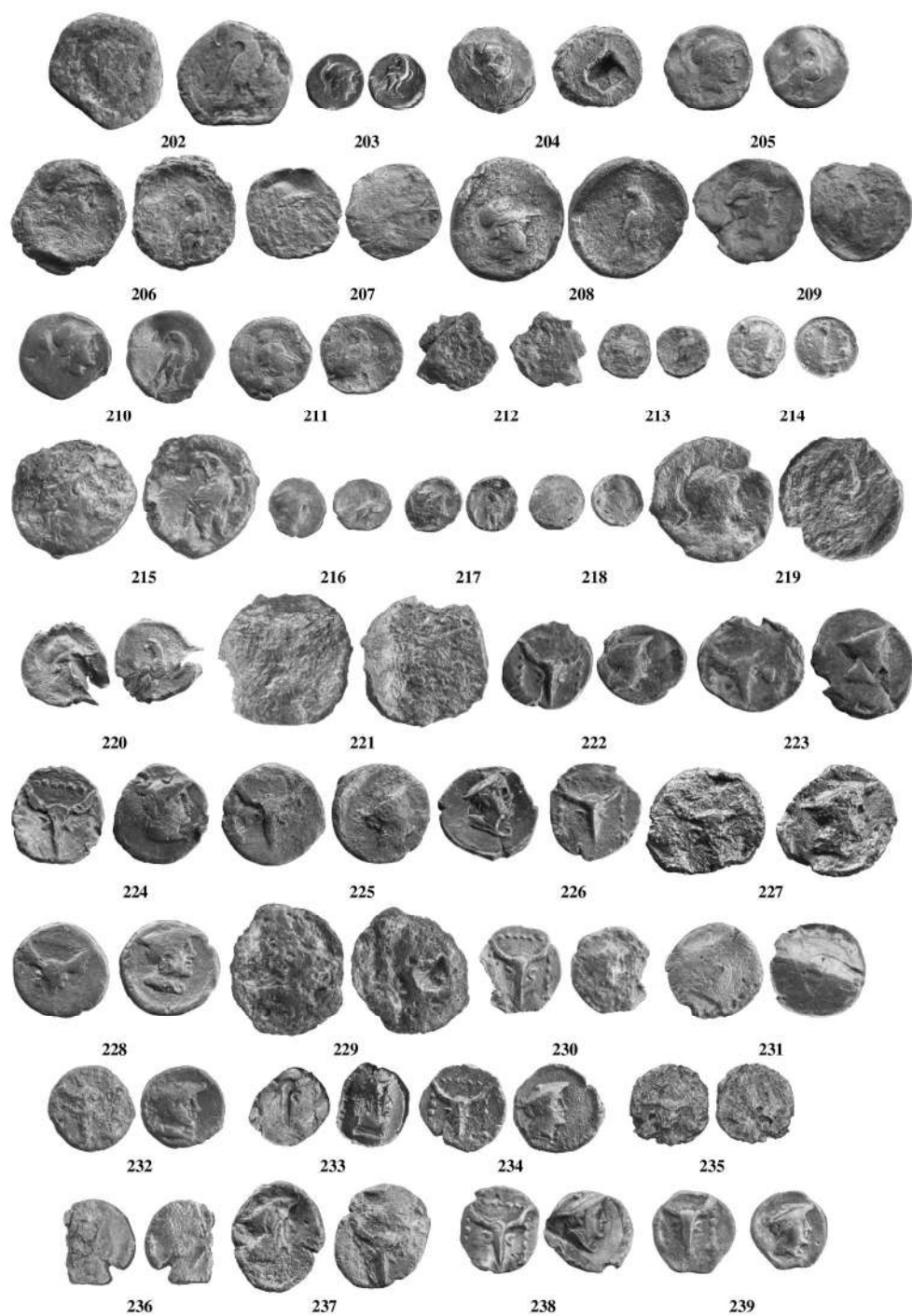

Рис. 6. Тессеры из раскопок Херсонеса 2021–2023

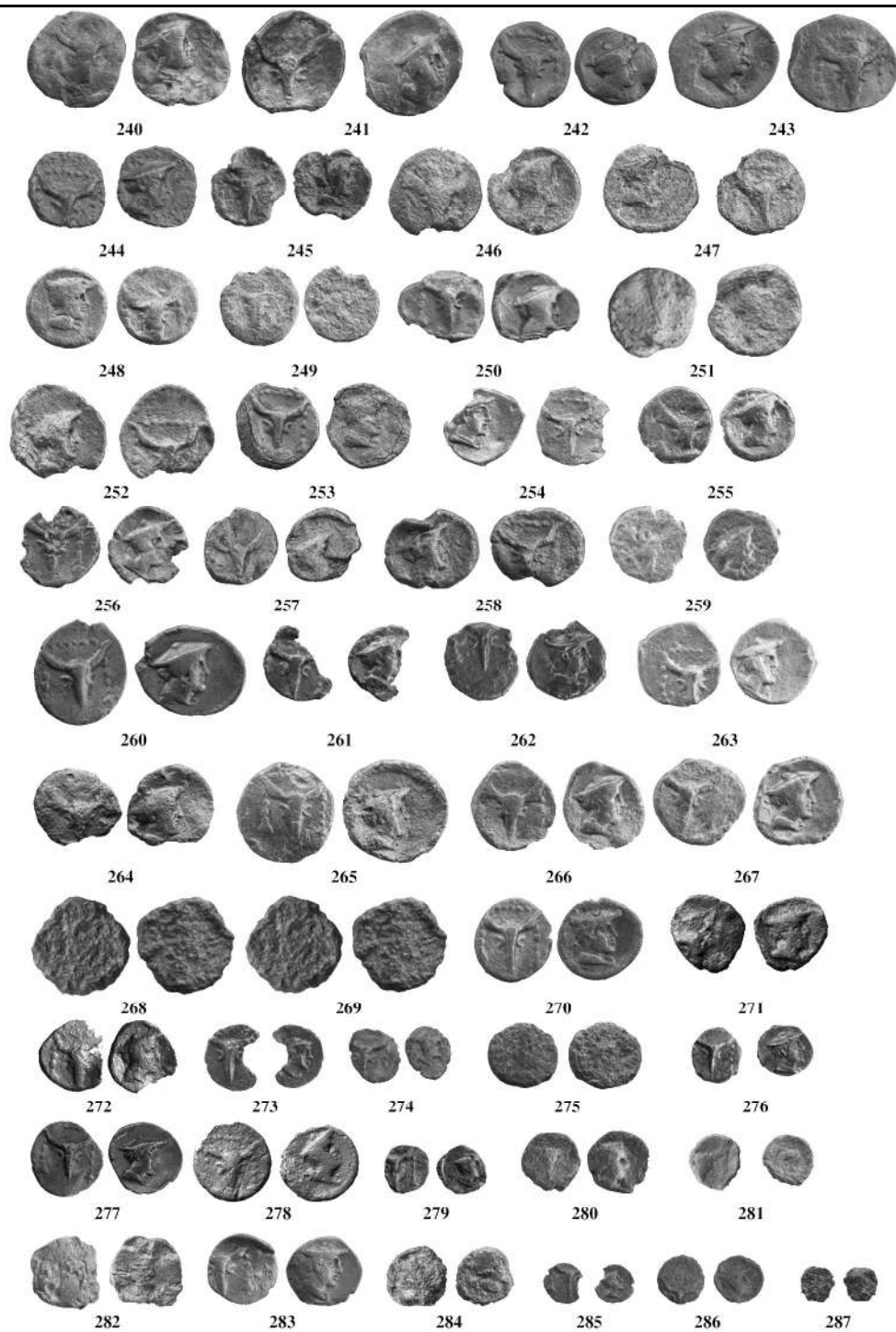

Рис. 7. Тессеры из раскопок Херсонеса 2021–2023

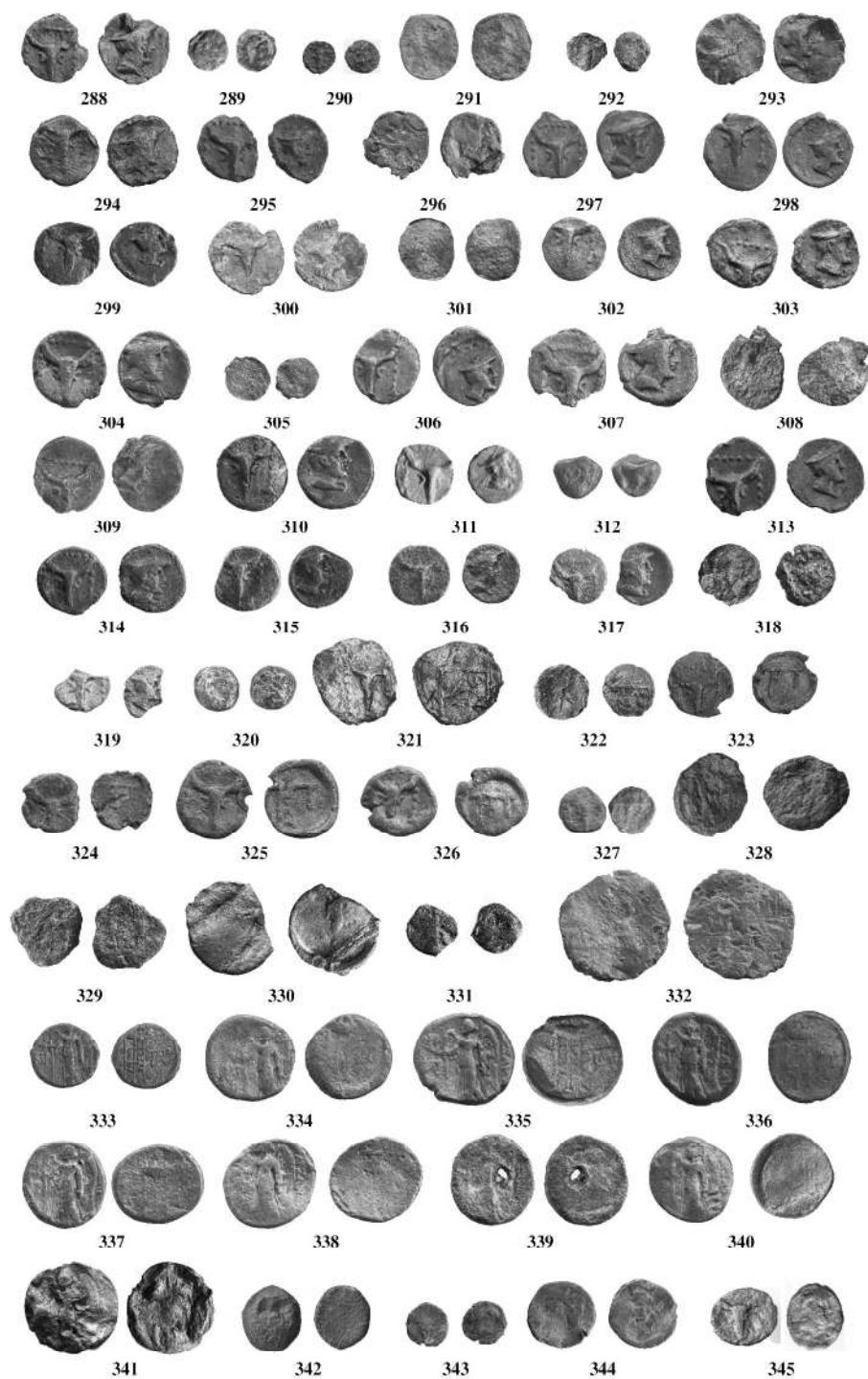

Рис. 8. Тессеры из раскопок Херсонеса 2021–2023

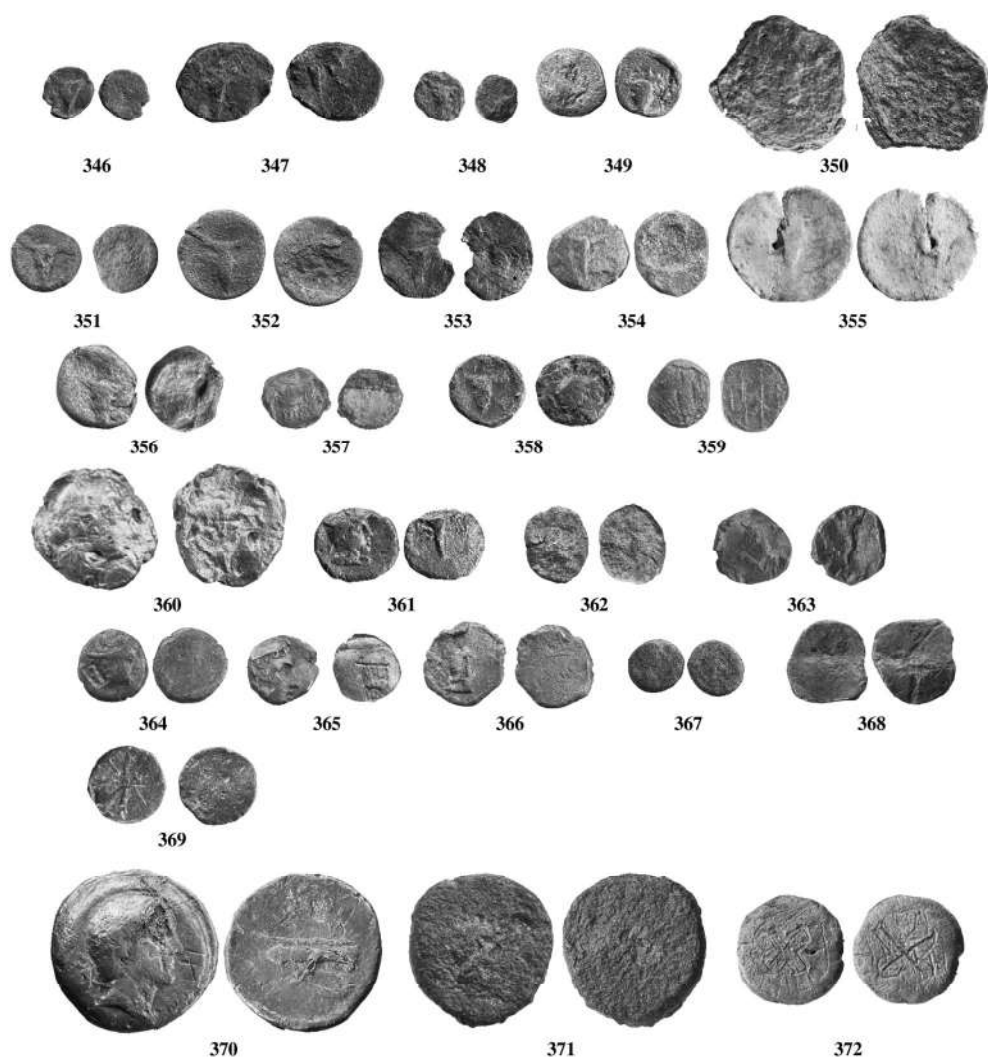

Рис. 9. Тессеры и монетовидные знаки из раскопок Херсонеса 2021–2023

Рис. 10. 1, 2 – Херсонес, дихалк. Кон. III – перв. четв. II в. до н.э. или втор. пол. II в. до н.э.; 3 – Херсонес, тессера. Сер. IV в. до н.э.; 4 – Херсонес. Дихалк. 350–330 гг. до н.э.; 5 – Херсонес. Дихалк. 260–240 гг. до н.э. или 200–190 гг. до н.э.; 6 – Херсонес. Дихалк. Перв. четв. II в. до н.э. или 130–120 гг. до н.э.; 7 – Никополь-на-Истре. Коммод (177–192); 8 – Филиппополь. Септимий Север (193–211); 9 – Филиппополь. Гета (198–209); 10 – Пауталия. Гета (198–209); 11 – Пруса. Каракалла (198–217); 12 – Томы. Каракалла (198–217); 13 – Сердика. Каракалла (198–217); 14 – Адрианополь. Каракалла (198–217); 15, 16 – геммы. Берлин. III–II вв. до н.э.; 17, 17а – золотая серьга с геммой и $\gamma\eta\xi\eta\beta\psi\delta\rho\phi$. Некрополь юж. пригорода Херсонеса. Раскопки 2021–2023

- Анохин, В.А. 2016: *Монеты Северного Причерноморья и царей Колхиды*. Киев.
- Бибиков, С.Н. (ред.) 1976: *Античная скульптура Херсонеса*. Киев.
- Грандмезон, Н.Н. 1978: Свинцовые монеты Херсонеса. *НЭ XII*, 41–46.
- Демьянчук, С.Г. 2019: Новые находки свинцовых монет из окрестностей Херсонеса Таврического. В сб.: Н.А. Алексеенко (ред.), «*ПриПОНТийский меняла: деньги местного рынка*». VI Международный нумизматический симпозиум (Севастополь, Балаклава 16–20.09.2019 г.). *Материалы научной конференции*. Симферополь, 47–54.
- Коваленко, С.А. 2004: Об одном феномене херсонесской нумизматики. *БИ VII*, 125–167.
- Краснодубец, Е.М. 2020: Отгиски эллинистических перстней-печатей с изображением Эротов из Херсонеса Таврического и его хоры. *ХСб XXI*, 17–28.
- Неверов, О.Я. 1976: *Античные инталии в собрании Эрмитажа*. Л.
- Коршенко, А.Н. 2023: Гермес на свинцовых тессерах Тамани. В сб.: *Двадцать вторая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. Смоленск, 22–26 мая 2023 г.* Смоленск, 19–23.
- Попова, Е.А. 2024: Новая находка «свинца» на городище «Чайка» в Северо-Западном Крыму: к проблеме атрибуции херсонесских монетовидных знаков. *КСИА 274*, 183–195.
- Ростовцев, М.И. 1903: Римские свинцовые тессеры. СПб.
- Сидоренко, В.А. 2019: Херсонесские свинцовые тессеры. В сб.: Н.А. Алексеенко (ред.), «*ПриПОНТийский меняла: деньги местного рынка*». VI Международный нумизматический симпозиум (Севастополь, Балаклава 16–20.09.2019 г.). *Материалы научной конференции*. Симферополь, 113–117.
- Соловьева, Н.Ф., Виноградов, Ю.А., Мыц, В.Л., Соловьев, С.Л., Вахонеев, В.В. 2024: Краткие итоги археологических раскопок Южного пригорода Херсонеса. *Бюллетень ИИМК РАН (охранная археология)* 15, 17–28.
- Строкин, В.Л. 2009: Свинцовая TERRA INCOGNITA. В сб.: *Боспорский феномен: искусство на периферии античного мира*. СПб., 375–381.
- Туровский, Е.Я. 2018: *Монеты античного Херсонеса: каталог-определитель*. Севастополь.
- Туровский, Е.Я., Горбатов, В.М. 2012: *Монеты античного и средневекового Херсонеса. Каталог-определитель*. Симферополь.
- Фролова, Н.А., Абрамзон, М.Г. 2014: *Античные монеты и свинцовые тессеры Херсонеса Таврического в собрании Государственного исторического музея*. М.
- Цепков, Ю.А. 2016: Новые типы античных херсонесских тессеров. В сб.: Н.А. Алексеенко (ред.), «*ПриПОНТийский меняла: деньги местного рынка*». Тезисы докладов и сообщений IV Международного Нумизматического Симпозиума (Севастополь, 04 – 08.09. 2016). Симферополь, 109–112.
- Цепков, Ю.А. 2020: Несколько новых неопубликованных типов херсонесских свинцовых «тессер». В сб.: Н.А. Алексеенко (ред.), «*ПриПОНТийский меняла: деньги местного рынка*». Тезисы докладов и сообщений VII Международного Нумизматического Симпозиума (Судак, 21–25.09. 2020). Симферополь, 229–238.
- Шауб, И.Ю. 1981: Пантикапейский Эрот-Геракл. *КСИА 168*, 41–42.
- Шауб, И.Ю. 2007: *Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII–IV вв. до н.э.* СПб.
- Шауб, И.Ю. 2023: К интерпретации одной разновидности херсонесских терракот (Эрот или Танатос?). *Археологические вести* 41, 247–257.
- Furtwängler, A. 1896: *Beschreibung der geschnittenen Steine im Antiquarium*. Berlin.
- Kovalenko, S.A. 2002: Struck Lead Pieces from Tauric Chersonesos: Coins or Tesserae? *NC 162*, 33–58.

REFERENCES

- Anokhin, V.A. 2016: *Monety Severnogo Prichernomor'ya i tsarey Kolkhidy* [Coins of the Northern Black Sea Region and the Kings of Colchis]. Kiev.
- Bibikov, S.N. (red.) 1976: *Antichnaya skul'ptura Khersonesa* [Ancient Sculpture of Chersonesus]. Kiev.
- Demyanchuk, S.G. 2019: Novye nakhodki svintsovykh monet iz okrestnostey Khersonesa Tavricheskogo [New Finds of Lead Coins from the Vicinity of Tauric Chersonesus. In: N.A. Alekseenko (ed.), «PriPONTiyskiy menyala: den'gi mestnogo rynka». VI Mezhdunarodnyy numizmaticheskiy simpozium (Sevastopol', Balaklava 16–20.09.2019 g.). *Materialy nauchnoy konferentsii* ["Pontic Money-Changer: Money of the Local Market". VIth International Numismatic Symposium (Sevastopol, Balaklava 16–20.09.2019). *Proceedings of Academic Conference*]. Simferopol, 47–54.
- Frolova, N.A., Abramzon, M.G. 2014: *Antichnye monety i svintsovye tessery KHersonesa Tavricheskogo v sobranii Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [Ancient Coins and Lead Tesserae of Chersonesus Taurica in the State Historical Museum]. Moscow.
- Furtwängler, A. 1896: *Beschreibung der geschnittenen Steine im Antiquarium*. Berlin.
- Grandmezon, N.N. 1978: Svintsovye monety Khersonesa [Lead Coins of Chersonesus]. *Numizmatika i Epigrafika* [Numismatics and Epigraphy] XII, 41–46.
- Korshenko, A.N. 2023: Germes na svintsovykh tesserakh Tamani [Hermes on Lead Tesserae of the Taman]. In: *Dvadtsat' vtoraya Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya. Tezisy dokladov i soobshcheniy. Smolensk, 22–26 maya 2023 g.* [Twenty-Second All-Russian Numismatic Conference. Abstracts. Smolensk, May 22–26, 2023]. Smolensk, 19–23.
- Kovalenko, S.A. 2002: Struck Lead Pieces from Tauric Chersonesus: Coins or Tesserae? *NC* 162, 33–58.
- Kovalenko, S.A. 2004: Ob odnom fenomene khersonesskoy numizmatiki. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporos Studies] VII, 125–167.
- Krasnodubets, E.M. 2020: Ottiski ellinisticheskikh perstney-pechatey s izobrazheniem Erotov iz Khersonesa Tavricheskogo i ego khory [Impressions of Hellenistic Rings Depicting Eros from Chersonesus Taurica and its Chora]. *Khersonesskiy sbornik* [Chersonesus Collection] XXI, 17–28.
- Neverov, O.Ya. 1976: *Antichnye intalii v sobranii Ermitazha* [Antique Intaglios in the Hermitage]. Leningrad.
- Popova, E.A. 2024: Novaya nakhodka «svints» na gorodishche «Chayka» v Severo-Zapadnom Krymu: k probleme atributsii khersonesskikh monetovidnykh znakov [New Find of 'Lead' Piece at the Chayka Fortified Settlement in Northwestern Crimea: the Attribution of Chersonese Coin-Like Pieces Revisited]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkhologii* [Brief Communications of Institute of Archaeology] 274, 183–195.
- Rostovtsev, M.I. 1903: *Rimskie svintsovye tessery* [Roman Lead Tesserae]. Saint Petersburg.
- Shaub, I.Yu. 1981: Pantikapeyskiy Erot-Gerakl [Panticapaeon Eros-Heracles]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkhologii* [Brief Communications of Institute of Archaeology] 168, 41–42.
- Shaub, I.Yu. 2007: *Mif, kul't, ritual v Severnom Prichernomor'e VII–IV vv. do n.e.* [Myth, Cult, Ritual in the Northern Black Sea Region of the 6th–4th Centuries BC]. Saint Petersburg.
- Shaub, I.Yu. 2023: K interpretatsii odnoy raznovidnosti khersonesskikh terrakot (Erot ili Tanatos?) [On the interpretation of one type of Chersonesus terracotta (Eros or Thanatos?). *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological Bulletin] 41, 247–257.
- Sidorenko, V.A. 2019: Khersonesskie svintsovye tessery [Chersonesus Lead Tesserae]. In: N.A. Alekseenko (ed.), «PriPONTiyskiy menyala: den'gi mestnogo rynka». VI Mezhdunarodnyy numizmaticheskiy simpozium (Sevastopol', Balaklava 16–20.09.2019 g.). *Materialy nauchnoy konferentsii* ["Pontic Money-Changer: Money of the Local Market". VIth International Numismatic Symposium (Sevastopol, Balaklava 16–20.09.2019). *Proceedings of Academic Conference*]. Simferopol, 113–117.

- Solovyeva, N.F., Vinogradov, Yu.A., Myts, V.L., Solovyev, S.L., Vakhoneev, V.V. 2024: Kratkie itogi arkheologicheskikh raskopok Yuzhnogo prigoroda Khersonesa [Brief Results of archaeological excavations of the Southern suburb of Chersonesus]. *Byulleten' Instituta istorii material'noy kul'tury RAN (okhrannaya arkheologiya)* [Bulletin of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences (Protective Archaeology)] 15, 17–28.
- Strokin, V.L. 2009: Svintsovaya TERRA INCOGNITA [Lead TERRA INCOGNITA]. In: *Bosporskiy fenomen: iskusstvo na periferii antichnogo mira* [The Bosporan Phenomenon: Art on the Periphery of the Ancient World]. Saint Petersburg, 375–381.
- Tsepkov, Yu.A. 2016: Novye tipy antichnykh khersonesskikh tesserov [New Types of Ancient Chersonesus Tesserae]. In: N.A. Alekseenko (ed.), «PriPONTiyskiy menyala: den'gi mestnogo rynka». *Tezisy dokladov i soobshcheniy IV Mezhdunarodnogo Numizmaticheskogo Simpoziuma (Sevastopol', 04 – 08.09. 2016)* [“Pontic Money-Changer: Money of the Local Market”. *IVth International Numismatic Symposium (Sevastopol, 04 – 08.09. 2016). Proceedings of Academic Conference*]. Simferopol, 109–112.
- Tsepkov, Yu.A. 2020: Neskol'ko novykh neopublikovannykh tipov khersonesskikh svintsovykh «tesser» [Several New Unpublished Types of Chersonesus Lead “Tesserae”]. In: N.A. Alekseenko (ed.), «PriPONTiyskiy menyala: den'gi mestnogo rynka». *Tezisy dokladov i soobshcheniy VII Mezhdunarodnogo Numizmaticheskogo Simpoziuma (Sudak, 21–25.09. 2020)* [“Pontic Money-Changer: Money of the Local Market”. *VIIth International Numismatic Symposium (Sudak, 21–25.09. 2020)*]. Simferopol, 229–238.
- Turovskiy, E.Ya. 2018: *Monety antichnogo Khersonesa: katalog-opredelitel'* [Ancient Coins of Chersonesus. A Catalogue]. Sevastopol.
- Turovskiy, E.Ya., Gorbatov, V.M. 2012: *Monety antichnogo i srednevekovogo Khersonesa. Katalog-opredelitel'* [Coins of Ancient and Medieval Chersonesus. A Catalogue]. Simferopol.

LEAD TESSERAE AND COIN-LIKE PIECES FROM 2021–2023 EXCAVATIONS AT CHERSONESUS

Andrey E. Tereshchenko

State Russian Museum, Saint Petersburg, Russia

E-mail: andrtereshhen@yandex.ru

The paper is a publication of lead tesserae and coin-like pieces from excavations by the archaeological expedition of the Institute for the History of Material Culture RAS at the southern suburb of Chersonesus in 2021–2023. A total of 369 lead pieces of 24 types were retrieved, including 8 types previously unknown. The vast majority (262 pieces) were discovered on the territory where there was a sacred site with a mausoleum (heroum), a temple in antae, an altar, rooms for gifts, pilgrims and priests, a stone-paved courtyard for processions, a sacred spring (nymphaeum). This fact allowed the author to join the opinion that these signs are tesserae, the images on which had a cult and votive significance. The free distribution of food during religious festivals and other ceremonies was regulated by the tesserae.

Keywords: Chersonesus Taurica, tesserae, lead coin-shaped tokens

DOI: 10.18503/1992-0431-2025-1-87-127–137

СИСТЕМА ФОРТИФИКАЦИИ ГОРОДИЩ ДОНСКИХ МЕОТОВ I–III вв. н.э.: СТРУКТУРА И ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

В.И. Стреляев

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия*

E-mail: vistrelyaev@hse.ru

ORCID: 0000-0001-7970-1835

В статье проводится сравнительный анализ локальных особенностей фортификации десяти городищ донских меотв I–III вв. н.э. в окрестностях Танаиса (Мокро-Чалтырское, Кобяковское, Темерницкое, Нижне-Гниловское, Кизитериновское, Сухо-Чалтырское, Хапrowsкое, Ростовское, Подазовское и Крепостное/Азовское). Рассматривалось обустройство цитаделей, линии рвов, отсутствие второй линии рвов, земляные валы, в частности, приемы укрепления земляных насыпей, частокол и уникальная каменная постройка Сухо-Чалтырского городища.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, меоты, Танаис, фортификация, античное военное дело

На рубеже эр часть меотв мигрировала на территорию Нижнего Дона, где основала ряд поселений вокруг Танаиса¹. Десять городищ (Мокро-Чалтырское, Кобяковское, Темерницкое, Нижне-Гниловское, Кизитериновское, Сухо-Чалтырское, Хапrowsкое, Ростовское, Подазовское и Крепостное/Азовское) просуществовали до середины III в. н.э., не пережив Танаис, разрушенный в 240-е гг. н.э. Окружающие Танаис меотские городища были тесно связаны с ним не только не только экономически – полис в значительной мере определял их жизнь и историю². Это влияние прослеживается, прежде всего, по находкам на территории городищ греческих столовой посуды, амфор, украшений³. Однако данное влияние в сфере военного дела и фортификации до сих пор не являлось предметом специального исследования. Отсутствует и единая картина типологизации и анализа укреплений.

Данные об авторе. Вячеслав Иванович Стреляев – аспирант Института классического Востока и античности, ассистент Школы исторических наук НИУ ВШЭ.

¹ Каменецкий 2011, 199.

² Каменецкий 2011, 222.

³ Горбенко, Косяненко 2015, 116–118; Науменко, Гугуев 2020, 269–271.

Фортификация меотских городищ фиксировалась на планах местности с XVIII в. Особо следует отметить план крепости Святого Дмитрия Ростовского А.И. Ригельмана 1768 г. и план Нахичевана 1811 г., сохранившийся в виде копии 1914 г., а также заметки венецианского инженера А.Л. Де-Романо⁴ и И.А. Стемповского⁵, в которых определяются древние крепости. Эти документы особенно важным в связи с современной застройкой территорий меотских городищ в Ростовской области. Представляют интерес и работы донских краеведов-любителей Х.И. Попова, В.В. Богачева, М.Б. Краснянского, А.М. Ильина и А.К. Кравченко, хотя их следует рассматривать критически.

Серьезные археологические исследования городищ донских меотов были начаты в первой половине XX в. братьями А.А. и М.А. Миллерами. Они составили планы Кизитериновского и Кобяковского городищ, рассматриваемые десять городищ определили как «сарматские», дав краткое описание их укреплений⁶. Позже Д.Б. Шелов, проведя параллели с меотскими памятниками Прикубанья и Тамани, установил принадлежность городищ к меотским⁷. Наибольшей полнотой сведений выделяются монографии организатора раскопок меотских памятников на Дону и на Кубани И.С. Каменецкого «Городища донских меотов: Вопросы датировки» (1993) и «История изучения меотов» (2011)⁸. В дальнейшем изучением Крепостного и Азовского городищ занимался А.А. Горбенко⁹. Новейшие исследования представлены работами А.П. Минаева¹⁰, А.А. Нечипорука, В.К. Гугуева и др.¹¹.

Однако до сих пор не проводился анализ укреплений городищ; часть информации по оборонительным сооружениям не опубликована и представлена только в отчетах. Настоящая публикация (часть 1) имеет целью определение основных черт меотской фортификации на Дону на примере перечисленных выше десяти городищ в окрестностях Танаиса с зафиксированными защитными сооружениями. Вторая часть исследования будет посвящена анализу укреплений меотских поселений Кирпильской и Донской групп, а также на оценке уровня возможного влияния Танаиса на фортификацию донских меотов. Используются типологический и сравнительный методы; анализ укреплений городищ проводится по следующим элементам: форма цитадели, наличие рвов и валов, их количество, форма, размер. Отдельно отмечаются единичные уникальные для меотской археологической культуры фортификационные решения.

Первые городища меотов вокруг Дона начали появляться в конце I в. до н.э. Скорее всего, это были два поселения на левом берегу – Азовское (Крепостное) и Подазовское, а также восемь на правом берегу – Кобяковское, Кизитериновское, Ростовское, Темерницкое, Нижне-Гниловское, Сухо-Чалтырское, Хапровское, Мокро-Чалтырское. Материальная культура этих городищ и самого Танаиса указывает на тесные культурные и экономические связи. Однако не все укрепленные поселения повторяют друг друга в планировке и способе обороны.

⁴ Каменецкий 2011, 20–21.

⁵ Стемповский 1854.

⁶ Миллер 1958, 61–62.

⁷ Шелов 1961, 93.

⁸ Каменецкий 1993, 5; 2011.

⁹ Горбенко, Косяненко 2015, 113–122.

¹⁰ Минаев 2023, 216–221.

¹¹ Нечипорук и др. 2020, 229–231.

Рассматриваемые поселения делятся на две группы по выбору места строительства: Мокро-Чалтырское, Хапровское, Ростовское, Азовское, Подазовское и Кизитериновское основаны на коренном берегу, а Кобяковское, Темерницкое, Нижне-Гниловское и Сухо-Чалтырское заняли надпойменную террасу, лишь частично выходя на коренной берег¹².

Крепостное (Азовское) городище, отождествляемое с Паниардисом (Πανιάρδισ)¹³, основано в последней четверти I в. до н.э. и существовало вплоть до третьей четверти II в. н.э.¹⁴ Определение приблизительной площади и формы цитадели затруднено, т.к. городище находится под застройкой современного г. Азов, а на ранних планах оно не фигурирует. Из фортификационных элементов городища прослеживаются два разновременных рва. Ранний ров № 2 был выкопан в I в. н.э. Его прослеженная глубина составила 1–1,3 м, а ширина на разных участках достигает 4,5 м. Дно рва слабоогнутое. Ров имеет бессистемную форму: на одном участке эскарп крутой, а контрэскарп пологий, а через 16 м ситуация меняется на противоположную. Заполнение рва относится к первой половине I в. н.э. На небольшом отдалении от него находится ров № 1 глубиной 4,67–5,29 м и шириной 7–10 м, имеющий крутые эскарп и контрэскарп. Судя по материалу, ров № 1 начал засыпаться во второй половине I в. н.э. и был заполнен к середине II в. н.э., к моменту гибели поселения. Следов оборонительного вала и особых инженерных решений не зафиксировано¹⁵. Не было обнаружено вала и в ходе более поздних работ на других участках. Однако в 2008 г. были зафиксированы остатки частокола за рвом. Комплекс из 11 столбовых ям с остатками древесины был вытянут в направлении СВ–ЮЗ на 4,8 м. Частокол был расположен не на валу, а на уровне дневной поверхности¹⁶.

Другое городище левого берега Дона, Подазовское, расположенное на мысу и частично прикрытое небольшой балкой, основано в I в. н.э. Часть его была уничтожена при строительстве железнодорожной ветки в начале XX в. Его площадь составляет около 33 000 м²¹⁷. По данным А.А. Миллера, цитадель Подазовского городища расположена на боковой стороне мыса в виде круглого холма, а на самом мысу находилось поселение; городище имело круглую форму укреплений¹⁸. И.С. Каменецкий предложил другую реконструкцию: единое поселение, окруженное снаружи рвом, но подразделяющееся на два уровня, две части. Оборонительный вал представляет более позднюю насыпь из песка и глины, созданную уже на культурном слое¹⁹. А.П. Минаев сомневался, что насыпь высотой до 3 м, удаленная на большое расстояние от рва, могла выполнять защитную функцию и была скорее выбросом грунта во время создания рва²⁰. Однако разрез вала во время раскопок 1967 г. показал, что он состоит из чередующихся слоев, которые были разделены горизонтальными камышовыми прослойками параллельной укладки с перпендикулярными

¹² Каменецкий 1993, 14.

¹³ Максименко, Проценко 1992, 31–37.

¹⁴ Горбенко, Косяненко 2011, 19–20.

¹⁵ Горбенко, Косяненко 2015, 115–118.

¹⁶ Широченко 2010, 257.

¹⁷ Каменецкий 1993, 11, 13.

¹⁸ Миллер 1958, 61–62.

¹⁹ Каменецкий 1993, 19.

²⁰ Минаев 2023, 218.

ребрами²¹. Это указывает на стремление создать устойчивую земляную конструкцию с крутым склоном: насыпь с крутизной склона более 45° труднопреодолима для лошадей и хорошо защищает от степных кочевников. Таким образом, насыпь представляет оборонительный вал. Ров глубиной не менее 5 м и шириной 5–10 м и более был засыпан в конце существования поселения в первой трети III в. н.э.²²

Кобяковское городище, расположенное выше других по течению Дона в месте впадения в него р. Аксай на мысу с крутыми склонами, существовало в I–III вв. н.э. Общая площадь около 70 000 м² – это одно из крупнейших городищ донских меотов. На данный момент из-за работ по прокладке железнодорожных путей и автомобильной дороги, газопровода сохранилась только часть одиноко стоящего холма, который должен представлять из себя цитадель. М.А. Миллер во время своего осмотра памятников Ростовской области писал, что укрепления этого городища имели прямоугольную или квадратную форму²³. Судя по данным археологических работ С.И. Капошиной, существовало два рва, которые прикрывали разные части поселения, и неукрепленная третья часть²⁴. Согласно заметкам донского краеведа В. Богачева 1901 г., рвы были дополнены валом, окружавшим поселение. Во время раскопок начала XX в. вал был прорезан «канавами в различных направлениях», вследствие чего выяснилось, что «валы насыпаны из темной земли с большой примесью пепла; для крепости, вероятно, примешивались довольно крупные камни (и обломки посуды?)»²⁵. К сожалению, точных данных о размерах защитных сооружений нет.

Кизитериновское (Кизитиринское) городище расположено на мысу с крутыми склонами, защищавшими цитадель с трех сторон в месте впадения в русло Дона р. Кизитеринки. В настоящий момент она очень мелкая, но протекает по балке со значительным перепадом высот. Площадь поселения, согласно расчетам И.С. Каменецкого, около 10 000 м²²⁶. На плане Нахичевана 1811 г. видно, что форма цитадели стремится к прямоугольной, а самый пологий склон мыса перекрыт крупным рвом шириной 10–15 м. Следует учитывать, что нет никаких гарантий того, что масштаб на плане передан верно. Другой информации по фортификации нет.

На берегу Дона, в районе пр. Ворошиловского, в I–III вв. н.э. существовало Ростовское городище. Впервые оно зафиксировано на чертеже окрестностей крепости Св. Дмитрия Ростовского 1768 г., судя по которому, представляло холм трапециевидной или подквадратной формы площадью около 5000–5500 м²²⁷. Проследить наличие части поселения вне цитадели и второй линии укреплений невозможно из-за плотной городской застройки. На плане замечен ров, окружающий городище. Если предположить, что графическое изображение рва в значительной степени отображает его реальный размер, то он имел ширину 10–25 м (9–12 сажень). Однако еще М.А. Миллер в 1930-е гг. отметил, что не мог зафиксировать каких-либо укреплений²⁸.

²¹ Каменецкий 1967а, 22; 1967б, рис. 91, 103–105.

²² Минаев 2023, 218.

²³ Миллер 1958, 61–62.

²⁴ Капошина 1962, 95–112.

²⁵ Богачев 1905, 583–585.

²⁶ Каменецкий 1993, 13.

²⁷ Каменецкий 1993, 13.

²⁸ Миллер 1958, 61–62.

Темерницкое городище расположено на мысу в месте впадения р. Темерник в р. Дон, в данный момент оно целиком скрыто под площадью Пятого Донского корпуса и окружающей застройки. На планах и картах оно фиксируется с 1700 г., имеет цитадель круглой формы. И.С. Каменецкий определил площадь цитадели 66 600 м² ²⁹. Основным источником информации по планировке и укреплению городища служил упомянутый выше план 1768 г. Ров обследован в 2017–2018 гг. под руководством А.А. Нечипорука. Согласно чертежу 1768 г., ширина рва должна была составлять около 25 м (12 саженей). Исходя из данных о раскопках 2017–2018 гг. следует, что глубина рва была около 5 м, а контрэскарп был скорее пологим, чем крутым ³⁰.

Нижне-Гниловское городище существовало в I–III вв. н.э. на мысу, который образовался между р. Мертвый Донец и левым склоном Кульбаковой балки. Вершина мыса имеет округлую форму, но форма цитадели неизвестна. Площадь городища, по данным И.С. Каменецкого, составляет 15 500 м² ³¹. Он же указал, что фиксация городища состоялась на «Плане устьев Дона (гирла)» Де-Романо, 1802 г., где укрепление у левого края может быть только Нижне-Гниловским городищем ³². Но скорее всего это Донецкая крепость, поскольку меотское поселение находится ниже по течению р. Мертвый Донец и на отдалении от Дона. На меотском городище наличие глубоких рвов отметил И.А. Стемпковский, обнаруживший «в Гниловской станице, при самом разделении Дона, следы земляного вала, очевидно не древнего». Иван Алексеевич наткнулся на остатки Донецкой крепости, зафиксированной на планах и картах 1740-х гг. Далее по тексту он описывает «другое небольшое укрепление, окруженное довольно глубоким рвом и высоким валом» ³³. В 2002 г. совместная российско-швейцарская группа в составе экспедиции НМЦА РГПУ обнаружила слой вала мощностью 0,82 м и сырцово-каменную печь для сушки зерна под ним. Верхняя часть вала была укреплена каменным панцирем, состоящим из песчаника, известняка и мергеля ³⁴. К сожалению, подробности не опубликованы. Сейчас при посещении городища между подножием мыса и окрестной территорией можно заметен перепад высоты, похожий на глубокий ров. Тем не менее, следует учесть, что определенную часть данного перепада высоты должна была создать отсыпка для прокладки дороги по ул. Всесоюзной, поэтому точные измерения привести невозможно. На городище зафиксированы только земляные укрепления, а упоминания о наличии у городища каменной стены не подтверждаются ³⁵.

Сухо-Чалтырское городище расположено на мысу у места впадения р. Сухой Чалтырь в Мертвый Донец. Определить точные границы поселения невозможно, так как вокруг него находится жилая застройка, а сам холм цитадели превращен в местное кладбище. Предполагается, что Сухо-Чалтырское городище существовало в I–III вв. н.э. Приблизительная площадь городища – 8 500 м², по отчету М.А. Мил-

²⁹ Каменецкий 1993, 13.

³⁰ Нечипорук 2022, 18.

³¹ Каменецкий 1993, 13.

³² Каменецкий 2011, 21, рис. 8.

³³ Стемпковский 1854, 391; Книпович 1949, 130.

³⁴ Копылов 2002, 5.

³⁵ Шелов 1972, 183.

лера³⁶, определившего форму цитадели как правильную круглую³⁷. И.А. Стемпковский, описывая это поселение, тоже заметил наличие глубокого рва и остатки каменных построек, напоминающих оборонительные сооружения: каменную стену диаметром 220 шагов или 70 саженей (около 150 м)³⁸. Исходя из его описания, можно представлять только некую оборонительную стену неясной формы, окружающую цитадель. В 1957 г. под руководством И.Т. Кругликовой были проведены археологические раскопки и обнаружен почти прямой восточный угол каменной постройки из 5–9 рядов известняковой кладки. Камни необработанные и различные по размеру (44×35×8 см, 28×20×20 см, 30×18×5 см), формируют СВ и ЮВ отрезки стены. Толщина стен от 60 до 80 см, что указывает не на простую хозяйственную постройку, а на статусную или укрепление. Кладка зафиксирована в слоях I в. до н.э. – I–II вв. н.э. В слое III в. н.э. обнаружен каменный развал. Основание стен было на глубине 20–80 см, но определить время строительства затруднительно³⁹. На поверхности И.Т. Кругликова не обнаружила конструкций, которые описал И.А. Стемпковский – скорее всего они были разобраны жителями п. Каратаево.

Городище Мокро-Чалтырское было основано ближе остальных к Танаису, рядом с местом впадения в Мертвый Донец р. Мокрый Чалтырь. Скорее всего, оно просуществовало, как и другие, с I по III вв. н.э. Вероятно, часть его была уничтожена при прокладке железной дороги между Ростовом-на-Дону и Таганрогом. Местом основания был выбран ровный участок берега Мертвого Донца. Приблизительная площадь городища – 120 000 м²⁴⁰. Цитадель была круглой формы, по М.А. Миллеру⁴¹. С западной и северной сторон находится балка, которая могла быть рвом или естественной защитой. С востока прослеживается лощина, возможно, это следы рва и вала, дополняющих друг друга⁴².

И, наконец, Хапрское городище находится на небольшом выступе, образованном двумя балками, на берегу р. Мертвый Донец, недалеко от устья р. Сухой Чалтырь. Вероятно, эти боковые балки использовались в качестве укреплений, но городище пострадало от строительства железной дороги севернее и от добычи камня на территории цитадели. Приблизительная площадь городища – 7 000 м²⁴³. Форма цитадели неизвестна.

Для данных десяти городищ донских меотв можно выделить ряд общих элементов организации поселения и фортификации: 1) три городища имеют неизвестную форму цитадели; 2) четыре городища имеют округлую/круглую форму цитадели; 3) три городища имеют подпрямоугольную форму цитадели и группируются на западе; 4) корреляция между размером и формой городища отсутствует, т.е. для донских меотв характерно повсеместное обустройство цитадели, которая могла иметь как округлую форму, так и подпрямоугольную; 5) на всех городищах зафиксирован ров или балка, которая с высокой вероятностью является рвом; 6) три или четыре городища были защищены валом; 7) как минимум одно горо-

³⁶ Каменецкий 2011, 19.

³⁷ Миллер 1958, 61–62.

³⁸ Стемпковский 1854, 391–392; Книпович 1949, 130.

³⁹ Кругликова 1957, 30–36, рис. 45–46, 64.

⁴⁰ Каменецкий 1993, 19.

⁴¹ Миллер 1958, 61–62.

⁴² Каменецкий 1993, 8.

⁴³ Каменецкий 1993, 8–9.

дище имело частокол за рвом; 8) только одно городище было защищено каменными укреплениями; 9) единственное городище, по-видимому, имело более одной линии обороны; 10) средняя ширина рва составляет 13 м (от 10,25 м до 14,9 м), средняя глубина – 4 м.

Место для городищ донских меотов выбиралось на берегу реки на мысе или на возвышенности, центральная часть поселения поднималась над окружающей местностью и чаще всего имела округлую форму, но цитадель во всех случаях была защищена рвом. Доля цитаделей подпрямоугольной формы заметна, и географически они группируются в одном месте. Также, в этом районе зафиксировано в трех случаях использование разных приемов для сохранения формы земляного вала, но уникальной является каменная постройка на территории Сухо-Чалтырского городища, аналогии которой нет.

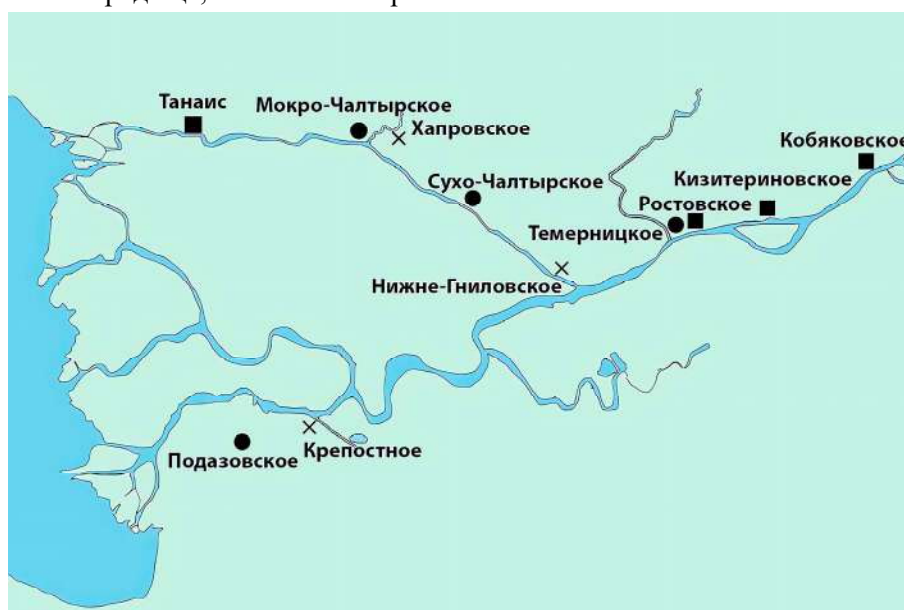

Рис. 1. Географическое расположение городищ донских меотов с типологией формы цитадели: квадрат – подпрямоугольная, круг – округлая, крест – неизвестная. Танаис обозначен квадратом.

Таким, образом, фортификация меотских поселений на Дону до сих пор не была объектом для отдельного исследования, опубликованы лишь разрозненные сведения. Материалы спасательных археологических работ на территории городищ последних 20 лет не изданы, часть городищ либо застроена, либо повреждена в результате строительной или хозяйственной деятельности. Тем не менее, данная тема представляется перспективной для исследований, особенно с применением естественно-научных методов.

Приложение 1.

Сводная таблица данных о фортификации городищ Донской группы меотских памятников.

Городище	Форма цитадели	Кол-во рвов/балок	Ширина рва/балки, м	Глубина рва/балки, м	Вал	Площадь, м ²	Особые отметки
Крепостное (Азовское)	не известно	1	4,5 и 7–10	1–1,3 и 4,67–5,29	нет	-	частокол
Подазовское	округлая	1	5–10	5	да	33 000	–
Кобяковское	подпрямоугольная	2	не известно	не известно	да	70 000	–
Кизитериновское	подпрямоугольная	1	10–15	не известно	нет	10 000	–
Ростовское	подпрямоугольная	1	10–25	не известно	нет	5000–5500	–
Темерницкое	округлая	1	25	5	нет	66 000	–
Нижне-Гниловское	не известно	1	не известно	«довольно глубокий»	да	15 500	–
Сухо-Чалтырское	округлая	1	не известно	не известно	нет	8 500	угол каменной постройки
Мокро-Чалтырское	округлая	1	не известно	не известно		120 000	–
Хапрёвское	не известно	1	не известно	не известно	нет	7 000	-

ЛИТЕРАТУРА

- Богачев, В.В. 1905: Отчет об изысканиях, произведенных на Кобяковом городище и прилежащей местности в юрте Аксайской станицы Черкасского округа, Владимиром Богачевым. 25 мая – 2 июня 1901 г. В сб.: *Труды XII Археологического съезда в Харькове*. Новочеркасск, 583–585.
- Горбенко, А.А., Косяненко, В.М. 2011: *Некрополь Паниардиса (Крепостного городища)*. Азов.
- Горбенко, А.А., Косяненко, В.М. 2015: История исследования и новые античные открытия на территории города Азова. *Наследие веков* 3, 113–122.
- Каменецкий, И.С. 1967а: *Отчет о работе Азовского отряда Нижне-Донской экспедиции в 1967 г. Исследование Подазовского городища*. Архив ИА РАН. № 3561а.
- Каменецкий, И.С. 1967б: *Альбом иллюстраций к отчету*. Архив ИА РАН. № 3561а.
- Каменецкий, И.С. 1993: *Городища донских меотов: Вопросы датировки*. М.
- Каменецкий, И.С. 2011: *История изучения меотов*. М.
- Капошина, С.И. 1962: Раскопки Кобякова городища и его некрополя. В сб.: *Археологические раскопки на Дону*. Ростов-на-Дону, 95–112.
- Книпович, Т.Н. 1949: *Танаис. Историко-археологическое исследование*. М.
- Копылов, В.П. 2002: *Отчет об исследованиях Нижнегниловского городища в 2002 г.* Архив ИА РАН. № 27395.
- Крушликова, И.Т. 1957: *Отчет об археологических работах Сухо-Чалтырского отряда Нижне-Донской экспедиции*. Архив ИА РАН. № 1735.
- Максименко, В.Е., Проценко, Б.Н. 1992: Паниардис, Патарва и река Марубий (попытка историко-лингвистического анализа сведений Птолемея о некоторых древних топонимах в низовьях Дона). В сб.: *Историческая география Дона и Северного Кавказа*. Ростов-на-Дону, 31–37.

- Миллер, М.А. 1958: *Дон и Приазовье в древности*. Часть II. *Древняя история (греко-скифо-сарматский период)* (Исследования и материалы. Серия 2. (ротат. изд.). № 67). Мюнхен.
- Минаев, А.П. 2023: Оборонительные сооружения Крепостного и Подазовского городищ по данным археологических исследований. В сб.: В.Н. Зинько, Е.А. Зинько (ред.), *XXIV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологические и письменные источники в исторических реконструкциях*. Симферополь–Керчь, 216–223.
- Науменко, С.А., Гугуев, Ю.К. 2020: Торговые связи Танаиса с северным Кавказом и Прикубаньем. В сб.: *Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции, посвященной 50-летию Крупновских чтений и 50-летию Дербентской археологической экспедиции*. Махачкала, 269–271.
- Нечипорук, А.А. 2022: Краткие результаты работ на улице Станиславского в г. Ростове-на-Дону. В сб.: *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2017 г.* Вып. 31. Азов, 16–21.
- Нечипорук, А.А., Гугуев, В.К., Яненко, А.П. 2020: Результаты работ в центральной части г. Ростова-на-Дону в 2017–2018 гг. В сб.: Н.В. Лопатин (ред.), *Археологические открытия. 2018 год*. М., 229–231.
- Раев, Б.А. 2014: Археологические данные к проблеме взаимоотношений кочевого и оседлого населения варварской периферии античного мира. *Уфимский археологический вестник* 14, 182–189.
- Стемпковский, И.А., 1854: Два письма к Бларамбергу о местоположении древнего города Танаиса. В сб.: *Пропаицеи*. Кн. 4. М., 387–395.
- Шелов, Д.Б. 1961: *Некрополь Танаиса (Раскопки 1955–1958 гг.)* (МИА 98). М.
- Шелов, Д.Б. 1972: *Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры*. М.
- Широченко, Э.Б. 2010: Археологические исследования в городе Азове в 2008 году. В сб.: *Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2007–2008 гг.* Вып. 24. Азов, 253–259.

REFERENCES

- Bogachev, V.V. 1905: Otchet ob izyskaniyakh, proizvedennykh na Kobyakovom gorodishche i prilozhashchey mestnosti v yurte Aksayskoy stanitsy Cherkasskogo okruga, Vladimirom Bogachevym. 25 maya – 2 iyunya 1901 g. [Report on the Research Carried out at the Kobyakov Settlement and the Adjacent Area in the Yurt of the Aksay Village of the Cherkassky District, by Vladimir Bogachev. May 25 – June 2, 1901]. In: *Trudy XII Arkheol. s'ezda v Khar'kove [Proceedings of the 12th Archaeological Congress in Kharkov]*. Novocherkassk. 583–585.
- Gorbenko, A.A., Kosyanenko, V.M. 2011: *Nekropol' Paniardisa (Krepostnogo gorodishcha) [Necropolis of Paniardis (Krepostnoe settlement)]*. Azov.
- Gorbenko, A.A., Kosyanenko, V.M. 2015: Istoriya issledovaniya i novye antichnye otkrytiya na territorii goroda Azova [History of Research and Recent Ancient Discoveries on the Territory of the City of Azov]. *Nasledie vekov [Heritage of centuries]* 3, 113–122.
- Kamenetskiy, I.S. 1967a: *Otchet o rabote Azovskogo otryada Nizhne-Donskoy ekspeditsii v 1967 g. Issledovanie Podazovskogo gorodishcha [Report on the Work of the Azov Team of the Lower Don Expedition in 1967. Research of the Podazov settlement]*. Archive of the Institute of Archaeology RAS. No. 3561a.
- Kamenetskiy, I.S. 1967b: *Al'bom illyustratsiy k otchetu [Album of illustrations for the report]*. Archive of the Institute of Archaeology RAS. No. 3561b.

- Kamenetskiy, I.S. 1990: *Razvedki v Krasnodarskom krae v 1990 godu* [*Fielwork in the Krasnodar Territory in 1990*]. Archive of the Institute of Archaeology RAS. No. 15152.
- Kamenetskiy, I.S. 1993: *Gorodishcha donskikh meotov: Voprosy datirovki* [*Settlements of the Don Meotians: Dating Issues*]. Moscow.
- Kamenetskiy, I.S. 2011: *Istoriya izucheniya meotov* [*History of the Maeotians Studies*]. Moscow.
- Kaposhina, S.I. 1962: Raskopki Kobyakova gorodishcha i ego nekropolya [Excavations of the Kobyakov settlement and its necropolis]. In: *Arkheologicheskie raskopki na Donu* [*Archaeological Excavations at the Don*]. Rostov-on-Don, 95–112.
- Knipovich, T.N. 1949: *Tanais. Istoriko-arkheologicheskoe rassledovanie* [*Tanais. Historical and Archaeological Studies*]. Moscow.
- Kopylov, V.P. 2002: *Otchet ob issledovaniyakh Nizhnegnilovskogo gorodishcha v 2002 g.* [*Report on the Research of the Nizhnegnilovskoe Settlement in 2002*]. Archive of the Institute of Archaeology RAS. No. 27395.
- Kruglikova, I.T. 1957: *Otchet ob arkheologicheskikh rabotakh Sukho-Chaltyrskogo otryada Nizhne-Donskoy ekspeditsii* [*Report on the Archaeological Work of the Sukho-Chaltyr Team of the Lower Don Expedition*]. Archive of the Institute of Archaeology RAS. No. 1735.
- Maksimenko, V.E., Protsenko, B.N. 1992: Paniardis, Patarva i reka Marubiy (popytka istorikolingvisticheskogo analiza svedeniy Ptolemeya o nekotorykh drevnikh toponimakh v nizov'yakh Dona) [Paniardis, Patarva and the Marubiy River (An Attempt at a Historical and Linguistic Analysis of Ptolemy's Information about Some Ancient Toponyms in the Lower Reaches of the Don)]. In: *Istoricheskaya geografiya Dona i Severnogo Kavkaza* [*Historical Geography of the Don and the North Caucasus*]. Rostov-on-Don, 31–37.
- Miller, M.A. 1958: *Don i Priazov'e v drevnosti. Chast' II. Drevnyaya istoriya (greko-skifosarmatskiy period)* [*The Don and Azov Region in Ancient Times. Pt. II. Ancient History (Greco-Scythian-Sarmatian period)*] (Issledovaniya i materialy. Seriya II (rotatornye izdaniya). Institut po izucheniyu istorii SSSR [Research and Materials. Ser. II (Rotary Editions). Institute for the Study of History of the USSR], 67). Munich.
- Minaev, A.P. 2023: Oboronitel'nye sooruzheniya Krepostnogo i Podazovskogo gorodishch po dannym arkheologicheskikh issledovaniy [Defensive Structures of the Krepostnoe and Podazovskoe Settlements according to Archaeological Data]. In: *XXIV Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Arkheologicheskie i pis'mennye istochniki v istoricheskikh rekonstruktsiyakh* [XXIV Bosporan Readings. Cimmerian Bosphorus and the Barbarian World in the Period of Antiquity and the Middle Ages. Archaeological and Written Sources in Historical Reconstructions]. Simferopol–Kerch, 216–223.
- Naumenko, S.A., Guguev, Yu.K. 2020: Torgovye svyazi Tanaisa s severnym Kavkazom i Prikuban'em [Trade Relations of Tanais with the Northern Caucasus and the Kuban region]. In: *Arkheologicheskoe nasledie Kavkaza: aktual'nye problemy izucheniya i sokhraneniya. XXXI Krupnovskie chteniya. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 50-letiyu Krupnovskikh chteniy i 50-letiyu Derbentskoy arkheologicheskoy ekspeditsii* [*Archaeological Heritage of the Caucasus: Current Issues of Study and Preservation. XXXI Krupnov Readings. Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the 50th Anniversary of the Krupnov Readings and the 50th Anniversary of the Derbent Archaeological Expedition*]. Makhachkala, 269–271.
- Nechiporuk, A.A. 2022: Kratkie rezul'taty rabot na ulitse Stanislavskogo v g. Rostove-na-Don [Brief Results of Work on Stanislavsky Street in Rostov-on-Don]. In: *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu v 2017 g.* [*Historical and Archaeological Research in Azov and the Lower Don in 2017*] 31. Azov, 16–21.
- Nechiporuk, A.A., Guguev, V.K., Yanenko, A.P. 2020: Rezul'taty rabot v tsentral'noy chasti g. Rostova-na-Donu v 2017–2018 gg. [Results of Work in the Central Part of Rostov-on-Don

- in 2017–2018]. In: *Arkheologicheskie otkrytiya. 2018 god* [Archaeological Discoveries. 2018]. Moscow, 229–231.
- Raev, B.A. 2014: Arkheologicheskie dannye k probleme vzaimootnosheniy kochevogo i osedlogo naseleniya varvarskoy periferii antichnogo mira [Archaeological Data on the Problem of Relationships between Nomadic and Sedentary Populations of the Barbarian Periphery of the Ancient World]. *Ufimskiy Arkheologicheskii Vestnik* [Ufa Archaeological Bulletin] 14, 182–189.
- Shelov, D.B. 1961: *Nekropol' Tanaisa (Raskopki 1955–1958 gg.)* [Necropolis of Tanais (Excavations 1955–1958)] (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Research on the Archaeology of the USSR] 98). Moscow.
- Shelov, D.B. 1972: *Tanais i Nizhniy Don v pervye veka nashey ery* [Tanais and the Lower Don in the First Centuries AD]. Moscow.
- Shirochenko, E.B. 2010: Arheologicheskie issledovaniya v gorode Azove v 2008 godu [Archaeological Research in Azov in 2008]. *Istoriko-arheologicheskie issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 2007–2008 gg.* [Historical and archaeological research in Azov and the Lower Don in 2007–2008] 24. Azov, 253–259.
- Stempkovskiy, I.A., 1854: *Dva pis'ma k Blarambergu o mestopolozhenii drevnego goroda Tanaisa* [Two Letters to Blaramberg about the Location of Tanais, the Ancient City]. In: *Propylei* [Propylaea] 4. Moscow, 387–395.
- Tolstikov, V.P. 1981: *Fortifikatsiya antichnogo Bospora* [Fortification of the Ancient Bosphorus]. PhD Dissertation. Moscow.

FORTIFICATION SYSTEM OF THE DON MEOTIAN SITES OF THE 1st–3rd CENTURIES AD: STRUCTURE AND LOCAL FEATURES

Vyacheslav I. Strelyaev

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

E-mail: vistrelyaev@hse.ru

The article provides a comparative analysis of local fortification features of ten Don Meotian settlements of the 1st–3rd centuries AD in the vicinity of Tanais (Mokro-Chaltyrskoye, Kobayakovskoye, Temernitskoye, Nizhne-Gnilovskoye, Kiziterinovskoye, Sukho-Chaltyrskoye, Khaprovskoye, Rostovskoye, Podazovskoye and Krepostnoye/Azovskoye). The arrangement of citadels, the line of ditches, the absence of a second line of ditches, earthen ramparts, in particular, methods of strengthening earthen embankments, a palisade and a unique stone structure of the Sukho-Chaltyr settlement were considered.

Keywords: Northern Black Sea region, Meotians, Tanais, fortification, ancient military affairs

DOI: 10.18503/1992-0431-2025-1-87-138–160

БИРИТУАЛЬНЫЙ МОГИЛЬНИК IX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ X вв.
ПОСЕЛЕНИЯ ВАРНАВИНСКОЕ-2 В ЗАКУБАНЬЕ:
КРЕМАЦИОННЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ В УРНАХ-ГОРШКАХ

В.Ю. Кононов¹, Л.Ю. Пономарев²

¹ ООО «Крымский региональный центр археологических исследований»,
Симферополь, Россия

² Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия

¹ E-mail: kononov1978@mail.ru

² E-mail: l_ponomare@mail.ru

¹ ORCID: 0000-0003-2835-628X

² ORCID: 0009-0004-8102-0050

В 2010–2011 гг. на поселении Варнавинское-2 в Закубанье был исследован участок биритуального могильника второй половины IX – первой половины X вв. В статье рассмотрена группа кремационных захоронений, совершенных в погребальных урнах, в качестве которых были использованы кухонные и тарные горшки. В трех из них помещен прах мужчин-воинов, погребенных вместе с оружием и снаряжением коня, в одном – прах женщины или девочки. В двух безинвентарных захоронениях пол покойников установить не удалось. Кремационные погребения могильника поселения Варнавинское-2 относятся к «Кубано-Черноморской группе кремаций», имеющей родственную им группу кремационных погребений в Подонцовье. Некоторыми исследователями они связываются с касогами.

Ключевые слова: Закубанье, поселение и могильник Варнавинское-2, хазарское время, кремации, салтово-маяцкие горшки

В 2010–2011 гг. экспедиция ООО «Южно-Российский центр археологических исследований» провела охранно-спасательные раскопки в юго-западной части поселения Варнавинское-2, расположенного в 2,5 км к северу от с. Варнавинское Абинского района Краснодарского края и в 0,5 км к югу от Варнавинского водохранилища (рис. 1, 1). Его территория разделена автомобильной дорогой г. Абинск – хут. Садовый на северо-восточную и юго-западную части, границы которых прослежены в пределах двух слабо выраженных в рельефе, распахиваемых возвышенностей, вытянутых по линии юг – север (рис. 1, 2). Поселение обнаружено в процессе разведок, проведенных в 2009 г. Н.Ф. Шевченко и А.В. Кондрашевым в пределах строительства ЛЭП «ВЛ 220 кВ Крымская –

Данные об авторах. Валерий Юрьевич Кононов – старший научный сотрудник ООО КРЦАИ; Леонид Юрьевич Пономарев – внештатный сотрудник ИАК РАН.

Славянская». В 2010 г. работы велись на раскопе I площадью 500 кв. м; в 2011 г. – на примыкавшем к нему с юга раскопе II площадью 504 кв. м. Исследованный участок, длиной 90 м и шириной 10–15 м, вытянут длинной осью в направлении юг – север в створе трассы ЛЭП «ВЛ 220 кВ Крымская – Вышестеблиевская» (рис. 1, 2).

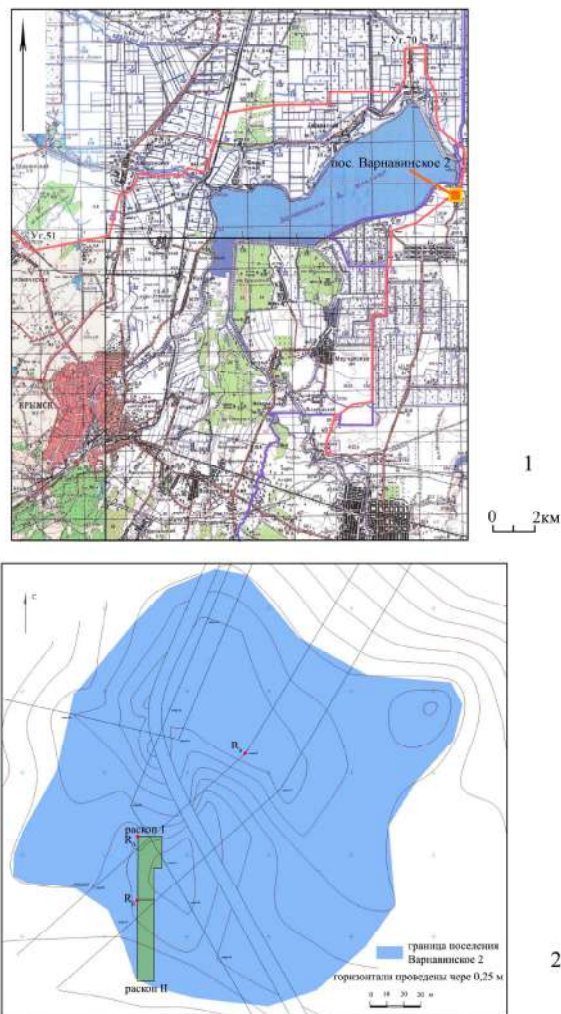

Рис. 1. 1 – местоположение поселения и могильника Варнавинское-2 на топографической карте Краснодарского края; 2 – границы поселения Варнавинское-2 и местоположение раскопа 2010–2011 гг.

Стратиграфия исследованного участка в пределах обоих раскопов идентична. Сверху залегал пахотный слой (слабогумусированный суглинок серого оттенка) мощностью 0,20–0,25 м. Его подстилал культурный слой поселения (слабогумусированный суглинок серо-коричневого оттенка) мощностью 0,20–0,60 м. Материк – суглинок серо-желтого оттенка – зафиксирован на глубине 0,40–0,75 м. В культурном слое поселения обнаружена керамика и другие находки, относящиеся к двум периодам его существования I–III вв. н.э. и VIII – первой

половины X вв. Единственная находка, датирующаяся более ранним периодом, представлена фрагментом чернолакового сосуда V–IV вв. до н.э.

В пределах обоих раскопов на площади около 730 кв. м выявлен участок биритуального могильника IX – первой половины X вв., включавший 20 кремационных погребений, 6 погребений, совершенных в ямах по обряду труположения с юго-восточной ориентировкой, 2 погребения лошадей, погребение собаки и 9 поминальных комплексов в небольших ямах (захоронение костей свиньи, расплюснутый бронзовый котел и отдельные керамические сосуды или их фрагменты) (рис. 2; 3). Площадь могильника не установлена, поскольку работами 2010–2011 гг. удалось зафиксировать только северную его границу. Что касается его планировки, плотность погребений в пределах изученного участка невелика и организованной структуры в их размещении не прослежено. В южной части исследованного участка среди погребений и поминальных комплексов зафиксированы 12 ям округлой и овальной в плане формы. В заполнении большинства из них оказались немногочисленные и невыразительные фрагменты керамики I–III вв. н.э. и VIII – первой половины X вв. Функциональное назначение и датировка некоторых из ям остались под вопросом.

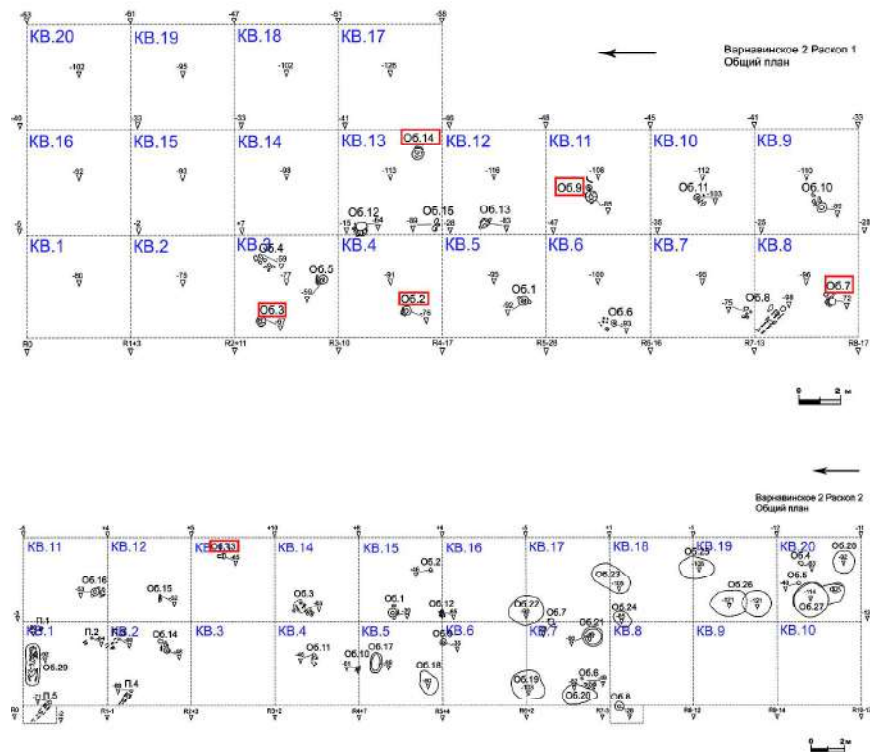

Рис. 2. Раскоп I 2010 г. План с выделенными кремационными захоронениями в урнах-горшках
Рис. 3. Раскоп II 2011 г. План с выделенными кремационными захоронениями в урнах-горшках

Биритуальный характер могильнику придал участок площадью около 80 кв. м, где были выявлены 6 ингумационных захоронений, расположенных двумя рядами (по 3 могилы в каждом), вытянутыми в направлении север – юг на расстоянии 2,5–

4,1 м друг от друга. Совершены они в грунтовых ямах, форму и размеры которых проследить не удалось. В пяти могилах погребенные уложены в вытянутом положении на спине, головой на юго-восток. В трех из них погребены дети, в двух, скорее всего, подростки (длина их скелетов – около 1,0 м, 1,30–1,35 м, 1,40 м и 1,45 м). В одном погребении обнаружен только череп, возраст погребенного, его поза и ориентировка не установлены. Немногочисленный погребальный инвентарь найден в трех из шести могил. На участке с ингумационными погребениями выявлены одно кремационное захоронение воина в урне-горшке (погребение 6, объект 7; см. о нем ниже) и захоронения двух лошадей. Одна из лошадей была расчленена и погребена вместе с оружием и конской сбруей.

Трупосожжения совершались на стороне, вне пределов могильника. Из 20 кремационных погребений в 18 (90%) прах покойника помещен в урны, в качестве которых чаще всего использовались двуручные корчаги, украшенные лощеным орнаментом, реже – кухонные горшки. Большой частью они были накрыты перевернутыми вверх дном нижними частями разбитых корчаг и горшков или их крупными фрагментами. В погребении 13 урну-корчагу перекрыли специально изготовленной для этого сосуда полусферической в разрезе крышкой с биконической ручкой-выступом. В погребении 19 урну-корчагу перекрывала другая, однотипная ей корчага. Рядом с урнами и в них самих иногда помещались дополнительные сосуды (т.н. сосуды-приставки), предназначавшиеся для поминальной пищи или напитков. Погребальный инвентарь помещали чаще всего рядом с урнами, иногда под ней или внутри нее. В погребении 14 инвентарь сложили в небольшую яму-«тайник», вырытую рядом с ним. Судя по инвентарю, в 7 кремационных захоронениях был помещен прах женщин, в 10 – мужчин. Детских захоронений среди них выделить не удалось, как и половую принадлежность погребенных в трех безынвентарных захоронениях. Для мужских, женских и детских(?) кремационных захоронений в качестве урны использовались как корчаги, так и горшки.

Кремационные погребения мужчин сопровождалось оружием (кинжики с прямым лезвием, наконечник пики и стрел, топор, ножи), снаряжением коня (стремена, двусоставные удила со стержневидными псалиями), предметами быта и ременной гарнитурой. Погребения женщин – разнообразными украшениями из бронзы, реже из золота, аксессуарами одежды, предметами туалета, ножами и пряслицами. Часть предметов, прежде всего оружие, имеют следы пребывания в огне. После нагрева кинжики деформировались и ломались.

Из 18 кремационных урновых захоронений в шести прах погребенных помещен в кухонные и тарные горшки, в одном случае – в лепной, в остальных – в изготовленные (один – подправленный) на ручном гончарном круге. За исключением одного все они обнаружены в северной части исследованного участка могильника (раскопе I), но компактной группы не формировали (рис. 2). Захоронение 6 (объект 7) совершено на участке с ингумационными погребениями.

Кремационное захоронение 2 (объект 2 на раскопе I). Обнаружено в кв. 4, в 5,1 м к северу от кремационного захоронения 1. Остатки кремации (фрагменты пережженных костей, смешанных с золой и древесными угольками) помещены в урну – лепной горшок яйцевидной формы (рис. 4, 1–2)¹. Его обжиг неравномерный, тесто с примесью карбонатов, на изломе темно-серого оттенка, на поверх-

¹ Высота – 24 см, диаметр устья – 17 см, максимальный диаметр тулова – 21 см, диаметр дна – 14 см.

ности светло-серого оттенка с пятнами светло-коричневого оттенка и оранжевого цвета. Венчик орнаментирован вдавлениями, придавшими ему волнообразную форму. Тулово в верхней части украшено дуговидными, направленными в разные стороны, «расчесами» в виде неглубоких и тонких бороздок, нанесенных многозубчатой гребенкой, в нижней части – вертикальными «расчесами» (рис. 4, 3). Погребальный инвентарь не обнаружен.

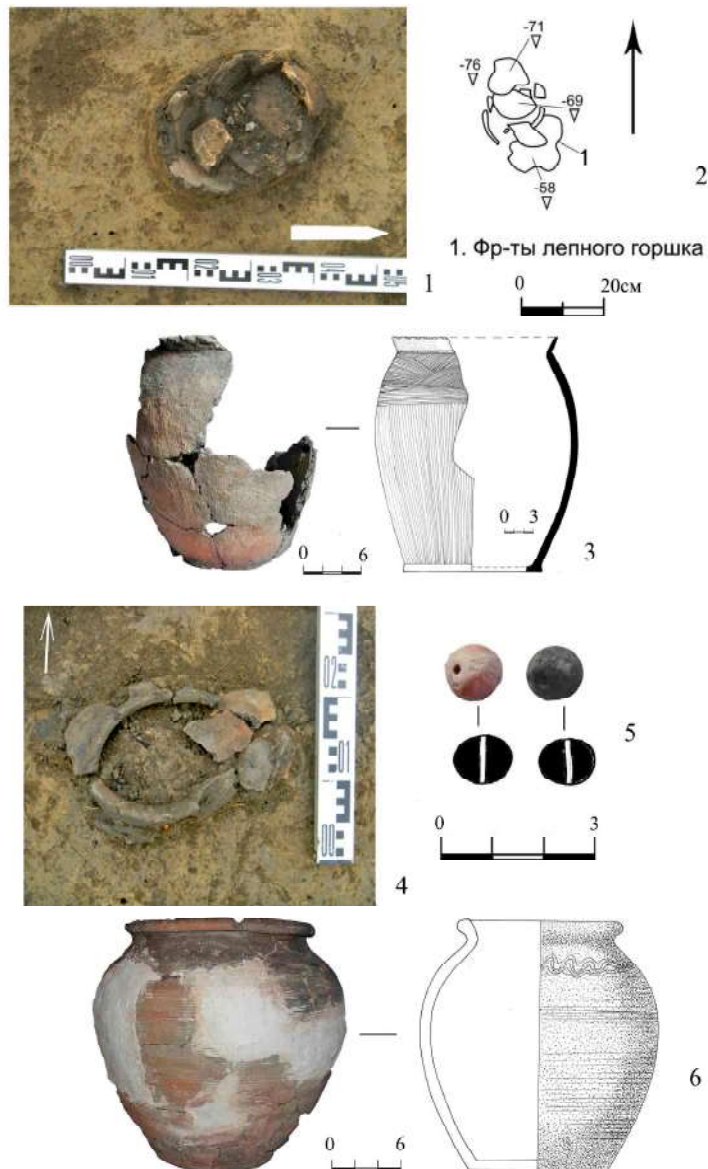

Рис. 4. 1 – кремационное захоронение 2; вид с востока; 2 – урна-горшок из захоронения 2; 3 – кремационное захоронение 3; вид с востока; 4 – бусины из захоронения 3; 5 – урна-горшок из захоронения 3

Кремационное захоронение 3 (объект 3 на раскопе I). Обнаружено в кв. 3, в 6,4 м к ССЗ от захоронения 2. Остатки кремации помещены в урну – горшок салтовского облика яйцевидной формы, изготовленный на ручном гончарном круге (рис. 4, 4)². Его тесто с примесью дробленых раковин моллюсков, на изломе темно-коричневого оттенка, на поверхности светло и темно-коричневого оттенков. Тулово украшено врезным орнаментом, нанесенным гребенчатым штампом – под горлом многорядной волной, ниже – сплошным горизонтальным рифлением (рис. 4, б). В заполнении урны найдены две шаровидные бусины из пастового стекла (рис. 4, 5)³.

Кремационное захоронение 6 (объект 7 на раскопе I) обнаружено в кв. 8, в 2,1 м к югу от ингумационного погребения 1 и 1,1 м к северу от погребения лошади 1 (объекта 29 в полевом отчете). Остатки кремации помещены в урну – горшок салтовского облика⁴ (рис. 5, 1–2, 5), перекрытый отбитым дном лощеной

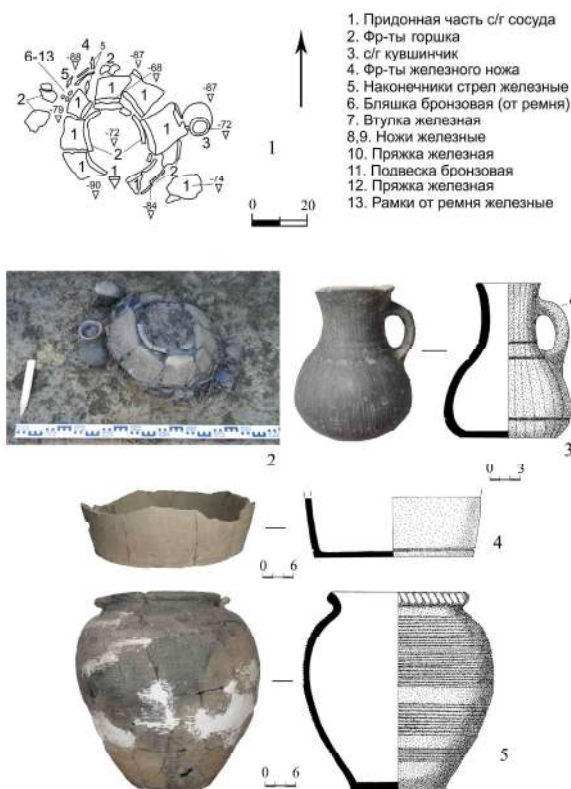

Рис. 5. Кремационное захоронение 6. 1 – план; 2 – вид с севера; 3 – кувшин; 4–5 – урна-горшок и ее крышка

² Высота – 20,5 см, диаметр устья – 14 см, максимальный диаметр тулова – 20 см, диаметр дна – 11,5 см.

³ Бусина № 1 – из темного стекла, цвет не определен, диаметр – 10 мм, диаметр отверстия – 2 мм. Бусина № 2 из белого стекла, диаметр – 10 мм, диаметр отверстия – 2 мм.

⁴ Изготовлен на ручном гончарном круге. Высота – 38 см, диаметр венчика – 27 см, максимальный диаметр тулова – 36 см, диаметр дна – 18 см. Тесто на изломе темно-серого оттенка, на поверхности – темно-серого и светло-коричневого оттенков. Венчик орнаментирован «гусеничными» оттисками многозубчатого штампа, тулово – зональным горизонтальным рифлением.

корчаги⁵ (рис. 5, 4). В горшок помещены лощеная кружка с петлевидной ручкой⁶ (рис. 6, 9)⁷ и нижняя часть лощеного кувшина⁸ (рис. 6, 10). К востоку от горшка установлен лощеный одноручный кувшин⁹ (рис. 5, 3)¹⁰.

К северо-востоку от горшка зафиксировано скопление нескольких предметов: фрагмент ножа – лезвия и черешка рукояти¹¹ (рис. 6, 1), 3 железных листовидных

Рис. 6. Кремационное захоронение 6. 1–10 – погребальный инвентарь

⁵ Сохранилась на высоту – 12 см, диаметр дна – 29,5 см. Тесто на изломе в середине светло-серого оттенка, по краям красно-коричневого оттенка, на поверхности светло-коричневого оттенка, с примесью карбонатов. Дно отделено от тулова узкой и неглубокой горизонтальной бороздкой.

⁶ Высота – 8,5 см, диаметр устья – 6,5 см, максимальный диаметр тулова – 10 см, диаметр дна – 8 см. На изломе светло-серого оттенка, на поверхности светло-коричневого оттенка, с примесью карбонатов. Тулово украшено двумя горизонтальными бороздками с лощеной поверхностью, между ними – широкими вертикальными полосами лощения.

⁷ Красильников 2009, 139, рис. 11, вид В.

⁸ Сохранился на высоту 14,5 см, максимальный диаметр тулова – 27 см, диаметр дна – 18,5 см. Тесто на изломе и поверхности темно-серого оттенка, с примесью карбонатов. Тулово украшено двумя горизонтальными бороздками с лощеной поверхностью, над ними – широкими вертикальными полосами лощения.

⁹ Высота – 15 см, диаметр венчика – 6,5 см, максимальный диаметр тулова – 12,5 см, диаметр дна – 9 см. Тесто на изломе и поверхности темно-серого оттенка, с примесью карбонатов. Горло и тулово украшены тремя горизонтальными бороздками с лощеной поверхностью, разделенными вертикальными, небрежно нанесенными полосами лощения.

¹⁰ Красильников 2009, 132, рис. 3, вид Б.

¹¹ Сохранился в виде двух фрагментов на длину 6,5 см, ширина лезвия – 1,6 см, толщина – 0,3 см. Нож однолезвийный с прямой спинкой, лезвие треугольное в сечении.

и килевидных наконечника стрел¹² (рис. 6, 2), бронзовая ременная накладка¹³ (рис. 6, 3) и железная рукоять плетки (?)¹⁴ (рис. 6, 4). Остальные предметы найдены в виде «комка», покрытого окислами железа и бронзы. Среди них два поломанных ножа¹⁵ (рис. 6, 5), детали ременного набора – железная пряжка с круглой рамкой и сужающимся язычком¹⁶ (рис. 6, 7), бронзовая ременная накладка-бляшка «сердцевидной» формы с подвижным колечком в петлевидном ушке¹⁷ (рис. 6, 6) и железная пряжка с круглой рамкой и ременным зажимом¹⁸ (рис. 6, 8). Все изделия имеют следы пребывания в огне (погребального костра), некоторые предметы из железа намеренно сломаны.

Черешковые наконечники стрел с листовидным и килевидным пером найдены в кремационных погребениях IX в. могильника Дюрсо¹⁹, в кремационных захоронениях биритуального могильника Афипс-5 второй половины IX – XI вв.²⁰, кремационных погребениях VIII–IX вв. Борисовского могильника²¹, могильника Казазово-2 и Молдавановского могильника²², в разрушенном кремационном погребении X в. около Каменной горы в окрестностях ст. Гостагаевской²³, кремационном могильнике Цемдолина в Новороссийске²⁴. Случайные их находки известны в восточной части Средней Кубани – в окрестностях станиц Родниковской и Чамлыкской Курганинского и Лабинского районов Краснодарского края²⁵. Встречаются они и на поселениях, городищах и могильниках салтово-маяцкой культуры в Подонье и Подонцовье, в т. ч. в кремационных погребениях Сухогомольшанского могильника²⁶, кремационных погребениях могильника у с. Кицевка²⁷, катаком-

¹² Длина наконечников – 5,5 см, 5,7 см, 6 см, ширина у основания пера – 2 см и 2,5 см, сечение пера – 0,5 см. Перья в сечении уплощенно-овальные с заостренными концами. Черешки фрагментированы, круглые в сечении.

¹³ Длина – 2,3 см, ширина – 1,3 см, толщина – 0,2 см. Прямоугольной формы, с прямоугольной прорезью. По краю с внешней стороны украшена рельефным бордюром с X-образными насечками. На внутренней стороне два бронзовых штырька-заклепки.

¹⁴ Сохранилась в виде фрагмента, покрыта коррозией. Сохранилась на длину – 8 см, диаметр втулки – 1,5 см, диаметр стержня – 0,5 см, длина стержня – 4,5 см.

¹⁵ Оба ножа поломаны, найдены в виде фрагментов, спаявшихся в единую массу. Первый нож сохранился на длину 8,2 см, ширина лезвия – 1,5 см. Второй нож сохранился на длину 5,5 см, ширина лезвия – 2 см. Лезвия с прямой спинкой, треугольные в сечении.

¹⁶ Диаметр пряжки не восстанавливается, размеры дужки рамки – 0,5×0,7 см.

¹⁷ Высота – 1,8 см, ширина – 1,5 см, толщина – 0,2 см, диаметр колечка – 1,6 см, сечение колечка – 0,2 см. На тыльной стороне три штырька-заклепки для крепления к узкому ремню. Спаяна окислами с фрагментом дужки железной пряжки.

¹⁸ Состоит из 3-х деталей: 1) пряжка с круглой рамкой, изготовленной из круглой в сечении трубки; 2) рамчатый наконечник ремня прямоугольной формы; 3) бронзовая заклепка-фиксатор ремня с круглой шляпкой. Диаметр пряжки – 4,5 см, сечение дужки – 1 см, сечение рамки – 0,7 см, диаметр шляпки заклепки-фиксатора кончика ремня – 1,2 см.

¹⁹ Дмитриев 1979, 155, рис. 2, 5; Малышев 2021, 10–11, 16, 18, 23–24, 30, 34, 38, 45, 51, 54, 56, 60, 68, 75, 78, 97, 107, 120, 133, 162, 204, 208, 211, 215, 243, 246, 257, 265, 312, 315, рис. 5, 2; 9, 6; 11, 5; 15, 6; 16, 4; 21, 7; 23, 7; 26, 12; 31, 6; 34, 8; 36, 6; 37, 3; 39, 5; 45, 8; 49, 6; 51, 4; 64, 9; 72, 1; 83, 9; 94, 5; 116, 8; 148, 7; 151, 4; 154, 11; 156, 4; 180, 8; 181, 5; 189, 6; 196, 10; 236, 8; 237, 7.

²⁰ Голубев, Долгополова 2022, 166, 178, 185, рис. 5, 3; 12, 14.

²¹ Гавритухин, Пьянков 2003, табл. 78, 10.

²² Пьянков 1990, рис. 49, 24; Пьянков, Тарабанов 1998, 27, рис. 4; 2004, рис. 8, 26, 31, 32.

²³ Новичихин 2013, 111, рис. 1, 1–3.

²⁴ Шишлов и др. 2023, 219, рис. 2, 2–4.

²⁵ Дударев и др. 2021, 234–235, 245, рис. 4, 3, 29–42.

²⁶ Крыганов 1989, 98–99, рис. 1, 16–17.

²⁷ Старик, Аксьонов 2018, 117, рис. 2, 11.

бах Старосалтовского могильника²⁸, Маяцком археологическом комплексе²⁹, поминальном комплексе могильника в урочище Лысый Горб³⁰. По классификации стрел салтово-маяцкой культуры, разработанной С.И. Владимировым, такие стрелы относятся к отделу II (плоские), типу 1 (килевидные) и типу 4 (остролистные, удлиненные)³¹.

Железные пряжки с круглой рамкой найдены в кремационных погребениях IX в. могильника Дюрсо³². Ременные бронзовые и серебряные накладки-бляшки «сердцевидной» формы с кольцом найдены в катакомбных и грунтовых могильниках Подонцовья³³, погребениях Больше-Тиганского могильника³⁴. Бляшки похожей формы встречаются на разделителях ремней³⁵.

Кремационное захоронение 7 (объект 9 на раскопе I). Обнаружено в кв. 11, в 7,1 м к ЮВ от захоронения 1. Остатки кремации помещены в урну – горшок салтовского облика, накрытый перевернутой вверх дном лощеной кубышкой (рис. 7, 1).

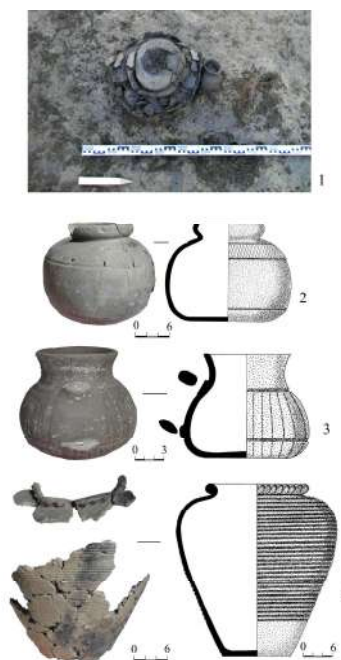

Рис. 7. Кремационное захоронение 7. 1 – вид с востока; 2 – кубышка; 3 – кувшин; 4 – урна-горшок

²⁸ Аксенов 1999, 143, рис. 2, 9.

²⁹ Кравченко 2020, 223, рис. 9, 10–11.

³⁰ Аксенов, Воловик 1999, 39, рис. 4, 10.

³¹ Владимиров 2017а, 111–112, 295, рис. 25; 2017б, 40–42, рис. 2, 1–2; 7.

³² Малышев 2021, 11–12, 24–25, 28, 39, 76, 98, 199, 218, рис. 5, 11–13; 16, 8; 19, 8; 27, 15–16; 50, 15; 65, 16–17; 145; 158, 6.

³³ Винников, Плетнева 1998, 183, рис. 71, *т*; Плетнева 1989, 77, 79, рис. 36, тип 1; Винников, Афанасьев 1991, 23–24, рис. 10, 6–7; Плетнева, Николаенко 1976, 296, рис. 9, 3; Кравченко, Шамрай 2000, 71, 75, рис. 3, 1, 8.

³⁴ Халикова, Халиков 2018, 14, табл. IIIА, 6.

³⁵ Малышев 2021, 162, 166, 272, рис. 117, 26; 202, 2.

Горшок, судя по размерам³⁶, тарный, изготовлен на ручном гончарном круге, обожжен неравномерно в окислительно-восстановительной среде. Тесто с примесью дробленых раковин моллюсков, на изломе серого оттенка, на поверхности светло-коричневого оттенка с пятнами темно-коричневого оттенка и оранжевого цвета. Венчик украшен по внешней плоскости пальцевыми вдавлениями, придавшими ему волнообразную форму. Тулово, за исключением придонной части, орнаментировано сплошным горизонтальным рифлением, нанесенным гребенчатым штампом (рис. 7, 4). В заполнении горшка найдены: свинцовая пронызь в виде полый трубки³⁷ (рис. 8, 3), железное навершие рукоятки клинка³⁸ (рис. 8, 2), разогнутый бронзовый браслет с выступами на верхней плоскости³⁹ (рис. 8, 5)⁴⁰ и нож с изогнутым лезвием⁴¹ (рис. 8, 4).

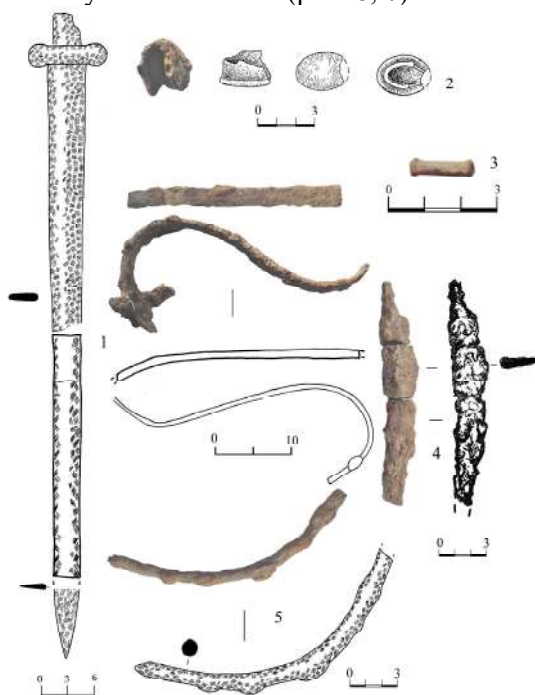

Рис. 8. Кремационное погребение 7. Погребальный инвентарь

³⁶ Реконструируемые размеры: высота – 35 см, диаметр устья – 21 см, максимальный диаметр тулова – 33 см, диаметр дна – 14 см.

³⁷ По краям ободки-выступы, отверстие продольное, овальное в разрезе. Длина – 1,8 см, диаметр – 0,5 см, размеры продольного отверстия в сечении – 0,1х0,2 см. Такие же по форме пронызы, но из бронзы, найдены в погребении 14 биритуального могильника Афипс-5, датирующегося не ранее второй половины IX в. (Голубев, Долгополова, 2022, рис. 166, 179, рис. 6, 17).

³⁸ Овальной формы, сохранилось частично. Размеры в сечении – 2х2,5 см, сохранилась на высоту – 2 см.

³⁹ Округлый в сечении. Один край обломан и утрачен в древности, другой – расплюсчен. На внешней поверхности 5 дисковидных выступов. Сохранился на длину – 17 см, диаметр сечения – 1 см.

⁴⁰ Ср. браслет из Кавказской Албании: Халилов 2003, 457, табл. 171, 22.

⁴¹ Сохранился в виде трех фрагментов. Нож однолезвийный. Клинок треугольный в сечении, сужается к концу, переход к ручке под прямым углом, выделен упором. Ручка штырьевидная, округлая в сечении. Длина клинка – не менее 11 см, ширина – до 20 см толщина – 0,5 см, сохранившаяся длина рукоятки – 2 см, сечение – 0,5х0,5 см.

Кубышка шаровидной формы⁴². Ее тесто на изломе и поверхности серого оттенка с примесью карбонатов. Украшена в верхней части тулова зоной сетчатого лощения, ограниченной с двух сторон горизонтальными неглубокими бороздками с лощеной поверхностью. Такая же бороздка нанесена в придонной части (рис. 7, 2). Относится она к редкому типу изделий подобной формы – с загнутым внутрь венчиком.

К северу от горшка, вплотную к нему, был установлен сосуд-приставка – лощеный одноручный кувшин с коротким и широким горлом⁴³. Его тесто на изломе и поверхности серого цвета, с примесью карбонатов, тулово украшено вертикальными полосами лощения и двумя горизонтальными бороздками с лощеной поверхностью (рис. 7, 3). К.И. Красильников классифицирует такие приземистые кувшины с широким горлом как сосуды гибридной формы – кружки-кувшины⁴⁴.

С юго-западной стороны горшка и частично под ним найден фрагмент согнутого в 2,5 раза прямого однолезвийного клинка⁴⁵ (рис. 8, 1), второй его фрагмент обнаружен в 0,15 м к северу от кувшина.

Относительно названия таких клинков исследователи пока еще не пришли к единому мнению, но в последнее время применительно к ним чаще всего отказываются от таких терминов, как салтовская сабля, однолезвийный меч и палаш (однолезвийный палаш), заменяя их другим – описательного характера – «однолезвийные клинки без изгиба»⁴⁶.

Кремационное захоронение 12 (объект 14 в раскопе 1). Обнаружено в кв. 13, в 3,8 м к юго-востоку от кремационного захоронения 10 (объекта 12). Остатки кремации помещены в урну – горшок салтовского облика, перекрытый нижней частью красноглиняной лощеной корчаги (рис. 9, 1–2). Горшок изготовлен на ручном гончарном круге, обжиг неравномерный, на изломе серого цвета, на поверхности серого цвета и светло-коричневого оттенка с пятнами оранжевого цвета⁴⁷. Тесто с примесью толченых раковин моллюсков. Венчик украшен пальцевыми вдавлениями, тулово на уровне плечиков – многорядной горизонтальной врезной волной, ниже (за исключением придонной части) – зональным и сплошным горизонтальным рифлением, нанесенным, как и волна, многозубчатой гребенкой (рис. 9, 7). Придонная часть корчаги украшена двумя горизонтальными бороздками с лощеной поверхностью⁴⁸ (рис. 9, 6). В заполнении урны найдены железные

⁴² Высота – 15,5 см, диаметр устья – 10,5 см, максимальный диаметр тулова – 20 см, диаметр дна – 13 см.

⁴³ Ручка отбита, вероятно, еще на момент совершения захоронения. Высота – 11 см, высота горла – 4 см, диаметр устья – 9 см, максимальный диаметр тулова – 13 см, диаметр дна – 8,5 см.

⁴⁴ Красильников 2009, 130, рис. 1, 1–4.

⁴⁵ Клинок на конце треугольный в сечении, в нижней части линзовидный. Перекрестие напускное, из двух слабоизогнутых пластин, на концах округлые выступы. Ручка прямоугольная в сечении, с железной округлой заклепкой в основании. Сохранился на длину – 70 см, ширина клинка – 3–4 см, толщина – 1 см, длина перекрестия – 9 см, сохранившаяся длина ручки – 4 см, ширина – 2,5 см, размеры шляпки-заклепки – 1 см.

⁴⁶ Албегова (Царикаева), Успенский 2019, 310–312, отд. I; Успенский, Албегова 2021, 48–49, рис. 40, отд. I; Мерперт 1955, 131–134; Плетнева 1967, 157; 1989, 71, 73, рис. 34; Винников, Плетнева 1998, рис. 71, А; Криганов 2012, 52, рис. 19; Голубев, Григорьянц 2009, 136–138; Голубев, Голубева 2012, 48; Сейдалиев 2009, 365, Сарапулкин 2020, 101, рис. 1, 6; Харламов 2017, 368–369; Данич 2022, 119–122; Владимиров 2017а, 60, 258, рис. 2.

⁴⁷ Реконструируемые размеры: высота – 35 см, диаметр устья – 28 см, максимальный диаметр тулова – 38 см, диаметр дна – 20 см.

⁴⁸ Сохранилась на высоту – 13,5 см, диаметр тулова на уровне излома – 17 см, диаметр дна – 9 см.

двусоставные удила⁴⁹ (рис. 9, 4). К востоку от нее – согнутый прямой однолезвийный клинок⁵⁰ (рис. 9, 5), под урной – железный наконечник пики⁵¹ (рис. 9, 3).

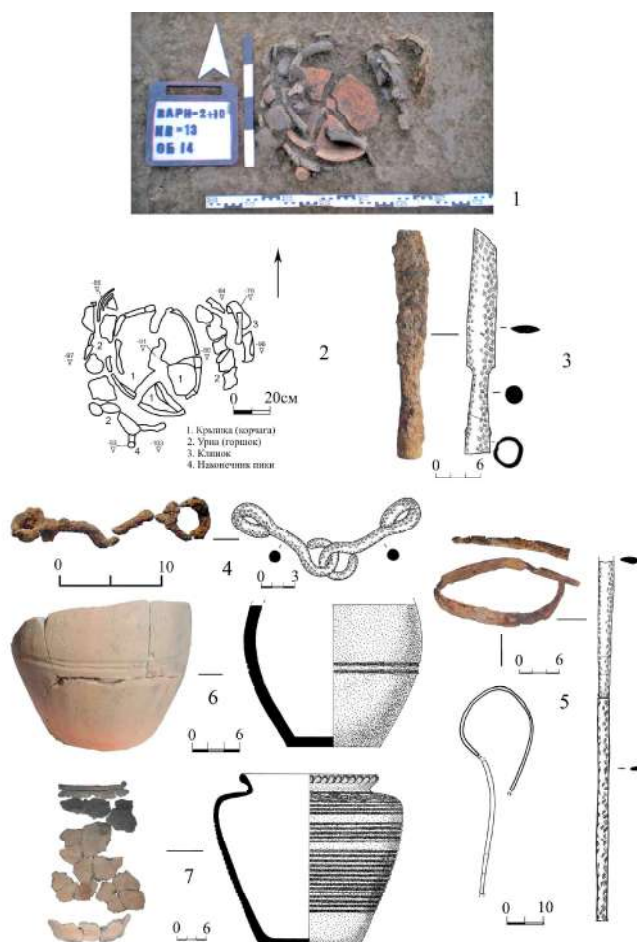

Рис. 9. Кремационное погребение 12. 1 – вид с юга; 2 – план; 3–5 – погребальный инвентарь.

Двусоставные удила, чаще всего со стержневидными псалями, широко распространились в хазарское время в восточноевропейской степи и лесостепи, а также на Урале и Зауралье. Найдены они и в Западном Предкавказье, в т.ч. в кремационных погребениях IX в. могильника Дюрсо⁵², кремационных захоронениях VIII–IX вв. могильника Псекупс 1 и в качестве случайных находок из

⁴⁹ Длина звена – 10,5 см, диаметр сечения – 1 см.

⁵⁰ Наконечник клинка треугольный в сечении, нижняя часть клинка линзовидная. Перекрестие утрачено в древности. Ручка короткая прямоугольная, плоская, прямоугольная в сечении. Сохранился на длину – 70 см, ширина клинка – 2,5 см, длина рукояти – 11 см.

⁵¹ Фрагментирован. Наконечник втульчатый, лезвие ромбически-линзовидное в сечении, с дуговидными, хорошо выраженными плечиками. Сохранился на длину – 27 см, длина втулки – 12 см, ширина пера – до 4 см, диаметр втулки – до 3 см.

⁵² Дмитриев 1979, 155, рис. 2, 15; Дмитриев 2003, 258, табл. 91, 11; Малышев 2021, 12–13, 16, 30, 35, 39, 44, 46, 52, 54, 60, 69, 76, 79, 86, 98, 120, 126, 136, 156, 161, 163, 205, 218, 266, 315, 322, рис. 6,

разрушенных погребений на его территории⁵³, ингумационных погребениях VIII–IX вв. Ново-Вочешпийского могильника⁵⁴, кремационном погребении на поселении Крымское-7 в Крымском районе Краснодарского края⁵⁵, катакомбах и конских захоронениях Даргавского могильника в Северной Осетии⁵⁶. Случайные их находки известны в восточной части Средней Кубани – в окрестностях станиц Родниковской и Чамлыкской Курганинского и Лабинского районов Краснодарского края⁵⁷.

Наконечник пики из захоронения 12 относится, скорее всего, к ударному броневойному классу вооружения и соответствует отделу I (с ромбическим сечением лезвия) типу 1 (пиковидные наконечники с удлинённо-коническим лезвием) подтипу В (с резким переходом от втулки к лезвию) по классификации С.И. Владимирова⁵⁸, отделу I (пики с узким, ромбическим в сечении пером) типу 2 (с относительно широким пером, образующим в месте перехода во втулку плечики) по классификации А.В. Крыганова⁵⁹ и типу II подтипу Б по классификации У.Ю. Кочкарова – с довольно широким пером удлинённо-треугольной формы и массивной втулкой⁶⁰. По мнению А.В. Крыганова, они вошли в обиход у кочевников в VII в.⁶¹ и в хазарское время получили распространение в Западном Предкавказье, в т. ч. у носителей кремационного обряда захоронений. Такие же наконечники найдены в погребении 106 могильника Казазово I⁶², могильниках Дюрсо, Бжид-I и Молдавановском могильнике⁶³, биритуальном могильнике Афипис-5⁶⁴, могильниках Цемдолина и Верхнебаканский в Новороссийске⁶⁵, могильнике Андреевская щель в 0,5 км к востоку от р. Су-Псех⁶⁶, могильнике в устье р. Псекупс⁶⁷, Сухогомольшанском могильнике⁶⁸.

Кремационное захоронение 18 (объект 13 в раскопе II). Обнаружено в кв. 13, в 4,4 м к северо-востоку от кремационного захоронения 14 (объекта 3). Остатки кремации помещены в урну – тарный лепной горшок, доработанный на ручном гончарном круге⁶⁹ (рис. 10, 1–2). Тесто на изломе светло-коричневого оттенка с прослойкой черного цвета, на поверхности светло-коричневого оттенка и пятнами светло-серого оттенка, с примесью карбонатных частиц. На горле пятно копоти и сажи. Венчик украшен наклонными овальными вдавлениями (рис. 10, 3). Погребальный инвентарь отсутствовал.

7; 9, 3; 20, 25; 24, 25; 28, 25; 30, 5; 32, 22; 35, 12; 36, 9; 40, 9; 46, 13; 50, 10; 52, 7; 56, 3; 65, 12; 83, 12; 88, 7; 95, 3; 113, 12; 115, 5; 118, 12; 149, 10; 158, 3; 197, 3; 239, 10; 242, 9.

⁵³ Ловпаче 1985, 26, 57, табл. XXVIII, 5; Носкова 2002, 184, рис. 4, 11.

⁵⁴ Носкова 2002, 186, рис. 6, 13–14.

⁵⁵ Кочкаров, Сурков 2023, 252, 255, рис. 2, 2.

⁵⁶ Дзаттиаты 2014, 224, 227–230, табл. LXIX, 86; ССIII, 18; ССVIII, 52; ССIX, 53; ССXIV, 4.

⁵⁷ Дударев и др. 2021, 231, 242, рис. 1, 1, 4.

⁵⁸ Владимиров 2016, 287, рис. 2, 8–10.

⁵⁹ Крыганов 1989, 102, рис. 3, 3.

⁶⁰ Кочкаров 2008, 49–50, табл. XXII, 12.

⁶¹ Крыганов 1989, 102.

⁶² Тарабанов 1983, 151–152, рис. 1, 3.

⁶³ Кочкаров 2008, табл. XXVI, 43, 45, 48, 49; Владимиров 2017а, 88–89, рис. 18, 12–14; Малышев 2021, 51–52, 54–55, 97–98, рис. 34, 4; 36, 2; 64, 8.

⁶⁴ Голубев, Долгополова 2022, 170, 174, рис. 1, 3; 12, 2.

⁶⁵ Шишлов и др. 2023, 214, 217, 219, 222, рис. 2, 1; 5, 1.

⁶⁶ Новичихин 2014, 62, 87, рис. 7, 2.

⁶⁷ Носкова 2002, 184, рис. 4, 7.

⁶⁸ Крыганов 1989, 102, рис. 3, 3.

⁶⁹ Высота – 37 см, диаметр устья – 24 см, максимальный диаметр тулова – 31 см, диаметр дна – 18 см.

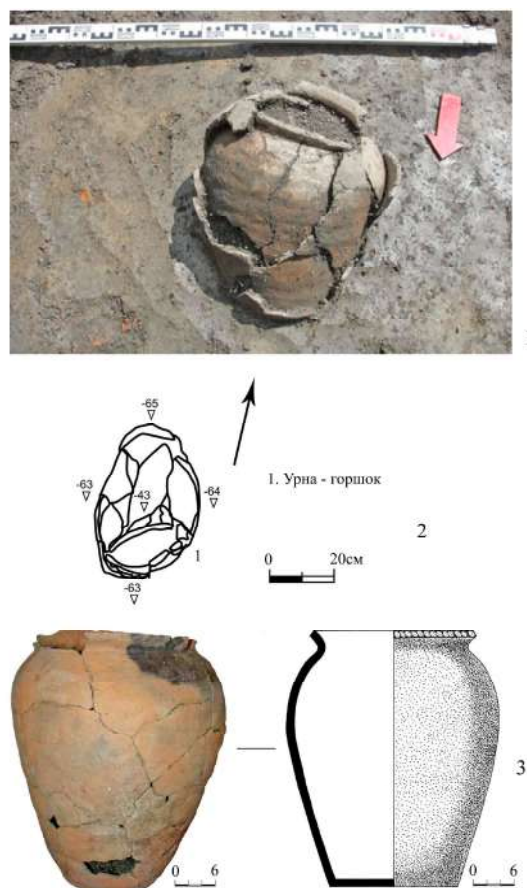

Рис. 10. Кремационное погребение 18. 1 – вид с севера; 2 – план; 3 – урна-горшок

Таким образом, из шести кремационных погребений в урнах-горшках три (захоронения 6, 7, 12) оказались мужскими – с оружием и конским снаряжением. В двух из них урны были перекрыты отбитой придонной частью лощеных корчаг, в одном – перевернутой лощеной кубышкой. Два мужских захоронения сопровождалась сосудами-приставками к урне – лощеными одноручными кувшинами. В четвертую урну (захоронение 3), судя по инвентарю (2-м бусинам), помещен прах женщины или девочки, но крышкой, в отличие от кремаций мужчин, она перекрыта не была. В пятой и шестой урнах-горшках (захоронения 2, 18), также без крышек, инвентаря обнаружено не было, соответственно, пол погребенных установить не удалось.

Использовавшиеся в качестве урн горшки изготавливались местными гончарами. Печи, в которых они обжигались раскопаны на поселении Плетнёва балка у хут. Красная Звезда Новокубанского района Краснодарского края⁷⁰, в кургане 5 могильника Холмский-25 на территории поселения Хабль-1 в окрестностях

⁷⁰ Голубев, Попик 2005, 139–147.

станции Холмской Краснодарского края⁷¹, на территории курганного могильника Общественный-I в окрестностях станции Мингрельская Абинского района Краснодарского края⁷² и на территории могильника Ахтырский лиман-I в Абинском районе Краснодарского края⁷³.

Помимо кухонной и столовой нелощеной посуды (горшков, котлов с внутренними ручками-ушками, мисок) в хазарский период в Прикубанье, Закубанье и на Черноморском побережье Западного Кавказа изготавливалась красноглиняная, сероглиняная и коричневоглиняная лощеная посуда, в т. ч. корчаги, кувшины, кубышки и кружки, массово использовавшиеся в погребальной практике носителями кремационного обряда захоронений. Печи, в которых они обжигались, найдены на окраине селища № 2 рядом с Гатлугаевским городищем № 2 на южном берегу Краснодарского водохранилища⁷⁴, на поселении Марьянское-1 в 3,8 км к западу от ст. Марьянская на правом берегу р. Кубань⁷⁵ и на поселении Усатова Балка-4 в 7 км к востоку от г. Анапа⁷⁶.

Кремационные погребения могильника поселения Варнавинское-2 относятся к т. н. «Кубано-Черноморской группе кремаций», имеющей родственную им группу кремационных погребений в Подонцове⁷⁷. В нашем случае особый интерес представляет биритуальный могильник Афипс-5, на котором, как и на могильнике поселения Варнавинское-2, были обнаружены урновые и безурновые кремационные захоронения, ингумационное погребение, ориентированное в юго-восточном направлении и погребение лошади. В качестве урн использовались лощеные корчаги и горшки (лепные и изготовленные на ручном гончарном круге). Датированы они были IX – первой половиной XI вв. и отнесены к «касожскому кругу памятников»⁷⁸. Впрочем, этническая принадлежность носителей кремационного погребального обряда могильников VIII – первой половины X вв. Кубано-Черноморской группы пока еще остается предметом дискуссии. Точки зрения по этом вопросу неоднократно излагались на страницах научных изданий⁷⁹, что избавляет от необходимости подробно останавливаться на нем.

ЛИТЕРАТУРА

- Аксенов, В.С. 1999: Старосалтовский катакомбный могильник. *Vita Antiqua* 2, 137–149.
 Аксенов, В.С., Воловик, С.И. 1999: Новый салтовский могильник в верхнем Подонечье. *Донская археология* 3–4, 34–40.
 Албегова (Царикаева), З.Х., Успенский, П.С. 2019: Длинноклинковое оружие племен Центрального Кавказа по материалам Даргавского катакомбного могильника. *КСИА* 256, 308–328.

⁷¹ Нечипорук 2015, 187–202.

⁷² Мельник 1986.

⁷³ Гей и др. 1988, 118–119.

⁷⁴ Тарабанов 1987, 57–58.

⁷⁵ Кононов, Пономарев 2023, 102–126.

⁷⁶ Кононов, Пономарев 2024, 84–107.

⁷⁷ Пьянков, Тарабанов 1998, рис. 1–2; Успенский 2015, рис. 3.

⁷⁸ Голубев, Долгополова 2022, 163–172.

⁷⁹ Носкова 2002, 178–179; Бубенок 2011, 162–163; Бубенок 2014, 43–50; Хотко 2014, 181–185; Успенский 2012, 192–193; Дударев, Пелих, Савенко, Цецхладзе 2020, 185–186.

- Бубенок, О.Б., 2011: Кремационный обряд захоронений хазарского времени на Северо-Западном Кавказе: традиция или инновация? *БИ XXV*, 159–195.
- Бубенок, О.Б. 2014: Касоги на юго-западной границе Хазарского каганата. *Хазарский альманах* 12, 34–68.
- Винников, А.З., Афанасьев, Г.Е. 1991: *Культовые комплексы Маяцкого селища (Материалы раскопок Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции)*. Воронеж.
- Винников, А.З., Плетнева, С.А., 1998: *На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение*. Воронеж.
- Владимиров, С.И. 2016: Наконечники копий населения лесостепной зоны Доно-Донецкого региона во второй половине VIII – начале X вв. (салтово-маяцкая культура). В сб.: *Археология восточноевропейской лесостепи: материалы II-ой Международной научной конференции. Воронеж, 18–20 декабря 2015 года*. Воронеж, 280–291.
- Владимиров, С.И. 2017а: *Вооружение и военное дело населения Доно-Донецкой Лесостепи во второй половине VIII – начале X вв. (салтово-маяцкая культура): дис. ... канд. ист. наук*. Воронеж.
- Владимиров, С.И. 2017б: Типология и истоки форм наконечников стрел населения Доно-Донецкого региона во второй половине VIII – начале X вв. (салтово-маяцкая культура). *КСИА* 248, 36–48.
- Гавритухин, И.О., Пьянков, А.В. 2003: Древности и памятники VIII–IX веков / Раннесредневековые древности побережья (IV–IX вв.). В сб.: Т.И. Макарова, С.А. Плетнева (ред.), *Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века*. М., 195–200 (Археология).
- Гей, А.Н., Мельник, В.И., Орловская, Л.Б., Сатеев, О.И., Сорокина, И.А. 1988: О работе Северо-Кавказской экспедиции. *Археологические открытия 1986 года*. М., 119.
- Голубев, А.М., Григорьянц, М.М. 2009: К вопросу о классификации клинкового оружия у племен салтовской культуры. В сб.: *Харьковский археологический сборник* 5, 135–146.
- Голубев, А.М., Голубева, Л.В. 2012: Однолезовая зброя з довгим клинком кочовиків VII–VIII вв. *Археологія* 4, 42–54.
- Голубев, Л.Э., Долгополова, М.С. 2022: Раскопки биритуального грунтового могильника «Афипс-5» в Северском районе Краснодарского края в 2020 году. *Вопросы археологии Адыгеи (2022)*, 163–185.
- Голубев, Л.Э., Попик, Е.В. 2005: Гончарные печи VIII–IX вв. у хут. Красная Зоря (Новокубанский район Краснодарского края). *МИАСК* 5, 139–147.
- Данич, А.В. 2022: Сабли Пермского Предуралья. *Военная археология* 7, 118–161.
- Дзатгиаты, Р.Г. 2014: *Аланские древности Даргавса*. Владикавказ.
- Дмитриев, А.В. 1979: Могильник эпохи переселения народов на реке Дюрсо. *КСИА* 158, 52–56.
- Дударев, С.Л., Бережная, В.А., Савенко, С.Н. 2021: Археологические материалы эпохи средневековья с территории Средней Кубани. *Вопросы археологии Адыгеи (2021)*, 229–239.
- Дударев, С.Л., Пелих, А.Л., Савенко, С.Н., Цецхладзе, Г.Р., 2020: *Археологические источники о происхождении и этнополитической истории населения Северного Кавказа (проблемы изучения)*. Армавир.
- Кононов, В.Ю., Пономарев, Л.Ю. 2023: Гончарный комплекс VIII–IX вв. поселения Марьянское-1 в Нижнем Прикубанье (по результатам работ 2013 г.). *Древности Кубани* 26, 102–126.
- Кононов, В.Ю., Пономарев, Л.Ю. 2023: Гончарная печь VIII–IX вв. на поселении Усатова балка-4. *ПИФК* 1, 84–107.
- Кочкаров, У.Ю. 2008: *Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII–XIV вв. (оружие ближнего боя)*. М.

- Кочкаров, У.Ю., Сурков, А.В. 2023: Кремационное погребение с селища «Крымское-7». *МИАСК* 21, 250–256.
- Кравченко, Э.Е. 2020: Предметы вооружения и конского снаряжения хазарского времени (среднее течение Северского Донца). *Археология Евразийских степей* 6, 198–223.
- Кравченко, Э.Е., Шамрай, А.В. 2000: Погребальные комплексы хазарского времени с баклагами с территории Донецкой области. *Донская археология* 3–4, 70–82.
- Красильников, К.И. 2009: Лощеная керамика из степного массива салтово-маяцкой культуры (типология, технология, орнаментика, клейма). *Степи Европы в эпоху средневековья* 7, 99–152.
- Криганов, А.В. 2012: *Військова справа кочівників Північного Причорномор'я кінця IV – початку XIII століть*. Суми.
- Крыганов, А.В. 1989: Вооружение и войско населения салтово-маяцкой культуры (по материалам могильников с обрядом трупосожжения). В сб.: И.Ф. Ковалева (ред.). *Проблемы археологии Поднепровья*. Днепропетровск, 98–114.
- Ловпаче, Н.Г. 1985: Могильники в устье реки Пескупса. В сб.: Н.В. Анфимов (ред.). *Вопросы археологии Адыгеи*. Майкоп, 16–64.
- Мельник, В.И. 1986: *Отчет о раскопках производственного комплекса на кургане № 12 могильника Общественный I, проведенных Северо-Кавказской экспедицией ИА АН СССР в 1985 г.* М. Архив ИА РАН. Р–1. № 11604.
- Мерперт, Н.Я. 1955: Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье. *СА XXIII*, 131–168.
- Мальшев, А.А. (ред.) 2021: *Могильник Дюрсо: Каталог. Часть I*. М. (Некрополи Черноморья VI).
- Нечипорук, А.А. 2015: Материалы хазарского времени кургана 5 курганной группы Холмский 25. В сб.: *V «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Культурные взаимодействия народов Западного Кавказа в древности и средневековье. Материалы международной научной конференции (г. Краснодар, 26–28 мая 2015 г.)*. Краснодар, 187–202.
- Новичихин, А.М. 2013: Комплекс инвентаря кремационного погребения средневекового воина из окрестностей станицы Гостагаевской. *Историко-археологический альманах* 12, 108–114.
- Новичихин, А.М. 2014: Предметы вооружения, воинского и конского снаряжения из разрушенных погребений могильника Андреевская щель. *Военная археология* 3, 55–93.
- Носкова, Л.М. 2002: К вопросу об этническом составе Закубанья в эпоху раннего средневековья. *Материальная культура Востока* 3, 169–187.
- Плетнева, С.А. 1967: *От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура*. М. (МИА 142).
- Плетнева, С.А. 1989: *На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс*. М.
- Плетнева, С.А., Николаенко, А.Г. 1976: Волоконовский древнеболгарский могильник. *СА* 3, 279–298.
- Пьянков, А.В. 1990: Новый средневековый могильник у аула Казазово. В сб.: А.М. Ждановский, И.И. Марченко (ред.). *Древние памятники Кубани*. Краснодар, 158–165.
- Пьянков, А.В., Тарабанов, В.А. 1998: Кремационные погребения Кубани и Подонья салтовского времени: единство происхождения или случайное сходство. *Древности Кубани* 13, 18–32.
- Пьянков, А.В., Тарабанов, В.А. 2004: Воинский комплекс 25 из Молдавановского могильника. *МИАСК* 3, 276–293.
- Сарапулкин, В.А. 2020: Воинские погребения Ржевского могильника салтово-маяцкой культуры. *Via en tempore. История. Политология* 47/1, 97–106.
- Сейдалиев, Э.И. 2009: Эволюция клинкового оружия средневековых кочевников в степях южной Украины и Крыма до вторжения монголо-татар. *БИ XXI*, 364–374.

- Старік, О.В., Аксьонов, В.С. 2018: Речі салтівського часу з колекції Дніпровського національного музею імені Д. І. Яворницького. *Археологія* 4, 114–126.
- Тарабанов, В.А. 1983: Средневековый могильник у аула Казазово. В сб. Р.Ф. Итс (ред.), *Историческая этнография: традиции и современность*. Л., 148–154 (Проблемы археологии и этнографии II).
- Тарабанов, В.А. 1987: Гончарный комплекс селища-II аула Казазово. В сб.: А.Ф. Ачкасова, Е.А. Хачатурова (ред.). *Древности Кубани (Материалы семинара)*. Краснодар, 57–58.
- Успенский, П.С. 2012: Некоторые итоги и перспективы изучения кремационных погребения Северо-Западного Кавказа VIII–XIII вв. *КСИА* 226, 188–196.
- Успенский, П.С. 2015: *Кремационные погребения Северо-Западного Кавказа VIII–XIII вв. как исторический источник. Дис. ... канд. ист. наук*. М.
- Успенский, П.С., Албегова (Царикаева), З.Х. 2021: *Древности Центрального Кавказа VII–XIII вв. (по материалам Даргавского могильника)*. М.
- Халилов, Д.А. 2003: Материальная культура. Раннесредневековая Албания в IV–VII веках. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева (ред.), *Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века*. М., 360–366 (Археология).
- Харламов, П.В. 2017: Комплекс вооружения кочевых племен Волго-Уральского региона в IX–XI вв. *Археология Евразийских степей* 1, 364–377.
- Хотко, С.Х. 2014: Опыт критического осмысления новой концепции этнической истории Северо-Западного Кавказа в хазарское время (VIII–X вв.). В сб.: *Древняя и средневековая культура адыгов. Материалы международной научно-практической конференции (г. Нальчик, 16–20 октября 2013 г.)*. Ч. I. Нальчик, 181–189.
- Шишлов, А.В., Колпакова, А.В., Федоренко, Н.В. 2023: Новые памятники с кремационными погребениями VIII–IX вв. в районе г. Новороссийска (Цемдолина – ул. Спортивная и Верхнебаканский – ул. Титан). В сб.: *Западный Кавказ в контексте контактов культур, народов и цивилизаций: Материалы научно-практической конференции XI Анфимовские чтения, г. Анапа, 25–28 сентября 2023 г.* Краснодар, 213–223.

REFERENCES

- Aksenov, V.S. 1999: Starosaltovskiy katakombnyy mogil'nik [Starosaltovsk Cemetery of Catacombs]. *Vita Antiqua* 2, 137–149.
- Aksenov, V.S., Volovik, S.I. 1999: Novyy saltovskiy mogil'nik v verkhnem Podonechye [A New Saltovo Burial Ground in the Upper Podonechye]. *Donskaya arkheologiya [Don Archaeology]* 3–4, 34–40.
- Albegova (Tsarikaeva), Z.Kh., Uspenskiy, P.S. 2019: Dlinnoklinkovoe oruzhie plemen Tsentral'nogo Kavkaza po materialam Dargavskogo katakombnogo mogil'nika [Long-bladed Weapons of the Tribes of the Central Caucasus Based on the Materials of the Dargava Cemetery of Catacombs]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]* 256, 308–328.
- Bubenok, O.B. 2011: Krematsionnyy obryad zakhoroneniya khazarskogo vremeni na Severo-Zapadnom Kavkaze: traditsiya ili innovatsiya? [Khazar Cremation Rite of burials in the Northwestern Caucasus: Tradition or Innovation?]. *Bosporskie issledovaniya [Bosporos Studies]* XXV, 159–195.
- Bubenok, O.B. 2014: Kasogi na yugo-zapadnoy granitse Khazarskogo kaganata [The Kassoges on the Southwestern Border of the Khazar Khaganate]. *Khazarskiy al'manakh [Khazar Almanac]* 12, 34–68.
- Danich, A.V. 2022: Sabli Permskogo Predural'ya [Sabres of the Permian Urals]. *Voennaya arkheologiya [Military Archaeology]* 7, 118–161.

- Dmitriev, A.V. 1979: Mogil'nik epokhi pereseleniya narodov na reke Dyurso [A Cemetery of the Era of the Migration of Peoples on the Dyurso River]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 158, 52–56.
- Dudarev, S.L., Pelikh, A.L., Savenko, S.N., Tsetskhladze, G.R. 2020: *Arkheologicheskie istochniki o proiskhozhdenii i etnopoliticheskoy istorii naseleniya Severnogo Kavkaza (problemy izucheniya)* [Archaeological Sources on the Origin and Ethnopolitical History of the Population of the North Caucasus (Problems of Study)]. Armavir.
- Dudarev, S.L., Berezhnaya, V.A., Savenko, S.N. 2021: Arkheologicheskie materialy epokhi srednevekov'ya s territorii Sredney Kubani [Archaeological Materials of the Middle Ages from the Central Kuban]. *Voprosy arkheologii Adygei (2021)* [Issues of Archaeology of Adygea (2021)], 229–239.
- Dzattyaty, R.G. 2014: *Alanskie drevnosti Dargavsya* [Alan Antiquities of Dargavs]. Vladikavkaz. From the History of Weapons of Eastern European Tribes in the Early Middle Ages]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] XXIII, 131–168.
- Gavritukhin, I.O., Pyankov, A.V. 2003: Drevnosti i pamyatniki VIII–IX vekov. Rannesrednevekovye drevnosti poberezh'ya (IV–IX vv.). In: T.I. Makarova, S.A. Pletneva (ed.), *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ya: IV–XIII veka* [Crimea, the North-Eastern Black Sea Region and Transcaucasia in the Middle Ages: 4th to 13th cc.]. Moscow, 195–200 (Arkheologiya [Archaeology]).
- Gey, A.N., Melnik, V.I., Orlovskaya, L.B., Sateev, O.I., Sorokina, I.A. 1988: O rabote Severo-Kavkazskoy ekspeditsii [Works of the North Caucasian Expedition]. *Arkheologicheskie otkrytiya 1986 goda* [Archaeological Discoveries 1986]. Moscow, 119.
- Golubev, A.M., Grigoryants, M.M. 2009: K voprosu o klassifikatsii klinkovogo oruzhiya u plemen saltovskoy kul'tury [Towards the Classification of Bladed Weapons among the Tribes of the Saltovo Culture]. In: *Khar'kovskiy arkheologicheskiy sbornik* [Kharkiv Archaeological Collection] 5, 135–146.
- Golubev, L.E., Dolgoplova, M.S. 2022: Raskopki biritual'nogo gruntovogo mogil'nika «Afips-5» v Severskom rayone Krasnodarskogo kraja v 2020 godu [Excavations of the Afips-5 Bi-ritual Cemetery without Mounds in the Seversky District of the Krasnodar Territory in 2020]. *Voprosy arkheologii Adygei (2022)* [Issues of the Archaeology of Adygea (2022)], 163–185.
- Golubev, L.E., Popik, E.V. 2005: Goncharnye pechi VIII–IX vv. u khut. Krasnaya Zorya (Novokubanskiy rayon Krasnodarskogo kraja) [Pottery Kilns of the 8th–9th cc. near the Krasnaya Zorya Farm (Novokubansky District of Krasnodar Territory)]. In: *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza* [Materials and Research on the Archaeology of the North Caucasus] 5, 139–147.
- Golubev, A.M., Golubeva, I.V. 2012: Odnolezova zbroya z dovgim klinkom kochovikov VII–VIII vv. [Single-bladed Weapon with a Long Blade of the Nomads of the 7th–8th cc.]. *Arkheologiya* [Archaeology] 4, 42–54.
- Khalilov, D.A. 2003: Material'naya kul'tura. Rannesrednevekovaya Albaniya v IV–VII vekakh [Material Culture. Early Medieval Albania in the 4th–7th cc.]. In: T.I. Makarova, S.A. Pletneva (ed.), *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ya: IV–XIII veka* [Crimea, the North-Eastern Black Sea Region and Transcaucasia in the Middle Ages: 4th to 13th cc.]. Moscow, 360–366. (Arkheologiya) [Archaeology].
- Kharlamov, P.V. 2017: Kompleks vooruzheniya kochevykh plemen Volgo-Ural'skogo regiona v IX–XI vv. [Complex of weapons of Nomadic Tribes of the Volga-Ural Region in the 9th–11th cc.]. *Arkheologiya Evraziyskikh stepey* [Archaeology of Eurasian Steppes] 1, 364–377.
- Khotko, S.Kh. 2014: Opyt kriticheskogo osmysleniya novoy kontseptsii etnicheskoy istorii Severo-Zapadnogo Kavkaza v khazarskoe vremya (VIII–X vv.) [The Experience of Critical Comprehension of a New Concept of the Ethnic History of the Northwestern Caucasus in the Khazar Period (8th–10th cc.)]. In: *Drevnyaya i srednevekovaya kul'tura adygov. Mate-*

- rialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Nal'chik, 16–20 oktyabrya 2013 g.) [Ancient and Medieval Culture of the Adyghe. Materials of the International Scientific and Practical Conference (Nalchik, October 16–20, 2013)].* Ch. I. Nalchik, 181–189.
- Kochkarov, U.Yu. 2008: *Vooruzhenie voinov Severo-Zapadnogo Predkavkaz'ya VIII–XIV vv. (oruzhie blizhnego boya) [Soldiers' Armament of the Northwestern Caucasus of the 8th–14th cc. (Melee Weapons)]*. Moscow.
- Kochkarov, U.Yu., Surkov, A.V. 2023: Krematsionnoe pogrebenie s selishcha «Krymskoe-7» [Cremation Burial at the Krymskoye-7 Site]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza [Materials and Research on the Archaeology of the North Caucasus]* 21, 250–256.
- Kononov, V.Yu., Ponomarev, L.Yu. 2023: Goncharnaya pech' VIII–IX vv. na poselenii Usatova balka-4 [The 8th–9th Centuries Pottery Kiln at the Usatova Balka 4 Settlement]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]* 1, 84–107.
- Kononov, V.Yu., Ponomarev, L.Yu. 2023: Goncharnyy kompleks VIII–IX vv. poseleniya Mar'yanskoe-1 v Nizhnem Prikuban'e (po rezul'tatam rabot 2013 g.) [The 8th–9th Centuries Pottery Complex from Maryanskoe-1 Settlement in the Lower Kuban Region (Based on the Results of 2013 Season)]. *Drevnosti Kubani [Antiquities of Kuban]* 26, 102–126.
- Krasilnikov, K.I. 2009: Loshchenaya keramika iz stepnogo massiva saltovo-mayatskoy kul'tury (tipologiya, tekhnologiya, ornamentika, kleyma) [Polished Ceramics from the Steppe Massif of the Saltovo-Mayaki Culture (Typology, Technology, Ornamentation, Stamps)]. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya [Steppes of Europe in the Middle Ages]* 7, 99–152.
- Kravchenko, E.E. 2020: Predmety vooruzheniya i konskogo snaryazheniya khazarskogo vremeni (srednee techenie Severskogo Dontsa) [Items of Military and Horse Equipment of the Khazar Period (Middle Course of the Seversky Donets)]. *Arkheologiya Evraziyskikh stepei [Archaeology of Eurasian Steppes]* 6, 198–223.
- Kravchenko, E.E., Shamray, A.V. 2000: Pogrebal'nye komplekсы khazarskogo vremeni s baklagami s territorii Donetskoj oblasti [The Khazar Period Burial Complexes with baklaks in the Donetsk Region]. *Donskaya arkheologiya [Don Archaeology]* 3–4, 70–82.
- Kriganov, A.V. 2012: *Viis'kova sprava kochivnikov Pivnichnogo Prichernomor'ya kintsya IV – pochatku XIII stolit' [Military Equipment of the Northern Pontic Nomads of the Late 4th – Early 13th c.]*. Sumy.
- Kriganov, A.V. 1989: Vooruzhenie i voysko naseleniya saltovo-mayatskoy kul'tury (po materialam mogil'nikov s obryadom truposozhzheniya) [Armament and Troops of the Saltovo-Mayaki Population (Based on the Materials of Burial Grounds with the Ceremony of Corpse Burning)]. In: I.F. Kovaleva (ed.), *Problemy arkheologii Podneprov'ya [Problems of Archaeology of the Dnieper Region]* Dnepropetrovsk, 98–114.
- Lovpache, N.G. 1985: Mogil'niki v ust'e reki Psekupsa [Burial Grounds at the Mouth of the Psekups River]. In: N.V. Anfimov (ed.), *Voprosy arkheologii Adygei [Issues of the Archaeology of Adygea]*. Maykop, 16–64.
- Malyshev, A.A. (ed.) 2021: *Mogil'nik Dyurso: Katalog [The Dyurso Cemetery. Catalogue]*. Pt. I. Moscow (*Nekropoli Chernomor'ya [Necropoleis of the Pontic Region]* IV).
- Melnik, V.I. 1986: *Otchet o raskopkakh proizvodstvennogo kompleksa na kurgane № 12 mogil'nika Obshchestvennyy I, provedennykh Severo-Kavkazskoy ekspeditsiy IA AN SSSR v 1985 g. [Report on the Excavations of the Production Complex on the Burial Mound No. 12 of the Obshchestvennyy I Burial Ground, Conducted by the North Caucasian Expedition of the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences in 1985]*. Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences]. R–1. No. 11604.
- Merpert, N.Ya. 1955: Iz istorii oruzhiya plemen Vostochnoy Evropy v rannem srednevekov'e [From the History of Weapons of the Eastern European Tribes in the Early Middle Ages]. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]* XXIII, 131–168.

- Nechiporuk, A.A. 2015: Materialy khazarskogo vremeni kurgana 5 kurgannoy gruppy Kholm'skiy 25 [Materials of the Khazar Period Kurgan 5 of the Kholm'sky Kurgan Group 25]. In: *V «Anfimovskie chteniya» po arkheologii Zapadnogo Kavkaza. Kul'turnye vzaimodeistviya narodov Zapadnogo Kavkaza v drevnosti i srednevekov'e. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (g. Krasnodar, 26–28 maya 2015 g.)* [Vth "Anthimov Readings" on the Western Caucasian Archaeology. Cultural Interactions of the the Western Caucasus Peoples in Antiquity and the Middle Ages. Materials of the International Scientific Conference (Krasnodar, May 26–28, 2015)]. Krasnodar, 187–202.
- Noskova, L.M. 2002. K voprosu ob etnicheskom sostave Zakuban'ya v epokhu rannego srednevekov'ya [Towards the Ethnic Composition of the Trans-Kuban in the Early Middle Ages]. *Material'naya kul'tura Vostoka* [Material Culture of the East] 3, 169–187.
- Novichikhin, A.M. 2013: Kompleks inventarya krematsionnogo pogrebeniya srednevekovogo voina iz okrestnostey stanitsy Gostagaevskoy [A Complex of Equipment from the Cremation Burial of a Medieval Warrior from the Vicinity of the Village of Gostagaevskaya]. *Istoriiko-arkheologicheskiy al'manakh* [Historical and Archaeological Almanac] 12, 108–114.
- Novichikhin, A.M. 2014: Predmety vooruzheniya, voinskogo i konskogo snaryazheniya iz razrushennykh pogrebeniy mogil'nika Andreevskaya shchel' [Items of Weapons, Military and Horse Equipment from the Destroyed Burials of the Andreevskaya Schel Cemetery]. *Voennaya arkheologiya* [Military Archaeology] 3, 55–93.
- Pyankov, A.V. 1990: Novyy srednevekovyy mogil'nik u aula Kazazovo [A New Medieval Burial Ground near the Village of Kazazovo]. In: A.M. Zhdanovskiy, I.I. Marchenko (eds.), *Drevnie pamyatniki Kubani* [Ancient Sites of Kuban]. Krasnodar, 158–165.
- Pyankov, A.V., Tarabanov, V.A. 1998: Krematsionnye pogrebeniya Kubani i Podon'ya saltovskogo vremeni: edinstvo proiskhozhdeniya ili sluchainoe skhodstvo [Cremation Burials of Kuban and Podonye of the Saltovo Time: Unity of Origin or Accidental Similarity]. *Drevnosti Kubani* [Antiquities of Kuban] 13, 18–32.
- Pyankov, A.V., Tarabanov, V.A. 2004: Voinskiy kompleks 25 iz Moldavanovskogo mogil'nika [Military Complex 25 from the Moldavian Burial Ground]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza* [Materials and Research on the Archaeology of the North Caucasus] 3, 276–293.
- Pletneva, S.A. 1967: Ot kocheviy k gorodam. Saltovo-mayatskaya kul'tura [From Nomads to Cities. The Saltovo-Mayaki Culture]. Moscow (Materialy i issledovaniya po Arkheologii SSSR [Materials and Research on the Archeology of the USSR] 142).
- Pletneva, S.A. 1989: *Na slavyano-khazarskom pograniich'e. Dmitrievskiy arkheologicheskiy kompleks* [On the Slavic-Khazar Borderland. The Dmitrievskoe Archaeological Complex]. Moscow.
- Pletneva, S.A., Nikolaenko, A.G. 1976: Volokonovskiy drevnebolgarskiy mogil'nik [Volokonovsky Ancient Bulgarian Burial Ground]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 3, 279–298.
- Sarapulkin, V.A. 2020: Voinskie pogrebeniya Rzhevskogo mogil'nika saltovo-mayatskoy kul'tury [Military Burials of the Rzhevsky Burial Ground of the Saltovo-Mayaki Culture]. *Via en tempore. Istoriya. Politologiya* [Via en tempore. History. Political Science] 47.1, 97–106.
- Seydaliyev, E.I. 2009: Evoliutsiya klinkovogo oruzhiya srednevekovykh kochevnikov v stepyakh iuzhnoy Ukrainy i Kryma do vtorzheniya mongolo-tatar [Evolution of the Bladed Weapons of Medieval Nomads in the Steppes of Southern Ukraine and Crimea before the Mongol-Tatar Invasion]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporos Studies] XXI, 364–374.
- Shishlov, A.V., Kolpakova, A.V., Fedorenko, N.V. 2023: Novye pamyatniki s krematsionnymi pogrebeniyami VIII–IX vv. v rayone g. Novorossiyska (Tsemdolina – ul. Sportivnaya i Verkhnebakanskiy – ul. Titan) [New Sites with Cremation Burials of the 8th–9th cc. in the Area of Novorossiysk (Tsemdolina – Sportivnaya Street and Verkhnebakanskiy – Titan Street)]. In: *Zapadnyi Kavkaz v kontekste kontaktov kul'tur, narodov i tsivilizatsiy: Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii XI Anfimovskie chteniya, g. Anapa, 25–28 sentyabrya 2023 g.* [The Western Caucasus in the Context of Cultural, Ethnic and Civilizational Contacts: Materials of the Scientific-Practical Conference XI Anfimov's Readings, g. Anapa, 25–28 September 2023]. Anapa, 2023, 10–11.

- abrya 2023 g. [*The Western Caucasus in the Context of Contacts of Cultures, Peoples and Civilizations: Materials of the Scientific and Practical Conference XI Anthimov Readings, Anapa, September 25–28, 2023*]. Krasnodar, 213–223.
- Starik, O.V., Aksenov, V.S. 2018: Rechi saltivs'kogo chasu z kolektsii Dniprovs'kogo natsional'nogo muzeyu imeni D.I. Yavornits'kogo [Items of the Saltovo Period in the Dnepropetrovsk National Museum named after D.I. Yavornitsky]. *Arkheologiya* [Archaeology] 4, 114–126.
- Tarabanov, V.A. 1983: Srednevekovyy mogil'nik u aula Kazazovo [Medieval Burial Ground near Kazazovo village]. In: R.F. Its (ed.), *Istoricheskaya etnografiya: traditsii i sovremennost'* [Historical Ethnography: Traditions and Modernity]. Leningrad, 148–154. (Problemy arkheologii i etnografii) [Problems of Archaeology and Ethnography] II.
- Tarabanov, V.A. 1987: Goncharnyy kompleks selishcha-II aula Kazazovo [Pottery Complex of the Site-II of the village of Kazazovo]. In: A.F. Achkasova, E.A. Khachaturova (eds.), *Drevnosti Kubani (Materialy seminara)* [Antiquities of Kuban (Materials of the Seminar)]. Krasnodar, 57–58.
- Uspenskiy, P.S. 2012: Nekotorye itogi i perspektivy izucheniya krematsionnykh pogrebeniy Severo-Zapadnogo Kavkaza VIII–XIII vv. [Some Results and Prospects of Studying Northwest Caucasus Cremation Burials of the 8th–13th cc.]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 226, 188–196.
- Uspenskiy, P.S. 2015: *Krematsionnye pogrebeniya Severo-Zapadnogo Kavkaza VIII–XIII vv. kak istoricheskii istochnik. Dis. ... kand. ist. nauk* [Cremation Burials of the Northwest Caucasus of the 8th–13th cc. as a Historical Source. PhD]. Moscow.
- Uspenskiy, P.S., Albegova (Tsarikaeva), Z.Kh. 2021: *Drevnosti Tsentral'nogo Kavkaza VII–XIII vv. (po materialam Dargavskogo mogil'nika)* [Antiquities of the Central Caucasus of the 7th–13th cc. (Based on the Materials of the Dargava Burial Ground)]. Moscow.
- Vinnikov, A.Z., Afanasyev, G.E. 1991: *Kul'tovye komplekсы Mayatskogo selishcha (Materialy raspekop Sovetsko-Bolgaro-Vengerskoy ekspeditsii)* [Cult Complexes of the Mayaki Settlement (Materials of the Excavations of the Soviet-Bulgarian-Hungarian Expedition)]. Voronezh.
- Vinnikov, A.Z., Pletneva, S.A. 1998: *Na severnykh rubezhakh Khazarского kaganata. Mayakoe poselenie* [On the Northern Borders of the Khazar Khaganate. Mayaki Settlement]. Voronezh.
- Vladimirov, S.I. 2016: Nakonechniki kopiy naseleniya lesostepnoy zony Dono-Donetskogo regiona vo vtoroy polovine VIII – nachale X vv. (saltovo-mayatskaya kul'tura) [Spearheads of the Population of the Forest-Steppe Zone of the Don-Donetsk Region in the Second Half of the 8th to the Early 10th Century. (The Saltovo-Mayaki Culture)]. In: *Arkheologiya vostochnoevropeyskoy lesostepi: materialy II-oy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Voronezh, 18–20 dekabrya 2015 goda* [Archaeology of the Eastern European Forest-Steppe: Materials of the 2nd International Scientific Conference. Voronezh, December 18–20, 2015]. Voronezh, 280–291.
- Vladimirov, S.I. 2017a: *Vooruzhenie i voennoe delo naseleniya Dono-Donetskoy Lesostepi vo vtoroy polovine VIII – nachale 10 vv. (saltovo-mayatskaya kul'tura). Dis. ... kand. ist. nauk* [Armament and Military Affairs of the Population of the Don-Donetsk Forest-Steppe in the Second Half of the 8th to the Early 10th Century (The Saltovo-Mayaki Culture). PhD]. Voronezh.
- Vladimirov, S.I. 2017b: Tipologiya i istoki form nakonechnikov strel naseleniya Dono-Donetskogo regiona vo vtoroy polovine VIII – nachale 10 vv. (saltovo-mayatskaya kul'tura). *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 248, 36–48.

BIRITUAL BURIAL GROUND OF THE 9th – FIRST HALF OF THE 10th cc.
AT THE VARNAVINSKOYE 2 SETTLEMENT IN ZAKUBANYE:
CREMATION BURIALS IN URN-POTS

Valeriy Yu. Kononov¹, Leonid Yu. Ponomarev²

¹ LLC “Crimean Regional Center for Archaeological Research”, Simferopol, Russia

² Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia

¹ E-mail: kononov1978@mail.ru

² E-mail: l_ponomarev@mail.ru

In 2010–2011, the site of the birital burial ground of the second half of the 9th to the first half of the 10th century was investigated at the Varnavinskoye-2 settlement, the Kuban region. The paper examines a group of cremation burials in funeral urns – kitchen and container pots. Three of them contain the ashes of male warriors buried with weapon and horse equipment. The ashes of a woman or a girl are placed in other pot. We have not been able to determine the gender of the deceased in two burials. The cremation burials of the burial ground of the Varnavinskoye-2 settlement belong to the Kuban-Black Sea Cremation Group, which has a related group of cremation burials in the Podontsovo region. Some scholars associate them with the Kassoges.

Keywords: Zakubanye, settlement and cemetery of Varnavinskoye-2, Khazar time, cremations, Saltovo-Mayaki pots

---

DOI: 10.18503/1992-0431-2025-1-87-161–169

АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ПОСЕЛЕНИЙ СРЕДНЕГО И ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА НА КАРАЛАРСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ КРЫМСКОГО ПРИАЗОВЬЯ

С.В. Семенова¹, Л.Л. Леонов²

¹ *Азовский историко-археологический и палеонтологический
музей-заповедник, Азов, Россия*

² *Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия;
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия*

¹ E-mail: semenova.amz@yandex.ru

² E-mail: l.l.leonov@yandex.ru

¹ ORCID: 0009-0004-0450-705X   ² ORCID: 0000-0002-1740-5173

В статье представлены результаты археозоологического исследования костных остатков из раскопок поселений среднего и позднего бронзового века на Караларском побережье Крымского Приазовья. Остеологический материал поселений Большой Шибан, Сагун Дык Кая, Джарган Кая и Ташларка Северная дает первое представление о видовом составе домашних животных, мясном потреблении жителей, позволяет приблизиться к вопросу реконструкции хозяйственной деятельности в период бронзового века. Всего проанализировано 1 748 костей от 6 видов домашних млекопитающих, определена доля беспозвоночных и представителей других классов позвоночных животных. Анализ остеологического материала поселений свидетельствует о присутствии в хозяйстве населения Крымского Приазовья крупного и мелкого рогатого скота, лошади, свиньи. Преобладает крупный рогатый скот, что свидетельствует о его хозяйственной значимости и предпочтении говядины в питании жителей Караларского побережья. Рыболовство и охота не играли существенной роли. Дополнением к мясной диете служили морские и пресноводные моллюски.

Ключевые слова: Крымское Приазовье, средняя бронза, поздняя бронза, археозоологические исследования, костные остатки

Данные об авторах. Светлана Владимировна Семенова – старший научный сотрудник АИАПМЗ; Лев Леонидович Леонов – аспирант ИА РАН, младший научный сотрудник отдела естественно-научных методов в археологии НИЦ истории и археологии Крыма КФУ им. В.И. Вернадского.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-68-00010 «Палеоэкология и палеоэкономика древнего населения Крыма: хозяйственные модели в меняющихся природных условиях и вклад древней антропогенной деятельности в формирование современного почвенного покрова региона».

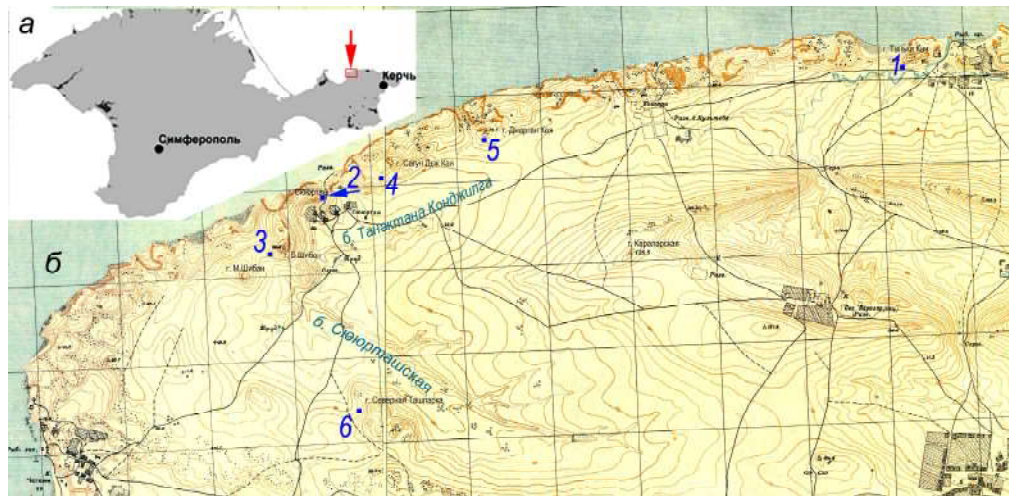

Рис. 1. Западная часть Караларского побережья (Керченское Приазовье) на схематической карте Крыма (а) и на карте 1933 г. масштаба 1:25000 (б). Поселения бронзового века: 1 – Генеральское западное (ЮЗ склон); 2 – на южном склоне горы Сююр-Таш; 3 – Большой Шибан; 4 – Сагун Дык Кая; 5 – Джарган Кая; 6 – Ташларка Северная

По методической схеме, разработанной в Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН¹, исследованы остеологические комплексы четырех поселений эпохи средней – поздней бронзы: Большой Шибан, Сагун Дык Кая, Джарган Кая и Ташларка Северная, расположенных на расстоянии 1,5–2 км друг от друга на Караларском побережье в Крымском Приазовье (рис. 1). Эти поселения были открыты и исследованы по комплексной методике с применением космических снимков, магнитной съемки и целенаправленных раскопок небольшими площадями².

При обработке археозоологических коллекций фиксировались биологические параметры – таксономическая и анатомическая принадлежность; степень стирания жевательной поверхности для зубов нижних челюстей; степень прирастания эпифизов, отражающая возраст животного; патологические изменения и археологические параметры – естественная сохранность, раздробленность костных остатков, числовая характеристика для систематической группы, специфика искусственной раздробленности, следы производственной деятельности человека, погрызы хищниками и грызунами, следы огня и воздействия высокой температуры.

Остеологический материал представляет выборки трех поселений эпохи поздней бронзы – Большой Шибан, Сагун Дык Кая, Джарган Кая и одного поселения средней бронзы – Ташларка Северная. Археозоологические исследования этих поселений позволяют получить некоторые сведения о фаунистической ситуации обитателей поселений равнинной территории в Крымском Приазовье в эпоху средней – поздней бронзы.

Общая численность остеологической коллекции составляет 1748 фрагментов. Культурный слой исследуемых поселений имеет довольно мощную насыщенность

¹ Антипина 2004; 2007.

² Смекалова и др. 2024.

костными остатками. В местах шурфовок на поселениях поздней бронзы плотность накопления костными остатками составляет: 45 фр. (Большой Шибан), 56,5 фр. (Сагун Дык Кая), 58 (Джарган Кая) фрагментов на 1 квадратный метр. На поселении Ташларка Северная плотность костных фрагментов составляет 54,1 фрагмента на 1 квадратный метр. Для исследуемых поселений характерна высокая степень фрагментации, индекс раздробленности (ИР) варьирует от 32,4 до 37,9. Естественная сохранность составляет 3–4 балла по пятибалльной системе. В большинстве остеологический материал несет следы ударов, кальцинированные костные фрагменты единичны и фиксируются в культурном слое (пласт 2, пласт 4) поселения Большой Шибан. Количество костных фрагментов со следами искусственного воздействия насчитывается 685 ед., или 39,2 %. Специфика распада костных остатков характеризует кухонную разделку. Самая многочисленная категория остатков с разбиванием и разрубам 94,8 %, порезы металлическим инструментом 0,1 %, следы огня 3,6 %, погрызы хищниками и грызунами 1,1 %, остатки производства 0,3 %, следы тягловой силы 0,1 %. Высокий индекс раздробленности и трехбалльная сохранность костных фрагментов повлияли на определение таксономической принадлежности. В выборках данных поселений довольно высокий показатель неопределимых костных фрагментов – 55,5 % по среднему значению.

Анализ костей животных проводился по стандартной методике археозоологических исследований, остеологический материал группировался по классовой принадлежности, систематизировался по тафономическим признакам и анатомическому признаку. Костные фрагменты принадлежат четырем классам животных (табл. 1).

Таблица 1

Общие сведения о костных остатках поселений эпохи бронзы
Карларского побережья Крымского Приазовья

	Моллюски/Mollusca	Птицы / Aves	Рыбы/Pisces	Класс Млекопитающие/ Mammalia	Неопределимые костные фрагменты от крупных животных	Неопределимые костные фрагменты от средних животных	Общее	% опре- дели- мых до класса
Большой Шибан				79	101	1	181	43,6
Сагун Дык Кая			1	311	110	32	454	68,7
Джарган Кая	3		1	126	236	97	463	28,1
Ташларка Северная	2	3		252	226	167	650	39,5
Итого	5	3	2	768	673	297	1748	44,5

% по группам	0,3	0,2	0,1	43,93	38,5	16,97	100	
% по классам	0,6	0,4	0,3	98,7			100	

Количественный показатель определимых до класса или вида животных составляет 778 ед., или 44,5 %. В таксономическом наборе наблюдается разнообразие. Самая многочисленная группа представлена классом Млекопитающие, которые составляют 98,7 % в коллекции определимых до вида костей. Доля представителей других классов невелика – всего 1,3 % в совокупности. Доля остатков составляет 0,3 %, птицы – 0,4 %, моллюски – 0,6 %.

Рыба играла определенное значение в рационе питания населения Крымского Приазовья в эпоху поздней бронзы. Объектами промысла были как минимум два вида рыб. Вероятно, добывали рыбу в разное время и разными способами. Об этом свидетельствуют находки костей рыб разных экологических групп, относящиеся к пресноводной фауне, обитавшей в реках – карповая рыба и проходная – осетровая рыба. Имеет место добыча водоплавающей и околородной дичи, находка костей кулика подтверждает промысел диких птиц. В качестве дополнительной белковой пищи использовались морские и пресноводные съедобные моллюски.

Самый массовый костный материал принадлежит млекопитающим. Osteологическое определение исследуемых поселений показывает, что костные остатки принадлежат только домашним животным, кости диких животных не зафиксированы. Отсутствие костей диких млекопитающих позволяет предположить второстепенность охоты и ее незначительную роль в хозяйственной деятельности обитателей поселений эпохи бронзы Караларского побережья Крымского Приазовья³.

Домашние млекопитающие представлены шестью видами: крупный рогатый скот *Bos taurus*, лошадь *Equus caballus*, овца *Ovis aries*, коза *Capra hircus*, свинья домашняя *Sus scrofa f.domestica*, собака *Canis familiaris*.

Таблица 2

Видовой состав домашних млекопитающих поселений эпохи бронзы Караларского побережья Крымского Приазовья

	КРС	Лошадь	МРС (овца, коза)	Свинья	Собака	Кол-во костей
Поселения поздней бронзы						
Большой Шибан	56		23			79
%	70,8		29,2			100
Сагун Дык Кая	193	28	85	5		311
%	62,1	9	27,3	1,6		100

³ Площадь исследования поселений в виде шурфов не дает полный достоверный остеологический спектр, не исключается изменение видового состава животных в случае полноразмерных масштабных археологических раскопок.

Джарган Кая	72	14	39		1	126
%	57,1	11,1	30,9		0,9	100
Поселение средней бронзы						
Ташларка Северная	145	2	103		2	252
%	57,5	0,8	40,9		0,8	100
Всего	466	44	250	5	3	
%	60,7	5,7	32,6	0,6	0,4	100

Видовой состав домашних животных на исследуемых поселениях стабилен. По количественному показателю доминирует КРС (60,7 %), на втором месте МРС (32,6 %), третью позицию занимает лошадь (5,7 %), свинья домашняя немногочисленна (0,6 %).

Кости крупного и мелкого рогатого скота присутствуют на всех поселениях, кости лошади фиксируются на трех поселениях и отсутствуют на поселении Большой Шибан. Кости свиньи обнаружены на поселении Сагун Дык Кая. Наличие костей свиньи отличает это поселение, свидетельствуя о присутствии свинины в мясном рационе обитателей и определяя специфику хозяйственной деятельности жителей Сагун Дык Кая.

Кости собаки, обнаруженные в выборках двух поселений – Джарган Кая и Ташларка Северная, свидетельствуют о наличии четвероногих помощников, используемых при выпасе скота, перегоне стада или загоне в специальные помещения.

Таксономическая идентификация на количественном уровне показала доминирующее положение трех сельскохозяйственных видов – крупный и мелкий рогатый скот, лошадь с существенным преобладанием костей крупного рогатого скота⁴.

Для поселений Джарган Кая, Ташларка Северная видовой состав представлен тремя видами: КРС (57,3 %), МРС (35,9 %), лошадь (5,9 %). Для поселения Большой Шибан видовой состав определен двумя видами: КРС (70,8 %) и МРС (29,2 %). Только на поселении Сагун Дык Кая в видовой состав добавляется свинья домашняя: КРС (62,1 %), МРС (27,3 %), лошадь (9 %), свинья (1,6 %) (рис. 2).

⁴ Выборка определимых до вида животных не достигает отметки 400 ед., необходимой для установления реального видового состава стада согласно археозоологической методике исследования остеологических коллекций (Антипина 2004; 2007). Поэтому на данном этапе исследования определяется таксономическая принадлежность костей по количественному показателю и представлены предварительные наблюдения.

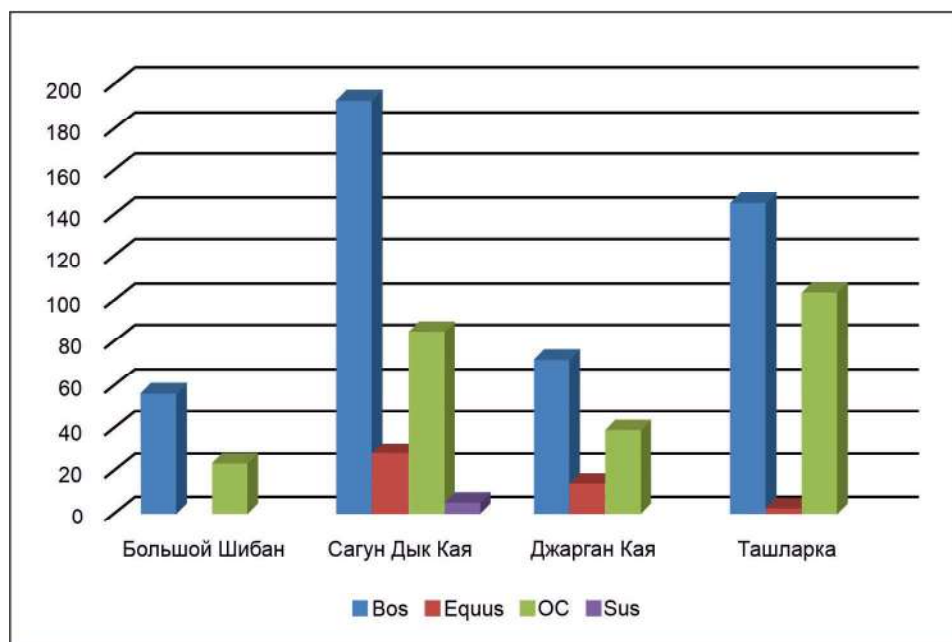

Рис. 2. Видовой спектр сельскохозяйственных млекопитающих поселений эпохи бронзы Караларского побережья Крымского Приазовья

Костные фрагменты представителей крупных домашних копытных обнаружены в культурном слое исследуемых поселений. В анатомическом спектре фиксируются кости головы и посткраниального скелета. В выборках четырех поселений показательно отсутствие целых костей. Весь проанализированный костный материал является кухонными остатками. Наиболее многочисленна категория кухонной раздробленности с продольными и поперечными разрубками, диагональным дроблением. Фиксируются проксимальные, дистальные части и фрагменты диафизов трубчатых костей переднего и заднего поясов конечностей, многочисленны фрагменты лопаток и костей черепа. Присутствие и «мясных» частей (лопатки, позвонки, ребра), и «не мясистых» (череп, нижняя челюсть, метаподиальные кости) свидетельствует о разделке туш на поселении. Анатомическая идентификация элементов скелета указывает на «местную разделку» туш и использование в рационе баранины. Обращает на себя внимание сильная фрагментация овечьих костей, что указывает на характер приготовления данных животных в пищу. Животных разделяли на небольшие части и варили малыми порциями. Морфологическая идентификация показывает преобладающее положение овцы над козой.

В списке сельскохозяйственных животных лошадь занимает третье место. Наличие фрагментированных костных остатков лошади в культурных напластованиях свидетельствует об употреблении конины в пищу населением поздней бронзы.

Исследования возрастных особенностей крупных и средних домашних млекопитающих показали, что в хозяйстве присутствуют молодые телята от

8 до 18 месяцев, особи 2,5–3, 3–4, 4–6 лет и старые животные. Проксимальные и дистальные фрагменты трубчатых костей, тела позвонков фиксируются с разной степенью прирастания эпифизарного шва, что косвенно указывает на широкий возрастной диапазон – от ювенильных до старых особей. Поголовье мелкого рогатого скота представляет разные группы овец и коз, возраст которых варьирует от 1 года до 4 лет, выделяется возрастной спектр забитых овец и коз от 2 до 2,5 лет и когорта забитых на мясо взрослых особей старше 4 лет. Забой лошадей проводился после длительной эксплуатации.

Таким образом, в результате археозоологического исследования выяснилось, что 99,6 % костей принадлежит сельскохозяйственным животным, выделяя в видовой иерархии крупный и мелкий рогатый скот, заметно присутствие лошади и наличие свиньи. Такое видовое соотношение, а также присутствие «мясных» частей скелета домашних млекопитающих указывает на важное значение скотоводства для обитателей средней – поздней бронзы в Крымском Приазовье.

В культурном слое в основной массе остеологический материал представлен пищевыми остатками. Категории искусственного воздействия несут следы кухонной разделки, температурного воздействия. Цветовая палитра горелых костей указывает на разный характер воздействия – от обжига в печи или очаге до открытого огня. Сильная фрагментация костей, их характерный набор свидетельствуют об употреблении в пищу четырех зафиксированных видов сельскохозяйственных животных, о разделке туш на поселении и особенном приготовлении мяса – небольшими порциями. В пищевом рационе населения Крымского побережья преобладала говядина, присутствовала баранина, конина; дополняли мясную диету моллюски, рыба и мясо птицы. Возрастная структура забитого крупного рогатого скота предполагает мясную и молочную эксплуатацию, использование мускульной силы, получение шерсти.

Зафиксированы немногочисленные патологические изменения на путовых костях крупного рогатого скота, что характерно при напряженной длительной эксплуатации животных. Отсутствие серьезных патологий может свидетельствовать о специфике ведения придомного скотоводства, а также о наличии полноценной кормовой базы.

Количественное первенство крупного рогатого скота в составе домашних животных, видовое распределение (КРС, МРС, лошадь) согласуются с пастушеским скотоводством поселений в Северо-Западном Крыму в среднем – позднем бронзовом веке⁵. Ведение «оседлого» скотоводства предполагает выпас сельскохозяйственных животных в окрестностях поселений, имеющих стационарные загоны для скота, а стойловое содержание скота – проведение периодической выбраковки старых, больных и травмированных животных.

Данное археозоологическое исследование материалов поселений средней – поздней бронзы является «пилотным», в нем представлены предварительные данные, полученные методом магнитной разведки и археологических шурфовок. Подтверждение, дополнение, получение новых данных может дать дальнейшее изучение памятников на Караларском побережье Крымского Приазовья.

⁵ Кашуба, Кулькова, Смекалова 2020.

ЛИТЕРАТУРА

- Антипина, Е.Е. 2004: Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты. В сб.: Е.Е. Антипина, Е.Н. Черных (ред.), *Новейшие археозоологические исследования в России. К столетию со дня рождения В.И. Цалкина*. М., 7–33.
- Антипина, Е.Е. 2007: Методы моделирования относительной численности домашних животных в хозяйстве древних поселений: от остеологического спектра к составу стада. *Материали та дослідження з археології Східної України* 7, 297–303.
- Кашуба, М.Т., Кулькова, М.А., Смекалова, Т.Н. 2020: Новые данные о составе стада у населения среднего-позднего бронзового века в Северо-Западном Крыму. *Записки ИИМК* 23, 82–96.
- Смекалова, Т.Н., Борисов, А.В., Масленников, А.А., Семенова, С.В., Горошников, А.А., Горошникова, З.В., Деваев, А.С., Гаврилюк, А.Н., Пинской, В.Н., Савельев, Д.О., Леонов, Л.Л., Фридрихсон, С.К. 2024: Караларское побережье Крымского Приазовья в эпоху бронзы: междисциплинарное исследование. *МАИЭТ* 29 (в печати).

REFERENCES

- Antipina, E.E. 2004: Arkheozoologicheskie issledovaniya: zadachi, potentsial'nye vozmozhnosti i real'nye rezul'taty [Archaeozoological research: tasks, potential possibilities, and actual results]. In: E.E. Antipina, E.N. Chernykh (eds.), *Noveyshie arkheozoologicheskie issledovaniya v Rossii. K stoletiyu so dnya rozhdeniya V.I. Tsalkina* [Recent Archaeozoological Studies in Russia. On the Centenary of V.I. Tsalkin's Birth]. Moscow, 7–33.
- Antipina, E.E. 2007: Metody modelirovaniya otnositel'noy chislennosti domashnikh zhivotnykh v khozyaystve drevnikh poseleniy: ot osteologicheskogo spektra k sostavu stada [Methods for Modeling the Relative Number of Domestic Animals in the Economy of Ancient Settlements: From the Osteological Spectrum to the Composition of the Herd]. *Materialy ta doslidzhennya z arkheologii Skhidnoi Ukrainy* [Materials and Studies on the Archaeology of Eastern Ukraine] 7, 297–303.
- Kashuba, M.T., Kulkova, M.A., Smekalova, T.N. 2020: Novye dannye o sostave stada u nasele-niya srednego-pozdnego bronzovogo veka v Severo-Zapadnom Krymu [New Data on the Herd Composition in the Middle and Late Bronze Age of Northwestern Crimea]. *Zapiski Instituta istorii material'noy kul'tury RAN* [Transactions of the Institute for the History of Material Culture RAS] 23, 82–96.
- Smekalova, T.N., Borisov, A.V., Maslennikov, A.A., Semenova, S.V., Goroshnikov, A.A., Goroshnikova, Z.V., Devaev, A.S., Gavriilyuk, A.N., Pinskoy, V.N., Savelyev, D.O., Leonov, L.L., Fridrikhson, S.K. 2024: Karalarskoe poberezh'e Krymskogo Priazov'ya v epokhu bronzy: mezhdistsiplinarnoe issledovanie [The Karalar Coast of the Crimean Azov Region in the Bronze Age: An Interdisciplinary Study]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tavria] 29 (forthcoming).

**ARCHAEOZOOLOGICAL ASSEMBLAGES FROM THE MIDDLE AND LATE
BRONZE AGE SETTLEMENTS ON THE KARALAR COAST OF THE AZOV SEA**Svetlana V. Semenova¹, Lev L. Leonov²¹ *Azov Historical, Archaeological and Paleontological Museum-Reserve, Azov, Russia*² *Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia*¹ *E-mail: semenova.amz@yandex.ru* ² *E-mail: l.l.leonov@yandex.ru*

The article presents the results of an archeozoological study of bone remains from excavations at Middle and Late Bronze Age settlements on the Karalar coast of the Crimean Azov region. Osteological material from the settlements of Bolshoy Shiban, Sagun Dyk Kaya, Dzharhan Kaya and Tashlarka Severnaya provides the first idea of the species composition of domestic animals, meat consumption by residents, and allows authors to approach the issue of reconstructing economic activity during the Bronze Age. A total of 1,748 bones from 6 species of domestic mammals were analyzed, the proportion of invertebrates and representatives of other classes of vertebrates was determined. Analysis of the osteological material from the settlements indicates the presence of cattle and small cattle, horses, and pigs in the economy of the population of the Crimean Azov region. Cattle predominates, indicating its economic importance and the preference for beef in the diet of the residents of the Karalar coast. Fishing and hunting did not play a significant role. Marine and freshwater mollusks served as a supplement to the meat diet.

Keywords: Crimean Azov region, Middle Bronze Age, Late Bronze Age, archeozoological studies, bone remains

---

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2025), 170–185
© The Author(s) 2025

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2025), 170–185
© Автор(ы) 2025

DOI: 10.18503/1992-0431-2025-1-87-170–185

О ВРЕМЕНИ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ПОЯВЛЕНИЯ ПОДБОЙНЫХ МОГИЛ В КРЫМУ В РИМСКИЙ ПЕРИОД

В.К. Максименков

*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия;
Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия;
Государственный историко-археологический музей-заповедник
«Херсонес Таврический», Севастополь, Россия*

E-mail: victorskiff@mail.ru

ORCID: 0009-0006-3923-7808

Рассматриваются время и причины появления подбойных могил на варварских некрополях Крыма в римский период. Анализируется ряд наиболее ранних подбойных могил, датируемых второй половиной I в. до н.э. – первой половиной I в. н.э., которые непосредственно предшествуют времени массового распространения этого типа погребальных сооружений на п-ове. Выделены две основные точки зрения на данный вопрос, условно названные «миграционной» и «автохтонной». Автор поддерживает «миграционную» версию, согласно которой подбойные могилы в Крыму появляются вместе с волнами нового населения. Наиболее вероятны дальние миграции сарматов из района Нижнего Дона, где число подбойных погребений наиболее высоко по отношению к другим.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Крым, РЖВ, поздние скифы, сарматы, римский период, подбойные могилы, погребальный обряд

ВВЕДЕНИЕ

На рубеже эр в погребальном обряде варварского населения Крыма происходят значительные изменения. Распространяются индивидуальные погребения, появляются новые конструкции: плитовые могилы, могилы с заплечиками, подбойные могилы. Последние вызывают особый интерес: решение

Данные об авторе. Виктор Константинович Максименков – аспирант исторического факультета КФУ им. В.И. Вернадского, стажер-исследователь отдела раннего железного века ИАК РАН, научный сотрудник отдела античной истории ГИАМЗ «Херсонес Таврический».

вопроса об их генезисе является важным элементом в реконструкции этнических процессов на п-ове.

Существует две основные точки зрения на происхождение подбойных могил: условно, «миграционная» и «автохтонная». Согласно первой, подбойные могилы были привнесены на п-ов сарматами. Автор этой версии И.И. Гущина считала подбойные могилы одним из элементов сарматского погребального обряда, свидетельствующим о проникновении нового населения на п-ов¹. Эту точку зрения разделяют Н.А. Богданова², Д.С. Раевский³, А.Е. Пуздровский⁴, И.Н. Храпунов⁵ и С.А. Мульд⁶.

Позже оформилась противоположная версия: подбойная могила являлась результатом самостоятельного развития погребальных традиций местного позднескифского населения. Идея сформулирована Т.Н. Высотской и О.Д. Дашевской. В своих ранних работах Т.Н. Высотская поддерживала тезис о сарматском происхождении подбойных могил⁷, однако в своей монографии 1972 г. отмечает, что появлению таких конструкций у скифов предшествуют переходные формы погребальных сооружений, например, могила № 26 Усть-Альминского некрополя, что предполагает их возможное местное происхождение⁸. В другой работе исследователь выделяет два типа подбойных могил: скифские – небольшой глубины, с широкими погребальными камерами; и сарматские – с узкой и глубокой входной ямой. Т.Н. Высотская считала, что подбойные могилы являлись местной скифской погребальной традицией, сарматские подбойные могилы появляются лишь с I в. н.э.; частично на взгляды исследователя повлияли результаты раскопок могильника Беляус⁹.

Изучая подбойные могильники Беляуса, О.Д. Дашевская пришла к выводу об одновременном функционировании грунтовых позднескифских склепов и подбойных могил во II в. до н.э. – I в. н.э. Население, оставившее данный некрополь, она считала монолитным позднескифским, а разницу в погребальных сооружениях объясняла не этническими, а социальными различиями¹⁰.

Против сарматской версии происхождения подбойных могил выступает Ю.П. Зайцев. В совместной статье с В.И. Мордвинцевой, проанализировав варварские погребения Крыма II в. до н.э. – I в. н.э., авторы приходят к выводу о том, что подбойные могилы появляются в Крыму вследствие трансформации позднескифских склепов-катакомб¹¹. В другой работе Ю.П. Зайцев предостерегает от механического отождествления всех подбойных могил с сарматами, а также обращает внимание на подкурганские скифские погребения в подбойных могилах IV в. до н.э. Составленный им список ранних подбойных могил следует рассмотреть отдельно¹².

¹ Гущина 1967, 40, 43; 1974, 32–64.

² Богданова 1982, 31–39.

³ Раевский 1971, 149.

⁴ Пуздровский 1994а, 117–118; 1994б, 400; 2007, 109–110.

⁵ Храпунов; 2004, 129–131; 2019, 315; Храпунов и др. 1997, 124–125.

⁶ Мульд 1996, 280–281.

⁷ Высотская 1970, 105; 1971, 158.

⁸ Высотская 1972, 90–91.

⁹ Высотская 1987, 46, 57–58.

¹⁰ Дашевская 1984, 53–60; 2014, 82.

¹¹ Зайцев, Мордвинцева 2004, 176–177, 188.

¹² Зайцев 2019, 90–102.

Усть-Альминский некрополь: могила № 371 – не опубликована, проверить дату не удастся; № 38/2018 (1168) – опубликованы лишь полевые фотографии, судить о ее хронологии также невозможно¹³; № 469 – датирована А.А. Труфановым и отнесена к погребениям I хронологической группы (вторая половина I в. до н.э. – 30–50 гг. н.э.), по его периодизации¹⁴; № 580 – А.Е. Пуздровский датирует серединой – третьей четвертью I в. н.э.¹⁵ А.А. Труфанов помещает ее во вторую хронологическую группу (30–50–70-е гг. н.э.)¹⁶. В могиле присутствуют «ранние» предметы, схожие с находками из «Резиденции Хрисалиска»: краснолаковый кубок с фигурными ручками¹⁷ и гончарный кувшин со сферическим туловом и высоким узким горлом¹⁸. Однако другие предметы, особенно лучковые подвижные фибулы 2 варианта и миниатюрная фибула с выпуклой спинкой, не позволяют отнести это погребение ко времени ранее второй половины I в. н.э.¹⁹; № 855 – погр. 2 и 3, вероятно, были совершены во второй трети I в. н.э.²⁰; № 918 – погр. 5 и 4 в ЮЗ подбое совершены во второй трети I в. н.э., погр. 1 в СВ подбое – в I в. н.э.²¹; № 1026 – в первой-второй трети I в. н.э.²² Кроме перечисленных, к погребениям второй половины I в. до н.э. – начала I в. н.э. могут быть отнесены комплексы № 1023, 1026, 1038, 1066, 1248²³.

Подбойные могилы некрополя у с. Кольчугино датированы первой половиной I в. н.э.²⁴. Подбойная могила № 11 некрополя Кара-Тобе содержит многократные захоронения (5 костяков в 4 яруса); позднейшее погребение датировано серединой I в. н.э., остальные – первой половиной столетия²⁵.

Две подбойные детские могилы № 31 и 57 из некрополя Опушки были внесены в список Ю.П. Зайцева со ссылкой на работу А.А. Стояновой²⁶. Однако могилу № 57 А.А. Стоянова датирует второй половиной I – II в. н.э., что вполне соответствует времени массового распространения подбойных могил. В могиле № 31 найдены только бусы, которые можно датировать широко: I в. до н.э. – II в. н.э. Вряд ли ее следует уверенно относить к ранним.

Датировка подбойных могил некрополя Беляус спорна. Автор раскопок О.Д. Дашевская неоднократно заявляла о том, что подбойные могилы синхронны склепам²⁷. В качестве аргументов приводились датировки погребений, а также то, что подбойные могилы и склепы чередовались, не перекрывая и не нарушая друг

¹³ Зайцев 2019, рис. 1.

¹⁴ Труфанов 2009, 306, рис. 82, 2.

¹⁵ Пуздровский 2007, 126 и сл. рис. 69.

¹⁶ Труфанов 2009, 311.

¹⁷ Пуздровский 2007, рис. 69, 1. Аналогия: Сокольский 1976, рис. 48, 3. Новая публикация кубка: Журавлев, Ломтадзе 2022, кат. 21.

¹⁸ Пуздровский 2007, рис. 69, 2. Аналогия: Сокольский 1976, рис. 53, 11.

¹⁹ Кропотов, 2010, 85, 138, 168.

²⁰ Пуздровский, Труфанов 2017, 27–28, рис. 63–66.

²¹ Пуздровский, Труфанов 2017, 65–66, рис. 275–279.

²² Пуздровский, Труфанов 2016, 58–59, рис. 114–115.

²³ Выражаю искреннюю благодарность старшему научному сотруднику ИАК РАН А.А. Труфанову, за консультацию по данному вопросу. Пуздровский, Труфанов 2016; Труфанов и др. 2020, 394.

²⁴ Храпунов и др. 1997, 124–125.

²⁵ Внуков, Лагутин 2001, 109–110, 119.

²⁶ Стоянова 2012, 23, рис. 31; 43–48, рис. 42, 43.

²⁷ Дашевская 1984, 53–60; 2014, 82.

друга. Однако большинство открытых подбойных могил детские, а погребальный инвентарь скудный и невыразительный, чаще всего это бусы, на основании которых и предлагалась датировка. Немногочисленные хроноиндикаторы представлены усечено-конической чашкой с прижатыми к бортику ручками, гагатовыми стрелковидными подвесками, подвеской в виде топорика, краснолаковым канфаром, круглой пряжкой с подвижным язычком, лучковыми подвязными фибулами 1 или 2 вариантов, браслетом с зооморфными окончаниями, фибулой-брошью группы 15, по В.В. Кропотову. Суммарно, инвентарь этих погребений относится скорее ко второй половине / концу I в. до н.э. – I в. н.э. Близкую точку зрения высказывал и А.Е. Пуздровский²⁸. Следует отметить, что О.Д. Дашевская не признавала позднюю датировку подбойных могил некрополя Беляус²⁹.

Курган к северу от с. Некрасовка не опубликован. Согласно информации Ю.П. Зайцева, в нем открыто 11 одиночных погребений, 6 из которых совершены в подбойных могилах. По краснолаковому пергамскому кубку и фибуле типа Аллезия погребения были отнесены ко второй половине I в. до н.э. – рубежу эр³⁰. Проверить эту информацию пока невозможно.

Таким образом, наиболее ранние подбойные могилы появляются в Крыму во второй половине I в. до н.э. – начале I в. н.э., причем большинство их открыты в позднескифских грунтовых некрополях, что косвенно может свидетельствовать в пользу автохтонной версии. Однако обращает внимание, что одновременно они появляются и под курганными насыпями. Так, в кургане у Братского кладбища открыто 4 подбойные могилы, самая ранняя из которых (№ 1) датируется последней четвертью I в. до н.э. – началом I в. н.э.³¹ К ним присоединяются и погребения в кургане у с. Некрасовка, упомянутые Ю.П. Зайцевым. Первыми веками н.э. датируется еще ряд погребений под курганными насыпями, открытых в Предгорном Крыму: курганы № 3 Кулаковского, 1895 г.³², у совх. «Коминтерн»³³, колх. им. Ильича³⁴, п. Железнодорожный³⁵, с. Константиновка³⁶, с. Холмовка³⁷, с. Вилино³⁸, Мамай-Оба³⁹. Традиционно, данные погребения напрямую связывают с проникновением на п-ов сарматов, а начало этого процесса совпадает со временем появления первых подбойных могил. Рассмотрим ниже основные версии.

АВТОХТОННАЯ ВЕРСИЯ

Т.Н. Высотская, считала, что подбойные могилы возникают с самого начала функционирования некрополей⁴⁰. Между тем время появления первых грунтовых

²⁸ Пуздровский 2007, 49.

²⁹ Дашевская 2014, 82.

³⁰ Зайцев 2019, 96.

³¹ Журавлев и др. 2021, 98–141.

³² Кулаковский 1896, 117–119.

³³ Крис, Веймарн 1958, 65–71.

³⁴ Высотская 1972, 72, рис. 21, 1–9.

³⁵ Пуздровский 2007, 101.

³⁶ Орлов, Скорый 1989, 63–73.

³⁷ Труфанов 2014, 183–209.

³⁸ Лобода 1988, 304.

³⁹ Зубарь, Савеля 1982, 74–83.

⁴⁰ Высотская 1987, 57.

варварских некрополей в основном относится ко II в. до н.э. Самые же ранние подбойные могилы датируются не ранее второй половины I в. до н.э. – начала I в. н.э. Вызывает сомнение также сравнение подкурганых скифских погребений IV в. до н.э. и подбойных могил римского времени. Вряд ли существует преемственность между этими погребальными сооружениями, учитывая хронологический разрыв в два с половиной столетия.

Ю.П. Зайцев и В.И. Мордвинцева предполагали, что появление подбойных могил является следствием трансформации позднескифских склепов-катакомб⁴¹. В таком случае, логично было бы видеть обилие переходных форм от одной конструкции к другой. Такие формы наблюдаются, например, при трансформации более ранних позднескифских катакомб в грунтовые склепы. Наиболее ярко этот процесс отражен на материалах позднескифского могильника Левадки. А.С. Мульд специально выделяет такие конструкции в отдельную группу⁴². Но в случае с подбойными могилами подобная ситуация отсутствует.

Многokратные погребения в подбойных могилах также не могут являться доказательством их происхождения из склепов⁴³. Погребения двух или трех человек в одной подбойной могиле часто встречаются в грунтовых некрополях Предгорного Крыма римского времени. Случаи, когда в одной подбойной могиле погребено более трех человек довольно редки. К таким относятся могилы № 38/2018 (1168) некрополя Усть-Альма и № 11 Кара-Тобе. Несколько чаще встречаются многokратные погребения в детских могилах, например, в некрополях Беляус (могилы № 92, 151) и Опушки (могила № 57). Но не всегда такие комплексы являются ранними. Примером служит могила № 307 некрополя Нейзац с погребениями III–IV вв. н.э.⁴⁴ Обряд многokратных погребений в несколько ярусов действительно является характерной чертой позднескифской культуры. Однако в этом случае речь идет скорее о сочетании различных по происхождению элементов погребального обряда в одном погребении, что не удивительно, учитывая смешанный характер населения Предгорного Крыма.

МИГРАЦИОННАЯ ВЕРСИЯ

Итак, можно сделать два заключения: во-первых, подбойные могилы на варварских некрополях появляются на 100–150 лет позже формирования грунтовых некрополей; во-вторых, эти погребальные сооружения возникают уже в сформированном виде и вряд ли являются следствием трансформации грунтовых склепов. Новая конструкция могла быть привнесена извне с притоком нового населения. Предполагается два основных пути проникновения нового населения на п-ов: из Северного Причерноморья через степной Крым и с востока через территорию Боспорского царства⁴⁵. Подбойные могилы Предгорного Крыма сравнивались с аналогичными погребальными сооружениями в курганах Северного Причерноморья, Прикубанья, Подонья, Поволжья и Южного Приуралья⁴⁶. Для определения возможных путей проникновения в Крым подбойного обряда погреб-

⁴¹ Зайцев, Мордвинцева 2004, 188.

⁴² Мульд 2015, 241; 2016, 309–312.

⁴³ Зайцев, Мордвинцева 2004, 176–177; Зайцев 2019, 94.

⁴⁴ Храпунов 2014, 80–91.

⁴⁵ Гущина, 1967, 40; Раевский 1971, 149; Пуздровский 1994, 397–405.

⁴⁶ Гущина 1967, 43; Раевский 1971, 149; Высотская 1970, 105; 1972, 90–91.

бения необходимо рассмотреть ситуацию на близлежащих территориях.

В Степном Крыму В.В. Кропотовым собрано 22 сарматских комплекса, датированных I в. до н.э. – серединой (?) I в. н.э. Это впускные погребения в курганы более ранних эпох, с ориентацией умерших в северный сектор, незначительной глубиной могилы и скудным инвентарем⁴⁷. В.В. Кропотов соотносит все погребения с раннесарматской археологической культурой. Важно отметить, что ни одно погребение не совершено в подбойной могиле.

В Северном Причерноморье в раннесарматское время также не зафиксировано ни одного подбойного погребения⁴⁸. Они появляются лишь период среднесарматской культуры, во второй половине I в. н.э. и составляют в это время 8,1% от общего числа погребений⁴⁹. Проводивший подсчеты А.В. Симоненко особое внимание акцентировал на том, что большая часть подбойных могил (как и других новых типов погребальных сооружений) являлись основными погребениями в курганных насыпях, тогда как ранее подавляющее число погребений было введено в курганы предыдущих эпох⁵⁰. Примерно также обстоит ситуация и на памятниках оседлого населения. Подбойные погребения некрополя Красный Маяк датированы А.В. Симоненко I–II вв. н.э. Он отмечает, что ни раньше, ни позже на позднескифских могильниках Нижнего Днепра так не хоронили⁵¹. Появление подбойного обряда погребения в этом регионе связывается с приходом ранних аланов около середины I в. н.э.⁵²

Появление подбойных могил в долине р. Кубань традиционно связывается с сарматским влиянием, так как данная конструкция была не характерна для местных меотов⁵³. К сожалению, подсчета процентного соотношения подбойных могил к общему числу погребальных конструкций в раннесарматский период не произведено, однако вряд ли количество их было значительным. Для среднесарматского времени число подбойных могил составляет 2,72%⁵⁴. В более ранний период доля подбойных погребений могла быть еще меньше. Такая ситуация объясняется устойчивостью погребальных традиций местного населения.

В Поволжье и Приуралье на заключительном этапе раннесарматской культуры количество подбойных могил от общего числа погребений составляет 24%, в среднесарматский период – 16,3%⁵⁵. В Нижнем Подонье во II–I вв. до н.э. – 27%⁵⁶, I–II вв. н.э. – 36,08%⁵⁷. И.В. Толочко отмечает увеличение числа подбойных могил и могил с заплечиками в первые века н.э. в некрополях нижнедонских городищ⁵⁸.

В европейской части Боспорского царства подбойные могилы встречаются редко. М.Г. Цветаева сообщает, что они составляют 13 % от общего числа погре-

⁴⁷ Кропотов 2016, 22–39; 2023а, 115–122.

⁴⁸ Симоненко 1993, 23–24.

⁴⁹ Симоненко 1993, 77.

⁵⁰ Симоненко 2004, 141.

⁵¹ Симоненко 2020, 305.

⁵² Симоненко 2020, 307–308.

⁵³ Марченко 1996, 95–100; Лимберис, Марченко 2010а, 200; 2010б, 267.

⁵⁴ Мошкова 2002, табл. 8.

⁵⁵ Скрипкин 2017, 166.

⁵⁶ Глебов 2011, 35.

⁵⁷ Мошкова 2002, табл. 8.

⁵⁸ Толочко 2014, 157–159.

бальных сооружений некрополя Пантикапея, где подбойные могилы появились еще в конце III или в начале II в. до н.э.⁵⁹ Несколько подбойных могил I–III вв. н.э. обнаружено в некрополе Тиритаки⁶⁰. В некрополе Артезиан открыто 15 подбойных могил, что составляет менее 5% от общего числа погребений; датировки их укладываются в первые века н.э.⁶¹ Подбойные могилы открыты на позднем участке курганной группы Чистополье-Северное⁶², который вероятно, является частью некрополя Артезиан⁶³. Он датируется I в. до н.э. – I в. н.э. В ряде случаев эта дата может быть ограничена временем, близким к рубежу эр. К этому участку относятся 11 подбойных могил⁶⁴. Из них опубликована лишь одна (№ 7), инвентарь которой датирован концом I в. до н.э. – первой половиной I в. н.э.⁶⁵ На некрополе Золотое открыто две могилы с подбоями: № 92 датируется второй половиной I в. н.э., в № 163 найдена краснолаковая миска второй четверти или конца I в. до н.э. – первой четверти I в. н.э.⁶⁶

Мнения о происхождении подбойных могил на городских и сельских некрополях Европейского Боспора расходятся. Ситуация во многом аналогична некрополям Предгорного Крыма. Одни считают их появление результатом сарматского влияния⁶⁷, другие – местной погребальной конструкцией, хотя и не распространенной⁶⁸.

Статистический анализ позволяет сделать несколько важных выводов. Самые ранние сарматские подкурганные погребения появляются в степном Крыму в I в. до н.э., что примерно коррелирует со временем появления первых подбойных сооружений. Однако ни одно погребение в степи не совершено в подбойной могиле. В Северном Причерноморье погребения в подбойных могилах относятся уже к среднесарматскому времени. Таким образом, можно только полагать, что сарматы, проникшие в Крым из Северного Причерноморья, не являлись носителями подбойного обряда погребения.

Маршрут через Боспор также дискусионен. В этом регионе существовала собственная традиция погребения в подбойных могилах. Определить, какие из могил можно соотнести с условными сарматами, а какие являются местной погребальной традицией, не представляется возможным.

Можно предложить версию дальних миграций, которые не оставили заметных археологических свидетельств по маршруту следования. В таком случае первостепенным становится вопрос – не какими путями, а откуда в Крым проникают сарматы – носители подбойного обряда погребения. Этим регионом могло быть Нижнее Подонье, где процент подбойных могил относительно остальных типов погребальных сооружений выше, чем на других территориях. Важно учитывать и географическое положение. Из района Нижнего Дона сарматы

⁵⁹ Цветаева 1951, 72–74.

⁶⁰ Зинько, Зинько 2014, 151–154.

⁶¹ Винокуров 2015, 362, 370.

⁶² Колтухов, Кропотов 2019, 154.

⁶³ Винокуров 2023, 73.

⁶⁴ Кропотов, Колтухов 2019, 327–328.

⁶⁵ Кропотов, 2023б, 74–77.

⁶⁶ Корпусова 1983, 110, табл. XXXLIII; Журавлев и др. 2021, 117–119; Журавлев, Ломтадзе 2022, 70–74.

⁶⁷ Цветаева 1951, 72–74.

⁶⁸ Масленников 1990, 26–27, Сударев 2005, 109–110.

могли проникать в Крым как через Северное Причерноморье, так и Боспорское царство. Продвижение нового населения на запад, в том числе и в Крым, может быть связано как с внутренними, так и внешними процессами в сарматском обществе. Впрочем, это только гипотеза.

Важно отметить, что, согласно статистике, подбойная могила, в исследуемое время, не была доминирующим типом погребального сооружения у сарматов. Напротив, в Предгорном Крыму, в первые века н.э. эта конструкция становится одной из самых распространенных. Такая ситуация может быть вызвана местными особенностями развития погребальных традиций.

Этническую атрибуцию не проясняет и погребальный инвентарь: он не является ни специфически сарматским, ни позднескифским. Хронологические позиции комплексов часто являются довольно широкими, а узко датированные вещи, представленные в основном импортами из античных центров или предметами, широко распространенными на большой территории, также не могут быть использованы для этнической атрибуции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, появление первых подбойных могил на варварских некрополях Крыма относится ко второй половине I в. до н.э. – первой половине I в. н.э. Такие могилы выявлены в Северо-Западном (Беляус, Кара-Тобе) и Предгорном Крыму (Усть-Альма, Кольчугино, курган у Братского кладбища). Происхождение этой конструкции вряд ли связано с самостоятельной эволюцией местных погребальных сооружений из-за отсутствия переходных форм. Ранее основным типом погребальной конструкции являлись позднескифские склепы-катакомбы, для которых характерен обряд многократных погребений и забутовка входных ям камнями. Подбойные могилы связаны с распространением одиночного обряда погребения и появляются в Крыму уже в сформированном виде, что является основным доводом в пользу их инородного происхождения. Вероятнее всего, данная конструкция была привнесена на п-ов волной нового населения – сарматами. Дополнительным доводом в пользу этой версии выступают ранние подбойные могилы, открытые в курганных насыпях.

Подбойные могилы появляются как в грунтовых могильниках, так и курганных некрополях, что может свидетельствовать о различных формах расселения мигрантов. Часть нового населения «встраивается» в позднескифское общество и начинает хоронить умерших на позднескифских некрополях. В таких случаях часто заметно определенное влияние местного населения. В подбойных могилах, открытых в позднескифских некрополях, нередко встречаются случаи многократных погребений и каменной забутовки входных ям.

Другая часть пришельцев, очевидно, селится на отдельных незанятых или обезлюдевших территориях и предпочитает хоронить умерших в насыпях курганов предыдущих эпох. Картография подкурганных погребений показывает, что они в основном концентрируются в Юго-Западном Крыму, в долинах рек Альма, Кача и Бельбек. Со временем, погребальные сооружения начинают выходить за пределы курганных насыпей, постепенно превращаясь в грунтовые некрополи. Такую динамику ярко демонстрируют Братское кладбище, Мамай-Оба и Холмовка.

Меняется и динамика распространения подбойных могил: в I в. до н.э. они единичны, но уже в первой половине I в. н.э. — это десятки конструкций. Со второй половины I в. н.э. подбойные могилы распространяются массово и встречаются в большинстве варварских некрополей Предгорного Крыма, свидетельствуя о том, что новое население проникало в этот регион постоянно, смешиваясь с местным, постепенно меняя внешний облик погребальной культуры Крымского Барбарикума.

Тем не менее остаются открытыми многие вопросы, связанные с маршрутами миграций нового населения. Пока невозможно определить, из какого региона и какими путями носители подбойного обряда погребения проникали в крымские предгорья. Отсюда может быть предложена версия дальних миграций, которые могут не оставлять заметных следов в археологии. Это открывает перспективы для поиска общих черт погребального обряда в ранних подбойных погребениях Крыма и других регионов обитания сарматов.

ЛИТЕРАТУРА

- Богданова, Н.А. 1982: Погребальный обряд сельского населения позднескифского государства в Крыму. В сб.: М.П. Абрамова (ред.), *Археологические исследования на Юге Восточной Европы* (Тр. ГИМ 54). М., 31–39.
- Винокуров, Н.И. 2015: Первые итоги раскопок некрополя городища Артезиан в Крымском Приазовье. В сб.: С.В. Иванов, Е.Г. Толмачева (ред.), *И земля в ликовании... Сборник статей в честь Г.А. Беловой*. М., 360–376.
- Винокуров, Н.И. 2023: Два типа гробниц северо-восточного некрополя городища Артезиан (раскоп 12, 2019г.). *ДБ* 28, 73–104.
- Внуков, С.Ю., Лагутин, А.Б. 2001: Земляные склепы позднескифского могильника Каратобе в Северо-Западном Крыму. В сб.: И.И. Гущина, Д.В. Журавлев (ред.), *Поздние скифы Крыма* (Тр. ГИМ 118). М., 96–121.
- Высотская, Т.Н. 1970: Вопросы этнического состава населения Юго-Западного Крыма начала нашей эры. *Археология* XXIII, 107–118.
- Высотская, Т.Н. 1971: Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. В сб.: П.Д. Либеров, В.И. Гуляев (ред.), *Проблемы скифской археологии* (МИА 177). М., 155–160.
- Высотская, Т.Н. 1972: *Поздние скифы в Юго-Западном Крыму*. Киев.
- Высотская, Т.Н. 1987: Этнический состав населения Крымской Скифии (по материалам могильников). В сб.: А.И. Айбабин, Т.Н. Высотская (ред.), *Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н.э. – VII в. н.э.* Киев, 40–67.
- Глебов, В.П. 2011: Погребальная обрядность раннесарматской культуры Нижнего Подонья II–I вв. до н.э. В сб.: Г.Г. Матишов, Л.Т. Яблонский, С.И. Лукьяшко (ред.), *Погребальный обряд ранних кочевников Евразии*. Ростов-на-Дону, 34–48.
- Гущина, И.И. 1967: О сарматах в Юго-Западном Крыму (по материалам некоторых могильников I–IV вв. н.э.). *СА* 1, 40–51.
- Гущина, И.И. 1974: Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников). В сб.: *Археологические исследования на Юге Восточной Европы*. М., 32–64.
- Дашевская, О.Д. 1984: О подбойных могилах у поздних скифов. В сб.: А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова, В.Г. Петренко (ред.), *Древности Евразии в скифо-сарматское время*. М., 53–60.
- Дашевская, О.Д. 2014: *Некрополь Беляуса*. Симферополь.
- Журавлев, Д.В., Ломтадзе Г.А. 2022: Столовая посуда и светильники из резиденции Хрисалиска. *ДБ* 27, 59–100.

- Журавлев, Д.В., Фирсов, К.Б., Бельский, С.В. 2021: *Могильник Бельбек I и курган у Братского кладбища в Юго-Западном Крыму: археологические раскопки Н.М. Печенкина в 1903–1905 гг.* (Гераклейский сборник V). СПб.
- Зайцев, Ю.П. 2019: Некоторые аспекты «сарматизации» Крыма в раннем железном веке. *КСЭ V*, 90–102.
- Зайцев, Ю.П., Мордвинцева, В.И. 2004: Варварские погребения Крыма 2 в. до н.э. – 1 в. н.э. В сб.: Б.А. Раев (ред.), *Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5-й международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории»*. Краснодар, 174–204.
- Зинько, А.В., Зинько В.Н. 2014: Погребальные сооружения первых вв. н.э. некрополя Тиритаки. В сб.: В.Ю. Зуев, В.А. Хршановский (ред.), *Погребальная культура Боспорского царства*. СПб., 150–154.
- Зубар, В.М., Савеля, О.Я. 1989: Новый сарматский могильник другой половины I – початку II ст. н.э. в південно-західному Криму. *Археологія 2*, 74–83.
- Колтухов, С.Г., Кропотов, В.В. 2019: Раскопки курганов в Крымском Приазовье. *ИАКр XI*, 153–154.
- Корпусова, В.Н. 1983: *Некрополь Золотое (К этнокультурной истории европейского Боспора)*. Киев.
- Крис, Х.И., Веймарн, Е.В. 1958: Курган эпохи бронзы близ Бахчисарая. *КСИИМК 71*, 65–71.
- Кропотов, В.В. 2010: *Фибулы сарматской эпохи*. Киев.
- Кропотов, В.В. 2016: Сарматские погребальные памятники Степного Крыма. *НАВ 15/1*, 22–39.
- Кропотов, В.В. 2023а: Новые раннесарматские памятники в Степном Крыму. В сб.: Б.А. Раев (ред.), *Западный Кавказ в контексте контактов культур, народов и цивилизаций*. Краснодар–М., 115–122.
- Кропотов, В.В. 2023б: Погребальные комплексы конца эллинистического периода на западе Боспорского царства. *Уч. зап. КФУ им. В.И. Вернадского 9(75)/4*, 71–80.
- Кропотов, В.В., Колтухов, С.Г. 2019: Новый некрополь античного времени в Крымском Приазовье. В сб.: В.Н. Зинько, Е.А. Зинько (ред.), *XX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в эпоху античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований*. Симферополь–Керчь, 327–330.
- Кулаковский, Ю.А. 1896: Отчет проф. Ю.А. Кулаковского и его исследований в Крыму. *ОАК за 1895 г.*, 117–124.
- Лимберис, Н.Ю., Марченко, И.И. 2010а: Меоты. В кн.: Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани 1*. М., 186–217.
- Лимберис, Н.Ю., Марченко, И.И. 2010б: Сарматы. В кн.: Г.М. Бонгард-Левин (ред.), *Античное наследие Кубани 1*. М., 260–285.
- Лобова, И.И. 1956: *Сарматы в Крыму: автореф. дисс. на соиск. уч. степ. кан. ист. н. М.*
- Лобода, И.И. 1988: Охранные раскопки в Юго-Западном Крыму. В сб.: В.П. Шилов (ред.), *Археологические открытия 1986 г.* М., 304–305.
- Марченко, И.И. 1996: *Сираки Кубани (по материалам курганных погребений Нижней Кубани)*. Краснодар.
- Масленников, А.А. 1990: *Население Боспорского государства в первых веках н.э.* М.
- Мошкова, М.Г. (ред.) 2002: *Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. III: Среднесарматская культура*. М.
- Мульд, С.А. 1996: Могильники варварского населения Крыма I–V вв. *МАИЭТ V*, 279–289.
- Мульд, С.А. 2015: Топографическая особенность расположения группы ранних погребений могильника Левадки в Центральном Крыму. В сб.: В.Н. Зинько, Е.А. Зинько (ред.), *БЧ XVI*. Керчь, 239–242.

- Мульд, С.А. 2016: Склеп уникальной формы из могильника Левадки (Центральный Крым). В сб.: В.Н. Зинько, Е.А. Зинько (ред.), *XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в эпоху античности и средневековья*. Керчь, 309–312.
- Орлов, К.К. Скорый, С.А. 1989: Комплекс з бронзовим посудом римського часу з поховання в Центральному Криму. *Археологія* 2, 74–83.
- Пуздровский, А.Е. 1994а: О погребальных сооружениях Юго-Западного и Центрального Крыма в первые века н.э. В сб.: Ю.М. Могаричев (ред.), *Проблемы истории и археологии Крыма*. Симферополь, 114–126.
- Пуздровский, А.Е. 1994б: О сарматах в Крыму. *МАИЭТ IV*, 397–405.
- Пуздровский, А.Е. 2007: *Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники*. Симферополь.
- Пуздровский, А.Е., Труфанов, А.А. 2016: *Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2008–2014 гг.* Симферополь.
- Пуздровский, А.Е., Труфанов, А.А. 2017: *Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2004–2007 гг.* Симферополь.
- Раевский, Д.С. 1971: Скифы и сарматы в Неаполе (по материалам некрополя). В сб.: П.Д. Либеров, В.И. Гуляев (ред.), *Проблемы скифской археологии* (МИА 177). М., 143–151.
- Симоненко, А.В. 1993: *Сарматы Таврии*. Киев.
- Симоненко, А.В. 2004: Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья. В сб.: Б.А. Раев (ред.), *Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии*. Краснодар, 134–173.
- Симоненко, А.В. 2020: Поздние скифы и сарматы на нижнем Днепре: Новые данные к проблеме взаимоотношений. *Археологическое наследие* 1 (3), 304–316.
- Скрипкин, А.С. 2017: *Сарматы*. Волгоград.
- Сокольский, Н.И. 1976: *Таманский толос и резиденция Хрисалиска*. М.
- Стоянова, А.А. 2012: *Детские погребения из могильника Опушки (по результатам 2003–2009 гг.)*. Симферополь.
- Сударев, Н.И. 2005: *Грунтовые некрополи боспорских городов VI–II вв. до н.э. как исторический источник: дисс. на соиск. уч. степ. кан. ист. н. М.*
- Толочко, И.В. 2014: Погребения некрополя Танаиса I–III вв. н.э. В сб.: В.Ю. Зуев, В.А. Хршановский (ред.), *Погребальная культура Боспорского царства*. СПб., 155–161.
- Труфанов, А.А. 2009: Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н.э. – III в. н.э. *Stratum plus* 4, 117–364.
- Труфанов, А.А. 2014: Могильник I–III вв. н.э. у с. Холмовка и впускные погребения первых веков н.э. в курганах Юго-Западного Крыма. *ИАКр I*, 183–209.
- Труфанов, А.А., Зайцев, Ю.П., Медведев, Г.В., Соломоненко, А.Е., Шкрибляк, И.И. Исследования Усть-Альминского некрополя в 2019 году. *ИАКр XIII*, 393–400.
- Храпунов, И.Н. 2004: *Этническая история Крыма в раннем железном веке* (БИ VI). Симферополь–Керчь.
- Храпунов, Г.М. 2014: Підбійна могила з похованнями III–IV ст. з могильника Нейзац. *Археологія* 2, 80–91.
- Храпунов, И.Н. 2019: Сарматы в Крыму по данным археологии. *КСЭ V*, 314–320.
- Храпунов, И.Н., Масыкин, В.В., Мульд, С.А. 1997: Позднескифский могильник у с. Кольчугино. В сб.: *Бахчисарайский историко-археологический сборник I*. Симферополь, 76–155.
- Цветасева, Г.А. 1951: Грунтовый некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав. В сб.: В.Д. Блаватский, Б.Н. Граков (ред.), *Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху* (МИА 19), 63–86.

REFERENCES

- Bogdanova, N.A. 1982: Pogrebal'nyy obryad sel'skogo naseleniya pozdneskifskogo gosudarstva v Krymu [Funeral Rite of the Rural Population of the Late Scythian State in Crimea]. In: M.P. Abramova (ed.) *Arkheologicheskie issledovaniya na Yuge Vostochnoy Evropy* [Archaeological Research in the South of Eastern Europe (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 54). Moscow, 31–39.
- Dashevskaya, O.D. 1984: O podboynykh mogilakh u pozdnykh skifov [Towards Undercut Graves of the Late Scythians]. In: *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremya* [Antiquities of Eurasia in the Scythian-Sarmatian Period]. Moscow, 53–60.
- Dashevskaya, O.D. 2014: *Nekropol' Belyausa* [The Belyaus Necropolis]. Simferopol.
- Glebov, V.P. 2011: Pogrebal'naya obryadnost' rannesarmatskoy kul'tury Nizhnego Podon'ya II–I vv. do n.e. [Funeral Rite of the Early Sarmatian Culture of the Lower Don Region of the 2nd–1st cc. BC]. In: *Pogrebal'nyy obryad rannikh kochevnikov Evrazii* [Funeral Rite of the Early Nomads of Eurasia]. Rostov-on-Don, 34–48.
- Gushchina, I.I. 1967: O sarmatakh v Yugo-Zapadnom Krymu (po materialam nekotorykh mogil'nikov I–IV vv. n.e.) [On the Sarmatians in Southwestern Crimea]. *Sovetskaya arkheologiya* №1 [Soviet Archaeology] 1, 40–51.
- Gushchina, I.I. 1974: Naselenie sarmatskogo vremeni v doline reki Bel'bek v Krymu (po materialam mogil'nikov) [Population of the Sarmatian period in the Valley of the Belbek River in the Crimea (Based on the Materials of Burial Grounds)]. In: *Arkheologicheskie issledovaniya na Yuge Vostochnoy Evropy* [Archaeological Research in the South of Eastern Europe]. Moscow, 32–64.
- Khapunov, I.N. 2004: *Etnicheskaya istoriya Kryma v rannem zheleznom veke* [Ethnic History of Crimea in the Early Iron Age] (Bosporskie issledovaniya [Bosporos Studies VI]). Simferopol–Kerch, 3–239.
- Khapunov, I.N. 2019: Sarmaty v Krymu po dannym arheologii [Sarmatians in Crimea according to Archaeology]. In: *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n. e. – IV v. n. e.)* [Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC – AD 400)] V. Simferopol, 314–320.
- Khapunov, I.N., Masyakin, V.V., Mul'd, S.A. 1997: Pozdneskifskiy mogil'nik u s. Kol'chugino [The Late Scythian Burial Ground near the Village of Kolchugino]. In: *Bakhchisarayskiy istoriko-arheologicheskiy sbornik* [Bakhchisaray Historical and Archaeological Miscellanea] I. Simferopol, 76–155.
- Khapunov, I.M. 2014: Pidbiyna mogila z pohovannyami III–IV st. z mogil'nika Neyzats [Undercut Graves with Burials of the 3rd–4th cc. in the Neyzats Cemetery]. *Arheologiya* [Archaeology] 2, 80–91.
- Koltukhov, S.G., Kropotov, V.V. 2019: Raskopki kurganov v Krymskom Priazov'e [Excavation of Mounds in the Crimean Azov Region]. In: *Istoriya i arkheologiya Kryma* [History and Archaeology of Crimea] XI. Sevastopol, 153–154.
- Korpusova, V.N. 1983: *Nekropol' Zolotoe (K etnokul'turnoy istorii evropeyskogo Bospora)* [The Zolotoe Necropolis (Towards the Ethnocultural History of the European Bosporus)]. Kyiv.
- Kris, Kh.I., Veymarn, E.V. 1958: Kurgan epokhi bronzy bliz Bakhchisaraya [A Bronze Age Mound near Bakhchisaray]. In: *Kratkie soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh Instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture] 71. Moscow, 65–71.
- Kropotov, V.V. 2010: *Fibuly sarmatskoy epokhi* [Fibulae of the Sarmatian Period]. Kyiv.
- Kropotov, V.V. 2016: Sarmatskie pogrebal'nye pamyatniki Stepnogo Kryma [Sarmatian Funerary Monuments of Steppe Crimea]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [Lower Volga Archaeological Bulletin] 15.1, 22–39.
- Kropotov, V.V. 2023a: Novye rannesarmatskie pamyatniki v Stepnom Krymu [New Early Sarmatian Monuments in Steppe Crimea]. In: *Zapadnyy Kavkaz v kontekste kontaktov kul'tur*,

- narodov i tsivilizatsiy* [The Western Caucasus in the Context of Contacts Between Cultures, Peoples and Civilizations]. Krasnodar–Moscow, 115–122.
- Kropotov, V.V. 2023b: Pogrebal'nye komplekсы kontsa ellinisticheskogo perioda na zapade Bosporskogo tsarstva [Burial Complexes of the Late Hellenistic Period in the west of the Bosporean Kingdom]. In: *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo* [Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University] 9(75).4, 71–80.
- Kropotov, V.V., Koltukhov, S.G. 2019: Novyy nekropol' antichnogo vremeni v Krymskom Priazov'e [A New Ancient Necropolis in the Crimean Azov Region]. In: *XX Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ye* [XX Bosporean Readings. Cimmerian Bosporus and the World of Barbarians in Antiquity and the Middle Ages]. Simferopol–Kerch, 327–330.
- Kulakovskiy, Yu.A. 1896: Otchet prof. Yu.A. Kulakovskogo i ego rassledovaniyakh v Krymu [Report of Prof. Yu.A. Kulakovsky and His Investigations in Crimea]. In: *Otchety imperatorskoy arkheologicheskoy komissii za 1895 g.* [Reports of the Imperial Archaeological Commission 1895]. Saint Petersburg, 117–124.
- Limberis, N.Yu., Marchenko, I.I. 2010a: Meoty [Meots]. In: G.M. Bongard-Levin, V.D. Kuznetsov (eds.), *Antichnoe nasledie Kubani* [Ancient Heritage of Kuban] 1. Moscow, 186–217.
- Limberis, N.Yu., Marchenko, I.I. 2010b: Sarmaty [Sarmatians]. In: G.M. Bongard-Levin, V.D. Kuznetsov (eds.), *Antichnoe nasledie Kubani* [Ancient Heritage of Kuban] 1. Moscow, 260–285.
- Loboda, I.I. 1988: Okhrannye raskopki v Yugo-Zapadnom Krymu [Protection Excavations in Southwestern Crimea]. In: *Arkheologicheskie otkrytiya 1986 g.* [Archaeological Discoveries 1986]. Moscow, 304–305.
- Lobova, I.I. 1956: *Sarmaty v Krymu* [The Sarmatians in Crimea]: Abstract of PhD. Moscow.
- Marchenko, I.I. 1996: Siraki Kubani (po materialam kurgannykh pogrebeniy Nizhney Kubani) [The Siraces of the Kuban Region (Based on Materials of Burial Mounds of the Lower Kuban)]. Krasnodar.
- Maslennikov, A.A. 1990: *Naselenie Bosporskogo gosudarstva v pervykh vekakh n.e.* [Population of the Bosporean Kingdom in the First Centuries AD]. Moscow.
- Moshkova, M.G. (ed.) 2002: *Statisticheskaya obrabotka pogrebal'nykh pamyatnikov Aziatskoy Sarmatii. III: Srednesarmatskaya kul'tura* [Statistical Processing of Funerary Sites of Asian Sarmatia III: Middle Sarmatian Culture]. Moscow.
- Muld, S.A. 1996: Mogil'niki varvarskogo naseleniya Kryma I–V vv. [Burial Grounds of the Barbaric Population of Crimea of the 1st–5th cc.]. In: *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavriki* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Taurica]. V. Simferopol, 279–289.
- Muld, S.A. 2015: Topograficheskaya osobennost' raspolozheniya gruppy rannikh pogrebeniy mogil'nika Levadki v Tsentral'nom Krymu [Topographic Feature of the Location of the Group of Early Burials of the Levadki Burial Ground in Central Crimea]. In: *XVI Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ye* [XVI Bosporean Readings. Cimmerian Bosporus and the World of Barbarians in Antiquity and the Middle Ages]. Kerch, 239–242.
- Muld, S.A. 2016: Sklep unikal'noy formy iz mogil'nika Levadki (Tsentral'nyy Krym) [A Uniquely Shaped Vault in the Levadki Burial Ground (Central Crimea)]. In: *XVII Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ye* [XVII Bosporean Readings. Cimmerian Bosporus and the World of Barbarians in Antiquity and the Middle Ages]. Kerch, 309–312.
- Orlov, K.K. Skoriy S.A. 1989: Kompleks z bronzovim posudom rims'kogo chasu z pokhovan'nyya v Tsentral'nomu Krimu [A Complex with Bronze Dishes of the Roman period in Central Crimea]. *Arkheologiya* [Archaeology] 2, 74–83.
- Puzdrovskiy, A.E. 1994a: O pogrebal'nykh sooruzheniyakh Yugo-Zapadnogo i Tsentral'nogo Kryma v pervye veka n.e. [Towards the Burial Structures of Southwestern and Central

- Crimea in the First Centuries AD.]. In: *Problemy istorii i arkheologii Kryma [Problems of History and Archaeology of Crimea]*. Simferopol, 114–126.
- Puzdrovskiy, A.E. 1994b: O sarmatakh v Krymu [About the Sarmatians in the Crimea]. In: *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavriki [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Taurica]* IV, 397–405.
- Puzdrovskiy, A.E. 2007: *Krymskaya Skifiya II v. do n.e. – III v. n.e. Pogrebal'nye pamyatniki [Crimean Scythia in the 2nd century BC – 3rd century AD. Funerary Sites]*. Simferopol.
- Puzdrovskiy, A.E., Trufanov, A.A. 2016: *Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropolya v 2008–2014 gg. [Field Studies of the Ust-Alma Necropolis in 2008–2014]*. Simferopol.
- Puzdrovskiy, A.E., Trufanov, A.A. 2017: *Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropolya v 2004–2007 gg. [Field Studies of the Ust-Alma Necropolis in 2004–2007]*. Simferopol.
- Raevskiy, D.S. 1971: Skify i sarmaty v Neapole (po materialam nekropolya) [Scythians and Sarmatians in Neapolis (Based on Materials of the Necropolis)]. In: *Problemy skifskoy arkheologii [Problems of Scythian Archaeology]* (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Research on the Archaeology of the USSR] 177). Moscow, 143–151.
- Simonenko, A.V. 1993: *Sarmaty Tavrii [The Sarmatians of Tauria]*. Kyiv.
- Simonenko, A.V. 2004: Khronologiya i periodizatsiya sarmatskikh pamyatnikov Severnogo Prichernomor'ya [Chronology and Periodization of Sarmatian Sites of the Northern Black Sea Region]. In: *Sarmatskie kul'tury Evrazii: Problemy regional'noy khronologii [Sarmatian Cultures of Eurasia: Problems of Regional Chronology]*. Krasnodar, 134–173.
- Simonenko, A.V. 2020: Pozdnie skify i sarmaty na nizhnem Dnepre: Novye dannye k probleme vzaimootnosheniy [Late Scythians and Sarmatians on the Lower Dnieper: New Data on the Problem of Relationships]. *Arkheologicheskoe nasledie [Archaeological Heritage]* 1(3), 304–316.
- Skripkin, A.S. 2017: *Sarmaty [The Sarmatians]*. Volgograd.
- Sokol'skiy, N.I. 1976: *Tamanskiy tolos i rezidentsiya Hrisaliska [The Taman Tholos and the Residence of Chrysaliskos]*. Moscow.
- Stoyanova, A.A. 2012: *Detskie pogrebeniya iz mogil'nika Opushki (po rezul'tatam 2003–2009 gg.) [Children's Burials in the Opushki Necropolis (According to the Results of 2003–2009)]*. Simferopol.
- Sudarev, N.I. 2005: *Gruntovye nekropoli bosporskikh gorodov VI–II vv. do n.e. kak istoricheskiy istochnik [Sixth- to Second-Century BC Cemeteries of the Bosporan Cities as a Historical Source]*. PhD Thesis. Moscow.
- Tolochko, I.V. 2014: Pogrebeniya nekropolya Tanaisa I–III vv. n.e. [Burials of the Tanais Necropolis of the 1st–3rd cc. AD.] In: *Pogrebal'naya kul'tura Bosporskogo tsarstva [Funeral Culture of the Bosporan Kingdom]*. Saint Petersburg, 155–161.
- Trufanov, A.A. 2009: Khronologiya mogil'nikov Predgornogo Kryma I v. do n.e. – III v. n.e. [Chronology of Burial Grounds of the Foothill Crimea of the 1st c. BC – 3rd c. AD]. *Stratum plus* 4, 117–364.
- Trufanov, A.A. 2014: Mogil'nik I–III vv. n.e. u s. Kholmovka i vpusknye pogrebeniya pervykh vekov n.e. v kurganakh Yugo-Zapadnogo Kryma [A Burial Ground of the 1st–3rd cc. AD near the Village of Kholmovka and Secondary Burials of the First Centuries AD in barrows of Southwestern Crimea]. In: *Istoriya i arkheologiya Kryma [History and Archaeology of Crimea]* 1. Simferopol, 183–209.
- Trufanov, A.A., Zaytsev, Yu.P., Medvedev, G.V., Solomonenko, A.E., Shkriblyak, I.I. Issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropolya v 2019 godu [Studies of the Ust-Alminsky Necropolis in 2019]. In: *Istoriya i arkheologiya Kryma [History and Archaeology of Crimea]* XIII. Simferopol, 393–400.
- Tsvetaeva, G.A. 1951: Gruntovyy nekropol' Pantikapeya, ego istoriya, etnicheskiy i sotsial'nyy sostav [The Cemetery of Panticapaeum, Its History, Ethnic and Social Composition]. In: *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ya v antichnyu epokhu [Materials on*

- the Archaeology of the Northern Black Sea Region in Antiquity*] (Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR [Materials and Research on the Archaeology of the USSR]) 19, 63–86.
- Vinokurov, N.I. 2015: Pervye itogi raskopok nekropolya gorodishcha Artezian v Krymskom Priazov'e [First Results of Excavations at the Necropolis of the Artezian Settlement in the Crimean Azov Region]. In: *I zemlya v likovani... Sbornik statey v chest' G. A. Belovoy* [And the Earth is Joyous... Collection of Articles in Honor of G.A. Belova]. Moscow, 360–376.
- Vinokurov, N.I. 2023: Dva tipa grobnits severo-vostochnogo nekropolya gorodishcha Artezin (raskop 12, 2019g.) [Two Types of Tombs in the Northeastern Necropolis of the Artezian Settlement (Excavation Site 12, 2019)]. In: *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 28. Moscow, 73–104.
- Vnukov, S.Yu., Lagutin, A.B. 2001: Zemlyanye sklepy pozdneskifskogo mogil'nika Kara-Tobe v Severo-Zapadnom Krymu [Underground Vaults of the Late Scythian Burial Ground of Kara-Tobe in Northwestern Crimea]. In: I.I. Gushchina, D.V. Zhuravlev (eds.), *Pozdnie skify Kryma* [The Late Scythians of Crimea] (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 118). Moscow, 96–121.
- Vysotskaya, T.N. 1970: Voprosy etnicheskogo sostava naseleniya Yugo-Zapadnogo Kryma nachala nashey ery [Questions of the Ethnic Composition of the Southwestern Crimean Population at the beginning of our era]. In: *Arkheologiya* [Archaeology] XXIII, 107–118.
- Vysotskaya, T.N. 1971: Pozdnie skify v Yugo-Zapadnom Krymu [The Late Scythians in Southwestern Crimea]. In: *Problemy skifskoy arkheologii* [Problems of Scythian Archaeology] (Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR [Materials and Research on the Archaeology of the USSR] 177). Moscow, 155–160.
- Vysotskaya, T.N. 1972: *Pozdnie skify v Yugo-Zapadnom Krymu* [The Late Scythians in Southwestern Crimea]. Kyiv.
- Vysotskaya, T.N. 1987: Etnicheskyy sostav naseleniya Krymskoy Skifii (po materialam mogil'nikov) [Ethnic Composition of the Population of Crimean Scythia (Based on Materials of Burial Grounds)]. In: *Materialy k etnicheskoy istorii Kryma VII v. do n.e. – VII v. n.e.* [Materials on the Ethnic History of Crimea of the 7th c. BC – 7th c. AD]. Kyiv, 40–67.
- Zaytsev, Yu.P. 2019: Nekotorye aspekty «sarmatizatsii» Kryma v rannem zheleznom veke [Some Aspects of the “Sarmatization” of Crimea in the Early Iron Age]. In: *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.)* [Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC – AD 400)] V. Simferopol, 90–102.
- Zaytsev, Yu.P., Mordvintseva, V.I. 2004: Varvarskie pogrebeniya Kryma 2 v. do n.e. – 1 v. n.e. [Barbaric Burials in Crimea in the 2nd c. BC – 1st c. AD]. In: B.A. Raev (ed.), *Sarmatskie kul'tury Evrazii: problemy regional'noy khronologii. Doklady k 5-y mezhdunarodnoy konferentsii «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii»* [Sarmatian cultures of Eurasia: problems of regional chronology. Reports for the 5th International Conference “Problems of Sarmatian Archaeology and History”]. Krasnodar, 174–204.
- Zhuravlev, D.V., Firsov, K.B., Belskiy, S.V. 2021: *Mogil'nik Bel'bek I i kurgan u Bratskogo kladbishcha v Yugo-Zapadnom Krymu: arkheologicheskie raskopki N.M. Pechenkina v 1903–1905 gg.* [The Burial Ground of Belbek I and the barrow at the Bratskoe Cemetery in Southwestern Crimea: Archaeological Excavations by N.M. Pechenkin in 1903–1905] (Gerakleiskiy sbornik [Heracleian Collection] V). Saint Petersburg.
- Zhuravlev, D.V., Lomtadze G.A. 2022: Stolovaya posuda i svetil'niki iz rezidentsii Khrisaliska [Fine Ware and Lamps from the Residence of Chrysaliskos]. In: *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 27. Moscow, 59–100.
- Zinko, A.V., Zinko V.N. 2014: Pogrebal'nye sooruzheniya pervykh vv. n.e. nekropolya Tiritaki [Burial Structures of the First Centuries AD in the Tyritace necropolis]. In: V.Yu. Zuev, V.A. Khrshanovskiy (eds.), *Pogrebal'naya kul'tura Bosporskogo tsarstva* [Funeral Culture of the Bosporan Kingdom]. Saint Petersburg, 150–154.
- Zubar, V.M., Savelya, O.Ya. 1989: Noviy sarmats'kiy mogil'nik drugoi' polovini I – pochatku II st. n.e. v pivdenno-zakhidnom Krymu [New Sarmatian Burial Ground of the Second Half

of the 1st – beginning of the 2nd Century AD in Southwestern Crimea]. *Arkheologiya* [*Archaeology*] 2, 74–83.

TOWARDS CHRONOLOGY AND CIRCUMSTANCES OF THE APPEARANCE
OF UNDERCUT GRAVES IN THE CRIMEA IN THE ROMAN PERIOD

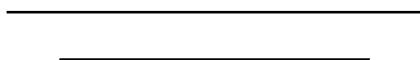
Viktor K. Maksimenkov

*V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia;
Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia;
State Museum-Preserve “Chersonesus Taurica”, Sevastopol, Russia*

E-mail: victorskiff@mail.ru

The article examines the time and reasons for the appearance of undercut graves in the barbarian necropolises of Crimea during the Roman period. A number of the earliest undercut graves are analyzed, dating from the second half of the 1st century BC to the first half of the 1st century AD, which immediately precede the time of the mass distribution of this type of burial structures on the peninsula. Two main points of view on this issue are identified, conventionally called “migrational” and “autochthonous”. The author supports the “migrational” version, according to which undercut graves in Crimea appear together with waves of new population. The most probable are long-distance migrations from the Lower Don region, where the number of undercut burials is highest in relation to others.

Keywords: Northern Black Sea region, Crimea, Early Iron Age, late Scythians, Sarmatians, Roman period, undercut graves, funeral rite

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2025), 186–199
© The Author(s) 2025

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2025), 186–199
© Автор(ы) 2025

DOI: 10.18503/1992-0431-2025-1-87-186–199

ИЗ ИСТОРИИ АФИНСКИХ ОЛИГАРХИЧЕСКИХ ПЕРЕВОРОТОВ КОНЦА V в. до н.э. П. ДЕМАГОГИ И ИХ ПРОТИВНИКИ В 410-х гг. до н.э.

И.Е. Суриков

*Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия;
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия*

E-mail: isurikov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2603-6146

Аннотация. Данная работа продолжает цикл статей, посвященный антидемократическим переворотам в Афинах конца V в. до н.э. и их историческому значению. Известно, что лагерь афинских олигархов периода Пелопоннесской войны был крайне разнороден, что не способствовало его сплоченности. В статье поднимается вопрос, отличался ли однородностью противоположный лагерь, представленный демагогами, и делается вывод, что ответ на этот вопрос должен быть скорее отрицательным. Согласно расхожему мнению, все демагоги были такими, как Клеон – в 420-х гг. до н.э. самый яркий образец этого типа политика. Однако уже демагоги 410-х гг. до н.э., как показано в статье на просопографических данных, имели ряд отличий от своих предшественников (хотя были между ними и черты сходства). Демагог нового типа уже, как правило, не является нуворишем-парвению; он принадлежит к кругам более уважаемым, может быть даже связан со знатью, хотя и не самого высокого уровня. Он, в отличие от Клеона, почти никогда не стремится быть стратегом, отличаться на военном поприще; его родная среда – это судебная сфера. Суды в «эру охлократии» часто становились средством сведения политических счетов. Инициаторами такого развития ситуации были радикальные демократы; но их противники перенимали те же методы, что особенно заметно на примере Антифонта.

Ключевые слова: классическая Греция, Афины, олигархия, демократия, перевороты, Пелопоннесская война, демагоги, Антифонт, Филин, судебные процессы

Повторим два тезиса, которые были высказаны в предыдущей статье данного цикла¹ и от которых мы далее будем отталкиваться. Во-первых, олигархическое движение в Афинах началось не с самых первых лет Пелопоннесской войны, хотя

Данные об авторе. Суриков Игорь Евгеньевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН, профессор кафедры истории и теории культуры факультета культурологии РГГУ.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00024, <https://rscf.ru/project/23-28-00024/>

¹ Суриков 2024.

стремительная радикализация демократии и резкое возрастание политической роли демагогов имели место буквально с самого момента смерти Перикла. В 420-х гг. до н.э. для тех афинян, кому не мило было демократическое устройство, характерна скорее оппортунистическая позиция, ярко проявляющаяся в «Афинской политике» Псевдо-Ксенофонта²: демократия, будучи в принципе дурным, недостойным строем, конкретно в Афинах выполняет свои функции настолько эффективно, что приходится с ней мириться. Никаких методов борьбы с ней автор-олигарх не выдвигает; тем, кому жить при демократии представляется совсем уже неприемлемым, подспудно предлагается разве что такой вариант, как эмиграция в какой-нибудь олигархический полис (Ps.-Xen. Ath. pol. 2. 20). Итак, демократия – даже вырождающаяся в охлократию – сохраняла поддержку, пока государство находилось на пути успехов.

Во-вторых, говоря о самом олигархическом движении на том этапе, когда оно уже активизировалось, мы отмечаем его сугубую неоднородность. Сплачивалось оно в основном «негативным консенсусом» против охлократии и демагогов. В его рядах были и убежденные аристократы-лаконофилы (Критий), воистину фанатики идеи, готовые ради нее пролить большую кровь (и действительно пролившие ее в 404–403 гг. до н.э.³, и некоторые из прежних демагогов, переметнувшиеся в противоположный лагерь (Писандр, Харикл), и военные, недовольные некомпетентными стратегическими решениями экклесии (Фриних), и рафинированные интеллектуалы с их традиционным презрением к пресловутой невежественной «черни» (Антифонт), и поборники законности, постоянно нарушавшейся демосом (Ферамен).

Эта неоднородность так называемых олигархов была чревата расколами в их среде, каковые действительно регулярно происходили. Позволительно, однако, поставить вопрос: а был ли монолитным противоположный лагерь? Можно ли сказать, что все демагоги – «на одно лицо»? На первый взгляд именно такое впечатление и складывается, и лицом этим оказывается малосимпатичное лицо Клеона, признающегося обычно самым характерным и рельефным воплощением демагога. Человек, не принадлежащий к аристократическим кругам, при этом обладающий значительным состоянием, источником которого является, выражаясь современным языком, бизнес; политик-популист, который воспринимается народной массой как «свой в доску»⁴, который опускается до уровня толпы, говорит на ее языке, который поэтому понятен ей и тем самым симпатичен... Как будто специально о таких написано в «Политике» Аристотеля (Arist. Pol. IV. 1292a4–36), в известном пассаже о «крайней демократии» (ἡ δημοκρατία ἢ ἐσχάτη)⁵: «...простой народ, являясь монархом, стремится и управлять по-монаршему (ибо в этом случае закон им не управляет) и становится деспотом (почему и льстецы у него в почете)... Демагоги и льстецы, в сущности, одно и то же или во всяком случае схожи друг с другом; и те и другие имеют огромную силу – льстецы у тиранов, демагоги у описанной нами демократии. Они повинны в том, что решающее значение

² Rhodes 2015, 29.

³ Wolpert 2006.

⁴ Суриков 2011, 82.

⁵ В первой статье цикла мы констатировали: «Исследователи единодушны в том, что, говоря о “крайней демократии”, Стагирит описывает именно афинскую демократию последней трети V в. до н.э.». Недавно нам попало-таки одно исключение: Joyce 2022, 91.

предоставляется не законам, а постановлениям народа, так как демагоги отдают на его решение всё. И выходит так, что демагоги становятся могущественными вследствие сосредоточения верховной власти в руках народа, а они властвуют над его мнениями, так как народная масса находится у них в послушании».

Итак, будет ли верным утверждение, что все демагоги были, так сказать, Клеонами того или иного масштаба? Нам представляется, что оно будет в целом соответствовать действительности для 420-х гг. до н.э., а вот демагоги следующего десятилетия представляли собой уже более сложную картину. Попробуем обосновать это утверждение. Клеона часто называют первым демагогом. Так ли это? Даже если оставить в стороне точку зрения Аристотеля, для которого уже Перикл – демагог⁶, и обратиться к авторам, современным эпохе Пелопоннесской войны, мы увидим, что для комедиографа Аристофана Клеон – не первый, а третий в ряду демагогов. В появляющемся во «Всадниках» (424 г. до н.э.) пародийном пророчестве сказано (Aristoph. Equ. 129 sqq.):

– В начале всех начал пенькой торгующий (στυππειοπώλης)

Придет и встанет у кормила города.

– Один уж есть торговец. Кто ж потом придет?

– Другой, и будет торговать он овцами (προβατοπώλης)

– Еще торговец! С этим что же станется?

– Пока другого не найдут, мерзейшего,

Он править будет, а потом провалится.

Кожевник-пафлагонец (βυρσοπώλης ὁ Παφλαγών) вслед
за ним придет,

Буян, горлан, как мельница, грохочущий.

В том, что под «кожевником» (в оригинале, собственно, стоит «торговец кожей») имеется в виду Клеон, сомнений не возникает. Что же касается двух его предшественников, схолиасты поясняют, что имеются в виду демагоги Евкрат и Лисикл. Оба они, в отличие от часто фигурирующего в источниках Клеона, – персонажи малоизвестные. То крайне немного, что известно о Евкрате, собрано в «Аттической просопографии» И. Кирхнера⁷. Правда, этот ученый не был уверен в том, следует отождествлять Евкрата-демагога с Евкратом, который, по эпиграфическим данным (IG. I³. 365. 5), был стратегом в 432/431 г. до н.э.; но ныне это считается доказанным⁸. В таком случае, перед нами вырисовывается небезынтересный факт: оказывается, что Евкрат начал свою военную и политическую карьеру еще при Перикле. В дальнейшем он в нарративной традиции вообще не фигурирует; можно допустить, что он был убит в самом начале Пелопоннесской войны.

О Лисикле информации больше. Он настолько желал стать лидером полиса, что после смерти Перикла стал сожительствовать с Аспасией (Plut. Pericl. 24). Возможно, ему и суждена была бы громкая политическая карьера: в 428/427 г. до н.э. он был избран стратегом⁹. Однако, будучи отправлен во главе эскадры в экспедицию в Карию, он там погиб (Thuc. III. 19. 2). Тогда-то на первый план и вы-

⁶ «После этого в качестве демагога выступил Перикл... Также и жалованье в судах ввел впервые Перикл, употребляя демагогический прием» (Arist. Ath. pol. 27. 1–3).

⁷ Kirchner 1901, 373.

⁸ Develin 2003, 102.

⁹ Develin 2003, 123.

двинулся Клеон, хотя политическую активность он тоже проявлял еще при жизни Перикла¹⁰.

Между тремя фигурами, о которых только что шла речь, налицо несомненные черты сходства. Все трое – люди незнатные, но богатые. Все трое – выходцы из торгово-ремесленной среды. Все трое хотят занимать лидерские позиции в полисе и с этой целью стремятся быть избранными на высокие должности, прежде всего на должность стратега. Почему именно на эту должность (чем они фактически начинали военную карьеру, не будучи при этом военными людьми) – об этом было сказано в нашей первой статье, и повторяться мы не будем.

Клеон, правда, впервые стал стратегом несколько позже, чем первые два демагога. Когда конкретно это произошло? Ответ зависит от решения вопроса о том, в каком статусе он командовал операцией по захвату спартиатов на Сфактерии в 425 г. до н.э., а вопрос этот является дискуссионным, и единства мнений по нему нет. Фукидид, рассказывая об операции, не называет Клеона стратегом (Thuc. IV. 29. 1); по мнению одних специалистов, он таковым и не являлся¹¹, а получил какое-то специальное назначение¹². Другие с ними не согласны; в частности, Р. Девелин все-таки включает его в коллегиию стратегов 425/424 г. до н.э., – видимо, в качестве дополнительно избранного члена¹³. Во всяком случае, уже точно известно, что он неизменно входил в состав этой коллегии на протяжении нескольких последующих лет: 424/423, 423/422 и 422/421 гг. до н.э., то есть до самой своей смерти.

В ранге стратега он и погиб при Амфиполе, как до него погиб Лисикл, а еще раньше, возможно, и Евкрат, как мы предположили (иначе трудно объяснить его внезапное исчезновение с политической сцены). Пожалуй, тут можно констатировать еще одну черту сходства: демагоги 420-х гг. до н.э., действуя в несвойственном им качестве полководцев, по недостатку военного опыта и соответствующих способностей терпели неудачи.

Что же можно сказать о пришедших им на смену демагогах 410-х гг. до н.э.? Прежде всего бросается в глаза, что они уже, как правило, не стремятся стать стратегами. Правда, применительно к Гиперболу, самому знаменитому из них, была высказана мысль (в сугубо гипотетической форме, что подчеркивается знаком вопроса), что он занимал эту должность уже в 425/424 г. до н.э.¹⁴ Однако это предположение представляется в высшей степени маловероятным¹⁵, тем более что оно основывается только на какой-то шутке Аристофана по адресу Гипербола (Aristoph. Equ. 1303–1304).

Следует сказать, что Гипербол¹⁶, деятельность которого началась еще в 420-х гг. до н.э., выступает своего рода переходной фигурой, чертами своей личности в немалой степени напоминая демагогов «Клеоновой генерации». Он тоже

¹⁰ Суриков 2008, 339.

¹¹ Fornara 1971, 59.

¹² Карпюк 1994, 44.

¹³ Develin 2003, 130.

¹⁴ Develin 2003, 130.

¹⁵ В монографическом исследовании Ч. Форнары, специально посвященном истории афинской коллегии стратегов в V в. до н.э., имя Гипербола в числе стратегов 425/424 г. до н.э. (список см.: Fornara 1971, 59) не значится.

¹⁶ Гиперболу, «человеку негодному», в свое время была посвящена важная статья С.Г. Карпюка (Карпюк 1998), в которой сведены воедино все основные источниковые данные об этом демагоге. Разумеется, мы активно используем этот материал.

незнатен и богат; он тоже выходец из торгово-ремесленной среды. Если Клеон у Аристофана – «кожевник» и «торговец кожами», то Гипербол у того же комедиографа – «ламповщик» (λυχνοπτοῖός, Aristoph. Pax 690) и «торговец лампами» (λυχνοπώλης, Aristoph. Equ. 739). Античные авторы регулярно попрекают его низкородным происхождением¹⁷.

Остальные же демагоги этого времени, вступившие на политическую стезю уже в 410-х гг. до н.э., представляются персонажами не столь однозначными. Возьмем такого видного их представителя, как Андрокл. Этот человек в 415 г. до н.э. проявил себя как яростный враг Алкивиада, один из инициаторов раздувания дела о профанации мистерий (Plut. Alc. 19). В 411 г. до н.э., в ходе подготовки переворота Четырехсот, он стал жертвой политического убийства, подготовленного сторонниками олигархии (Thuc. VIII. 65. 2). Что интересно, примерно тогда же был убит и Гипербол, ранее подвергнутый остракизму и проживавший на Самосе. Андрокл был, видимо, неплохим оратором, способным на остроумные обороты речи (один из примеров см.: Arist. Rhet. II. 1400a9 sqq.).

Неизвестно о каких-либо его связях с торгово-ремесленной средой. Судя по всему, таковых и не было. Во всяком случае, комедиограф Кратин (ар. schol. Aristoph. Vesp. 1187) охарактеризовал его как «нищего» (πτωχός). Конечно, это, скорее всего, одно из гротескных преувеличений, столь характерных для аттической комедии; но шарж всегда должен отражать, хотя бы и в искаженной форме, какую-то реальную особенность шаржируемого лица, и можно сделать вывод, что богачом Андрокл, несомненно, не являлся. Много выпадов можно встретить в комедии против тех же Клеона или Гипербола, но уж нищими их точно никто и никогда не называл. А Андрокла другой представитель комического жанра, Экфангид (ар. schol. Aristoph. Vesp. loc. cit.), даже обругал уличным карманным воров, буквально – «срезывателем кошелеков» (βαλλαντιοτόμος). Очередная карикатура, но главное – в том, что приписываемое здесь демагогу занятие ассоциируется ни в коем случае не с людьми сколько-нибудь состоятельными.

Что можно сказать о происхождении Андрокла? На первый взгляд, оно было таким же, как у тех демагогов, о которых шла речь выше, то есть незнатным. В комедиях он – «раб» (δοῦλος, schol. Aristoph. Vesp. loc. cit.). Но здесь, насколько можно судить, просто эксплуатируется определенный штамп, уже откопавшийся в общественном мнении в связи с такими, как Клеон: раз демагог, значит, «из простых» (см. ниже то, что будет сказано в связи с Клеофонтом). Однако, изучая в свое время этот сюжет с ономастико-просопографической точки зрения¹⁸, мы столкнулись тем, что родственное окружение Андрокла должно было быть отнюдь не рабским, а, мягко говоря, несколько иным. Как стало известно относительно недавно из надписей на нескольких остраконах¹⁹ (черепков, применявшихся в качестве «бюллетеней» для голосования в ходе процедуры остракизма), имя Андрокл (в целом нечастое в Афинах) употреблялось в одной из весьма почтенных семей, где оно чередовалось с именами Андрон и Андроцион, содержащими ту же корневую морфему ἄνδρ-. Другие известные члены этой семьи – политик конца V в. до н.э. Андрон, более всего запомнившийся современникам тем, что в 411 г. до н.э. он

¹⁷ Kirchner 1903, 329.

¹⁸ Суриков 2021, 364–372.

¹⁹ Brenne 2002, 48.

выступил обвинителем Антифонта, наиболее радикального олигарха из лидеров режима Четырехсот, и добился вынесения ему смертного приговора (Ps.-Plut. Vitae X or. 833d–834b), а также сын Андрона Андротион, который действовал в IV в. до н.э., тоже занимался политикой, а потом подвергся изгнанию и, находясь в нем, стал историком, написал «Аттиду» – одно из самых заметных произведений аттидографического жанра²⁰.

Более того, есть вероятность, что семья, о которой идет речь, являлась одной из периферийных ветвей знатнейшего рода Филаидов. Само имя «Андрокл» звучит вполне аристократически; согласно легендарной традиции его носил, например, один из сыновей Кодра Афинского, основатель и первый царь Эфеса в Ионии (Pherec. FGrHist. 3. F155). У Аристофана в «Осах» (422 г. до н.э.) Андрокл-демагог упомянут в элитном контексте, как θεωρός, т.е. член священного посольства. В общем и целом, по косвенным данным перед нами вырисовывается человек знатный, но небогатый, иными словами, не только не напоминающий Клеона, но в данном отношении противоположный ему.

Обратимся к некоторым другим демагогам 410-х гг. до н.э. Двое из них впервые появляются на политической сцене в качестве активных деятелей в 415 г. до н.э. – как раз в связи с судебными процессами о мистериях и о гермах, инициированными Андроклом (Andoc. I. 27). Это Писандр и Харикл. Оба они были назначены следователями (Andoc. I. 36) и, выступая в качестве этаких «цепных псов демоса», прилагали все усилия к тому, чтобы искусственно связать два совершенно независимых друг от друга дела в одно, представляющее собой якобы заговор против демократии. В частности, по предложению Писандра были назначены огромные награды доносчикам (Andoc. I. 27); он же выступил с совершенно беспрецедентной инициативой – *пытать* (!) свободных людей, афинских граждан, даже членов Совета Пятисот (Andoc. I. 43).

Позже оба этих «цепных пса» проделали удивительный «политический кульбит», став весьма видными деятелями противоположного, олигархического лагеря. С Писандром это произошло уже весьма скоро: в 411 г. до н.э. он оказывается одним из лидеров переворота Четырехсот и в связи с этим удостоивается от Фукидида следующей характеристики: «...Писандр, который, по-видимому, и раньше был рьяным и откровенным противником демократии» (Thuc. VIII. 68. 1). Когда затем олигархи раскололись на два крыла – умеренное и крайнее, – он был в составе второго (Thuc. VIII. 90. 1), а после свержения Четырехсот ничтоже сумняшеся совершил прямую измену и бежал в спартанский лагерь в Декелее (Thuc. VIII. 98. 1). Дальнейшая его судьба неизвестна.

Что же касается Харикла, он вскоре после выполнения следовательских обязанностей, в 414/413 г. до н.э., занимал пост стратега (Thuc. VII. 20. 1). Потом он надолго пропадает из источников и появляется в них только в 404/403 г. до н.э., когда он был одним из наиболее авторитетных (и радикальных) членов коллегии Тридцати (Xen. Mem. I. 2. 31 sq.). Этого периода его карьеры мы в рамках данной статьи в целом не касаемся, поскольку она посвящена событиям 410-х, а не 400-х гг. до н.э. Впрочем, один спорный вопрос все-таки представляется необходимым затронуть.

У Исократ (в речи, написанной в середине 390-х гг. до н.э.) есть пассаж, обладающее толкование которого в литературе, на наш взгляд, нуждается в коррек-

²⁰ Об Андротионе как историке см.: Harding 1994.

тировке. В нем Харикл «был рад по-рабски прислуживать врагам, зато считал себя достойным властвовать над гражданами; в изгнании он предавался бездействию, по возвращении же стал чинить зло своему городу (φεύγων μὲν ἡσυχίαν εἶχεν, κατελθὼν δὲ κακῶς ἐποίει τὴν πόλιν)» (Isocr. XVI. 42). Обычно считается²¹, что под изгнанием Харикла подразумевается изгнание всей коллегии Тридцати из Афин в 403 г. до н.э., после победы демократов Фрасибула в битве при Мунихии (правлящие олигархи бежали тогда в Элевсин, Xen. Hell. II. 4. 24). В таком случае выходит, что впоследствии он вновь вернулся на родину.

Нам крайне трудно с этим согласиться. Напомним, чем завершился в афинском полисе кризис 404–403 гг. до н.э.: соглашением о примирении, в котором объявлялась амнистия, не распространявшаяся, однако, на ряд категорий лиц, а именно на членов коллегии Тридцати, подчиненной ей коллегии Десяти, управлявшей Пиреем, а также коллегии Одиннадцати (Xen. Hell. II. 4. 38). В отличие от двух первых коллегий, являвшихся экстраординарными, последняя, выполнявшая карательные функции, избиралась в Афинах ежегодно²², но тот ее состав, который работал в период репрессивной олигархии, в особенной степени ассоциировался с кровопролитиями. Но дело в другом: Харикл, как мы помним, входил в коллегию Тридцати.

Правда, в соглашении оговаривалось, что даже эти лица, исключенные из амнистии, имеют шанс рассчитывать на нее, «если они представят отчет (ἐὰν διδῶσιν εὐθύνας)» (Arist. Ath. pol. 39. 6). Предполагалось, что в отчете решившийся на него гражданин должен доказывать, что он лично был непричастен к злодеяниям Тридцати. Совершенно точно известно, что попытки такого рода членами коллегии предпринимались. Именно так поступил, например, Эратосфен, о чем известно из направленной против него речи Лисия (Lys. XII). Из той же речи мы знаем, какие доводы приводились им в свою защиту: он утверждал (и, видимо, доказывал), что принадлежал к умеренной «фракции» олигархов, участники которой были «ожесточенными противниками Харикла, Крития и их гетерии» (Lys. XII. 55). Таким образом, если после восстановления демократии умеренные олигархи (так сказать, «фераменовцы») могли еще надеяться на снисхождение, то крайним не стоило даже пытаться добиваться его. Харикл же принадлежал именно к группировке «крайних», возглавлявшейся Критием. К этому последнему он был едва ли не самым близким человеком.

Думается, следует исключить возможность того, что демос простил Харикла в 403 г. до н.э. или несколько позже и позволил ему восстановить афинское гражданство. Очевидно, у Исократы речь идет о каких-то других его изгнании и возвращении, причем, имевших место, естественно, раньше, чем правление Тридцати. Вот каким образом реконструируем ситуацию мы: в 407 г. до н.э. по инициативе демагога Клеофонта была проведена своеобразная «чистка» в гражданском коллективе Афин, сопровождавшейся изгнанием из полиса тех, кто слыл наиболее одиозными противниками демократии и лаконофилами²³. Среди изгнанных тогда был, в частности, тот же Критий (Arist. I. 1375b22), который вернулся на родину в 404 г. до н.э., после окончания Пелопоннесской войны; о Харикле этого экспли-

²¹ Например: Kirchner 1903, 427.

²² Burgess 2005.

²³ Суриков 2011, 253.

цитно не сообщается, но, учитывая его вышеупомянутую близость к Критию, в высшей степени вероятно, что аналогичная участь постигла и его.

Таким образом, в последнее десятилетие V в. до н.э. он явно уже был олигархом. Вот какую эволюцию прошли Харикл и Писандр, еще в 415 г. до н.э. «считавшиеся... людьми в высшей степени преданными народу (δοκοῦντες... εὐνοῦστας τοὶ εἶναι τῷ δήμῳ)» (Andoc. I. 36). Что интересно, применительно к этим двум в источниках, кажется, не обнаруживается инвективных обвинений в низком происхождении. Харикл у комедиографа Телеклида (ар. Plut. Nic. 4) выводится как жертва сикофантов и в качестве таковой ставится в один ряд с Никием, который слыл человеком вполне почтенным.

Зато уж кого постоянно попрекали пресловутой безродностью – так это Клеофонта. Он, в отличие от рассматривавшихся выше персоналий, является фигурой куда более известной, и именно поэтому на его личности мы остановимся лишь вкратце. А остановиться все-таки необходимо, потому что относительно недавно благодаря такому своеобразному источнику, как остраконы, оказались развеяны два связанных с ним историографических мифа. Первый заключается в том, что Клеофонт являлся именно таким выходцем из самых низов общества, каким его рисует враждебная ему традиция, характерно резюмированная Элианом, который утверждает, будто бы даже имя его отца назвать затруднительно (Aelian. Var. hist. XII. 43), – трудно представить себе более болезненный укол для афинянина классической эпохи. Согласно другому мифу, Клеофонт вступил на демагогическую стезю лишь в 400-х гг. до н.э. (если бы это было так, его и не следовало бы рассматривать в данной статье). В это десятилетие он стал воистину «царем демагогов», но ни о каких фактах его биографии, которые датировались бы временем раньше, чем 410/409 г. до н.э., нарративная традиция не сообщает.

Так что же мы узнали о Клеофонте из остраконов (его имя прочитано на восьми из них²⁴, и все они естественно, относятся к самой последней остракофории, которую в литературе датировали 417, 416 или 415 г. до н.э., причем наиболее вероятной является самая поздняя из этих датировок²⁵)? Во-первых, сам тот факт, что какое-то количество сограждан признало его достойным остракизма, твердо и однозначно говорит: в середине 410-х гг. до н.э. Клеофонт уже занимался политикой и, более того, получил на этом поприще известность. Во-вторых, остраконы дали наконец то самое имя отца Клеофонта, ранее неизвестное ученым, которое, как выразился Элиан, οὐδεὶς ἄν εἴποι ῥαδίως. На части черепков фигурирует полное гражданское имя Клеофонта, с патронимиком и демотиком. И оказалось оно сенсационным: Клеофонт, сын Клеиппида, из Ахарн.

Сенсацию вызвало то, что Клеофонт, который в произведениях комедиографов предстает просто-таки «варваром», то есть даже не греком (например: Aristoph. Ran. 679 sqq.), оказался отпрыском Клеиппида, сына Диния, из Ахарн. Этот последний в 429/428 г. до н.э. занимал пост стратега²⁶, а еще раньше, как показали те же остраконы, являлся серьезным соперником не кого иного, как самого Перикла: в сохранившихся материалах остракофории середины 440-х гг. до н.э. имя

²⁴ Суриков 2006, 546.

²⁵ См. подробное рассмотрение проблемы с указаниями на предшествующую литературу: Суриков 2006, 141–151.

²⁶ Develin 2003, 121.

Клеиппида появляется 124 раза²⁷. Это весьма высокая цифра.

Далее, ранее из некоторых неясных упоминаний в письменных источниках было известно о существовании некоего демагога Филина, о котором толком и сказать было нечего. Теперь имеется один остракон против него, и надпись на нем показывает, что Филин – сын Клеиппида и, стало быть, брат Клеофонта²⁸. Так была открыта целая семья политиков. Параллельно какие-то ее представители могли заниматься и ремесленной деятельностью, продолжая в этом аспекте традицию Клеона и Гипербола. У Клеофонта была мастерская по производству музыкальных инструментов, и Андокид называет его *ὁ λυροποιός* – «лирщик, изготовитель лир» (Andoc. I. 146). Это демонстрирует, что демагогов «новой генерации» нельзя категорически противопоставлять демагогам 420-х гг. до н.э. Черты сходства между ними, безусловно, имелись. Но эти черты сходства как раз и ранее акцентировались в литературе, а вот черты различия, тоже наличествовавшие, как-то упускались из виду, потому мы именно на них здесь и сосредоточились.

Демагог 410-х гг. до н.э., в отличие от своего предшественника, уже, как правило, не является нуворишем-парвеню; он принадлежит к кругам более уважаемым, может быть даже связан со знатью, хотя имеется в виду знать не самого высокого уровня. Этот демагог нового типа почти никогда не стремится быть стратегом, отличаться на военном поприще (возможно, неудачный опыт таких людей, как Лисикл и Клеон, имел определенное значение для подобной перемены подхода); его родная среда – это судебные органы, в них он чувствует себя воистину «как дома».

* * *

Мы переходим к некоторым завершающим обобщениям. Хорошо коррелируют между собой два тезиса, выдвинутых разными учеными независимо друг от друга. С одной стороны, как подметил К. Джойс²⁹, «со времени Клеона до смерти Клеофонта произошло фундаментальное изменение: суды впервые стали полем политических боев между соперничающими полководцами и политиками». Правда, слово «впервые», пожалуй, употреблено здесь чрезмерно категорично. Отдельные случаи использования судов в качестве политического оружия против конкурентов зафиксированы и ранее обозначенного Джойсом хронологического отрезка, – например, в конце 460-х гг. до н.э. группировкой Эфиальта и Перикла против Кимона (Plut. Cim. 14–15). Но нельзя не согласиться с тем, что именно начиная с Клеона интенсивность такого применения дикастериив многократно возросла.

Политизация судебной системы, разумеется, была безусловным злом; с этого и берет исток деградация афинской демократии в охлократию. Доверие к гелиею как гаранту законности подрывалось. Характерно, что судебные преследования особенно часто направлялись против магистратов. Это, помимо прочего, было и в техническом смысле легче всего: каждое должностное лицо по истечении срока пребывания на своем посту должно было сдать отчет (*εὔθυνα*), а процедура при-

²⁷ Суриков 2006, 546.

²⁸ Впервые выкладки о семье Клеиппида, Клеофонта и Филина по данным остраконов были сделаны (и сразу же всеми приняты ввиду безупречной аргументации авторов) в: Vanderpool 1952; Raubitschek 1954.

²⁹ Joyce 2022, 31.

ема такого отчета являлась одним из видов судебного процесса³⁰, что и давало возможность для каких угодно обструкций, поскольку, как известно, при большом желании можно придаться к *любому* отчету, найти в нем те или иные недостатки. Не случайно в числе главных лозунгов противников радикальной демократии присутствовали требования уменьшения самовластия судов и восстановления авторитета магистратов³¹: ведь последние просто не могли чувствовать себя уверенно в условиях, когда над ними постоянно нависал «дамоклов меч» осуждения. В высшей степени показательно, что в период той же олигархии Тридцати дикастории, насколько можно судить, вообще не функционировали.

Выше мы упомянули о двух тезисах; а в чем же заключается второй? Он еще раньше был высказан таким выдающимся специалистом, как Питер Родс³²: демагоги эпохи Пелопоннесской войны развязали настоящую «охоту на ведьм», повсюду отыскивая антидемократические заговоры, и, что самое главное, отыскивая, в общем-то, безосновательно. Это обыкновение идет опять же с Клеона. Выше отмечалось, что именно его пародирует образ «кожевника» во «Всадниках» Аристофана. И вот еще один пассаж из той же комедии (Aristoph. Equ. 626 sqq.):

Придя в Совет, лавины слов грохочущих
Метать он стал на всадников, в измене их
Изобличая; скалы выворачивал,
Пугая, громыхая, убеждая всех.
Совет, такой кислотины наслушавшись,
Насупил брови грозно, набок рот скривил,
Сидел горчицы горше...

«Измена» здесь – вольность переводчика (Адр. Пиотровского), а в оригинале «кожевник»-Клеон называет всадников (т.е. представителей элиты) заговорщиками (ξυνωμοτᾶς). Ясно, что речь идет о (мнимых) заговорщиках против демократии (которые, кстати, действительно могли одновременно восприниматься и как изменники, лаконофилы). А ведь в Клеоновы времена сколько-нибудь реальной опасности олигархического переворота еще совершенно не существовало³³. Перед нами в чистом виде беспочвенное и злонамеренное нагнетание напряженности, сеющее рознь внутри гражданского коллектива, в то время как в обстановке войны с внешним врагом, наоборот, необходима была сплоченность.

Дальше – больше. В контексте процессов о гермах и о мистериях демагогами – Андроклом, Писандром, Хариклом – постоянно поднимался вопрос о пресловутом антидемократическом заговоре. Приведем несколько цитат (из произведений, принадлежащих современникам событий), которые подтверждают это наше предположение. «Афиняне приняли повреждение герм весьма близко к сердцу, считая это происшествие зловещим предзнаменованием для исхода экспедиции (Сицилийской – И.С.), и приписывали его заговорщикам, замышлявшим переворот и свержение демократии (ἐπὶ συνωμοσίᾳ ἅμα νεωτέρων πραγμάτων καὶ δήμου καταλύσεως)» (Thuc. VI. 27. 3). «Всё это дело о гермах и мистериях, казалось им (афинянам – И.С.), указывает на некий заговор для установления в Афинах олигар-

³⁰ Carawan 1987.

³¹ Joyce 2022, 32.

³² Rhodes 2015, 29–30.

³³ Badian 1995, 81; Osborne 2003, 256–257.

хии и тирании (πάντα αὐτοῖς ἐδόκει ἐπὶ συνωμοσίᾳ ὀλιγαρχικῇ καὶ τυραννικῇ πεπερᾶσθαι)» (Thuc. VI. 60. 1). «Они полагали, что знают правду о повреждении герм и были убеждены, что и это преступление, и, тем более, осквернение мистерий являлось частью заговора против демократии, составленного при его (Алкивиаде – И.С.) участии (μετὰ τοῦ αὐτοῦ λόγου καὶ τῆς συνωμοσίας ἐπὶ τῷ δήμῳ ἀπ' ἐκείνου ἐδόκει προαχθῆναι)» (Thuc. VI. 61. 1). Фукидиду вторит Андокид, который знал дела еще лучше, поскольку сам оказался привлечен к следствию и арестован: «Писандр и Харикл... заявили, что случившееся не есть дело немногих лиц, но направлено на ниспровержение демократии (ἐλεγον ὡς εἴη τὰ ἔργα τὰ γεγενημένα οὐκ ὀλίγων ἀνδρῶν ἀλλ' ἐπὶ τῇ τοῦ δήμου καταλύσει), и что следует непременно продолжать начатое расследование» (Andoc. I. 36).

И насколько же это всё соответствовало действительности? На наш взгляд, совершенно прав П. Родс, высказывающий свою позицию так: «Я подозреваю, что эти подозрения (касательно антидемократического заговора – И.С.) были безосновательными, – если и существовали заговоры, то куда вероятнее, что они были направлены против Сицилийской экспедиции и против Алкивиада»³⁴. Фукидид именно так определяет мотивацию демагогов: «Эти люди были особенно озлоблены на Алкивиада за то, что он, стоя у них на дороге, мешает им упрочить свое влияние в народе, и надеялись, изгнав его, занять первое место в государстве. Поэтому они кричали, что и повреждение герм, и кощунственное подражание обрядам мистерий – всё это лишь часть заговора для свержения демократии (ἐπὶ δήμου καταλύσει), а виновник всего этого – Алкивиад» (Thuc. VI. 28. 2).

Да и сами афиняне, если бы действовали тогда, следуя руководству здравого разума, а не в пылу эмоции, рассудили бы по принципу «кому выгодно?». До отплытия на Сицилию оставались считанные дни; инициатором и вдохновителем экспедиции являлся, как всем было прекрасно известно, не кто иной, как Алкивиад. Соответственно, он больше, чем кто-либо был заинтересован в том, чтобы флот отправился в поход благополучно. Ему уж точно не нужен был громкий религиозно-политический скандал с вытекающими из него последствиями.

«Двойной процесс» 415 г. до н.э. – очень яркая иллюстрация того, как судебная система в «эру охлократии» становилась средством сведения политических счетов. Инициаторами такого развития ситуации были, повторим и подчеркнем, демагоги. Но у них этот пример начали перенимать и их враги, представители противоположного лагеря: им просто поневоле приходилось это делать, «с волками жить – по-волчьи выть». И здесь перед нами должна рельефно выступить деятельность Антифонта. Его фигура в данном цикле статей появляется и будет появляться снова и снова, в различных контекстах: она многое объясняет в процессе формирования олигархического движения, освещает этот процесс с нужной стороны.

Антифонт первым среди афинян стал логографом³⁵, то есть начал писать судебные речи для других лиц. Но если в дальнейшем логографией занимались преимущественно для получения материальной прибыли, то этот оратор и политик еще был логографом, так сказать, «идейным»: к нему шли за помощью сотоварищи по убеждениям (Thuc. VIII. 68. 10), да и в целом те, кому грозила опасность пострадать от демоса. Так, в одной из речей (Antiph. V) Антифонт защищает мити-

³⁴ Rhodes 2015, 30.

³⁵ Gagarin 2002, 1–8.

ленинина, обвинявшегося в убийстве афинского клеруха. Но особенно интересна в том аспекте, который сейчас нас занимает, его речь VI «О хоревте». В ней клиент Антифонта – авторитетный афинянин консервативных взглядов (к сожалению, имя неизвестно), враг демагогов, то есть, безусловно, единомышленник автора речи.

Вот как в ней излагается подоплека процесса, для которого она была написана. «...У меня тогда было судебное дело против Аристиона и Филина (имена демагогов – И.С.), которому я придавал большое значение, поскольку я обвинил их посредством исангелии³⁶ и желал истинно, справедливо доказать всё Совету³⁷ и остальным афинянам» (Antiph. VI. 12). А тем временем говорящий был назначен хорегом, и во время репетиций хора один из мальчиков-хоревтов скончался от какого-то данного ему лекарства. Вот тут-то демагоги и подговорили родственников умершего подать на хорегу в суд иск о неумышленном убийстве, чтобы избавиться от опасного обвинителя. Этот мотив звучит в речи рефреном: «Филократ (брат мальчика – И.С.) несправедливо предваряет законное решение, обвиняя и оклеветывая меня перед судом в то время, как мне буквально на следующий день предстоят процессы против Аристиона и Филина: именно из-за них он и говорит эти слова» (Antiph. VI. 21). «Я намеревался выступить с обвинением против Аристиона, Филина, Амπεлина и помощника секретаря³⁸ фесмофетов, вместе с которыми они воровали. Я внес против них исангелию в Совет. И у них по их делам не было никакой надежды получить оправдание – таковы-то были их преступления. И они, уговорив этих людей (родственников хоревта – И.С.) возбудить иск и объявить, что мне запрещается находиться в оговоренных законом местах, полагали, что в этом и будет им спасение и избавление от всех забот. Ибо закон гласит так: после того, как против кого-либо возбужден иск об убийстве, этому человеку запрещается находиться в оговоренных законом местах. И я не мог бы преследовать их в судебном порядке, находясь под таким запрещением; а они – поскольку я, внесший исангелию и знающий суть дела, не выступил бы их обвинителем – легко были бы оправданы и не понесли бы от вас наказания за свои преступления. И такую хитрость Филин и другие придумали не против меня первого; еще раньше они так же поступили и с Лисистратом³⁹, как вы сами слышали (Antiph. VI. 35–36).

Обратим внимание на имя Филина, постоянно встречающееся здесь. Это тот самый Филин, про которого выше было сказано, что он, как выяснилось, являлся родным братом знаменитого Клеофонта. Кстати, возможно, что старшим: он был активен уже в самом начале 410-х гг. до н.э., поскольку речь «О хоревте» датируется 419/41 г. до н.э.⁴⁰. У Антифонта была и речь «Против Филина», специально

³⁶ Тип судебного иска, использовавшийся, как правило, для возбуждения процессов по серьезным (часто политическим) преступлениям. Об исангелии см., в частности: Hansen 1975; Кудрявцева 2008, 270 слл.

³⁷ Исангелия подавалась либо в Совет Пятисот, либо непосредственно в экклесию.

³⁸ Помощники секретарей (ὀλοῦραῖα τεῖς) – низшие должностные лица, содействовавшие магистратам в выполнении их обязанностей. На них лежала в основном техническая работа. Механизм их назначения не вполне ясен, но вряд ли они сами были избранными магистратами. Характерно, что здесь даже не названо имя помощника секретаря; можно предположить, что это было лицо достаточно низкого статуса.

³⁹ Возможно, этот Лисистрат тождественен тому, которого упоминает Аристофан (Vesp. 1302), – что интересно, в качестве лица, близкого к самому Антифону.

⁴⁰ Gagarin, MacDowell 1998, 87–88 (исчерпывающим образом объяснено, почему именно датировка 419/418 г. до н.э. является инвариантной).

направленная против этого демагога. От нее сохранились лишь четыре фрагмента, из которых три малоинформативны, но один представляет интерес: «Феты и фетское сословие. Антифонт в речи «Против Филина» говорит: “...сделать всех фетов гоплитами”» (Antiph. fr. 61 Blass – Thalheim = Harpocr. s.v. Θῆτες καὶ θητικόν). Феты – члены низшего из четырех солоновских имущественных классов – как раз *не являлись* гоплитами, а служили в рядах легковооруженных и особенно гребцами во флоте. Таким образом, в речи явно говорилось о какой-то радикально-демократической, угодной бедноте инициативе Филина.

Подведем итоги сказанному. В 410-х гг. до н.э. так называемые олигархи, а по сути – просто противники демагогов начали бороться против этих последних их же оружием, через суды. Они создали негласные сообщества, первоначально предназначенные для взаимопомощи именно в судебных делах (ἐπὶ δίκαις, Thuc. VIII. 54. 4). Но уже надвигался 411 г. до н.э., когда эти гетерии вышли из тени и стали напрямую двигать политический процесс в антидемократическом направлении. Эта стадия развития олигархического движения в Афинах, поведшая к установлению режима Четырехсот, будет рассмотрена в следующей статье нашего цикла.

ЛИТЕРАТУРА

- Карпюк, С.Г. 1994: Никий: доблесть политика. *Вестник древней истории* 3 (210), 38–57.
- Карпюк, С.Г. 1998: Гипербол, «человек негодный». *Вестник древней истории* 4 (227), 142–156.
- Кудрявцева, Т.В. 2008: *Народный суд в демократических Афинах*. СПб.
- Суриков, И.Е. 2006: *Остракизм в Афинах*. М.
- Суриков, И.Е. 2008: *Античная Греция: политики в контексте эпохи. Время расцвета демократии*. М.
- Суриков, И.Е. 2011: *Античная Греция: политики в контексте эпохи. Година междуусобиц*. М.
- Суриков, И.Е. 2021: *Античная Греция: Механизмы политической жизни (Opuscula selecta III)*. М.
- Суриков, И.Е. 2024: Из истории афинских олигархических переворотов конца V в. до н.э. I. Пелопоннесская война и внутривнутриполитическое положение в Афинах. *Проблемы истории, филологии, культуры* 1, 134–151.
- Badian, E. 1995: The Ghost of Empire: Reflections on Athenian Foreign Policy in the Fourth Century BC. In: W. Eder (ed.), *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform?* Stuttgart, 79–106.
- Brenne, S. 2002: Die Ostraka (487 – ca. 416 v. Chr.) als Testimonien (T 1). In: P. Siewert (ed.), *Ostrakismos-Testimonien I: Die Zeugnisse antiker Autoren, der Inschriften und Ostraka über das athenische Scherbengericht aus vorhellenistischer Zeit (487–322 v. Chr.)*. Stuttgart, 36–166.
- Burgess, S.J. 2005: The Athenian Eleven: Why Eleven? *Hermes* 133/3, 328–335.
- Carawan, E.M. 1987: Eisangelia and Euthuna: The Trials of Miltiades, Themistocles, and Cimon. *Greek, Roman and Byzantine Studies* 28/2, 167–208.
- Develin, R. 2003: *Athenian Officials 684–321 B.C.* Cambridge.
- Fornara, C.W. 1971: *The Athenian Board of Generals from 501 to 404*. Wiesbaden.
- Gagarin, M. 2002: *Antiphon the Athenian: Oratory, Law, and Justice in the Age of the Sophists*. Austin.
- Gagarin, M., MacDowell, D.M. 1998: *Antiphon & Andocides*. Austin.

- Hansen, M.H. 1975: *Eisangelia: The Sovereignty of the People's Court in Athens in the Fourth Century B.C. and the Impeachment of Generals and Politicians*. Odense.
- Harding, P. 1994: *Androtion and the Atthis*. Oxford.
- Joyce, C.J. 2022: *Amnesty and Reconciliation in Late Fifth-Century Athens: The Rule of Law under Restored Democracy*, Edinburgh.
- Kirchner, I. 1901: *Prosopographia Attica. Vol. 1*. Berlin.
- Kirchner, I. 1903: *Prosopographia Attica. Vol. 2*. Berlin.
- Osborne, R. 2003: Changing the Discourse. In: K.A. Morgan (ed.), *Popular Tyranny: Sovereignty and its Discontents in Ancient Greece*. Austin, 251–272.
- Raubitschek, A.E. 1954: Philinos. *Hesperia* 23/1, 68–71.
- Rhodes, P.J. 2015: Instability in the Greek Cities. In: V. Goušchin, P.J. Rhodes (eds.), *Deformations and Crises of Ancient Civil Communities*. Stuttgart, 27–47.
- Vanderpool, E. 1952: Kleophon. *Hesperia* 21/2, 114–115.
- Wolpert, A. 2006: The Violence of the Thirty Tyrants. In: S. Lewis (ed.), *Ancient Tyranny*. Edinburgh, 213–223.

REFERENCES

- Badian, E. 1995: The Ghost of Empire: Reflections on Athenian Foreign Policy in the Fourth Century BC. In: W. Eder (ed.), *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.: Volendung oder Verfall einer Verfassungsform?* Stuttgart, 79–106.
- Brenne, S. 2002: Die Ostraka (487 – ca. 416 v. Chr.) als Testimonien (T 1). In: P. Siewert (ed.), *Ostrakismos-Testimonien I: Die Zeugnisse antiker Autoren, der Inschriften und Ostraka über das athenische Scherbengericht aus vorhellenistischer Zeit (487–322 v. Chr.)*. Stuttgart, 36–166.
- Burgess, S.J. 2005: The Athenian Eleven: Why Eleven? *Hermes* 133/3, 328–335.
- Carawan, E.M. 1987: *Eisangelia and Euthuna: The Trials of Miltiades, Themistocles, and Cimon. Greek, Roman and Byzantine Studies* 28/2, 167–208.
- Develin, R. 2003: *Athenian Officials 684–321 B.C.* Cambridge.
- Fornara, C.W. 1971: *The Athenian Board of Generals from 501 to 404*. Wiesbaden.
- Gagarin, M. 2002: *Antiphon the Athenian: Oratory, Law, and Justice in the Age of the Sophists*. Austin.
- Gagarin, M., MacDowell, D.M. 1998: *Antiphon & Andocides*. Austin.
- Hansen, M.H. 1975: *Eisangelia: The Sovereignty of the People's Court in Athens in the Fourth Century B.C. and the Impeachment of Generals and Politicians*. Odense.
- Harding, P. 1994: *Androtion and the Atthis*. Oxford.
- Joyce, C.J. 2022: *Amnesty and Reconciliation in Late Fifth-Century Athens: The Rule of Law under Restored Democracy*, Edinburgh.
- Karpyuk, S.G. 1994: Nikiy: doblest' politika [Nicias: politician's virtue]. *Vestnik drevney istorii [Journal of ancient history]* 3 (210), 38–57.
- Karpyuk, S.G. 1998: Giperbol, "chelovek negodnyy" [Hyperbolos, "a wretched man"]. *Vestnik drevney istorii [Journal of ancient history]* 4 (227), 142–156.
- Kirchner, I. 1901: *Prosopographia Attica. Vol. 1*. Berlin.
- Kirchner, I. 1903: *Prosopographia Attica. Vol. 2*. Berlin.
- Kudryavtseva, T.V. *Narodnyy sud v demokraticeskikh Afinakh [Popular Court in Democratic Athens]*. St. Petersburg.
- Osborne, R. 2003: Changing the Discourse. In: K.A. Morgan (ed.), *Popular Tyranny: Sovereignty and its Discontents in Ancient Greece*. Austin, 251–272.
- Raubitschek, A.E. 1954: Philinos. *Hesperia* 23/1, 68–71.
- Rhodes, P.J. 2015: Instability in the Greek Cities. In: V. Goušchin, P.J. Rhodes (eds.), *Deformations and Crises of Ancient Civil Communities*. Stuttgart, 27–47.
- Surikov, I.E. 2006: *Ostrakizm v Afinakh [Ostracism in Athens]*. Moscow.

- Surikov, I.E. 2008: *Anticnaya Gretsya: politiki v kontexte epokhi. Vremya rastsveta demokratii* [*Ancient Greece: Politicians in the context of the epoch. The heyday of democracy*]. Moscow.
- Surikov, I.E. 2011: *Anticnaya Gretsya: politiki v kontexte epokhi. Godina mezhdousobitz* [*Ancient Greece: Politicians in the context of the epoch. The time of intestine dissention*]. Moscow.
- Surikov, I.E. 2021: *Anticnaya Gretsya: Mekhanizmy politicheskoy zhizni (Opuscula selecta III)* [*Ancient Greece: Machinery of political life (Opuscula selecta III)*]. Moscow.
- Surikov, I.E. 2024: Iz istorii afinskikh oligarkhicheskikh perevorotov kontsa V v. do n.e. I. Peloponnesskaya voyna i vnutripoliticheskoe polozhenie v Afinakh [From the history of Athenian oligarchic coups d'État of late 5th century B.C. I. The Peloponnesian War and internal situation in Athens]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [*Journal of historical, philological and cultural studies*] 1, 134–151.
- Vanderpool, E. 1952: Kleophon. *Hesperia* 21/2, 114–115.
- Wolpert, A. 2006: The Violence of the Thirty Tyrants. In: S. Lewis (ed.), *Ancient Tyranny*. Edinburgh, 213–223.

FROM THE HISTORY OF ATHENIAN OLIGARCHIC COUPS D'ÉTAT
OF LATE 5th CENTURY B.C. II. DEMAGOGUES AND THEIR
ANTAGONISTS IN THE 410S B.C.

Igor E. Surikov

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
isurikov@mail.ru

Abstract. This study continues a series of articles dealing with antidemocratic coups d'état in Athens in the end of the 5th century B.C. and their historical significance. It is well-known that the camp of Athenian oligarchs in the period of the Peloponnesian War was extremely heterogeneous, which does not further its cohesion. The article poses a question whether the opposite camp, represented by demagogues, was notable for its uniformity and makes a conclusion that the answer to this question should be rather negative. According to the popular opinion, all demagogues were like Cleon, who was in 420s B.C. the most vivid specimen of such a type of politician. However, already demagogues of 410s NC, as the article demonstrates on prosopographical data, had a number of differences from their predecessors (almost there were also features of similarity between them). The demagogue of the new type is not, as a rule, a *nouveau riche parvenu*; he belongs to more respectable circle and may be even connected with aristocracy, albeit not of the highest level. He, unlike a Cleon, almost never aims at being and general and distinguishing himself on the military field; his native milieu is the judicial sphere. Courts in the “era of the *ochlokratia*” frequently became a means of squaring of political accounts. It was demagogues who were initiators of such a development; but their opponents adopted the same methods, what is especially manifest on the example of Antiphon.

Keywords: Classical Greece, Athens, oligarchy, democracy, coups d'état, Peloponnesian War, demagogues, Antiphon, Philinus, court trials

ПУБЛИКАЦИИ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2025), 201–212
© The Author(s) 2025

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2025), 201–212
©Автор(ы) 2025

DOI: 10.18503/1992-0431-2025-1-87-201–212

ЗАХОРОНЕНИЕ ИВАНА АНДРЕЕВИЧА БУТУРЛИНА В ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОМ МОНАСТЫРЕ: К ВОПРОСУ О ДАТЕ КАЗНИ И ПОСМЕРТНОЙ УЧАСТИ ОПАЛЬНОГО

А.Г. Авдеев¹, А.В. Энговатова²

¹ *Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия;*
^{1,2} *Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия*

¹ *E-mail: avdey57@mail.ru*

² *E-mail: engov@mail.ru*

¹ *ORCID: 0000-0001-7253-9126*

² *ORCID: 0000-0003-3109-2764*

Статья, написанная в рамках научного проекта «Corpus Inscriptionum Rossicarum / Свод русских надписей», посвящена публикации белокаменной надгробной плиты с эпитафией Ивану Андреевичу Бутурлину. Памятник был найден *in situ* в 2007 г. во время археологических наблюдений в Троице-Сергиевой лавре к востоку от южного крыльца Успенского собора. Под плитой было частично расчищено непо потревоженное захоронение взрослого мужчины, у которого был разрублен пятый шейный позвонок, а все зубы на нижней челюсти и передние на верхней были выбиты примерно за три месяца до смерти. Эпитафия позволила отождествить открытые останки с боярином Иваном Андреевичем Бутурлиным, который был казнен по делу об «измене» архиепископа Новгородского Леонида, и установить: он был казнен 22 октября 1575 г., что было неизвестно из иных источников. Таким образом, исследуемая эпитафия в комплексе с археологическими, ле-

---

Данные об авторах. Александр Григорьевич Авдеев – доктор исторических наук, профессор историко-филологического факультета ПСТГУ, Института археологии РАН, ведущий эксперт научно-образовательной лаборатории «Россия и Европа: сравнительное изучение доиндустриальных обществ»; Ася Викторовна Энговатова – кандидат исторических наук, заместитель директора по науке, заведующий сектором археологического наследия ИА РАН.

Статья написана в рамках научного проекта «Corpus Inscriptionum Rossicarum / Свод русских надписей», осуществляемого при поддержке ПСТГУ, Университета Дмитрия Пожарского и Лабора-

тории RSSDA. Научный руководитель проекта – д.и.н., проф. А.Г. Авдеев, технический руководитель – Ю.М. Свойский. Электронный ресурс: <https://www.cir.rssda.su/>.

тописными, агнографическими и коммеморативными источниками дает важный материал для понимания событий внутривосточной истории России последнего десятилетия правления Ивана Грозного.

Ключевые слова: старорусская эпитафика, Corpus Inscriptionum Rossicarum / Свод русских надписей, Троице-Сергиева лавра, археологические раскопки, некрополь, Бутурлины, террор Ивана Грозного, поминальная культура

В свое время акад. С.Б. Веселовский сделал вывод о том, будто одной из сторон многочисленных казней Ивана Грозного было то, что царь «в согласии со своими собственными представлениями и с представлениями современников о смерти и загробной жизни, прибегал сознательно и преднамеренно к крайним средствам» – лишению казненных подобающих христианину погребения и посмертного поминовения¹. А.А. Бульчев абсолютизировал эту гипотезу, приравняв изуверенные и лишенные христианского погребения тела жертв террора Ивана Грозного к «заложным» покойникам², что вызвало критику³.

Данный вопрос может быть решен на основе комплексного анализа источников, в том числе с привлечением данных археологии и эпитафики.

Пример такого решения дает захоронение Ивана Андреевича Бутурлина с сохранившейся *in situ* подписной надгробной плитой, которое было обнаружено и частично вскрыто во время археологических наблюдений 2007 г. в Троице-Сергиевой лавре. Погребение, обнаруженное в шурфе 10, находилось в 1 метре к востоку от южного крыльца Успенского собора и в 2 метрах к югу от южной стены на глубине –0,66 метров от дневной поверхности. На настоящий момент оно является единственным исследованным археологически погребением жертвы террора Ивана Грозного⁴ и дает уникальную возможность не только определить точное время казни боярина, но и позволяет провести комплексное исследование с привлечением археологических, антропологических, нарративных, эпитафических и иных источников проблемы посмертной участи царских опальных.

Над погребением была выявлена верхняя часть белокаменной надгробной плиты трапециевидной формы с врезной эпитафией И.А. Бутурлину. Памятник расколот на три фрагмента (рис. 1).

По трем сторонам его верхней грани вырезана полоса плетеного орнамента в три перебива. Ниже вырезана полурозетка, отделенная от орнамента полосой глубокой графы. Розетка заполнена пятью узлами плетеного орнамента в три перебива. В центре розетки изображено «сегнерово колесо» с дугами, завернутыми по ходу солнца. Орнамент отделен от эпитафического поля полосой глубокой графы. Боковые грани декоративного оформления не имеют. На поверхности памятника имеются выбоины.

На верхней грани плиты вырезана эпитафия (CIR1032)⁵:

¹ Веселовский 1963, 334–335.

² Бульчев 2005.

³ Ерусалимский 2009, 361–390; Шокарев 2020, 457–459.

⁴ См.: Энгватова, Вишневский 2010, 158.

⁵ Документировано 27.06.2019 г., код документирования OG1210, код надписи CIR1032. Операторы документирования: Ю. Свойский, Е. Романенко, Р. Барков, М. Андреева, Д. Кологривов,

▲ ▲   ▲ ▲(клеймо)▲ ▲
 ▲ ▲   ▲ ▲ ▲ ▲ ▲ ▲
 ▲ ▲   ▲ ▲ ▲ ▲ ▲ ▲
 ▲ ▲   ▲ ▲   ▲
 ▲ ▲   [Божи]▲▲   ▲
 ▲ ▲   [во иноцех Иона Бут]   ▲(vac)

Рис. 1. CIR1032. 22 октября 1575 г. Белокаменная надгробная плита с эпитафией И.А. Бутурлину. Трехмерная полигональная модель: а – поверхность модели с наложенной фотографической текстурой (схема Т); б – улучшение читаемости надписи инструментами математической визуализации рельефа поверхности памятника относительно условной «нулевой» плоскости (схема G)

Практическая транскрипция: Лета 7084 [1575]г(о) м(е)с(я)ца октября в 22 д(е)нь на памят(ь) с(вя)тых семи отрок, иже во Ефесе, преставися раб [Божи]й Иван Ондреевич(ь) [инок Иона] Бут[урлин].

Обоснование реконструкции: в Синодике опальных и в Кормовой книге Псково-Печерского монастыря указано иноческое имя И.А. Бутурлина – Иона⁶, что могло быть отражено в утраченной части стк. б, чему не противоречит размер лакуны.

А. Клеймснов. Авторы описания: А. Авдеев, О. Радеева. Предварительная публикация: Энговатова, Вишневыский 2010, 158, № 13 (транскрипция церковнославянским шрифтом, без приложения фото).

⁶ Скрынников 1992, 544; Апухтин 1914, 12.

Палеографический комментарий. Эпиграфический полуустав высокого качества. Разделение на слова отсутствует. Диакритика нерегулярная. Буква имеет двойное начертание: с приподнятым язычком, прикрепленным к телу буквы (стк. 4), и с язычком в виде изолированной от тела буквы дуги (стк. 4, 5). Буква (стк. 2, 3) составлена из двух дуг, повернутых друг к другу, и соединенных горизонтальной перемычкой. «Вензельные» написания букв: в слове « » (стк. 2) буква вписана между вертикальными мачтами буквы . Буква в обозначении седьмой тысячи (стк. 1) составлена из двух несоединяющихся дуг. Верхняя дуга имеет полукруглый изгиб с утолщением на верхнем конце. Изогнутый знак тысячи является продолжением верхней дуги. Левонаклонные насечки параллельны друг другу. Нижняя дуга имеет форму округлого серпа с прямой ручкой. Аналогии: CIR0557 (1584 г.), CIR0661 (1584 г.), CIR0076 (1586 г.).

Лигатуры: стк. 1 – в слове « »; стк. 2 – в слове « », в слове « », слово « », в слове « »; стк. 3 – в слове « », в слове « ♣ »; стк. 4 – в слове « »; стк. 5 – и в слове « ».

Суспензия: (стк. 1). Контрактуры: (стк. 1), (стк. 2), (стк. 3).

Оформление окончаний строк с помощью выносных букв и буквенных титл: (стк. 2), ♣ (стк. 4), (стк. 5).

Оформление окончаний слов с помощью выносных букв: (стк. 3), [ ] (стк. 5).

Палеографические особенности надписи, вероятно, свидетельствуют, что она была изготовлена в середине 1580-х гг., после смерти Ивана Грозного.

Под плитой находилось непо потревоженное захоронение взрослого мужчины, у которого был разрушен пятый шейный позвонок, а шейные позвонки при черепе отстояли от позвоночного столба на 7 см. (рис. 2).

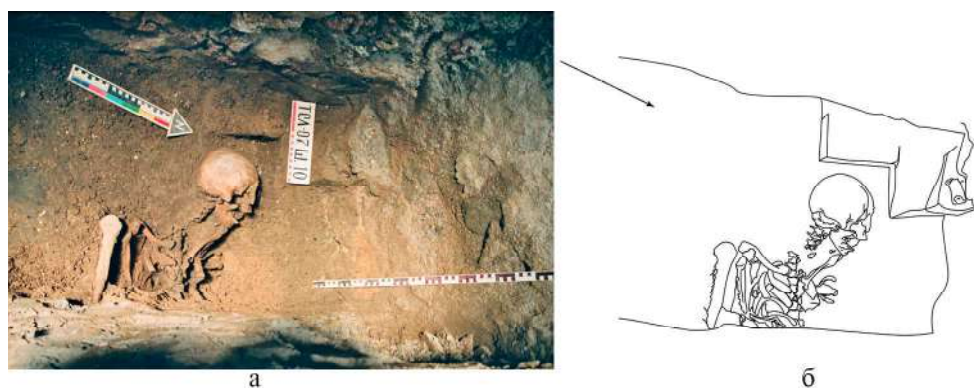

Рис. 2. Троице-Сергиева лавра. Раскопки 2007 г. Шурф 10. Погребение И.А. Бутурлина: а – фото; б – план шурфа

Известно, что И.А. Бутурлин был казнен в 1575 г. по делу о так называемой «измене» архиепископа Новгородского Леонида. Причины многочисленных опал по этому делу, «следствие» и установленный в его ходе круг «изменников», подвергнутых смертной казни, детально проанализировал Р.Г. Скрынников⁷.

⁷ Скрынников 1992, 492–497.

Однако круг источников, сообщающих о казнях 1575 г., достаточно ограничен, а их хронология относительна. Одним из первых о массовом убиении Бутурлиных, которые были «мужи свѣтли в родѣх своих», сообщил князь Андрей Михайлович Курбский в «Истории о делах великого князя Московского», но точной даты казней не назвал и перечислил имена Бутурлиных, казненных в годы опричнины⁸. Московский летописец, доведенный до 1600 г, помещает сведения о массовой казни по «делу» архиепископа Леонида после зимнего казанского похода⁹. Компильтивный Пискаревский летописец, заверченный после 1615 г., сообщает о тех же казнях, состоявшихся после свадьбы царевича Федора Иоанновича (январь или февраль 1575 г.)¹⁰.

Согласно летописцам, речь идет о свершившейся в один день массовой казни на площади перед Успенским собором Московского Кремля. К их неточностям Р.Г. Скрынников отнес сообщение о казни архиепископа Новгородского Леонида: после пыток, даже не будучи лишен сана, он был приговорен к смерти, которую Иван Грозный заменил вечным заточением. Владыка, по одним сведениям, умер прикованным к цепи 20 сентября 1575 г.¹¹, по другим, менее достоверным, – был зашит в медвежью шкуру и затравлен собаками¹².

Многие из лиц, казненных по «делу архиепископа Леонида», позднее были отдельным списком внесены в Синодик опальных. Имя И.А. Бутурлина в нем стоит вторым (список открывает князь Петр Андреевич Куракин) и, в отличие от летописцев, с иноческим именем Иона, как и в Кормовой книге Псково-Печерского монастыря¹³. В Синодике опальных также указано, что боярин был казнен «с сыном и з дочерью» – факт, неизвестный летописцам. Впрочем, в двух поколенных росписях Бутурлиных, поданных в марте-апреле 1682 г. в Палату родословных дел, И.А. Бутурлин, внесенный под мирским именем, показан бездетным и лишь в одной из них, составленной Василием Бутурлиным, – с характерной припиской «убит»¹⁴.

Известно, что розыск об «измене» архиепископа Леонида начался летом 1575 г., при этом многие из арестованных, в том числе и сам владыка, подверглись пыткам. И.А. Бутурлин был арестован одним из первых – не позднее августа 1575 г. и, как свидетельствуют его останки, также подвергся пыткам: все зубы на нижней челюсти и передние на верхней погребенного были выбиты примерно за три месяца до смерти.

Р.Г. Скрынников на основе Синодика опальных показал, что казни «сообщников» архиепископа Леонида шли в несколько этапов с начала августа до поздней осени 1575 г. Для уточнения их хронологии исследователь использовал два источника: «Помянник царских прародителей», составленный в Московском Новоспасском монастыре, где названа дата смерти стольника Протасия Васильевича Юрьева – 24 октября 1575 г.¹⁵ Утраченная же эпитафия родному

⁸ См.: Андрей Курбский (2015), 164 и комм. на с. 241–242 и 757.

⁹ Московский летописец (1978), 226.

¹⁰ Пискаревский летописец (1978), 192.

¹¹ Скрынников 1992, 492.

¹² Псковская 3–я летопись (2000), 262.

¹³ Скрынников 1992, 544; ср.: Апухтин 1914, 12.

¹⁴ Родословные росписи (2021), 181, 184.

¹⁵ Авдеев, Станюкович 2005, 222, 225. Р.Г. Скрынников ошибочно относит данный документ к Кормовой книге Новоспасского монастыря, опираясь на ее дореволюционную публикацию, где помянник издан как самостоятельный документ (Кормовая книга (1903), III).

брату И.А. Бутурлину Дмитрию, похороненному после казни в Троице-Сергиевом монастыре, сообщала о его смерти 27 ноября того же года¹⁶.

Эпитафия И.А. Бутурлину, где указана точная дата его казни, – 22 октября, подтверждается указанным в надписи днем памяти семи отроков Эфесских, приходящимся на этот день, что позволяет уточнить выводы Р.Г. Скрынникова. Однако в противоречие с этой датой входит запись в Кормовой книге Псково-Печерского монастыря, согласно которой кормовое поминовение «на преставление» И.А. Бутурлина (с иноческим именем Иона) совершалось в этой обители 19 ноября¹⁷. Скорее всего, здесь указана дата вклада И.А. Бутурлина, который он сделал еще при жизни. Однако вкладов боярина во Вкладной книге Троице-Сергиева монастыря нет, несмотря на то что его родственники были вкладчиками обители и до, и после его казни. Возможно, И.А. Бутурлин принял постриг в ином монастыре, не исключено – в находящемся, подобно Псково-Печерской обители, в отдалении от Москвы, что, впрочем, не спасло боярина.

Из находящейся в эпитафии даты можно заключить, что казни обвиненных по делу об «измене» архиепископа Леонида начались вскоре после смерти главного фигуранта, умершего 20 октября 1575 г., и продолжались до конца ноября (что указывает на допущенную летописцами неточность). При этом И.А. Бутурлин был казнен одним из первых.

Вместе с тем захоронение и надгробие боярина вводят нас в круг представлений о посмертной участи человека и его души, распространенных в Московской Руси¹⁸. Важнейшими из них считались виды смерти, допускающие погребение на церковном или монастырском некрополе и регулярное церковное поминовение, способное облегчить судьбу души в загробном мире.

Несмотря на то что, согласно этим представлениям, казнь И.А. Бутурлина считалась «нужной» (в данном случае насильственной) смертью, в эпитафии она определена как смерть «во всяком христианском благочестии», о чем свидетельствует формула благой кончины – «преставился раб Божий». Эта же формула находится и в эпитафиях другим жертвам террора Ивана Грозного – прп. Корнилию Псково-Печерскому (С1R0410) и князю И.И. Кубенскому¹⁹, а также в записи о дате смерти П.В. Юрьева в «Помяннике царских прародителей».

Благая кончина не препятствовала погребению на кладбище, и останки боярина, так же, как и его казненного брата Дмитрия, проходившего по тому же «делу», нашли последний покой в некрополе Троице-Сергиева монастыря, одной из самых почитаемых обителей Руси. При этом братья не были единственными погребенными здесь жертвами казней: в этом же некрополе были похоронены келарь Адриан Ангелов и инок Дорофей Курцов, ставшие жертвами опричных репрессий²⁰. С.Ю. Шокарев называет еще несколько имен казненных, в разное время нашедших последнее упокоение в этом монастыре²¹.

¹⁶ [Леонид (Кавелин), архим.] 1880, 27, № 257.

¹⁷ Апухтин 1914, 12. Р.Г. Скрынников считал эту дату днем казни И.А. Бутурлина (Скрынников 1992, 496).

¹⁸ Подробнее см.: Авдеев 2020, 7–77.

¹⁹ Гиршберг 1960, 28, № 42.

²⁰ [Леонид (Кавелин), архим.] 1880, 35, № 365; 72, № 789.

²¹ Шокарев 2019, 328.

Благая кончина предусматривала также регулярное церковное поминовение усопших. Имя И.А. Бутурлина было внесено в Кормовую книгу Псково-Печерского монастыря, а также в Синодик опальных, составленный в последний год царствования Ивана Грозного.

Рис. 3. Синодик Троице-Сергиева монастыря. РГБ ОР. Ф. 304.1 (Главное собрание рукописей Троице-Сергиевой лавры). № 818. Л. 147–148. Поминальная запись рода Бутурлиных. Рамкой выделены члены рода, казненные Иваном Грозным осенью 1575 г., подчеркиванием – члены рода, погибшие в 1605 г. в битве при Тарках

Забота о регулярном поминовении боярина падала также на его родственников. Его имя, по всей вероятности, было внесено в Синодик Троице-Сергиева монастыря в общий родовой список Бутурлиных, составленный Михаилом Матвеевичем Бутурлиным, внучатым племянником боярина (рис. 3)²². Нижняя дата этого списка определяется по вкладу, данному М.М. Бутурлиным по троюродному брату Петру Ивановичу 7 февраля 1626 г. На верхнюю дату указывает имя Тимофея Федоровича Бутурлина, внесенное другим почерком и завершающее список. По всей вероятности, данная запись синхронна вкладу вдовы Т.Ф. Бутурлина, сделанному по мужу в октябре 1651 г.²³

В поминальный список внесено 50 имен, среди них – с 17 по 22 место названы Иван убиенный, Парасковья убиенная, Марья убиенная, Иван убиенный, Феодор убиенный, Дмитрий убиенный, а на 45 и 47 местах – убиенные Петр и Феодор.

Согласно уже упоминавшейся поколенной росписи Бутурлиных, составленной Василием Бутурлиным, Петр и Феодор уверенно отождествляются с троюродными братьями М.М. Бутурлина, сыновьями Ивана Михайловича Бутурлина, погибшими на Северном Кавказе в битве при Тарках в 1605 г.²⁴

Имена же убиенных, занимающие в поминальном списке с 17 по 22 место, совпадают с именами казненных в 1575 г. и, соответственно, могут быть отождествлены с Иваном и Дмитрием Андреевичем Бутурлиными (№ 17 и 22). При этом они названы в хронологическом порядке казней, а И.А. Бутурлин так

²² Синодик Троице-Сергиева монастыря XVII в. Л. 147 об.

²³ Вкладная книга (1987), 113–114.

²⁴ Родословные росписи (2021), 181.

же, как и в поколенной росписи, записан как убитый и под мирским именем. С большой вероятностью (учитывая положение в списке) Парасковья может быть отождествлена с женой И.А. Бутурлина, а Марья, Иван и Федор — с их детьми. Не исключено, что они могли умереть от пыток во время «следствия». Все это подтверждает мысль С.Б. Веселовского о возможной неполноте Синодика опальных и внесении в него «только тех, кто непосредственно погиб от рук палачей»²⁵. Так, в него не попал основной фигурант «дела» 1575 г. — архиепископ Леонид.

Что же до отношения родственников к судьбе И.А. Бутурлина, то оно видимо прослеживается и в самой эпитафии. В ней вместо приходящейся на этот день памяти мч. Аверкия архиепископа Иерапольского, обычно встречающегося на надгробиях²⁶, указан день памяти семи отроков Эфесских. Причины такой замены становятся ясными при соотнесении летописного сообщения с текстом Мучения этих святых, вошедшим в Великие Четьи Минеи св. митрополита Макария. Так, Московский летописец сообщает, что Иван Грозный «казнил ноугородцкого архиепископа Леонида, чудовскаго архимандрита Еуфимия, архангельского протопопа Ивана посадил в воду, боярина князя Петра Андреевича Куракина, стольника Протасья Васильевича Юрьева, окольных Ивана Андреевича Бутурлина, Никиту Васильевича Бороздина и дворян князя Григорья Мещерского, диаков Семена Мишурина, Дружину Володимерова казнили на площади под колоколы. А Никиту Рамановича грабил»²⁷. Пискаревский же летописец отмечает, что в этот день на площади перед Успенским собором Московского Кремля казнили «боярина князя Петра Куракина, Протасия Юрьева, владыку наугородцкого, протопопа архагельского, Ивана Бутурлина, Никиту Бороздина, архимарита чудовского [и] иных многих казниша; а главы их меташа по дворам к Мстисловскому ко князю Ивану, к митропалиту Ивану Шереметеву, к Андрею Щелкалову и иным»²⁸. Скрытую агиографическую параллель к этому тексту, очевидно, известную родственникам И. А. Бутурлина, дает Мучение семи отроков — в описании массовой казни христиан Эфеса, совершившейся в присутствии императора Деция: «кровь же течаше на землю ис телесъ ихъ и по стѣнамъ города висяху телеса святыхъ, главы же ихъ вонизаху на копейща и поставляху предъ враты града». Останки казненных были перенесены в пещеру и «закрѣты каменіемъ, и не от своая воля, но да ту будутъ тѣлеса святыхъ мученикъ и да будутъ недвижими кости ихъ, занеже бѣша скровни на извъщеніе явленія дне воскресенія Господня»²⁹. Параллели между избранным в эпитафии И.А. Бутурлину днем памяти семи отроков Эфесских, их Мучением и летописным рассказом о массовой казни вполне прозрачны.

Таким образом, исследуемая эпитафия в комплексе с археологическими, летописными, агиографическими и коммеморативными источниками дает важный материал для понимания событий внутриполитической истории России последнего десятилетия правления Ивана Грозного.

²⁵ Веселовский 1963, 342–345.

²⁶ Беркович, Егоров 2017, 115–116, № МИ–1 (Москва, церковь Максима Исповедника, первая четверть XVII в., с ошибочным отнесением памяти к 20 октября); CIR1172 (Троице-Сергиев монастырь, 1696 г.)

²⁷ Московский летописец (1978), 226.

²⁸ Пискаревский летописец (1978), 192.

²⁹ Мучение седми отрок Ефесских 1880, 1774, 1780.

ЛИТЕРАТУРА

- Авдеев, А.Г. 2020: Регулирование захоронений на некрополях Московской Руси: правила, нормы, обычаи, суеверия. *Вестник Университета Дмитрия Пожарского* 4 (20). Мемориальная культура Московской Руси, 7–77.
- Авдеев, А.Г., Станюкович, А.К. 2005: Новоспасский помянник в списках XVIII–XIX вв. В кн.: Станюкович, А.К., Звягин, В.Н., Черносвитов, П.Ю., Елкина, И.И., Авдеев, А.Г. *Усыпальница дома Романовых в Московском Новоспасском монастыре*. Кострома, 221–226.
- Апухтин, В.Р. 1914: *Псково-Печерский Успенский монастырь и его вкладная книга 1558 г.: краткий исторический очерк*. М.
- Беркович, В.А., Егоров, К.А. 2017: *Московское белокаменное надгробие. Каталог*. М.
- Булычев, А.А. 2005: *Между святыми и демонами. Заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного*. М.
- Веселовский, С.Б. 1963: *Исследования по истории опричнины*. М.
- Вкладная книга – Клитина, Е.Н., Манушина, Т.В., Николаева, Т.В.* (изд.) 1987: *Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря*. М., 1987.
- Гиршберг, В.Б. 1960: Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. Ч. I. Надписи XIV–XVI вв. *НЭ* I, 3–66.
- Ерусалимский, К.Ю. 2009: Между канонизированными и демонизированными: Казни Ивана Грозного в культурно-исторической интерпретации (размышления над книгой А.А. Булычева). В сб.: *Одиссей. Человек в истории 2009. 21. Путешествие как историко-культурный феномен*. М., 361–390.
- Кормовая книга Московского ставропигиального Новоспасского монастыря*. М., 1903.
- Андрей Курбский – Андрей Курбский. *История о делах великого князя Московского / К.Ю. Ерусалимский (изд.), А.А. Алексеев (пер.)*. М., 2015.
- [Леонид (Кавелин), архим.] 1880: *Список погребенных в Троицкой Сергиевой лавре от основания оной до 1880 года*. М.
- Московский летописец – Буганов, В.И., Корецкий, В.И.* (ред.) 1978: *ПСРЛ*. Т. 34. *Московский летописец*. М., 221–237.
- Мучение седми отрок Ефесских*, 1880: *Великие Минеи Четьи. Октябрь. Дни 19–31*. СПб., 1773–1793.
- Пискаревский летописец – Буганов, В.И., Корецкий, В.И.* (ред.) 1978: *ПСРЛ*. Т. 34. *Пискаревский летописец*. М., 31–220.
- Псковская 3-я летопись – ПСРЛ. Т. V/2. Псковская 3-я летопись* М., 2000, 251–290.
- Родословные росписи – Шабаев, Л.Е.* 2021 (публ.): Родословные росписи, поданные в Палату родословных дел в конце XVII в.: провинциальное служилое дворянство (Великий Новгород). В сб.: *Российская генеалогия. Научный альманах*. Вып. 9. М., 177–290.
- Синодик Троице-Сергиева монастыря, XVII в.* РГБ. ОР. Ф. 304.1 (Главное собрание рукописей Троице-Сергиевой лавры). № 818.
- Скрынников, Р.Г. 1992: *Царство террора*. СПб.
- Шокарев, С.Ю. 2019: *Источники по истории московского некрополя XII – начала XX в.* М.–СПб.
- Шокарев, С.Ю. 2020: Стремился ли Иван Грозный лишить своих жертв христианского погребения и спасения души? В сб.: И.Г. Коновалова, Е.В. Пчелов (отв. ред.), *Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXXIII Международной научной конференции*. М., 457–459.
- Энгватова, А.В., Вишневыский, В.И. 2010: Новые памятники некрополя Троице-Сергиева монастыря (материалы археологических наблюдений 2007 г.). В сб.: Т.В. Манушина

(сост.), С.В. Николаева (отв. ред.), *Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Материалы VI международной конференции. 29–31 октября 2008 г. Тезисы докладов VII международной конференции. 23–25 сентября 2010 г.* Сергиев Посад, 151–164.

REFERENCES

- Andrey Kurbskiy – *Andrey Kurbsky. Istoriya o delakh velikogo knyazya Moskovskogo* [Andrey Kurbsky. *History of the Affairs of the Grand Duke of Moscow*]. K.Y. Yerusalmimskiy (ed.), A.A. Alekseev (transl.). Moscow, 2015.
- Apukhtin, V.R. 1914: *Pskovo-Pecherskiy Uspenskiy monastyr' i ego vkladnaya kniga 1558 g.: kratkiy istoricheskiy ocherk* [The Pskovo-Pechersky Dormition Monastery and Its Donation Book 1558: a Brief Historical Essay]. Moscow.
- Avdeev, A.G. 2020: Regulirovanie zakhoroneniya na nekropolyakh Moskovskoy Rusi: pravila, normy, obychai, sueveriya [Regulation of Funerals in the Necropolis of Moscow Russia: Rules, Norms, Customs, Superstitions]. *Vestnik Universiteta Dmitriya Pozharskogo* 4 (20): Memorial'naya kul'tura Moskovskoy Rusi [Journal of Dmitry Pozharsky University 4 (20): The Memorial Culture of Moscow Russia], 7–77.
- Avdeev, A.G., Stanyukovich, A.K. 2005: Novospasskiy pomyannik v spiskakh 18–19 vv. [Novospassky Pomyannik in Lists of the 18th–19th cc.]. In: Stanyukovich, A.K., Zvyagin, V.N., Chernosvitov, P.Yu., Elkina, I.I., Avdeev, A.G. *Usypal'nitsa doma Romanovykh v Moskovskom Novospasskom monastyre* [Tomb of the House of Romanov's in the Moscow Novospassky Monastery]. Kostroma, 221–226.
- Berkovich, V.A., Egorov, K.A. 2017: *Moskovskoe belokamennoe nadgrobie. Katalog* [Moscow Whitestone Tombstones. Catalogue]. Moscow.
- Bulychev, A.A. 2005: *Mezhdru svyatymi i demonami. Zametki o posmertnoy sud'be opal'nykh tsarya Ivana Groznogo* [Between Saints and Demons. Notes on the Posthumous Fate of the Disgraced Tsar Ivan the Terrible]. Moscow.
- CIR — *Corpus Inscriptionum Rossicarum*. <https://www.cir.rssda.su/>.
- Engovatova, A.V., Vishnevskiy, V.I. 2010: Novye pamyatniki nekropolya Troitse-Sergieva monastyrya (materialy arkhelogicheskikh nablyudeniya 2007 g.) [New Monuments of the Trinity-St. Sergius Monastery Necropolis (Materials of Archaeological Observations in 2007)]. In: *Troitse-Sergieva lavra v istorii, kul'ture i dukhovnoy zhizni Rossii. Materialy VI mezhdunarodnoy konferentsii. 29–31 oktyabrya 2008 g. Tezisy dokladov VII mezhdunarodnoy konferentsii. 23–25 sentyabrya 2010 g.* [Trinity-St. Sergius Lavra in the History, Culture and Spiritual Life of Russia. Materials of the 6th International Conference. October 29–31, 2008. Abstracts of the 7th International Conference. September 23–25, 2010] Serгиеv Posad, 151–164.
- Girshberg, V.B. 1960: Materialy dlya svoda nadpisey na kamennykh plitakh Moskvy i Podmoskov'ya XIV–XVII vv. Ch. 1: Nadpisi XIV–XVI vv. [Materials for the Corpus of Inscriptions on Stone Slabs of Moscow and the Moscow Region of the 14th – 17th cc. Pt. I: Inscriptions of the 14th–16th cc.] *Numizmatika i epigrafika* [Numismatics and Epigraphy] 1, 3–66.
- Kormovaya kniga Moskovskogo stavropigial'nogo Novospasskogo monastyrya* [Feeding Book of the Moscow Stavropigial Novospassky Monastery]. Moscow, 1903.
- [Leonid (Kavelin), archimandrite] 1880: *Spisok pogrebennykh v Troitskoy Sergievoy lavre ot osnovaniya onoy do 1880 goda* [List of Those Buried in the Trinity st. Sergius Lavra from its Foundation to 1880]. Moscow.
- Moskovsky letopisets* [Moscow Chronicler]. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 34. Moscow, 221–237.

- Muchenie sedmi otrok Efesskikh [The Martyrdom of the Seven Youngsters of Ephesus]. In: *Velikie Minei Chet'i. Oktyabr'. Dni 19–31* [The Great Chet'yi Minei. October. Days 19-31]. Saint-Petersburg, 1773–1793, 1880.
- Piskarevsky letopisets* [Piskarevsky Chronicler]. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 34. Moscow, 1978, 31–220.
- Pskovskaya 3-ya letopis'* [Pskov 3rd Chronicle]. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 5/2. Moscow, 2000, 251–290.
- Rodoslovnnye rospisi* [Genealogical Records] – Shabaev, L.E. (ed.) 2021: *Rodoslovnnye rospisi, podannye v Palatu rodoslovnnykh del v kontse XVII v.: provintsial'noe sluzhiloe dvoryanstvo (Velikiy Novgorod)* [Genealogical Records Submitted to the Chamber of Genealogical Affairs at the End of the 17th c.: Provincial Servile Nobility (Veliky Novgorod)]. In: *Rossiyskaya genealogiya. Nauchnyy al'manakh* [The Russian Genealogy. The Scientific Almanac] 9. Moscow, 177–290.
- Shokarev, S.Yu. 2019: *Istochniki po istorii moskovskogo nekropolya XII – nachala XX v.* [Sources on the History of the Moscow Necropolis of the 12th – early 20th Century]. Moscow–Saint Petersburg.
- Shokarev, S.Yu. 2020: *Stremilsya li Ivan Groznyy lishit' svoikh zhertv khristianskogo pogrebeniya i spaseniya dushi?* [Did Ivan the Terrible Seek to Deprive His Victims of Christian Burial and Salvation of the Spirit?]. In: I.G. Konovalova, E.V. Pchelov (eds.), *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny v sovremennom nauchnom znanii. Materialy 33 Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Auxiliary Historical Disciplines in Modern Scientific Knowledge. Materials of the 33rd International Scientific Conference]. Moscow, 457–459.
- Skrynnikov, R.G. 1992: *Tsarstvo terrora* [The Reign of Terror]. Saint Petersburg.
- Synodik Troitse-Sergieva monastyrya, XVII v.* [Synodic of the Trinity-St. Sergius Monastery, 17th c.]. Rossiyskaya gosudarstvennaya biblioteka. Otdel rukopisey. F. 304.I (Glavnoe sobranie rukopisey Troitse-Sergievoy lavry) [Russian State Library. Manuscripts Department. Collection 304.I (Main Collection of Manuscripts of the Trinity-St. Sergius Lavra). No. 818.
- Veselovskiy, S. B. 1963: *Issledovaniya po istorii oprichniny* [Studies on the History of the Oprichnina]. Moscow.
- Vkladnaya kniga* [Book of Donations] – Klitina, E.N., Manushina, T.V., Nikolaeva, T.V (eds.). *Vkladnaya kniga Troitse-Sergieva monastyrya*, [Book of Donations of the Trinity-St. Sergius Monastery]. Moscow, 1987.
- Yerusalimsky, K.Yu. 2009: *Mezhdu kanonizirovannymi i demonizirovannymi: Kazni Ivana Groznogo v kul'turno-istoricheskoy interpretatsii (razmyshleniya nad knigoy A.A. Bulycheva)*. [Between Canonized and Demonized: The Executions by Ivan the Terrible in Cultural-Historical Interpretation (Reflections on A.A. Bulychev's Book)] In: *Odissey. Chelovek v istorii 2009*. 21. *Puteshestvie kak istoriko-kul'turnyy fenomen* [Odysseus. Man in History 2009. 21. Travelling as a Historical and Cultural Phenomenon]. Moscow, 361–390.

BURIAL OF IVAN ANDREEVICH BUTURLIN IN THE TRINITY-ST. SERGIUS
MONASTERY: TO THE QUESTION OF THE DATE OF EXECUTION AND POST-
HUMOUS FATE OF THE DISGRACED MAN

Aleksander G. Avdeev¹, Asya V. Engovatova²

¹ *Orthodox St.-Tikhon's University, Moscow, Russia;
Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

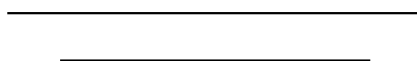
² *Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

¹ *E-mail: avdey57@mail.ru*

² *E-mail: engov@mail.ru.*

The article, written as part of the scientific project “Corpus Inscriptionum Rossicarum”, is a publication of a white-stone tombstone with an epitaph to Ivan Andreevich Buturlin. The monument was found in situ in 2007 during archaeological observations in the Trinity Lavra of St. Sergius, to the east of the southern narthex of the Assumption Cathedral. Under the slab, an undisturbed burial of an adult man was partially cleared, who had a broken fifth cervical vertebra, and all the teeth on the lower jaw and the front teeth on the upper jaw were knocked out approximately three months before his death. The epitaph made it possible to identify the discovered remains with the boyar Ivan Andreevich Buturlin, executed in the case of “treason” against Leonid, the Novgorod Archbishop, and to establish that he was executed on October 22, 1575, which was not known from other sources. Thus, the epitaph under study, in combination with archaeological, annalistic, hagiographic and memorial sources, provides important material for understanding the events of the internal political history of Russia in the last decade of Ivan the Terrible’s reign.

Keywords: epigraphy of Moscow Russia, Corpus Inscriptionum Rossicarum, Trinity Lavra of St. Sergius, archaeological excavations, necropolis, Buturlin, Ivan the Terrible’s terror, funeral culture

DOI: 10.18503/1992-0431-2025-1-87-213–224

ЭПИТАФИЯ КОМИТОВ АВРАМИЯ И КОСМЫ В «ХРАМЕ С КРЕЩАЛЬНОЙ» (ИНКЕРМАН, КРЫМ): К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ ХРАМА

П.В. Кузенков¹, Ю.М. Могаричев²

^{1,2} *Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия*

² *Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования,
Симферополь, Россия*

¹ *E-mail: pk407@mail.ru*

² *E-mail: mogara@rambler.ru*

¹ *ORCID: 0000-0002-8394-4319*

² *ORCID: 0000-0001-6057-2316*

«Храм с крещальной» на южном обрыве Монастырской скалы в Инкермане является одной из пещерных церквей Горного Крыма. Он представляет однефную базилику, имеет баптистерий, устроенное с севера помещение усыпальницы, а также отдельную гробницу у северной стены, украшенную нишей с греческой надписью. В надписи упоминаются комиты Авраамий и Косма, почившие друг за другом и погребенные в одной гробнице. Помещения храма были украшены росписями, характер которых позволял относить постройку к XIII–XIV вв. Дата в надписи над гробницей, по всем признакам современная храму, до сих пор не поддавалась уверенному чтению. В данный момент большая часть указанной надписи оказалась утрачена, однако внимательный анализ существующих прорисей и фотографии 1937 г. позволяет разглядеть дату кончины погребенных – первый и второй месяцы 6829 года. Таким образом, гробница датируется осенью 1320 г., а сам «Храм с крещальной» с высокой степенью вероятности может быть датирован началом XIV в.

Ключевые слова: Крым, Горная Юго-Западная Таврика, Инкерман, пещерные церкви, фрески, надписи

Данные об авторах. Павел Владимирович Кузенков – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Социально-политические и философские науки», старший научный сотрудник Историко-археологической лаборатории по комплексному изучению Византийского Причерноморья, Институт общественных наук и международных отношений СевГУ; Юрий Миронович Могаричев – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела археологии Института истории и археологии Византии и Причерноморья СевГУ, заведующий кафедрой социального и гуманитарного образования КРИППО.

Исследование выполнено в рамках Государственного задания Института истории и археологии Византии и Причерноморья Севастопольского государственного университета «Комплексное историко-археологическое изучение Византии и Причерноморья в период поздней Античности и Средние века» (FEFM-2025-0002).

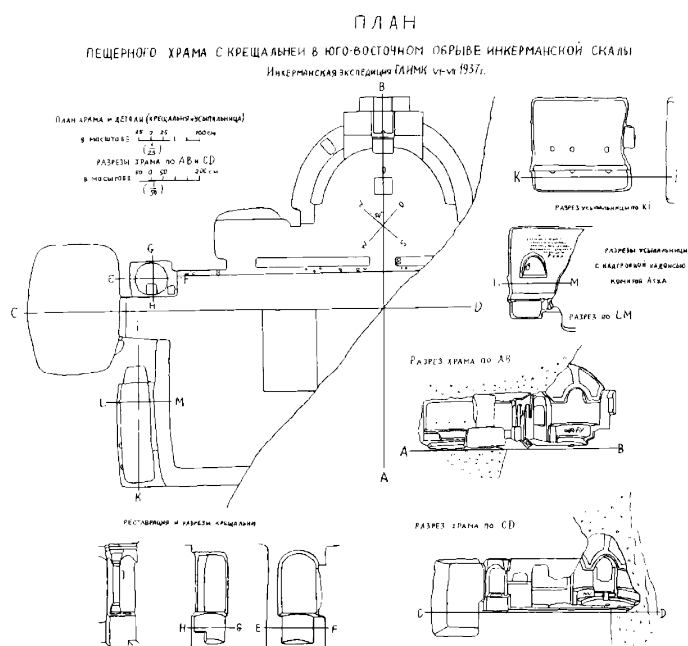

Рис. 1. Инкерман. «Храм с крещальней» по материалам экспедиции ГАИМК 1937 г.
План. Разрезы

Рис. 2. Инкерман. «Храм с крещальней». Вид на алтарную часть и баптистерий

«Храм с крещальней» (рис. 1, 2) расположен в подножии обрыва крепости Каламита (Инкерман, Севастополь) на высоте 25–30 м от подошвы южной части Монастырской скалы (рис. 3), выходящей в Гайтанскую балку (балку Первого мая).

Он являлся частью монастырского комплекса на южном и западном обрывах Монастырской скалы. В настоящее время церковь частично разрушена: сохранились лишь ее апсида и северная часть сооружения, где был устроен баптистерий (рис. 2).

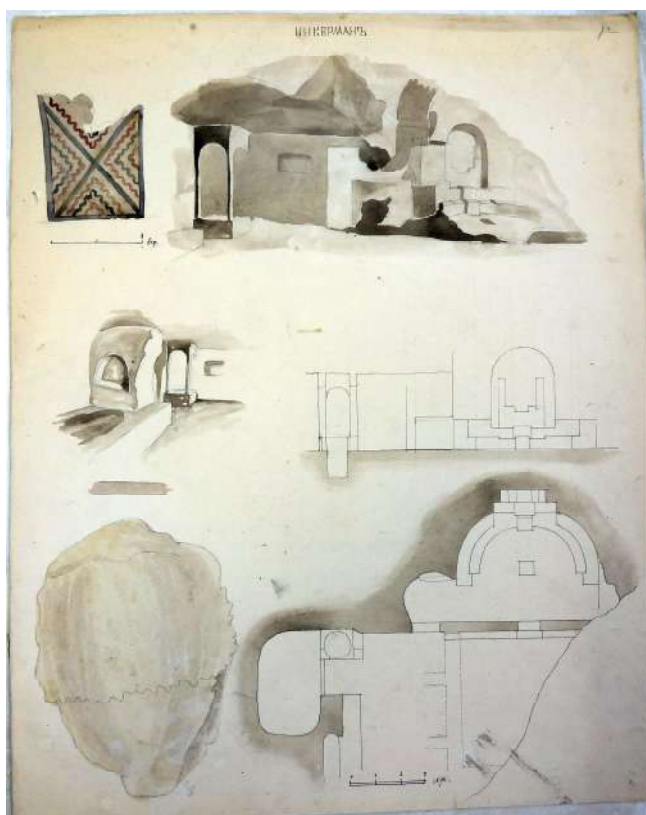

Рис. 3. Инкерман. «Храм с крещальней». Акварель Д.М. Струкова

Храм одноапсидный (рис. 1). Конха апсиды опиралась на три глубоко высеченных в скале ниши. Вдоль алтарного полукружия был устроен двухступенчатый синтрон. В полу алтарной части – прямоугольное углубление $0,35 \times 0,32$ м для установки престола. Пол алтаря, как и примыкающий с севера жертвенник с нишей в стене, был устроен на $0,1$ м выше остальной части памятника. По этой линии перепада пола проходила алтарная преграда. Последняя была высотой 1 м. Из храма в боковое помещение вел дверной проем размерами $1,6 \times 0,6$ м. Это помещение неправильной в плане формы, в углу его расположен баптистерий с вырубленными в скале колоннами. Слева от последнего, в северной стене, имелся проем, ведущий в большую усыпальницу с пониженным полом. Западнее усыпальницы в толще скалы устроена выемка. В ее полу высечена могила. На северо-восточной стене выемки – ниша, выше которой (слева вверху) находится обведенная рамкой и выкрашенная краской шестистрочная греческая надпись, которой и посвящена эта статья. Храм в углублении апсиды и на своде над синтроном был расписан фресками. Очевидно, росписи присутствовали также в помещении баптистерия и в усыпальнице. В настоящее время они практически неразличимы¹.

¹ Могаричев, Ергина 2024, 23–26.

Отдельные сведения об инкерманской «церкви с крещальной» содержатся в работах авторов конца XVIII – первой половины XIX в.² В 1876 г. Д.М. Струков опубликовал краткое описание сооружения: «I. Храм: юго-восточная часть отломана каменоломнями. II. Алтарная преграда со стеною до потолка. Имеющая (царскую дверь) вход в алтарь посередине. III. Алтарь. V. Престол у стены, имеющий вверху впадину, пред престолом две ступени: сопрестоліе по стене полукругом около престола, высотой 1 арш. 6 в., а ниже скамья для священнослужащих, высотой 10 верш. VI. Жертвенник. VII. Место впадины, где могло быть седалище архиерейское, или престол, устроенный после, согласно обычаю, устроенными литургиями Св. Василия и Св. Иоанна Златоуста. В этом храме есть крестильня для детей, в северной стене гроб и над ним надпись греческими буквами»³ (рис. 3)⁴. Он также выполнил прорись упомянутой надписи (рис. 4)⁵. Позже краткое описание и фотография памятника были опубликованы И.И. Толстым и Н.М. Кондаковым⁶.

✠ ΕΚ ΗΜΕΙΣ ΔΕ ΔΟΥΛΟΙ
 ΤΩ ΘΕΩ ΔΕΥΡΑΜΝΟΙ ΑΘΚ
 ΚΟΜΝΟΜΗΝ ΠΡΟΤΟΙ
 ΚΗ ΚΕΚΟΨΑ ΔΑ ΑΘΚΟ
 ΜΝΟΜ ΝΙ Ψ ΤΗ
 Κ Τ Κ Θ

Рис. 67
 (№ 3 настольный)

✠ Надпись в храме № 12-карты

✠ ΕΚ ΗΜΕΙΣ ΔΕ ΔΟΥΛΟΙ
 ΤΩ ΘΕΩ ΔΕΥΡΑΜΝΟΙ ΑΘΚ
 ΚΟΜΝΟΜΗΝ ΠΡΟΤΟΙ
 ΚΗ ΚΕΚΟΨΑ ΔΑ ΑΘΚΟ
 ΜΝΟΜ ΝΙ Ψ ΤΗ
 Κ Τ Κ Θ

Рис. 4. Инкерман. «Храм с крещальной». Надпись по: Д.М. Струков (1876)

Рис. 5. Инкерман. «Храм с крещальной». Надпись по: А.Л. Бертье-Делагард (1886)

² См.: Могаричев 1997, 12.

³ Струков 1876, 27.

⁴ Рисунок по: Могаричев, Ергина 2024, 142.

⁵ Рисунок по: Виноградов 2015, V151.

⁶ Толстой, Кондаков 1891, 29.

В публикации 1886 г. церковь подробно проанализировал А.Л. Бертье-Делагард, который опубликовал и свой вариант прориси греческой надписи (рис. 5)⁷. Разбивавший ее текст В.Н. Юргевич считал надпись «весьма поздней, судя по письму и безграмотности; по смыслу ее, в этой могиле погребены, одновременно (года нет), две женщины⁸ по фамилии, вероятно, Атку». Сам А.Л. Бертье-Делагард, отметив, что «церковь работана очень чистенько и аккуратно <...> и ее части у надписи решительно ничем, ни качеством работы, ни видом камня, не отличаются от всего остального и не указывают на их более позднюю доделку», отнес надпись ко времени устройства церкви, которую он датировал «татарским временем»⁹. Позже, в письме к В.В. Латышеву от 22 марта 1897 г., исследователь уточнил: «Назвав время татарским, я понимал то раннее татарское время, когда еще существовало княжество Феодоро, но формы восточного художества сильно и заметно проникают в Крым вместе с исламом; это время можно считать и византийским». Там же Бертье-Делагард сообщал, что, несмотря на опасность для жизни, он дважды добирался до надписи, и при вторичном осмотре в 1885 г. «показалось, что во 2-й строке вторая буква с конца (Θ) и в 3-й строке вторая с начала (Ο) наполовину выбиты, а в 5-й строке третья буква с конца (Ψ) испорчена совершенно»¹⁰.

В.В. Латышев, опираясь на прорись А.Л. Бертье-Делагарда, предложил вариант прочтения и перевода данного эпиграфического источника:

+ Ἐκοιήθη(η)σαν οἱ δοῦλοι | τῆ Θ(εο)ῦ Ἀβράμης υ(ιὸς?) Ἴθκα[α] | κόμης μηνὶ
 πρ(ώ)τ(ο?) ἰ[θ' ?], ἡ|μ(έρᾱ?) . . καὶ Κο[σμ]ᾶς Ἴθκα κ[ό]μης μ[η]νὶ [Μαρτίῳ?] | ,ςτκθ' ?
 «Упокоились рабы Божьи Авраамий сын (?) Афка комит месяца первого (?)
 дня . . . и Косма Афка комит месяца марта 6329 (?)»¹¹.

Предполагаемая дата соответствует 821 г. н. э., однако знаменитый эпиграфист отметил, что «весь характер письма надписи (не говоря уже об архитектурных соображениях, изложенных г. Бертье-Делагардом) препятствует отнести ее к столь отдаленному времени», а принять первый знак за Z и отнести надпись к 7329 = 1821 г. н. э. «невозможно ни по письму, ни по содержанию»¹². Ввиду этого В.В. Латышев заключил, что надпись нуждается в дальнейшем детальном рассмотрении. В поисках аналогий экзотическому патрониму или прозвищу Ἴθκα ученый указывал на похожие негреческие имена, встречающиеся в приписках XII–XV вв. на полях Сугдейского синаксаря¹³.

В 1927 г. вышла в свет статья В.Н. Чепелева, посвященная данному памятнику. Автор дал подробное описание церкви, сопроводив его своими замечаниями. В частности, он усомнился в том, что алтарная преграда достигала потолка (в чем был уверен Д.М. Струков), и считал, что та, по аналогии с храмом Южного монастыря Мангупа, была высотой около 1 м¹⁴, тем самым отпадал один из аргументов в пользу поздней датировки храма (сплошные алтарные преграды не

⁷ Бертье-Делагард 2015, 152, рис. 67. Перв. изд.: Бертье-Делагард 1886.

⁸ Юргевич ошибочно принял слова Υ ΔΟΥΛΗΝ за женский род, тогда как это искаженное итацизмами множественное число мужского рода οἱ δοῦλοι.

⁹ Бертье-Делагард 2015, 57–59.

¹⁰ Латышев 1897, 151.

¹¹ Латышев 1896, 40–42; 1897, 151.

¹² Латышев 1896, 41; 1897, 151.

¹³ Латышев 1896, 42.

¹⁴ Чепелев 1927, 44.

характерны для средневековой греческой традиции).

В 1937 г. церковь была обследована экспедицией ГАИМК¹⁵. Храм был расчищен, выполнены его архитектурные обмеры (рис. 1). Руководитель экспедиции Н.И. Репников провел аналогию между обнаруженными там росписями и фресками пещерных храмов «Успения» и «Трех всадников» в Эски-Кермене, которые он датировал XIII в.¹⁶ Вероятно, тогда же сотрудниками экспедиции была выполнена и фотофиксация надписи из «Храма с крещальной» (негатив хранится в архиве ИИМК, г. Санкт-Петербург) (рис. 7)¹⁷.

О.И. Домбровский также отмечал, что орнаментальные мотивы росписей «Храма с крещальной» подобны орнаментам храмов «Трех всадников» и «Успения», которые, по его мнению, «могут быть отнесены к XIV в.»¹⁸

В публикации 1993 г. В.Ф. Филиппенко на основании даты «6329», фигурирующей в расшифровке В.В. Латышева (под знаком вопроса), датировал церковь 821 г.¹⁹ При этом исследователь не обратил внимания на то, что сам В.В. Латышев считал эту дату не соответствующей характеру памятника.

А.Ю. Виноградов в статье 2005 г., опираясь на прорисовки Д.М. Струкова и А.Л. Бертъе-Делагарда, предложил новое прочтение надписи:

+ Ἐκμηθή(η)σαν ὁ δοῦλη | τοῦ θ(εο)ῦ Ἀβράμης υ(... ?), α' θ(έσεως) κ[αί] (vel κ(αί) [ὁ] | κόμης, μηνὶ πρότο ι[θ'], ἡ(μέρα) ζ' . η καὶ Κο[σμ]ᾶς, α' θ(έσεως) κα[ὶ] (vel κ(αί) ὁ) κ[ό]μης, μηνὶ [. ' .. '] ἡ(μέρα) . ' , | , ζ' κθ' (?)

«Почили рабы Божьи Аврам, ... , первого разряда и комит, 19 марта²⁰, в пятницу. ... и Косьма, первого разряда и комит, ... 6929 года»²¹.

В загадочном сочетании АӨК во 2-й и 4-й строках исследователь отказался видеть некое имя и, ввиду наличия в обоих случаях черты над «альфой», предположил здесь аббревиатуру должностного статуса покойных – α' θ[έσεως], по аналогии с выражением ὁ καὶ τῆς πρώτης θέσεως «первого разряда» в надгробной надписи из Эски-Кермена. Предложенное чтение года в последней строке как «6929» датирует эпитафию 1421 г.

Впрочем, впоследствии тот же А.Ю. Виноградов пересмотрел свою точку зрения и в вышедшем в 2015 г. 5-м томе электронного корпуса надписей Северного Причерноморья («new IOSPE»)²² он предложил уточненную версию чтения и перевода:

+ Ἐκμηθή(η)σαν ὁ δοῦλη | τοῦ θ(εο)ῦ Ἀβράμης υ(- - -), α' θ(έσεως) κα[ὶ] ὁ[?] | κόμης μηνὶ πρότο ις ἡ|μ(έραν) η' · κὲ Κο[σμ]ᾶς, α' θ(έσεως) κα[ὶ] resp. κ(αί) ὁ κ[ό]μης, μηνὶ [. ις], ἡ|μ(έραν) τ(ὴν) κθ(?)

«Почили рабы Божьи Авраамий, ..., первого разряда и комит, 8 числа первого месяца; и Ко[см]а, первого разряда и κ[ο]мит, 29 числа ...-го месяца».

¹⁵ Репников 1937, 9–11.

¹⁶ Репников, Материалы, 38.

¹⁷ Рисунок по: Виноградов 2015, V151.

¹⁸ Домбровский 1966, 46.

¹⁹ Филиппенко 1993, 114–115.

²⁰ Не совсем понятно, по каким основаниям «первый месяц» был интерпретирован здесь как март.

²¹ Виноградов 2005, 432–434.

²² До 2021 г. данный корпус именовался «Древние надписи Северного Причерноморья» и был известен как IOSPE³.

Таким образом, исследователь изменил число с «19 марта» на «8 первого месяца», а в последнем слове отказался видеть год, предпочтя толковать его как число месяца с сокращенным артиклем. При этом сам памятник был отнесен на сей раз к XIII в.: «По палеографии <...> надпись, несомненно, относится к поздневизантийскому периоду. Однако исторические реалии (“разряд”) говорят в пользу именно XIII в.». По мнению А.Ю. Виноградова, погребенные в храме являлись его ктиторами, а «сложное и мощное строительство вполне соответствует высокому статусу погребенных, которые принадлежали, по всей вероятности, к высшему классу феодоритского чиновничества и, вполне возможно <...> были местными феодалами»²³. В пользу датировки церкви поздневизантийским временем, по мнению этого же автора, свидетельствует и ее литургическое устройство²⁴.

Один из авторов настоящей публикации, Ю.М. Могаричев, относил время сооружения памятника к XIII–XIV вв., вероятнее всего к XIV в.²⁵ В его совместной монографии с А.С. Ергиной были рассмотрены особенности росписей «Храма с крещальной»²⁶. Вывод авторов следующий: «Вероятно, фресковые росписи “Храма с крещальной”, с большой долей вероятности, могут датироваться в широких пределах XIII в., скорее всего, его второй половиной – первой половиной XIV в. Заметим, что недалеко от рассматриваемого памятника находится так называемый храм “География (Евграфия)”, росписи которого относятся ко второй половине XIII в.»²⁷

В настоящее время значительная часть надписи осыпалась, и ее правая часть, а также большая часть строк 5–6 оказались утрачены²⁸. Тем не менее внимательное изучение снимка надписи из материалов экспедиции 1937 г., а также современных фотографий позволяют, как нам представляется, сделать некоторые поправки в чтении греческого текста и уточнить датировку.

Транскрипция по прориси (рис. 6, 7):

+ ΕΚΗΜΗ(ΘΙ)ΣΑΝ Ἰ ΔΟΥΛΗ
ΤΘ ΘΥ ΑΒΡΑΜΗΣ ΥΣ Ἄ Θ Κ(ΑΙ)
ΚΟΜΗΣ ΜΗΝΗ ΠΡΟΤΟ ΥΣ ἸΘ
ἸΜ(ΕΡΑ) Ἡ * ΚΕ ΚΟΣΜΑΣ Ἄσ Θ Κ(ΑΙ)
[Κ]ΟΜΗΣ ΜΗΝΗ ΔΕΥΤ(ΕΡΟ) ΗΣ ἸΒ
ἸΜ(ΕΡΑ) * ΣΩΚΘ

Нормализованный текст:

+ Ἐκομήθησαν οἱ δοῦλοι² τοῦ θ(εο)ῦ Ἀβράμης εἰς(?) ἀ' θ(έσεως?) (καὶ)?³ κόμης
μηνὶ πρώτῳ εἰς ιθ'(?)⁴ ἡμ(έρα) ἢ ζ'? (resp. ς') καὶ Κοσμᾶς ἀ' θ(έσεως?) (καὶ)⁵ [κ]
όμης μηνὶ δευτ(έρῳ)? εἰς ιβ'?⁶ ἡμ(έρα) (κυριακῆ?) ,σωκθ'

Перевод:

«+ Упокоились рабы Божьи Авраамий, в 1-м (разряде?) и комит, в первом месяце 19-го, день 7-й (resp. 6-й), и Косма, 1-го (разряда?) и комит, во втором месяце 12-го, день (воскресный?), 6829 [года]».

²³ Виноградов 2015, V151.

²⁴ Виноградов и др. 2005, 76.

²⁵ Могаричев 1993, 218; Могаричев 1997, 11–13.

²⁶ Могаричев, Ергина 2024, 25–26.

²⁷ Могаричев, Ергина 2024, 26.

²⁸ См. фото: Могаричев, Ергина 2024, 141, рис. 30.

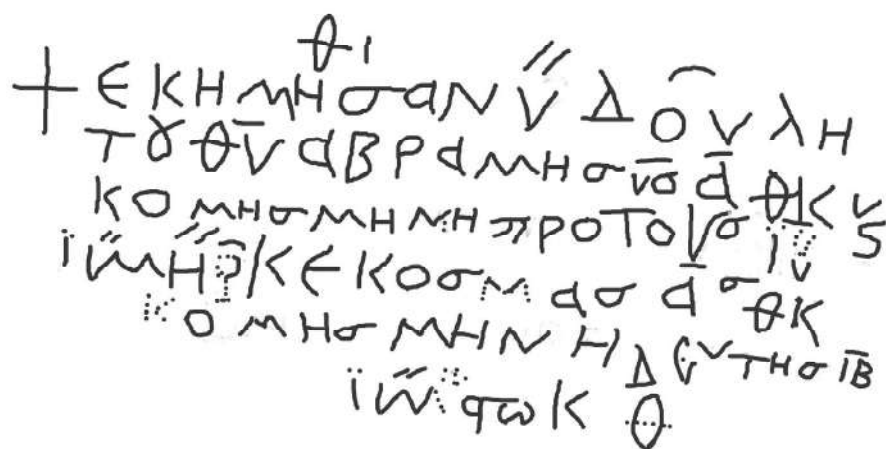

Рис. 6. Инкерман «Храм с крещальной». Надпись. Фото П.В. Кузенкова

Рис. 7. Инкерман. «Храм с крещальной». Надпись. Прорись П.В. Кузенкова

КОММЕНТАРИЙ

В гробнице (как можно увидеть на плане (рис. 1) – одиночной!) захоронены два мужчины, Авракий и Косма, имевшие одинаковые титулы комита и умершие друг за другом в один год. Особенности захоронения, а также отсутствие в надписи упоминаний о родственниках и детях заставляют рассматривать погребенных как

высоких должностных лиц, ставших жертвами эпидемии или погибших в ходе военных действий. Предложенную А.Ю. Виноградовым трактовку дополнения Α' Θ к именам как ранга («1-й разряд») следует признать убедительной, однако остается без объяснения предваряющее это дополнение слово ΥΣ, имеющееся в первом случае и отсутствующее во втором.

В последней строке надписи удалось разобрать 4 последних знака, которые без сомнения обозначают год. Первая цифра представляет собой типичную Т-образную стигму, характерную для надписей XIII–XV вв. (рис. 8).

Вторая цифра – «омега» (800), не замеченная в предыдущих исследованиях. Третья цифра – уверенно читающаяся «каппа» (20). Финальная «фита» (9) на фото не имеет перекладки, однако она зафиксирована на обеих упомянутых выше прорисях. После компьютерной обработки фотографии дата в надписи читается достаточно ясно: ςωκθ' (6829) г. от сотворения мира, что в переводе с ромейской эры соответствует 1.9.1320–31.8.1321 г. н. э. (рис. 9).

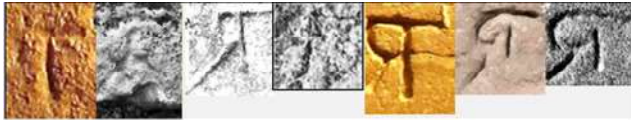

Рис. 8. Типы стигмы (числа 6000) в надписях (слева направо): Виноградов 2015, V175 (Мангуп, 1282/3 г.); V172 (Мангуп, 1294/5?); V169 (Шуры, 1327 г.); V151 (данная надпись); V176 (Мангуп, 1361/2 г.); V144 (Лаки, 1364 г.); V260 (Каффа, 1378 г.)

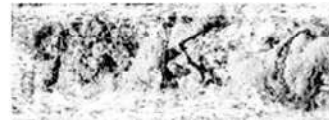

Рис. 9. Инкерман. «Храм с крещальней». Надпись (фрагмент). Фото П.В. Кузенкова

В надписи содержатся и более детальные элементы датировки: месяцы в дательном падеже; числа месяцев, вводимые через предлог εις (характерный и для других крымских надписей XIV в.²⁹); дни недели, маркируемые особой аббревиатурой ΙΜ.

Обозначения месяцев через числительные – крайне редкий случай в византийской и поствизантийской эпиграфике. Указываемая А.Ю. Виноградовым параллель в надгробии из Шуры 1327 г.³⁰ не может быть принята, так как там месяц обозначен через «дельту» с надстрочной «ро», что следует интерпретировать как аббревиатуру Δ(εκεμβ)ρ(ιου). Ввиду того, что в византийской традиции бытовали несколько систем отсчета месяцев, численное указание месяца не давало определенности³¹. Имеющиеся в тексте указания на дни недели могли бы дать ключ к этому вопросу, но они, к сожалению, читаются очень плохо. Если интерпретировать загадочный значок в последней строке как сокращение от κυριακή, а число в предпоследней как «12», то получим соответствие: воскресенье 12 октября 1320 г. Следовательно, можно предположить, что отсчет идет с сентября.

Для уточнения дат кончины погребенных необходимы дополнительные исследования надписи de visu. Тем не менее уже сейчас можно с высокой степенью

²⁹ Виноградов 2015, V144 (Лаки, 1364 г.); V167 (Шуры, 1392 г.).

³⁰ Виноградов 2015, V169.

³¹ Наряду с сентябрьским стилем индикта использовались римский январский (консульский) год, а также мартовский стиль. См.: Кузенков 2015, 404–408.

уверенностью датировать погребения в гробнице у северной стены осенью 1320 г.

Как видим, наше прочтение рассматриваемого эпиграфического источника не подтверждает утвердившееся в историографии представление, что захороненные в «Храме с крещальной» являлись родственниками. При этом захоронение двух человек в одной одиночной могиле все же свидетельствует в пользу их родственных связей. Хотя в данном случае нельзя исключать и форс-мажорные обстоятельства, побудившие произвести погребения в одной гробнице: эпидемия, череда военных столкновений и т.д.

То, что оба захороненных имеют один и тот же титул и должность, позволяет с определенной степенью осторожности предполагать, что перед нами некий местный руководитель и его преемник. Возможно, мы имеем дело с начальниками крепости Каламита, при этом в силу каких-то обстоятельств они умерли в один год с разницей в месяц.

Несомненно, особенности планировки церкви позволяют рассматривать захоронения как древнейшие. Но наличие значительной по размерам усыпальницы свидетельствует, что впоследствии в «Храме с крещальной» было произведено еще не одно захоронение. Таким образом, скорее всего, храм служил семейной усыпальницей (усыпальницами?) родственников Авраамия и Космы.

Так как первым в рассматриваемой церкви был погребен Авраамий, он вполне вероятно был ктитором и основателем данного монастырского храма. Соответственно, с большой долей вероятности можно предполагать, что храм был вырублен и расписан незадолго до первого захоронения в нем. Таким образом, приходим к выводу: «Храм с крещальной» в обрыве монастырской скалы в Инкермане может быть датирован первыми двумя десятилетиями XIV в., а скорее всего, его 10-ми годами.

ЛИТЕРАТУРА

- Бертье-Делагард, А.Л. 2012: Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма. В кн.: Бертье-Делагард, А.Л. *Избранные труды по истории средневекового Крыма*. Симферополь, 7–153. Пер. изд.: *ЗООИД XIV* (1886), 166–282.
- Виноградов, А.Ю. 2005: «Разряд» и «часть»: как нам обустроить Феодоро? *Сугдейский сборник*. II. Киев–Судак, 431–437.
- Виноградов, А.Ю. 2015: *Надписи Северного Причерноморья V. Византийские надписи*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iospe.kcl.ac.uk/5.151-ru.html>.
- Виноградов, А.Ю., Гайдуков, Н.Е., Желтов, М.С. 2005: Пещерные храмы Таврики: к проблеме типологии и хронологии. *РА* 1, 72–80.
- Домбровский, О.И. 1966: *Фрески средневекового Крыма*. Киев.
- Кузенков, П.В. 2015: *Христианские хронологические системы*. М.
- Латышев, В.В. 1896: *Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России*. СПб.
- Латышев, В.В. 1897: Заметки к христианским надписям из Крыма. *ЗООИД XX*, 149–162.
- Могаричев, Ю.М. 1993: К дискуссии о скальной архитектуре Крыма. В сб.: Ю.М. Могаричев (ред.), *История и археология Юго-Западного Крыма*. Симферополь, 213–224.
- Могаричев, Ю.М. 1997: *Пещерные церкви Таврики*. Симферополь.
- Могаричев, Ю.М., Ергина, А.С. 2024: *Монументальная живопись средневековой Таврики (пещерные церкви)*. Симферополь.

- Репников, Н.И. 1937: *Отчет Инкерманской археологической экспедиции 1937 г.* Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Д. 227.
- Репников, Н.И. б/д: *Материалы к археологической карте Юго-Западного нагорья Крыма.* Архив ИИМК РАН. Ф. 10. Д. 10.
- Струков, Д.М. 1876: *Древние памятники христианства в Тавриде.* М.
- Толстой, И., Кондраков, Н. 1891: *Русские древности в памятниках искусства.* СПб.
- Филиппенко, В.Ф. 1993: К истории Инкерманского пещерного монастыря (первый этап существования). В сб.: ЮМ. Могарирев (ред.), *История и археология Юго-Западного Крыма.* Симферополь, 108–125.
- Чепелев, В.Н. 1927: Пещерный храм в Инкермане. *Труды этнографо-археологического музея 1-го МГУ* 1. М., 43–46.

REFERENCES

- Bertier de la Garde, A.L. 2012: *Ostatki drevnikh sooruzheniy v okrestnostyakh Sevastopolya i peschernye goroda Kryma* [Remains of Ancient Structures in the Vicinity of Sevastopol and Cave Cities of Crimea]. In: Bertier de la Garde, A.L. *Izbrannyye trudy po istorii srednevekovogo Kryma* [Selected Works on the History of Medieval Crimea]. Simferopol, 7–153. 1st. ed: *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* [Transactions of the Odessa Society for History and Antiquities] XIV (1886), 166–282.
- Chepelev, V.N. 1927: *Peshchernyy khram v Inkermane* [Cave Temple in Inkerman]. In: *Trudy etnografo-arheologicheskogo muzeya 1-go MGU* [Proceedings of the Ethnographic and Archaeological Museum of the 1st Moscow State University] 1. Moscow, 43–46.
- Dombrovskiy, O.I. 1966: *Freski srednevekovogo Kryma* [Frescoes of Medieval Crimea]. Kiev.
- Filipenko, V.F. 1993: К истории Инкерманского пещерного монастыря (первый этап существования) [On the History of the Inkerman Cave Monastery (the First Stage of its Existence)]. In: Yu.M. Mogarychev (ed.), *Istoriya i arkheologiya Yugo-Zapadnogo Kryma* [History and Archaeology of Southwestern Crimea]. Simferopol, 108–125.
- Kuzenkov, P.V. 2015: *Khristianskie khronologicheskie sistemy* [Christian Chronological Systems]. Moscow.
- Latyshev, V.V. 1896: *Sbornik grecheskih nadpisey khristianskikh vremen iz Yuzhnoy Rossii* [Miscellanea of Greek Inscriptions from Christian Times from Southern Russia]. Saint Petersburg.
- Latyshev, V.V. 1897: *Zametki k khristianskim nadpisyam iz Kryma* [Notes to Christian Inscriptions from Crimea] *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* [Notes of the Odessa Society for History and Antiquities] XX, 149–162.
- Mogarichev, Yu.M. 1997: *Peshchernyye tserkvi Tavriki* [Cave Churches of Taurica]. Simferopol.
- Mogarichev, Yu.M., Ergina, A.S. 2024: *Monumental'naya zhivopis'srednevekovoy Tavriki (peshchernyye tserkvi)* [Monumental Painting of Medieval Taurica (Cave Churches)]. Simferopol.
- Mogarichev, Yu.M. 1993: К дискуссии о скальной архитектуре Крыма [Towards a Discussion about the Rock Architecture of Crimea]. In: Yu.M. Mogarychev (ed.), *Istoriya i arkheologiya Yugo-Zapadnogo Kryma* [History and Archaeology of Southwestern Crimea]. Simferopol, 213–225.
- Repnikov, N.I. 1937: *Отчет Инкерманской археологической экспедиции 1937 г.* [Report of the Inkerman Archaeological Expedition 1937]. Archive of the Institute of History of Material Culture RAS]. Collection 2. Folder 227.
- Repnikov, N.I. *Materialy k arkheologicheskoy karte Yugo-Zapadnogo nagor'ya Kryma* [Materials on the Archaeological Map of the Southwest Plateau of Crimea]. Archive of the Institute of History of Material Culture RAS]. Collection 10, Folder 10.

- Strukov, D.M. 1876: *Drevnie pamyatniki khristianstva v Tavride* [*Ancient Monuments of the Christianity in Taurida*]. Moscow.
- Tolstoy, I.I., Kondakov, N.P. 1891: *Russkie drevnosti v pamyatnikakh iskusstva* [*Russian Antiquities in Art Monuments*]. Sankt Peterburg.
- Vinogradov, A.Yu. 2005: «Razryad» i «chast'»: kak nam obustroit' Feodoro? [“Rank” and “Part”: How Should We Arrange Theodoro?]. *Sugdeyskiy sbornik* [*Miscellanea Sugdaica*] II. Kiev–Sudak, 431–437.
- Vinogradov, A.Yu. 2015: *Nadpisi Severnogo Prichernomor'ya V (Vizantiyskie nadpisi)* [*Inscriptions of the Northern Black Sea Region V (Byzantine Inscriptions)*]. <https://iospe.kcl.ac.uk/5.151-ru.html>.
- Vinogradov, A.Yu., Gaydukov, N.E., Zheltov, M.S. 2005: Peshchernye khramy Tavriki: k probleme tipologii i khronologii [Cave Churches of Taurica: The problems of Typology and Chronology]. *Rossiyskaya akhrheologiya* [*Russian Archaeology*] 1, 72–80.

EPITAPH OF THE COMITES OF ABRAHAM AND COSMAS IN
THE “TEMPLE WITH A BAPTISTERY” (INKERMAN, CRIMEA): TOWARDS
DATING THE TEMPLE

Pavel V. Kuzenkov¹, Yuriy M. Mogarichev²

^{1, 2} *Sevastopol State University, Sevastopol, Russia*

² *Crimean Republican Institute of Postgraduate Pedagogical Education, Simferopol, Russia*

¹ *E-mail: pk407@mail.ru*

² *E-mail: mogara@rambler.ru*

The “Church with a Baptistery” is located on the southern cliff of the Monastery Rock in Inkerman. This is one of the cave churches of the mountainous Crimea. The temple is a single-nave basilica. It has a baptistery, a burial vault arranged in the north, and a separate tomb near the northern wall, decorated with a niche with a Greek inscription. The inscription mentions the *comites* Abraham and Cosmas, who died one after the other and were buried in the same tomb. The rooms of the temple were decorated with paintings, the nature of which allowed the construction to be attributed to the 13th–14th cc. However, the date in the inscription above the tomb, by all indications contemporary with the temple, has not been reliably read till now. At present, most of the inscription has been lost, but careful analysis of the existing tracings and a photograph from 1937 allows us to discern the date of death of the buried – the first and second months of 6829 A.M. Thus, the tomb is dated to the autumn of AD 1320, and the “temple with the baptismal font” itself can, with a high degree of probability, be dated to the beginning of the 14th c.

Keywords: Crimea, Mountainous South-Western Taurica, Inkerman, cave churches, frescoes, inscriptions

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2025), 225–229
© The Author(s) 2025

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2025), 225–229
©Автор(ы) 2025

DOI: 10.18503/1992-0431-2025-1-87-225–229

**VIII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ИСТОРИЧЕСКИЕ, КУЛЬТУРНЫЕ, МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ,
РЕЛИГИОЗНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ КРЫМА
СО СРЕДИЗЕМНОМОРСКИМ РЕГИОНОМ И СТРАНАМИ ВОСТОКА»
(г. Севастополь, Государственный историко-археологический музей-
заповедник «Херсонес Таврический», 3–8 июня 2024 г.)**

С 3 по 8 июня 2024 г. в г. Севастополе прошла VIII Международная научная конференция «Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока». Соорганизаторами конференции выступили Институт востоковедения РАН и Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», на базе которого проходило данное научное мероприятие. На конференции обсуждались политические, торговые и культурные связи Крыма с государствами Средиземноморского региона и странами Востока в древности, средневековье и новое время; письменные источники по истории Крыма, Средиземноморского региона и стран Востока; историография и картография Черноморской и Средиземноморской акватории; археология, нумизматика и эпиграфика Крыма; этническая история Крыма и сопредельных территорий в прошлом и настоящем; межнациональные и политические отношения народов Крыма в прошлом и настоящем. В рамках работы конференции был проведен круглый стол, посвященный 120-летию начала Русско-японской войны 1904–1905 гг.

Данная конференция, уже восьмая по счету, стала крупнейшим научным форумом Крыма. В 2024 г. подано 85 докладов, авторы которых представляют 33 различных научных, образовательных и музейных учреждения России (Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбург, Краснодар, Саратова, Симферополя, Севастополя, Судака, Ялты) и зарубежных стран (Турции, Швейцарии, Абхазии). К моменту открытия был издан сборник материалов конференции в двух томах.

Конференцию открыла директор ГИАМЗ «Херсонес Таврический» Е.А. Морозова, подчеркнувшая важность проведения данного крупного научного мероприятия, объединившего уже в восьмой раз представителей сферы науки, культуры и образования. С приветственным словом к участникам форума от дирекции ИВИ РАН обратилась заместитель директора по научной работе к.и.н. Н.Г. Романова, также отметившая особую

значимость проведения конференции именно в Херсонесе и актуальность представленных на форме научных результатов и обсуждаемых научных проблем.

На пленарном заседании с докладом «Битва перцев: средиземноморская торговля пряностями против атлантического маршрута» выступил д.и.н., чл.-корр. РАН П.Ю. Уваров (ИВИ РАН, г. Москва). Автор рассказал о том, как повлияло открытие португальцами нового морского пути через Атлантику в Индийский океан на торговлю пряностями в XVI в. Поставки португальцами более дешевого перца в Европу нанесли огромный ущерб средиземноморской торговле, контролируемой Венецией. Однако появление новых политических игроков и торговых маршрутов в итоге подорвали позиции атлантического маршрута.

На дневном заседании *первого дня конференции (4 июня)* были представлены доклады, касающиеся различных вопросов, связанных с военными кампаниями XVIII–XIX вв. Среди них можно отметить следующие. Доклад к.и.н. В.С. Болт, (ГАУГН, ИВИ РАН, г. Москва) посвящен взаимоотношению русских военнослужащих с гражданским населением Апеннинского полуострова во время русско-австрийской кампании 1799 г., возглавляемой А.В. Суворовым. Автор приходит к выводу, что заинтересованность итальянцев, заключавшаяся в надежде на изгнание французов русско-австрийской армией, не исключала интереса к русским как представителям другой культуры. Образу русского солдата и русских моряков в представлении южных итальянцев посвящено сообщение Д.В. Зайцевой (ГАУГН, ИВИ РАН, г. Москва), рассказавшей о взаимодействии русских воинов – моряков эскадры Ф. Ушакова – с местным населением в Южной Италии в ходе кампании 1799 г.

В докладе д.и.н. А.В. Гладышева. (СГУ, г. Саратов) рассмотрен вопрос о женской благотворительности в Германии в эпоху Наполеоновских войн. Автор отмечает, что благотворительность как социокультурный феномен в это время проходит новый этап – демократизации как проявления «патриотизма», при этом в благотворительность вовлекаются не только мужчины, но и женщины. Гендерному аспекту военной кампании Наполеона в Египте, а именно взаимоотношениям французских солдат с египтянками в период оккупации 1798–1801 гг., посвящен доклад д.и.н. А.В. Чудинова (ГАУГН, ИВИ РАН, г. Москва). Важным и уникальным источником для исследователя стали 19 писем французского капитана Ф.-Н.-М. Бернуайе из Египта своему кузену. Д.и.н. Н.П. Танышина (Институт общественных наук РАНХИГС, МПГУ, г. Москва) посвятила свой доклад теме «русской угрозы» на страницах французской публицистики 1820-х гг., в работах А. Рабба, Дж. Обернона, Д.Ж.Ф. де Прадта, Н. Жильбера. Автор отмечает, что нагнетание страха перед Россией было как инструментом политической борьбы, так и способом решения внутренних проблем Франции.

Доклады дневного заседания были посвящены исследованиям письменных памятников по истории Крыма. А.Е. Катюшин (КФУ им. В.И. Вернадского, г. Симферополь) в своем выступлении рассказал о почтовом сообщении в России в период русско-турецкой войны 1768–1774 гг., основываясь на данных архивных документов, в том числе указах Екатерины II. В докладе д.и.н. Д.А. Прохорова (КФУ им. В.И. Вернадского, г. Симферополь) освещалась деятельность таможенных учреждений России во второй половине XIX в. и принятые после окончания Крымской войны нововведения в таможенном уставе. К.Д. Шульман (ИАК РАН, г. Симферополь) в своем выступлении затронула проблему вакуфов крымских медресе до присоединения Крыма к России. На основе архивных данных автор рассказала о появлении института вакуфа, вакуфном капитале, распределении средств доходов вакуфов. Эту тему продолжил д.и.н. Д.В. Конкин (ИАК РАН, г. Симферополь) в своем докладе, посвященном крымским вакуфам в Российской империи, рассматривая их как источник поддержания объектов культурной и исламской инфраструктуры в Крыму.

Современные проблемы сохранения археологического наследия России рассмотрены в совместном сообщении к.и.н. А.В. Энговатовой и д.и.н. А.В. Сазанова (ИА РАН, г. Москва), в котором анализируются существующие и предлагаемые к утверждению нормативные законодательные акты, связанные с сохранением археологического наследия, с изменением порядка регламентации археологических работ.

Сообщение к.т.н. *А.В. Иванова* (ИАК РАН, г. Симферополь) посвящено проблеме картографирования Крыма в последней четверти XVIII в. Географическое исследование и освоение территории малоизвестного на тот момент Крымского п-ова стало одной из важных военно-политических задач в Российской империи на пути к присоединению Крыма. Проблемам этнической истории Крыма посвящены доклады д.и.н., д.полит.н. *А.В. Баранова* (КубГУ, г. Краснодар) об этнической структуре населения Крыма в 1921–1939 гг. и *Р.А. Изетова* (КФУ им. В.И. Вернадского, г. Симферополь) о «греческом факторе» в Гражданской войне на территории Крыма в 1918–1919 гг.

В ходе *второго дня (5 июня)* работы конференции обсуждался широкий круг вопросов, связанных с исследованиями источников по истории Крыма. К.и.н. *Е.С. Зайцева* (УрФУ им. Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург) исследовала проблему переселения римских аристократов в начале IV в. в Средиземноморье – в южную часть Апеннинского полуострова, в Северную Африку, на Сицилию или на Восток, причиной чего явились военные действия и значительные экономические потери. К.и.н. *Н.И. Храпунов* и к.и.н. *С.И. Храпунова* (КФУ им. В.И. Вернадского, г. Симферополь) посвятили доклад анализу данных последних письменных свидетельств о византийском Херсоне XV в., в период завершения существования города, окончательно покинутого жителями.

В своем докладе «Островной мир Эгеиды глазами итальянских путешественников XV века» д.и.н. *Т.В. Куц* (ИВИ РАН, г. Москва) анализировала материалы дневниковых записей К. Анконского и «Книгу островов Архипелага» К. Буондельмонти, в которых содержатся описания эгейских островов, демографической и этно-конфессиональной ситуации в Эгеиде. Автор приходит к выводу, что для итальянских путешественников Эгеида была и остается греческой землей под управлением латинян, а возникший симбиоз культур не размыл полностью греческой идентичности. Записи К. Анконского, касающиеся его пребывания на Пелопоннесе (Морея), исследует в своем выступлении к.и.н. *Т.Е. Белоруссова* (ИВИ РАН, г. Москва). Автор делает вывод о полиэтничности и поликонфессиональности морейского населения в середине XV в.

К.филол.н. *А.А. Евдокимова* (Институт языкознания РАН, г. Москва) посвятила сообщение анализу эпиграфического источника (надписи из корпуса греческих надписей Крыма, представляющей посвящение неизвестного, датированное серединой – второй половиной V в.) по аналогии с подобными памятниками в Сирии, Египте, Нубии, Северной Греции, Малой Азии и Палестине. *Н.В. Днепровский* (Изд. «Невская лавра», г. Санкт-Петербург) на основе изучения трудов Н. Кавасилы обращается к проблеме литургической датировки пещерных церквей, которую, как доказывает автор, все же необходимо дополнительно проверять другими методами. К.и.н. *Т.М. Калинина* (ИВИ РАН, г. Москва) в своем докладе рассказала о представлениях арабских географов IX–X вв. о Черном море на основе анализа трудов ал-Бируни. *А.В. Ефимов* (ИВИ РАН) посвятил доклад исследованиям османских источников по истории Лива-и Кефе (османских владений в Крыму) XVI–XVIII вв., содержащих сведения об экономике, топонимике, антропонимике этнических групп Крымского полуострова в этот период.

В следующем блоке докладов были представлены результаты археологических исследований памятников Крыма, изучения керамического материала, предметов ювелирного искусства, монет, архитектуры, изобразительных источников. *И.И. Вдовиченко* (Музей истории г. Симферополя, г. Симферополь) посвятила свой доклад анализу, датировке и типологии фрагментов архаической керамики (амфор, сосудов для питья) из археологических раскопок в Керкинитиде в 1982 г. К.и.н. *Н.Г. Новиченкова* (Ялтинский историко-литературный музей, г. Ялта) рассказала об исследованиях святилища у перевала Гурзуфское седло на Главной гряде Крымских гор. По мнению автора, обнаруженные артефакты свидетельствуют о тесных связях данного района с Боспорским царством.

Уточнению датировки и типологии биллонных леспосских монет, обнаруженных в 2021 г. в ходе раскопок Южного пригорода Херсонеса Таврического, посвящен совместный доклад *Е.В. Захарова* (ГИМ, г. Москва) и *А.Е. Терещенко* (ГРМ, г. Санкт-

Петербург). Авторы представили биллонную лесбосскую гемигекту, датируемую второй четвертью – второй половиной V в. до н.э. и ольвийский «дельфинчик» второй половины V в. до н.э. Эти монеты, по мнению авторов, еще раз подтверждают данные о том, что Херсонес располагался на пересечении морских торговых путей и был промежуточным пунктом на пути каботажного плавания. Эта тематика было продолжена в сообщении к.и.н. *Н.А. Алексеенко* (ИАК РАН, г. Симферополь), рассказавшего о находках серебряных монет эпохи Митридата и царей Каппадокии в Херсонесе Таврическом, в том числе в ходе новых раскопок на территории его Южного пригорода.

Д.Н. Федорова (ООО «Возрождение Петербурга», г. Санкт-Петербург) и *И.И. Шкрибляк* (ИАМЗ «Неаполь Скифский»), г. Симферополь) рассматривали проблему конструктивных особенностей и этапов сооружения подкурганых уступчатых склепов IV в. до н.э. на основе данных, полученных в ходе археологических исследований в 2018, 2020–2021 гг. уступчатого склепа и прилегающего к нему поминального пространства в кургане Туак-Оба (Белогорский р-н).

Т.А. Чарусов (БФ «Наследие тысячелетий», г. Симферополь) рассказал об исследовании могильника Опушки, вблизи Симферополя, археологические работы на котором ведутся с 2003 г. по настоящее время. Автор уделяет особое внимание погребениям, в которых зафиксированы постпогребальные действия – разрушения скелетов, проводит аналогии с подобными погребениями в Крыму и за его пределами. Некрополь Опушки, расположенный в предгорном Крыму, использовался для захоронений с I в. до н.э. до конца IV в. н.э. Изучению этого могильника и практики использования могил предшествующего времени в погребальной культуре Крыма позднеантичного времени (вторая половина III–IV вв. н.э.) посвящен доклад *С.А. Мильда* (КФУ им. В.И. Вернадского, г. Симферополь).

В *третий день (6 июня)* работы конференции целый ряд выступлений был посвящен исследованиям керамического материала, изделий из стекла, кости. К.и.н. *Л.А. Голофаст* (ИА РАН, г. Москва) рассказала о начатом в 2024 г. проекте ИА РАН по подготовке к публикации крупнейшего в России каталога античного стекла из собрания ГИМ. Исследовались два вдутых в форму сосуда, уточнилась их датировка и типология. Изучению гончарных мастерских конца VII–первой половины VIII и VIII–IX вв. в Закубанье, Прикубанье и на побережье западных предгорий Северного Кавказа, хронологических и технологических особенностей гончарных печей был посвящен совместный доклад *В.Ю. Кононова* (Крымский региональный центр археологических исследований, г. Симферополь) и *Л.Ю. Пономарева* (ИАК РАН, г. Симферополь). Доклад д.и.н. *А.В. Сазанова* (ИА РАН, г. Москва) был посвящен проблеме определения даты сооружения храма Иоанна Предтечи (Георгия) в Керчи. Автор приводит две точки зрения о возможных вариантах датировки и приходит к заключению, что храм неоднократно перестраивался, особенно масштабно в конце XIII – середине XIV вв. Постройку храма автор датирует концом первой трети XI в.

На дневном заседании участниками форума были представлены результаты эпиграфических, архитектурных, археологических исследований памятников по истории Крыма и Средиземноморья. К.и.н. *П.В. Кузенков* (СевГУ, г. Москва) и д.и.н. *Ю.М. Могаричев* (ИАК РАН, г. Симферополь) в своем докладе представили некоторые уточнения датировки, перевода и интерпретации мемориальной надписи феодоритов в честь «героя из Пойки». Д.и.н. *Е.Ю. Ендольцева* (ИВИ РАН, г. Москва) рассказала о реконструкции рельефных изображений со сценами Страшного суда, обнаруженных в церкви Успения в с. Дранда в Абхазии. Изучению архитектурных деталей вторичного использования из помещений конца XIV – середины XVII вв., открытых в цитадели Судакской крепости, посвящен доклад *В.А. Захарова* (Музей-заповедник «Судакская крепость», г. Судак) о вторично использованных архитектурных деталях раннего православного храма X–XIII вв. Проблема экономических связей средневековой Сугдеи на основе анализа обнаруженных здесь стеклянных сосудов второй половины XIII в. была рассмотрена в докладе д.и.н. *В.В. Майко* (ИАК РАН, г. Симферополь).

Результаты работы международной подводно-археологической экспедиции в Абхазии в сезоне 2023 г. были представлены в докладе к.и.н. *В.В. Лебединского* (ИВИ РАН, г. Москва; СевГУ, г. Севастополь) и к.и.н. *Ю.А. Прониной* (ИВИ РАН, г. Москва). Морские исследования проводились в акваториях Гудауты и Сухума с использованием ГБО, телеуправляемого необитаемого аппарата, с целью визуального обследования обнаруженных объектов. Результатам археологических исследований на городище Гиенос в 2019–2023 гг. посвящен совместный доклад к.и.н. *А.И. Джоуа* (Абхазский государственный музей, г. Сухум), *В.В. Лебединского* (ИВИ РАН, г. Москва; СевГУ, г. Севастополь) и к.и.н. *М.В. Фомина* (СевГУ, г. Севастополь). Новые данные, полученные в ходе раскопок сохранившихся сооружений на территории Гиеноса, позволили проследить историю существования этого поселения с античных времен до раннесредневекового периода.

Е.С. Лесная (ГИАМЗ «Херсонес Таврический», г. Севастополь), *Н.В. Гинькут* (ГИАМЗ «Херсонес Таврический», г. Севастополь); ИВИ РАН, г. Москва), *Д.А. Костромичева* (ГИАМЗ «Херсонес Таврический», г. Севастополь) рассказали о результатах археологических раскопок на территории крестово-купольного храма, прилегающего к Владимирскому собору в Херсонесе. Исследования на агоре Херсонеса позволили уточнить данные о границе города XIV в.

Таким образом, на конференции были представлены доклады, посвященные самым разнообразным вопросам по изучению взаимосвязи Крыма со странами Востока и Средиземноморьем от античности до настоящего времени. Тематика форума позволяет обобщить и систематизировать научно-практический и теоретический опыт отечественных и зарубежных исследователей в данном направлении научных изысканий. На закрытии конференции участники мероприятия отметили важность прошедшей научной конференции и необходимость ее ежегодного проведения.

Victor V. Lebedinskiy

Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
Sevastopol State University,
Sevastopol, Russia
E-mail: v_lebedinski@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6801-0497

В.В. Лебединский

кандидат исторических наук,
заведующий Центром историко-археологических
исследований Крыма и Средиземноморья
Института востоковедения РАН, Москва, Россия
ведущий научный сотрудник,
заведующий кафедрой «Востоковедение»
Севастопольского государственного университета

Yuliya A. Pronina

Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
E-mail: julia_pronina@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5169-8598

Ю.А. Пронина

кандидат исторических наук,
научный сотрудник
Института востоковедения РАН,
Москва, Россия

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2025), 230–246
© The Author(s) 2025

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2025), 230–246
© Автор(ы) 2025

DOI: 10.18503/1992-0431-2025-1-87-230–246

БЫТЬ ИМПЕРАТОРОМ В РИМСКОМ МИРЕ. НОВЫЕ ОТВЕТЫ НА СТАРЫЕ ВОПРОСЫ

ВВЕДЕНИЕ

Предметом данного обзора являются три книги, изданные в 2023 г. Это, во-первых, «Император Рима: править древнеримским миром» – работа Мэри Бирд, ведущего британского антиковеда, общественного деятеля и яркого популяризатора истории античного Рима, профессора Кембриджского университета, члена Британской академии¹. Во-вторых, «Цезарь правит: Император в меняющемся Римском мире», написанная известным нидерландским историком Оливьером Хекстером, профессором Неймегенского университета². Третья книга – «Воображая римского императора: восприятие правителей в Ранней империи» – принадлежит перу молодого преподавателя Оксфордского университета Панайиотиса Христофору³. Написанные в разной манере, эти работы, как видно по ключевому слову «император» в их названиях, посвящены одной общей теме, центральной для римской истории – содержанию, характеру, восприятию и репрезентации императорской власти в Риме. В центре внимания авторов находятся не индивидуальные императоры, а общие аспекты их положения и деятельности как верховных правителей, то, что полнее всего определяется английским словом *emperorship*, которое в своем значении не исчерпывается властными полномочиями, а охватывает как глубинные, собственно государственно-политические характеристики самого этого института, так и окружающую его имагологическую «ауру» стереотипных образов и эмоциональных реакций, идеологические клише и

Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ, проект № 20-18-00374 П «Имперское Средиземноморье: модели, дискурсы и практики империализма от Античности до раннего Нового времени».

¹ Beard 2023 (пер. на итал. яз.: Beard 2024). На русский язык переведены ее известный бестселлер «SPQR: История древнего Рима» (Бирд 2017) и работы, представляющие автора как яркого публициста (Бирд 2018) и историка искусства (Бирд 2019), а также ее монография, посвященная смеху и юмору в Древнем Риме (Beard 2025).

² Hekster 2023. Среди его трудов отметим книгу о той роли, какую играли предки и родственные связи в формировании образа императора (Hekster 2015). Хекстер является редактором известной серии «Impact of Empire», в рамках которой к настоящему времени вышло более 40 материалов конференций, индивидуальных и коллективных монографий.

³ Christoforou 2023. Ее основой является диссертация: Christoforou 2016.

социокультурные практики. Затрагивая одни и те же проблемы, названные авторы исходят из схожих исследовательских установок и предлагают современные ответы на давно обсуждаемый в научной литературе вопрос: кем был римский император?

1. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ: КОНЦЕПЦИЯ Ф. МИЛЛАРА, ЕЕ КРИТИКА И РАЗВИТИЕ

В современной историографии этот вопрос был поставлен еще в 1977 г. выдающимся британским историком Фергюсом Милларом в его классической монографии «Император в Римском мире», которая во многом определила направления и проблематику последующих исследований. Отойдя от преобладавшего ранее институционального, государственно-правового («конституционалистского») подхода к определению сущности римской императорской власти, Миллар впервые обратил внимание на стереотипы поведения и повседневную рутину в деятельности императоров. Согласно его концепции, император как правитель был, по сути, пассивен, не имел собственной политической стратегии, принимая решения и действуя преимущественно в ответ на запросы снизу, предъявляемые ему в форме петиций и судебных апелляций; соответственно, такая «реактивность» роли, ожидаемой от императора, объясняет весьма ограниченный и простой «правительственный» аппарат эпохи принципата. По афористическому заключению британского ученого, «император был тем, что император делал»⁴.

Эта «примитивистская» "petition-and-response" модель, как ее принято называть, встретила, однако, довольно серьезную критику, которая указала на упущение из вида ряда существенных аспектов в положении императора (императорского культа, военного командования и дипломатии, влияния республиканских традиций на поведение принцепса), на статичность реконструируемой картины, определенные методологические просчеты и недостаточно обоснованные обобщения⁵. Отмечалось (в частности, в подробном критическом разборе К. Хопкинса), что позитивистский подход Миллара игнорирует такую важную сторону императорской власти, как убеждения, намерения и оправдания и самих правителей, и подданных, а главное – надежды, амбиции и страхи первых, чувства и ожидания вторых. Определение «император был тем, что император делал» не охватывает многие занятия, которые самим современникам, очевидно, казались важными: охоту, любовь, пиры, размышления. Вне поля зрения остались и свойства той социокультурной системы, которая обуславливала поведение римских правителей⁶.

Все это, однако, не отменяет заслуг Миллара, который, по существу, заложил основы для понимания императорской власти как сложной, диффузной системы разнообразных практик и неформализованных отношений, замыкавшихся на верховном правителе и его ближайшем окружении, но распространявшихся на ключевые социально-политические группы (сенаторов, армию, столичный плебс, провинциальную знать). В этом русле, через дополнения и корректировку сформулированной Милларом концепции, шло дальнейшее развитие историографии. Так, например, Э. Уоллес-Хедрилл в своей этапной статье, обратив внимание на стиль и церемониал императорской власти, охарактеризовал статус императора как положение «между гражданином и царем»⁷. Р. Лоуренс и Дж. Патерсон рассмотрели шутки и юмористические высказывания императоров и, перефразируя определение Миллара, подчеркнули, что император был не только тем, что он делал, но и тем, что он говорил⁸. П. Вейн, посвятивший через 25 лет после выхода в свет книги Миллара специальную статью ответу на вопрос «Кем был римский император?», предложил свой

⁴ Millar 1977, 6. Эта книга была дважды переиздана в 1992 и 2001 гг. О развиваемой в ней концепции см. Смышляев 1991, 67–73.

⁵ См., в частности: Hopkins 1978; Bleicken 1982; Ando 2024.

⁶ Hopkins 1978, 183, 186.

⁷ Wallace-Hadrill 1982.

⁸ Laurence, Paterson 1999, 183.

вариант: он был императором и, следовательно, богом; при этом французский историк особо подчеркнул значение монархического чувства среди подданных и тех подсознательных правил, которыми направлялось и ограничивалось поведение принцепса⁹.

Действительно, в современных интерпретациях императорской власти акцент все более переносится на то, как репрезентировались и воспринимались властные полномочия и положение императора, его образ в разных группах подданных. В русле такого подхода император рассматривается с точки зрения не только того, что он делал как законодатель, судья, администратор и военачальник, что он писал или говорил, но и того, каким он был в воображении и ожиданиях подвластных. Показательно, что начиная с 2000-х гг. в работах об императорской власти (как в эпоху принципата, так и при доминате) все чаще в качестве ключевых используются такие понятия, как репрезентация и образ¹⁰. С 1990-х гг. и особенно в самые недавние годы весьма активно стала изучаться также история императорского двора как сложного социокультурного и коммуникативного пространства взаимодействия между правителем и его ближайшим окружением¹¹. На качественно новом уровне исследуются ритуально-церемониальные практики с участием императоров¹², их повседневная жизнь¹³, титулатура и неофициальные прозвища, которые тоже трактуются как специфическая форма коммуникации между правителем и подвластными¹⁴ и, рассмотренные в своей совокупности, позволяют сказать, что император был и тем, как он именовался¹⁵.

В таком историографическом контексте, который характеризуется явной сменой общей исследовательской парадигмы и серьезными результатами в конкретных предметных областях, вполне закономерной стала потребность в новых трудах обобщающего характера, призванных суммировать наработанный в последние десятилетия материал и предложить целостную картину римской императорской власти, соответствующую современному уровню развития науки. Именно такую задачу, как представляется, решают три рассматриваемые монографии, каждая из которых так или иначе отталкивается от идей Миллара, чтобы переосмыслить его концепцию и восполнить имеющиеся в ней пробелы. Примечательно, что Бирд в период работы над книгой в своей заметке в «The Times Literary Supplement», очерчивая круг проблем в изучении римских императоров, подчеркнула необходимость по-новому перечитать труд Миллара¹⁶, и, как отметил в своем отклике на уже увидевшую свет монографию Г. Сайдботтом, «behind this book lurks *The Emperor in the Roman World* by Fergus Millar»¹⁷. В свою очередь, Бирд оценивает монографию Хекстера как диалог с Милларом¹⁸, а сам Хекстер именно ему посвящает свое исследование, отмечая, что оно стало продолжением бесед с именитым ученым в Оксфорде в 1998 г. Христофору видит цель своего исследования в том, чтобы дополнить знаменитое определение Миллара, показав, что император был и тем, чем он казался¹⁹.

⁹ Veune 2002 (перепечатано с некоторыми изменениями: Veune 2005, 15–78; английская версия с несколько измененным названием: Veune 2003).

¹⁰ См., например: Benoist 2001; De Blois, Erdkamp, Hekster, et al. (eds) 2003; Noreña 2011. В числе коллективных трудов самого недавнего времени см.: Burgersdijk, Ross (eds) 2018; Russell, Hellström (eds) 2020; García Ruiz, Quiroga Puertas (eds) 2021; Gangloff (ed.) 2022; Davenport, Malik (eds) 2024.

¹¹ Например: Winterling 1999; Kelly, Hug (eds) 2022; Davenport, McEvoy (eds) 2023; Rollinger 2024. См. также Махлаюк 2024.

¹² Например: Benoist 2005; Arena 2010.

¹³ Например: Berry 2013; Stothard 2023.

¹⁴ Об императорской титулатуре как форме диалога см. новейшее капитальное исследование Bönisch-Meyer 2021. О неформальных прозвищах императоров см. Makhlaiuk 2020 (с литературой); применительно к поздней империи: Ведешкин 2021 и 2022.

¹⁵ Makhlaiuk 2020, 208.

¹⁶ Beard 2020.

¹⁷ Sidebottom 2024.

¹⁸ Beard 2024, 373.

¹⁹ Christoforou 2023, 37 (cp. p. 34: «the emperor was not only what he did but also what he was imagined to be»). Cp. Hexter 2015, 1: «Roman emperorship was an ideological construct, and the emperor was

2. М. БИРД: ЧЕМ ПРАВИТЕЛИ РИМА БЫЛИ ПОХОЖИ ДРУГ НА ДРУГА

В чем же именно названные авторы развивают исследование Миллара, где они с ним расходятся, какие собственные идеи выдвигают и насколько убедительно их обосновывают? Для ответа на эти вопросы обратимся сначала к книге Бирд, которая, в отличие от двух других, рассчитана не только на специалистов, но и на более широкую читательскую аудиторию и предлагает наиболее разносторонний взгляд на имперскую систему, основываясь как на собственных изысканиях автора, так и на суммировании результатов исследований в специальных областях.

Действительно, эта книга написана, как и другие работы Бирд, весьма увлекательно и остроумно. Начиная с пролога, посвященного экстравагантным пирам императора Гелиогабала, она погружает читателя в парадоксальный мир Римской империи. В десяти главах и эпилоге автор охватывает ее историю от Юлия Цезаря до Александра Севера. Книга снабжена большим количеством отлично подобранных иллюстраций. Ее основной текст не имеет ссылок на источники и литературу, но указания на главные источники и дельные обзоры основных публикаций по темам глав, а также рекомендации по посещению исторических мест и памятников в Риме и на территории римских провинций даны в разделе «Further Reading and Places to Visit».

Поставленный Милларом вопрос «Кем был римский император?» М. Бирд переформулировала: «Что значило быть римским императором?». Она стремится не только осветить проблемы приобретения, осуществления и утраты верховной власти, управления (прежде всего «ручного»), осуществляемого самим императором как «трудолюбивым бюрократом» либо непосредственно через корреспонденцию, судебные заседания, речи в сенате и на воинских сходках, либо через многочисленных помощников разного статуса), коррупции, заговоров, но и дать полнокровную картину той повседневной реальности, в какой жили и действовали римские правители и их окружение: как они ели, путешествовали и развлекались, какими выглядели в шутках и насмешках, кто с кем спал и т.д. Не менее значимым предметом, интересующим автора, являются те представления и истории, ложные или правдивые, об императорах, т.е. «emperors of the imagination», по выражению Бирд. Акцентирует она и тот обман, на котором основывалось единоличное правление в целом, представлявшее собой «странную и тревожную дистопию, построенную на лжи и фальши» (р. ххi). Эти истории, подобные тем, что рассказывались об эксцентричном поведении Гелиогабала, включали преувеличения, фантазию, сплетни, клевету, городские мифы, но они были, как подчеркивает автор, одним из способов, с помощью которых люди конструировали образ своих правителей, судили о них, обсуждали характер власти; причем не следует предполагать, что рассказы о неброской административной работе заслуживают большего доверия, чем истории о гламурных изысках. Таким образом, концентрируя главное внимание на фигуре императора, Бирд стремится выявить, чем правители Рима были похожи друг на друга и что, следовательно, составляло суть emperorship, а через их отношения с подданными показать и жизнь простых людей Рима и его империи. Поэтому, как подчеркивает автор, ее книга – и о правителях, и о подвластных.

Привлекая всю совокупность источникового материала – от анекдотов, сохранных литературной традицией, надписей, монет и папирусов до императорских портретов и материалов раскопок дворцовых комплексов и вилл²⁰, Бирд дает проблемно-тематическое освещение названных вопросов. В первых двух главах речь идет о зарождении и основах римской версии автократии²¹, о сущности императорской «работы», о том, кем были люди, занимавшие престол (глава 1 «One-Man Rule: The Basic»), и как они оказывались на нем (гла-

also, therefore, what he appeared and was perceived to be».

²⁰ Почти безукоризненное знание и умелое использование археологического материала отмечено в рецензии, написанной археологом: Burrell 2024.

²¹ Здесь, как и в других разделах, Бирд использует эффектные, афористические формулировки, заявляя, например, что та Римская держава, которая сформировалась в эпоху Республики,

ва 2 «Who's Next? The Art of Succession», где отмечается, что наследование власти и связанные с ним проблемы лежали в основе имперской истории, суждений и памяти о римских правителях). Тема императорских банкетов, заявленная в Прологе, ярко раскрывается в главе 3 «Power Dinning», в которой автор исходит из того, что в любой культуре совместные трапезы – особенно те, что устраивали монархи и другие важные персоны – играют немаловажную роль в конфликтах вокруг власти, поскольку поведение правителя в качестве хозяина и сотрапезника воспринималось как показатель его добродетели или порочности²². Именно пиры, по мнению автора, концентрированно высвечивают образ и стиль жизни правителя, позволяют через анализ их участников, антуража, семантики и эксцессов увидеть императора таким, каким он был на самом деле, и в то же время затронуть другие важные темы: императорский садизм и щедрость, роскошь и террор, социальная иерархия, ибо, по словам Бирд, «мир императора начинается в трапезном зале» (р. 86).

Этот мир имел физическое воплощение в архитектуре и организации обслуживания императорских резиденций (глава 4 «What's in a Palace?», в которой автор задается вопросом, где императоры жили и что они называли своим «домом», и показывает, как возникла и развивалась, воплощаясь в различных архитектурных решениях, сама идея императорского дворца, что он говорил об императоре и его власти, какие амбициозные претензии, помимо хвастливой показухи или столь же показной скромности, были заложены в его структуру). В следующих главах («Palace People: The Emperor in his Court» и «On the Job») рассказывается о том, какие люди непосредственно окружали императора, как были устроены дворцовые ритуалы, как можно было получить доступ к принцепсу, что конкретно последний делал, осуществляя свою власть (что ему приходилось читать, писать, диктовать), какое значение имели деньги и богатства как основа власти и отношений между правителем и подданными (ибо император не просто правил римским миром, но вместе со своей семьей владел значительной его частью, а раздача денег народу считалась неременной обязанностью императора). Глава 7 «Time off?» неслучайно имеет вопросительный знак в своем названии, поскольку, по мнению Бирд, понятия «досуг» и «свободное время» вводят в заблуждение, когда речь идет об автократическом правителе, тем более в Риме с его развитой индустрией публичных зрелищ, устройтелем, зрителем или же непосредственным участником которых был император. Отношение последнего к играм служило важным критерием его оценки, и «выходной день», проведенный императором в цирке, амфитеатре или в театре, мог иметь политическое значение и для него, и для собравшейся толпы зрителей.

В главе 8 «Emperors abroad» речь идет о путешествиях и военной роли императоров, прежде всего связанной с участием в боевых кампаниях. В роли военного лидера императоры, как справедливо полагает Бирд, должны были соблюдать тонкий баланс между образами верховного главнокомандующего и героического военачальника в традиционном римском стиле, ведущего свои войска в бой и являющегося боевым товарищем своих солдат. При этом, как не без иронии замечает автор, статуи императора в боевом облачении не просто увековечивали его роль как полководца, но также были ее заменой, помогая скрыть тот факт, что в реальной жизни император нечасто надевал доспехи.

Глава 9 «Face to Face» посвящена коммуникации императора с подданными, главным образом характеру и функциям императорских изображений (от монументальной скульптуры и монет до украшений и посуды, что делало их частью домашней повседневности, неким подобием современных магнитов на холодильник). Эти тщательно сконструированные образы власти первоначально были не унылым стереотипом, а шокирующим новшеством (the shock of the new), продуктом «скульптурной революции», восходящей к Юлию Цезарю и вылившейся при Августе в «стиль политического реализма»; причем портреты женщин императорской семьи были еще более революционным «постепенно разрушила отличительные структуры правительства, которые изначально ее создали, проложив путь единоличному правлению. Империя создала императоров, а не наоборот» (р. 32).

²² Такой подход характерен для новейших исследований. См. Vossing 2004; Roller 2022.

новшеством. Как признает автор, ясного ответа на вопрос, как обеспечивалось распространение по всей империи единообразных портретов, нет. Важно, что они не были посвящены индивидуальным личностям и мало что говорят о характере конкретного правителя, но чаще всего предстают как копия своего предшественника, что было полезной тактикой для утверждения прав на власть, а подчеркнутое отличие (скажем, «приземленность» в случае Веспасиана) было частью политического послания, а не раскрытием индивидуального характера²³. При этом изображения также должны были убеждать человека, занявшего престол, что он действительно был императором Рима.

В заключительной главе, озаглавленной известными словами Веспасиана «Кажется, я становлюсь богом», рассматриваются проблемы обожевления и культа императоров и отмечается, в частности, что кажущиеся необычными черты этой практики вполне вписываются в традиционные римские представления о том, кем были боги и как их власть действовала в мире, ибо аксиоматическая связь политики и религии создает контекст, в котором связи между императором и богами не кажутся столь надуманными и циничными, какими они выглядят на современный взгляд. В Эпilogue Бирд объясняет, почему завершает свое повествование 235 г. н.э., концом правления Александра Севера: дело не в том, что последующие императоры были «плохими», а не «хорошими» в традиционных терминах, а в том, что координаты того, что значило быть римским императором, резко изменились, и, хотя очевидные новшества последующего времени по отдельности не были столь большими, как их часто представляют, человеку, близкому к императорскому двору Юлиев-Клавдиев, мир Максимиана Фракийца или Гордианов показался бы странным и незнакомым местом. По мнению автора, к началу IV в. восстановление власти императора, по-видимому, произошло за счет увеличения дистанции между правителем и подвластными и миф об императоре как об «одном из нас» имел гораздо меньше смысла, чем прежде.

Каждая из глав содержит оригинальные суждения, среди которых можно выделить несколько наиболее интересных. Так, предлагая в главе 1 описание «императорской работы», Бирд ссылается на «Деяния божественного Августа», которые, по ее мнению, завещали три главных требования к последующим императорам: они должны осуществлять завоевания, быть благотворителями и финансировать новые здания или восстанавливать те, что пришли в упадок (при этом по поводу восстановленных Августом храмов Бирд остроумно замечает, что это, безусловно, было частью кампании «Сделаем Рим снова великим», которая проводилась после окончания гражданской войны) (р. 43). В качестве основополагающей противоречий принципа Бирд указывает на изначально заложенную в нем взаимозависимость императора и сената и на дестабилизирующее двоящееся значение. В этих отношениях «всё было не совсем так, как казалось. С обеих сторон редко имелось в виду именно то, что говорилось, и это расхождение между видимостью и реальностью питало недоверие» (р. 54). При этом, несмотря на такое двуличие, в большинстве своем сенаторы были готовы или рады сотрудничать с принцепсом, будь он «хорошим» или «дурным», и, хотя, очевидно, существовала тонкая грань между «сотрудничающими» и «коллорационистами», между вежливыми и подобострастными, благодаря таким людям система, созданная Августом, работала.

Говоря о людях, оказывавших на императорском престоле, Бирд справедливо подчеркивает, что правители во плоти были гораздо более разнообразны (в том числе и по этническому происхождению) и неоднозначны с точки зрения их морально-политических качеств, чем можно было бы себе представить, глядя на ряды похожих друг на друга императорских бюстов из белого мрамора. Как замечает автор, если императоров убивали,

²³ Частью этой императорской преемственности были мелкие корректировки и переделки, прослеживаемые на десятках сохранившихся скульптурных портретов, у которых головы или черты лица одного правителя заменяются на облик другого, что может быть истолковано не только как предание забвению предшественника, но и как показатель того, насколько взаимозаменяемыми были императоры.

потому что они были чудовищами, то столь же вероятно, что их превращали в монстров, потому что их убили; каково бы ни было их поведение при жизни, большая часть их посмертной репутации всегда определялась (и переопределялась) преемниками и иногда запутанными обстоятельствами наследования. В описаниях императорских пиршеств Бирд вновь указывает на границу, разделяющую повседневные реалии и фантазии, и подчеркивает, что целью рассказов о поведении и шутках императоров на пиру, независимо от их происхождения и от реальных злоупотреблений, был сам правитель. Эти анекдоты следует рассматривать не столько как свидетельства о реальных поступках императора, сколько как предупреждение последующим правителям о том, как не следует себя вести. Интересное объяснение дает Бирд присутствию на императорских обедах карликов и инвалидов, включая глухих или слепых: аномальные тела этих маргинальных персонажей помогали по контрасту определить тела тех, кого они «развлекали» (императора, знать или придворных) как совершенные, скрывая реальные телесные недостатки элиты.

Разбирая же конкретную «управленческую» работу императора, Бирд обращает внимание на то, что, независимо от того, кто был реальным составителем императорских решений, они воспринимались как исходящие непосредственно от правителя, и поэтому он был еще и тем, что он писал или говорил (р. 214). Она в целом солидарна с «примитивистской» концепцией Миллара, подчеркивая, что образ всемогущего императора, по щелчку пальца меняющего мир, более обманчив, чем образ усердного бюрократа, и столь же обманчива идея о том, что императоры или их советники разрабатывали политику как таковую, в современном смысле долгосрочного стратегического планирования (даже Август, осуществивший более «связанную» программу преобразований, чем любой более поздний правитель, был импровизатором, который стал стратегом в значительной степени в ретроспективе). По словам Бирд, значение многих императорских постановлений – от запрета кастрации до запрета оскорбительных пасквилей на знатных людей – было скорее символическим, чем практическим. Соглашается Бирд и с принятым в современной науке мнением, что, вопреки суждениям некоторых аналитиков в нынешних военных академиях, в Римской империи практически не было долгосрочной военной политики и тем более «большой стратегии»²⁴.

Безусловно, британская исследовательница права в своем итоговом выводе, заявляя, что императорская власть в Риме, как и во многих других автократических режимах, зависела от людей, которые ее принимали, к ней приспособлялись или даже считали ее удобной системой для жизни, никогда не зная никакого другого режима. Именно «этот коллаборационизм и это сотрудничество – осознанное или наивное, с благими намерениями или нет – поддерживали автократию» (р. 364–365). В то же время единичное правление показано в книге как неизбежное притворство и своеобразный перформанс, как переворачивание «естественного» порядка вещей и замена реальности обманом. По признанию Бирд, взгляд на самодержавие как на фундаментальную подделку, обман, кривое зеркало помог ей лучше понять древнеримскую политическую культуру и открыл глаза на политику современного мира; хотя императорский Рим может дать нам очень мало прямых уроков и тем более готовых решений нынешних проблем, изучение его истории помогает увидеть наш собственный мир по-другому. В таком признании, несомненно, сказывается общественный темперамент автора, для которого антиковедение не является сугубо академической, замкнутой на себе дисциплиной, но служит самопознанию современной цивилизации.

Таким образом, в понимании Бирд римский император предстает не столько как самовольный носитель индивидуальных качеств, делающих его образцом доблести или тиранства, не просто как воплощение функций, определяемых правом и идеологией, делегированными властными полномочиями и реализуемыми в повседневной государственной деятельности, но как многогранный образ, который создавался театрально-перформативными, символическими, изобразительными и вербальными

²⁴ Здесь автор выступает против известной концепции Э. Люттвака (Luttwak 1976). Обзор многолетних дискуссий по этом предмету см. Saez Geoffroy 2017.

средствами, ориентированными на ожидания и реакции людей на разных уровнях социальной иерархии. Этим и определяется специфика римского *emperorship*. Трудно, однако, согласиться с мнением уважаемого автора, что это была «фундаментальная подделка и обман». Правильнее всё же говорить об исторически сложившейся системе, которая формировалась из элементов и средств, имевшихся в распоряжении тогдашнего общества, во многих отношениях она была весьма эффективной и не вызывала массового отторжения и катастрофических сбоев.

3. О. ХЕКСТЕР: ИМПЕРАТОРСКИЕ РОЛИ И ОЖИДАНИЯ ПОДДАННЫХ В МЕНЯЮЩЕМСЯ РИМСКОМ МИРЕ

Во многом по тем же направлениям, что и Бирд, строит свое исследование Хекстер, останавливаясь на административной, военной, религиозной и гражданской ролях императора в столице и провинциях, на вербальных и иконографических формах их репрезентации, на непосредственном окружении правителя (прежде всего придворном). Всё это рассматривается через призму тех ожиданий подвластных, на которые вольно или невольно ориентировались верховные властители. Соответствующим образом выстраивается структура монографии, включающая Введение (с характерным подзаголовком «Императоры и ожидания») и четыре главы: 1) «Portraying the Roman Emperor», где исследуются разнообразные атрибуты и семантика образа императора (наименования и титулы, изображения, одеяние и такие инсигнии, как венок и скипетр); 2) «Playing Imperial Roles», где речь идет о соответствующих ролях императора и представлениях об образцовом правителе; 3) «Being around the Emperor», посвященная императорскому окружению – институциональному (сенаторы и епископы), придворному и семейному; 4) «The Emperor in the Capital and Provinces», в которой основное внимание уделено ожиданиям, относящимся к выполнению императором ролей гражданского, военного и религиозного правителя в столичном и провинциальном контекстах. В Заключении (с подзаголовком «Emperors in a Changing World») суммируются рассмотренные аспекты преемственности и эволюции императорской власти.

Таким образом, ключевыми категориями исследования Хекстера являются «изменения» и «ожидания», которые, по сути, и означают существенное новшество его подхода²⁵. В отличие от Миллара и Бирд, Хекстер существенно раздвигает хронологические рамки вплоть до конца правления Юстиниана (527–565), чтобы проследить изменения в характере и способах функционирования императорской власти, не упуская при этом из виду сохранявшуюся на протяжении 600 лет преемственность в ее сущности, атрибутах и функциях. Он, по сути дела, также берется определить, чем был римский император, отмечая, что четкой дефиниции до сих пор нет, как нет и бесспорной даты начала или конца римской императорской власти, что делает весьма насущной задачей выяснить, как *emperorship* формулировалось и воспринималось, балансируя «на туго натянутом канате» между необходимостью адаптации к меняющимся историческим условиям и сохранением континуитета. Решая эту сложную задачу, автор исходит из коренного противоречия в положении принцепса, который изначально возвышался как фактический монарх и в то же время должен был играть традиционные «сенаторские» (магистратские) роли в гражданской, военной и религиозной сферах. При этом императорская власть означала разные, подчас взаимоисключающие, вещи для разных людей в различных контекстах, и поэтому императору необходимо было быть разным в рамках существующих взглядов на мир. Хекстер дополняет определение Миллара: «император также был тем, что люди ожидали от него» (р. 16), а это во многом зависело от того, что делали и как оценивались предшествующие императоры, поскольку ожидания зависели от того, как люди воспринимали свое прошлое, какое поведение правителя считалось приемлемым или, напротив, вызывало критику по мере инкорпорации императорской власти в политический ландшафт.

²⁵ Ср. Feeney 2023.

На ожидания в немалой степени влияли и визуальные образы, формировавшие тот *metoyscape*, в котором жили подданные Империи. Автор по ходу изложения широко привлекает нумизматические и иконографические данные, которые отражены в многочисленных иллюстрациях и диаграммах и опираются на современные электронные базы данных, в том числе созданные при участии автора²⁶. Вполне обоснован (и созвучен мнению Бирд) вывод о том, что в императорских изображениях со временем важность демонстрации самой власти стала значить больше, чем передача индивидуальных черт правителей, но в целом сохранялась стабильность изобразительного языка и ключевых «посланий», хотя, разумеется, изображения позднеантичных императоров, увенчанных диадемами и одетых в пурпур, окруженных стражей и придворными, далеки от относительной простоты времен Августа. Постепенное утверждение этих атрибутов как приемлемых символов императорской роли показывает, по мнению Хекстера, те же противоречия между новшествами и традициями, которые возникали и в начале принципата, когда еще только складывалась практика изображения и именованя принцепса, в которой необходимо было избежать «царственности» (*appearing regal*), сохранить связь с римским гражданским коллективом и в то же время обозначить исключительность единоличного правителя. Подобно Бирд, нидерландский историк считает, что монументальные изображения императоров и ожидания, которые они создавали, влияли на действия самих императоров. Но такое влияние изображений едва ли возможно подтвердить каким-либо конкретным материалом, хотя если добавить сюда литературный дискурс и историческую память о военных достижениях прежних поколений римлян, данный вывод в целом можно принять.

Хекстер значительно больше, чем Бирд, уделяет внимания императорским именам и титулам, рассматривая их как своеобразный диалог между правителями и подданными, как одну из форм выражения ожиданий от власти и прослеживая связь их изменений с эволюцией государства и общества. Впрочем, вне поле зрения оказывается то великое разнообразие неофициальных титулов, которыми императоры наделялись на греческом Востоке империи²⁷. Хекстер тем не менее прав, связывая изменения в этой сфере с необходимостью сделать политические и религиозные новшества понятными римским подданным через продвижение тех или иных образов и идей, как показывают, например, рост числа «республиканских» титулов при Веспасиане, всплеск военных образов и имен в III в., появление диадемы в правление Константина.

Что касается тех ролей, которые играл император, то, по мнению Хекстера, относящиеся к ним ожидания оставались, на удивление, стабильными на протяжении столетий (одолеть врага, обеспечить *pac deorum* и при этом сохранить имидж «гражданского» магистрата), что серьезно ограничивало свободу императоров создавать собственную уникальную императорскую «личность». При этом отдельные аспекты этих ролей утверждаются не сразу. Так, божественный характер императорской власти лишь с течением времени становился приемлемым для большинства. Созданный Августом прецедент предполагал следование образу *civilis princeps* и сенаторскому идеалу *vir bonus dicendi peritus*, но, как замечает Хекстер, для большей части населения император в этой роли затмевался божественным и победоносным монархом. Также и роль судьи и законодателя была важна главным образом для элит Рима и провинций; соответственно, императоры, выступающие перед гражданами, редко изображались на монетах и памятниках²⁸. Для Хекстера это служит весомым аргументом, чтобы подвергнуть критике восходящее к Миллару представление об императоре как усердном администраторе. По словам автора, «император вполне мог тратить большую часть своего времени на административные дела (и в этом смысле он был тем, что он делал), но большинство его подданных ожидали, что он будет делать что-то другое» (p. 163), и это также было ожиданием, которому им-

²⁶ Такие как «Roman Imperial Portraits Dataset» (<https://imperialportraits.rich.ru.nl/>) и «Last Statues of Antiquity» (<http://laststatues.classics.ox.ac.uk/>).

²⁷ См. Махлаюк 2018.

²⁸ Подробнее см. Hexter 2020.

ператоры должны были соответствовать. В позднеантичный период «гражданская» роль императоров уменьшается, что отражается в изображении их преимущественно в «монархическом» облике, тогда как идея *civilis princeps* остается уделом речей и трактатов римской элиты, хотя не исчезает полностью и во времена Юстиниана. Ставя вопрос об относительной значимости трех главных ролей императора, Хекстер обращается к анализу нумизматического материала, суммируя его в диаграммах, которые наглядно показывают усиление акцента на военной роли императора за счет гражданской. И хотя баланс между тремя различными ролями менялся, любому императору было трудно и даже невозможно полностью игнорировать любую из них, и в этом смысле *emperorship* демонстрирует поразительную преемственность.

Такую же преемственность, даже после переноса столицы и христианизации в позднеимперский период, Хекстер обнаруживает и в составе императорского окружения. Констатируя, что в начале принципата не существовало ни официальных помощников и советников императора, ни системы назначения на управленческие посты, он подчеркивает, что принцепсу необходимо было публично взаимодействовать с традиционной элитой и оказывать ей должное почтение, что придавало этой элите весомый статус и поощряло ее судить об императоре по республиканским критериям. Это было выгодно как сенаторам, которые сохраняли свою общественную значимость, так и императору, который мог упрочить свою легитимность за счет поддержки традиционной элиты. Сенаторы были нужны как символ: они обеспечивали связь с прошлым и преемственность правления. Сенат функционировал как своего рода противовес верховной власти императора, даже если отдельные сенаторы полностью были обязаны императору своей карьерой и жизнью. Контроль над неограниченной властью действовал в том смысле, что «хорошие» императоры должны были соблюдать сенаторские нормы. Аналогичную позицию в своих взаимоотношениях с императором занимали епископы в эпоху Поздней империи.

В русле новейших исследований императорского двора Хекстер обращает внимание на отсутствие в Римской империи придворной аристократии, чье положение и богатство зависели от должностей при дворе. Решающим фактором было только благорасположение правителя, а это значило, что огромное влияние на императора могли получить лица, которые иными путями никогда бы не поднялись по иерархической лестнице. В целом же друзья и советники принцепса – официальные и неофициальные – были заинтересованы в сохранении имперской системы, вполне могли сотрудничать с разными правителями и изменять некоторые идеи императора; не подлежит сомнению, что большая часть повседневных дел при дворе и мелкие запросы, поступающие императору, решались его окружением ('*establishment teams*'). Анализ роли женщин из императорской семьи показывает заметную преемственность в ожиданиях, связанных с их поведением, хотя, по-видимому, положение изменилось после того, как империя стала христианской, когда элитой было признано влияние императриц; положение последних тем не менее никогда не было формализовано, как и назначение императорских наследников (лишь в поздней Империи назначение молодых сыновей наследниками и соправителями стало нормой и было настолько близко к формальной процедуре, насколько это вообще возможно в Риме; неудача же тетрархии, вероятно, объясняется тем, что исключение сыновей императоров из системы власти противоречило традиционным ожиданиям). Так или иначе, определяющую роль играли противоречия между представлениями о гражданском и авторитарном правлении, между растущим признанием среди элиты влияния женщин и «людей императора» и сохраняющимся среди той же элиты представлением о надлежащем «традиционном» способе управления империей.

Важное новшество в работе Хекстера – рассмотрение региональных различий в восприятии образа императора, их обусловленности доимперскими традициями и специфическими локальными *metoyscapes* (дворцовым комплексом на Палатине в Риме, общественными пространствами в провинциальных городах и т.д.). Выбор того или иного варианта репрезентации главы империи был тесно связан с выгодами, которые это

приносило лицам, возводившим памятник или инициировавшим культовое почитание императора. При этом если изображения императоров в восточных городах более явно включались в локальный контекст, то в западных провинциях – больше следовали образцам, исходившим из центра. Местные элиты на западе выпускали провинциальные монеты, чтобы продемонстрировать свою преданность Риму и подчеркнуть свою «римскость», в то время как монеты греческих городов подчеркивали, какую выгоду приносила близость к императору конкретному городу и его элите. Эти местные интерпретации, по мнению Хекстера, были лишь разным «выражением» императорской власти (a different 'phrasing' of emperorship), а не иной идеей о том, кем должен был быть и что делать император. В столице и в провинциях люди имели разные ожидания, но эти ожидания были ограничены довольно статичным репертуаром императорских ролей.

Подводя итоги своего исследования, Хестер делает парадоксальное утверждение, опять-таки акцентируя роль ожиданий: «Римского императора не существовало. Конечно, большую часть времени <...> в Риме, а позже в Константинополе был человек, который фактически правил империей и именовался Августом. Но ожидания того, каким должен быть этот человек и что он должен делать, сильно различались. Разные люди в разных контекстах и в разное время точно знали, чего ожидать от своего императора. Однако эти люди не обязательно соглашались друг с другом. То, что были такие разные ожидания, имело значение. Они влияли на то, как изображались и описывались императоры, как их помнили, на людей, которые их окружали, и даже на то, как они действовали» (р. 326). При этом ожидания относительно границ приемлемости постепенно расширялись через прецеденты (в одежде, титулах, символах власти), делая ранее неодобряемые способы поведения нормой, но всё это оставалось неформализованным в «официальном» или юридическом смысле. Часто действия считались приемлемыми, если их совершал император или императрица, которых относили к «хорошим», тогда как то же самое поведение осуждалось для «плохих» властителей. Используемые для понимания императорской власти концепты и образы со временем меняли свое значение, но ее изменявшийся облик оставался укорененным в прошлом, а императоры продолжали быть разными для разных людей. Римским императорам, таким образом, приходилось быть многогранными и считаться с противоречивыми ожиданиями. Поэтому тот калейдоскопический образ «императорства», что представлен в источниках, – это не искажение, а отражение множества ролей, которые должен был играть каждый император. Именно в этом смысле не существовало такого понятия, как римский император. Сами же ожидания людей от своего императора во многом определялись местными традициями, но, главное, тем, как вели себя и какую память о себе оставили предыдущие правители, как они запечатлелись в памятниках и рассказах. Соответственно, даже с точки зрения репрезентации императоры были в основном пассивными правителями, реагирующими на ожидания своих подданных, но некоторым из них удавалось, несмотря на конфликты с определенными группами, производить изменения. Поскольку постоянно взаимодействовали различные способы формулирования и переформулирования императорской власти, можно говорить, что коммуникация по ее поводу шла и сверху вниз, и снизу вверх, существовали определенные местные и социальные диалекты и дискурсы, посредством которых представлялась императорская власть, а формулирование императорской власти было в равной степени игрой в испорченный телефон (a game of Chinese whispers) и целенаправленной пропагандой.

4. П. ХРИСТОФОРУ: МНОГОГРАННЫЙ ИМПЕРАТОР МЕЖДУ РЕАЛЬНОСТЬЮ И ВООБРАЖЕНИЕМ

Эта сущностная многогранность римского императора находится и в центре внимания Христофору (характерно, что предисловие к его книге называется «In omnibus varius – A Multifaceted Emperor»). Предлагаая не столь широкий охват граней римской императорской власти, как Бирд и Хекстер, британский историк тоже стремится показать, кем император был с точки зрения жителей Империи, что и как люди говорили и думали о нем, какие

ожидания на него возлагались. Положение императора, по Христофору, характеризуется набором бинарностей: пассивный администратор, отвечающий на петиции, и божественная фигура, средоточие культа; принцепс среди *cives* и фактически высший властитель, который стоял над законами, но жил в соответствии с ними; лицо, радикально свободное от принуждения и скованное обязанностями быть моральным образцом. Христофору, делая акцент на лиминальности императора как фигуры, занимающей пространство между реальным и воображаемым, интересуется не внешними проявлениями этого положения, но самой идеей «императорства», какой она была у подданных. Так же как Хекстер, он во главу угла ставит ожидания подданных как один из факторов, определявших поведение и восприятия правителя. Речь идет о том, что автор определяет понятием «*thought-world about the Roman emperor*» – «мир мыслей о римском императоре», который помещал императора между неформальной внеконституционной властью и политическими институтами, должностями и обычаями. Свою задачу Христофору видит в том, чтобы обнаружить в имеющихся свидетельствах «глас народа» (*the 'Popular' Voice*) (хотя его зачастую трудно отделить от мнений элиты) и оценить потенциал множественности голосов в разговорах об императоре. В отличие от нидерландского коллеги, британский историк фокусируется на письменных источниках, используя иконографические и нумизматические материалы лишь для контраста.

В главе 1 «*A History of the Roman Emperor*» обсуждается многозначность императора, заложенная в самом его «конституционном» положении и способствовавшая его восприятию как многогранной и трансцендентной фигуры, ибо он был не только принцепсом в самом Риме, но и высшим магистратом, гегемоном, *басилевсом* или даже богом по всему римскому миру. Именно через эти различные его роли Христофору стремится воссоздать «гобелен мнений» вокруг идеи императорской власти, учитывая конкретные контексты, в которых эти мнения возникали и циркулировали (при императорском дворе, в цирке, в провинциальных городах и т.д.). Сама фиксация в источниках таких мнений (пусть даже анекдотических и вымышленных) свидетельствует, что император и его окружение были объектом пристального внимания и прямой коммуникации со стороны римского народа, а сам принцепс был «*challengeable and criticisable*», т.е. рассматривался как тот, кому может быть брошен вызов и адресована критика. При этом для Христофору важно рассмотреть восприятие римского императора снизу вверх, с точки зрения подданных, а не сверху вниз, т.к. римская политическая идеология основывалась на ожиданиях и контроле не только элиты, но и на идее о суверенитете *populus Romanus*. Поэтому то, что люди думали об императоре, действительно имело значение для функционирования системы. Ожидания обуславливались правовой традицией и прецедентами, число которых все более увеличивалось с каждым новым императором, а также примерами из прошлого, которые не обязательно были исключительно римскими. Не важно, насколько эмпирически реальными были рассказываемые истории (например, об императорах и разбойниках), важно, что само воображение отражает то, что люди думали об императоре.

Всё это было частью того диалога, через который в обществе формировался образ императорской власти в разных ее «ипостасях», таких как правосудие и благодеяния, которые рассматриваются соответственно в главе 2 «Император как арбитр правосудия» и главе 3 «Щедрость римского императора» (в этой главе автор касается также вопросов династического преемства, передачи, легитимности и акцептации власти). При обсуждении проблемы легитимности императорской власти Христофору обращает внимание на неформальный способ выражения конституционных урегулирований (*settlements*). В частности, такое неформальное утверждение императора происходило на конституционных аренах, принцепс был активно включен в общественную жизнь и гражданские ритмы Рима. Христофору, таким образом, модифицирует известную концепцию Э. Флайга об акцептации императора²⁹, указывая, что не менее важными факторами «принятия»,

²⁹ Flaig 1992.

чем действия трех главных сил (армии, сената и столичного плебса), были связи претендента на власть с *Domus Augusta* (т.е. династический момент) и влияние, приобретенное благодаря республиканским магистратурам, а успех акцептации и будущая репутация императоров зависели от его щедрости.

Две следующие главы посвящены темам, которые лишь недавно стали предметом специального интереса. В главе 4 «Wonder Tales» рассматриваются чудеса, которые связывались с императорами (это и рассказы о *mirabilia*, и собрания диковин, и предметы, демонстрируемые в триумфах, сцены на зрелищах). Здесь, по словам автора, мы имеем дело с таким взглядом на мир, в котором император опять-таки оказывается лиминальной фигурой, находящейся между полюсами морали, власти и божественности. В соответствующих рассказах император одновременно предстает арбитром и покровителем диковинного и сам является монстром, изображается как персонаж героический, мифический, чудесный и ужасающий. Близость императора к диковинам и чудесам позволяла воображению придавать императору фантастические и чудовищные образы, делая объектом удивления и страха и показывая, чем казался император. Чудесные истории были частью народного дискурса об императоре, сопровождавшего его на протяжении всего правления и после. Этот дискурс является основной темой главы 5 («Wisdom and Wit: Making Fun of the Emperor»), которая посвящена политическому юмору, связанному с императорами. Автор сначала обращается к тому, что он называет «публичные и скрытые транскрипты в императорском юморе», и показывает, как юмористические эпизоды и анекдоты, где император был главным адресатом (или источником) шуток, служили для моральных интерпретаций и критических оценок отношений между правителем и подвластными.

Наибольшей оригинальностью суждений отличается глава 6 «Жизнь в Золотой век, или император как темпоральная фигура», в которой анализируется сложная темпоральность, окружавшая императора как трансцендентную персону во времени и связанная с критикой его наследия и памятью о нем. Этот раздел, пожалуй, наиболее насыщен глубокомысленными обобщениями, которые, однако, не всегда сформулированы достаточно внятно и не просты для восприятия. Христофору, в частности, показывает, что в новых календарных системах, использовавших датировки по годам правления императора, последний становится фактором понимания и организации времени, который не вытесняет другие формы времени, а, скорее, взаимодействует с ними и проникает в них, превращаясь в общий знаменатель для различных эпистемологий видения мира, что указывает на всепроникающее значение императора в умах и жизни его подданных. Такая темпоральность находится в постоянном диалоге с прецедентами прошлого, образом настоящего и проекциями в будущее. Соответственно, автор подробно характеризует «императорское настоящее», «императорское прошлое» и «императорское будущее». В «настоящее» автор включает концепт «золотой век», который означает время изобилия и удачи и позволяет возвысить правящего императора над прошлым, сделав его правление исключительным в сравнении с другими. Этот концепт дает возможность под новым углом зрения раскрыть многие темы, рассмотренные в предыдущих главах: желание справедливости, надежды на изобилие и щедрость, причастность к чудесному и сверхъестественному, близость императора к людям более низкого социального положения и юмористический дискурс в отношении императора. Образы золотого века, связанные со взглядами не только элит, но и простого народа с религией и императорским культом, были мощным инструментом в формировании представлений о том, кем был и кем мог быть император – гарантом мира, поборником справедливости, щедрым благодетелем, посредником между известными и неизвестными явлениями в мире, маркером времени и чести, фактором идентичности индивидов и сообществ.

Анализируя «императорское прошлое», Христофору подчеркивает осознанное переформирование прошлого в римской культуре, прежде всего в историографии, способной проблематизировать наследие предыдущих императоров. Историография служила более широкому восприятию императора, формируя авторитетные взгляды для

потомков, и, таким образом, была важной частью дискурса о том, кем должен был быть император. Император не имел полного контроля над историописанием, несмотря на свою огромную власть и ресурсы для формирования нарративов в слове, иконографии и памятниках. Подобные игры памяти, по мнению автора, означают, что прошлое императора всегда было плодородной почвой для взаимодействия и голос императора, хотя и был весьма весомым, ни в коем случае не был единственным. «Императорское будущее время» (Imperial Futures) трактуется на основе анализа Сивиллиных оракулов, упоминающих императоров-самозванцев и «воскресшего» Нерона. Эти тексты обнаруживают, что будущее невозможно представить без ссылки на римское могущество, воплощаемое императором; даже люди, страдавшие под игом Рима, от которых можно было бы ожидать сопротивления и которые жили вдали от Рима, не могли мыслить себя вне римской власти. Рассматриваемая таким образом фигура императора приобретает вневременной характер. Император становится маркером, который может выходить за рамки времени и организовывать его, но на самом деле он остается включенным в постоянный диалог с прецедентами и примерами прошлого, ограничениями и ожиданиями настоящего, тревогами и неопределенностью будущего.

В общих итогах своего исследования, суммированных в заключительном разделе «Coda: The Worlds of the Roman Emperor», Христофору, отталкиваясь от идеи итальянского философа Дж. Агамбена о двух жизнях, заключенных в фигуре принцепса (природной и священной)³⁰, подчеркивает, что главный парадокс римского императора как исторического явления заключается в напряженном сосуществовании различных статусов в самом императоре с надеждами, страхами, ожиданиями его подданных. Император был одновременно и личностью, и символом. При этом содержание понятия «быть императором» менялось и развивалось в зависимости от личности того, кто им становился, и таким образом было связано с ним и памятью о нем в будущем, но также переосмысливалось с каждым последующим правителем. Всё это делает римское emperorship феноменом динамичным, запутанным и трудным для теоретизирования. Но его сущность так или иначе раскрывается, помимо прочего, в курьезных высказываниях, анекдотах и историях об императоре, известных в древности. В связи с этим Христофору видит новизну своего исследования в использовании широкого спектра такого рода свидетельств, поскольку они имеют фундаментальное значение для понимания императора с точки зрения того, как его воспринимали.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя же общий итог нашего обзора, следует констатировать, что предложенные в трех новых книгах ответы на вопрос «Кем был римский император?», безусловно, заслуживают внимания как некая кульминация ранее намечившейся тенденции в современной историографии рассматривать феномен императорской власти (emperorship) не только и не столько в его традиционных институциональных или биографических «измерениях», как совокупность объективированных структур и практик, его составляющих, как некую надстройку над огромным зданием мировой средиземноморской державы, как набор индивидуальных траекторий власти, сколько как сложную коммуникативную систему, в которой имели место многообразные подспудные взаимодействия, горизонтальные и вертикальные, властителей и подвластных. Такой подход, по-особому нюансированный в каждой из рассмотренных книг, несомненно, обеспечивает гораздо более объемное видение и более целостное понимание феномена римской императорской власти и принципата в целом по сравнению с тем, что дают влиятельные концепции Ф. Миллара и Э. Флайга, поскольку доказательно демонстрируют важную, если не сказать, ключевую, роль тех факторов, которые раньше либо недооценивались, либо вообще не принимались в расчет, а именно: зависимость императорской власти от ожиданий и реакций под-

³⁰ Христофору ссылается на работу Agamben 1998 (рус. пер.: Агамбен 2011).

властных, от тех ментальных комплексов (thought-worlds в терминологии Христофору), которые формировались относительно императорской власти и транслировались самыми разнообразными средствами от анекдотов и придворных сплетен до монетных изображений и дискурсов императорских указов, от элитарной литературы (включая историографию) до зрелищ и монументальных «мест памяти» в имперских городах. Думается, в данном направлении имеются интересные перспективы дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Agamben, G. 1998: *Homo sacer: Sovereign Power and Bare Life*. Stanford.
- Agamben, D. 2011: *Homo sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn'* [*Homo sacer: Sovereign Power and Bare Life*]. Moscow.
- Агамбен, Дж. 2011: *Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь*. М.
- Ando, C. 2024: Petition and Response, Order and Obey: Contemporary Models of Roman Government. *Journal of Epigraphic Studies* 7, 129–144.
- Arena, P. 2010: *Feste e rituali a Roma: il principe incontra il popolo nel Circo Massimo*. Bari.
- Beard, M. 2014: *Laughter in Ancient Rome: On Joking, Tickling, and Cracking Up*. Oakland.
- Beard, M. 2017: *SPQR: Istoriya drevnego Rima* / Per. s angl. D. Popovoj [SPQR: *A History of Ancient Rome*]. Moscow.
- Бирд, М. 2017: *SPQR: История древнего Рима* / Пер. с англ. Д. Поповой. М.
- Beard, M. 2018: *Zhenshchiny i vlast': manifest* / per. s angl. N. Mezina [*Women and Power. A Manifesto*]. Moscow.
- Бирд, М. 2018: *Женщины и власть: манифест* / Пер. с англ. Н. Мезина. М.
- Beard, M. 2019: *Civilizatsii: Obrazy lyudey i bogov v iskusstve ot Drevnego mira do nashikh dney* / per. s angl. N. Narcissovoy [*Civilisations: How do we look. The eye of faith*]. Moscow.
- Бирд, М. 2019: *Цивилизации: Образы людей и богов в искусстве от Древнего мира до наших дней* / Пер. с англ. Н. Нарциссовой. М.
- Beard, M. 2020. How to Be an Emperor: Re-reading Fergus Millar's 'The Emperor in the Roman World', *The Times Literary Supplement*, 24 July 2020. URL: www.thetls.co.uk/articles/how-to-be-a-roman-emperor-essay-mary-beard/ (дата обращения: 07.10.2024).
- Beard, M. 2023: *Emperor of Rome: Ruling the Ancient Roman World*. New York.
- Beard, M. 2024: *L'imperatore di Roma. Il potere nel mondo antico*. Milano.
- Beard, M. 2025: *Smekh v Drevnem Rime: kak shutili i nad chem smeyalis' v Vechnom gorode* / per. s angl. P. Zaykov [*Laughter in Ancient Rome: How They Joke and What They Laughed in the Eternal City*] / Transl. by P. Zaykov]. Moscow.
- Бирд, М. 2025: *Смех в Древнем Риме: как шутили и над чем смеялись в Вечном городе* / Пер. с англ. П. Зайков. М.
- Benoist, S. 2001: Le prince en représentation: visibilité et accessibilité du pouvoir impérial romain, d'Auguste à Constantin. In: M. Molin (éd.), *Images et représentations du pouvoir et de l'ordre social dans l'Antiquité, Actes du colloque, Angers, 28–29 Mai 1999*. Paris, 249–259.
- Benoist, S. 2005: *Rome, le prince et la Cité. Pouvoir impérial et cérémonies publiques (Ier siècle av. – début du IVe siècle ap. J.-C.)*. Paris.
- Berry, S. 2013: *Berufsziel: Römischer Kaiser: Ausbildung – Bewerbung – Karriere*. Darmstadt–Mainz.
- Bönisch-Meyer, S. 2021: *Dialogangebote. Die Anrede des Kaisers jenseits der offiziellen Titulatur*. Leiden–Boston.
- Burgersdijk, D.W.P., Ross, A.J. (eds.) 2018: *Imagining Emperors in the Later Roman Empire*. Leiden–Boston.
- Burrell, B. 2024: Review of *Emperor of Rome: Ruling the Ancient Roman World* by Mary Beard. New York: Liveright, 2023. Pp. xvii + 493. ISBN 978-0-87140-422-0. *American Journal of Archaeology* 128.4, 123–125.
- Bleicken, J. 1982: Zum Regierungsstil des römischen Kaisers: eine Antwort auf Fergus Millar. *Sitzungsberichte der Wissenschaftlichen Gesellschaft an der Johann-Wolfgang-Goethe-Universität Frankfurt am Main* 18, 183–215.
- Christoforou, P. 2016: *Living in an Age of Gold: Being a Subject of the Roman Emperor*. PhD Thesis. University of Oxford.
- Christoforou, P. 2023: *Imagining the Roman Emperor: Perceptions of Rulers in the High Empire*. Cambridge–New York.

- Davenport, C., Malik, S. (eds.) 2024: *Representing Rome's Emperors: Historical and Cultural Perspectives through Time*. Oxford.
- Davenport, C., McEvoy, M. (eds.) 2023: *The Roman Imperial Court in the Principate and Late Antiquity*. Oxford.
- De Blois, L., Erdkamp, P., Hekster, O. et al. (eds.) 2003: *The Representation and Perception of Roman Imperial Power: Proceedings of the Third Workshop of the International Network Impact of Empire (Roman Empire, c. 200 B.C.–A.D. 476), Rome, March 20–23, 2002*. Amsterdam.
- Feeney, K. 2023: Review of: Olivier Hekster, *Caesar Rules: the Emperor in the Changing Roman World (c. 50 BC – AD 565)*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2023. *Bryn Mawr Classical Review* (<https://bmcr.brynmawr.edu/2023/2023.09.18/>).
- Flaig, E. 1992: *Den Kaiser herausfordern. Die Usurpation im Römischen Reich*, Frankfurt am Main–New York.
- Gangloff, A. (ed.) 2022: *The Emperor's Qualities and Virtues in the Inscriptions from Augustus to the Beginning of Constantine's Reign: "Mirrors for Princes"?* Leiden–Boston.
- García Ruiz, M. P., Quiroga Puertas, A. J. (eds.) 2021: *Emperors and Emperorship in Late Antiquity: Images and Narratives*. Leiden–Boston.
- Hekster, O. 2015: *Emperors and Ancestors: Roman Rulers and the Constraints of Tradition*. Oxford.
- Hekster, O. 2020: Imperial Justice? The Absence of Images of Roman Emperors in a Legal Role. *Classical Quarterly* 70.1, 247–260.
- Hekster, O. 2023: *Caesar Rules: The Emperor in the Changing Roman World (c. 50 BC – AD 565)*. Cambridge–New York.
- Hopkins, K. 1978: Rules of Evidence. The Emperor in the Roman World (31 B.C.–A.D. 337) by Fergus Millar. *JRS* 68, 178–186.
- Kelly, B., Hug, A. (eds.) 2022: *The Roman Emperor and His Court, c. 30 BC – c. AD 300*. Vol. 1: *Historical Essays*; Vol. 2: *A Sourcebook*. Cambridge.
- Laurence, R., Paterson, J. 1999: Power and Laughter. Imperial dicta. *The Papers of the British School at Rome* 47, 183–197.
- Luttwak, E. 1976: *The Grand Strategy of the Roman Empire: from the First Century AD to the Third*. Baltimore.
- Makhlaiuk, A.V. 2018: Rimskiy imperator kak pravitel' vselennoy v politicheskom diskurse grecheskikh nadpisey [The Roman Emperor as a Ruler of the Universe in the Political Discourse of the Greek Inscriptions]. In.: V.V. Demytyeva (ed.), *Drevnie tsivilizatsii: sotsium i chelovek: doklady konferentsii Rossiyskoy associatsii antikovedov s mezhdunarodnym uchastiem YarGU im. P.G. Demidova*, 4–6 oktyabrya 2018 g. [Ancient Civilizations: Society and Man: Proceedings of the Conference of the Russian Association of Classical Scholars with the International Participation at the Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, October 4–6, 2018]. Yaroslavl, 139–149.
- Махлаюк, А.В. 2018: Римский император как правитель вселенной в политическом дискурсе греческих надписей. В сб.: В.В. Дементьева (отв. ред.), *Древние цивилизации: социум и человек: доклады конференции Российской ассоциации антиковедов с международным участием ЯрГУ им. П.Г. Демидова*, 4–6 октября 2018 г. Ярославль, 139–149.
- Makhlaiuk, A.V. 2020: Emperors' Nicknames and Roman Political Humour. *Klio* 102.1, 202–235.
- Makhlaiuk, A.V. 2024: Rimskiy imperatorskiy dvor kak politicheskiy i sotsiokul'turnyy fenomen [The Roman Imperial Court as a Political and Socio-Cultural Phenomenon] (B. Kelly, A. Hug (eds.). *The Roman Emperor and His Court, c. 30 BC – c. AD 300*. Vol. 1: *Historical Essays*. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. xix, 585 p.; Vol. 2: *A Sourcebook*. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. xxxvi, 295 p.). *Vestnik drevnej istorii [Journal of Ancient History]* 84/1, 184–193.
- Махлаюк, А.В. 2024: Римский императорский двор как политический и социокультурный феномен (B. Kelly, A. Hug (eds.). *The Roman Emperor and His Court, c. 30 BC – c. AD 300*. Vol. 1: *Historical Essays*. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. xix, 585 p.; Vol. 2: *A Sourcebook*. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. xxxvi, 295 p.). *ВДИ* 84/1, 184–193.
- Millar, F. 1977: *The Emperor in the Roman World (31 B.C.–A.D. 337)*. London.
- Noreña, C.F. 2011: *Imperial Ideals in the Roman West: Representation, Circulation, Power*. Cambridge.
- Roller, M.B. 2022: Dining and Hunting as Courtly Activities in the Roman Empire. In: Kelly, B., Hug, A. (eds.) 2022, 318–348.
- Rollinger, C. 2024: *Zeremoniell und Herrschaft in der Spätantike: Die Rituale des Kaiserhofs in Konstantinopel*. Stuttgart.

- Russell, A., Hellström, M. (eds.) 2020: *The Social Dynamics of Roman Imperial Imagery*. Cambridge–New York.
- Saez Geoffroy, A. 2017: Estrategia e Imperio Romano: un balance historiográfico a 40 años de la publicación de *The Grand Strategy of the Roman Empire*. *Historias del Orbis Terrarum* 14, 1–25.
- Sidebottom, H. 2024: Demigod Behind a Desk? *Literary Review*. 24 January 2024. URL: <https://literaryreview.co.uk/demigod-behind-a-desk> (дата обращения: 03.10.2024).
- Smyshlyaev, A.L. 1991: Rimskaya imperatorskaya vlast' epokhi principata v sovremennoy zarubezhnoy istoriografii (obzor) [Roman Imperial Power of the Principate Era in the Modern Foreign Historiography (Review)]. *RZH INION AN SSSR. Aktual'nye problemy pravovedeniya* [Referential Journal Institute of Scientific Information on Social Sciences of the USSR Academy of Sciences. Actual Problems of Jurisprudence] 5, 67–78.
- Смышляев, А.Л. 1991: Римская императорская власть эпохи принципата в современной зарубежной историографии (обзор). *РЖ ИНИОН АН СССР. Актуальные проблемы правоведения* 5, 67–78.
- Stothard, P. 2023: *Palatine: An Alternative History of Caesars*. London.
- Vedeshkin, M.A. 2021: Ot «grechishki» do «molnii»: o mnogikh prozvishchakh imperatora Yuliana [From “Greekling” to “Thunderbolt”: the Many Nicknames of Emperor Julian]. *Odissey. Chelovek v istorii. Sotsial'nye kategorii i ikh interpretatsiya na yazyke metaphor* [Odysseus. Man in History. 2021] (29), 176–200.
- Ведешкин, М.А. 2021: От «гречишки» до «молнии»: о многих прозвищах императора Юлиана. *Одиссей. Человек в истории. 2021. Социальные категории и их интерпретация на языке метафор* (29), 176–200.
- Vedeshkin, M.A. 2022: “Pivnyak”, “Myasnik” i “Zmeevik”: prozvishcha rimskikh imperatorov kontsa IV – nachala VI vv. [“The Beerdrinker”, “The Butcher” and “The Snake”: Nicknames of Roman Emperors of the Late 4th – Early 6th Century AD]. *Odissey. Chelovek v istorii*. [Odysseus. Man in History. 2022] (28), 274–301.
- Ведешкин, М.А. 2022: «Пивняк», «Мясник» и «Змеевик»: прозвища римских императоров конца IV – начала VI вв. *Одиссей. Человек в истории. 2022. Homines novi: новые социальные группы в жизни общества; Смерть внезапна!* (28), 274–301.
- Veyne, P. 2002: Qu''était-ce qu'un empereur romain? *Diogenes* 199, 3–25.
- Veyne, P. 2003: What was a Roman Emperor? Emperor, Therefore a God. *Diogenes* 50.3, 3–21.
- Veyne, P. 2005: *L'Empire gréco-romain*. Paris.
- Vossing, K. 2004: *Mensa Regia: Das Bankett beim hellenistischen König und beim römischen Kaiser*. Munchen–Leipzig.
- Wallace-Hadrill, A. 1982: Civilis Princeps: Between Citizen and King. *JRS* 72, 32–48.
- Winterling, A. 1999: *Aula Caesaris. Studien zur Institutionalisierung des römischen Kaiserhofes in der Zeit von Augustus bis Commodus (31. v. Chr.–192 n. Chr.)*. München.

Aleksandr V. Makhlaiuk

А.В. Махлаюк

Lobachevsky State University
of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia
E-mail: makhl@imomi.unn.ru
ORCID: 0000-0002-7758-2374
Acknowledgements: Russian Science Foundation,
project no. 20-18-00374 П

д.и.н., профессор,
заведующий кафедрой истории
древнего мира и Средних веков
ННГУ им. Н.И. Лобачевского
Нижний Новгород, Россия

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2025), 247–257
© The Author(s) 2025

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2025), 247–257
©Автор(ы) 2025

DOI: 10.18503/1992-0431-2025-1-87-247–257

ОБЗОР ИЗУЧЕНИЯ АНТИЧНЫХ СВЕТИЛЬНИКОВ В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Г.С. Чебышев

Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия

E-mail: chebyshev.george0480@gmail.com

ORCID: 0009-0002-0105-0272

В статье рассмотрены наиболее значимые зарубежные исследования по античным светильникам с конца XIX в. и по настоящее время, в частности труды З. Лешке, О. Бронира, Р. Хауленда и Д. Бейли, а также публикации музейных каталогов, отдельно экземпляров, а также междисциплинарные исследования с применением современных методов. Автор выделяет особенности методологии изучения, анализа и публикаций светильников. Особое внимание уделяется вопросу формирования и изменения систем датирования различных типов светильников.

Ключевые слова: археология, антиковедение, историография, история изучения, керамические светильники, типология, классификация

Античные масляные светильники являются отдельной группой среди так называемых «массовых находок». По сложившейся традиции, историю изучения светильников, в том числе и керамических, принято рассматривать вне других типов сосудов. Соответственно, для данной группы изделий были разработаны собственные типологии и классификации. Важно отметить, что вплоть до начала 1990-х гг. в отечественной научной традиции светильникам практически не уделялось должного внимания. Тем не менее, история отечественных исследований ламп кратко представлена в публикациях Д.В. Журавлева и И.М. Шейко¹.

Данные об авторе. Георгий Сергеевич Чебышев – аспирант ИА РАН.

¹ Журавлев и др. 2007, 26–29; Шейко 2013, 42–47.

Первые попытки систематизировать и ввести античные светильники в научный оборот были предприняты в конце XIX в. В 1896 г. О. Фишбах публикует светильники, найденные при раскопках в Поэтовии, римском военном поселении в провинции Паннония на территории современной Словении². Основываясь на 408 обнаруженных предметах данной группы, автор выделил две крупные категории светильников римского времени: Bildlampen (светильники с сюжетами на щитках) и Firmalampen (светильники с клеймом, обозначающим принадлежность к мастерской). В работе предложена одна из наиболее ранних терминологий для этого типа предметов, которая все еще популярна и у современных исследователей. В своей публикации Фишбах пользуется весьма своеобразной датировкой светильников. Учитывая то, что ряд предметов обозреваемой группы был обнаружен в погребениях, автор счел логичным датировать их по монетам с изображением римских политических деятелей, обнаруженных в комплексах. Таким образом светильники получают хронологическое деление, основанное на годах нахождения у власти того или иного политика. Наиболее ранние предметы Фишбах относит ко второй половине I в. до н.э., соотнося их с монетами Марка Агриппы. При датировке позднейших светильников используются комплексы с монетами Валента II, которые относятся ко второй половине – концу IV в. н.э.

В 1914 г. Г. Уолтерс впервые выпускает каталог светильников из собрания Британского музея³. Как и его современники, автор делит светильники на две массивные группы: греческие и римские. Основываясь на технике изготовления и материале, Уолтерс выделяет следующие подгруппы: лепные светильники; светильники, сделанные на гончарном круге; светильники, оттиснутые в форме, а также металлические светильники. Выборка керамических светильников состоит из 1267 экз., металлических – 124, каменных – 5. Интересно отметить, что отдельное внимание в работе уделяется другим предметам, которые дополнительно применялись для освещения в эпоху античности. Так, Уолтерс указывает в каталоге различные фонари и подставки для светильников, а также клещи, которые, по мнению исследователя, могли использоваться при перемещении светильников. Помимо этого, в каталоге указано несколько сосудов, которые использовались для наполнения светильников маслом⁴. К их числу Уолтерс относит и чернолаковый аск, хотя обычно сосуды такого типа не использовались для заливания жидкостей в светильники. Автор приводит подробное описание различных сюжетов, изображавшихся на щитках светильников, а также перечень «надписей», в которые он включает клейма, граффити и дипинти. В некоторых случаях Уолтерс выделяет у инскрипций votивный характер. Иллюстративный материал в работе представлен рисунками и фотографиями светильников, что является первыми изображениями ламп из коллекции Британского музея.

В работах Уолтерса, Вальдгауера и Брантс, опубликовавших каталог светильников из Национального музея древностей Лейдена в 1913 г.⁵, заложены основные тенденции создания каталогов светильников, содержащихся в определенных музеях к началу Первой мировой войны. Спустя столетие их

² Fischbach 1896, 3–64.

³ Walters 1914, 375.

⁴ Walters 1914, 219.

⁵ Brants 1913, 74.

работы все еще представляют большую ценность и используются при обработке материала наравне с современными исследованиями.

Помимо каталогов из различных музеев, в начале XX в. издается еще несколько примечательных работ, посвященных светильникам. В 1909 г. выходит работа З. Лешке, в которой анализируется вопрос освещения в эпоху античности⁶. Исследователь обозначает типы осветительных приборов, характер их применения. Основное внимание уделено подробному описанию изображений осветительных приборов на различных сосудах, терракотах и т. д. Большой интерес представляет и монография автора, вышедшая в 1919 г.⁷ В данном исследовании Лешке сосредоточил внимание непосредственно на лампах как археологической категории находок и описал светильники из римского военного лагеря Виндониссы, располагавшегося в римской провинции Реция, на территории современной Швейцарии. Как и в случае с трудом Фишбаха, ценность исследования Лешке заключается в том, что он одним из первых начал рассматривать светильники, обнаруженные на отдельно взятом памятнике. Основываясь на найденных в ходе исследований Виндониссы 1100 экз., автор создал собственную классификацию светильников римского времени. Используя наработки Фишбаха, Лешке выделяет 25 типов предметов, в основу критериев которых автор положил морфологию тулова, щитков и плечиков светильников. Для отдельных типов исследователь выделяет подтипы, незначительно отличающиеся от основного типа. Лешке акцентировал внимание на разнице между плечиками и рожками светильников, выделяя их как важные морфологические признаки при определении вариантов и, следовательно, датировке светильников. Датировка была предложена на основе хронологической принадлежности комплексов, в которых были обнаружены данные предметы. Классификация З. Лешке является одной из первых известных попыток систематизации данной группы массовых керамических предметов. Надо отметить, что данная классификация существенно расширилась за счет дополнений другими учеными. Тем не менее работа автора о комплексе из Виндониссы до сих пор считается классическим и основополагающим исследованием, используемым большинством специалистов при работе со светильниками римского времени.

Следующей важной вехой в изучении античных светильников стали 1930-е гг., обозначившиеся публикациями О. Бронира, представителя Американской классической школы в Афинах. Как и Лешке, Бронир сконцентрировался на исследовании комплекса находок с отдельно взятого памятника. Обработав материалы находок из археологических экспедиций за неполные тридцать лет исследований, автор опубликовал статью о позднеимских светильниках из Коринфа, изготовленных с использованием гончарного круга⁸. Спустя три года им была подготовлена масштабная работа, посвященная всем керамическим светильникам, обнаруженным в Коринфе к 1928 г.⁹ В качестве основных центров производства Бронир выделяет Афины и непосредственно Коринф. Незначительное количество предметов происходит из Италии и Северной Африки. Автором отмечается, что начиная со II в. н.э. наблюдается спад отраслевого производства в Коринфе, из-

⁶ Loeschcke 1909, 370–430.

⁷ Loeschcke 1919, 358.

⁸ Broneer 1927, 328.

⁹ Broneer 1930, 385.

за чего снижается количество обнаруживаемых коринфских светильников как на самом памятнике, так и за его пределами¹⁰. Лидерство в изготовлении данной группы изделий переходит к Афинам, где впоследствии начинается резкий рост импорта данной продукции. Хронологические рамки своего исследования и, соответственно, периодизацию описываемых им предметов автор определяет с VII в. до н.э. по XIII в. н.э., выделяя для светильников четыре крупных периода: греческий, эллинистический, римский и раннехристианский, а также византийский. Каждая из групп светильников имеет собственную подробную классификацию, которая, как было указано выше, существенно дополняет классификации других исследователей. В своей работе Бронир выделяет 37 различных типов изделий, разделенных им по четырем периодам. К греческому периоду автор относит первые 7 типов, к эпохе эллинизма типы VIII–XIX, к римскому и раннехристианскому времени – XX–XXXIV, к византийскому периоду оставшиеся три. Ряд светильников Бронир номинирует неопределяемыми. Выборка содержит 1560 экз. Автор подробно описывает морфологию и хронологические признаки всех указанных типов, обращает внимание на наличие эволюционных тенденций между определенными типами светильников. Иллюстративный материал представлен фотографиями и рисунками предметов. Помимо тщательного рассмотрения морфологии, классификации и периодизации светильников, Бронир в своей работе публикует граффити с клеймами, расположенными на некоторых предметах.

В 1935 г. Д. Ивани публикует текст диссертации о светильниках из римской провинции Паннония¹¹. Стоит отметить количество предметов, которое было внесено исследователем в каталог – 4618 керамических и бронзовых светильников. Принимая во внимание классификацию, разработанную Брониром, Ивани предлагает собственный вариант, включающий в себя 40 типов, сформированных в первую очередь на основе морфологических признаков. Автор относительно детально описывает каждый выделенный ею тип, при непосредственном описании самих светильников ограничивается лишь передачей размеров. Благодаря работе Ивани появилась возможность отчетливо проследить наличие активных торговых связей между Афинами и Паннонией, а также между Паннонией и Северной Африкой. Хронологические рамки исследования составляют период I–V вв. н.э.

Вторая половина XX в. ознаменовалась серией публикаций масштабных исследований, посвященных светильникам. В 1955 г. издается текст докторской диссертации польского исследователя М. Бернхард под названием «Lampki Starozytne»¹². Данная монография является обобщающим трудом о светильниках, где автор подробно описывает развитие данной группы изделий в хронологическом порядке, указывая характерные типы светильников для того или иного периода. Отмечая, что прообразы осветительных приборов использовались еще в каменном веке, Бернхард определяет хронологическое начало использования светильников серединой 2 тыс. до н.э., связывая это с ранним этапом Нового царства Египта. Большое внимание уделяется инструментам для создания и обработки светильников, также отдельный раздел в исследовании посвящен орнаментации и иконографии данной группы предметов. Помимо детального описания наиболее

¹⁰ Bronceer 1930, 27.

¹¹ Iványi 1935, 453.

¹² Bernhard 1955, 384.

известных распространенных типов светильников, в работе опубликован каталог из 566 предметов, хранящихся в Национальном музее Варшавы. Каталог включает в себя керамические и бронзовые светильники, а также различные подставки для них. Практически половина предметов происходит из франко-польских археологических исследований в Тель Эдфу в период с 1936 по 1939 гг. Хронологические рамки находок, включенные в каталог, автор определяет с VII в. до н.э. по VIII в. н.э. Широкий иллюстративный материал представлен фотографиями, рисунками светильников и инструментов.

Отдельного внимания заслуживает серия изданий «Афинская агора», в рамках которой вышло четыре тома (IV, VI, VII, XIX), где рассматривается интересующий нас комплекс изделий. В 1958 г. в 4-м томе серии представитель Американской классической школы в Афинах Р. Хоулэнд публикует светильники, найденные в ходе раскопок на территории агоры в Афинах¹³. Используя в качестве основы классификацию Бронира, разработанную на базе комплекса светильников из Коринфа, Хоулэнд существенно ее расширяет, внося туда те типы светильников, которые не подходят под вышеуказанный вариант. Подобные нововведения в определении светильников были обусловлены тем, что количество и варианты видов светильников, обнаруженных в Афинах, значительно превосходит находки из Коринфа. Дополняя 37 уже выделенных Брониром типов, автор предлагает новую классификацию уже из 58 типов. В исследовании обращается внимание на важность правильного датирования того или иного типа. Основываясь на материале, обнаруженном в ходе исследования более 1200 закрытых комплексов на афинской агоре, а также на уже известной периодизации для ряда типов светильников, Хоулэнд выделяет новые типы, которые ранее относились к одному. Свою классификацию Хоулэнд, прежде всего, распределяет по четырем основным и одной дополнительной группам: лепные; гончарные; светильники, использовавшиеся для культовых целей; светильники, оттиснутые в форме; светильники смешанных форм. Отдельно автор рассматривает надписи на донцах. Следует отметить, что типология Хоулэнда по большей мере затрагивает греческие, эллинистические и раннеримские светильники. Хронологические рамки исследования автор определяет с середины VII в. до н.э. по середину I в. н.э. Выборка составляет 834 предмета. Автор не делает акцента на центрах производства, лишь оговаривается, что подавляющее количество изделий данной категории, обнаруженных на афинской агоре, было сделано в Аттике и Коринфе. При описании того или иного типа светильника Хоулэнд по возможности атрибутирует центр производства.

Спустя несколько лет, в 1961 г. К. Гранжуан и Д. Перлцвайг в рамках серии «Афинская агора» выпускают две масштабные работы, посвященные светильникам римского времени и раннего средневековья до VII в. н.э. соответственно. Однако работа К. Гранжуан была посвящена не столько светильникам, сколько терракотам и в меньшей мере фигурным антропоморфным светильникам¹⁴. В интересующей части работы представлены бронзовые и керамические светильники эпохи эллинизма и римского времени. Применительно к лампам автор в первую очередь обращается к иконографии, т.е., приводит подробное описание и классификацию

¹³ Howland 1958, 321.

¹⁴ Grandjouan 1961, 147.

тем, сюжетов и мотивов изображений. Более узконаправленной видится работа Д. Перлцвайг, автора 7-го тома в серии «Афинская агора»¹⁵. Как сказано выше, хронологические рамки данной работы определяются с I в. до н.э. по VII н.э. Перлцвайг приводит порядка трех тысяч светильников, охватывая огромное количество изделий как из керамики, так и из бронзы. Для большего удобства, исследователь одной из первых предлагает разделить светильники на две крупные группы: импортные и аттические. К импортным относятся светильники из целой россыпи центров производств: Северная Африка (Сирия, Египет), Италия, Малая Азия, острова Эгейского моря и т.д. Непосредственно в самом описании светильников Перлцвайг крайне подробно делит светильники по хронологическим и морфологическим признакам. В обоих томах серии иллюстративный материал представлен рисунками светильников и их фотографиями. Опубликованные в «Афинской агоре» каталоги и классификации в значительной мере повлияли на изучение керамических светильников в дальнейшем. Афинская агора – классический памятник, где выделено большое число комплексов, из которых происходят предметы данной группы. Особую ценность представляет то, что все находки хранятся в контексте комплексов, в которых они были обнаружены. Имея такие данные, у исследователей есть возможность пересмотра всего материала, происходящего из того или иного комплекса.

В 1997 г. С. Ротрофф издает 29-й том «Афинской агоры», посвященный эллинистической столовой керамике¹⁶. В приложении 3 к данному изданию она предлагает уточненную датировку для нескольких типов эллинистических светильников из классификации Р. Хоуланда¹⁷. Свою датировку Ротрофф основывает на пересмотре комплексов, рассматриваемых Хоуландом, с привлечением нового материала, выявленного при исследовании афинской агоры до 1992 г. В общей сложности Ротрофф предложила новые даты для 35 типов и их вариантов по классификации Хоуланда: с 23 D по 58 B.

В 1969 г. Т. Сентлелеки публикует объединенный каталог светильников, хранящихся в музее изобразительных искусств в Будапеште и музее Дери в Дебрецене, а также предметов данной группы, происходящих из ряда частных коллекций¹⁸. В работе автор избегает введения собственной классификации, предпочитая обращаться при определении типа того или иного изделия к уже существующим наработкам других специалистов. Светильники сгруппированы по хронологическим и морфологическим признакам. Выборка составляет 273 керамических предмета, куда, помимо светильников, вошли подставки и формы-заготовки. Также в каталог включено 16 бронзовых изделий, общее количество вещей в каталоге составляет 289 предметов. Хронологические рамки исследования определены автором с VII в. до н. э. по V в. н. э. При этом Сентлелеки отмечает, что некоторые формы изделий, появившиеся в V в. н.э. настолько консервативны, что могут встречаться вплоть до VIII в. н.э.¹⁹ В качестве иллюстративного материала представлены рисунки и фотографии светильников.

В 1972 г. Д. Хейс публикует масштабную работу о позднеримской

¹⁵ Perlzweig 1961, 307.

¹⁶ Rotroff 1997, 575.

¹⁷ Rotroff 1997, 493–515.

¹⁸ Szentleky 1969, 236.

¹⁹ Szentleky 1969, 130.

краснолаковой керамике²⁰. Отдельное внимание автор уделяет изделиям, происходящим из североафриканских центров, а также их имитациям. В отечественной научной среде данную группу (African Red Slip Ware – ARS) принято называть «африканской краснолаковой»²¹. К группе «африканской краснолаковой» керамики Хейс предлагает относить и ряд светильников, происходящих из данного региона.²² Автором была составлена собственная классификация, состоящая из двух основных типов, которые могут иметь варианты. Тип I рассматривается исследователем как более ранний. Хейс полагает, что этот тип использовался на протяжении всего IV в. н.э., а также в первые года V в. н.э. В качестве примера в работе приводятся светильники, найденные в комплексах IV в. н.э. на афинской агоре, а также из Паннонии и Рагузы. Тип II, который ранее описывался О. Брониром как тип XXXI и Д. Брантс как тип XXIX, Хейс датирует первыми десятилетиями V в. н.э., в то время как наиболее поздние варианты данного типа, по мнению автора, стоит относить к середине VI в. н.э. Исследователь выделяет два типа параллельно использовавшихся так называемых «триполитанских» светильников, датируемых V в. н.э. Иллюстративный материал представлен фотографиями и рисунками предметов.

В 1980 г. Д. Хейс создает новую типологию для ряда светильников позднего римского времени. Взяв в качестве основы коллекцию из Королевского музея в Онтарио, автор делает попытку применить новый подход в вопросе изучения светильников посредством выделения конкретных мастерских в тех случаях, в которых это представляется возможным²³. Определение мастерских предлагается осуществлять на основании наличия клейм, свидетельствующих об изготовлении предмета в конкретной мастерской. Хейс указывает, что в предшествующих работах других авторов подобный метод практически не использовался и большинство исследователей останавливались просто на выявлении региона, из которого происходил тот или иной светильник. Хронологические рамки исследования автор указывает с III в. до н.э. по VII в. н.э., при этом делая оговорку, что определенная часть предлагаемого им датирования носит условный характер и местами основано на субъективных воззрениях. Хейс приводит довольно подробное разделение по различным центрам, а также не менее тщательно описывает морфологические признаки выделяемых им типов. В выборку для подготовленного каталога автор включил 568 светильников.

Отдельно стоит выделить исследование в четырех томах, подготовленное Д.М. Бейли. Продолжая работу Уолтерса, он занялся введением в научный оборот светильников, хранящихся в Британском музее. В отличие от своего предшественника, Бейли делит светильники не по технике изготовления, а основываясь на хронологии, географическом происхождении и материале изготовления. Первые три тома включают в себя керамические светильники, в то время как четвертый полностью посвящен металлическим изделиям. Масштабный каталог Бейли стал итогом серии его публикаций в различных изданиях, начавшихся с 1960 г.²⁴ В первом томе каталога, вышедшем в 1975 г.,

²⁰ Hayes 1972, 477.

²¹ Смокотина 2011, 328–362.

²² Hayes 1972, 313.

²³ Hayes 1980, 226.

²⁴ Bailey 1962, 35–45; Bailey 1964, 88–91.

представлены греческие и эллинистические лампы²⁵. Учитывая широкую географию происхождения светильников, которая включает в себя Афины, Беотию, Крит, Книд, Галикарнасс, Кипр, ряд памятников из Крыма и т.д., автор сознательно опустил создание классификаций в данном издании, не считая возможным собрать светильники в цельную систему. В первом томе автором было рассмотрено более 730 светильников. Каталог представлен в виде группирования светильников по географическим центрам и в хронологическом порядке. Во втором томе, опубликованном в 1980 г., автор осознанно прибегает к географическому сужению ареала исследования, останавливаясь на Италии²⁶, так как этот регион стал инновационным полем, откуда затем повсеместно распространились светильники «римского типа». Такой подход был обусловлен более удобной комплектацией данных изделий²⁷. В посвященном светильникам римского времени из Италии втором томе Бейли уже разрабатывает соответствующую типологию, выделяя 23 типа с вариантами, не разделяя их по центрам производства. Предложенная Бейли система частично расширяет ранее существовавшие типологии римских светильников. Каталог выстроен по хронологическому и морфологическому признакам и разделен на семь секций. Автор уделяет значительное внимание иконографии светильников, тщательно описывая изображенные на щитках сюжеты. Во втором томе было рассмотрено более 700 фрагментов и целых форм. Хронологические рамки исследования определяются с начала I в. н.э. по середину VII в. н.э. В 1988 г. издается третий том каталога, в котором рассматриваются светильники римского времени, происходящие уже из провинций и других подконтрольных Риму территорий за пределами Аппенинского полуострова²⁸. Благодаря масштабу и тщательному подходу к материалу, четырехтомник, подготовленный Д. Бейли, считается одним из самых значимых исследований в области изучения светильников. Четвертый том посвящен металлическим и каменным светильникам, а также различным подставкам и держателям для данных приборов освещения²⁹.

В 2014 г. К. Де Роза опубликовала свою квалификационную работу, в которой она рассмотрела 24 светильника позднеимперского и раннесредневекового времени, хранящихся в Музее древних культур Университета Маккуори (Австралия)³⁰. Помимо традиционного морфологического описания и типологической атрибуции светильников, исследователь прибегла к использованию естественно-научных методов для определения центров производства, основываясь на составе глины. Для определения минералогических и химических характеристик предметов ученый использовался новый метод неразрушающего анализа — компьютерная томография дуальной энергии (DECT). Общие минералогические характеристики изучаются путем анализа КТ-изображений, определения консистенции глинистых тел, наличия включений и признаков повреждения и реконструкции. Полученные данные КТ автор преобразовала в виртуальные 3D-модели. Эти модели анализируются на наличие различных аномалий и дефектов, которые невозможно обнаружить при внешнем осмотре изделия. Основываясь на полученных данных,

²⁵ Bailey 1975, 397.

²⁶ Bailey 1980, 584.

²⁷ Bailey 1980, 127–129.

²⁸ Bailey 1988.

²⁹ Bailey 1996.

³⁰ De Rosa 2014, 157.

исследователь обнаружила следующие регионы производства светильников: Италия, Тунис, Левант, Кипр, Египет, а также Восточное Средиземноморье. Хронологические рамки включают в себя период с I в. н.э. по VIII в. н.э.

В 2017 г. Ж. Бусьер и Б. Линдрос-Вол публикуют масштабный каталог светильников из собрания Музея им. Д.П. Гетти, вводя в научный оборот целый пласт ранее неопубликованных находок³¹. Авторы делят имеющийся материал на четыре крупные группы по хронологическому признаку: финикийско-пунические светильники в форме блюдец; греческие и эллинистические керамические светильники; римские керамические светильники; металлические светильники. Ввиду трудности определения конкретного центра производства для ряда находок, относящейся к третьей группе, авторы сделали обобщающие категории, разделенные по следующим признакам: изделия, сделанные в западных и восточных провинциях; изделия, сделанные в североафриканских провинциях; изделия, сделанные исключительно в восточных провинциях. Всего в работе опубликован 631 светильник, 611 из которых сделаны из глины. Значимость данной работы в первую очередь заключается в том, что в ней приводится 24 типа светильников, не имеющих аналогий в опубликованной на тот момент литературе, а также 56 типа с весьма отдаленными аналогиями. Отдельного внимания заслуживает широта примененных классификаций светильников, где авторы обращаются практически ко всем наиболее известным и практичным версиям. Помимо этого, была предпринята попытка указать исчерпывающее количество имеющихся аналогий для большей части светильников.

В одной из относительно недавно опубликованных работ Г. Кузманова и А. Минчева было рассмотрено собрание светильников из Варненского археологического музея³². В собрании музея представлено порядка тысячи керамических и бронзовых светильников и около 60 подставок для них. Часть предметов происходит из археологических экспедиций на территории Мезии, в частности, при исследовании Одессоса и Марцианаполя. Как и многие другие публикации подобного вида, каталог Г. Кузманова и А. Минчева сформирован по следующим критериям: периодизация, техника изготовления, материал изготовления. Предметы разделены по четырем группам: сделанные на гончарном круге, бронзовые светильники; светильники, изготовленные в формах; формы для изготовления. Помимо этого, авторский коллектив также уделяет внимание изучению иконографии предметов и клеймам. В качестве хронологических границ своего исследования авторы указывают период с VI в. до н.э. по VII в. н.э., охватывая таким образом порядка 1200 лет.

За более чем столетний период изучения античных светильников в научной среде сформировались определенные тенденции к написанию работ по данной тематике. Наиболее популярным видом исследований является публикация каталогов. Каталоги могут собираться по разным принципам – собрание предметов, хранящихся в определенном музее; публикация светильников, происходящих с одного памятника археологии или же из конкретного историко-культурного региона. Внутри самих каталогов исследователи предпочитают группировать светильники по различным концепциям, начиная от дробления по

³¹ Bussiere, Lindros Wohl 2017, 511.

³² Кузманов, Минчев 2018, 374.

технике производства и заканчивая какими-либо морфологическими признаками. Необходимо упомянуть, что определенная часть публикаций каталогов не содержит в себе аналитического материала. Зачастую они призваны ввести в научный оборот светильники посредством описания и атрибутирования предметов, пренебрегая выведением новых теорий и умозаключений. Тем не менее не стоит преуменьшать значимости подобных каталогов.

Более редкой формой публикации можно считать статьи и монографии, в которых авторы делают попытки проследить историко-археологические процессы, будь то наблюдение торговых связей между регионами или же выявление развития технологических процессов в производстве посредством определения преобразования форм светильников. Сюда же можно отнести и публикации находок из отдельно взятых комплексов, что способствует более узкой датировке того или иного предмета.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Bailey, D.M. 1962: Lamps from Tharros in the British Museum. *ABSA*, 35–45.
- Bailey, D.M. 1975: *A Catalogue of the Lamps in the British Museum, London*. I. *Greek, Hellenistic, and Early Roman Pottery Lamps*. London.
- Bailey, D.M. 1980: *A Catalogue of the Lamps in the British Museum, London*. II. *Roman Lamps Made in Italy*. London, 127–129.
- Bailey, D.M. 1988: *Catalogue of the Lamps in the British Museum*. III. *Roman Provincial Lamps*. London.
- Bailey, D.M. 1996: *A Catalogue of the Lamps in the British Museum*. IV. *Lamps of Metal and Stone, and Lampstands*. London.
- Bernhard, M.L. 1955: *Lampki Starożytne*. Warszawa.
- Brants, J.P. 1913: *Antieke Terra-cotta Lampen uit het Rijksmuseum van oudheden te Leiden*. Leiden.
- Broner, O. 1927: A Late Type of Wheel-Made Lamps from Corinth. *American Journal of Archaeology* 31.2, 329–337.
- Broner, O. 1930: *Terracotta Lamps. Corinth IV*, 2. Cambridge.
- Bussiere, J, Lindros, Wohl, B. 2017: *Ancient Lamps in the J. Paul Getty Museum*. Los Angeles.
- De Rosa, K. 2014: *Roman and Late Antique Ceramic Oil Lamps in the Museum of Ancient Cultures: A Typological and Compositional Analysis*. Submitted ... for the Degree of Masters. Sidney.
- Fischbach, O. 1896: *Römische Lampen aus Poetovio* (Mitteilungen des Historischen Vereins für die Steiermark 44). Graz.
- Grandjouan, C. 1961: *Terracottas and Plastic Lamps of the Roman Period* (The Athenian Agora. VI). Princeton.
- Hayes J.W. 1972: *Late Roman Pottery*. London.
- Hayes, J.W. 1980: *Ancient Lamps in the Royal Ontario Museum*. I: *Greek and Roman Clay Lamps*. Toronto.
- Howland, R.H. 1958: *Greek Lamps and Their Survivals* (The Athenian Agora. IV. Princeton).
- Iványi, D. 1935: *Die Pannonischen Lampen – Eine Typologisch-Chronologische Übersicht*. Budapest.
- Kuzmanov, G., Minchev, A. 2018: *Antichni lampi: kolektsiya na Regionalen istoricheski muzei Varna* [*Antique Lamps: Collection of the Regional History Museum in Varna*] (Izvestiya na Natsionalniya arkhеologicheski institute [Transactions of the National Archaeological Institute] XLV). Varna.

- Кузманов, Г., Минчев, А. 2018: *Антични лампи: колекция на Регионален исторически музей Варна* (Известия на Национални археологически институт. XLV). Варна.
- Loeschke, S. 1909: Antike Laternen und Lichthäuschen. *Bonner Jahrbücher* 118, 370–430.
- Loeschke, S. 1919: *Lampen aus Vindonissa: Ein Beitrag zur Geschichte von Vindonissa und des Antiken Beleuchtungswesens*. Zürich.
- Perlzweig, J. 1961: *Lamps of the Roman Period: First to Seventh Century after Christ* (The Athenian Agora. VII). Princeton.
- Rotroff, S.I. 1997: *Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Table Ware* (The Athenian Agora. XXIX). Princeton.
- Sheyko, I.M. 2013: Istoriya vyvchennya svityl'nykiv Ol'viyi VI–I st. do n.e. [History of the Study of Lamps of Olbia of 6th to 1st Centuries BC]. *Magisterium* 53, 42–47.
- Шейко, І.М. 2013: Історія вивчення світильників Ольвії VI–I ст. до н.е. *Магістеріум* 53, 42–47.
- Smokotina, A.V. 2011: Keramika gruppy «Afrikanskaya krasnolakovaya» iz raskopok v Kerchi [African Red Slip Wares from Excavation in Kerch]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in the Archaeology, History and Ethnography of Tauria] XVII, 328–362.
- Смокотина, А.В. 2011: Керамика группы «Африканская краснолаковая» из раскопок в Керчи. *МАИЭТ* XVII, 328–362.
- Szentléleky, T. 1969: *Ancient Lamps* (Monumenta antiquitatis extra fines Hungariae reperta quae in Museo artium Hungarico aliisque museis et collectionibus Hungaricis conservantur. Vol. I). Budapest.
- Walters, H.B. 1914: *Catalogue of the Greek and Roman Lamps in the British Museum*. London.
- Zhuravlev, D.V., Bykovskaya, N.V., Zheltikova, A.L. 2007: *Svetil'niki VI – pervaya polovina III v. do n.e.* [Lamps of the 6th – First Half of the 3rd Century BC] (Iz sobraniya Kerchenskogo istoriko-kul'turnogo zapovednika. Kolleksiya svetil'nikov [From the Collection of the Kerch Historical and Cultural Reserve. Collection of Lamps]. Vol. I). Kyiv.
- Журавлев, Д.В., Быковская, Н.В., Желтикова, А.Л. 2007: *Светильники VI – первой половины III в. до н.э.* (Из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Коллекция светильников. Т. I). Киев.

AN OVERVIEW OF THE WESTERN HISTORIOGRAPHY OF THE STUDY OF ANCIENT OIL LAMPS

Georgiy S. Chebyshev

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: chebyshev.george0480@gmail.com

The article presents an overview of the most significant western studies on antique lamps from the end of the 19th century to the present, in particular the works of Z. Leschke, O. Bronier, R. Howland and D. Bailey, as well as publications of museum catalogues, individual specimens, and interdisciplinary studies using modern methods. The author highlights the features of the methodology for studying, analyzing and publishing lamps. Particular attention is paid to the issue of the formation and change of dating systems for various types of lamps.

Keywords: archaeology, classical studies, historiography, ceramic oil lamps, typology, classification

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2025), 258–270
© The Author(s) 2025

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2025), 258–270
©Автор(ы) 2025

DOI: 10.18503/1992-0431-2025-1-87-258–270

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ НЕКРОПОЛЕЙ ГОРОДОВ АЗИАТСКОГО БОСПОРА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Н.А. Антонова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: nantonova496@yandex.ru

ORCID: 0000–0003–1730–2761

В статье рассматривается история изучения эллинистических некрополей Горгиппии, Гермонассы, Кеп, Фанагории и Танаиса с XIX в. по настоящее время. Погребальный обряд всесторонне анализировался разными исследователями, которые предпринимали попытки этнокультурной дифференциации погребенных на основе погребальных сооружений, инвентаря и антропологических характеристик. Открытые на протяжении всех периодов изучения погребальные комплексы введены в научный оборот не в полном объеме, что затрудняет дальнейший анализ комплексов. Материал, полученный за последние 20 лет, требует нового осмысления.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Азиатский Боспор некрополи, эллинизм

Некрополи являются основным источником определения этнокультурных особенностей, поскольку погребальный обряд – самая консервативная часть культуры. Азиатский Боспор являлся зоной контактов местного населения с греческими колонистами, и эти контакты особенно ярко отражают материалы городских некрополей эллинистического времени. В истории изучения некрополей полисов Азиатского Боспора можно выделить несколько хронологических периодов.

Первый этап (конец XVIII – начало XX вв.) характеризуется низким качеством методики раскопок и документации и изучением преимущественно курганов. На этом этапе началось накопление материала, который впоследствии анализировался и обобщался. Активное изучение некрополей началось в 1830-е гг. после открытия П. Дюбрюксом кургана Куль-Оба. С 1836 по 1846 гг. А.Б. Ашик руководил раскопками курганов на Таманском п-ове и некрополя Фанагории. В 1838 г. Д.В. Карейша начал исследование курганов у ст. Тамань, в 1840-х гг. он проводил раскопки курганов некрополя Фанагории, Кеп и Гермонассы.

Данные об авторе. Наталья Андреевна Антонова – аспирант кафедры археологии МГУ им. М.В. Ломоносова.

В 1851–1855 гг. К.Р. Бегичев открыл погребения V–IV вв. до н.э. в курганах некрополя Фанагории¹, и К.К. Герц отметил, что конские захоронения в некоторых из них свидетельствуют о погребальных традициях местного населения². М.И. Ростовцев, основываясь на наличии конского захоронения и типе оружия, определил одно из захоронений как скифское³.

В 1859 г. К.К. Герц исследовал 34 кургана близ Фанагории, в 1865–1868 гг. изучение продолжил А.Е. Люценко. Было открыто одно погребение II в. до н.э.⁴ В 1869 г. И.Е. Забелин исследовал 21 курган, где было обнаружено 14 кремационных захоронений, 7 каменных могил и 5 земляных, ограбленных в древности⁵.

Исследование некрополей Азиатского Боспора второй половины XIX в. связано и с именем В.Г. Тизенгаузена. В 1869 г. в Фанагории он исследовал богатое женское подкурганное погребение IV в. до н.э. с коллекцией полихромных аттических сосудов⁶. В 1870-х гг. продолжил исследование курганов в некрополе Фанагории и начал раскопки некрополя Кеп⁷. В 1875 г. А.Е. Люценко раскопал 17 курганов на восточном некрополе Фанагории. Погребения совершены по греческому обряду (восточная ориентировка, монеты и палестрический инвентарь) и датируются IV–III вв. до н.э.⁸

В 1879 г. В.Г. Тизенгаузен начал изучение кургана Артюховский в некрополе Кеп⁹. В 1865–1872 гг. эпизодически изучались и грунтовые некрополи Фанагории, однако погребения IV–I вв. до н.э. редки.

Курганный некрополь Гермонассы представлял собой две цепи курганов. В 1817–1818 гг. в одном из них открыты 4 погребения IV–II вв. до н.э. Эти погребения рассматриваются исследователями как греческие¹⁰. Затем курганы некрополя исследовались В.Г. Тизенгаузен в 1868 г. и П.И. Хицуновым в 1869 г. Описание раскопок Острого кургана позволило предположить, что он использовался для захоронений на протяжении IV–I вв. до н.э.¹¹ В 1885 г. Ф.И. Гроссом был раскопан курган «Чеботарева могила», где среди инвентаря найдены пантикапейские монеты и чернолаковое блюдо, что позволило датировать комплекс рубежом IV–III вв. до н.э. и выделить греческий обряд¹². Некрополь Горгиппии начал исследоваться в 1852 г. А.А. Сибирским, открывшим курган с каменным склепом¹³. В 1881–1884 гг. раскопки грунтового и курганного некрополей Горгиппии осуществлял В.Г. Тизенгаузен, среди изученных им погребений в курганах были и IV–II вв. до н.э. В 1894–1895 гг., 1903 г. и 1908 г., исследованием некрополя Горгиппии занимался Н.И. Веселовский. Был открыт склеп III в. до н.э. с богатыми росписями¹⁴.

¹ Застрожнова 2014, 469–481.

² Герц 1876, 61.

³ Ростовцев 1925, 350.

⁴ Герц 1870, 95.

⁵ Мусин, Медведева 2019, 395.

⁶ Тункина 2010, 119.

⁷ Паромов 2003.

⁸ Застрожнова 2015.

⁹ Тункина 2010, 64.

¹⁰ Паромов 20026, 199–202.

¹¹ Паромов 20026, 195.

¹² Паромов 20026, 198.

¹³ Ростовцев 1925, 296.

¹⁴ Кругликова 1980, 6–8.

К этому периоду относятся исследования Танаиса с 1853 г. Раскопаны 24 кургана и 41 грунтовая могила, но только один из курганов может быть датирован эллинистическим временем на основании находки целой родосской амфоры¹⁵. Возобновились раскопки танаисского некрополя в 1908–1909 гг. Н.И. Веселовским. Было исследовано 87 погребений, открыты комплексы с трупосожжениями, самые ранние из которых – II в. до н.э.¹⁶

Второй этап исследований некрополей античных центров Азиатского Боспора – 1917–1950 гг. Перед исследователями стояла задача систематически фиксировать памятники и создавать источниковую базу.

В 1936–1940 гг. под руководством В.Д. Блаватского проводились раскопки грунтового некрополя Фанагории. Было открыто 6 погребений эллинистического времени¹⁷. С 1947 г. некрополь Фанагории исследовала М.М. Кобылина. В 1948 г. на восточном некрополе на холме «Е» обнаружено 16 погребений IV–II вв. до н.э. М.М. Кобылина отмечала такую особенность некрополя, как греческо-синдский обряд погребения, на основе находки антропоморфного надгробия и костей лошадей¹⁸. Восточный некрополь в 1950–1951 гг. изучала И.Д. Марченко, открыв 36 погребений рядового населения IV–I вв. до н.э. с греческим обрядом и особенностями, такими как глина на дне могилы и разнообразное положение рук и ног. Это вызвало новую дискуссию об этнокультурной принадлежности погребений¹⁹.

В 1930–1931 гг. Таманской экспедицией А.А. Миллера было открыто 4 могильника некрополя Гермонассы. В 1936 г. некрополь исследовал Н.И. Репников, а в 1938 г. изучение продолжил В.Ф. Гайдукевич²⁰. Из 23 открытых в 1931–1940 гг. античных могил лишь одна – IV в. до н.э.²¹

Третий этап изучения некрополей Азиатского Боспора охватывает 1950-е – 2000-е гг. Он характеризуется масштабными археологическими работами²² и анализом материалов раскопок конца XIX – начала XX вв.

Итоги предыдущих исследований Фанагории были систематизированы М.М. Кобылиной в 1956 г.²³ Она привела классификацию погребальных сооружений, инвентаря, отметила отличия курганных и грунтовых погребений III в. до н.э. Ею же был рассмотрен некрополь IV–II вв. до н.э. на холмах Е и И. В погребениях холма И впервые обнаружены каменные надгробные изваяния и глиняные подсыпки на дно могил²⁴.

Первой обобщающей работой по материалам боспорских некрополей стала статья Е.Г. Кастанаян в 1959 г. Она проанализировала особенности грунтовых некрополей боспорских городов, сформулировав принципы дифференциации похорон по этнической принадлежности: греческими чертами считались погребения в каменных ящиках и обложенных черепицей ямах, детские захоронения в амфорах и обряд трупосожжения, варварскими – подбойные

¹⁵ Шелов 1970, 147–148.

¹⁶ Шелов 1970, 96.

¹⁷ Блаватский 1940, 3–4; 287–300; 1941; 1951.

¹⁸ Кобылина 1951, 1951а.

¹⁹ Марченко 1956.

²⁰ Тункина 2010, 85.

²¹ Гайдукевич 1959.

²² Тункина 2010, 87.

²³ Кобылина 1956.

²⁴ Кобылина 1956, 44.

могилы и использование красной краски, пищи, оружия и растительных подстилок. Ориентация погребенных была названа локальной особенностью каждого некрополя²⁵.

В 1960 г. М.М. Кобылина исследовала курганный некрополь Фанагории, определив, что 15 изученных погребений относятся к IV–I вв. до н.э. и сочетают греческие и местные традиции²⁶. В 1964–1965 гг. под руководством А.К. Коровиной проведены масштабные исследования юго-восточного некрополя^{27,28}. В 1964 г. выявлены 32 погребения IV–I вв. до н.э.²⁹ и 36 в 1965 г.³⁰, с преобладанием восточной ориентировки и труположения на спине. Поджатые ноги были отнесены к синдскому обряду, южная ориентировка – к меотскому. Тем не менее, преобладал эллинский обряд³¹. В погребениях найдены монеты и флаконы, что А.К. Коровина связала с притоком колонистов из Малой Азии во II в. до н.э.³². В 1970-х и начале 1980-х гг. Т.Г. Шавыриной и О.Н. Усачевой исследовались эллинистические погребения, но результаты не опубликованы.

В 1978 г. Фанагорийской экспедицией под руководством А.А. Масленникова было выявлено 15 эллинистических погребений, сочетавших греческие и местные традиции³³. В 1987–2000 гг. на некрополе исследовали 61 захоронение, из которых 11 – IV–I вв. до н.э.³⁴ Погребения II в. до н.э. с северной и западной ориентацией и положением руки на тазовых костях, что Т.М. Шавырина интерпретирует как принадлежность эллинизированному местному населению. В I в. до н.э. наблюдается разнообразие ориентировок и увеличение безынвентарных могил, в погребениях появляются раковины, морская трава, и увеличивается число захоронений знати в деревянных саркофагах³⁵.

Послевоенный период изучения грунтового некрополя Танаиса связан с Нижне-Донской археологической экспедицией под руководством Д.Б. Шелова. Открыто 127 погребений, из них 17 эллинистических, но лишь одно считалось совершенным по греческому обряду³⁶. Исследования 1960-х – 1970-х гг. связаны с именем Т.М. Арсеньевой, руководившей раскопками некрополя Танаиса с 1973 г.³⁷ Из 133 открытых погребений 18 датируются эллинистическим периодом, в обряде некоторых из них Т.М. Арсеньева выявила сарматские черты, к которым отнесла подбои и заплечики, захоронения в деревянных колодах, положения костяков с руками на крыльях таза и сведенными вместе ногами, наличие реалгара, мела и кремневых отщепов. На основе этого автором был сделан вывод, что сарматское население присутствовало в Танаисе уже с III в. до н.э.³⁸ В 1981–1995 гг. некрополь

²⁵ Кастанаян 1959, 287.

²⁶ Кобылина 1963.

²⁷ Коровина 1967, 109; 130–135.

²⁸ Коровина 1987.

²⁹ Архив ИА РАН. Ф–1. Р–1. №2914, 3.

³⁰ Архив ИА РАН. Ф–1. Р–1. №3246, 1.

³¹ Коровина 1987, 97.

³² Коровина 1987, 97.

³³ Шавырина 1983, 69–73.

³⁴ Шавырина, Ворошилова 2013.

³⁵ Шавырина 2000.

³⁶ Шелов 1961, 47.

³⁷ Арсеньева 1977.

³⁸ Арсеньева 1977, 149.

изучался Т.М. Арсеньевой, С.И. Безугловым и И.В. Толочко³⁹, обнаружены 19 могил эллинистического времени. И.В. Толочко обобщила данные о некрополе в исследовании развития погребального обряда в Танаисе на протяжении истории города⁴⁰.

Масштабные исследования курганного и грунтового некрополей Кеп проводились экспедицией ГИМ в 1959–1968 гг. во главе с Н.П. Сорокиной и Н.И. Сокольским⁴¹. Были вскрыты погребения VI в. до н.э. – III в. н.э., большая часть из которых относится к эллинистическому времени. Н.П. Сорокина классифицировала погребения, выявив черты греческого обряда, такие как захоронения с черепичной обкладкой, и элементы, характерные для обряда племен Прикубанья⁴². Она описала ранние подбойные могилы и заупокойные тризны, отметив при этом преобладание греческого обряда⁴³. Исследования выявили новые черты эллинистических погребений в склепах, включая захоронения жертвенных животных⁴⁴. В 1976–1978 гг. некрополь исследовался В.С. Долгоруковым и Н.П. Сорокиной, но результаты были опубликованы только в 2000-х гг.^{45,46,47}. Было изучено 17 курганов, один из которых содержал 8 погребений с редкими терракотами и детскими захоронениями в амфорах⁴⁸.

Накопленный материал позволил сделать выводы о разнообразных этнокультурных чертах в погребальных обрядах античных центров Азиатского Боспора и пересмотреть данные XIX в. Так, раскопки Артюховского кургана подтвердили наличие коллективного погребения синдской элиты, выполненного по местным традициям, с восприятием эллинских традиций с IV в. до н.э.⁴⁹ Я.М. Паромов отметил, что в погребальном обряде курганов Кеп сохраняются как местные, так и греческие традиции, с преобладанием последних с IV в. до н.э.⁵⁰

В 1956–1957 гг. велись раскопки некрополя Гермонассы, где исследовали 17 могил эллинистического времени. Среди них были детские захоронения в амфорах, (греческий обряд)⁵¹, и 5 погребений со скорченным труположением (варварский обряд).

Раскопки грунтового некрополя Горгиппии начались в 1954 г. отрядом Синдской экспедиции ИИМК АН СССР во главе с И.В. Поздеевой. С 1954 по 1956 гг. было открыто 130 погребений⁵², но без должной фиксации. В 1963–1970 гг. Анапская экспедиция ИА АН СССР исследовала 70 могил в южной части некрополя⁵³, а в 1964 г. в северо-восточной части были обнаружены 11 погребений,

³⁹ Арсеньева и др. 2001.

⁴⁰ Толочко 2004.

⁴¹ Тункина 2010, 90.

⁴² Сорокина 1962.

⁴³ Сорокина 1963.

⁴⁴ Сорокина 1967.

⁴⁵ Паромов 2002а; 2003.

⁴⁶ Сорокина, Сударев 2002.

⁴⁷ Сорокина, Сударев 2004.

⁴⁸ Журавлев и др. 2005.

⁴⁹ Максимова 1979, 13–16.

⁵⁰ Паромов 2002а, 279.

⁵¹ Сорокина 1961.

⁵² Алексеева 2021, 26.

⁵³ Алексеева 2021, 32.

4 из которых эллинистического времени и совершены по греческому обряду⁵⁴. Результаты исследований опубликованы в 1982 г., включая сравнение с другими некрополями Боспора^{55,56}. Всего с 1973 по 1999 гг. открыто более 300 погребений, большинство из которых были ограблены в древности.

Четвертый этап исследования некрополей античных центров Азиатского Боспора начался в 2000 г. и продолжается в настоящее время. Он характеризуется ростом количества экспедиций после его снижения в конце предыдущего периода и большим количеством спасательных и новостроечных экспедиций⁵⁷.

В 2004 г. Я.М. Паромов опубликовал общую характеристику курганного некрополя Фанагории, изменения в погребальном обряде Фанагории, свидетельствующие о «сарматизации Боспора» с рубежа эр, включая уменьшение числа кремаций⁵⁸. В 2005–2007 гг. на Восточном некрополе Фанагории было обнаружено 23 погребения III–I вв. до н.э., некоторые из них были с ориентировкой в южный сектор. Ко II в. до н.э. появляется обычай помещать в могилу обол Харона, а в II–I вв. до н.э. появляются погребения в каменных ящиках, могилы с закладом из черепиц и подбойные⁵⁹. Эти материалы свидетельствуют о смешении черт погребальных обрядов – греческого и варварского. В 2015–2016 гг. на Восточном некрополе было открыто 45 погребений, меньшая часть из них относится к эллинистическому периоду⁶⁰. Исследования в течение современного этапа позволили определить формирование некрополя Фанагории в IV–I вв. до н.э. В настоящее время исследования некрополя Фанагории продолжаются⁶¹.

В 2003 г. Приазовской археологической экспедицией в Анапе было открыто 20 погребений, 4 из них – эллинистического периода Горгииппии⁶². В 2006 г. участок раннего некрополя Горгииппии исследован Восточно-Боспорской экспедицией ИА РАН под руководством Н.И. Сударева, в 2022–2023 гг. охранно-спасательные исследования осуществлялись Анапской экспедицией ИА РАН, возглавляемой С.М. Ильяшенко.

В 2008–2009 гг. проводились исследования западного некрополя Гермонассы⁶³, где была обнаружена редкая гробница середины IV в. до н.э. с черепичным перекрытием и тризной⁶⁴.

В 2015 г. в Кепях был изучен курган № 44/45 эпохи бронзы с 7 более поздними погребениями⁶⁵. Для курганного некрополя Кеп характерны гробницы из сырца. Происхождение сырцовых гробниц на территории Азиатского Боспора является предметом дискуссий и разными авторами относится как к греческим чертам погребального обряда (Н.И. Сударев⁶⁶), так и варварским (Я.М. Паромов⁶⁷).

⁵⁴ Цветаева 1967.

⁵⁵ Кругликова 1982.

⁵⁶ Алексеева 1982.

⁵⁷ Паромов 2023, 299–301.

⁵⁸ Паромов 2004, 292.

⁵⁹ Медведев 2013.

⁶⁰ Ворошилов, Ворошилова 2017.

⁶¹ Ворошилов, Ворошилова 2019.

⁶² Шевченко 2004.

⁶³ Сударев, Чевелев 2010, 221.

⁶⁴ Ковальчук и др. 2010.

⁶⁵ Иванов, Сударев 2017, 161.

⁶⁶ Иванов, Сударев 2017, 182.

⁶⁷ Иванов, Сударев 2017, 179.

В 2008–2012 гг. проводились раскопки некрополя Танаиса Г.Е. Беспальым и С.М. Ильяшенко, но материалы еще не полностью введены в научный оборот.

Некрополи античных центров Азиатского Боспора IV–I вв. до н.э. исследованы неравномерно. Некрополь Фанагории изучен лучше других, и его результаты регулярно публикуются. Данные по некрополям Танаиса, Гермонассы и Горгиппии представлены в научном обороте не полностью, а обобщающих работ немного. Одна из них – работа А.А. Масленникова 1981 г., в которой он отмечает сочетание греческих и сарматских элементов в могилах и увеличение погребений с невесточной ориентацией в III–II вв. до н.э. Он также указывает, что погребения с напутственной пищей характерны для меотов, скифов и савроматов, и это позволило ему заключить, что такие обычаи на Таманском полуострове принадлежат местному населению⁶⁸. Также А.А. Масленников упоминает находки заупокойной пищи в меото-сарматских могильниках III–I веков до н.э.⁶⁹

Наиболее полное исследование погребальных обрядов Азиатского Боспора представлено в классификации Н.И. Сударева, который обобщил работы других авторов и предложил типологию погребальных сооружений, придя к выводу, что каждый некрополь имеет свои особенности, являющиеся скорее вариантом греческих традиций, чем результатом варварского влияния⁷⁰. Исследование, опубликованное в 2005 г., нуждается в обновлении с учетом новых данных.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева, Е.М. 2021: *Некрополь античного города Горгиппии: комплекс гробниц рубежа II–III вв. н.э.* М.
- Алексеева, Е.М. 1982: Юго-восточная часть некрополя Горгиппии. В сб.: И.Т. Кругликова (ред.), *Горгиппия: Материалы Анапской археологической экспедиции*. 2. Краснодар, 5–116.
- Арсеньева, Т.М. 1977: *Некрополь Танаиса*. М.
- Арсеньева, Т.М., Безуглов, С.И., Толочко, И.В. 2001: *Некрополь Танаиса. Раскопки 1981–1995*. М.
- Блаватский, В.Д. 1940: Раскопки Фанагории в 1937–1938 гг. *ВДИ* 3, 287–300.
- Блаватский, В.Д. 1941: *Отчет о раскопках в Фанагории в 1936–1937 гг.* (Тр. ГИМ 26). М.
- Блаватский, В.Д. 1951: Раскопки некрополя Фанагории в 1938, 1939 и 1940 гг. В сб.: В.Д. Блаватский, Б.Н. Граков (ред.), *Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху* (МИА 19), 189–249.
- Ворошилов, А.Н., Ворошилова, О.М. 2017: Новейшие исследования некрополя Фанагории. *Таврические студии* 12, 69–72.
- Ворошилов, А.Н., Ворошилова, О.М. 2019: Особенности формирования некрополя Фанагории в свете открытий последних лет. *ПИФК* 1, 101–105.
- Гайдукевич, В.Ф. 1959: Некрополи некоторых боспорских городов (по материалам раскопок 1930–х годов). В сб.: В.Ф. Гайдукевич (ред.), *Некрополи боспорских городов* (МИА 69), 154–238.
- Герц, К.К. 1870: *Археологическая топография Таманского полуострова*. М.
- Герц, К.К. 1876: *Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове (с конца XVIII столетия до 1859 года)*. М.

⁶⁸ Масленников 1978.

⁶⁹ Масленников 1981, 76.

⁷⁰ Сударев 2005, 116.

- Журавлев, Д.В., Ильина, Т.А., Ломтадзе, Г.А., Сударев, Н.И. 2005: Материалы курганного некрополя Кеп: курган 17 (18). В сб.: В.Ю. Зуев (ред.), *Боспорский феномен*. СПб., 130–140.
- Застрожнова, Е.Г. 2014: Археологические раскопки Фанагории в 1852–1855 гг. (по материалам полевого журнала К.Р. Бегичева). *БИ XXX*, 469–481.
- Иванов, А.В., Сударев, Н.И. 2017: Курган No 44/45 некрополя Кеп и его место среди других погребальных памятников Азиатского Боспора. *ДБ 21*, 160–189.
- Кастанаян, Е.Г. 1959: Грунтовые некрополи Боспорских городов VI–IV вв. до н.э. и местные их особенности. В сб.: В.Ф. Гайдукевич (ред.), *Некрополи боспорских городов* (МИА 69), 69, 257–295.
- Кобылина, М.М. 1951: Раскопки «восточного» некрополя Фанагории в 1948 г. В сб.: В.Д. Блаватский, Б.Н. Граков (ред.), *Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху* (МИА 19), 241–249.
- Кобылина, М.М. 1951а: Раскопки «южного» некрополя Фанагории в 1947 г. В сб.: В.Д. Блаватский, Б.Н. Граков (ред.), *Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху* (МИА 19), 236–240.
- Кобылина, М.М. 1956: Фанагория. В сб.: А.П. Смирнов (ред.), *Фанагория* (МИА 57), 5–101.
- Кобылина, М.М. 1963: Исследования Фанагории в 1959–1960 и 1962 гг. *СА 4*, 129–138.
- Ковальчук, А.В., Крайнева, А.А., Сударев, Н.И., Чевелев, О.Д. 2010: Раскопки западного некрополя Гермонассы в 2008 г. В сб.: Р.М. Мунчаев и др. (ред.), *ΣΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия*. М.–Киев, 97–100.
- Коровина, А.К. 1967: Раскопки некрополя Фанагории в 1964 г. *КСИА 109*, 130–135.
- Коровина, А.К. 1987: Некрополь Фанагории (раскопки 1964–1965 гг.). *СГМИИ VIII*, 71–109.
- Кругликова, И.Т. 1980: История исследования Горгиппии и ее некрополя. В сб.: И.Т. Кругликова (ред.), *Горгиппия: Материалы Анапской археологической экспедиции*. 1. Краснодар, 5–17.
- Кругликова, И.Т. 1982: Раскопки некрополя в районе Астраханской улицы в 1954–1964 гг. В сб.: И.Т. Кругликова (ред.), *Горгиппия: Материалы Анапской археологической экспедиции*. 2. Краснодар, 117–149.
- Максимова, М.И. 1979: *Артоховский курган*. Л.
- Марченко, И.Д. 1956: Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1950–1951 гг. В сб.: А.П. Смирнов (ред.), *Фанагория* (МИА 57), 102–127.
- Масленников, А.А. 1978: Этнический состав населения боспорских городов в VI–V вв. до н.э. *СА 1*, 24–37.
- Масленников, А.А. 1981: *Население Боспорского государства в VI–II вв. до н.э.* М.
- Медведев, П.А. 2013: Эллинистический некрополь Фанагории: вопросы хронологии и периодизации (в свете раскопок 2005–2007 гг.). В сб.: М.Ю. Вахтина и др. (ред.), *Боспорский феномен*. СПб., 232–237.
- Мусин, А.Е., Медведева, М.В. (ред.) 2019: *Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы*. СПб.
- Паромов, Я.М. 2002а: Курганный некрополь Кеп. В сб.: В.Ю. Зуев (ред.), *Боспорский феномен*. СПб., 274–279.
- Паромов, Я.М. 2002б: Курганный некрополь Гермонассы. *ДБ 5*, 192–206.
- Паромов, Я.М. 2003: Курганный некрополь Кеп. *ДБ 6*, 239–249.
- Паромов, Я.М. 2004: Курганный некрополь Фанагории (общая характеристика). В сб.: В.Ю. Зуев (ред.), *Боспорский феномен*. СПб., 287–292.
- Паромов, Я.М. 2023: *История археологических исследований на Таманском полуострове (1792–2016 гг.)*. М.
- Ростовцев, М.И. 1925: *Скифия и Боспор*. М.
- Сорокина, Н.П. 1961: Раскопки некрополя Гермонассы в 1956–1957 гг. *КСИА 83*, 46–58.

- Сорокина, Н.П. 1962: Раскопки некрополя в Кечах в 1959–1960 гг. *КСИА* 91, 98–106.
- Сорокина, Н. П. 1963: Раскопки некрополя Кеп в 1961 г. *КСИА* 95, 60–65.
- Сорокина, Н.П. 1967: Раскопки некрополя Кеп в 1962–1964 гг. *КСИА* 109, 101–107.
- Сорокина, Н.П., Сударев, Н.И. 2002: Способы обращения с телами погребенных в некрополе Кеп. В сб.: В.Ю. Зуев (ред.), *Боспорский феномен*. СПб., 279–284.
- Сорокина, Н.П., Сударев, Н.И. 2004: Погребальные сооружения некрополя Кеп VI–II вв. до н.э. В сб.: *V Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в эпоху античности и средневековья. Этнические процессы*. Керчь, 15–18.
- Сударев, Н.И. 2005: *Грунтовые некрополи боспорских городов VI–II вв. до н.э. как исторический источник*: дисс. канд. ист. наук. М.
- Сударев, Н.И., Чевелев, О.Д. 2010: Охранные исследования Западного некрополя Гермонассы в 2009 г. В сб.: Р.М. Мунчаев и др. (ред.), *СУМВОЛА. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия*. М.–Киев, 220–223.
- Толочко, И.В. 2004: *Некрополь Танаиса (начало III в. до н.э. – V в. н.э.): опыт сравнительного изучения*: дисс. канд. ист. наук. М.
- Тункина, И.В. 2010: История изучения. В кн.: Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани 1*. М., 20–129.
- Цветаева, Г.А. 1967: Раскопки некрополя Горгиппии в 1964 г. *КСИА* 109, 136–139.
- Шавырина, Т.Г. 1983: Раскопки Фанагории в 1978 г. *КСИА* 174, 69–73.
- Шавырина, Т.Г. 2000: Западный некрополь Фанагории (Раскопки 1991–1999 гг. Общий обзор). *ДБ* 3, 355–366.
- Шавырина, Т.Г., Ворошилова, О.М. 2013: Исследования Западного некрополя Фанагории (по материалам раскопок 1987–2000 гг.). В сб.: В.Д. Кузнецов (ред.), *Фанагория. Результаты археологических исследований (Фанагория 1)*. М., 415–481.
- Шевченко, Н.Ф. 2004: Материалы исследований некрополя Горгиппии в 2003 г. *МИАК* 4, 186–211.
- Шелов, Д.Б. 1961: *Некрополь Танаиса* (МИА 98). М.
- Шелов, Д.Б. 1970: *Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н.э.* М.

REFERENCES

- Alekseeva, E.M. 2021: *Nekropol' antichnogo goroda Gorgippii: kompleks grobnits rubezha II–III vv. n.e.* [*Necropolis of Gorgippia: Burial Complexes of the turn of the 2nd and 3rd cc. AD*]. Moscow.
- Alekseeva, E.M. 1982: Yugo-vostochnaya chast' nekropolya Gorgippii [Southeastern Area of the Gorgippia Necropolis]. In: I.T. Kruglikova (ed.), *Gorgippiya: Materialy Anapskoy arkheologicheskoy ekspeditsii* [*Gorgippia: Materials of the Anapa Archaeological Expedition*]. 2. Krasnodar, 5–116.
- Arsenyeva, T.M. 1977: *Nekropol' Tanaisa* [*The Necropolis of Tanais*]. Moscow.
- Arsenyeva, T.M., Bezuglov, S.I., Tolochko, I.V. 2001: *Nekropol' Tanaisa. Raskopki 1981–1995 gg.* [*The Necropolis of Tanais. Excavations 1981–1995*]. Moscow.
- Blavatskiy, V.D. 1940: Raskopki Fanagorii v 1937–1938 gg [Excavations at Phanagoria in 1937–1938]. *Vestnik drevnej istorii* [*Journal of Ancient History*] 3, 287–300.
- Blavatskiy, V.D. 1941: *Otchet o raskopkax v Fanagorii v 1936–1937 gg.* [*Report on Excavations at Phanagoria in 1936–1937*] (Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya [Transactions of the State Historical Museum] 26). Moscow.
- Blavatskiy, V.D. 1951: Raskopki nekropolya Fanagorii v 1938, 1939 i 1940 gg. [Excavations at the Phanagoria Necropolis in 1938, 1939 and 1940]. In: *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [*Materials and Research on the Archaeology of the USSR*] 19. Moscow, 189–249.
- Gaydukevich, V.F. 1959: Nekropoli nekotorykh bosporskikh gorodov (po materialam raskopok 1930-x godov) [*Necropoleis of Some Bosporan Cities (Based on Materials of Excavations*

- in the 1930s)]. In: *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Research on the Archaeology of the USSR]* 69. Moscow, 154–238.
- Gerts, K.K. 1870: *Arkheologicheskaya topografiya Tamanskogo poluostrova [Archaeological Topography of the Taman Peninsula]*. Moscow.
- Gerts, K.K. 1876: *Istoricheskiy obzor arkheologicheskikh issledovaniy i otkrytiy na Tamanskom poluostrove (s kontsa XVIII stoletiya do 1859 goda) [Historical Review of Archaeological Research and Discoveries on the Taman Peninsula (from the End of the 18th Century to 1859)]*. Moscow.
- Ivanov, A.V., Sudarev, N.I. 2017: Kurgan No 44/45 nekropolya Kep i ego mesto sredi drugikh pogrebal'nykh pamyatnikov Aziatskogo Bospora [Burial Mound No. 44/45 of the Kepoi Necropolis and Its Place among Other Funerary Sites of Asiatic Bosphorus]. *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosphorus]* 21, 160–189.
- Kastanayan, E.G. 1959: Gruntovye nekropoli Bosporskikh gorodov VI–IV vv. do n.e. i mestnye ikh osobennosti [Underground Necropoleis of Bosphoran Cities of the 6th–4th cc. BC and Their Local Features.]. In: *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Research on the Archaeology of the USSR]* 69). Moscow, 257–295.
- Kobyлина, M.M. 1951: Raskopki «vostochnogo» nekropolya Fanagorii v 1948 g [Excavations of the “Eastern” Necropolis of Phanagoria in 1948]. In: *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Research on the Archaeology of the USSR]* 19). Moscow, 241–249.
- Kobyлина, M.M. 1951a: Raskopki «Yuzhnogo» nekropolya Fanagorii v 1947 g. [Excavations in the Southern Necropolis of Phanagoria in 1947]. In: *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Research on the Archaeology of the USSR]* 19. Moscow, 236–240.
- Kobyлина, M.M. 1956: Fanagoriya [Phanagoria]. In: *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Research on the Archaeology of the USSR]* 57. Moscow, 5–101.
- Kobyлина, M.M. 1963: Issledovaniya Fanagorii v 1959–1960 i 1962 gg [Studies of Phanagoria in 1959–1960 and 1962]. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]* 4, 129–138.
- Korovina, A.K. 1967: Raskopki nekropolya Fanagorii v 1964 g [Excavations of the Phanagoria necropolis in 1964]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]* 109, 130–135.
- Korovina, A.K. 1987: Nekropol' Fanagorii (raskopki 1964–1965 gg.) [The necropolis of Phanagoria (excavations 1964–1965)]. *Soobshcheniya Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv imeni A.S. Pushkina. [Transactions of the Pushkin State Museum of Fine Arts]* VIII. Moscow, 71–109.
- Kovalchuk, A.V., Krayneva, A.A., Sudarev, N.I., Chevelev, O.D. 2010: Raskopki zapadnogo nekropolya Germonassy v 2008 g [Excavations at the Western Necropolis of Hermonassa in 2008]. In: R.M. Munchaev et al. (eds.), *ΣΥΜΒΟΛΑ. Antichnyy mir Severnogo Prichernomor'ya. Noveyshie nakhodki i otkrytiya [ΣΥΜΒΟΛΑ. Ancient World of the Northern Black Sea Region. Recent Finds and Discoveries]*. Moscow–Kiev, 97–100.
- Kruglikova, I.T. 1980: Istoriya issledovaniya Gorgippii i ee nekropolya [History of the Study of Gorgippia and Its Necropolis]. In: I.T. Kruglikova (ed.), *Gorgippiya: Materialy Anapskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [Gorgippia: Materials of the Anapa Archaeological Expedition]*. 1. Krasnodar, 5–17.
- Kruglikova, I.T. 1982: Raskopki nekropolya v rayone Astrakhanskoy ulitsy v 1954–1964 gg [Excavations at the Necropolis in the area of Astrakhan Street in 1954–1964]. In: I.T. Kruglikova (ed.), *Gorgippiya: Materialy Anapskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [Gorgippia: Materials of the Anapa Archaeological Expedition]*. 2. Krasnodar, 117–149.
- Maksimova, M.I. 1979: *Artyukhovskiy kurgan [Artyukhovsky Barrow]*. Leningrad.
- Marchenko, I.D. 1956: Raskopki Vostochnogo nekropolya Fanagorii v 1950–1951 gg. [Excavations at the Eastern Necropolis of Phanagoria]. In: *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Research on the Archaeology of the USSR]* 57. Moscow, 102–127.

- Maslennikov, A.A. 1978: Etnicheskiy sostav naseleniya bosporskikh gorodov v VI–V vv. do n.e. [Ethnic Composition of the Population of Bosporan Cities in the 6th–5th cc. BC] *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 1, 24–37.
- Maslennikov, A.A. 1981: *Naselenie Bosporskogo gosudarstva v VI–II vv. do n.e.* [Population of the Bosporan State in the 6th–2nd Centuries BC]. Moscow.
- Medvedev, P.A. 2013: Ellinisticheskiy nekropol' Fanagorii: voprosy khronologii i periodizatsii (v svete raskopok 2005–2007 gg.) [The Hellenistic Necropolis of Phanagoria: issues of chronology and periodization (in the light of excavations 2005–2007)]. In: *Bosporskiy Fenomen* [Bosporan Phenomenon] Saint Petersburg, 232–237.
- Musin, A.E., Medvedeva M.V. (eds.,) 2019: *Imperatorskaya arkheologicheskaya komissiya (1859–1917): istoriya pervogo gosudarstvennogo uchrezhdeniya rossiyskoy arkheologii ot osnovaniya do reformy* [The Imperial Archaeological Commission (1859–1917): History of the First State Institution of Russian Archaeology from the Beginning until the Reform]. Saint Petersburg.
- Paromov, Ya.M. 2002: Kurgannyi nekropol' Germonassy [The Barrow Cemetery of Hermonassa]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 5, 192–206.
- Paromov, Ya.M. 2002a: Kurgannyi nekropol' Kep [The Barrow Cemetery of Kepoi]. In: *Bosporskiy Fenomen* [Bosporan Phenomenon]. Saint Petersburg, 274–279.
- Paromov, Ya.M. 2003: Kurgannyi nekropol' Kep [The Barrow Cemetery of Kepoi]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 6, 239–249.
- Paromov, Ya.M. 2004: Kurgannyi nekropol' Fanagorii (obshchaya kharakteristika) [The Barrow Cemetery of of Phanagoria (General Characteristics)]. In: *Bosporskiy Fenomen* [Bosporan Phenomenon]. Saint Petersburg, 287–292.
- Paromov, Ya.M. 2023: *Istoriya arkheologicheskikh issledovaniy na Tamanskom poluostrove (1792–2016 gg.)* [History of Archaeological Research in the Taman peninsula (1792–2016 gg.)]. Moscow.
- Rostovtsev, M.I. 1925: *Skifiya i Bospor* [Scythia and Bosporus]. Moscow.
- Shavryina, T. G. 1983: Raskopki Fanagorii v 1978 g [Excavations at Phanagoria in 1978]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 174, 69–73.
- Shavryina, T.G. 2000: Zapadnyy nekropol' Fanagorii (Raskopki 1991–1999 gg. Obshchiy obzor) [The Western necropolis of Phanagoria (Excavations 1991–1999. General overview)]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 3, 355–366.
- Shavryina, T.G., Voroshilova, O.M. 2013: Issledovaniya Zapadnogo nekropolya Fanagorii (po materialam raskopok 1987–2000 gg.) [Studies of the Western Necropolis of Phanagoria (Based on Materials of 1987–2000 excavations)]. In: V.D. Kuznetsov (ed.), *Fanagoriya* [Phanagoria] 1, 415–481.
- Shelov, D.B. 1961: Nekropol' Tanaisa [The Necropolis of Tanais]. In: *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and Research on the Archaeology of the USSR] 98. Moscow, 5–135.
- Shelov, D.B. 1970: *Tanais i Nizhniy Don v pervye veka nashey ery* [Tanais and the Lower Don in the First Centuries AD]. Moscow.
- Shevchenko, N.F. 2004: Materialy issledovaniy nekropolya Gorgippii v 2003 g [Research Materials of the Gorgippia Necropolis in 2003]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani* [Materials and Research on the Archaeology of the Kuban] 4, 186–211.
- Sorokina, N.P. 1961: Raskopki nekropolya Germonassy v 1956–1957 gg. [Excavations at the Hermonassa Necropolis in 1956–1957]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 83, 46–58.
- Sorokina, N.P. 1962: Raskopki nekropolya v Kepakh v 1959–1960 gg. [Excavations at the Kepoi Necropolis in 1959–1960]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 91, 98–106.

- Sorokina, N. P. 1963: Raskopki nekropolya Kep v 1961 g. [Excavations at the Kepoi Necropolis in 1961]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 95, 60–65.
- Sorokina, N.P. 1967: Raskopki nekropolya Kep v 1962–1964 gg [Excavations at the Kepoi Necropolis in 1962–1964]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 109, 101–107.
- Sorokina, N.P., Sudarev, N.I. 2002: Sposoby obrashcheniya s telami pogrebaemykh v nekropole Kep [Methods of Treatment the Bodies of Those Buried in the Kepoi Necropolis]. In: *Bosporskiy Fenomen* [Bosporan Phenomenon]. Saint Petersburg, 279–284.
- Sorokina, N.P., Sudarev, N.I. 2004: Pogrebal'nye sooruzheniya nekropolya Kep VI–II vv. do n.e [Burial Structures of the Kepoi Necropolis of the 6th–2nd cc. BC]. In: *V Bosporan Readings. Cimmerian Bosphorus and the World of Barbarians in Antiquity and the Middle Ages*. Kerch, 15–18.
- Sudarev, N.I. 2005: *Gruntovye nekropoli bosporskikh gorodov VI–II vv. do n.e. kak istoricheskiy istochnik* [Underground Necropoleis of Bosporan Cities of the 6th–2nd cc. BC as a Historical Source]. PhD. Moscow.
- Sudarev, N.I., Chevelev, O.D. 2010: Okhrannye issledovaniya Zapadnogo nekropolya Germonassy v 2009 g [Protective Studies of the Western Necropolis of Hermonassa in 2009]. In: R.M. Munchaev et al. (eds.), *SYMBOAA. Antichnyy mir Severnogo Prichernomor'ya. Noveyshie nakhodki i otkrytiya* [SYMBOAA. Ancient World of the Northern Black Sea Region. Recent Finds and Discoveries]. Moscow–Kiev, 220–223.
- Tolochko, I.V. 2004: *Nekropol' Tanaisa (nachalo III v. do n.e. – V v. n.e.): opyt sravnitel'nogo izucheniya* [The Necropolis of Tanais (Beginning of the 3rd c. BC – 5th c. AD): Experience of Comparative Study]. PhD. Moscow.
- Tsvetaeva, G.A. 1967: Raskopki nekropolya Gorgippii v 1964 g [Excavations at the Gorgippia Necropolis in 1964]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 109, 136–139.
- Tunkina, I.V. 2010: Istoriya izucheniya. In: G.M. Bongard-Levin, V.D. Kuznetsov (ed.), *Antichnoe nasledie Kubani* [Ancient Heritage of Kuban] 1. Moscow, 20–129.
- Voroshilov, A.N., Voroshilova, O.M. 2017: Noveyshie issledovaniya nekropolya Fanagorii [Recent Research of the Phanagoria Necropolis]. *Tavrisheskiye studii* [Tauric Studies] 12, 69–72.
- Voroshilov, A.N., Voroshilova, O.M. 2019: Osobennosti formirovaniya nekropolya Fanagorii v svete otkrytiy poslednikh let [Features of the Phanagorian Necropolis' Formation in the Light of Recent Discoveries]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 1, 101–105.
- Zastrozhnova, E.G. 2014: Arkheologicheskie raskopki Fanagorii v 1852–1855 gg. (po materialam polevogo zhurnala K.R. Begicheva) [Archaeological Excavations at Phanagoria in 1852–1855 (Based on the Materials of K.R. Begichev's Field Journal)]. In: *Bosporskie issledovaniya* [Bosporos Studies] XXX. Simferopol–Kerch, 469–481.
- Zhuravlev, D.V., Ilyina, T.A., Lomtadze, G.A., Sudarev, N.I. 2005: Materialy kurgannogo nekropolya Kep: kurgan 17 (18) [Materials of the Kepoi Barrow Necropolis: kurgan 17 (18)]. In: *Bosporskiy Fenomen* [Bosporan Phenomenon]. Saint Petersburg, 130–140.

HISTORY OF THE RESEARCH OF HELLENISTIC NECROPOLES OF THE
CITIES OF THE ASIATIC BOSPORUS IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

Natalya A. Antonova

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia**E-mail: nantonova496@yandex.ru*

The article examines the history of the study of the Hellenistic necropolises of Gorgippia, Hermonassa, Kepoi, Phanagoria and Tanais from the 19th century to the present. The funeral rite has been comprehensively analyzed by various researchers who have attempted ethnocultural differentiation of the buried based on burial structures, inventory and anthropological characteristics. The burial complexes discovered throughout all periods of study have not been fully introduced into scientific circulation, which complicates further analysis of the complexes. The material obtained over the past 20 years requires a new understanding.

Key words: Northern Black Sea region, Asiatic Bosphorus necropolises, Hellenism

---

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2025), 271–289
© The Author(s) 2025

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2025), 271–289
© Автор(ы) 2025

DOI: 10.18503/1992-0431-2025-1-87-271–289

АНТИЧНОЕ СЕЛЬСКОЕ ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ ЭПОХИ ЭЛЛИНИЗМА В ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

К.Л. Синцерова

Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия

E-mail: kseniasincerova@gmail.com

ORCID: 0009-0005-8805-7232

Статья посвящена проблеме изучения домостроительных характеристик эллинистических поселений Средиземноморья, слабо освещенной в историографии. Дан сравнительный анализ 14 поселений Средиземноморья по следующим критериям: площадь, строительные приемы, планировка, реконструкция, назначение. Вписаны в существующие типологии и концепции конкретные модели организации пространства и строительства. Рассматривается вклад европейских и американских специалистов в изучения средиземноморского сельского домостроительства.

Ключевые слова: Средиземноморье, эллинизм, домостроительство, сельские поселения, зарубежная историография

Материалы, строительные практики и традиции, городская и храмовая архитектура, организация пространства – все это было и остается предметом многочисленных исследований, посвященных архитектуре античного мира. В русскоязычной историографии сохраняется своеобразный дисбаланс в комплексном изучении городской и сельской архитектуры. Последняя, например, слабо отражена в литературе по Боспорскому царству, но хорошо представлена в работах о хоре Херсонеса. Цель данного исследования – обзор зарубежной историографии по сельской архитектуре и домостроительству в Средиземноморье в период эллинизма. В этой связи необходимо ответить на следующие вопросы: как исследователи характеризуют сельское домостроительство этого времени? Какие существуют классификации и типологии поселений и построек? Как развивались представления зарубежных исследователей о канонах греческих строительных практик? Как выглядели сельские дома, из чего они возводились?

Данные об авторе. Ксения Леонидовна Синцерова – аспирант ИА РАН.

В отобранных материалах нашлось сравнительно немного сведений о строительных характеристиках сельских построек, а их комплексный обзор и анализ практически отсутствовал. Основной массив исследований представлен публикациями изолированных и относительно небольших по площади памятников. Чаще всего это отдельно стоящие дома-башни; существенно реже – усадебные комплексы и поселения (деревни, комы). В таких работах фокус смещен в направлении пространственной организации и функциональной интерпретации; нередко этнографические параллели из современной греческой строительной практики. Трудности вызывает этнокультурная атрибуция некоторых поселенческих объектов Франции и Испании.

Примечательно, что существующие зарубежные типологии сельских домов во многом основаны на сравнении наиболее полно опубликованных аттических и херсонесских усадеб. Эти разработки, главным образом, посвящены изучению домов-башен и укрепленных усадеб. Прежде чем перейти к ним, следует ответить на вопрос: что вообще известно о сельском домостроительстве эпохи эллинизма?

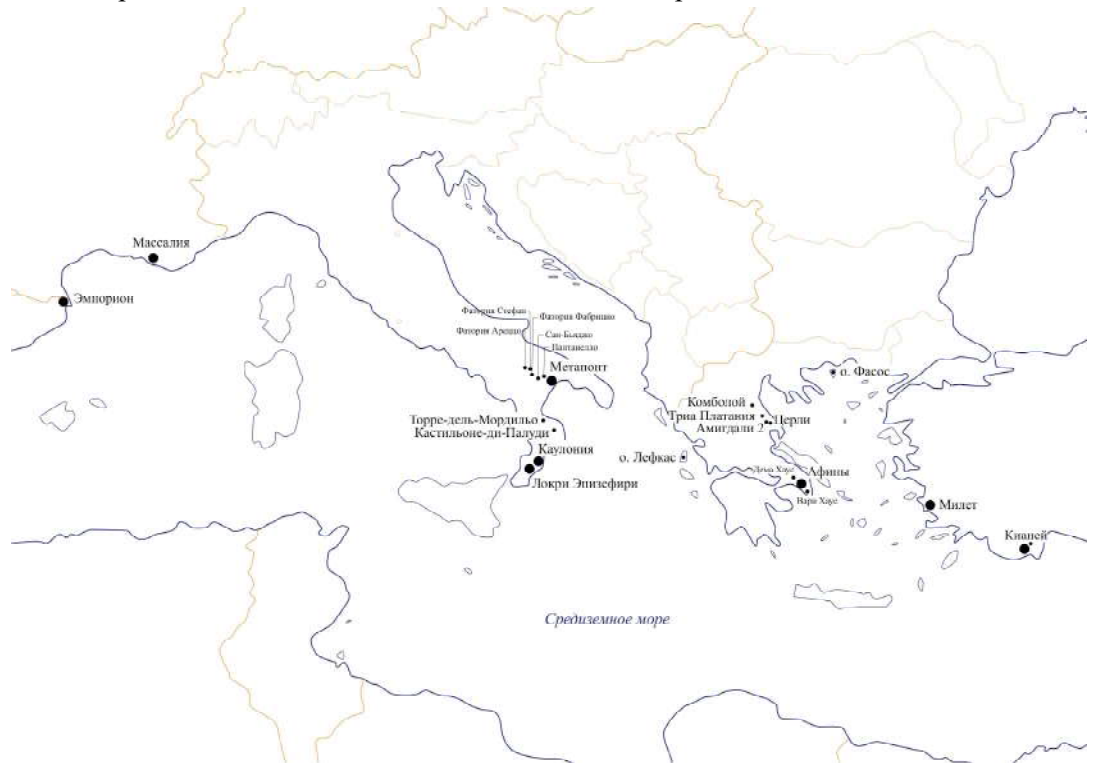

Рис. 1. Античные города и поселения Средиземноморья в эллинистическое время

СЕЛЬСКОЕ И ГОРОДСКОЕ ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО:
ХАРАКТЕРИСТИКА И ТИПОЛОГИИ

Л. Неветт (Мичиганский университет) отмечает, что сельские дома имеют много общего с городскими аналогами: не только планировка, но и материалы, а также техники строительства сходны. Это обстоятельство отражает одну из моделей заселения сельской территории, согласно которой некоторые загородные дома, «резиденции», были сезонными постройками¹. Поэтому прежде всего необходимо обозначить основные векторы развития рядовой городской архитектуры этого времени.

Строительные материалы отвечали двум главным принципам: доступность и пригодность. Предпочтение всегда отдавалось местным ресурсам. В результате стандартизации строительства была определена последовательность работ при возведении жилых домов: заглубленные в землю каменные фундаменты венчались стенами из сырцового кирпича, уложенного в два ряда на глиняном растворе. Кирпич, как правило, имеет прямоугольную форму со сторонами 0,40×0,20×0,10 м. Средняя ширина стен, таким образом, составляла около 0,40 м. К V в. до н.э. использование черепицы становится массовым, что приводит к появлению более прочных деревянных кровельных конструкций².

Сведения о планировке крайне противоречивы³. Но одно правило, по-видимому, регулярно соблюдалось: согласно предписаниям античных авторов (Ксенофонта и Аристотеля), двор и/или фасад дома должны быть обращены на юг для сбалансированного освещения и оптимальной температуры в разные сезоны⁴.

Как уже отмечалось выше, основную массу опубликованных памятников составляют усадебные комплексы и дома-башни. Последние можно назвать начальным «звеном» в типологии поселенческих структур, их усложнения.

Дома-башни составляют одну из самых многочисленных категорий сельских памятников, исследованных в материковой Греции и на островах. Существует целый ряд типологических схем, объединяющих дома-башни согласно различным критериям: от планировки и строительных материалов до их топографии и назначения. Несмотря на то что эту категорию загородных памятников можно назвать одной из самых изученных, стоит признать, что реконструкция и назначение таких построек стали поводом для дискуссии, актуальной и по сей день.

До 1930-х гг. была популярна точка зрения, согласно которой дома-башни несли оборонительную функцию, а укрепления, расположенные на побережье, осуществляли дозор за береговой линией, защищая местное население от пиратов⁵. Однако уже тогда А. Бон (Французская археологическая школа в Афинах), изучавший эллинистические остатки домов-башен Фасоса, отметил несколько иной характер этих построек и предположил, что они могли использоваться для охраны хозяйства, шахт и рабочих⁶. Одним из первых, кто проиллюстрировал это предположение на примере башен мыса Сунион, был Дж. Янг (Университет Джона Хопкинса, США)⁷.

¹ Nevett 2023, 101–102.

² Ault 2016, 656–659.

³ Ault 2016, 656–665; Nevett 2023, 218–219.

⁴ Jones et al. 1973, 419; Ault 2016, 664.

⁵ Osborne 1986, 173.

⁶ Bon 1930, 186–187.

⁷ Young 1956, 122–143.

Изучение этих построек на Лефкасе, Фасосе, Эвбее, в Аттике, аналогичных им более поздних построек Пиренейского полуострова, в Египте и даже Бактрии позволяет определить функции, которые могли выполнять эти своеобразные сооружения. Во-первых, дом-башня мог использоваться в качестве крепости-укрытия для людей, живущих или работающих в окрестностях⁸. Во-вторых, для охраны имущества и урожая. В-третьих, для военного и невоенного наблюдения за территорией, прежде всего, прибрежной или пограничной. Не исключено, что это были центры сельскохозяйственных угодий отдельных округов (демов)⁹. По расположению некоторых башен можно допустить, что их жители сторожили месторождения и добываемые там полезные ископаемые¹⁰. Укрепленные дома вдоль побережья интерпретируются как наблюдательные пункты, сигнально-сторожевые посты, маяки¹¹. Так или иначе, дома-башни призваны были обеспечивать безопасность именно изолированных или просто удаленных районов хоры.

Некоторые из этих функций находят отражение в письменных источниках об аренде, продаже, конфискации домов и земель. Встречаются такие термины, как *έλοίκιον* (сельскохозяйственное здание, жилище или укрытие) и *πιθών* (склад, изолированное помещение в городском или сельском доме, в т.ч. в башне)¹². Термин *πύργος* использовался для обозначения всех башенных сооружений круглой или квадратной формы, в том числе укрепленных усадеб¹³.

Исследователи башен зачастую группировали эти сооружения в масштабах изучаемого региона, таким образом создавая все больше обособленных типологических систем. Наиболее полная типология, основанная на конструктивном и функциональном аспектах домов-башен как городских, так и сельских на территории всей греческой ойкумены, была разработана М. Новицкой. Всего выделяется 4 типа: дом-башня (1); дом с башней (2); укрепленная усадьба (3), укрепленная резиденция (4)¹⁴.

Тип 1. К первому виду этого типа относятся башни, не обремененные оборонительной функцией. Они впервые появляются в Египте греко-римского периода. Эти подквадратные в плане постройки сооружались из известкового кирпича на деревянном каркасе. На первом этаже располагались помещения магазина, мастерской и пр. На верхнем, в том числе на плоской крыше, – жилые помещения. Этот тип известен и в самой Греции: там башня из камня при схожей организации пространства могла дополняться различными хозяйственными пристройками. Такое здание могло составлять основную часть небольшой сельскохозяйственной усадьбы. Ко второму виду относятся жилые дома-башни, возведенные с целью охраны и обороны территории и ее жителей. Они известны на территории Сирии, п-ове Галикарнас и, по-видимому, в районе Кирены¹⁵.

⁸ Dimakopoulos 2019, 127.

⁹ Morris 2001, 341.

¹⁰ Osborne 1986, 173.

¹¹ Dimakopoulos 2019, 127; Morris 2001, 340.

¹² Hellmann 1994, 134–143.

¹³ Nowicka 1975, 9–10; Dimakopoulos 2019, 126.

¹⁴ Nowicka 1975, 61–139.

¹⁵ Nowicka 1975, 61–90.

Тип 2. Дом с башней подразделяется на два вида: четырехугольная или круглая постройка для хранения продукции и инструментов и четырехугольная постройка с окнами на первом этаже, предназначенная для жилья и/или как хозяйственное помещение¹⁶.

Тип 3. Укрепленная усадьба (два вида – большая и малая), где башня служила не только жилой зоной, но и местом хранения сельскохозяйственного инструмента; особенно распространена на сельской территории. Чаще всего башня интегрирована в контур усадьбы, служит убежищем и наблюдательным пунктом. Встречаются изолированные виды: например, башни Суниона (Принцесса и Скальная) и Сифноса¹⁷.

Тип 4. Укрепленная резиденция чаще всего находилась на окраине и на побережье, в сельской местности, наиболее уязвимой для нападения. К четвертому типу относятся усадьбы, укрепленные поясом из четырех башен, и усадьбы с одной башней, стоящей от стен. Эти богатые резиденции стали популярными в римское время¹⁸.

Для сельского ландшафта эллинистической Греции характерны первые три типа. По этой схеме в число укрепленных усадеб входят не только некоторые изолированные башнеобразные постройки, но и целые сельскохозяйственные комплексы с башней.

Греческая *сельская усадьба*, по словам Дж. Янга, состояла из трех основных компонентов: башня, двор и дом¹⁹. В этом уравнении взаимозаменяемыми «неизвестными» могут быть башня и дом. Именно это демонстрирует типология загородных домов С. Димакопулса (Университет Аристотеля в Салониках). Согласно автору, в Аттике классического и эллинистического времени выделяются следующие типы усадеб:

1. Пастадные дома, комнаты в которых расположены вокруг центрального двора. В «задней», т.е. нефасадной части здания, находятся помещения, обращенные во двор, перед которыми возвышается портик-пастада. Двор доминирует над остальными помещениями. Наиболее характерная усадьба этого типа – Дема Хаус²⁰.

2. Такие же пастадные усадьбы, в планировку которых интегрировано башенное сооружение четырехугольной формы, расположенное со стороны входа. Ярчайший пример такого типа – Вари Хаус²¹.

3. Изолированные башни четырехугольной в плане формы, которые могут дополняться двором и различными пристройками хозяйственного назначения. Распространены на Кикладах, Фасосе и Лэфкасе²².

4. Изолированные башни круглые в плане. Они были распространены на упомянутых островах, также известны в районе мыса Сунион²³.

¹⁶ Nowicka 1975, 90–95.

¹⁷ Nowicka 1975, 96–128.

¹⁸ Nowicka 1975, 129–139.

¹⁹ Young 1956, 138.

²⁰ Dimakopoulos 2015, 1001.

²¹ Dimakopoulos 2015, 1001–1002.

²² Dimakopoulos 2015, 1002–1003.

²³ Dimakopoulos 2015, 1003–1004.

5. Все остальные постройки, в которых перечисленные характеристики не выражены, либо так или иначе комбинируются между собой; планировка стремится к замкнутой модели²⁴.

Для первого и второго типов ближайшие аналогии обнаруживаются на хоре Херсонеса. Типы 3 и 4 в разной степени относятся к домам-башням, домам с башней и укрепленным усадьбам, по классификации М. Новицкой (типы 1, 2 и 3 соответственно).

Авторы приведенных выше типологий никак не характеризуют особенности домостроительства той или иной группы памятников. Во многом, это связано с огромным разнообразием используемого строительного материала, а также с существенными географическими различиями, несомненно, определяющими способ строительства. Чтобы представлять себе сельскую домостроительную специфику в системе имеющихся типологий, необходимо обратиться к архитектурным характеристикам соответствующих памятников.

СЕЛЬСКИЕ ПАМЯТНИКИ АТТИКИ, МАКЕДОНИИ, ФЕССАЛИИ И ОСТРОВОВ

Дома-башни Аттики. Дж. Янг исследовал шесть башен мыса Сунион. Из них только две были построены в конце IV – начале III вв. до н.э.: Голден Пиг и Рэд Тауэр. Голден Пиг (рис. 2, 3) – это подквадратная в плане постройка площадью 35,10 м² (6×5,85 м), сохранившаяся на высоту 1,20 м, построенная из мрамора и известняка с использованием вторичных ресурсов. Рэд Тауэр (рис. 2, 2) – подквдратная в плане постройка площадью 19,14 м² (4,35×4,40 м), она сохранилась на высоту до 1,18 м. Башня была построена из крупных каменных блоков шириной 0,60 м, ее стены оштукатурены в несколько слоев, основой штукатурки служил скоропортящийся материал, который со временем подновлялся, заменяясь землей. После завершения строительства к восточной стене башни было пристроено помещение, возведенное из бута на высоту одного этажа²⁵. Примечательно, что входная дверь была оснащена сложнейшей системой засовов. Учитывая, что башня находилась в центре горнодобывающего района, Дж. Янг предположил, что это здание служило хранилищем, но не сельскохозяйственной продукции, а полезных ископаемых – серебра и свинца²⁶. Первая постройка реконструируется на высоту до 13 м; вторая – до 9, максимум 10 м²⁷. Описанные башни можно отнести к типу 2 вид 1, по классификации М. Новицкой и типу 3 – С. Димакопаулса.

Лефкас. С. Моррис (Калифорнийский университет) в 1991–1992 гг. организовала разведки башен Лефкаса по следам немецкого археолога В. Дёрпфельда, проводившего изыскания на острове в 1901–1940-х гг. Всего было исследовано 15 сооружений, многие из которых сохранились до наших дней и даже различимы в современном ландшафте острова. Они могли быть построены в позднеклассический – эллинистический периоды. Автор разведок выделяет три

²⁴ Dimakopoulos 2015, 1004.

²⁵ Young 1956, 126–128.

²⁶ Young 1956, 142.

²⁷ Young 1956, 135.

группы башен по «стилю» строительства: 1) круглые в плане диаметром 5–6 м; 2) квадратные в плане со стороной около 7 м; 3) круглые и квадратные, построенные из камня на всю высоту. Первые два типа сооружались на фундаменте и цоколях из полигональных плит или тесаного камня и стен из сырцового кирпича²⁸.

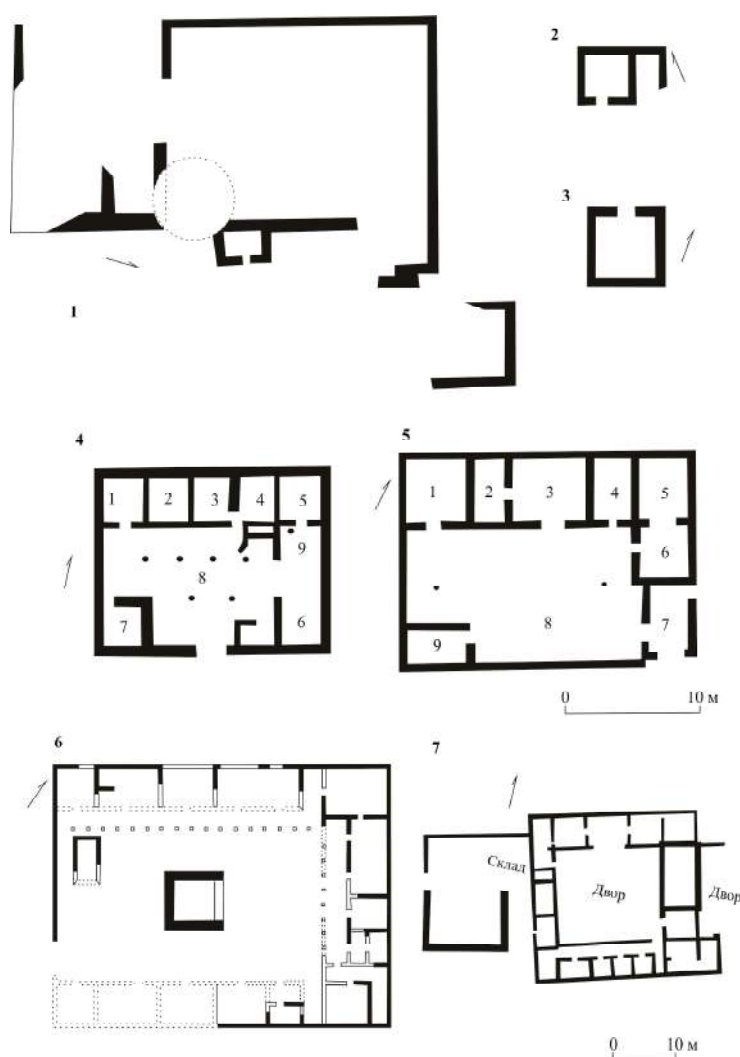

Рис. 2. Сельские поселения Греции, план-схемы. 1 – Порос; 2 – Рэд Тауэр; 3 – Голден Пиг Тауэр; 4 – Вари Хаус; 5 – Дема Хаус; 6 – Триа Платания; 7 – Комболой

К последней группе относится башня Пороса (рис. 2, 1) на ЮВ о-ва. Она сохранилась на высоту 7 м. Стены были возведены в псевдоисодомной технике из подтесанных каменных блоков, соединенных скобами «ласточкин хвост». Башня реконструируется на высоту трех этажей²⁹. По всей видимости, эта квадратная

²⁸ Morris 2001, 337–338.

²⁹ Morris 2001, 291–295.

в плане постройка заменила стоявшую здесь круглую башню (диаметром около 6,3 м), более раннее сооружение, которое оказалось вписано в стены комплекса, стоящего к ЮЗ от башни Пороса³⁰.

Остальные башни построены из сырцового кирпича на каменных основаниях. Они чаще всего имеют подквадратную в плане форму (площадью от 40,0 до 84,4 м²) или круглую (диаметр 5,5–6,6 м)³¹. Все эти сооружения отличаются большим разнообразием, что может быть связано с их назначением. Несмотря на оборонительную «внешность», башни были, прежде всего, сельскими резиденциями. Отмечается, что эти массивные сооружения были частными, здесь производилась продукция для личного потребления и продажи: древний Лефкас специализировался на виноделии. Башни демонстрировали высокий уровень дорогостоящего строительства³². На Лефкасе существовали постройки типа 1, вид 2; типа 2, вид 1; типа 3, вид 1, 2 (Порос), по М. Новицкой, а также типа 3 и 4, т.е. изолированные квадратные и круглые башни, по С. Димакопаулсу.

Фасос. На о. Фасос известно порядка 30 сооружений, которые можно отнести к числу башен. Все они, за исключением одной, бытовали в позднеклассическое–раннеэллинистическое время. Круглые в плане башни (всего 7) разнообразны: их диаметр варьируется от 3,5 до 7,6 м. Размеры прямоугольных составляют в среднем 7,5×5; 7,5×7,5; 10×10 м; самые крупные достигают площади от 115 до 290 м². Только две из исследованных башен оснащены двором³³. Башни возводились на фундаментах из крупных мраморных блоков, доступного для этих мест материала, а стены складывались из небольших обработанных камней³⁴. Наличие на Фасосе шахт с весьма обширными и значимыми минеральными ресурсами обусловило лидирующее положение сельской территории по отношению к городу. По словам Р. Осборна (Кембриджский университет, Британская Археологическая Школа в Афинах), строительство домов-башен – своеобразная демонстрация экономических возможностей их владельцев. Башни – продукт моды и подражания и могут иллюстрировать скорее структуру греческого общества, чем политическую конъюнктуру³⁵. Несомненно, что эти постройки служили укрытиями для рабочих каменоломен, а иногда могли использоваться для других оборонительных целей³⁶. В таком случае по типологии М. Новицкой их можно отнести к типу 3 вид 2; типам 3 и 4 – по С. Димакопаулсу.

Дома-башни демонстрируют широкое разнообразие даже в пределах отдельных региональных групп: на одном острове сосуществовали различные по планировке, размерам, материалу и способу возведения постройки. По всей видимости, их облик никак не коррелирует с их назначением. Хотя присутствуют очевидные закономерности: например, круглые башни Лефкаса чаще располагаются на побережье (причем почти все – на восточном). Можно отметить, что для построек Лефкаса характерны сырцовокирпичные стены (случай с Поросом уникален и может быть связан с исключительными требованиями заказчика). Для Фасоса и

³⁰ Morris 2001, 291–299.

³¹ Morris 2001, 310–335.

³² Morris 2001, 340–341.

³³ Osborne 1986, 167–172.

³⁴ Bon 1930, 155–167.

³⁵ Osborne 1986, 175.

³⁶ Morris, Papadopoulos 2005, 177.

башен в Аттике, на мысе Сунион, напротив, характерно использование лишь местного камня для строительства. Довольно редко вблизи башен находят пристройки и дворы, впрочем, это может быть связано со спецификой проведенных археологических изысканий. Диаметр круглых башенных построек не превышает 7,6 м; четырехугольные башни стремятся к подквадратному плану. Они могут вписываться в контур целого комплекса. Как отмечают некоторые исследователи, башни демонстрируют высокий социальный статус своих хозяев.

Усадьбы Аттики. К северу и к югу от Афин было изучено два крупных сельскохозяйственных комплекса со схожей планировкой. Дема Хаус, наиболее характерная усадьба типа 1 по Димакопаулсу, представляет собой пастадный дом (рис. 2, 5). Эта прямоугольная в плане усадьба площадью 352 м² (22×16)³⁷ была построена ок. 420 г. до н.э., разрушена спустя полвека и вновь заселена в IV в. до н.э.³⁸

Здание стояло на бутовых цоколях (0,45–0,5 м), на которых возводились стены из сырцового кирпича или самана (не сохранились). Полы – из утрамбованной земли, а крыша – фрагментами из коринфской черепицы³⁹. Отмечаются следы побелки пола, а также остатки извести, использованной для придания стенам водостойкости⁴⁰.

Дом ориентирован по оси СВ–ЮЗ, вход располагается в южной стене и ведет во двор, откуда открывается проход в основные северные и восточные помещения здания. По всем античным канонам Дема Хаус размещался фасадом на юг. Более того, северная его сторона обращена к краю склона, тогда как южная выходила, вероятно, на древнюю дорогу⁴¹.

Основную часть пространства занимает двор площадью 118 м² (11,8×10 м). О пастадном облике усадьбы свидетельствует не только сходство ее планировки с городскими домами этого времени, но и способ организации двора, северная часть которого установлена вровень с северными комнатами, тогда как южная – скатная – спускается к югу. Такая конструкция обеспечивала корректную работу системы водоотвода⁴². Во дворе не было найдено следов колодца, характерного для городских комплексов. Учитывая, что поблизости был исследован водопровод, возможно, современный дому, не исключено, что именно он питал усадьбу водой⁴³. Здание могло выдержать не больше двух этажей, в сумме около 8 м. Высота пастады и комнат первого этажа могла составлять от 2,25 до 2,50 м⁴⁴.

Это сооружение по расположению помещений и технике строительства сравнимо с городскими. Кроме того, в этом «фермерском доме» не было обнаружено никаких подсобных помещений (сарая, скотного двора и пр.) или иных особенностей «интерьера», связанных с сельским хозяйством. Зато реконструируется андрон (пом. 1). Сравнение с жилым комплексами на мысе Сунион и в Афинах позволяет предположить, что Дема Хаус и другие подобные ему, возможно, не были типичными. Эта частная резиденция исключительна:

³⁷ Jones et al. 1962, 75.

³⁸ Nevett 2023, 100.

³⁹ Jones et al. 1962, 76, 108.

⁴⁰ Jones et al. 1962, 107.

⁴¹ Jones et al. 1962, 105–106.

⁴² Jones et al. 1962, 79.

⁴³ Jones et al. 1962, 81–82.

⁴⁴ Jones et al. 1962, 111–114.

сооружение такой усадьбы, сочетающей в себе городские и сельские черты, по мнению издателя, дорогостоящее предприятие⁴⁵.

Vari Hauc (рис. 2, 4) к югу от Афин по планировке и технике строительства практически идентичен Дема Хаус, но построен несколько позже – во второй половине IV в. до н.э., время его бытования составляет порядка 50 лет⁴⁶. Это прямоугольная в плане усадьба площадью около 244,26 м² (~17,7×13,7), ориентированная стенами по сторонам света⁴⁷.

Нельзя не сказать об особой тщательности, проявленной строителями при подготовке места для возведения этой усадьбы. Для выравнивания участка в скальной породе было вырублено пространство под комнаты, занимавшее всю северную часть будущей застройки⁴⁸. Фундаментом северо-западных помещений дома служит подтесанная скала⁴⁹. Ширина внешних цоколей больше, чем в Дема Хаус (0,65–0,80 м); каменные основания сырцовокирпичных стен сложены из крупных валунов с забутовкой (сохранились на высоту до 1,30 м). Внутренние стены имеют разную ширину и состоят из мелкого бута⁵⁰. По словам авторов раскопок, на такие узкие цоколи, как в Вари Хаус, сырцовые кирпичи могли укладываться в системе постелистой ложково-тычковой кладки⁵¹. В северных помещениях дома устроен земляной пол, в пом. 1,9 и во дворе – вымостка⁵², крыша покрыта черепицей⁵³.

Главный вход располагался в южной стене и вел через вытянутую веранду во двор, который был частично закрыт системой колоннад. В вымостке двора сохранились три каменных основания колонн, вмурованных в пол⁵⁴. Водоотвод был организован таким же образом, как в Дема Хаус: южная половина двора была наклонена в сторону главного входа⁵⁵.

Отличительная особенность этой усадьбы – наличие комнаты в юго-западном углу комплекса, мощные стены которой могут свидетельствовать о ее многоэтажности. Согласно реконструкции авторов раскопок, это башнеобразное сооружение могло возвышаться над кровлей Вари Хаус на 1–2 дополнительных этажа⁵⁶. Сам же дом реконструируется на высоту от 2,50 до 3,50 м; пастадный двор затенялся скатной крышей колоннады⁵⁷.

Вари Хаус – это изолированная загородная резиденция, в которой также не нашлось никаких убедительных доказательств, свидетельствующих о том, что домовладелец занимался именно сельским хозяйством. Единственная важная в этом контексте деталь – находки крышек от керамических пчелиных ульев⁵⁸.

Усадьбы Македонии. В Пиерии, в центральной Македонии, в эллинистический

⁴⁵ Nevett 2023, 102, 106.

⁴⁶ Jones et al. 1973, 414.

⁴⁷ Jones et al. 1973, 360.

⁴⁸ Jones et al. 1973, 360–361.

⁴⁹ Jones et al. 1973, 364.

⁵⁰ Jones et al. 1973, 360–361.

⁵¹ Jones et al. 1973, 426.

⁵² Jones et al. 1973, 359.

⁵³ Jones et al. 1973, 361, 364.

⁵⁴ Jones et al. 1973, 359–360.

⁵⁵ Jones et al. 1973, 361.

⁵⁶ Jones et al. 1973, 436.

⁵⁷ Jones et al. 1973, 442.

⁵⁸ Jones et al. 1973, 419.

период существовали крупные сельскохозяйственные комплексы, производившие значительную долю продукции на экспорт⁵⁹. Здесь раскопан еще один пример сельской архитектуры с домом-башней: усадьба в местечке Триа Платания (рис. 2, б), недалеко от древней дороги, соединяющей Фессалию и Македонию. Усадьба была построена в конце IV в. до н.э., разрушена, вероятно, галлами в 279 г. до н.э., вскоре несколько перестроена и вновь заселена. В середине II в. до н.э. жизнь на поселении обрывается. Усадьба в Триа Платания – это прямоугольный в плане комплекс зданий площадью около 2400 м², ориентированный углами по сторонам света⁶⁰.

Комплекс помещений располагался по периметру прямоугольного двора, в центре которого находилась квадратная в плане башня. В юго-западной стене был вход в усадьбу, ведущий во двор, оснащенный дренажной системой и колодцем. Строения в северной части комплекса использовались в качестве кладовых; перед ними был установлен портик. В южной находились ткацкие мастерские. Восточные помещения были жилыми, там же находился андрон. Они отделялись полузакрытым портиком. Кроме того, жители этого поселения занимались скотоводством. Башня реконструируется на высоту двух этажей. По мнению авторов раскопок, она несла оборонительную функцию, будучи при этом жилищем местных рабочих⁶¹. По типологии М. Новицкой, это укрепленная усадьба.

Совершенно аналогичным было поселение Комболой на восточных склонах горы Олимп (сер. IV – начале III в. до н.э.), занимавшее площадь порядка 1350 м² (рис. 2, 7). Постройки этого комплекса были возведены на каменных цоколях из необработанных и частично подтесанных блоков с надстройкой из сырцового кирпича, которая была оштукатурена. Полы выложены из различных материалов, включая битую керамику и гальку. Вокруг двора размещались комнаты, вход в которые был прикрыт портиком. В восточной части усадьбы находилось помещение, возможно, башнеобразное, с широкими цоколями стен. К западной стене Комболой примыкает пристройка, вероятно, предназначенная для хранения продукции⁶².

Оба этих комплекса ориентированы, по крайней мере частично, на производство сельскохозяйственной продукции (виноград, оливки и зерно). Следует отметить, что и в Триа Платания, и в Комболой стояли керамические печи, обе, по-видимому, рассчитанные на локальное производство⁶³. В Македонии было исследовано еще порядка 8 сельских поселений с аналогичной планировкой, том числе укрепленных. Все они «укладываются» в рамки середины IV – начала III вв. до н.э.⁶⁴

Усадьбы Фессалии. В ходе охранных раскопок 2001–2002, 2012 гг. на территории Фессалии было выявлено два сельских поселения, которые можно отнести к эпохе эллинизма. Амигдали 2 – это комплекс построек площадью 412,80 м² (25,80×16,00), состоящий из трех дворов, десятка помещений и двух крупных построек в северной части усадьбы (рис. 3, 2). Отличительной чертой этого памятника является мощная южная стена, заметно отходящая от основных осей усадьбы. Здесь находилась гончарная мастерская⁶⁵.

⁵⁹ Nevett 2023, 250.

⁶⁰ Gerofoka 2018, 298.

⁶¹ Gerofoka 2018, 300–302.

⁶² Nevett 2023, 250–251.

⁶³ Nevett 2023, 251; Gerofoka 2018, 302.

⁶⁴ Adam–Veleni 2009, 9–11.

⁶⁵ Karapanou 2015, 10.

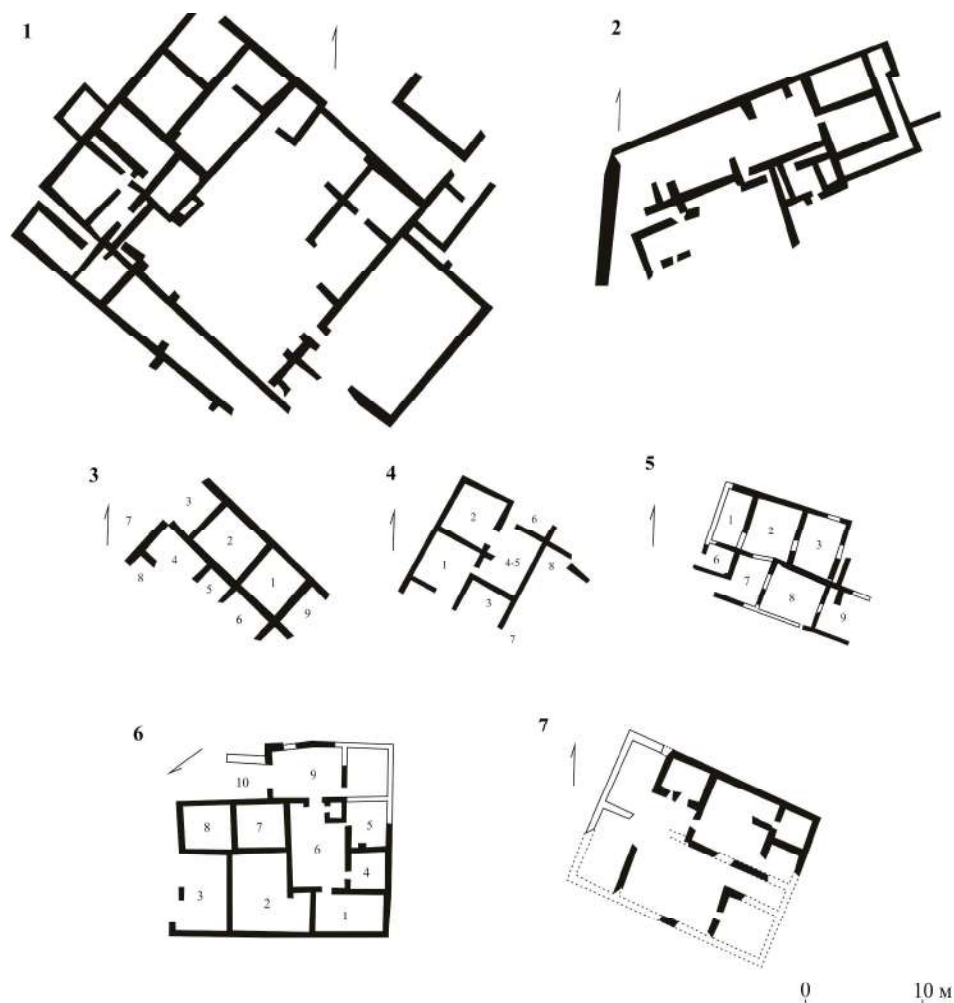

Рис. 3. Сельские поселения Греции и колоний, план-схемы. 1 – Церли; 2 – Амигдали 2; 3 – Фатория Фабрицио; 4 – Фатория Ареццо; 5 – Пантанелло; 6 – Фатория Стефан; 7 – Сан-Бьяджо

Усадьба Церли (рис. 3, 1) находится к востоку от современного Каламаки, Фессалия. Этот комплекс площадью 1200 м^2 ($40,00 \times 30,00$), построенный на каменных цоколях стен из сырцового кирпича, также относится к эллинистическому времени. Кровля была покрыта местной черепицей, приобретенной в Амигдали 2. Вокруг двора было сосредоточено порядка 26 помещений: в северной части – жилого и хозяйственного назначения, склады и мастерские; в южной – андроны. Жители Церли производили оливковое масло⁶⁶.

Итак, развитая усадебная архитектура сельского типа в рассматриваемое время складывается из трех основных компонентов: двор, вокруг которого

⁶⁶ Karapanou 2015, 12–16.

концентрируются помещения; портик-пастада, чаще всего в северной части двора; дом-башня, включенный в систему прочих помещений здания. Лидирующая техника строительства – из сырцового кирпича на каменных цоколях. Почти в каждом случае найдены свидетельства активной сельскохозяйственной или другой рабочей деятельности. Нельзя не сказать, что резиденции Дема и Вари не были типичными для загородных усадеб. Сельские поселения Македонии и усадьба Церли в Фессалии значительно превосходят их по площади – в 5–8 раз. Особняком стоит усадьба Амигдали 2, планировка которой далека от описанных выше.

Строители домов на хоре средиземноморских античных центров и колоний усвоили не только греческие строительные приемы, но и некоторые особенности организации пространства. Обратимся теперь к примерам из Великой Греции.

СЕЛЬСКИЕ ПАМЯТНИКИ ВЕЛИКОЙ ГРЕЦИИ

Одним из наиболее подробно изученных колониальных греческих регионов в контексте хоры и ее поселений остается Великая Греция, особенно территории Сицилии, Калабрии и Базиликаты. Существенным прорывом в области изучения греческой жилой архитектуры эллинистического времени на территории Южной Италии стали работы 1990-х гг. в Калабрии, в результате которых было исследовано около 20 поселений второй половины IV – первой половины I в. до н.э.⁶⁷

Д. Фальконе рассмотрел эти сельские и городские центры комплексно с точки зрения домостроительства. В строительстве чаще всего использовался песчаник: самостоятельно или дополняемый необработанным камнем. Некоторые цоколи построены из белого туфа, местного конгломерата, морской и речной гальки (последние возводились с забутовкой из извести, пачины или сырца). Кирпич-сырец широко применялся при сооружении стен; сырцовые кладки могли дополнительно укрепляться деревянными конструкциями, особенно при строительстве верхнего этажа здания⁶⁸.

Наиболее распространенный тип планировки – «дом со двором», характеризующийся расположением построек вокруг двора. Всего несколько городских жилищ были организованы по пастадному типу (почти всегда это роскошные резиденции: Каса-дель-Леоне в Локри Эпизефири и Инсула 1 в Каулонии, несколько жилищ в поселениях Торре-дель-Мордильо и Кастильоне-Ди-Палуди)⁶⁹. Количество помещений варьируется в среднем от 5 до 7⁷⁰. Вообще, в западных полисах планировка не поддавалась строгим законам: бытовало широкое разнообразие моделей жилья, отвечавших потребностям различных социальных классов⁷¹.

В интерьере стены штукатурились и окрашивались в белый, красный или полихромный. В богатых резиденциях были мозаики (в Каса-дель-Драго (Каулония) с изображением дракона)⁷².

По словам Д. Фальконе, технические характеристики этих эллинистических усадеб мало отличаются от тех, что находят в других частях греческого мира: они

⁶⁷ Falcone 2003, 301.

⁶⁸ Falcone 2003, 306–308.

⁶⁹ Falcone 2003, 302–304.

⁷⁰ Falcone 2003, 312.

⁷¹ Falcone 2003, 305.

⁷² Falcone 2003, 309–310.

также разнообразны, особенно в контексте организации пространства. Социально-экономические факторы обуславливают размер жилья, строительные материалы, планировку и пр. Не случайно загородные дома больше по площади: это необходимо для создания независимого производственного центра, обеспечивающего продуктами не только семью, но и потенциального рыночного потребителя⁷³.

В ходе исследования хоры Метапонта, в Южной Италии в 1980-е и 2010-е гг., был открыт целый ряд сельскохозяйственных поселений эллинистического времени⁷⁴. Одно из них – Фатория Фабрицио (IV в. до н.э.) – было построено на развалинах здания еще архаической эпохи, по-видимому, представлявшего собой пастадный дом (рис. 3, 3)⁷⁵.

Усадьба площадью около 175 м² (13,50×13,20 м) ориентирована по оси ЮЗ-СВ⁷⁶. Фундаменты стен шириной около 0,55 м были сложены в основном из конгломерата (песок+галька), характерного для южного течения р. Бродано, и построены на высоту 0,50 м. Примечательно, что фундаменты стен, возведенных поперек склона, имели большую ширину (0,70 м), что, по мнению авторов раскопок, являлось строительным приемом для защиты от оползней⁷⁷. Неизвестно, какими были стены: не было выявлено следов сырцового кирпича или отверстий в фундаментах для сооружения опалубок для глинобитной конструкции. Вероятно, использовалась технология *risé* (землебит), позволявшая обойтись без деревянных стоек⁷⁸.

К северу от вытянутого двора (16 м²) в два ряда располагалось по три помещения. Такая конфигурация, согласно авторам раскопок, характерна как для городских, так и для сельских домов⁷⁹. Один вход находился с запада, через северные комнаты дома; второй – с востока и вел в центральный блок помещений, откуда осуществлялся выход во двор (неизвестно, был ли он крытым)⁸⁰. У восточной стены была сделана пристройка⁸¹. В интерьере полы были выложены утрамбованной землей, смешанной с гравием и керамикой; стены покрыты светлой, хорошо вымученной глиной⁸².

Фатория Фабрицио реконструируется на высоту одного этажа: от 3,5 (вдоль карнизного свеса крыши) до 6 м (под верхней точкой крыши). Несмотря на искусственное террасирование участка, сохранился ощутимый перепад высот (около 0,80 м) между блоками северных и южных помещений. Двускатная крыша дома была ассиметричной и направляла сходящие потоки воды на юг, в сторону низины⁸³.

Вблизи Фатория Фабрицио находится усадьба V – начала IV вв. до н.э. – Фатория Арещо (рис. 3, 4) с похожей планировкой. Единственное существенное отличие заключалось в том, что здесь был устроен крытый двор. Еще одна усадьба – Пантанелло (первая четверть III в. до н.э.) – была построена на месте

⁷³ Falcone 2003, 312.

⁷⁴ Catti, Swift 2014, 3–7.

⁷⁵ Catti, Swift 2014, 86.

⁷⁶ Catti, Swift 2014, 96.

⁷⁷ Catti, Swift 2014, 83–84.

⁷⁸ Catti, Swift 2014, 88.

⁷⁹ Catti, Swift 2014, 13.

⁸⁰ Catti, Swift 2014, 96–97.

⁸¹ Catti, Swift 2014, 4–7.

⁸² Catti, Swift 2014, 96.

⁸³ Catti, Swift 2014, 96–100.

здания архаического и классического времени (рис. 3, 5). Его планировка предполагала наличие шести комнат в два ряда, как и в случае с Понте Фабрицио⁸⁴.

Среди более поздних усадеб хоры Метапонта – Фаттория Стефан (рис. 3, 6) (рубеж IV–III – II вв. до н.э.), состоявшая из десяти комнат, две из которых (№ 7 и 8) по размерам абсолютно идентичны двум помещениям Фаттория Фабрицио (№ 1 и 2). Следующая усадьба – Сан-Бьяджо (конец IV или начало III вв. до н.э.) – сильно отличалась от Фаттории Фабрицио и представляла собой более позднюю и более крупную по площади модель сельского жилища (рис. 3, 7)⁸⁵.

В домах метапонтийской хоры не было пастадных конструкций, а двор не являлся центральной частью ансамбля⁸⁶. Для них характерна структура с двумя подквадратной в плане формы помещениями. Нет и свойственного эллинистической Греции единого входа; а сами усадьбы сравнительно небольшие. Нельзя не отметить греческую строительную традицию – использование местных ресурсов, кирпича-сырца, глиняной обмазки и черепицы, а также нередкую ориентировку домов фасадом на юг.

СЕЛЬСКИЕ ПАМЯТНИКИ МАЛОЙ АЗИИ

Малоазийские сельскохозяйственные комплексы глубоко изучены с точки зрения пространственной организации. Особенно это касается хоры Милета и более позднего полиса Кианеи. Последний, возникший в середине IV в. до н.э.⁸⁷, особенно интересен в контексте формирования местной модели эллинистического домостроительства.

На юге современной Турции, недалеко от г. Каш, проводились исследования, посвященные античной системе расселения. На хоре Кианеи находится целый ряд сельскохозяйственных комплексов и связанных с ними отдельных объектов (загоны для скота, цистерны и пр.)⁸⁸. Эти архитектурные памятники датируются преимущественно по конструкции стен (привлекаются данные ликийской фортификации)⁸⁹. Выделяется две группы: отдельно стоящие крупные жилые комплексы и небольшие поселения.

Первые определяются согласно следующей формуле. Учитывалась планировка, содержащая жилые и хозяйственные помещения. Визуальное господство контура основного здания относительно других построек (характеризуется более основательной постройкой стен, организацией проходов и надежностью дверных засовов). Захоронения вблизи усадьбы, а также связанные с фермерским хозяйством объекты – мельницы, жернова, цистерны и пр. Характер и количество наводок также учитывались при определении постоянных жилищ⁹⁰.

В середине IV в. до н.э. в этом регионе происходят ощутимые изменения, выражающиеся в заметном росте числа сельских усадеб. На хоре Кианеи известно порядка 192 памятников эллинистического времени, из них 88 –

⁸⁴ Catti, Swift 2014, 101.

⁸⁵ Catti, Swift 2014, 101–113.

⁸⁶ Nevett 2023, 255.

⁸⁷ Hailer, Şanlı 2004, 215.

⁸⁸ Hailer, Şanlı 2004, 211–212.

⁸⁹ Hailer, Şanlı 2004, 214–215.

⁹⁰ Hailer, Şanlı 2004, 213–214.

усадеб, так или иначе связанные с башнями⁹¹ (об их оборонительном характере свидетельствует отсутствие окон на первом этаже); в этот период появляются целые серии башнеобразных построек, возводимые в отдельных районах. В сельской архитектуре все чаще используются подтесанные квадраты, встречается регулярная кладка; растет уровень домостроительства⁹². «Расцвет» хоры Кианеи в эллинистическое время сопровождается упадком самого города. Ф. Колб (Тюбингенский университет) считает это свидетельством переселения представителей полисной элиты за город⁹³.

Небольшие поселения чаще всего представляют собой скопления трех и более жилых домов. Они выделяются по соотношению нескольких критериев: ландшафт, структура и пр. Эти поселения в свою очередь делятся еще на два типа: сгруппированные и рассредоточенные. В эллинистическое время господствует, скорее, первый тип⁹⁴. К югу от дороги Каш-Демре исследовано поселение, состоящее из трех зданий, цистерн и остатков масляного пресса. Комплекс относится ко времени не ранее IV в. до н.э.⁹⁵, одна из его построек может быть аналогична структуре Дема Хаус, Вари Хаус, даже Комболой или Триа Платания, Церли и прочих усадеб, в устройстве которых двор занимает центральное положение.

В имеющейся в доступе литературе датировки сельских памятников Малой Азии довольно широкие и могут охватывать несколько столетий. В качестве хронологического индикатора чаще всего служит характер кладки, которая редко сохраняется. В этой связи представляется весьма затруднительным поиск соответствующих по хронологии усадеб. Нельзя не отметить, что в Малой Азии, как в метрополии, в эллинистическое время крайне распространены дома-башни.

СЕЛЬСКИЕ ПАМЯТНИКИ ФРАНЦИИ И ИСПАНИИ

В ходе исследования хоры древнего Марселя (Массалии) во Франции были открыты довольно многочисленные поселения варварского облика⁹⁶. При этом на некоторых постройках все же отмечаются следы греческой строительной практики⁹⁷. То же самое касается хоры Эмпориона (Испания), где были зафиксированы лишь иберийские поселения. Это обстоятельство отражает принципиально иную модель организации сельской территории античной колонии, основанную на использовании местных территорий и населения посредством подчиненных городу варварских опидумов, где сохранялась власть автохтонной знати⁹⁸.

Таким образом, в числе наиболее ценных разработок относительно поставленной проблемы можно назвать, прежде всего, исследования Л. Неветт. Именно ей удалось установить основные тенденции в организации пространства сельских поселений эллинистического времени в отношении колоний и самой ме-

⁹¹ Hailer, Şanlı 2004, 215.

⁹² Hailer, Şanlı 2004, 226–227.

⁹³ Kolb, Thomsen 2004, 37.

⁹⁴ Hailer, Şanlı 2004, 232–234.

⁹⁵ Miller 1995, 83–85.

⁹⁶ Bats 2013, 243–262.

⁹⁷ Lagrand 1979, 81–106.

⁹⁸ Plana–Mallart 1994, 15–196.

трополии. В рассматриваемый период известные нам примеры планировки с единым входом или центральным двором можно назвать «скопированными» с более ранних строительных остатков, на которых возводились дома. Ключевое место в изучении феномена домов-башен занимают, прежде всего, А. Бон и Дж. Янг, которым удалось вывести на новый уровень дискуссию о значении памятников этого типа в городской и загородной структуре. Типология М. Новицкой, несомненно, универсальна и применима ко всем изолированным башням и укрепленным усадьбам греческого мира.

Работа Д. Фальконе о сельской архитектуре Калабрии представляет исключительную ценность в контексте комплексного анализа памятников территории Великой Греции: подобный систематический обзор может быть экстраполирован и на другие регионы. Многочисленные исследования хоры Кианеи в синтезе с подробной характеристикой архитектурных особенностей найденных там памятников могли бы дать наиболее полную картину, отражающую не только систему расселения и структуру хоры, но и местные влияния греческих строительных приемов, устоявшиеся модели организации пространства и пр.

Следует признать, что в зарубежной, доступной нам историографии проблема сельского домостроительства отражена недостаточно полно. Существующие типологии пересекаются и не составляют системного единства. Возможно, это связано с разнообразием домостроительной традиции в разных регионах самой метрополии. Наиболее устойчивым и распространенным «элементом» в этой модели пока остаются дома-башни, впрочем, конструктивно очень различные. Интеграция соответствующих памятников Северного Причерноморья в эти типологические схемы представляется небезытересной, хотя довольно сложной и неоднозначной.

ΛΙΤΕΡΑΤΥΡΑ/REFERENCES

- Adam-Veleni, P. 2009: Farmhouses in Macedonia: The Beginnings of “Feudalism”. In: *Αρχαιολογικό Έργο στη Μακεδονία και στη Θράκη 20 χρόνια. Επετειακός τόμος [20 Years of Archaeological Excavations in Macedonia and Thrace]*. Θεσσαλονίκη, 1–15.
- Ault, B.A. 2016: Greek Domestic Architecture. In: G.L. Irby (ed), *A Companion to Science, Technology, and Medicine in Ancient Greece and Rome*. Hoboken, 656–671.
- Bats, M. 2013: Le territoire de Marseille grecque: réflexions et problèmes. *D'un monde à l'autre*. Naples, 243–262.
- Bon, A. 1930: Les Ruines antiques dans Tile de Thasos et en particulier les tours helleniques. *Bulletin de Correspondance Hellénique* 54, 147–194.
- Catti, E.L., Swift K. 2014: *The Chora of Metaponto 5: A Greek Farmhouse at Ponte Fabrizio*. Austin.
- Dimakopoulos, S. 2015: Classical Rural Houses in Attica: Types and Functions. In: J.M. Alvarez, T. Nogales, I. Roda, (eds), *Centre and Periphery in the Ancient World. Proceedings XVIIIth International Congress of Classical Archaeology*. Vol. II. Merida, 1001–1005.
- Dimakopoulos, S. 2016: The Classical and Hellenistic Agricultural Landscape of Attica. In: P. Kolodziejczyk, *Landscape in the Past & Forgotten Landscapes* (Cracow Landscape Monographs 2). Cracow, 187–196.
- Dimakopoulos, S. 2019: Η θέση του πύργου στο αγρόκτημα της κλασικής αρχαιότητας: χρήση και συμβολισμός [The Role of the Tower within the Farmstead of Classical Antiquity: Use and Symbolism]. In: Νί. Ακαμάτης, Α. Βουβουλής, Α. Λαφτσίδης, Ν. Πουλακάκης (eds), *Τῶ διδασκάλῳ Τιμητικός τόμος για τον καθηγητή Ιωάννη Ακαμάτη*. Θεσσαλονίκη, 125–134.

- Falcone, D. 2003. Architettura domestica d'età ellenistica in Calabria. Elementi tecnici e strutturali. In: *Archeologia del Mediterraneo: Studi in onore di Ernesto De Miro* (Bibliotheca archaeologica 35). Messina, 301–320.
- Gerofoka, E. 2018: Analysis of the Agricultural Management of a Hellenistic Pieria Farmhouse Based on Archaeological Evidence and Archaeological Relevance. In: M. Heinzelmann, M. Bentz (eds.), *Sessions 2–3, Single Contributions. Archaeology and Economy in the Ancient World: Proceedings of the 19th International Congress of Classical Archaeology*. Cologne–Bonn, 297–312.
- Hailer, U., Şanlı, A. 2004: Gehöfte und kleine ländliche Siedlungen auf dem Gebiet von Kyaneai. In: F. Kolb (Hrsg.), *Chora und Polis*. München, 211–248.
- Hellmann, M. C. 1994: La maison grecque: les sources épigraphiques. *Topoi* 4, 131–146.
- Jameson, M.H. 1990: Domestic space in the Greek City-state. In: S. Kent (ed), *Domestic Architecture and the Use of Space: An Interdisciplinary Cross-cultural Study*. Cambridge, 92–113.
- Jones, E., Graham, A.J., Sackett, L.H. 1973: An Attic Country House below the Cave of Pan at Vari. *ABSA* 68, 355–452.
- Jones, E., Sackett, L.H., Graham, A.J. 1962: The Dema House in Attica. *ABSA* 57, 75–114.
- Karapanou, S. 2015: *Η Ελληνιστική Αγροικία στη Θέση “Τσερλή” Καλαμακίου, Ανατολική Θεσσαλία – Εφορεία Αρχαιοτήτων Λάρισας* [*Hellenistic Country House at the Tserli Site*]. Λάρισα.
- Kolb, F., Thomsen, A. 2004: Forschungen zu Zentralorten und Chora auf dem Gebiet von Kyaneai. In: F. Kolb (ed), *Chora und Polis*. München, 1–42.
- Lagrand, Ch. 1979: Un nouvel habitat de la période de la colonisation grecque: Saint-Pierre-les-Martigues (B.-du-Rh.) (VIe s. av. J.-C. – Ier s. ap. J.-C.). *DAM* 2, 81–106.
- Miller, M. 1995: Gehöfte auf dem Gebiet von Kyaneai. In: F. Kolb (ed), *Lykische Studien 2. Forschungen auf dem Gebiet der Polis Kyaneai in Zentrallykien* (Asia Minor Studien 18). Bonn, 57–92.
- Morris, S.P. 2001: The Towers of Ancient Leukas: Results of a Topographic Survey. *Hesperia* 70, 285–347.
- Morris, S.P., Papadopoulos, J.K. 2005: Greek Towers and Slaves: An Archaeology of Exploitation. *American Journal of Archaeology* 109 (2), 155–225.
- Nevett, L.C. 2005: Between Urban and Rural: House-form and Social Relations in Attic Villages and Deme Centres. In: B.A. Ault, L.C. Nevett (eds.), *Ancient Greek Households: Geographical, Regional and Social Diversity*. Philadelphia, 83–98.
- Nevett, L.C. 2023: *Ancient Greek Housing*. Cambridge.
- Nowicka, M. 1975: *Les maisons a tour dans le monde grec* (Bibliotheca Antiqua. XV). Wroclaw.
- Osborne, R. 1986: Island Towers. The Case of Thasos. *ABSA* 81, 167–178.
- Pettegrew, D.K. 2001: Chasing the Classical Farmstead: Assessing the Formation and Signature of Rural Settlement in Greek Landscape Archaeology. *Journal of Mediterranean Archaeology* 14 (2), 189–209.
- Plana-Mallart, R. 1994: La chora d'Emporion. Paysage et structures agraires dans le Nord-Est catalan à la période pré-romaine. *Annales Littéraires de l'Université de Besançon*, 15–196.
- Wilson, R.J.A. 2000: Rural Settlement in Hellenistic and Roman Sicily: Excavations at Campanaio (AG), 1994–8. *Papers of the British School at Rome* 68, 337–369.
- Young, J. 1956: Studies in South Attica: Country Estates at Sounion. *Hesperia* 25, 122–146.

THE MEDITERRANEAN ANCIENT RURAL HOUSING
IN THE HELLENISTIC PERIOD

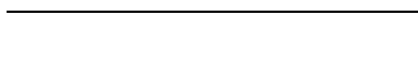
Kseniya L. Sintserova

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: kseniasincerova@gmail.com

The article is devoted to the problem of studying the housing characteristics of Hellenistic settlements of the Mediterranean, poorly covered in historiography. A comparative analysis of 14 Mediterranean settlements is given according to the following criteria: area, construction methods, layout, reconstruction, purpose. Specific models of space organization and construction are inscribed in the existing typologies and concepts. The contribution of European and American specialists to the study of Mediterranean rural house-building is considered.

Keywords: Mediterranean, Hellenism, house-building, rural settlements, foreign historiography

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БИ – *Боспорские исследования*. Керчь–Симферополь
БС – *Боспорский сборник*. Москва
ВДИ – *Вестник древней истории*. Москва
ДБ – *Древности Боспора*. Москва
ДБК – *Древности Босфора Киммерийского*. Т. 1. Санкт-Петербург, 1854
ЗООИД – *Записки Одесского общества истории и древностей*. Одесса
ИАК – *Известия археологической комиссии*. Санкт-Петербург
ИАКр – В.В. Майко (ред.), *История и археология Крыма*. Симферополь
КСИА – *Краткие сообщения Института археологии*. Москва
КСЭ – *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.)*. Симферополь
МАИАСП – *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья*. Нес-Циона
МАИЭТ – *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Симферополь
МИАСК – *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа*. Армавир–Карачаевск
НАВ – *Нижневолжский археологический вестник*. Волгоград
ПИФК – *Проблемы истории, филологии, культуры*. Москва–Магнитогорск–Новосибирск
ПСРЛ – *Полное собрание русских летописей*. М.
РГБ ОР – Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Москва
СА – *Советская археология*. Москва
САИ – *Свод археологических исследований*. Москва
ТГЭ – *Труды Государственного Эрмитажа*. Санкт-Петербург
ЦАИ БФ – Центр археологических исследований благотворительного фонда («Деметра»)
АА – *Archäologischer Anzeiger*. Wiesbaden
ААА – *Athens Annals of Archaeology / Αρχαιολογικά Ανάλεκτα ἐξ Ἀθηνῶν*. Athens
АBSA – *Annual of the British School at Athens*. Cambridge
АBV – *Beazley, J.D. Attic Black-Figure Vase-Painters*. Oxford, 1956
АМ – *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung*. Athens
Clara Rhodos III – Jacopi, G. Scavi nella necropoli di Jalisso, 1924–1928. Bergamo 1929
DAM – *Documents d'Archéologie Méridionale*. Paris
IstMitt – *Istanbuler Mitteilungen*. Istanbul
JDAI – *Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts*. Berlin
JRS – *Journal of Roman Studies*. Cambridge
LIMC – *Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae*. Zürich–München
SNG BM I – *Sylloge Nummorum Graecorum Great Britain*. Vol. IX. *British Museum*. Pt. I. Price M. *The Black Sea*. London, 1993

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Трейстер М.Ю.</i> (Бонн, Германия), <i>Рукавишникова И.В.</i> (Москва), <i>Бейлин Д.В.</i> (Симферополь) – Серебряные и бронзовые украшения из могильника «Батырский 1» IV–III вв. до н.э. в окрестностях Новороссийска.....	5
<i>Завойкин А.А.</i> (Москва) – «Следы Диониса» в святилище Деметры и Коры на Фонталовском полуострове.....	39
<i>Абрамзон М.Г.</i> (Магнитогорск), <i>Сударев Н.И.</i> (Москва), <i>Сурков А.В.</i> (Ростов-На-Дону) – Монеты из раскопок античной усадьбы Верхнее Джемете 1 на хоре Горгиппии.....	59
<i>Абрамзон М.Г.</i> (Магнитогорск) – Монеты Херсонеса/Херсона из раскопок Фанагории.....	77
<i>Тереценко А.Е.</i> (Санкт-Петербург) – Свинцовые тессеры и монетовидные знаки из раскопок Херсонеса в 2021–2023 гг.	92
<i>Стреляев В.И.</i> (Москва) – Система фортификации городищ донских меотв I–III вв. н.э.: структура и локальные особенности.....	127
<i>Кононов В.Ю., Пономарев Л.Ю.</i> (Симферополь) – Биритуальный могильник IX – первой половины X вв. поселения Варнавинское-2 в Закубанье: кремационные захоронения в урнах-горшках.....	138
<i>Семенова С.В.</i> (Азов), <i>Леонов Л.Л.</i> (Москва, Симферополь) – Археозоологические комплексы поселений среднего и позднего бронзового века на Караларском побережье Крымского Приазовья.....	161
<i>Максименков В.К.</i> (Симферополь–Севастополь) – О времени и обстоятельствах появления подбойных могил в Крыму в римский период.....	170
<i>Суриков И.Е.</i> (Москва) – Из истории афинских олигархических переворотов конца V в. до н.э. П. Демагоги и их противники в 410-х гг. до н.э.	186
<i>Авдеев А.Г.</i> (Москва), <i>Энговатова А.В.</i> (Москва) – Захоронение Ивана Андреевича Бутурлина в Троице-Сергиевом монастыре: к вопросу о дате казни и посмертной участи опального.....	201
<i>Кузенков П.В.</i> (Севастополь), <i>Могаричев Ю.М.</i> (Симферополь) – Эпитафия комитов Аврамия и Космы в «храме с крещальной» (Инкерман, Крым): к вопросу о датировке храма.....	213

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

- Лебединский В.В., Пронина Ю.А.* (Москва) – VIII Международная научная конференция «Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока» (г. Севастополь, Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», 3–8 июня 2024 г.)..... 225

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- Махлаюк А.В.* (Нижний Новгород) – Быть императором в Римском мире. Новые ответы на старые вопросы..... 230

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

- Чебышев Г.С.* (Москва) – Обзор изучения античных светильников в зарубежной историографии..... 247
- Антонова Н.А.* (Москва) – История исследования эллинистических некрополей городов Азиатского Боспора в отечественной историографии..... 258
- Синцорова К.Л.* (Москва) – Античное сельское домостроительство Средиземноморья эпохи эллинизма в зарубежных исследованиях..... 271

CONTENTS

<i>M.Yu. Treister</i> (Bonn, Germany), <i>I.V. Rukavishnikova</i> (Moscow), <i>D.V. Beylin</i> (Simferopol) – Silver and Bronze Jewellery from the 4th–3rd Centuries BC “Batyrskiy 1” burial ground, in the vicinity of Novorossiysk.....	5
<i>A.A. Zavoykin</i> (Moscow) – “Traces of Dionysus” in the Sanctuary of Demeter and Kora on the Fontalovsky Peninsula.....	39
<i>M.G. Abramzon</i> (Magnitogorsk), <i>N.I. Sudarev</i> (Moscow), <i>A.V. Surkov</i> (Rostov-on-Don) – The Coins from the Verkhnee Dzhemete 1 Estate, Chora of Gorgippia.....	59
<i>M.G. Abramzon</i> (Magnitogorsk) – Coins of Chersonesus/Cherson from Excavations at Phanagoria.....	77
<i>A.E. Tereshchenko</i> (Saint Petersburg) – Lead Tesserae and Coin-Like Pieces from 2021–2023 Excavations at Chersonesus.....	92
<i>V.I. Strelyaev</i> (Moscow) – Fortification System of the Don Meotian Sites of the 1st–3rd Centuries AD: Structure and Local Features.....	127
<i>V.Yu. Kononov</i> , <i>L.Yu. Ponomarev</i> (Simferopol) – Biritual Burial Ground of the 9th – First Half of the 10th cc. at the Varnavinskoye 2 Settlement in Zakubanye: Cremation Burials in Urn-Pots.....	138
<i>S.V. Semenova</i> (Azov), <i>L.L. Leonov</i> (Moscow–Simferopol) – Archaeozoological Assemblages from the Middle and Late Bronze Age Settlements on the Karalar Coast of the Azov Sea.....	161
<i>V.K. Maksimenzov</i> (Simferopol) – Towards Chronology and Circumstances of the Appearance of Undercut Graves in the Crimea in the Roman Period.....	170
<i>I.E. Surikov</i> (Moscow) – From the History of Athenian Oligarchic Coups d’État of Late 5th Century BC. II. Demagogues and Their Antagonists in the 410s BC.....	186
<i>A.G. Avdeev</i> , <i>A.V. Engovatova</i> (Moscow) – Burial of Ivan Andreevich Buturlin in the Trinity-St. Sergius Monastery: to the Question of the Date of Execution and Posthumous Fate of the Disgraced Man.....	201
<i>P.V. Kuzenkov</i> (Sevastopol), <i>Yu.M. Mogarichev</i> (Simferopol) – Epitaph of the Comites of Abraham and Cosmas in the “Temple with a Baptistery” (Inkerman, Crimea): Towards Dating the Temple.....	213

NEWS AND EVENTS

- V.V. Lebedinskiy, Yu.A. Pronina* (Moscow) – VIII International Scientific Conference “Historical, Cultural, Interethnic, Religious and Political Relations of Crimea with the Mediterranean Region and the East States” (Sevastopol, State Historical and Archaeological Museum-Reserve “Chersonesus Taurica”, June 3–8, 2024)..... 225

CRITICAL AND BIBLIOGRAPHICAL STUDIES

- A.V. Makhlaiuk* (Nizhny Novgorod) – Being an Emperor in the Roman World. New Answers to Old Questions..... 230

FROM SCIENCE HISTORY

- G.S. Chebyshev* (Moscow) – An Overview of the Western Historiography of the Study of Ancient Oil Lamps..... 247
- N.A. Antonova* (Moscow) – History of the Research of Hellenistic Necropoleis of the Cities of the Asiatic Bosphorus in Russian Historiography..... 258
- K.L. Sintserova* (Moscow) – The Mediterranean Ancient Rural Housing in the Hellenistic Period..... 271

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» обращается к авторам с просьбой присылать статьи, оформленные по следующим правилам:

Статьи присылаются на e-mail: history@magtu.ru; history.pifk@inbox.ru; текст должен быть напечатан в формате WORD 1997-2003 (doc.), иллюстрации в одном из распространенных форматов (jpg, tiff). Тексты на греческом языке рекомендуется набирать в формате Unicode.

Объем статей не должен превышать 1 авт. л., шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.

Поля: верхнее – 2 см., левое – 2,5 см., нижнее – 2 см., правое 1,5 см.

Статья должна иметь четкую структуру и состоять из 3-х основных частей: введения, основной части, заключения.

К статье необходимо приложить резюме на русском и английском языках (термины подлежат обязательному переводу; иностранные фамилии и географические названия даются в оригинале). **Резюме не менее двухсот слов и список ключевых слов (не более десяти)**, а также почтовый и электронный адреса авторов, место работы и должность, **ORCID!**

Кроме того, необходимо прислать заполненный и подписанный договор.

Ссылки даются в подстрочных примечаниях (в конце каждой страницы) со сквозной нумерацией по следующей системе: фамилия автора и год публикации без запятой, номер страницы, прим. (n., Ann., ect.), рис. (fig., Abb., ect.) или табл. (pl., Taf., ect.).

Например: Иванов 1972а, 536, рис. 2; 1972б, 56–59; Salvatori 1995, 67–68, fig.1.

Если в книге или статье не указан автор, обязательно указывается редактор или составитель.

Для литературных произведений, цитируемых в тексте статьи, даются ссылки в подстрочных примечаниях.

Ссылки на газеты:

Правда 21.05.1933.

Pravda 21.05.1933.

Полевой материал автора:

ПМА 2010, РБ, Бакалинский р-н, д. Юльtimiровка, с. Ахманово.

Для архивных документов:

ОР РНБ. Ф. 316. Д. 161. Л.1.

РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. №. 196. Л. 18–19 об.

Все поступающие в редакцию материалы проверяются на наличие заимствований из открытых источников, проверка выполняется с помощью системы Антиплагиат.ВУЗ. Статьи, содержащие элементы некорректных заимствований (более 30%), автоматически снимаются с рассмотрения. Публикация бесплатна.

ЛИТЕРАТУРА

Литература перечисляется в конце статьи в алфавитном порядке в двух списках (начала на языке статьи, потом транслитерированный список – **REFERENCES**) по следующей форме:

Фамилия и инициалы автора не выделяются курсивом. Между фамилией и инициалами ставится запятая. За ними без знака препинания ставится год издания, после него двоеточие и название работы. В конце библиографического описания год не повторяется.

Курсивом выделяется источник, из которого взята библиографическая статья, то есть, в случае, если это монография или сборник – курсивом выделяется само название монографии/сборника, например:

Для книг:

Галанина, Л.К. 1997: *Келермесские курганы (Степные народы Евразии, I)*. М.

Alexander, C. 1928: *The Metropolitan Museum of Art Jewelry. The Art of the Goldsmith in Classical Times*. L.–New York.

Для журнальных статей (обязательно указывается первая и последняя страницы статьи). Если это статья в журнале или сборнике, курсивом выделяется название журнала/сборника, оно **не отделяется** от названия статьи косыми чертами. Если указываемая Вами статья находится в сборнике или коллективной монографии (то есть не в периодическом издании), то в зарубежном описании перед ней ставится «**In:**», а в русском «**В сб.:**» или «**В кн.:**». Номер выпуска не отделяется от названия журнала знаками пунктуации. Страницы указываются через запятую после номера (для журналов) или после города выпуска (для сборников):

Ростовцев, М.И. 1917: Надпись на золотом сосуде из с. Мигулинской. *ИАК* 63, 106–108.

Аннинский, А.П. 2008: Беседа о странностях истории. *Родина* 2, 18–26.

Salvatori, S. 2000: Bactria and Margiana seals: a new assessment of their chronological position and a typological survey. *East and West* 50, 97–145.

Названия зарубежных журналов приводятся без сокращений, как и названия городов (в кириллическом описании сохраняются сокращения М., СПб., Л.)

Названия российских журналов сокращаются только в оригинальном библиографическом описании, в References указывается полное название журнала:

Для статей/ глав в книгах и сборниках (обязательно указываются фамилия и инициалы редактора/ов книги или сборника, а также первая и последняя страницы статьи):

Salvatori, S. 1998: Margiana archaeological map: the Bronze age settlement pattern. In:

A. Gubaev, G. Koshelenko & M. Tosi (eds.), *The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990–95*. Rome, 57–65.

Для книг/статей без авторов:

Сайко, Э.В. (ред.) 2001: *Город в процессах исторических переходов, теоретические аспекты и социокультурные характеристики*. М.

Для электронных документов:

Городецкий, С. 2011: *Письма с фронта*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Brooke, R. 2010: *His actual reaction to war*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.warpoeetry.co.uk/brooke2.html>

References

Описание русских, украинских и других работ, написанных не латинским (английским, французским, немецким, итальянским и т.п.) алфавитом, начинается с транслитерированной фамилии автора(ов). **Важно:** необходимо использовать ту транслитерацию фамилии(й), которая используется в издании, на которое Вы ссылаетесь. Если там нет транслитераций, воспользуйтесь или наиболее распространенной транслитерацией этой фамилии (если возможно), или транслитерируйте согласно общим правилам (см. ниже).

Библиографическое описание работ, опубликованных на языках, не использующих латинский алфавит, состоит из двух частей: транслитерации и перевода на английский язык.

Например:

Для книг:

Saprykin, S.Yu. 1996: *Pontiyskoe tsarstvo: gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'e* [*The Pontic Kingdom: the state of the Greeks and barbarians in the Black Sea*]. Moscow.

Для журнальных статей:

Pokrass, Yu. 1997: Klad zolotykh bosporskikh monet nachala I-go veka [A hoard of gold Bosporan coins from the early 1st century AD]. *Numizmatika i faleristika* [*Numismatics and Phaleristics*] 3, 4–6.

Kadeev, V.I. 1979: Khersones, Bospor i Rim v I v. do n.e. – III v. n.e. [Chersoneses, the Bosporus and Rome during the 1st century BC – 3rd century AD]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 55–76.

Для статей/ глав в книгах и сборниках:

Puzdrovskiy, A.E. 2001: Rimsko-bosporskaya voyna i etnopoliticheskaya situatsiya v Krymskoy Skifii v seredine I v. n.e. In: V.Yu. Zuev (ed.), *Bosporskiy fenomen: kolonizatsiya regiona. Formirovanie polisov. Obrazovanie gosudarstva* [*The Bosporan phenomenon: colonization of the region. Formation of poleises. Formation of the state*]. Pt. 2. Saint-Petersburg, 212–217.

Для электронных документов:

Gorodetskiy, S. 2011: *Pis'ma c fronta* [*Letters from the Front*], <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Правила транслитерации

Русский язык

а	а	з	z	п	p	ч	ch	я	ya
б	b	и	i	р	r	ш	sh		
в	v	й	y	с	s	щ	shch		
г	g	к	k	т	t	ъ	«		
д	d	л	l	у	u	ы	y		
е	e	м	m	ф	f	ь	'		
ё	ye	н	n	х	kh	э	e		
ж	zh	о	o	ц	ts	ю	yu		

а	a	ж	zh	м	m	ф	f	я	ja
б	b	з	z	н	n	х	h		
в	v	и	y	о	o	ц	c		
г	g	і	i	п	p	ч	ch		
ґ	g'	ї	i'	р	r	ш	sh		
д	d	й	j	с	s	щ	shh		
е	e	к	k	т	t	ь	'		
є	je	л	l	у	u	ю	ju		

Сокращения

К статье должен прилагаться список всех встречающихся в ней сокращений с их расшифровками

АО – Археологические открытия. Москва

IGBR – Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / G. Mihailov (ed.). Sofia, 1956

- Между цифрами ставится короткое тире (не дефис!), между цифрами и тире пробелы не ставятся (н., 153–160; I–II вв. н.э.)
- Длинное тире (—) вообще не используется, как и буква «ё»
- Сокращения для обозначения страниц не используются. Используются сокращенные обозначения для томов, колонок, таблиц, рисунков и т.д.

Статьи, оформленные не по правилам и без английского блока, к рассмотрению не принимаются!!!!

Решение о публикации выносится редколлегией на основе рецензирования рукописей и общим голосованием; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

Проблемы истории, филологии, культуры. № 1. 2025

Сдано в набор 03.03.2025. Подписано в печать 15.03.2025.

Дата выхода 31.03.2025.

Формат 70x1001/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,8. Уч.-изд. л. 33,9.

Бумага тип. №2. Тираж 440 экз. Заказ № .

Журнал распространяется бесплатно.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-67784 от 28 ноября 2016 г.
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель: Абрамзон М.Г.

Соучредители: Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова»,

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт археологии Российской Академии наук»

Редакция: 455000, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 26, каб. А1.

Издательство: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.